

A.D. 1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА Г.В.ЮДИНА

РУССКАЯ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРИСТОМАТІЯ.

ПРИМѢНИТЕЛЬНО

КЪ

УЧЕБНОМУ ПЛАНУ МУЖСКИХЪ ГИМНАЗІЙ И ПРОГРАММАМЪ: ЖЕНСКИХЪ ГИМНАЗІЙ, ДУХОВНЫХЪ СЕМИНАРІЙ И ВОЕННЫХЪ УЧИЛИЩЪ

СОСТАВИЛЪ

Petrov

К. ПЕТРОВЪ.

ЦѢНА 1 РУБ. 25 КОП.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

—

1873.

РУССКАЯ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРИСТОМАТІЯ.

примѣнительно

къ

учебному плану мужскихъ гимназій и программамъ: женскихъ гимназій, духовныхъ семинарій и военныхъ училищъ

составилъ

К. ПЕТРОВЪ.

САНТПЕТЕРБУРГЪ
ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ МОРСКАГО МИНИСТЕРСТВА
ВЪ ГЛАВНОМЪ АДМИРАЛТЕЙСТВѢ.
1873.

mur Aug-13-51

ОГЛАВЛЕНІЕ.

УСТНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

А. Остатки миѳической поэзіи.

1. Пѣсни.

3. Сказки.

4. Сказки о животныхъ.

Б. Былины.

В. Историческія пѣсни.

Г. Сатирическія сказки.

Е. Лирическія пѣсни.

КНИЖНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

А. Древній періодъ.

1. Лѣтопись Нестора.

21. Гоголь.

22. Лермонтовъ:

23. Кольцовъ.

24. Аксаковъ.

Изъ записокъ ружейнаго охотника:

Изъ Семейной хроники:

УСТНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

А. ОСТАТКИ МИѲИЧЕСКОЙ ПОЭЗІИ.

I. ПѢСНИ.

а. За рѣкою, за быстрою,
Ой коліодка! ой коліодка?
Лѣса стоятъ дремучіе,
Во тѣхъ лѣсахъ огни горятъ,
Огни горятъ великія,
Вокругъ огней скамьи стоятъ,
Скамьи стоятъ дубовыя,
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
Добры молодцы, красны дѣвицы,
Поютъ пѣсни коліодушки.
Ой коліодка! ой коліодка!
Въ срединѣ ихъ старикъ сидитъ,
Онъ точитъ свой булатный ножъ.
Котелъ кипитъ горючій,
Возлѣ котла козелъ стоитъ;
Хотятъ козла зарѣзати.
Ой коліодка! ой коліодка!
Ты, братецъ, Иванушко,
Ты выди, ты выпрыгни!
Я радъ-бы выпрыгнулъ:
Горючь камень
Къ котлу тянетъ,
Желты пески
Сердце высосали,
Ой коліодка! ой коліодка!

б. Коляда, коляда!
Пришла коляда
Наканунѣ Рождества;
Мы ходили, мы искали
Коляду святую
По всѣмъ подворамъ, по проулочкамъ.
Нашли коляду
У Петрова-то двора;
Петровъ-то дворъ желѣзный тынъ:
Среди двора три терема стоятъ,
Въ первомъ терему свѣтелъ мѣсяцъ,
Въ другомъ терему красно солнце,
А въ третьемъ терему частыя звѣзды.
Свѣтитъ мѣсяцъ—Петръ, сударь,
Свѣтъ Ивановичъ;
Красно солнце—Анна Кириловна;
Частыя звѣзды—то дѣти ихъ.
Здравствуй хозяинъ съ хозяюшкой,
На долгіе вѣки, на многія лѣта,

в. А мы просо сѣяли, сѣяли;
Ой Дидъ, Ладо, сѣяли, сѣяли!
А мы просо вытопчемъ, вытопчемъ;
Ой Дидъ, Ладо, вытопчемъ, вытопчемъ!
А чѣмъ же вамъ вытоптать, вытоптать?
Ой Дидъ, Ладо вытоптать, вытоптать!
А мы коней выпустимъ, выпустимъ;
Ой Дидъ, Ладо, выпустимъ, выпустимъ!
А мы коней переймемъ, переймемъ,
Ой Дидъ, Ладо, переймемъ, переймемъ!
А чѣмъ же вамъ перенять, перенять?
Ой Дидъ, Ладо, перенять, перенять!
Шелковымъ поводомъ, поводомъ!
Ой Дидъ, Ладо, поводомъ, поводомъ!

А мы коней выкупимъ, выкупимъ;
Ой Дидъ, Ладо, выкупимъ, выкупимъ!
А чѣмъ же вамъ выкупить, выкупить?
Ой Дидъ, Ладо, выкупить, выкупить!
А мы дадимъ сто рублей, сто рублей;
Ой Дидъ, Ладо, сто рублей, сто рублей!
Не надо намъ тысячи, тысячи;
Ой Дидъ, Ладо, тысячи, тысячи!
А что же вамъ надобно, надобно?
Ой Дидъ. Ладо, надобно, надобно!
Намъ-то надобно дѣвицу, дѣвицу;
Ой Дидъ, Ладо, дѣвицу, дѣвицу!
А нашего полку убыло, убыло;
Ой Дидъ, Ладо, убыло, убыло!
А нашего полку прибыло, прибыло;
Ой Дидъ, Ладо, прибыло, прибыло!

г. Хороненіе золота.

ХОРЪ:

И я золото хороню, хороню,
Чисто серебро хороню, хороню,
Я у батюшки въ терему, въ терему,
Я у матушки въ высокомъ, въ высокомъ,
Гадай, гадай, дѣвица, отгадывай, красная:
Въ коей руки былица,
Змѣиныя крылица?

ДѢВУШКА ВЪ КРУГУ:

И я рада бы гадала,
Кабы знала, вѣдала,
Черезъ поле идучи,
Русу косу плетучи,
Шелкомъ перевиваючи,
Златомъ приплетаючи.
Ахъ вы, кумушки, вы голубушки,
Вы скажите, не утайте,
Мое золото отдайте!
Меня мати хочетъ бити,
По три утра, по четыре,
По три прута золотые,
Четвертымъ жемчужнымъ.

ХОРЪ:

Палъ, палъ перстень
Въ калину въ малину,
Въ черную смородину...
Дѣвушки гадали,
Да не отгадали...
Наше золото пропало,
Чистымъ порохомъ запало,
Призаиндивѣло, призаплеснѣвѣло.
Молодай ка, отгадай-ка!

(Снегир. II, 82).

---

2. ПОСЛОВИЦЫ.

1. Солнце днемъ работаетъ, а ночью отдыхъ беретъ.
2. Который богъ замочитъ, тотъ и высушитъ.
3. Чѣмъ чортъ не шутитъ, когда Богъ спитъ.
4. Зайдетъ солнце и къ намъ на дворъ.
5. Врагъ силенъ—валяетъ и въ синемъ.
6. Сѣрый волкъ на небѣ звѣзды ловитъ.
7. Сказалъ бы словечко, да волкъ недалечко.
8. Изъ пустого дупла либо сычъ, либо сова, либо самъ сатана.
9. Горы да овраги—чертово житье.
10. Изъ омута въ адъ, какъ рукою подать.
11. Жилъ въ лѣсу, молился пнямъ.
12. Всякому чорту вольно въ своемъ болотѣ бродить.
13. Вѣнчали вкругъ ели, а черти пѣли.
14. Обреченная скотинка ужъ не животинка.
15. Взялъ боженьку за ноженьку, да и объ полъ.

(Изъ 1-го т. Очерковъ г. Буслаева).

---

3. СКАЗКИ.

а. Звѣриное молоко.

Жилъ-былъ царь, у него были сынъ да дочь. Въ сосѣднемъ государствѣ случилась бѣда немалая—вымеръ весь народъ; проситъ Иванъ-царевичъ отца: «батюшка! благослови меня въ то государство на житье ѣхать». Отецъ не согласенъ. «Коли такъ, я и самъ пойду!» Пошелъ Иванъ-царевичъ, а сестра не захотѣла отъ него отстать и сама пошла. Шли они нѣсколько времени. Стоитъ въ чистомъ полѣ избушка на куриныхъ ножкахъ и повертывается; Иванъ-царевичъ сказалъ; «избушка, избушка! стань по старому, какъ мать поставила». Избушка остановилась, они взошли въ нее, а тамъ лежитъ баба-яга, носъ въ потолокъ уткнула. «Здравствуй, Иванъ-царевичъ! что̀ дѣла пытаешь, аль отъ дѣла лытаешь»? — «Гдѣ дѣла пытаю, а гдѣ и отъ дѣла лытаю; въ такомъ-то царствѣ народъ вымеръ, иду туда на житье». Она ему говоритъ: «самъ бы туда шелъ, а сестру напрасно взялъ; она тебѣ много вреда сдѣлаетъ». Напоила ихъ, накормила, и спать положила. На другой день братъ съ сестрой собираются въ дорогу; баба-яга даетъ Ивану-царевичу собаку да синій клубочекъ: «куда клубочекъ покатится, туда и иди!» Клубочекъ подкатился къ другой избушкѣ на куриныхъ ножкахъ. «Избушка, избушка! стань по старому, какъ мать поставила». Избушка остановилась, царевичъ съ царевною взошли въ нее; лежитъ баба-яга и спрашиваетъ: «что, Иванъ-царевичъ, отъ дѣла лытаешь, али дѣла пытаешь?» Онъ ей сказалъ, куда и зачѣмъ идетъ. «Самъ бы туда шелъ, а сестру напрасно взялъ, она тебѣ много вреда сдѣлаетъ». Напоила ихъ, накормила, и спать положила. На утро подарила Ивану-царевичу собаку и полотенце: «будетъ у тебя на пути большая рѣка—перейти нельзя; ты возьми это полотенце да махни однимъ концомъ — тотчасъ явится мостъ; а когда перейдешь на ту сторону, махни другимъ концомъ—и мостъ пропадетъ: Да смотри: махай украдкою, чтобь сестра не видѣла». Пошелъ Иванъ-царевичъ съ сестрою въ путь-дорогу: куда клубокъ катится, туда и идутъ. Подошли къ широкой-широкой рѣкѣ. Сестра говоритъ: «братецъ! сядемъ тутъ отдохнутъ». Сѣла и не видала, какъ царевичъ махнулъ полотенцомъ — тотчасъ мостъ явился. «Пойдемъ, сестрица! Богъ далъ мостъ, чтобы перейти намъ на ту сторону». Перешли за рѣку; царевичъ украдкою махнулъ другимъ концомъ полотенца — мостъ пропалъ, какъ не бывало! Приходятъ они въ то самое царство, гдѣ народъ вымеръ: никого нѣтъ, вездѣ пусто! Прообжилися немножко; вздумалось брату пойти на охоту, и пошелъ онъ съ своими собаками бродить по лѣсамъ, по болотамъ.

Въ это время прилетаетъ къ рѣкѣ змѣй Горынычъ; ударился о сыру землю и сдѣлался такимъ молодцомъ да красавцемъ, что ни вздумать, ни взгадать, только въ сказкѣ сказать. Зоветъ къ себѣ царевну: «ты, говоритъ, меня измучила, тоской изсушила; я безъ тебя жить не могу! «Полюбился змѣй-Горынычъ царевнѣ, кричитъ ему: «лети сюда черезъ рѣку!»—Не могу перелетѣть. «А я что-же сдѣлаю?»—У твоего брата есть полотенце, возьми его, принеси къ рѣкѣ и махни однимъ концомъ. «Онъ мнѣ не дастъ!»—Ну, обмани его; скажи, будто вымыть хочешь. Приходитъ царевна во дворецъ; на ту пору и братъ ея возвратился съ охоты. Много всякой дичи принесъ, и отдаетъ сестрѣ, чтобъ завтра къ обѣду приготовила. Она спрашиваетъ: «братецъ! нѣтъ ли у васъ чего вымыть изъ чорнаго бѣлья? — Сходи, сестрица, въ мою комнату; тамъ найдешь—сказалъ Иванъ-царевичъ и совсѣмъ забылъ о полотенцѣ, что̀ баба-яга подарила да не велѣла царевнѣ показывать. Царевна взяла полотенце; на другой день братъ на охоту, она къ рѣкѣ, махнула однимъ концомъ полотенца — и въ ту-жъ минуту мостъ

явился. Змѣй перешелъ по мосту. Стали они цѣловаться, миловаться; потомъ пошли во дворецъ. «Какъ-бы намъ, говоритъ змѣй, твоего брата извести?»— Придумай самъ, а я не вѣдаю, отвѣчаетъ царевна. «Вотъ что: притворись больною и пожелай волчьяго молока; онъ пойдетъ молоко добывать — авось голову свернетъ!» Воротился братъ, сестра лежитъ на постели, жалуется на болѣзнь свою, и говоритъ: «братецъ! во снѣ я видѣла, будто отъ волчьяго молока поздоровѣю; нельзя ли гдѣ добыть? а то смерть моя приходитъ! Иванъ-царевичъ пошелъ въ лѣсъ—кормитъ волчиха волчонковъ, хотѣлъ ее застрѣлить, она говоритъ ему человѣческимъ голосомъ: «Иванъ-царевичъ! не стрѣляй, не губи меня, не дѣлай моихъ дѣтей сиротами; лучше скажи, что тебѣ надобно?» — Мнѣ нужно твоего молока. «Изволь, надои; еще дамъ въ придачу волчонка; онъ тебѣ станетъ вѣрой-правдой служить». Царевичъ надоилъ молока, взялъ волчонка, идетъ домой. Змѣй увидалъ, сказываетъ царевнѣ: «твой братъ идётъ, волчонка несетъ; скажи ему, что тебѣ медвѣжьяго молока хочется». Сказалъ и оборотился вѣникомъ. Царевичъ вошелъ въ комнату; за нимъ слѣдомъ собаки вбѣжали, услыхали нечистой духъ и давай теребить вѣникъ —только прутья летятъ! «Что это такое, братецъ! закричала царевна, уймите вашу охоту: а то завтра и подмести нечѣмъ будетъ!» Иванъ-царевичъ унялъ свою охоту и отдалъ ей волчье молоко. Поутру спрашиваетъ братъ сестру: «каково тебѣ сестрица?»— Немножко полегчило; если-бъ ты, братецъ, принесъ еще медвѣжьяго молока— я бы совсѣмъ выздоровѣла. Пошелъ царевичъ въ лѣсъ, видитъ: медвѣдиха дѣтей кормитъ, прицѣлился, хотѣлъ ее застрѣлить; взмолилась она человѣческимъ голосомъ: «не стрѣляй меня, Иванъ-царевичъ! не дѣлай моихъ дѣтей сиротами; скажи: что тебѣ надобно?»— Мнѣ нужно твоего молока. «Изволь; еще дамъ въ придачу медвѣженка». Царевичъ надоилъ молока, взялъ медвѣженка идетъ назадъ. Змѣй увидалъ, говоритъ царевнѣ: «твой братъ идетъ, медвѣжонка несетъ: пожелай еще львинаго молока». Вымолвилъ и оборотился помеломъ; она сунула его подъ печку. Вдругъ прибѣжала охота Ивана-царевича, почуяла нечистой духъ, бросилась подъ печку и давай тормошить помело. «Уймите, братецъ, вашу охоту; а то завтра нечѣмъ будетъ печки замести». Царевичъ прикрикнулъ на своихъ собакъ; онѣ улеглись подъ столъ, а сами такъ и рычатъ. На утро опять царевичъ спрашиваетъ: каково тебѣ, сестрица?»—Нѣтъ, не помогаетъ, братецъ! а снилось мнѣ нынѣшнюю ночь: если-бъ ты добылъ молока отъ львицы—я бы вылѣчилась. Пошелъ царевичъ въ густой-густой лѣсъ, долго ходилъ—наконецъ увидѣлъ: кормитъ львица малыхъ львенковъ, хотѣлъ ее застрѣлить: говоритъ она человѣческимъ голосомъ: «не стрѣляй меня, Иванъ-царевичъ! не дѣлай моихъ дѣтушекъ сиротами; лучше скажи, что тебѣ надобно?»—Мнѣ нужно твоего молока. «Изволь, еще одного львенка въ придачу дамъ». Царевичъ надоилъ молока, взялъ львенка, идетъ домой. Змѣй Горынычъ увидалъ, говоритъ царевнѣ: «твой братъ идетъ, львенка несетъ!» и сталъ выдумывать, какъ бы его уморить. Думалъ-думалъ, наконецъ выдумалъ послать его въ тридесятое государство; въ томъ царствѣ есть мельница за двѣнадцатью дверями желѣзными, разъ въ годъ отворяются—и то на короткое время; не успѣешь оглянуться, какъ двери захлопнутся. «Пусть-ка попробуетъ, достанетъ изъ той мельницы мучной пыли!» Вымолвилъ эти рѣчи и оборотился ухватомъ; царевна кинула его подъ печку. Иванъ-царевичъ вошелъ въ комнату, поздоровался и отдалъ сестрѣ львиное молоко; опять собаки почуяли змѣиной духъ, бросились подъ печку и начали ухватъ грызть. «Ахъ братецъ! уймите вашу охоту; еще разобьютъ что-нибудь!» Иванъ-царевичъ закричалъ на собакъ; онѣ улег-

лись подъ столомъ, а сами все на ухватъ смотрятъ да злобно рычатъ. Къ утру расхворалась царевна пуще прежняго, охаетъ, стонетъ. «Что съ тобою, сестрица? спрашиваетъ братъ, али нѣтъ отъ молока пользы?»—Никакой братецъ! и стала его посылать на мельницу. Иванъ - царевичъ насушилъ сухарей, взялъ съ собой и собакъ и звѣрей своихъ, и пошелъ на мельницу. Долго прождалъ онъ, пока время настало и растворились двѣнадцать желѣзныхъ дверей; царевичъ взошелъ внутрь, на̀ скоро намелъ мучной пыли и только что̀ успѣлъ выйдти, какъ вдругъ двери за нимъ захлопнулись, и осталась охота его на мельницѣ взаперти. Иванъ-царевичъ заплакалъ: «видно, смерть моя близко!» Воротился домой; змѣй увидалъ, что онъ одинъ, безъ охоты, идетъ: «ну, говоритъ, теперь его не боюсь!» выскочилъ къ нему на встрѣчу; разинулъ пасть и крикнулъ: «долго я до тебя добирался, царевичъ! ужъ и ждать надоѣло; а вотъ таки добрался же — сейчасъ тебя съѣмъ!»—Погоди меня ѣсть, лучше вели въ баню сходить да напередъ вымыться. — Змѣй согласился и велѣлъ ему самому и воды натаскать, и дровъ нарубить, и баню истопить. Иванъ-царевичъ началъ дрова рубить, воду таскать. Прилетаетъ воронъ и каркаетъ: «каръ каръ Иванъ-царевичъ! руби дрова, да не скоро; твоя охота четверо дверей прогрызла». Онъ что нарубитъ, то въ воду покидаетъ. А время идетъ да идетъ; нечего дѣлать — надо баню топить. Воронъ опять каркаетъ: «каръ-каръ, Иванъ-царевичъ! топи баню, да не скоро, твоя охота восемь дверей прогрызла». Истопилъ баню, началъ мыться, а на умѣ одно держитъ: «еслибъ моя охота да ко времени подоспѣла!» Вотъ прибѣгаетъ собака: онъ говоритъ: «ну, двоимъ смерть не страшна!» За той собакой и всѣ прибѣжали. Змѣй Горынычъ долго поджидалъ Ивана-царевича, не вытерпѣлъ и пошелъ самъ въ баню. Вскочила на него вся охота и разорвала на мелкіе кусочки. Иванъ-царевичъ собралъ тѣ кусочки въ одно мѣсто, сжегъ ихъ огнемъ, а пепелъ развѣялъ по чистому полю. Идетъ со своею охотою во дворецъ, хочетъ сестрѣ голову отрубить; она пала предъ нимъ на колѣни, начала плакать, упрашивать. Царевичъ не сталъ ее казнить, а вывелъ на дорогу, посадилъ въ каменный столбъ, возлѣ положилъ вязанку сѣна да два чана поставилъ; одинъ съ водою, другой—порожній. И говоритъ: «если ты эту воду выпьешь, это сѣно съѣшь, да наплачешь полонъ чанъ слезъ, тогда Богъ тебя проститъ, и я прощу».

Оставилъ Иванъ-царевичъ сестру въ каменномъ столбѣ и пошелъ съ своею охотою за тридевять земель; шелъ-шелъ, приходитъ въ большой знатной городъ; видитъ половина народа веселится да пѣсни поетъ, а другая горючьми слезами заливается. Попросился ночевать къ одной старушкѣ, и спрашиваетъ: «скажи, бабушка, отчего у васъ половина народа веселится, пѣсни поетъ, а другая навзрыдъ плачетъ?» Отвѣчаетъ ему старуха: «охъ, батюшка! поселился на нашемъ озерѣ двѣнадцатиглавый змѣй, кажнную ночь прилетаетъ да людей поѣдаетъ; для того у насъ очередь положена — съ какого конца въ какой день на съѣденіе давать. Вотъ тѣ, которые отбыли свою очередь, веселятся, а которые—нѣтъ, тѣ рѣкой разливаются».—А теперь за кѣмъ очередь?—Да теперь выпалъ жеребій на царскую дочь; только одна и есть у отца, и ту отдавать приходится. Царь объявилъ, что если выищется кто, да убьетъ этого змѣя, такъ онъ пожалуетъ его половиною царства и отдастъ за него царевну замужъ, да гдѣ нынче богатыри-то? за наши грѣхи всѣ перевелись!» Иванъ-царевичъ тотчасъ собралъ свою охоту и пошелъ къ озеру, а тамъ ужъ стоитъ прекрасная царевна и горько плачетъ. «Не бойся, царевна; я твоя оборона!» Вдругъ озеро взволновалося-всколыхалося, появился двѣнадцатиглавой змѣй. «А, Иванъ-царевичъ, русской богатырь

ты сюда зачѣмъ пришелъ? Драться али мириться хочешь?» — «Почто мириться? русской богатырь не за тѣмъ ходитъ», отвѣчалъ царевичъ и напустилъ на змѣя всю свою охоту: двухъ собакъ, волка, медвѣдя и льва. Звѣри въ мигъ его на клочки разорвали. Иванъ-царевичъ вырѣзалъ языки изо всѣхъ двѣнадцати змѣиныхъ головъ, положилъ себѣ въ карманъ, охоту гулять распустилъ, а самъ легъ на колѣни къ царевнѣ и крѣпко заснулъ. Рано утромъ пріѣхалъ водовозъ съ бочкою, смотритъ — змѣй убитъ, а царевна жива и у ней на колѣняхъ спитъ доброй молодецъ. Водовозъ подбѣжалъ, выхватилъ мечъ и снесъ Ивану-царевичу голову, а съ царевны вымучилъ клятву, что она признаетъ его своимъ избавителемъ. Потомъ собралъ онъ змѣиныя головы и повезъ ихъ къ царю; а того и не зналъ, что головы-то безъ языковъ были. Ни много, ни мало прошло времени, прибѣгаетъ на то мѣсто охота Ивана-царевича; царевичъ безъ головы лежитъ. Левъ прикрылъ его травою, а самъ возлѣ сѣлъ. Налетѣли вороны съ воронятами мертвечины поклевать; левъ изловчился, поймалъ вороненка и хочетъ его на̀двое разорвать. Старой воронъ кричитъ: «не губи моего дѣтенка; онъ тебѣ ничего не сдѣлалъ! Коли нужно что̀, приказывай— все исполню». Мнѣ нужно мертвой и живой воды, отвѣчаетъ левъ; принеси, тогда и вороненка отдамъ. Воронъ полетѣлъ, и солнце еще не сѣло — какъ воротился и принесъ два пузырька мертвой и живой воды. Левъ разорвалъ вороненка, спрыснулъ мертвой водой — куски срослися, спрыснулъ живой водой — вороненокъ ожилъ и полетѣлъ вслѣдъ за старымъ ворономъ. Тогда левъ спрыснулъ мертвою водою и живою водой Ивана-Царевича: онъ всталъ и говоритъ: «какъ я долго спалъ!» — Вѣкъ бы тебѣ спать, кабы не я! отвѣчалъ ему левъ и разсказалъ, какъ нашелъ его убитымъ и какъ воротилъ къ жизни.

Приходитъ Иванъ-царевичъ въ городъ; въ городѣ всѣ веселятся, обнимаются, цѣлуются, пѣсни поютъ. Спрашиваетъ онъ старуху; «скажи, бабушка, отчего у васъ такое веселье?» — Да вишь какой случай вышелъ: водовозъ повоевалъ змѣя и спасъ царевну; царь выдаетъ теперь за него свою дочь замужъ. «А можно мнѣ посмотрѣтъ на свадьбу»?—Коли умѣешь на чемъ играть, такъ иди; тамъ теперь всѣхъ музыкантовъ примаютъ. «Я умѣю на гусляхъ играть». — Ступай! царевна до смерти любитъ слушать, когда ей на гусляхъ играютъ. Иванъ-царевичъ купилъ себѣ гусли и пошелъ во дворецъ. Заигралъ— всѣ слушаютъ, удивляются: откуда такой славной музыкантъ проявился? Царевна наливаетъ рюмку вина и подноситъ ему изъ своихъ рукъ; глянула и припомнила своего избавителя: слезы изъ глазъ такъ и посыпались! «О чемъ плачешь?» спрашиваетъ ее царь. Она говоритъ: «вспомнила про своего избавителя». Тутъ Иванъ-царевичъ объявилъ себя царю, разсказалъ все, какъ было, а въ доказательство вынулъ изъ кармана змѣиные языки. Водовоза подхватили подъ-руки, повели и разстрѣляли, а Иванъ-царевичъ женился на прекрасной царевнѣ. На радостяхъ вспомнилъ онъ про свою сестру, поѣхалъ къ каменному столбу—она сѣно съѣла, воду выпила, полонъ чанъ слезъ наплакала. Иванъ-царевичъ простилъ ее и взялъ къ себѣ; стали всѣ вмѣстѣ жить-поживать, добра наживать, лиха избывать.

(Изъ сказокъ Аѳанасьева).

б. Баба-яга.

Жили-были мужъ съ женой и прижили дочку; жена то и помри. Мужикъ женился на другой, и отъ этой прижилъ дочь. Вотъ жена и не взлюбила падчерицу; пѣтъ житья сиротѣ. Думалъ думалъ нашъ мужикъ, и повезъ свою дочь въ лѣсъ. Ѣдетъ лѣсомъ—глядитъ: стоитъ избушка на курьихъ ножкахъ. Вотъ и говоритъ мужикъ: «избушка, избушка, стань къ

лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ». Избушка и поворотилась. Идетъ мужикъ въ избушку, а въ ней лежитъ Баба-Яга: впереди голова, въ одномъ углу нога, въ другомъ другая. «Русскимъ духомъ пахнетъ», говоритъ Яга. Мужикъ кланяется: «Баба-Яга, костяная нога, я тебѣ дочку привезъ въ услуженье».— Ну хорошо! служи мнѣ, говоритъ Яга дѣвушкѣ; я тебя за это награжу.—Отецъ простился и поѣхалъ домой. А Баба-Яга задала дѣвушкѣ пряжи съ коробъ, печку истопить, всего припасти, а сама ушла. Вотъ дѣвушка хлопочетъ у печи, а сама горько плачетъ. Выбѣжали мышки и говорятъ ей: «дѣвица, дѣвица, что ты плачешь? дай кашки, мы тебѣ добренько скажемъ.» Она дала имъ кашки.—А вотъ, говорятъ, ты на всякое веретенцо по ниточкѣ напряди. Пришла Баба-Яга. «Ну что, говоритъ, все ли ты припасла?» А у дѣвушки все готово. «Ну топерь, поди вымой меня въ банѣ.» Похвалила Яга дѣвушку и надавала ей разной *сряды* (*).—Опять Яга ушла, и еще труднѣе задала задачу. Дѣвушка опять плачетъ. Выбѣгаютъ мышки. «Что ты, говорятъ, дѣвица красная, плачешь? дай кашки; мы тебѣ добренько скажемъ». Она дала имъ кашки, а онѣ опять научили ее: что и какъ сдѣлать. Баба-Яга опять пришодчи ее похвалила и еще больше дала *сряды*... А мачиха посылаетъ мужа провѣдать, жива ли его дочь? Поѣхалъ мужикъ; пріѣзжаетъ и видитъ, что дочь богатая—пребогатая стала. Яги не было дома; онъ и взялъ ее съ собой. Подъѣзжаютъ они къ своей деревнѣ, а собачка дома такъ и рвется: хамъ, хамъ, хамъ! барыню везутъ, барыню везутъ! Мачиха выбѣжала да скалкой собачку: «врешь, говоритъ, скажи: въ коробѣ косточки гремятъ.» А собачка все свое. Пріѣхали. Мачиха такъ и гонитъ мужа—и ее (ея) дочь туда же отвезти. Отвезъ мужикъ.

(*) Сряда—нарядное платье (Опытъ Обл. Велик. слов. стр. 214).

Вотъ Баба-Яга задала ей работы, а сама ушла. Дѣвка такъ и рвется съ досады и плачетъ. Выбѣгаютъ мыши: «дѣвица, дѣвица! о чемъ ты, говорятъ, плачешь?» А она не дала имъ выговорить, то тое скалкой, то другую; съ ними и провозилась, а дѣла-то не придѣлала. Яга пришла, разсердилась. Въ другой разъ опять тоже; Яга изломала ее, да косточки въ коробъ и склала. Вотъ мать посылаетъ мужа за дочерью. Пріѣхалъ отецъ, и повезъ однѣ косточки. Подъѣзжаетъ къ деревнѣ, а собачка опять лаетъ на крылечкѣ: хамъ, хамъ, хамъ, въ коробѣ косточки везутъ! Мачиха бѣжитъ со скалкой: «врешь, говоритъ, скажи: барыню везутъ!» А собачка все свое: «хамъ, хамъ, хамъ— въ коробѣ косточки гремятъ!» Пріѣхалъ мужъ; тутъ-то жена взвыла! Вотъ тебѣ скалка, а мнѣ кринка масла.

---

4. СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХЪ.

а. Лиса.

Жилъ себѣ дѣдъ да баба. Дѣдъ говоритъ бабѣ: ты, баба, пеки пироги, а я пойду за рыбой. Наловилъ рыбы и везетъ домой цѣлый возъ. Вотъ ѣдетъ онъ и видитъ: лисичка свернулась калачикомъ и лежитъ на дорогѣ. Дѣдъ слѣзъ съ воза, подошелъ къ лисичкѣ, а она не ворохнется, лежитъ себѣ какъ мертвая. «Вотъ будетъ подарокъ женѣ», сказалъ дѣдъ, взялъ лисичку и положилъ на возъ, а самъ пошелъ впереди. А лисичка улучила время и стала выбрасывать изъ воза все по рыбкѣ да по рыбкѣ, все по рыбкѣ—да по рыбкѣ. Повыбрасала всю рыбу, и сама ушла. «Ну, старуха, говоритъ дѣдъ, какой воротникъ привезъ я тебѣ на шубу».— Гдѣ? — «Тамъ на возу — и рыба и воротникъ». Подошла баба къ возу: ни воротника, ни рыбы, и начала ругать мужа: ахъ ты, старой хрѣнъ! такой -

сякой! ты еще вздумалъ обманывать! Тутъ дѣдъ смекнулъ, что лисичка-то была не мертвая; погоревалъ, погоревалъ, да дѣлать-то нечего. А лисичка собрала всю разбросанную по дорогѣ рыбу въ кучку, сѣла и ѣстъ себѣ. На встрѣчу ей идетъ волкъ. Здравствуй, кумушка! — Здравствуй куманекъ! — Дай мнѣ рыбки! — Налови самъ, да и ѣшь. — «Я не умѣю». — Эка, вить я же наловила; ты, куманекъ, ступай на рѣку, опусти хвостъ въ пролубь, — рыба сама на хвостъ нацѣпляется, да смотри, сиди подольше, а то не наловишь. Волкъ пошелъ на рѣку, опустилъ хвостъ въ пролубь, — дѣло-то было зимою. Ужь онъ сидѣлъ, сидѣлъ, цѣлую ночь просидѣлъ, хвостъ его и приморозило; попробовалъ было приподняться: не тутъ-то было. «Эка, сколько рыбы привалило, и не вытащишь», думаетъ онъ. Смотритъ, а бабы идутъ за водой и кричатъ, завидя сѣраго: «волкъ, волкъ! бейте его! бейте его!» Прибѣжали и начали колотить волка — кто коромысломъ, кто ведромъ, чѣмъ кто попало. Волкъ прыгалъ, прыгалъ, оторвалъ себѣ хвостъ и пустился безъ оглядки бѣжать. «Хорошо же, думаетъ, ужь я тебѣ отплачу, кумушка!»

А лисичка-сестричка, покушамши рыбки, захотѣла попробовать, не удастся ли еще что нибудь стянуть; забралась въ одну избу, гдѣ бабы пекли блины, да попала головой въ кадку съ тѣстомъ, вымазалась и бѣжитъ. А волкъ ей на встрѣчу: такъ-то учишь ты? меня всего исколотили! — Эхъ, куманекъ, говоритъ лисичка-сестричка, у тебя хоть кровь выступила, а у меня мозгъ, меня больнѣй твоего прибили; я насилу плетусь. — И то правда, говоритъ волкъ; гдѣ тебѣ, кумушка, ужъ идти; садись на меня, я тебя довезу. Лисичка сѣла ему на спину, онъ и понесъ. Вотъ лисичка-сестричка сидитъ, да потихоньку и говоритъ: «битый не-битаго везетъ, битый не-битаго везетъ!» — Что ты, кумушка, говоришь? — Я, куманекъ, говорю: битый битаго везетъ. «Такъ, кумушка, такъ!»

— Давай, куманекъ, построимъ себѣ хатки. — «Давай, кумушка!» — Я себѣ построю лубяную, а ты себѣ ледяную. Принялись за работу, сдѣлали себѣ хатки: лисичкѣ — лубяную, а волку ледяную; и живутъ въ нихъ. Пришла весна, волчья хатка и растаяла. — А, кумушка, говоритъ волкъ, ты меня опять обманула; надо тебя за это съѣсть. «Пойдемъ, куманекъ, еще поканаемся, кому-то кого достанется ѣсть». Вотъ лисичка-сестричка привела его въ лѣсъ къ глубокой ямѣ и говоритъ: прыгай; если ты перепрыгнешь черезъ яму — тебѣ меня ѣсть, а не перепрыгнешь — мнѣ тебя ѣсть. Волкъ прыгнулъ и попалъ въ яму. «Ну, говоритъ лисичка, сиди же тутъ!» — и сама ушла.

Идетъ она, несетъ скалочку въ лапкахъ, и просится къ мужичку въ избу: «пусти лисичку-сестричку переночевать». — У насъ и безъ тебя тѣсно. «Я не потѣсню васъ; сама лягу на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, скалочку подъ печку». Ее пустили. Она легла сама на лавочку, хвостикъ подъ лавочку и т. д. Рано поутру лисичка встала, сожгла свою скалочку, а послѣ спрашиваетъ: «гдѣ же моя скалочка, я за нее и гусочку не возьму». Мужикъ — дѣлать нечево — отдалъ ей за скалочку гусочку; взяла лисичка гусочку: идетъ и поетъ:

Ишла лисичка-сестричка по дорожкѣ,
Несла скалочку,
За скалочку — гусочку!

Стукъ, стукъ, стукъ! стучится она въ избу къ другому мужику. — Кто тамъ? «Я лисичка-сестричка, пустите переночевать». — У насъ и безъ тебя тѣсно. «Я не потѣсню васъ; сама лягу на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, гусочку подъ печку. Рано утромъ она вскочила, схватила гусочку, ощипала ее, съѣла и говоритъ: «гдѣ же моя гусочка? я за нее индюшечку не возьму!» Мужикъ — дѣлать нечего — отдалъ ей за гусочку индюшечку; взяла лисичка индюшечку, идетъ и поетъ:

Ишла лисичка-сестричка по дорожкѣ,
Несла скалочку,
За скалочку — гусочку,
За гусочку — индюшечку!

Стукъ, стукъ, стукъ! стучится она въ избу къ третьему мужику. — Кто тамъ? «Я лисичка-сестричка; пустите переночевать. — У насъ и безъ тебя тѣсно.— Я не потѣсню васъ, сама лягу на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, индюшечку подъ печку. Ее пустили; вотъ она легла на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, индюшечку подъ печку. Рано утромъ лисичка вскочила, схватила индюшечку, ощипала ее, съѣла и говоритъ: «гдѣ же моя индюшечка? я за нее не возьму и невѣсточку». Мужикъ —дѣлать нечего — отдалъ ей за индюшечку — невѣсточку. Лисичка посадила ее въ мѣшокъ, идетъ и поетъ:

Ишла лисичка-сестричка по дорожкѣ,
Несла скалочку;
За скалочку—гусочку,
За гусочку—индюшечку,
За индюшечку—невѣсточку!

Стукъ, стукъ, стукъ! стучится она въ избу къ четвертому мужику.—Кто тамъ? —Я лисичка-сестричка; пустите переночевать.—У насъ и безъ тебя тѣсно.—Я не потѣсню васъ; сама лягу на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, а мѣшокъ подъ печку. Ее пустили; она легла на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, а мѣшокъ подъ печку. Мужикъ потихоньку выпустилъ изъ мѣшка невѣсточку, а впихалъ туда собаку. Вотъ по утру лисичка-сестричка собралась въ дорогу, взяла мѣшокъ, идетъ и говоритъ: невѣсточка, пой пѣсни! а собака какъ зарычитъ. Лисичка испугалась, какъ шваркнетъ мѣшокъ съ собакою, да бѣжать. Собака за лисой, лиса отъ собаки побѣжала въ нору. Собака стоитъ у норы, а лиса сама съ собою говоритъ: «ноги, что вы дѣлали?—Мы бѣжали. А вы, глазки?—Мы глядѣли. А вы, уши? — Мы слушали. А ты, хвостъ?—Я, говоритъ, тебѣ подъ ноги мѣшался, чтобъ ты упала». У ту пору лиса осердилась на хвостъ и высунула его изъ норы: на, собака, ѣшь хвостъ! Собака ухватила лису за хвостъ вытащила ее, и разорвала.

(Изъ Сказокъ Аѳанасьева).

6. Котъ и баранъ.

Жилъ себѣ старикъ да старуха, у нихъ былъ котъ да баранъ. Старуха укопъ копитъ, а котъ проказитъ. «Старикъ, говоритъ, старуха, у насъ на погребѣ не здорово!»—Надо поглядѣть, говоритъ ей старикъ, не со стороны ли кто блудитъ.—Вотъ пошла старуха на погребъ и усмотрѣла: котъ сдвинулъ лапой съ горшка покрышку и слизываетъ себѣ сметанку; выгнала кота изъ погреба и пошла въ избу, а котъ напередъ прибѣжалъ и запрятался на печи въ углу. «Хозяинъ! сказываетъ старуха, вотъ мы не вѣрили, что котъ блудитъ, а самой я есть; давай его убьемъ!» Котъ услыхалъ эти рѣчи, какъ бросится съ печки да бѣгомъ къ барану въ хлѣвъ, и началъ его обманывать: «брате баранъ! меня хотятъ завтра убити, тебя зарѣзати». И сговорились они оба бѣжать ночью отъ хозяина. «Какъ же быть? спрашиваетъ баранъ; радъ бы я съ тобой лыжи навострить, хлѣвъ то запертъ!»— Ничего! Котъ тотчасъ взобрался на дверь, скинулъ лапкой веревочку съ гвоздя и выпустилъ барана. Вотъ и пошли они путемъ дорогою, нашли волчью голову и взяли съ собой; шли-шли, увидѣли: далеко въ лѣсу свѣтится огонекъ, они и пустились прямо на огонь. Подходятъ, а вокругъ огня грѣются двѣнадцать волковъ. «Богъ помочь вамъ, волкамъ!»—Добро жаловать, котъ да баранъ! «Брате, спрашиваетъ баранъ у кота, что́ намъ вечерять будетъ?»—А двѣнадцать-то волчьихъ головъ, поди выбери, которая пожирнѣе.—Баранъ пошелъ въ кусты, поднялъ повыше волчью голову, что́ дорогой-то нашли,

и спрашиваетъ: эта-ли, брате котъ?»— Нѣтъ, не эта, выбери получше.—Баранъ опять поднялъ ту-же голову и опять спрашиваетъ: «эта-ли?» Волки такъ напугались, что рады бы убѣжать, да безъ спросу не смѣютъ. Четверо волковъ и стали проситься у кота и барана: «пустите насъ за дровами, мы вамъ принесемъ». И ушли. Остальные восемь волковъ еще пуще стали бояться кота да барана: коли двѣнадцать смогли поѣсть, а осмерыхъ и подавно поѣдятъ. Стало еще четверо проситься за водою. Котъ отпустилъ: «ступайте, да скорѣе ворочайтесь!» Послѣдніе четыре волка отпросились сходить за прежними волками: отчего-де не ворочаются? Котъ отпустилъ, еще строже наказалъ — поскорѣе приходить назадъ; а самъ съ барапомъ радъ, что они ушли-то.

Волки собрались вмѣстѣ и пустились дальше въ лѣсъ. Попадается имъ медвѣдь Михайло Ивановичъ. «Слыхалъ ли ты, Михайло Ивановичъ, спрашиваютъ волки, чтобы котъ да баранъ, съѣдали по двѣнадцати волковъ?»— Нѣтъ, робятушки, не слыхивалъ. «А мы сами видѣли этакого кота да барана».—Какъ бы, робятушки, и мнѣ посмотрѣть, какова ихъ храбрость. «Эхъ, Михайло Ивановичъ, вить больно котъ-атъ ретивъ, нельзя къ нему поддоброхотаться: того и гляди, что въ клочки изорветъ! Даромъ что мы прытки надъ собаками и зайцами, а тутъ ничего не возьмешь. Позовемъ-ка лучше ихъ на обѣдъ». Стали посылать лисицу: ступай, позови кота да барана». Лисица начала отговариваться: «я хоть и прытка, да неувертлива; какъ бы они меня не съѣли!»—Ступай!—Дѣлать нечего, побѣжала лисица за котомъ и бараномъ. Воротилась назадъ и сказываетъ: «обѣщались быть: ахъ, Михайло Ивановичъ, какой котъ-то сердитой! сидитъ на пнѣ да ломаетъ его когтями: это на насъ точитъ онъ свои ножи! А глаза такъ и выпучилъ!...» Медвѣдь струхнулъ, сейчасъ посадилъ одного волка въ сторожи на высокій пень, далъ ему въ лапы утирку и наказалъ: «коли увидишь кота съ бараномъ, махай утиркою: мы пойдемъ—ихъ повстрѣчаемъ». Стали готовить обѣдъ; четыре волка притащили четыре коровы, а въ повара медвѣдь посадилъ сурка.

Вотъ идутъ въ гости котъ да баранъ; завидѣли караульнаго, смекнули дѣло и стаканулись между собою «Я, говоритъ котъ, подползу тихонько по травѣ и сяду у самаго пня супротивъ волчьей рожи, а ты, братъ баранъ, разбѣжись и что есть силы ударь его лбомъ!» Баранъ разбѣжался, ударилъ со всей мочи и сшибъ волка; а котъ бросился ему прямо въ морду, вцѣпился когтями и исцарапалъ морду до крови. Медвѣдь и волки какъ увидѣли то—зачали межъ собою растобаривать: «ну, робятушки, вотъ какова рысь кота да барана! Евстифейка-волка умудрились сшибить и изувѣчить съ какого высокаго пня, а намъ гдѣ ужь на землѣ устоять! Имъ, знать, наше готовленье-то не-почемъ; они придутъ не угощаться, а насъ пятнать. А, братцы! не лучше ли намъ схорониться?» Волки всѣ разбѣжались по лѣсу, медвѣдь вскарабкался на сосну, сурокъ спрятался въ нору, а лиса забилась подъ колодину. Котъ съ бараномъ принялись за наготовленныя кушанья. Котъ ѣстъ; а самъ мурлычитъ: мало, мало! обернулся какъ-то назадъ, увидѣлъ, что изъ норы торчитъ сурковъ хвостъ, испугался да какъ прыснетъ на сосну. Медвѣдь устрахался кота, да напрямикъ съ сосны на землю и ринулся, и чуть-чуть не задавилъ лисы подъ колодиной. Побѣжалъ медвѣдь, побѣжала лиса. «Знать ты, куманекъ, ушибся?» спрашиваетъ лисица.—Нѣтъ, кумушка, еслибъ я не спрыгнулъ — котъ бы давно меня съѣлъ.

(Изъ Сказокъ Аѳанасьева).

———

Б. БЫЛИНЫ.

а) Святогоръ.

Снарядился Святогоръ во чисто поле гуляти,
Засѣдлаетъ своего добра коня
И ѣдетъ по чисту полю,
Не съ кѣмъ Святогору силой помѣряться,
А сила-то по жилочкамъ
Такъ живчикомъ и переливается.
Грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго беремени.
Вотъ и говоритъ Святогоръ:
«Какъ бы я тяги нашелъ,
«Такъ я бы всю землю поднялъ!»
Наѣзжаетъ Святогоръ въ степи
На маленькую сумочку переметную:
Беретъ погонялку, пощупаетъ сумочку,—она не скрянется,
Двинетъ перстомъ ее,—не ворохнется,
Хватитъ съ коня рукою,—не подымется:
«Много годовъ я по свѣту ѣзживалъ,
«А эдакова чуда не наѣзживалъ,
«Такова дива не видывалъ:
«Маленькая сумочка переметная
«Не скрянется, не ворохнется, не подымется!»
Слѣзаетъ Святогоръ съ добра коня,
Ухватилъ онъ сумочку обѣма рукама,
Поднялъ сумочку повыше колѣнъ:
И по колѣна Святогоръ въ землю угрязъ,
А по бѣлу лицу не слезы, а кровь течетъ.
Гдѣ Святогоръ угрязъ, тутъ и встать не могъ,
Тутъ ему было и конченіе.

Святогора и земля на себѣ черезъ силу держала... Еще не встрѣчалось ему равнаго богатыря: не съ кѣмъ Святогору силой помѣряться. Судьба приводитъ къ нему Илью Муромца. Встрѣча двухъ богатырей одно изъ любопытнѣйшихъ преданій народныхъ:

Наѣхалъ Илья въ чистомъ полѣ
На шатеръ бѣлополотняный,
Стоитъ шатеръ подъ великимъ сырымъ дубомъ,
И въ томъ шатрѣ кровать богатырская не малая:
Долиной кровать десяти сажень,
Шириной кровать шести сажень.
Привязалъ Илья добра коня къ сыру дубу,
Легъ на тую кровать богатырскую
И спать—заснулъ.
А сонъ богатырскій крѣпокъ:
На три дня и на три ночи.
На третій день услыхалъ его добрый конь
Великій шумъ съ-подъ сиверныя сторонушки:
Мать сыра земля колыбается,
Темны лѣсушки шатаются,
Рѣки изъ крутыхъ береговъ выливаются.
Бьетъ добрый конь копытомъ о сыру землю,
Не можетъ разбудить Илью Муромца.
Проязычилъ конь языкомъ человѣческимъ:
«Ай же ты, Илья Муромецъ!
«Спишь себѣ, прохлаждаешься,
«Надъ собой незгодушки не вѣдаешь:
«Ѣдетъ къ шатру Святогоръ богатырь.
«Ты спущай меня во чисто поле,
«А самъ полѣзай на сырой дубъ».
Вставалъ Илья на рѣзвы ноги,
Спущалъ коня во чисто поле,
А самъ выcталъ во сырой дубъ.
Видитъ: ѣдетъ богатырь выше лѣсу стоячаго,
Головой упираетъ подъ облаку ходячую,
На плечахъ везетъ хрустальный ларецъ.

Пріѣхалъ богатырь къ сыру дубу,
Снялъ съ плечь хрустальный ларецъ,
Отмыкалъ ларецъ золотымъ ключемъ:
Выходитъ оттоль жена богатырская.
Такой красавицы на бѣломъ свѣтѣ
Не видано и не слыхано:
Ростомъ она высокая,
Походка у ней щепливая, *
Очи яснаго сокола,
Бровушки чернаго соболя,
Съ платьица тѣло бѣлое.
Какъ вышла изъ того ларца, собрала на столъ,
Полагала скатерти браныя,
Ставила на столъ яствушки сахарнія,
Вынимала изъ ларца питьица медвяныя.

Пообѣдалъ Святогоръ и заснулъ, а жена пошла гулять по чисту полю; высмотрѣла Илью въ сыромъ дубѣ, и влюбилась въ богатыря. Затѣмъ —

Взяла его красавица, богатырская жена,
Посадила къ мужу во глубокъ карманъ
И разбудила мужа отъ крѣпкаго сна.
Проснулся Святогоръ богатырь,
Посадилъ жену въ хрустальный ларецъ,
Заперъ золотымъ ключемъ,
Сѣлъ на добра коня
И поѣхалъ ко Святымъ горамъ.
Сталъ его добрый конь спотыкаться,
И билъ его богатырь плеткою шелковою
По тучнымъ бедрамъ,
И проговоритъ конь языкомъ человѣческимъ:
«Опережъ я возилъ богатыря да жену богатырскую,
«А нонь везу жену богатырскую и двухъ богатырей:
«Дивно ли мнѣ потыкатися»?
И вытащилъ Святогоръ богатырь
Илью Муромца изъ кармана,
И сталъ его выспрашивать,
Кто онъ есть и какъ попалъ къ нему
Во глубокъ карманъ.

Илья все разсказалъ: Святогоръ убилъ жену измѣнницу, а Илью назвалъ своимъ меньшимъ братомъ и выучилъ его «всѣмъ похваткамъ поѣздкамъ богатырскимъ». Поѣхали оба богатыря къ сѣвернымъ горамъ, увидали великій гробъ съ надписью: «кому суждено въ гробу лежать, тотъ въ него и ляжетъ». Легъ Муромецъ—не по немъ гробъ; Святогоръ—гробъ пришелся. Илья не хотѣлъ закрыть богатыря крышкою, самъ Святогоръ закрылъ себя и тутъ случилось чудо: никакъ не могъ Святогоръ снять крышки. Онъ велѣлъ Ильѣ взять мечъ кладенецъ и ударить поперегъ крышки: ударитъ Муромецъ—и на томъ мѣстѣ выростаетъ полоса желѣзная. Еще ударилъ Илья вдоль крышки, опять выросла полоса желѣзная. Тогда сдѣлалось ясно, что насталъ смертный часъ Святогора: онъ передалъ свой богатырскій духъ сквозь щелочку гроба Ильѣ и—умеръ. Илья привязалъ коня Святогорова ко гробу, а самъ поѣхалъ въ чисто поле.

---

* Щегольская.

6. Микула Селяниновичъ.

Молодой Вольгá Святославичъ
Со своею дружинушкой хороброю
Онъ поѣхалъ къ городамъ за получкою (данью).
Выѣхалъ въ раздольице чистó-поле,
Онъ услышалъ во чистомъ полѣ ратая:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омѣшки по камешкамъ почеркиваютъ (*).
Ѣхать Вольгá до ратая,
День съ утра онъ до вечера,

(*) Эта былина записана со словъ крестьянина Олонецкой губерніи, гдѣ почва, особенно въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, совершенно каменистая.

Со своею дружинушкой хороброей,
А не могъ онъ до ратая доѣхати.
Ѣхалъ Вольга̀ ещѐ другой день,
Дру̀гой день съ утра до вечера,
А не могъ онъ до ратая доѣхати.
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
и т. д.
Ѣхалъ Вольга̀ ещѐ третій день,
Третій день съ утра до па̀бѣдья,
Наѣхалъ онъ въ чистомъ полѣ ратая:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Съ края въ край бороздки пометываетъ;
Въ край онъ уѣдетъ, другаго не видать;
Коренья, каменья вывертываетъ,
А великія-то всѣ каменья въ борозду валитъ;
Кобыла у ратая соловая,
Сошка у ратая кленовая,
Гужики у ратая шелковые,
Говорилъ Вольга̀ таковы слова:
«Божья ти помощь, оратаюшко!
«Орать, да пахать, да крестьянствовати,
«Съ края въ край бороздки пометывати,
«Коренья, каменья вывертывати!»
Говорилъ оратай таковы слова:
«Подитко, Вольга̀ Святославовичъ
«Со своею со дружинушкой хороброю,
«Мнѣ-ка надобна Божья помощь крестьянствовати!
«Далеко ль, Вольга̀, ѣдешь, куда путь держишь
«Со своею дружинушкой хороброю?»
—«Ай же ты, ратаю, ратаюшко!
«Ѣду къ городамъ за получкою:
«Ко первому городу ко Гурчевцу,
«Ко другому ко городу къ Орѣховцу,
«Ко третьему ко городу ко Крестьяновцу (*).»
«Говорилъ оратай таковы слова:
«Ай же, Вольга̀ Святославовичъ!
«А недавно я былъ въ городни, третьёго дни,
«На своей кобылкѣ соловой,

(*) Этими тремя городами пожаловалъ Олега Владиміръ стольно-кіевскій, безъ котораго дѣло не обходится ни въ одной былинѣ (кромѣ новгородскихъ): народная фантазія сдѣлала Олега племянникомъ Владиміра.

«Увезъ я оттоль соли только два мѣха,
«Два мѣха соли, по сорогу пудъ.
«И живутъ-то мужики все разбойники,
«Они просятъ грошевъ подорожныихъ,
«А былъ я съ шалыгой (**) подорожною,
«Платилъ имъ гроши подорожные:
«Который стоя стоитъ, тотъ и сидя сидитъ,
«А который сидя сидитъ, тотъ и лежа лежитъ.»
Говорилъ Вольга̀ таковы слова:
«Ай же оратай, оратаюшко,
«Поѣдемъ со мною въ товаращахъ!»
Этотъ оратай оратаюшко
Гужики шелковеньки повыстегнулъ,
Кобылку изъ сошки повывернулъ,
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
Говоритъ оратай таковы слова:
«Ай же Вольга̀ Святославовичъ!
«Оставилъ я сошку въ бороздочкѣ,
«И не для-ради прохожаго, проѣзжаго,
«А для-ради мужика деревенщины.
«Какъ бы сошка съ земельки повыдернути,
«Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнути
«И бросить бы сошка за ракитовъ кустъ?»
Молодой Вольга̀ Святославовичъ
Посылаетъ онъ съ дружинушки хоробрыя
Пять молодцевъ могучіихъ,
Чтобы сошку съ земельки повыдернули,
и т. д.
Пять молодцевъ могучіихъ
Пріѣхали къ сошкѣ кленовыя:
Они сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки съ земельки повыдернуть, и т. д.
Молодой Вольга̀ Святославовичъ
Посылаетъ онъ цѣлыимъ десяточкомъ
и т. д.
Они сошку за о́бжи вокругъ вертятъ:
Сошки отъ земли поднять нельзя, и т. д.
Посылалъ онъ всю дружинушку хоробрую, и т. д.
А не могъ сошки съ земли повыдернути, и т. д.

(**) *Шалыга* — тоже, что *шлепуга*: плеть съ обвязанной пулей, кистень.

Подъѣхалъ оратай-оратаюшко
На своей кобылкѣ соловенькой
Ко этой ко сошкѣ кленовоей:
Бралъ-то онъ сошку одной рукой,
Сошку съ земельки повыдернулъ,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнулъ,
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.
  Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
Оратая кобылка-то рысью идетъ,
А Вольгинъ-отъ конь и поскакиваетъ;
У оратая кобылка-то грудью пошла,
А Вольгинъ-отъ конь оставается.
Сталъ Вольга̀ тутъ покрикивати,
Колпакомъ Вольга̀ сталъ помахивати:
«Постой-ка ты, ратай, ратаюшко!
«Этая кобылка конькомъ бы была,—
«За эту кобылху пятьсотъ бы дали.»
Говорилъ оратай таковы слова:
«Глупый Вольга̀ Святославовичъ!
«Взялъ я кобылку жеребчикомъ сподъ матушки
«И заплатилъ за кобылку пя̀тьсотъ рублей:
«Этая кобылка конькомъ бы была,—
«За эту кобылку смѣты бы нѣтъ.»
Говорилъ Вольга̀ Святославовичъ:
«Ай же ты, ратаю-ратаюшко!
«Какъ то тебя именемъ зовутъ,
«Какъ звеличаютъ по отечеству?»
Говорилъ оратай таковы слова:
«Ай же, Вольга̀ Святославовичъ!
«А я ржи напашу, да во скирды сложу,
«Во скирды складу, домой выволочу,
«Домой выволочу, да дома вымолочу,
«Драни надеру, да и пива наварю,
«Пива наварю, да и мужиковъ напою.
«Станутъ мужички меня покликивати:
«Молодой Микулушка Селяниновичъ!»

(Пѣсни, собр. Рыбниковымъ, ч. I, стр. 16—22),

в. Олегъ Святославичъ.

Закатилось красное солнышко
За горушки высокія, за моря широкія,
Разсаждалися звѣзды частыя по свѣтлу небу:
Порождался Вольга̀ сударь Буслаевичъ
На матушкѣ на святой Руси.
Росъ Вольга Буслаевичъ до пяти годовъ,
Пошелъ Вольга̀ сударь Буслаевичъ по сырой земли:
Мать сыра земля сколыбалася,
И звѣри въ лѣсахъ разбѣжалися,
И птицы по подоблачью разлеталися,
И рыбы по синю морю разметалися.
И пошелъ Вольга̀ сударь Буслаевичъ
Обучаться всякихъ хитростей, мудростей,
И всякихъ языковъ разныихъ.
Будетъ Вольга̀ семнадцати лѣтъ
Прибираетъ дружину хоробрую:
Тридцать молодцевъ безъ единаго,
Самъ Вольга̀ былъ во тридцатыихъ (*),
«Дружина, скаже, моя добрая, храбрая!
«Слушайте большаго братца, атамана-то:
«Вейте веревочки шелковыя.
«Становите веревочки во темну лѣсу,
«Становите веревочки по сырой земли,
«И ловите вы куницъ и лисицъ,
«Дикихъ звѣрей и черныхъ со̀болей,
«И ловить по три дня и по три ночи.»
Слушали большаго братца, атамана-то,
Дѣлали дѣло повеленное:, и т. д.
Не могли добыть ни одного звѣрка.
Повернулся Вольга̀ сударь Буслаевичъ левымъ звѣремъ (львомъ),

---

(*) Эти четыре стиха взяты изъ другого варьянта, такъ какъ соотвѣтствующіе имъ въ варьянтѣ, принятомъ за основаніе, темны и служатъ, съ другой стороны, только повтореніемъ предшествующихъ. Къ числу варьянтовъ этой древней былины относится и почитавшаяся у насъ въ прежнее время совершенно отдѣльною былина о *Волхѣ Всеславичѣ* (испорчено изъ *Олега Святославича*, подобно тому какъ въ другихъ варьянтахъ *Святославичъ* испорчено въ *Буслаевичъ*). Тамъ раннее развитіе Олега описывается слѣдующимъ образомъ:

А и будетъ Волхъ во полтора часа,
Волхъ говоритъ, какъ громъ гремитъ:
А и гой еси, сударыня матушка,
А не пеленай во пелену червчатую,
А не поясн во пояса шелковые,—
Пеленай меня, матушка,
Въ крѣпки латы булатные,
А на буйну голову клади златъ шеломъ,
Во праву руку палицу,
А тяжку палицу, свинцовую,
А вѣсомъ та палица въ триста пудъ.

(Слова Г. Ореста Миллера въ его Христоматіи, стр. 1).

Поскочилъ по сырой земли, по темну лѣсу,
Заворачивалъ куницъ, лисицъ,
И дикихъ звѣрей, черныхъ соболей.
Большихъ поскакучiихъ заюшекъ,
Малыхъ горностаюшекъ.
И будетъ во градѣ во Кiевѣ
Со своею дружиною со доброю,
И скажетъ Вольга̀ сударь Буслаевичъ:
«Дружинушка ты моя добрая, хоробрая!
«Слушайте большаго братца атамана-то:
«Вейте силышки шелковыя,
«Становите силышка на темный лѣсъ,
«На темный лѣсъ, на самый верхъ,
«Ловите гусей, лебедей, ясныхъ соколей,
«И малую птицу пташицу.
«И ловите по три дни и по три ночи.»
И слушали большаго брата, атамана-то,
Дѣлали дѣло повеленое; и т. д.
Не могли добыть ни одной птички.
Повернулся Вольга̀ сударь Буслаевичъ Науй-птицей (*),
Полетѣлъ по подоблачью,
Заворачивалъ гусей, лебедей, ясныхъ соколей,
И малую птицу пташицу.
И будутъ во городѣ во Кiевѣ, и т. д.
Скажетъ Вольга̀ сударь Буслаевичъ; и т. д.
«Возьмите топоры дроворубные,
«Стройте суденышко дубовое,
«Вяжите путевья шелковыя,
«Выѣзжайте вы на сине море,
«Ловите рыбу семжинку и бѣлужинку,
«Щученку и плотиченку,
«И дорогую рыбку осетринку,
«И ловите по три дня, и по три ночи.»
И слушали большаго братца, атамана-то, и т. д.
Не могли добыть ни одной рыбки.
Повернулся Вольга̀ сударь Буслаевичъ рыбой щучиной
И побѣжалъ по синю морю,
Заворачивалъ рыбу семжину и бѣлужинку,
Щученку и плотиченку,
Дорогу рыбу осетринку.

(*) *Нуай*, иначе *ногъ* или *нога*, является и въ другихъ произведенiяхъ: въ стихѣ о Егорiѣ Храбромъ и въ сказкѣ объ Александрѣ Македонскомъ.

И будутъ во градѣ, во Кiевѣ, и т. д.
И скажетъ Вольга̀ сударь Буслаевичъ,
«Дружина моя добрая, хоробрая,
«Кого бы намъ послать во Турецъ-землю,
«Провѣдати про думу, про царскую,
«Что царь думы думаетъ,
«Думаетъ ли ѣхать на Святую Русь?
«Стараго послать,—будетъ долго ждать;
«А середняго послать-то,—виномъ запоятъ.
«А малаго послать,—заиграется;
«Будетъ, видно, Вольгѣ самому пойти!»
Повернулся Вольга̀ сударь Буслаевичъ
Малою птицею пташицей,
Полетѣлъ енъ по подоблачью:
И скоро будетъ во Турецъ-землѣ,
Будетъ у царя турецкаго,
Противъ самыхъ окошечекъ,
И слушаетъ онъ рѣчи тайныя,—
Говоритъ царь со царицею:
«Ай же ты, царица Панталоновна!
«Я знаю про то, вѣдаю:
«На Руси-то трава растетъ не по старому,
«Цвѣты цвѣтутъ не по прежнему,
«А видно, Вольги-то живого нѣтъ.»
Говоритъ царица Панталоновна̀:
«Ай же ты, царь, Турецъ-Санталъ!
«На Руси трава все растетъ по старому, и т. д.
«А ночесь спалось,—во сняхъ видѣлось:
«Бывъ (будто) сподъ восточныя, сподъ сторонушки
«Налетѣла птица, малая пташица,
«А сподъ западной сподъ сторонушки
«Налетѣла птица черный воронъ;
«Слеталися они во чистомъ полѣ,
«Промежду собой подиралися;
«Малая-то птица пташица
«Чернаго ворона повыклевала,
«По перушку она повыщипала
«И на вѣтеръ все повыпускала.»
Проговоритъ царь Турецъ-Салтанъ:
«Ай же ты, царица Панталоновна!
«А я думаю скоро ѣхать на Святую Русь.
«Возьму я девять городовъ
«И подарю своихъ девять сыновей,
«Привезу себѣ шубоньку дорогую.»
Говоритъ царица Панталоновна:

«А не взять тебѣ девяти городовъ,» и т. д.
Проговоритъ царь Турецъ-Санталъ:
«Ахъ ты старый чортъ!
«Сама спала, себѣ сонъ видѣла!»
И ударитъ онъ по бѣлу лицу,
И повернется,—по другому (по другой щекѣ)
И кинетъ царицу о кирпиченъ полъ,
И кинетъ ю во второй-то разъ;
«А поѣду я на святую Русь,» и т. д.
Повернулся Вольга́ сударь Буслаевичъ
Малымъ горносталюшкомъ:
Зашелъ во горницу во ружейную;
И повернулся онъ добрымъ молодцемъ:
И тугіе луки перѐломалъ,
И шелковыя тетивочки перѐрвалъ,
И каленыя стрѣлы всѣ повыломалъ,
И у оружей замочки повывертѣлъ,
Въ боченочкахъ порохъ перѐзалилъ.
Повернулся Вольга́ сударь Буслаевичъ сѣрымъ волкомъ:
Поскочилъ онъ на конюшенъ дворъ,
Добрыхъ коней пѐребралъ,
А глотки у всѣхъ у нихъ перервалъ.
Повернулся Вольга́ сударь Буслаевичъ
Малою птицею пташицей,—
И будутъ во градѣ во Кіевѣ,
Со своею со дружиною, со доброю:
«Дружина моя добрая, хоробрая!
«Пойдемъ-те мы во Турецъ-землю!»
И пошли они во Турецъ-землю,
И силу турецкую во полонъ брали.
«Дружина моя добрая, хоробрая!
«Станемъ-те теперь полону подѣлять!»
Что́ было надѣлу дорого?
Вострыя сабли по пяти рублей,
А оружье булатное по шести рублей,
А добрые кони по семи рублей....

(Пѣсни, собранныя Рыбниковымъ, ч. I стр. 1—6)

г. Илья Муромецъ.

Ктобы намъ сказалъ про старое,
Про старое, про бывалое,
Про того Илью про Муромца?
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Онъ въ сидняхъ сидѣлъ тридесять три года;
Пришли къ нему нища братія,
Самъ Ісусъ Христосъ, два Апостола:
«Ты пойди, Илья, принеси испить!»
—Нища братія, я безъ рукъ, безъ ногъ!—
«Ты вставай, Илья, насъ не обманывай!»
Илья сталъ вставать, ровно встрёпанный:
Онъ пошёлъ принёсъ чашу въ полтора ведра.
Нищей братіи сталъ поднашивать;
Ему нищи отворачиваютъ;
Нища братія у Ильи спрашивали:
«Много ли, Илья, чуешь въ себѣ силушки?»
—Отъ земли столбъ былъ да до нёбушки.
Ко столбу было золото̀ кольцо,
За кольцо бы взялъ, святорусску пово̀ротилъ!—
«Ты поди, Илья, принеси другу чашу!»
Илья сталъ имъ поднашивать,
Они Ильѣ отворачиваютъ:
Выпивалъ Илья безъ отдыха
Большу чашу въ полтора ведра;
Они у Ильи стали спрашивать:
«Много ли, Илья, чуешь въ себѣ силушки?»
—Во мнѣ силушки половинушка.
«Проводи Илья насъ во чисто̀ поле,
«Во чисто̀ поле, къ высоку̀ бугру,
«Къ высоку̀ бугру, ко раскатисту.»
На бугрѣ Илья отдохнуть прилёгъ,
Богатырскій сонъ на двѣнадцать дёнъ.

(Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ, вып. 1, стр. 1 и 2).

Не сырой дубъ къ землѣ клонится,
Не бумажныя листочки разстилаются,
Разстилается сынъ передъ батюшкомъ:
Онъ и проситъ себѣ благословеньица:
«Охъ ты гой еси, родимой, милой батюшка!
«Дай ты мнѣ своё благословеньицо,
«Я поѣду въ славной, стольной Кіевъ градъ.
«Помолиться чудотворцамъ кіевскимъ,
«Заложиться за князя Володиміра,
«Послужить ему вѣрой-правдою,
«Постоять за вѣру христіянскую.»

Отвѣчаетъ старой крестьянинъ Иванъ Тимоѳеевичъ:
«Я на добрыя дѣла тебѣ благословенье дамъ,
«А на худыя дѣла благословенья нѣтъ.
«Поѣдешь ты путемъ и дорогою,
«Ни помысли зломъ на татарина,
«Ни убей въ чистóмъ полѣ христіанина.»
Поклонился Илья Муромецъ отцу дò земли,
Самъ онъ сѣлъ на добрá коня,
Поѣхалъ онъ во чистò поле.
Онъ и бьетъ коня по крутымъ бёдрамъ,
Пробиваетъ кожу до чернá мяса;
Ретивò его конь осержается,
Прочь òтъ земли отдѣляется,
Онъ и скачетъ выше дерева стоячаго,
Чуть пониже оболока ходячаго.
Первый скокъ скочилъ на пятьнадцать верстъ;
Въ другой скочилъ, колодезь сталъ;
У колодезя срубилъ сырой дубъ,
У колодезя поставилъ часовенку,
На часовнѣ подписалъ свое имячко:
«Ѣхалъ такой-то сильной, могучой богатырь,
«Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ;»
Въ третій скочилъ подъ Черниговъ градъ.
Подъ Черниговымъ стоитъ сила смѣты нѣтъ;
Подъ Черниговымъ стоятъ три царевича;
Съ каждымъ силы сорокъ тысячей.
Богатырско сердце разгòрчиво и неусёмчиво;
Пуще огня òгончика сердце разыграется;
Пуще пляіцаго (палящаго) мороза разгорается.
Тутъ возговорилъ Илья Муромецъ таковò слово:
«Не хотѣлось было батюшку супротѝвникомъ быть,
«Еще знать-то его заповѣдь переступить.»
Беретъ онъ въ руки саблю боёвую,
Учалъ по силушкѣ погуливать:
Гдѣ повернется, дѣлалъ улицы,
Поворотится—часты площади;
Добирается до трехъ царèвичовъ.
Тутъ говорилъ Илья таково слово:
«Ой вы гой есте три царевича!
«Во полонъ ли мнѣ васъ взять,
«Аль съ васъ буйны головы снять?
«Какъ въ полонъ мнѣ васъ взять,
«У меня дороги заѣзжія и хлѣбы завозные;
«А какъ головы снять—царски *сѣмяна* погубить.
«Вы поѣдьте по своимъ мѣстамъ,
«Вы чините вездѣ такову славу,
«Что святая Русь не пуста стоитъ,
«На святой Руси есть сильны, могучи богатыри.»
Увидалъ его воевода черниговскій:
«Что это Господь ссылалъ намъ за сосальника!
«Очистилъ нашъ славный Черниговъ градъ.»
Возговоритъ воевода свымъ князьямъ-боярамъ:
«Подите, позовите дòбра мòлодца
«Ко мнѣ хлѣба соли кушати.»

—

—«Нейду я къ воеводѣ вашему,
«Не хочу у него хлѣба соли кушати;
«Укажите мнѣ прямую дорожиньку
«На славной стольной Кіевъ градъ.»

(Пѣсни собр. Кир., вып. 1, стр. 34—36.)

Ѣхалъ удалый по чисту полю,......
Стоитъ столбъ бѣлодỳбовый,
На столбѣ есть подпись подписана:
«Прямо ѣхать, только пятьсотъ верстъ,
«А на околъ-то ѣхать, семьсотъ верстъ.»
Смотритъ Илья на эту подпись-то:
«Какъ прямо ѣхать, живу не бывать;
«Нѣтъ пути ни проѣзжему, ни прохожему, ни пролетному,
«Сидитъ Соловей-разбойникъ на семи дубахъ,
«Захватываетъ воръ-собака на семи верстахъ.»
Стоитъ Илья, пораздумался:
«Прямоѣзжая дорога переломана,
«Калиновы мосточки переворочены.
«Не честь мнѣ, хвала молодецкая
«Ѣхать той дорожкой окольноей;
«А лучше поѣду дорожкой прямоѣзжею.»
Скоро спущался онъ съ добра коня,

Рукой онъ коня повелъ,
А другой началъ мосты мостить,
Тын мосточки калиновы:
Наладилъ онъ дорогу прямоѣзжую.
Пріѣзжаетъ Ильюша къ сырымъ дубамъ:
Сидитъ Соловей-разбойникъ на семи дубахъ, и т. д.
Закричалъ какъ Соловей по звѣриному,
Засвисталъ злодѣй по соловьиному,
Замызгалъ собака по собачьему:
Тутъ-то у Ильи у Муромца
Его добрый конь на колѣнки палъ
Отъ того отъ крику отъ звѣринаго, и т. д.
Бьетъ онъ коня промежу уши;
По тынимъ еще по тугимъ ребрамъ:
«Ахъ ты волчья сыть (*), травяной мѣшокъ!
«Развѣ не слыхалъ ты крику звѣринаго, и т. д.
Самому молодцу не дойдетъ сидѣть:
Скоро натянулъ онъ тугой лукъ,
Кладывалъ-то онъ стрѣлочку каленую,
Стрѣлилъ-то онъ Соловья разбойника;
Стрѣлилъ-то онъ его во правой глазъ,
А вышла стрѣла во лѣво ухо:
Палъ тутъ Соловей на сыру землю.
Взималъ-то онъ Соловья разбойника,
Пристегивалъ ко стремени черкасскому,
Повезъ-то онъ Соловья съ собой его.

Илья проѣзжаетъ съ Соловьемъ мимо соловьева помѣстья; увидѣвъ ихъ, жена Соловья посылаетъ дѣтей къ Ильѣ съ богатымъ выкупомъ. «Онъ будетъ опять разбой держать,» отвѣчаетъ Илья, и не даетъ имъ ихъ батюшки.—Пріѣзжаетъ Илья съ Соловьемъ въ Кіевъ,—но уже поздно къ заутренѣ! Въѣзжаетъ онъ на широкій дворъ князя Владиміра. Вотъ возвращается князь изъ церкви, и разсказываетъ Илья князю, какъ удалось ему поймать Соловья-разбойника.

(О. Мил.).

«А видно, ты, удалый добрый молодецъ,
«А былъ на царевомъ большомъ кабакѣ!
«Не напился ли зелена вина,
«Не пустымъ ли, добрый молодецъ, хвастаешь?
—«Ахъ же, дурень, князь стольно-кіевскій!
«У меня Соловей разбойникъ у стремени у черкасскаго.»
Тутъ-то они всѣ пометалися,
Пометалися всѣ, покидалися,
Бѣжатъ да трутъ промежу собой;
Прибѣжали какъ къ Соловью-разбойнику,
Сами говорятъ, кричатъ ему:
«Ахъ ты, Соловей-разбойникъ сынъ Рахматовичъ!
«Кричи-тко, Соловей по звѣриному», и т. д.
Говоритъ Соловей-Разбойникъ сынъ Рахматовичъ:
«Не ваше я пью-ѣмъ-кушаю.
«И не васъ хочу и слушати.»
Скоро они поворотъ держатъ,
Приходятъ къ Ильѣ Муромцу,
Клонятся всѣ они, молятся:
—«Ай же ты, Илья Муромецъ!
«Позволь ты Соловью-то разбойнику
«Закричать Соловью по звѣриному» и т. д.
Онъ говоритъ, промолвитъ таково слово:
«Ай же ты князь стольно-кіевскій!
«Теперь у него уста запечатаны,
«Запеклись уста кровью горючею:
«Стрѣленъ у меня во правый глазъ,
«Вышла стрѣла во лѣво ухо.
«Налейте ему чашу зелена вина,
«Вѣсомъ чашу въ полтора пуда,
«Мѣрой чашу полтора ведра.»
Налили ему чашу зелена вина, и т. д.
Принесли къ Соловью-разбойнику.
Принималъ онъ чашу единой рукой,
Выпивалъ чашу за единый вздохъ,
Самъ говорилъ таково слово:
«Другу чашу налейте пива пьянаго,
«Чтобы вѣсомъ чаша въ полтора пуда, и т. д.
«Третью чашу налейте меду сладкаго, и т. д.
Наливали ему чашу пива пьянаго
И наливали ему чашу меду сладкаго,
Принималъ онъ чашу единой рукой, и т. д.
Тутъ соловей пьянъ сталъ.

(*) Т. е. волчій кормъ (чѣмъ волкъ сытъ)—волкъ тебя ѣшь.

Проговорилъ Илья Муромецъ:
«Ай же ты, Соловей сынъ Рахматовичъ!
«Кричи, разбойникъ, по звѣриному,»
и т. д.
Закричалъ Соловей по звѣриному, и т. т.
Князи, бояре всѣ мертвы лежатъ;
А Владимiръ князь стольно-кiевскiй
Заходилъ раскорякою,
Ходитъ князь, Ильѣ молится:
«Уйми Соловья-разбойника,
«Чтобы не свисталъ по соловьиному!
«Оставь мнѣ бояръ хоть на сѣмена!»—

(Пѣсни Рыбникова, ч. I, стр. 47 — 54).

Какъ далече, далече во чистомъ полѣ,
Что ковыль трава во чистомъ полѣ шатается,
А и ѣздилъ въ полѣ старъ матеръ человѣкъ.
Старой ли козакъ Илья Муромецъ.
Не бѣлые то снѣжки забѣлѣлися,
Забѣлѣлася у стараго сѣдая борода.
А и конь ли подъ нимъ кабы лютый звѣрь,
А самъ на конѣ, какъ ясенъ соколъ.
Со старымъ вѣдь денегъ не годилося,
Только червонцевъ золотыхъ съ нимъ семь тысячей,
Дробныхъ денегъ сорокъ тысячей;
Коню вѣдь подъ старымъ цѣны не было.
Почему-то ему цѣны не было?
Потому-то коню цѣны не было:
За рѣку-то онъ броду не спрашивалъ,
Котора рѣка цѣла верста,
А скачетъ онъ съ берега на берегъ.
Наѣхали на стараго станишники,
По нашему русскому разбойники:
Кругомъ его стараго облавили,
Хотятъ его ограбити,
Съ душой, съ животомъ его разлучить хотятъ
Говоритъ Илья Муромецъ Ивановичъ:
«А и гой есть вы, братцы станишники!
«Убить меня стараго вамъ не за что,
«А взяти у стараго нечего.»
Вымалъ онъ изъ налушна тугой лукъ,
Вынималъ онъ вѣдь стрѣлку каленую,
Онъ стрѣляетъ не по станишникамъ.—
Ему жалко ихъ до смерти убить,
Стрѣляетъ онъ старой по сыру дубу;
А спѣла тетивка у туга лука,
Угодила стрѣла въ сыръ кряковистый дубъ,
Изломалъ въ черепья въ ножевые дубъ.
Отъ того-то вѣдь грому богатырскаго
Станишники съ коней попадали,
А и пять они часовъ безъ ума лежатъ.
«Охъ вы гой еси, добры молодцы, станишнички!
«Полноте лежать на сырой землѣ,
«Полноте спать высыпатися:
«По дорогѣ много прошло конныхъ и пѣшихъ,
«У себя вы много добраго упустили.»
Встали добрые молодцы
На свои рѣзвы ноженьки,
И пали ему въ рѣзвы ноги:
«Ты гой еси, добръ удалый молодецъ!
«Поди ты къ намъ въ товарищи,
«И будь ты у насъ атаманушкой.»
Возговоритъ добрый молодецъ
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ:
Не хочу я съ вами стада пасти,
А ѣду въ Кiевъ градъ,
Къ Володимеру Князю на вспоможенiе,
На его сбереженiе.

(Пѣсни Кирѣевск., вып. I, стр. 23, 24, 27, 28),

Что по край было сина моря,
На богатырской на заставѣ,
Стояли тутъ пять богатырей:
Первой: Илья Муромецъ,
Второй: Колыванъ сынъ Ивановичъ,
Третiй: Самсонъ Васильевичъ,
Четвертый: Добрыня Никитичъ младъ,
А пятый: Алеша Поповичъ.
Не пропускали они ни коннаго,
Ни коннаго, и ни пѣшаго,
Ни царскаго, ни боярскаго;
Ни звѣря рыскучаго,
Ни птицы летучей.
Младъ ясенъ соколъ летитъ—
Перо выронитъ;
Добрый молодецъ бѣжитъ—
— Головой вершитъ. (*)

(*) *Вершить*—кончить начатое дѣло; *головой вершить* жизнь покончить.

*

На рѣ-то ыло, зарѣ утренней,
На разсвѣтичкѣ свѣту бѣлаго,
На восходѣ-то солнца яснаго,
Ото сна Илья пробуждается.
Выходилъ Илья изъ бѣла шатра,
Пошелъ Илья на Днѣпръ рѣку,
На Днѣпръ рѣку умыватися,
А самъ смотритъ—во чисто́ поле́.
Завидѣлъ онъ добра молодца,
Подъ молодцемъ конь какъ бы лютый звѣрь,
На конѣ молодецъ, какъ ясенъ соколъ;
Хороша управа молодецкая,
Хороши доспѣхи богатырскіе,
По праву руку сидитъ ясе́нъ соколъ;
Въ рукахъ держитъ мо́лодецъ третра—перо (**),
Сквозь пера не видно лица бѣлаго.
Не могъ признать Илья добра молодца.
Приходилъ Илья ко бѣлымъ шатрамъ,
Выходилъ Илья середи круга́,
Говорилъ онъ таковы слова:
«Братцы вы мои, товарищи!
«Кто изъ васъ удалѣе всѣхъ?
«У кого конь порыскучѣе
«Бѣжать за удалымъ добрымъ молодцемъ,
«Распросить его о дѣдинѣ, отчинѣ,
«И чей такой добрый молодецъ?
«Царь или царевичъ,
«Король или королевичъ,
«Или русскій могучій богатырь?
«Если русскій богатырь—то побрататься,
«А невѣрный—поразвѣдаться.»
Отвѣтъ держитъ Алеша Поповичъ:
«Я братцы, поудалѣ всѣхъ,
«У меня конь порыскучѣе.»
Побѣжалъ Алеша за добрымъ молодцемъ;
Бѣжалъ онъ день до вечера,
Темную ночь до бѣла̀ свѣта.
Догоняетъ онъ добраго молодца
На разсвѣтѣ свѣту бѣлаго,
На восходѣ солнца яснаго;
Кричитъ Алеша зычнымъ голосомъ:
«Ты постой, постой, добрый молодецъ!
«Ты или русскій богатырь,
«Или засельщина-деревеньщина;
«Ты или коня укралъ, или мужика убилъ,
«А сюда заѣхалъ, хвастаешь,
«Чужимъ именемъ называешься?»
Тутъ-то Бориску за бѣду стало,
За великую досаду показалося;
Поворачивалъ коня какъ люта звѣря,
На встрѣчу къ Алешѣ Поповичу;
Беретъ Алешу за бѣлы руки,
Снимаетъ его съ добра коня,
Вынимаетъ шелепугу (*) подорожную,
Стегалъ онъ Алешу Поповича
И садилъ его на добра коня,
Ѣдетъ Алеша пьянъ, шатается,
Къ сѣдельной лукѣ приклоняется.
Завидѣлъ Алешу Илья Муромецъ:
«Говорилъ я тебѣ, Алеша, наказывалъ,
«Не пей ты зелена вина,
«Не ѣшь сладки кушанья.»
Отвѣчаетъ Алеша Ильѣ Муромцу:
«Радъ бы я не пить зелена вина,
«И не ѣсть сладки кушанья:
«Напоилъ-то меня добрый мо́лодецъ до пьяна,
«Накормилъ онъ меня до́ сыта
«Той шелепугой подорожною.»
Хваталъ тутъ Илья своего коня,
Побѣжалъ онъ за добрымъ мо́лодцемъ;
Бѣжалъ онъ день до вечера;
Нагналъ его на разсвѣтѣ свѣту бѣлаго,
На восходѣ солнца яснаго.
Ударились, они палицами боевыми;
Палицы ихъ разгоралися,
Въ рукахъ изломалися.
Скакали они съ добрыхъ коней,
Схватывались они за бѣлы руки.
Тутъ-то Бориско на посокъ востёръ (**)
Сшибалъ Илью на сыру землю
И садился ему на бѣлы груди,
Говорилъ Ильѣ таковы слова:
«Ты базыга, базыга (***) старая!
«Зачѣмъ ты на малаго отрока напущаешься?»

(*) Отъ *шлепать*—плеть; плеть съ обвязанной пулей; кистень палица. (Пѣсни Кир., вып. 1, стр. 9, выноска).

(**) Подъ этимъ должно разумѣть или *опахало*, или *вабило, чѣмъ манятъ сокола*. (Пѣсни, обр. Кирѣевск., вып. 1, стр. 8, выноска *).

(**) Ловкій въ борьбѣ на посокъ. (Пѣсни Кир., в. 1. стр. 10, выноска *).

(***) Хрычъ. (Пѣсни Кир., в. 1, стр. 10, вып. **).

Беретъ его Илья на бѣлы руки,
Стаетъ на рѣзвы ноги,
Металъ его выше дерева стоячаго,
Ниже облака ходячаго,
Подхватывалъ его на̀ руки.
Тутъ-то Бориско пріужаснулся,
Говорилъ онъ таковы слова:
«Ты охота, охо̀та молодецкая!
«Полетай-ко, охота, къ моей матушкѣ,
«Спроси-ко у ней, какъ съ Ильей перевѣдаться?»
—«Говорила я тебѣ, дитя, наказывала,
«Гдѣ ты съ Ильей съѣдешся,—
«Только ты ему низко кланяйся:
«По̀ роду тебѣ онъ отецъ родной. (*)

—

(Пѣсни Кирѣевск., вып. 1, стр. 7—10).

Пріѣзжалъ идолище поганое въ стольно-Кіевъ градъ
Со грозою, со страхомъ со великіимъ
Ко тому ко князю ко Владиміру,
И становился онъ на княжнецкій дворъ,
Посылалъ послѣ ко князу Владиміру,
Чтобы князь Владиміръ стольно-кіевскій
Ладилъ бы онъ ему поединщика,
Супротивъ его силушки супротивника.

—

Тутъ Владиміръ князь ужахнулся,
Пріужахнулся, да и закручинился.
Говоритъ Илья таковы слова:
«Не кручинься, Владиміръ, не печалуйся:
«На бою мнѣ ка смерть не написана,
«Поѣду я въ раздольице чисто поле
«И убью-то я идолища поганаго.»
Обулъ Илья лапотики шелко̀вые,
Подсумокъ одѣлъ онъ черна бархата,
На головушку надѣлъ шляпку земли греческой
И пошелъ онъ къ идолищу ко поганому.
И сдѣлалъ онъ ошибочку не малую:
Не взялъ съ собой палицы булатнія,
И не взялъ онъ съ собой сабли вострыя,
Идетъ-то дорожкой—пораздумался:
«Хоть иду-то я къ идолищу поганому,
«Ежели будетъ не пора мнѣ-ка, не времячко,
«И съ чѣмъ мнѣ съ идолищемъ будетъ поправиться?»
На ту пору на то времячко
Идетъ ему на встрѣчу каличище Иванище,
Несетъ на рукахъ клюху девяноста пудъ.
Говорилъ ему Илья таковы слова:
«Ай же ты, каличище Иванище!
«Уступи-тко мнѣ клюхи на времячко,—
«Сходить мнѣ къ идолищу къ поганому?»
Не даетъ ему каличище Иванище,
Не даетъ ему клюхи своей богатырской.
Говорилъ ему Илья таковы слова:
«Ай же ты, каличище Иванище!
«Сдѣлаемъ мы бой рукопашный:
«Мнѣ на бою вѣдь смерть не написана,—
«Я тебя убью, мнѣ клюха и достанется.»
Разсердился калище Иванище.
Здынулъ эту клюху выше го̀ловы
Спустилъ онъ клюху во сыру землю,
Пошелъ каличище—заво̀рыдалъ.
Илья Муромецъ едва досталъ клюху изъ сырой земли.
И пришелъ онъ во палату бѣлокаменну,
Ко этому идолищу поганому.
Пришелъ къ нему и проздравствовалъ.
Говорилъ ему идолище поганое:
«Ай же ты калика перехожая!
«Какъ великъ у насъ богатырь Илья Муромецъ?
Говорилъ ему Илья таковы слова:
«Толь великъ Илья, какъ и я.»
Говорилъ ему идолище поганое:
«По многу ли Илья вашъ хлѣба ѣстъ?
«По многу ли Илья вашъ пива пьетъ?»
Говорилъ Илья таковы слова:
«По стольку ѣстъ Илья какъ и я.
«По стольку пьетъ Илья какъ и я.
Говоритъ ему идолище поганое:
«Экой вашъ богатырь Илья:
«Я вотъ по семи ведеръ пива пью,
«По семи пудъ хлѣба кушаю.»
Говорилъ ему Илья таковы слова:

(**) Борисъ, видя до чего довела его *охота* мѣриться силою съ богатырями, и догадываясь, что такой могучій богатырь никто иной какъ Илья Муромецъ, посылаетъ свою роковую *охоту* спросить у матери (говорившей ему про Илью): каково имѣть дѣло съ Ильей? И тутъ же Борисъ какъ бы получаетъ отъ матери *черезъ охоту* отвѣтъ. Въ другихъ варьянтахъ Борисъ называется то молодымъ Соловниковымъ, то просто татарченкомъ. Но вездѣ онъ сынъ Ильи Муромца. (Прим. О. Милл.).

«У нашего Илья Муромца былъ крестьянинъ,
«У него была корова ѣдучая:
«Она много пила и ѣла, и лопнула »
Это идолищу не слюбилося:
Схватилъ свое кинжалище булатное
И махнулъ онъ въ калику перехожую
Со всея со силушки великія.
И пристанился Илья Муромецъ въ сторонушку малешенько,
Пролетѣлъ его мимо-то булатный ножъ,
Пролетѣлъ онъ на воинную сторону съ простѣночкомъ.
У Ильи Муромца разгорѣлось сердце богатырское,
Схватилъ съ головушки шляпку земли греческой,
И ляпнулъ онъ въ идолище поганое,
И разсѣкъ онъ Идолище нà полы.

(Пѣсни Рыбникова ч. 1, стр. 85—87).

Сдѣлалъ князь Владиміръ почестенъ пиръ
На князей, на бояръ, на русскихъ богатырей
И на всю поленицу удалую,
А забылъ позвать стараго казака Илью Муромца.
Тутъ Ильюшенькѣ стало зарко:
Скоро онъ патянулъ тугій лугъ,
Кладываетъ стрѣлочку каленую,
Стрѣлилъ онъ тутъ по божьимъ церквамъ,
По божьимъ церквамъ, да по чуднымъ крестамъ,
По тымъ маковкамъ золоченымъ.
Вскричалъ-то Илья во всю голову,
Во всю голову зычнымъ голосомъ:
«Ахъ вы голь кабацкая, доброхоты царскіе!
«Ступайте пить со мной за одно зелена вина,
«Обирать-то маковки золоченыя.»
Тутъ-то пьяницы, голь кабацкая,
Бѣжатъ, прискакиваютъ, радуются:
«Ахъ ты отецъ нашъ, родный батюшка!»
Пошли обирать о царевъ кабакъ,
Продаваютъ маковки золоченыя,
Берутъ золоту казну безсчетную
И начали пить зелена вина.
Видитъ князь Владиміръ стольно-кіевскій,
Что пришла бѣда неминучая,
Сдѣлалъ другожды почестенъ пиръ
Для того для стараго казака Ильи Муромца.
Тутъ они думу думаютъ,
Кого послать Илью позвать,
Стараго казака Илью Муромца.
Тутъ-то они думу думали;
Послать то Добрыню Никитича:
Они были братьица крестовые,
У нихъ крестами побраталось,
Кладена была заповѣдь великая,
Подписки были подписаны,—
Слушать большему брату меньшаго,
А меньшему брату большаго.
Приходитъ Добрыня Никитичъ;
«Ай же братецъ крестовый названный.
«Старый казакъ Илья Муромецъ?
«У насъ кладена заповѣдь великая,
«У насъ подписи были подписаны,—
«Слухать большему брату меньшаго,
«А меньшему брату большаго,
«А дружка за дружку обѣмъ стоять.»
Тутъ Ильюша воспроговоритъ:
«Ай же, братецъ крестовый названный,
«Молодой Добрынюшка Никитиничъ?
«Ка-бы не ты, никого бы не послушалъ.
«Не пошелъ бы на почестенъ пиръ,
«А нельзя законъ переступить.»
Тутъ они сокрутилися (одѣлися),
Тутъ они снаряжалися,
Пришли тутъ ко князю, ко Владиміру
Во тую во гридню, во столовую.
Тутъ даваютъ Ильѣ мѣсто не меньшее,
Даваютъ Ильѣ мѣсто большее,
Сажаютъ молодца въ больно-уголъ,
Да несли они чару зелена вина,
Другую рядили къ нему меду пьянаго.
Говоритъ Илья таково слово:
«Ай же ты, Владиміръ стольно кіевскій!
«Зналъ кого послати меня позвать!
«Кабы не братецъ крестовый названный,
«Никого я не послушалъ бы.
«А было намѣреніе наряжено:
«Натянуть тугой лукъ разрывчатый,
«А класть стрѣлочка каленая,
«Стрѣлить во гридню во столовую,
«Убить тебя князя Владиміра.
«А нонѣ тебя Богъ проститъ
«За эту за вину за великую!»

(Пѣсни Рыбник., ч. 1, стр. 95—97).

д. Садко купецъ, богатый гость.

Во славноемъ во Новѣградѣ
Какъ былъ Садко купецъ, богатый гость.
А прежде у Садка имущества не было:
Одни были гуселки яровчаты,—
По пирамъ ходилъ—игралъ Садко.
Садка день не зовутъ на почестенъ пиръ,
Другой не зовутъ на почестенъ пиръ,
И третій не зовутъ на почестенъ пиръ.
По томъ Садко соскучился.
Какъ пошелъ Садко къ Ильмень-озеру,
Садился на бѣлъ-горючъ камень
И началъ играть въ гуселки яровчаты.
Какъ тутъ-то въ озерѣ вода всколыбалася,
Тутъ-то Садко перепался,
Пошелъ прочь отъ озера въ свой во Новгородъ.
Садка день не зовутъ на почестенъ пиръ,
Другой не зовутъ на почестенъ пиръ,
И третій не зовутъ на почестенъ пиръ.
По томъ Садко соскучился,
Какъ пошелъ Садко къ Ильмень-озеру,
Садился на бѣлъ-горючъ камень
И началъ играть въ гуселки яровчаты.
Какъ тутъ-то въ озерѣ вода всколыбалася,
Какъ тутъ-то Садко перепался,
Пошелъ прочь отъ озера въ свой во Новгородъ.
Садка день не зовутъ на почестенъ пиръ,
Другой не зовутъ на почестенъ пиръ,
И третій не зовутъ на почестенъ пиръ:
По томъ Садко соскучился.
Какъ пошелъ Садко къ Ильмень-озеру,
Садился на бѣлъ-горючъ камень
И началъ играть въ гуселки яровчаты.
Какъ тутъ-то въ озерѣ вода всколыбалася,
Показался царь морской—
Вышелъ со Ильменя со озера,
Самъ говорилъ таковы слова:
—«Ай же ты, Садко новгородскій!
Не знаю, чѣмъ буде тебя пожаловать
За твои за утѣхи за великія,
За твою-то игру нѣжную.
Аль безсчетной золотой казной?
А не то ступай во Новгородъ
И ударь о великъ закладъ,
Заложи свою буйну голову
И выряжай съ прочихъ купцовъ
Лавки товара краснаго
И спорь, что въ Ильмень-озерѣ
Есть рыба—золоты перья.
Какъ ударишь о великъ закладъ,
И поди свяжи шелковой неводъ
И пріѣзжай ловить въ Ильмень-озеро:
Дамъ тебѣ три рыбицы—золоты перья.
Тогда ты, Садко, счастливъ будешь».
Пошелъ Садко отъ Ильменя отъ озера.
Какъ приходитъ Садко во свой во Новгородъ,
Позвали Садко на почестенъ пиръ.
Какъ тутъ Садко новгородскій
Сталъ играть въ гуселки яровчаты;
Какъ тутъ стали Садко попаивать,
Стали Садку поднашивать,
Какъ тутъ-то Садко сталъ похвастывать:
«Ай же вы, купцы новогородскіе!
Какъ знаю чудо-чудное въ Ильмень-озерѣ:
А есть рыба—золоты перья въ Ильмень-озерѣ».
Какъ тутъ-то купцы новогородскіе
Говорятъ ему таковы слова:
«Не знаешь ты чуда-чуднаго—
Не можетъ быть въ Ильмень-озерѣ рыба—золоты перья».—
—«Ай же вы, купцы новогородскіе!
О чемъ же бьете со мной о великъ закладъ?
Ударимъ-ка о великъ закладъ:
Я заложу свою буйну голову,
А вы залагайте лавки товара краснаго».
Три купца повыкинулись,
Заложили по три лавки товара краснаго.
Какъ тутъ-то связали неводъ шелковый
И поѣхали ловить въ Ильмень озеро.
Закинули тоньку въ Ильмень озеро,
Добыли рыбку—золоты перья;
Закинули другую тоньку въ Ильмень озерѣ,
Добыли другую рыбку—золоты перья;
Третью закинули тоньку въ Ильмень-озеро,
Добыли третью рыбку—золоты перья.
Тутъ купцы новогородскіе
Отдали по три лавки товара краснаго.
Сталъ Садко поторговывать,

Сталъ получать барыши великіе.
Во своихъ палатахъ бѣлокаменныхъ
Устроилъ Садко все по небесному:
На небѣ солнце—и въ палатахъ солнце;
На небѣ мѣсяцъ—и въ палатахъ мѣсяцъ;
На небѣ звѣзды—и въ палатахъ звѣзды.
Потомъ Садко купецъ, богатый гость,
Созвалъ къ себѣ на почестенъ пиръ
Тыихъ мужиковъ новогородскіихъ
И тыихъ настоятелей новогородскіихъ:
Ѳому Назарьева и Луку Зиновьева.
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру напивалися,
Похвальбами всѣ похвалялися.
Иный хвастаетъ безсчетной золотой казной,
Другой хвастаетъ силой-удачей молодецкою,
Который хвастаетъ добрымъ конемъ,
Который хвастаетъ славнымъ отечествомъ,
Славнымъ отечествомъ, молодымъ молодечествомъ,
Умный хвастаетъ старымъ батюшкой,
Безумный хвастаетъ молодой женой.
Говорятъ настоятели новогородскіе:
«Всѣ мы на пиру наѣдалися,
Всѣ на почестномъ напивалися,
Похвальбами всѣ похвалялися,
Что же у насъ Садко ничѣмъ не похвастаетъ,
Что у насъ Садко ничѣмъ не похваляется?
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
«А чѣмъ мнѣ, Садку, хвастаться,
Чѣмъ мнѣ, Садку, похвалятися?
У меня ль золота казна не тощится,
Цвѣтно платьице не носится,
Дружина хоробра не измѣняется.
А похвастать не похвастать—безсчетной золотой казной:
На свою безсчетну золоту казну
Повыкуплю товары новогородскіе,
Худые товары и добрые!»
Не успѣлъ онъ слова вымолвить,
Какъ настоятели новогородскіе
Ударили о великъ закладъ,
О безсчетной золотой казнѣ,
О денежкахъ тридцати тысячахъ:
Какъ повыкупить Садку товары новогородскіе,
Худые товары и добрые,
Чтобъ въ Новѣградѣ товаровъ въ продажѣ болѣ не было.—
Ставалъ Садко на другой день ранымъ рано,
Будилъ свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны
И распущалъ дружину по улицамъ торговымъ
А самъ-то прямо шелъ въ гостинный рядъ,—
Какъ повыкупилъ товары новогородскіе,
Худые товары и добрые,
На свою безсчетну золоту казну.
На другой день ставалъ Садко ранымъ рано,
Будилъ свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны
И распущалъ дружину по улицамъ торговымъ,
А самъ-то прямо шелъ въ гостинный рядъ:
Вдвойнѣ товаровъ принавезено,
Вдвойнѣ товаровъ принаполнено
На тую на славу на великую новогородскую.
Опять выкупалъ товары новогородскіе,
Худые товары и добрые,
На свою безсчетну золоту казну.
На третій день ставалъ Садко ранымъ рано,
Будилъ свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны
И распущалъ дружину по улицамъ торговымъ,
А самъ-то прямо шелъ въ гостинный рядъ:
Втройнѣ товаровъ принавезено,
Втройнѣ товаровъ принаполнено,
Подоспѣли товары московскіе
На ту на великую на славу новогородскую.
Какъ тутъ Садко пораздумался:
«Не выкупить товара со всего бѣла свѣта:
Еще повыкуплю товары московскіе—
Подоспѣютъ товары заморскіе.
Не я, видно, купецъ богатъ новогородскій—

Побогаче меня славный Новгородъ!»
Отдавалъ онъ настоятелямъ новогородскимъ
Денежекъ онъ тридцать тысячей.
На свою безсчетну золоту казну
Построилъ Садко тридцать кораблей,
Тридцать кораблей, тридцать черленыихъ;
На ты на корабли на черленые
Свалилъ товары новогородскіе,
Поѣхалъ Садко по Волхову,
Со Волхова во Ладожско,
А со Ладожска во Неву рѣку,
А со Невы рѣки во сине море.
Какъ поѣхалъ онъ по синю морю,
Воротилъ онъ въ Золоту орду.
Продавалъ товары новогородскіе,
Получалъ барыши великіе;
Насыпалъ бочки сороковки красна золота, чиста серебра,
Поѣзжалъ назадъ во Новгородъ,
Поѣзжалъ онъ по синю морю.
На синемъ морѣ сходилась погода сильная,
Застоялись черлены корабли на синѐмъ морѣ:
А волной-то бьетъ, паруса рветъ,
Ломаетъ кораблики черленые:
А корабли нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ.
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость
Ко своей дружинѣ ко хороброей:
«Ай же ты, дружинушка хоробрая!
Какъ мы вѣкъ по морю ѣздили,
А морскому царю дани не плачивали:
Видно царь морской отъ насъ дани требуетъ,
Требуетъ дани во сине море».

И приказываетъ Садко спустить въ море бочку серебра. Спускаютъ въ море бочку серебра: но буря не унимается. Потомъ спускаютъ бочку золота: но буря все не унимается. Садко догадывается, что морской царь требуетъ живой головы въ сине море, и велитъ кидать жеребей: чей жеребье ко-дну пойдетъ, тому и идти въ синее море. Три раза кидали разные жеребьи: и всякій разъ у всей дружины жеребья гоголемъ плыли по водѣ, а у Садко опускались ключемъ на дно. Тогда Садко велитъ принести себѣ чернилицу, перо и бумаги, и начинаетъ отписывать свое имѣнье:
Кое имѣнье отписывалъ Божьимъ церквамъ,
Инное имѣнье нищей братіи,
Инное имѣнье молодой женѣ,
Остатнее имѣнье дружинѣ хоробросй,
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
«Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Давайте мнѣ гуселки яровчаты,
Поиграть-то мнѣ въ остатнее:
Больше мнѣ въ гуселки не игрывати.
Али взять мнѣ гусли съ собой во сине море?»
Взимаетъ онъ гуселки яровчаты,
Самъ говоритъ таковы слова:
«Свалите дощечку дубовую на воду:
Хоть я свалюсь на доску дубовую,
Не толь мнѣ страшно принять смерть на синемъ морѣ».
Свалили дощечку дубовую на воду,
Потомъ поѣзжали корабли по синю морю,
Полетѣли какъ черные вороны.
Остался Садко на синемъ морѣ.
Со тоя со страсти со великія
Заснулъ на дощечкѣ на дубовой.
Проснулся Садко во синемъ морѣ,
Во синѐмъ морѣ, на самомъ днѣ.
Сквозь воду увидѣлъ пекучись красное солнышко,
Вечернюю зорю, зорю утреннюю.
Увидѣлъ Садко: во синемъ морѣ
Стоитъ палата бѣлокаменная.
Заходилъ Садко въ палату бѣлокаменну—
Сидитъ въ палатѣ царь морской,
Голова у царя какъ куча сѣнная.
Говоритъ царь таковы слова:
«Ай же ты, Садко купецъ, богатый гость!
Вѣкъ ты, Садко, по морю ѣзживалъ,
Мнѣ царю дани не плачивалъ,
А нонь весь пришелъ ко мнѣ во подарочкахъ.
Скажутъ, мастеръ играть въ гуселки яровчаты:
Поиграй же мнѣ въ гуселки яровчаты»

Какъ началъ играть Садко въ гуселки яровчаты,
Какъ началъ плясать царь морской во синемъ морѣ,
Какъ расплясался царь морской—
Игралъ Садко сутки, игралъ и другіе
Да игралъ еще Садко и третьи—
А все пляшетъ царь морской во синемъ морѣ:
Въ синемъ морѣ вода всколыбалася,
Съ желтымъ пескомъ вода смутилася,
Стало разбивать много кораблей на синемъ морѣ,
Стало много гинуть имѣньицевъ.
Стало много тонуть людей праведныхъ.
Какъ сталъ народъ молиться Николѣ Можайскому.
Какъ тронуло Садко въ плечо во правое:
«Ай же ты, Садко новогородскій!
Полно играть въ гуселюшки яровчаты!»—
Обернулся, глядитъ Садко новогородскій:
Ажно стоитъ старикъ сѣдатый.
Говорилъ Садко новогородскій:
«У меня воля не своя во синемъ морѣ—
Приказано играть въ гуселки яровчаты».
Говоритъ старикъ таковы слова:
«А ты струночки повырывай,
А ты шпенечки повыломай.
Скажи: у меня струночекъ не случилося,
А шпенечковъ не пригодилося:
Не во что больше играть:
Приломилися гуселки яровчаты».

Потомъ старикъ предсказываетъ Садку, что морской царь будетъ приневоливать его жениться въ синимъ морѣ, и дастъ ему совѣтъ, какъ выбирать невѣсту: «Ты, говоритъ, первое триста дѣвицъ пропусти, и другое триста дѣвицъ пропусти, и третья триста дѣвицъ пропусти; а позади будетъ идти дѣвица Чернава—такъ эту Чернаву и бери за себя замужъ. Только не цѣлуй свою невѣсту въ синемъ морѣ, а то тамъ на вѣки останешься; если же не поцѣлуешь. то будешь въ Новгородѣ. А какъ будешь въ Новгородѣ, построй церковь соборную Николѣ Можайскому». Садко такъ и сдѣлалъ, какъ сказалъ ему старикъ:

Садко струночки во гуселкахъ повыдернулъ,
Шпенечки во яровчатыхъ повыломалъ.
Говоритъ ему царь морской:
«Ай же ты, Садко новогородскій!
Что же ты не играешь въ гуселки яровчаты»?—
— «У меня струночки во гуселкахъ выдернулись:
А шпенечки во яровчатыхъ повыломались,
А струночекъ запасныхъ не случилося,
А шпенечковъ не пригодилося».
Говоритъ царь таковы слова:
«Не хочешь ли жениться во синемъ морѣ
На душечкѣ на красныя дѣвушкѣ»?
Говоритъ ему Садко новогородскій:
«У меня воля не своя во синимъ морѣ».
Опять говоритъ царь морской:
«Ну, Садко, вставай поутру ранешенько,
Выбирай себѣ дѣвицу красавицу».
Вставалъ Садко поутру ранешенько.
Поглядитъ: идетъ триста дѣвушекъ красныхъ.
Онъ перво триста дѣвицъ пропустилъ,
И друго триста дѣвицъ пропустилъ,
Позади шла дѣвица красавица,
Красавица дѣвица Чернавушка:
Бралъ тую Чернаву за себя замужъ.
Какъ прошелъ у нихъ столованье почестенъ пиръ,
Какъ проснулся Садко во Новѣградѣ,
О рѣку Чернаву на крутомъ кряжу.
Какъ поглядитъ: ажно бѣжатъ
Свои черленные корабли по Волхову.
Поминаетъ жена Садко со дружиной:
«Не бывать Садку со синя моря!
А дружина поминаетъ одного Садка:
«Остался Садко во синемъ морѣ».
А Садко стоитъ на крутомъ кряжу,
Встрѣчаетъ свою дружинушку со Волхова.
Тутъ его ли дружина сдивовалася;

«Остался Садко во синемъ морѣ—
Очутился впереди насъ во Новѣградѣ
Встрѣчаетъ дружину со Волхова»!
Встрѣтилъ Садко дружину хоробрую
И повелъ въ палаты бѣлокаменны;
Тутъ его жена взрадовалася,
Брала Садка за бѣлы руки.
Цѣловала во уста во сахарныя.
Началъ Садко выгружать со черленныхъ со кораблей
Имѣньице—безчетную казну.
Какъ повыгрузилъ со черленныхъ кораблей
Строилъ церковь соборную Николѣ Можайскому.
Не сталъ больше ѣздить Садко на сине море,
Сталъ поживать Садко во Новѣградѣ.

е. Отчего перевелись богатыри на святой Руси?

Возгордились богатыри своими побѣдами и до того расхвастались, что стали вызывать на бой силу небесную:
«Не намахалися наши могутныя плечи,
«Не уходилися наши добрые кони,
«Не притупилися мечи наши булатные!»
И говоритъ Алеша Поповичъ младъ:
«Подавай намъ силу не здѣшнюю—
«Мы и съ той силою, витязи, справимся?»
Какъ промолвилъ онъ слово неразумное,
Такъ и явились двое воителей,
И крикнули они громкимъ голосомъ:
«А давайте съ нами, витязи, бой держать—
«Не глядите, что насъ двое, а васъ семеро—
Не узнали витязи воителей.
Разгорѣлся Алеша Поповичъ на ихъ слова,
Подняль онъ коня борзаго,
Налетѣлъ на воителей
И разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:
Стало четверо—и живы всѣ.
Налетѣлъ на нихъ Добрыня молодецъ,
Разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:
Стало восьмеро—и живы всѣ.
Налетѣлъ на нихъ Илья Муромецъ,
Разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:
Стало вдвое болѣе и живы всѣ.
Бросилися на силу всѣ витязи:
Стали они силу колоть и рубить....
А сила всѣ растетъ-да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ....
Бились витязи три дня, три часа, три минуточки,
Намахалися ихъ плечи могутныя;
Уходилися кони ихъ добрые;
Притупились мечи ихъ булатные....
А сила все растетъ, да растетъ.
Все на витязей съ боемъ идетъ....
Испугалися могучіе витязи:
Побѣжали въ каменныя горы, въ темныя пещеры....
Какъ подбѣжитъ витязь къ горѣ, такъ и окаменѣетъ:
Какъ подбѣжитъ другой, такъ и окаменѣетъ;
Какъ подбѣжитъ третій, такъ и окаменѣетъ
Съ тѣхъ-то поръ и перевелись витязи на святой Руси!—

(Сынъ Отечества за 1856 г., № 17).

В. ИСТОРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

а. Калинъ царь.

Да изъ Орды, Золотой земли,
Когда подымался злой Калинъ царь,
Злой Калинъ, царь Калиновичь,
Ко стольному городу ко Кіеву.
Со своею силою съ поганою;
Не дошелъ онъ до Кіева за семь верстъ,
Становился Калинъ у быстра Днѣпра,
Сбиралося съ нимъ силы на сто верстъ,
Во всѣ тѣ четыре стороны.
Зачѣмъ мать сыра земля не погнется?
Зачѣмъ не раступится?
А отъ пару было отъ коннаго,
А и мѣсяцъ, солнце померкнуло,
Не видать луча свѣта бѣлаго,

А отъ духу Татарскаго.
Не можно крѣщенымъ намъ живымъ быть.
Садился Калинъ на ремепчатъ стулъ,
Писалъ ярлыки скорописчаты
Ко стольному городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру.
И выбралъ Татарина выше всѣхъ:
А мѣрою тотъ Татаринъ трехъ сажень,
Голова на Татаринѣ съ пивной котелъ,
Которой котелъ сорока ведръ,
Промежъ плечами косая сажень;
Отъ мудрости слово написано:
Что возьметъ Калинъ царь стольной Кіевъ градъ.
А Владиміра князя въ полонъ полонитъ,
Божьи церкви на дымъ пуститъ.
Даетъ тому Татарину ярлыки скорописчаты.
И послалъ его въ Кіевъ наскоро.
Садился Татаринъ на добра коня.
Поѣхалъ ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру;
А и будетъ онъ Татаринъ въ Кіевѣ,
Середи двора княженецкаго
Соскакивалъ Татаринъ съ добра коня,
Не вяжетъ коня, не приказываетъ.
Бѣжитъ онъ во гридню, во свѣтлую,
А Спасову образу не молится,
Владиміру князю не кланяется,
И въ Кіевѣ людей ничѣмъ зоветъ;
Бросалъ ярлыки на круглой столъ
Предъ Великаго князя Владиміра.
Отошедъ Татаринъ слово выговорилъ:
«Владиміръ князь стольной Кіевской!
«А на скорѣ сдай ты намъ Кіевъ градъ,
«Безъ бою, безъ драки великія,
«И безъ того кровопролитія напраснаго.»
Владиміръ князь запечалился,
А на скорѣ ярлыки распечатывалъ и просматривалъ,
Глядючи въ ярлыки заплакалъ онъ.
По грѣхамъ надъ княземъ учинилося,
Богатырей во Кіевѣ не случилося,
А Калинъ царь подъ стѣною стоитъ;
А съ Калиномъ силы написано
Ни много ни мало—на сто верстъ
Во всѣ четыре стороны.
Еще со Калиномъ сорокъ царей со царевичемъ,
Сорокъ королей съ королевичемъ.
Подъ всякимъ царемъ силы по три тмы, (*) по три тысячи,
По праву руку его зять сидитъ;
А по лѣву руку сынъ сидитъ.—
И то у нихъ дѣло не окончено,
Татаринъ изъ Кіева не выѣхалъ.
Въ ту пору Василій пьяница
Взбѣжалъ на башню на стрѣльную,
Беретъ онъ свой тугой лукъ разрывчатой.
Калену стрѣлу перену ю,
Наводилъ онъ трубками Нѣмецкими,
А гдѣ-то сидитъ злодѣй Калинъ царь—
И тотъ-то Василій пьяница
Стрѣлялъ онъ тутъ во Калина царя,
Не попалъ во собаку Калина царя,
Что попалъ онъ въ зятя его—
Угодила стрѣла ему въ правой глазъ;
Ушибъ его до смерти.
И тутъ Калину царю за бѣду стало,
Что перву бѣду не утушили,
А другую бѣду они загрѣзили.
Убили зятя любимаго
Съ тоя башни со стрѣльныя.
Посылалъ другаго Татарина
Ко тому князю Владиміру,
Чтобы выдалъ виноватаго.
А мало время замѣшкавши
Съ тоя стороны полуденныя,
Что ясной соколъ въ перелетъ летитъ,
Какъ бѣлый кречетъ перепархиваетъ,
Бѣжитъ старой казакъ Илья Муромецъ.
Пріѣхалъ онъ во стольной Кіевъ градъ,
Середи двора княженецкаго
Соскочилъ Илья съ добра коня.
Не вяжетъ коня, не приказываетъ,
Идетъ во гридню во свѣтлую;
Онъ молится Спасу со Пречистою,
Бьетъ челомъ князю со княгинею,
И на всѣ четыре стороны;
А самъ Илья усмѣхается:
«Гой еси, сударь, Владиміръ князь!
Что у тебя за болванъ пришелъ?
Что за дуракъ неотесаной?»
Владиміръ князь стольной Кіевской
Подаетъ ярлыки скорописчаты;
Принялъ Илья, самъ прочитывалъ;

(*) Тма—десять тысячь.

Говорилъ тутъ ему Владиміръ князь:
«Гой еси, Илья Муромецъ!
«Пособи мнѣ думушу подумати,
«Сдать ли мнѣ, не здать ли Кіевъ градъ,
«Безъ бою мнѣ, безъ драки великія,
«Безъ того кровопролитья напраснаго»?
Говоритъ Илья таково слово:
«Владиміръ князь стольной Кіевской!
«Ни о чемъ ты, государь, не печалуйся:
«Боже Спасъ оборонитъ насъ,
«А не что, Пречистый и всѣхъ сохранитъ.
«Насыпай ты мису чиста серебра,
«Другую красна золота.
«Третью тису скатнаго жемчуга;
«Поѣдемъ со мной ко Калину царю,
«Со своими честными подарками,
«Тотъ Татаринъ дуракъ насъ прямо доведетъ».
Наряжался князь тутъ поваромъ;
Замарался сажею котельною;
Поѣхали они къ Калину царю.
А прямо ихъ Татаринъ въ лагери ведетъ.
Пріѣхалъ Илья къ Калину царю
Въ его лагери Татарскіе:
Соскочилъ Илья со добра коня,
Калину царю поклоняется,
Самъ говоритъ таково слово:
«А и Калинъ царь, злодѣй Калиновичь!
«Прими наши дороги подарочки
«Отъ великаго князя Владиміра;
«Перву мису чиста серебра,
«Другую красна золота,
«Третью мису скатнаго жемчуга;
«А дай ты намъ сроку на три дня,
«Въ Кіевѣ намъ преуправиться,
«Отслужить обѣдни съ панихидами
«Какъ-де служатъ по усопшимъ душамъ,
«Другъ съ дружкой проститися».
Говоритъ тутъ Калинъ таково слово:
«Гой еси ты Илья Муромецъ!
«Выдайте вы намъ виноватаго,
«Который стрѣлялъ съ башни со стрѣльныя.
«Убилъ моего затя любимаго».
Говорилъ ему Илья таково слово:
«А ты слушай, Калинъ царь, повелѣнное:
«Прими наши подарочки
«Отъ великаго князя Владиміра.
«Гдѣ намъ искать такого человѣка и вамъ отдать?»
И тутъ Калинъ принялъ золоту казну
Нечестно у него, самъ прибраниваетъ.
И тутъ Ильѣ за бѣду стало,
Что не далъ сроку на три дни и на три часа,
Говорилъ таково слово:
«Собака, проклятой ты Калинъ царь!
«Отойди съ Татарами отъ Кіева;
«Охота ли вамъ, собака, живымъ быть»?—
И тутъ Калину за бѣду стало,
Велѣлъ Татарамъ схватить Илью;
Связали ему руки бѣлыя
Во крѣпки чембуры шелковые.
Въ ту пору Ильѣ за бѣду стало,
Говорилъ онъ таково слово:
«Собака, проклятой ты Калинъ царь!
«Отойди прочь съ Татарами отъ Кіева:
«Охота ли вамъ, собака, живымъ быть»?
И тутъ Калину за бѣду стало—
И плюетъ онъ Ильѣ во ясны очи:
«А Руской людъ всегда хвастливъ,
«Опутанъ весь, будто лысой бѣсъ,
«Еще ли стоитъ передо мной, самъ хвастаетъ».—
И тутъ Ильѣ за бѣду стало,
За великую досаду показалося,
Что плюетъ Калинъ въ ясны очи;
Вскочилъ съ полдрева стоячаго,
Изорвалъ чембуры на могучихъ плечахъ,
Не допустятъ Илью до добра коня,
И до его-ли до палицы тяжкія,
До мѣдны литы въ три тысячи.
Схватилъ Илья Татарина за ноги,
Который ѣздилъ во Кіевъ градъ,
И зачалъ Татариномъ помахивати:
Куда ли махнетъ—тутъ и улицы лежатъ,
Куда отвернетъ—съ переулками,
А самъ Татарину приговариваетъ:
«А и крѣпокъ Татаринъ, не ломится,
«А жиловатъ, собака, не изорвется».—
И только Илья слово выговорилъ,
Оторвется голова его Татарская,
Угодила та голова силѣ вдоль,
И бьетъ ихъ, ломитъ, въ конецъ губитъ;
Остальные Татара на побѣгъ пошли,
Въ болотахъ, въ рѣкахъ притонули всѣ,

Оставили свой возы и лагери.
Воротился Илья онъ ко Калину царю,
Схватилъ онъ Калина во бѣлы руки,
Самъ Калину приговариваетъ:
«Васъ-то царей не бьютъ, не казнятъ,
«Не бьютъ, не казнятъ и не вѣшаютъ».—
Согнетъ его корчагою,
Поднималъ выше головы своей,
Ударилъ его о горючь камень,
Расшибъ его въ крошечки.
Остальные Татара на побѣгъ бѣгутъ,
Сами они заклинаются:
«Не дай Богъ намъ бывать во Кіевѣ,
«Не дай Богъ намъ видать Русскихъ людей!
«Неужто въ Кіевѣ всѣ таковы,
«Одинъ человѣкъ всѣхъ Татаръ прибилъ»?—
Пошелъ Илья Муромецъ
Искать своего товарища,
Того ли Василья пьяницу Игнатьева;
И скоро нашелъ его на кружалѣ (*) Петровскомъ,
Привелъ ко князю Владиміру.—
А пьетъ Илья довольно зелена вина
Съ тѣмъ Василіемъ со пьяницей,
И называетъ Илья того пьяницу
Василья братомъ названнымъ.—
То старина, то и дѣянье.

(Сбор. Кирши Данилова).

б. Романъ Дмитріевичъ и Марья Юрьевна.

Романъ князь, Митріевичъ младъ,
Поѣзжалъ онъ въ чисто поле
Сбирать дани за тѣ годы, за старые,
И унимаетъ его княгиня Марья Юрьевна:
«Душенька, Романъ князь, сударь Митревичъ!
Ни уѣдь ты въ далеко чисто поле
Сбирать тѣ дани, сударь, пошлины:
Какъ ночесь мнѣ, Марьѣ Юрьевнѣ,
Мало спалось, много видѣлось,
Много видѣлось, во снѣ грезилось:
Будто спалъ у меня, у Марьюшки, злаченъ перстень
Съ меньшова перста, съ мизеночка,
И разсыпался на мелкія зёрнотка, на мушенки.
Тутъ изъ дáлеча, далéча, изъ чиста поля
Прилетѣло стадо черныхъ вороновъ,
Расклевали мой, Марьюшкинъ злаченъ перстень.
Кто бы могъ мой сонъ теперь рòзсудить?»
Говоритъ князь Романъ, сударь Митріевичъ:
«Ты не плачь, княгиня Марья Юрьевна:
Юрьевна, ты лебедь бѣлая!
Я какъ съѣзжу въ далеко чисто поле,
Такъ съищу тамъ много знахарей.
Что могутъ тебѣ разсудить твой сонъ.»
Говоритъ княгиня Марья Юрьевна:
«Ты, душенька, Романъ князь, сударь Митревичъ,
Не надо мнѣ твоихъ много знахарей,
Я могу этотъ сонъ сама весь рòзсудить,
Какъ ты уѣдешь въ далече чисто поле,
Такъ изъ той земли, изъ бусурманскія,
Наѣдутъ многе поганы татарове
На трехъ червленыхъ новыхъ корабляхъ:
Увезутъ меня княгиню Марью Юрьевну.»
Ничего князь Романъ не побаровалъ (sic)
И уѣзжалъ въ дàлече чисто поле.
Въ ту пору, въ то время
Пріѣзжали поганы татарове
На трехъ червленыхъ новыхъ корабляхъ.
Тутъ княгиня въ побѣгъ пошла:
Выходила изъ высока нова терема
На новыя сѣни,
Съ новыхъ сѣней на широкій дворъ,
Съ широкаго двора въ зеленый садъ.
Тамъ призднула яблонь кудреватую,
И садилась подъ яблонь кудреватую.
А тѣ поганы татарове
Выѣзжали на крутой красенъ бережокъ,
Приходили въ высокъ теремъ:
Туто ходитъ Марьина протомойница,
Они туто взяли плеточки шелковыя,
Стали туто бить Марьину протомойницу:
«Ты скажи намъ, скажи, не утай—скажи,
«Ты ли есть княгиня Марья Юрьевна?»
И говорила имъ Марьина протомойница:
«Я есть не княгиня Марья Юрьевна,

(*) *Кружало*—питейной домъ.

Я есть Марьина протомойница.»
Они стали туто бить Марьину клюшницу:
«Ты скажи намъ, скажи, не утай—скажи,
Ты ли есть княгиня Марья Юрьевна?»
И говорила имъ Марьина клюшница:
«Я есть не княгиня Марья Юрьевна,
Я есть Марьина клюшница».
И стали они Марью отыскивать:
Выходили они изъ высока нова терема
На новы сѣни,
Со новыхъ сѣней на широкій дворъ,
Съ широка двора во зеленый садъ,
Приздынули тутъ яблонь кудреватую
И нашли княгиню Марью Юрьевну,
Стали Марьюшку допрашивать:
«Скажи: ты ли есть княгиня Марья Юрьевна?»
«Нѣтъ, я не княгиня есть Марья Юрьевна,
Я есть Марьина постельница».
Тутъ они брали плеточки шелковыя,
Стали ее бить, не жалѣючись,
И стали ее снова допрашивать;
«Скажи, скажи, не утай—скажи:
Ты ли есть княгиня Марья Юрьевна?»
Тутъ она и сказалась имъ:
«Я есть княгиня Марья Юрьевна».
Взяли они княгиню за бѣлы руки,
И вели на пристань корабельную,
И привезли къ Батышу на червленъ корабль:
Беретъ ее Батыша за бѣлы руки,
И цалуетъ княгиню въ сахарны уста,
Говоритъ княгиня Марья Юрьевна:
«Ой же ты, Батышъ царь Батурьевичъ!
Не цалуй ты меня въ сахарны уста,
Не скверни устовъ моихъ сахарныхъ,
Когда привезешь въ землю басурманскую....»
Онъ и бралъ ее за ручки бѣлыя,
И за тѣ ли перстки злаченыя
И увозилъ на червленомъ караблѣ
За сине-море, за соленое.
И ушелъ Батышъ на тихи-мелки заводи
Стрѣлять гусей, бѣлыхъ лебедей,
Маленькихъ пернатыхъ сѣрыхъ уточекъ;
Пойдучи матери наказывалъ:
«Дай ей нянюшекъ, служаночекъ,
«Ежели она закручинится».
Она сидѣла у окошечка косивчата,
Глядѣла въ околенку стекольчату,
Вотъ мать его идетъ спрашиваетъ:
«Что ты сидишь у окошечка у косивчата,
Чего плачешь, уливаешься?»
«Сегодня у меня, на Руси, великъ праздникъ,
Великъ праздникъ—Свѣтло Христово Воскресеніе;
Гуляютъ жены христіанскія,
Купеческія, министерскія, крестьянскія,
И послѣднія жены солдатскія,
И голи кабацкія;
А я сижу у окошечка,
Проливаю свои слезы горючія».
Мать дала ей няничекъ, служаночекъ въ сады гулять
И дала напитковъ всякихъ разныхъ,
Она напоила нянекъ до пьяна,
Что няньки лежатъ сами безъ себя.
Пришла Марья на гору высокую,
Скидавала свое платье, цвѣтное,
Надѣвала на лѣсиночку.
И пошла съ горы,
Ей на встрѣчу быстра рѣка.
И быстра рѣка идетъ,
Что громъ гремитъ,
И взмолилась Марья быстрой рѣкѣ:
«Ой же ты, мать, Дарья-рѣка!
Сдѣлайся по женскимъ перебродищамъ;
Станьте переходы узкіе, переброды мелкіе,
Пропусти меня Марью Юрьевну!
И рѣка Марью послушалась:
Сдѣлалась по женскимъ перебродищамъ;
Перебрѣла она черезъ быстру рѣку,
Пошла она впередъ попадать
И пришла ей больше того рѣка.
Она видитъ, что перейти нельзя:
Смотритъ, плаваетъ на другой сторонѣ колода бѣлодубова
И взмолится Марья той колодѣ бѣлодубовой:
«Ой же ты, колода бѣлодубова!
Перевези меня черезъ быстру рѣку,
А выйду на Святую Русь,
Вырѣжу тебя на мелки кресты,
На чудны образы
И вызолочу червоннымъ краснымъ золотомъ».

И колода ее послушалась:
Перевезла ее черезъ быстру рѣку.
И прошла Марья Юрьевна
Къ Роману Митріевичу,
Сама взговоритъ таковы рѣчи:
«Ой еси, ты Романъ, князь Митріевичъ!
Вывеземъ мы колоду бѣлодубову
На святую Русь,
Вырѣжемъ на мелки кресты
И на чудны образы,
И вызолотимъ червоннымъ краснымъ золотомъ».
И вывезли ту колоду бѣлодубову
На святую Русь
И вырѣзали на мелки кресты,
И на чудны образы,
И вызолотили червоннымъ краснымъ золотомъ
И разослали по церквамъ.

(Пѣсни Якушкина. стр. 66—68, 64—66).

в. Щелканъ Дудентьевичь.

А и дѣялося въ ордѣ,
Передѣялось въ Большой, —
На стулѣ золотѣ,
На рытомъ бархатѣ,
На червчатой камкѣ
Сидитъ тутъ Царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичъ; —
Суды разсуживаетъ
И ряды разряживаетъ;
Костыль размахиваетъ
По бритымъ тѣмъ усамъ,
По татарскимъ тѣмъ головамъ,
По синимъ плѣшамъ.
Шурьевъ царь дарилъ,
Азвякъ Тавруловичъ,
Городами стольными:
Василья на Плесу,
Гордѣя къ Вологдѣ,
Ахрамея къ Костромѣ,
Одного не пожаловалъ
Любимаго шурина
Щелкана Дудентьевича.
За что не пожаловалъ?
И за то онъ не пожаловалъ,
Его дома не случилося,
Уѣзжалъ-то младъ Щелканъ
Въ дальную землю Литовскую,
За моря синія,
Бралъ онъ, младъ Щелканъ;
Дани, невыходы,
Царски невыплаты;
Съ князей бралъ по сту рублевъ,
Съ бояръ по пятидесять,
Съ крестьянъ по пяти рублевъ, —
У котораго денегъ нѣтъ,
У того дитя возьметъ;
У котораго дитя нѣтъ,
У того жену возьметъ;
У котораго жены-то нѣтъ,
Того самаго головой возьметъ.
Вывезъ младъ Щелканъ
Дани выходы,
Царскія невыплаты;
Вывелъ младъ Щелканъ
Коня въ сто рублевъ,
Сѣдло во тысячу,
Уздѣ цѣны ей нѣтъ.
Не тѣмъ узда дорога,
Что вся узда золота,
Она тѣмъ узда дорога,
Чарское жалованье,
Государево величество;
А нельзя, дескать,
Тое узды ни продать, ни промѣнять
И друга дарить,
Щелкана Дудентьевича.
Проговоритъ младъ Щелканъ,
Младъ Дудентьевичь:
«Гой еси, царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичъ!
Пожаловалъ ты молодцовъ
Любимыхъ шуриновъ,
Двухъ удалыхъ Борисовичевъ:
Василья, на Плесу,
Гордѣя къ Вологдѣ,
Ахрамея къ Костромѣ;
Пожалуй ты, царь Азвякъ,
Пожалуй ты меня
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двумя братцами родимыми,
Двумя удалыми Борисовичи».
Проговоритъ царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичъ:
«Гой еси, шуринъ мой

Щелканъ Дудентьевичъ!
Заколить-ко ты сына своего,
Сына любимаго,
Крови ты чашу нацѣди,
Выпей ты крови тоя,
Крови горячія;
И тогда я тебя пожалую
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двумя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи».
Втапоры младъ Щелканъ
Сына своего закололъ,
Чашу крови нацѣдилъ,
Крови горячія,
Выпилъ чашу тоя крови горячія;
А втапоры царь Азвякъ
За то его пожаловалъ
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двумя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи.
И втѣпоры младъ Щелканъ
Онъ судьею не сѣлъ
Въ Тверь ту старую,
Въ Тверь ту богатую;
А немного онъ судьею сидѣлъ:
И вдовы-то безчестити,
Красны дѣвицы позорити,
Надо всѣми наругатися,
Надъ домами насмѣхатися.
Мужики-то старые,
Мужики-то богатые,
Мужики посадскіе,
Они жалобу приносили
Двумъ братцамъ родимымъ,
Двумъ удалымъ Борисовичамъ;
Отъ народа. они съ поклономъ
Пошли съ честными подарками—
И понесли они честные подарки
Злата, серебра и скатнаго жемчугу.
Изошли его въ домѣ у себя
Щелкана Дудентьевича;
Подарки принялъ отъ нихъ,
Чести не воздалъ имъ.
Втапоры младъ Щелканъ
Зачванился, загордился;
И они съ нимъ раздорили—
Одинъ ухватилъ за волосы,
А другой за ноги,
И тутъ его разорвали.
Тутъ смерть ему случилася,
Ни на комъ не сыскалося.

(Христ О. Ѳ. Миллера, стр. 490—491).

г. Взятіе Казанскаго Царства.

Среди было Казанскаго царства
Что стояли бѣлокаменны палаты,
А изъ спальни бѣлокаменной палаты,
Ото сна тутъ Царица пробуждалася,
Царица Елена Симеону Царю она сонъ разсказала:
«А и ты встань, Симеонъ Царь, пробудися!
Что ночесь мнѣ Царицѣ мало спалося,
Въ сновидѣньицѣ много видѣлося;
Какъ отъ сильнаго Московскаго Царства
Кабы сизой орлище встрепенулся,
Кабы грозная туча подымалась
Что на наше вѣдь царство наплывала;
А изъ сильнаго Московскаго Царства
Подымался Великій Князь Московскій
А Иванъ, сударь, Васильевичъ прозритель,
Со тѣми ли пѣхотными полками,
Что со старыми славными козаками.
Подходили подъ Казанское Царство за пятнадцать верстъ,
Становились они подкопью подъ Булатъ рѣку,
Подходили подъ другую, подъ рѣку подъ Казанку,
Съ чернымъ порохомъ бочки закатали,
А и подъ гору ихъ становили,
Подводили подъ Казанское Царство;
Воску яраго свѣчу становили,
А другую вѣдь на полѣ въ лагерѣ:
Еще на полѣ свѣча та сгорѣла,
А въ землѣ-то идетъ свѣча тишѣя.
Воспалился тутъ Великій Князь Московскій,
Князь Иванъ, сударь, Васильевичъ, прозритель,
И началъ канонеровъ тутъ казнити.
Что началася отъ канонеровъ измѣна,
Что большой за меньшаго хоронился,

От меньшаго ему Князю отвѣту нѣту;
Еще тутъ ли молодой канонеръ выступался:
«Ты Великій, сударь, Князь Московскій!
Не вели ты насъ канонеровъ казнити:
Что на вѣтрѣ свѣча горитъ скорѣе
А въ землѣ то свѣча тишѣе».
Позадумался Князь Московскій,
Онъ и сталъ тѣ-то рѣчи размышляти собою,
Еще какъ бы это дѣло оттянути.
Они тѣ-то рѣчи говорили,
Догорѣла въ землѣ свѣча воску яраго
До тоя-то бочки съ чернымъ порохомъ,—
Принималися бочки съ чернымъ порохомъ,
Подымало высокую гору,
Разбросало бѣлокаменны палаты.
И бѣжалъ тутъ Великій Князь Московскій
На тое ли высокую гору,
Гдѣ стояли Царскія палаты..
Что Царица Елена догадалась,
Она сыпала соли на ковригу,
Она съ радостью Московскаго Князя встрѣчала
А того ли Ивана, сударь, Васильевича, прозрителя;
И за то онъ Царицу пожаловалъ
И привелъ въ крещеную вѣру,
Въ монастырь Царицу постригли,
А за гордость Царя Симеона,
Что не встрѣтилъ Великаго Князя онъ,
И вынялъ ясны очи косицами;
Онъ и взялъ съ него Царскую корону
И снялъ Царскую порфиру,
Онъ Царской костыль въ руки принялъ.
И въ то время Князь воцарился
И насѣлъ въ Московское Царство,
Что тогда-де Москва основалася;
И съ тѣхъ поръ великая слава.

д. Никитѣ Романовичу дано село Преображенское.

Да не старые годы прежніе,
Во т .времена первоначальныя,
Когда воцарился царь государь,
А грозной царь, Иванъ Васильевичъ;
Что взялъ онъ царство Казанское,
Симеона царя въ полонъ полонилъ
Съ царицею со Еленою.
Выводилъ онъ измѣну изъ Кіева,
Что вывелъ измѣну изъ Новагорода
Что взялъ Рязань, взялъ и Астрахань.
А нынѣ у царя въ каменной Москвѣ,
Что пиръ идетъ у него на весельѣ;
А пиръ идетъ про князей, про бояръ,
Про вельможи, гости богатые,
Про тѣхъ купцевъ про Сибирскіихъ.
Какъ будетъ лѣтній-етъ день въ половинѣ дня.
Смиренна бесѣдушка на веселѣ;
А всѣ туто князи и бояра
И всѣ на пиру напивалися,
Промежъ собою они расхвасталися.
А сильной хвастаетъ силою,
Богатой-етъ хвастаетъ богатествомъ.
Злата труба въ царствѣ протрубила;
Пригласилъ царь государь, слово выговорилъ:
«А глупы бояра, вы неразумные!
А всѣ вы бездѣлицей хвастаетесь!
А смѣю я царь похвалитися,
Похвалитися и похвастати:
Что вывелъ я измѣну изъ Кіева,
Да вывелъ измѣну изъ Новагорода,
А взялъ я Рязань, взялъ и Астрахань.»
Въ палатахъ злата труба протрубила,
Пригласилъ въ палатахъ царевичъ молодой,
Что меньшой Ѳедоръ Ивановичъ:
«А, грозной царь, Иванъ Васильевичъ!
Не вывелъ измѣны въ каменной Москвѣ,
Что есть у насъ въ каменной Москвѣ,
Что три большіе боярина,
А три Годуновы измѣнники.»
За то слово царь спохватается:
«Ты гой еси, чадо мое милое,
Что меньшой Ѳедоръ Ивановичъ!
Скажи мнѣ про трехъ ты бояриновъ,
Про трехъ злодѣевъ измѣнниковъ;
Перваго боярина въ котлѣ велю сварить,
Другаго боярина велю на колъ посадить,
Третьяго боярина скоро велю сказнить.»
Отвѣтъ держитъ тутъ царевичъ молодой,

Что меньшой Өедоръ Ивановичъ:
«А грозной царь Иванъ Васильевичъ!
Ты самъ про нихъ знаешь и вѣдаешь,
Про трехъ большихъ бояриновъ,
Про трехъ Годуновыхъ измѣнниковъ;
Ты пьешь съ ними, ѣшь съ единаго блюда
Единую чару съ ними требуешь.»
То слово царю не взлюбилося,
То слово не показалося,
Не сказалъ онъ измѣнниковъ по имени;
Ему туто за бѣду стало,
За великую досаду показалося;
Скричалъ онъ царь зычнымъ голосомъ:
«А естьли въ Москвѣ немилостивы палачи?
Возмите царевича за бѣлы ручки,
Ведите царевича со царскаго двора,
За тѣ за вороты Москворѣцкія,
За славную матушку за Москву за рѣку,
За тѣ живы мосты калиновы,
Къ тому болоту поганому,
Ко той ко лужѣ кровавыя;
Ко той ко плахѣ бѣлодубовой.»
А всѣ палачи испужалися,
Что всѣ въ Москвѣ разбѣжалися;
Единъ палачъ не пужается,
Единъ злодѣй выступается,
Малюта палачъ, сынъ Скурлатовичъ.
Хватя онъ царевича за бѣлы ручки,
Повелъ царевича за Москву за рѣку.—
Перепахнула вѣстка нерадошна
Во то во село въ Романовское,
Въ Романовское, во боярское,
Къ старому Никитѣ Романовичу,
Нерадошна вѣстка, кручинная:
«А и гой еси, сударь, мой дядюшка,
Ты старой Никита Романовичъ!
А спишь, лежишь, опочивъ держишь?
Али тѣ Никитѣ мало можется?
Надъ собою ты невзгоды не воздаешь
Упала звѣзда поднебесная,
Потухла въ Соборѣ свѣча мѣстная,
Не стало царевича у насъ въ Москвѣ,
А меньшаго Өедора Ивановича.»
Много Никита не выспрашиваетъ,
А скоро метался на широкой дворъ,
Скричалъ онъ Никита зычнымъ голосомъ;
«А конюхи мои, приспѣшники!
Ведите наскорѣ добра коня,
Не сѣдланаго, не узданаго.»
Скоро-де конюхи металися,
Подводятъ наскорѣ добра коня,
Садился Никита на добра коня.
За себя онъ Никита любимаго конюха хватилъ
Поскакалъ за матушку Москву за рѣку,
А шапкой машетъ, головой качаетъ,
Кричитъ онъ, реветъ зычнымъ голосомъ:
«Народъ православной, не убейтеся,
Дайте дорогу мнѣ широкую.»
Настигъ палача онъ во полу-путя,
Не дошедъ до болота поганого,
Кричитъ на его зычнымъ голосомъ:
«Малюта палачъ, сынъ Скурлатовичъ!
Не за свойской кусъ ты хватаешься,
А этимъ кусомъ ты подавишься;
Не переводи ты роды царскіе.»
Говоритъ Малюта немилостивой палачъ
«Ты гой, Никита Романовичъ!
А наше-то дѣло повелѣнное;
Али палачу мнѣ самому быть сказнену?
А чѣмъ окровенить саблю острую?
Что чѣмъ окровенить руки бѣлыя?
А съ чѣмъ придтить къ царю предъ очи
Предъ его очи царскія?»
Отвѣчаетъ Никитина Романовичъ:
«Малюта палачъ, сынъ Скурлатовичъ!
Сказни ты любимаго конюха моего.
Окровени саблю острую,
Замарай въ крови руки бѣлыя свои:
А съ тѣмъ поди къ царю предъ очи
Предъ его очи царскія.»
А много палачъ не выспрашиваетъ,
Сказнилъ любимаго конюха его,
Окровенилъ саблю острую,
Замаралъ руки бѣлыя свои,
А прямо пошелъ къ царю предъ очи,
Подмастерье его голову хватилъ;
Идутъ къ царю предъ очи его царскія,
Въ его любимую Крестовую.
А грозный царь Иванъ Васильевичъ
Завидѣвши сабельку острую,
А остру саблю, кровавую,
Того палача немилостива,
Потомъ же увидѣлъ и голову у нихъ—
А гдѣ-ко стоялъ, онъ и туто упалъ;

Что рѣзвы ноги подломилися,
Что царски очи замутилися,
Что по три дня ни пьетъ, ни ѣстъ,—
Народъ Христiане православные,
Положили любимаго конюха
На тѣ на телѣги на Ордынскiя,
Привезли до Ивана Великаго,
Гдѣ кладутся цари и царевичи,
Гдѣ ихъ роды, роды царскiе;
Завсегда звонятъ во Царь колоколъ.
А старой Никита Романовичъ
Хватя онъ царевича,
На добра коня посадилъ,
Увезъ во село свое Романовское,
Въ Романовское и боярское.
Не пива ему варить, не вина курить,
А пиръ пошелъ у него на радостяхъ;
А въ трубки трубятъ по ратному,
Барабаны бьютъ по воинскому.—
У той у церкви Соборныя
Сбирались попы и дьяконы,
А всѣ вѣдь причетники церковные,
Отпѣвали любимаго конюха.
А втапоры пригодился царь,
А грозный царь Иванъ Васильевичъ,
А трижды земли на могилу бросилъ;
Съ печали царь по царству пошелъ,
По тѣмъ широкимъ по улицамъ.
А тѣ бояра Годуновые
Идутъ съ царемъ, сами подмолвилися:
«Ты грозной царь, Иванъ Васильевичъ!
У тебя кручина несносная,
У боярина пиръ идетъ на веселѣ,
У стараго Никиты Романовича.»
А грозной царь, онъ и крутъ добрѣ,
Послалъ посла немилостиваго,
Что взять его Никиту нечестно къ нему,
Пришелъ посолъ ко боярину въ домъ,
Взялъ Никиту, нечестно повелъ,
Привелъ ко царю предъ ясны очи;
Не дошедъ Никита, поклоняется
О праву руку до сырой земли.
А грозной царь Иванъ Васильевичъ
А во правой рукѣ держитъ царскiй ко-
стыль,
А въ лѣвой рукѣ держитъ царско жезло,
По нашему Сибирскому остро копье,
А ткнетъ онъ Никиту въ правую ногу,
Пришилъ его ко сырой землѣ:
А самъ онъ царь приговариваетъ:
«Велю я Никиту въ котлѣ сварить,
Въ котлѣ сварить, либо на колъ по-
садить,
На колъ посадить, скоро велю сказнить;
У меня кручина несносная,
А у тебя бярина пиръ на веселѣ.
Къ чему ты, Никита, въ домѣ добрѣ
радошенъ?
Али ты, Никита, какой городъ взялъ?
Али ты, Никита, корысть получилъ?»
Говоритъ онъ Никита не съ упадкою (*):
«Ты грозной царь Иванъ Васильевичъ!
Не вели меня казнить, прикажи гово-
рить:
А для того у меня пиръ на веселѣ,
Что въ трубочки трубятъ по ратному,
Въ барабаны бьютъ по воинскому,
Утѣшаютъ млада царевича,
Что меньшаго Ѳедора Ивановича.»
А много царь не выспрашиваетъ,
Хватя Никиту за праву руку
Пошелъ въ палаты во боярскiя.
Отворяли царю на пяту
Пошелъ во палаты во боярскiя,
Поднебесна звѣзда ужь высоко взошла,
Въ Соборѣ мѣстна свѣча затеплилася,—
Увидѣлъ царевича во большомъ мѣстѣ,
Въ большомъ мѣстѣ въ переднемъ углѣ
Подъ мѣстными иконами;
Беретъ онъ царевича за бѣлы ручки,
А грозной царь Иванъ Васильевичъ
Цѣловалъ его во уста сахарныя;
Скричалъ онъ царь зычнымъ голосомъ:
«А чѣмъ бярина пожаловати
А стараго Никиту Романовича?
А погребъ тебѣ злата, серебра,
Второе тебѣ питья разнаго;
А сверхъ того грамота Тарханная:
Кто церкву покрадетъ, мужика ли убьетъ,
А кто у жива мужа жену уведетъ
И уйдетъ во село во боярское
Ко старому Никитѣ Романовичу—
И тамъ быть имъ не въ выдачѣ.»—
А было это село боярское,
Что стало село Преображенское,
По той по грамотѣ Тарханныя;
Отнынѣ оно слыветъ и до вѣку.—

(*) Безъ робости.

Г. САТИРИЧЕСКІЯ СКАЗКИ.

а. Шемякинъ Судъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ жили два брата: богатой и убогой. Нанялся убогой къ богатому, работалъ цѣлую зиму, и далъ ему богатый двѣ мѣры ржи; приноситъ убогой домой, отдаетъ хлѣбъ хозяйкѣ. Она и говоритъ: «работалъ ты цѣлую зиму, а всего-на-всего заработалъ двѣ мѣры ржи; коли смолоть ее да хлѣбовъ напечь, поѣдимъ, и опять ничего у насъ не будетъ! Лучше ступай ты къ брату, попроси быковъ и поѣзжай въ поле пахать да сѣять: авось Господь Богъ уродитъ, будемъ и мы съ хлѣбомъ!»—Не пойду, сказалъ убогой; все одно: проси, не проси — не дастъ онъ быковъ! «Ступай! теперь братъ въ большой радости, родила у него хозяйка сына, авось не откажетъ!» Пошелъ убогой къ богатому, выпросилъ пару быковъ и поѣхалъ нà поле; распахалъ свою десятину, посѣялъ, заборонувалъ, управился—и домой. Ѣдетъ дорогою, а на встрѣчу ему старецъ: «здравствуй, доброй человѣкъ!»—Здорово, старикъ! «Гдѣ былъ, что дѣлалъ?»—Поле пахалъ, рожь засѣвалъ. «А быки чьи?»—Быки братнины. «Твой братъ богатъ да немилостивъ; выбирай, чтó знаешь: или сынъ у него помретъ, или быки вздохнутъ!» Подумалъ-подумалъ убогой: жалко ему и быковъ, и сына братнина, и говоритъ: «пускай лучше быки подохнутъ!»—Будь по твоему! сказалъ старецъ и пошелъ дальше. Сталъ подъѣзжать убогой братъ къ своимъ воротамъ, вдругъ оба быка упали на землю и тутъже вздохли. Горько онъ заплакалъ и побѣжалъ къ богатому: «прости, говоритъ: безъ вины виноватъ! Ужь такая бѣда стряслась: вѣдь быки-то пропали!» —«Какъ пропали: Нѣтъ, любезной! со мной такъ не раздѣлаешься; заморилъ быковъ, такъ отдавай деньгами.» И повезъ его къ праведному судіѣ.

Ѣдутъ они къ праведному судіѣ, и попадается имъ на встрѣчу большой обозъ, тянется по дорогѣ съ тяжелою кладью; а дѣло-то было зимою, снѣга лежали глубокіе. Вдругъ ни съ того, ни съ сего заупрямилась одна лошадь у извощика, шарахнулась въ сторону со всѣмъ возомъ и завязла въ сугробѣ. «Помогите, добрые люди! выручьте изъ бѣды!» сталъ просить извощикъ. «Дай сто рублевъ!» говоритъ богатой.—Что ты! али Бога не боишься? гдѣ взять тебѣ сто рублевъ? «Ну, самъ и вытаскивай!»—Постой, говоритъ убогой; я тебѣ задаромъ помогу. Соскочилъ съ саней, бросился къ лошади, ухватилъ за хвостъ и давай тащить: понатужился и оторвалъ совсѣмъ хвостъ. «Ахъ ты, мошенникъ! напалъ на него извощикъ; вѣдь конь-то двѣсти рублевъ стоитъ, а ты хвостъ оборвалъ? что я теперь стану дѣлать?» — Эхъ, братъ! сказалъ богатой извощику: что съ нимъ долго разговаривать? садись со мной да поѣдемъ къ праведному судіѣ.

Поѣхали всѣ трое вмѣстѣ, пріѣхали въ городъ и остановились на постояломъ дворѣ. Богатой съ извощикомъ пошли въ избу, а убогой стоитъ на морозѣ; смотритъ — копаетъ мужикъ глубокій колодезь, и думаетъ: «не быть добру! затаскаютъ, засудятъ меня. Эхъ, пропадай моя голова!» И бросился съ горя въ колодезь, только себя не доканалъ, а мужика зашибъ до смерти. Тотчасъ подхватили его и повели къ праведному судіѣ.

Сталъ судить праведный судія, и говоритъ богатому: «убогой загубилъ твоихъ быковъ, жалѣючи сына; коли хочешь, чтобъ онъ купилъ тебѣ пару быковъ, убей напередъ своего сына.»— Нѣтъ, сказалъ богатой, пусть лучше быки пропадаютъ.

б. Правда и кривда.

а. Жили два купца: одинъ кривдой, другой правдой: такъ всѣ и звали ихъ: одного Кривдою, а другаго Правдою.

«Послушай, Правда! сказалъ разъ Кривда, вѣдь кривдою жить на свѣтѣ лучше?..»

— Нѣтъ!

«Давай спорить?»

— Давай.

«Ну, слушай: у тебя три корабля, у меня два; если на трехъ встрѣчахъ намъ скажутъ, что жить правдою лучше, то всѣ корабли твои, а если кривдою, то мои!»

— Хорошо!..

Плыли они много-ль, мало-ль, сколь не далече путь свой продолжали—встрѣтился имъ купецъ.

— Послушай, господинъ купецъ, чѣмъ на свѣтѣ жить лучше; кривдою или правдою?

«Жилъ я правдою, да плохо; а теперь живу кривдою, кривда лучше.»

Плывутъ они дальше много-ль, мало ль, и встрѣчается имъ мужичокъ.

— Послушай, добрый человѣкъ, чѣмъ на свѣтѣ лучше жить: кривдою или правдою?

«Извѣстное дѣло—кривдою; а правдою куска хлѣба не наживешь!»

На третьей встрѣчѣ имъ сказали тоже самое. Отдалъ Правда три корабля Кривдѣ, вышелъ на берегъ и пошелъ тропинкою въ темный лѣсъ. Пришелъ онъ въ избушку, да и легъ подъ печку спать. Ночью поднялся страшный шумъ, и вотъ кто-то говоритъ:

«А ну-тка, похвалитесь: кто изъ васъ нынче гуще кашу заварилъ?»

— Я поссорилъ Кривду съ Правдою!

— Я сдѣлалъ, что двоюродный братъ женится на сестрѣ!

— Я разорилъ мельницу, и до тѣхъ поръ буду ее раззорять, пока ни забьютъ крестъ накрестъ палей (*).

Я сомустилъ человѣка убить!

— А я напустилъ семьдесятъ чертенятъ на одну царскую дочь; они сосутъ ей груди всякую ночь. А вылѣчитъ ее тотъ, кто сорветъ жаръ-цвѣтъ! (Это такой цвѣтъ, которой когда цвѣтетъ—море колыхается и ночь бываетъ яснѣе дня; черти его боятся!)

Какъ ушли они, Правда вышелъ, и помѣшалъ жениться двоюродному брату на сестрѣ, запрудилъ мельницу, не далъ убить человѣка, досталъ жаръ-цвѣтъ и вылѣчилъ царевну. Царевна хотѣла выйти за него замужъ, да онъ не согласился. Подарилъ ему царь пять кораблей, и поѣхалъ онъ домой. На дорогѣ встрѣтилъ Кривду. Кривда удивился богатству Правды, повыспросилъ у него все, какъ что было, да и залегъ ночью подъ печку въ той-же избушкѣ... Слетѣлись духи, да и начали совѣтъ держать: какъ-бы узнать того, кто испортилъ имъ всѣ дѣла? Подозрѣвали они самаго изъ нихъ ледащаго (**); какъ стали его бить да щипать, онъ бросился подъ печку, да и вытащилъ оттуда Кривду.

«Я Кривда!» говоритъ купецъ чертямъ, да все таки они его не послушали и разорвали на мелкіе кусочки.

Такъ и выходитъ, что правдою-то жить лучше, чѣмъ кривдою.

(Изъ собранія П. В. Кирѣевскаго).

b. Однажды спорила Кривда съ Правдою: чѣмь лучше жить—кривдой, али правдой? Кривда говорила: лучше жить кривдою; а Правда утверждала: лучше жить правдою. Спорили-спорили, никто не переспоритъ. Говоритъ Кривда: «пойдемъ къ писарю, онъ насъ разсудитъ!»—Пойдемъ, отвѣчаетъ Правда. Вотъ пришли къ писарю. «Рѣши нашъ споръ, говоритъ Кривда: чѣмъ лучше жить—кривдою, али правдою?» Писарь спросилъ: «о чемъ вы бьетеся?»—О ста рубляхъ. «Ну ты, Правда, проспорила; въ наше время лучше жить кривдою.» Правда вынула изъ кармана сто рублей и отдала Кривдѣ, а сама все стоитъ на своемъ, что лучше жить правдою. «Пойдемъ къ судьѣ, какъ онъ рѣшитъ? го-

(*) Пали—сваи (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 162).

(**) Худаго, дурнаго.

воритъ Кривда; коли по твоему—я тебѣ плачу тысячу рублей, а коли по моему— ты мнѣ должна оба глаза отдать.»— Хорошо, пойдемъ. Пришли они къ судьѣ, стали спрашивать: чѣмъ лучше жить? Судья сказалъ тоже самое: въ наше время лучше жить кривдою.»—Подавай-ка свои глаза! говоритъ Кривда Правдѣ; выколола у ней глаза и ушла—куда знала. Осталась Правда безглазая, пала лицомъ наземь и поползла ощупью. Доползла до болота и легла въ травѣ. Въ самую полночь собралась туда невѣрная сила. Набольшой сталъ всѣхъ спрашивать: кто и что сдѣлалъ? Кто говоритъ: я душу загубилъ; кто говоритъ: я того-то на грѣхъ смустилъ; а Кривда въ свой чередъ похваляется: я у Правды сто рублей выспорила да глаза выколола!»— Что глаза! говоритъ набольшой; стоитъ потереть тутошней травкою—глаза опять будутъ! Правда лежитъ да слушаетъ. Вдругъ крикнули пѣтухи, и невѣрная сила разомъ пропала. Правда нарвала травки и давай тереть глаза! потерла одинъ. потерла другой—и стала видѣть по-прежнему; захватила съ собой этой травки и пошла въ путь-дорогу. Въ это время у одного царя ослѣпла дочь, и сдѣлалъ онъ кличъ: кто вылѣчитъ царевну, за того отдастъ ее замужъ. Правда приложила ей къ очамъ травку, потерла и вылѣчила; царь обрадовался, женилъ Правду на своей дочери и взялъ къ себѣ въ домъ...

с. Въ нѣкоторомъ царствѣ жили два крестьянина: Иванъ да Наумъ. Назвались они товарищами и пошли вмѣстѣ на заработки. Шли-шли, очутились въ богатомъ селѣ и нанялись у разныхъ хозяевъ; поработали одну недѣлю и свидѣлись въ воскресной день. «Ты, братъ, сколько заработалъ?» спросилъ Иванъ.— Мнѣ пять рублевъ Господь далъ. «Господь далъ! много онъ дастъ, коли самъ не заработаешь?» —Нѣтъ, братъ, безъ божіей помощи самъ ничего не сдѣлаешь, ни гроша не получишь! Тутъ они крѣпко заспорили и положили на томъ: а пойдемъ оба по дорогѣ и спросимъ у перваго встрѣчника: чья правда? Кто проиграетъ, тотъ должонъ отдать всѣ свои заработанныя деньги.» Вотъ и пошли; сдѣлали шаговъ съ двадцать—попадается имъ на встрѣчу нечистой духъ въ человѣческомъ образѣ. Стали его спрашивать, а онъ въ отвѣтъ: «что самъ заработаешь, то и ладно! на Бога нечего надѣяться, онъ ни копѣйки не дастъ!» Отдалъ Наумъ всѣ свои деньги Ивану и воротился къ хозяину съ пустыми руками. Прошла еще недѣля; въ воскресной день работники опять свидѣлись и подняли тотъ-же споръ. Наумъ говоритъ: «хоть на прошлой недѣлѣ ты и забралъ мои деньги, а мнѣ Господь еще больше далъ!» — Ну, отвѣчаетъ Иванъ, если по твоему тебѣ Богъ далъ, а не самъ ты заработалъ, то давай опять пойдемъ до первой встрѣчи и спросимъ; чья правда? Кто виноватъ останется, у того отобрать всѣ деньги и отрѣзать правую руку. Наумъ согласился. Пошли они по дорогѣ; повстрѣчался имъ тотъ-же нечистой и отвѣчалъ—что и прежде. Иванъ обобралъ у товарища деньги, отрубилъ ему правую руку и оставилъ одного. Долго думалъ Наумъ, что теперь безъ руки дѣлать? кто кормить-поить станетъ? ну, да Богъ милостивъ! Пошелъ къ рѣкѣ и легъ на берегу подъ лодку: «переночую пока здѣсь, а утромъ увижу, что дѣлать; утро вечера мудренѣе.» Въ самую полночь собралось на эту лодку многое множество нечистыхъ, и начали промежъ себя разговаривать: кто какія козни устроилъ. Одинъ говоритъ: «я между двухъ мужиковъ споръ рѣшилъ въ противную сторону, и у правдиваго руку отрѣзали.» Другой на то сказалъ: «это пустое! только три раза по росѣ покататься—рука снова выростетъ!»— А я, началъ хвастаться третій, у такого-то барина единственную дочь изсушилъ: чуть жива ходитъ!«Эка! отвѣчалъ четвертой, если кто пожалѣетъ барина, то непремѣнно вылѣчитъ дочку. Средство простое: взять такой-то травы, сварить, да въ томъ отварѣ

искупать ее—она и будетъ здорова!»—Въ одномъ пруду, сталъ говорить пятой, мужикъ поставилъ водяную мельницу, и ужь много лѣтъ хлопочетъ, а все безъ пользы: только что запрудитъ плотину, а я прокопаю и выпущу воду. «Дуракъ же твой мужикъ! сказалъ шестой чортъ; онъ бы загатилъ получше плотину, а когда-бъ стала вода прорываться — бросилъ-бы туда снопъ соломы: тутъ бы ты и погибъ!» Наумъ все это слышалъ, и на другой день выростилъ свою правую руку, потомъ исправилъ у мужика плотину и вылѣчилъ дочь у барина. Щедро его наградили и мужикъ, и баринъ, и зажилъ онъ припѣваючи. Разъ повстрѣчалъ онъ своего прежняго товарища; тотъ удивился, началъ распрашиватъ: какъ де ты разбогатѣлъ и откуда руку взялъ? Наумъ ему все разсказалъ, ничего неутаилъ. Иванъ выслушалъ, и думаетъ: «постой-же, и я такъ сдѣлаю, еще пуще его разбогатѣю!» Пошелъ къ рѣкѣ и легъ на берегу подъ лодку. Въ полночь собрались нечистые. «А что, братцы! говоритъ одинъ изъ нихъ; должно быть кто-нибудь насъ подслушиваетъ. Вить у мужика рука отросла, боярская дочь выздоровѣла и плотина въ ходъ пошла!» Бросились всѣ подъ лодку смотрѣть; нашли Ивана и разорвали на мелкіе кусочки. Отлились волку коровьи слезы!

в. Сказка объ Ершѣ Ершовичѣ, сынѣ Щетинниковѣ.

а. Ершишко-кропачишко (*), ершишко пагубнишко, склался на дровнишки (**) со своимъ маленькимъ ребятишкамъ пошелъ въ Камъ-рѣку, изъ Камъ-Рѣки(***); въ Тросъ-рѣку, изъ Тросъ-рѣки въ Кубенское озеро, изъ Кубенскаго озера въ Ростовское озеро, и въ этомъ озерѣ выпросился остаться одну ночку, отъ одной ночки двѣ ночки, отъ двухъ ночекъ двѣ недѣли, отъ двухъ недѣль два мѣсяца, отъ двухъ мѣсяцевъ два года, а отъ двухъ годовъ жилъ тридцать лѣтъ. Сталъ онъ по всему озеру похаживать, мелкую и крупную рыбку подъ добало (?) подкалывать. Тогда мелкая и крупная рыба собрались во единъ кругъ, и стали выбирать себѣ судью праведную (аго), рыбу-сомъ съ большимъ усомъ: «будь ты, говорятъ, нашимъ судьей.» Сомъ послалъ за ершомъ—добрымъ человѣкомъ и говоритъ: «ершъ, добрый человѣкъ! почему ты нашимъ озеромъ завладѣлъ?» —Потому, говоритъ, я вашимъ озеромъ завладѣлъ, что ваше озеро Ростовское горѣло съ низу до̀ верху, съ Петрова дня и до Ильина дня, выгорѣло оно съ низу и до̀ верху и запустѣло. «Не во вѣкъ, говоритъ рыба-сомъ, наше озеро не гарывало! есть ли у тебя въ томъ свидѣтели, московскія крѣпости, письменныя грамоты?» — Есть у меня въ томъ свидѣтели и московскія крѣпости, письменныя грамоты: соро́га-рыба ([1]) на пожарѣ была, глаза запалила и понынче у нея красны. И посылаетъ сомъ-рыба за сорогой-рыбой. Стрѣлецъ, боецъ, карась-палачъ, двѣ горсти мелкихъ молей ([2]), туды же понятыхъ, зовутъ сорогу-рыбу: «соро́га-рыба! зоветъ тебя рыба-сомъ съ большимъ усомъ предъ свое величество ([3]).» Соро́га-рыба, не дошедъ рыбы-сомъ, кланялась. И говоритъ ей сомъ: «здравствуй, соро́га-рыба, вдова честная! гарывало ли наше озеро Ростовское съ Петрова дня до Ильина дня?» — Не во вѣкъ-то, говоритъ соро́га-рыба, не гарывало наше озеро! — Говоритъ сомъ-рыба: «слышишь, ершъ, добрый человѣкъ!

(*) Кропотливой, безпокойной.

(**) Санки.

(***) Творительный падежъ множественнаго числа.

([1]) Плотица (Опытъ обл. великорусск. словаря, стр. 211).

([2]) Моль—мелкая рыба разнаго рода, снятки несушенные (ibidem, стр. 115.)

([3]) Въ рукоп. прибавлено: «предъ ершово высочество».

сорога-рыба въ глаза обвинила.» Асорога тутъ-же примолвила: «кто ерша знаетъ да вѣдаетъ, тотъ безъ хлѣба обѣдаетъ!» Ершъ не унываетъ, на Бога уповаетъ; «есть же у меня, говоритъ, въ томъ свидѣтели и московскія крѣпости, писанныя грамоты: окунь-рыба на пожарѣ былъ, головешки носилъ, и понынче у него крылья красны.» Стрѣлецъ, боецъ, карась-палачъ, двѣ горсти мелкихъ молей, туды-же понятыхъ; — это государскіе посыльщики — приходятъ: и говорятъ «окунь-рыба! зоветъ тебя рыба сомъ съ большимъ усомъ предъ свое величество.» И приходитъ окунь-рыба. Говоритъ ему сомъ-рыба: «скажи, окунь-рыба, гарывало ли наше озеро Ростовское съ Петрова дня до Ильина дня?» — Не во вѣкъ-то, говоритъ, наше озеро не гарывало! кто ерша знаетъ да вѣдаетъ, тотъ безъ хлѣба обѣдаетъ! — Ершъ не унываетъ, на Бога уповаетъ; говоритъ сомъ-рыбѣ: «есть же у меня въ томъ свидѣтели и московскія крѣпости, письменныя грамоты: щука-рыба, вдова честная, притомъ не мотыга, скажетъ истинную правду. Она на пожарѣ была, головешки носила, и нонынче черна.» Стрѣлецъ, боецъ, карась-палачъ, двѣ горсти мелкихъ молей, туды-же понятыхъ, — это государскіе посыльщики — приходятъ и говорятъ: «щука рыба! зоветъ рыба-сомъ, съ большимъ усомъ предъ свое величество.» Щука-рыба, не дошедчи рыбы-сомъ, кланялась: «здравствуй, ваше величество! — Здравствуй, щука-рыба, вдова честная, притомъ же ты и не мотыга! говоритъ сомъ; гарывало ли ваше озеро Ростовское съ Петрова дня до Ильина дня? Щука-рыба отвѣчаетъ: «не во вѣкъ-то не гарывало наше озеро Ростовское! кто ерша знаетъ да вѣдаетъ, тотъ всегда безъ хлѣба обѣдаетъ!» Ершъ не унываетъ, а на Бога уповаетъ; «есть же, говоритъ, у меня въ томъ свидѣтели и московскія крѣпости и письменныя грамоты: налимъ-рыба на пожарѣ былъ, головешки носилъ, и по нынче онъ чоренъ.» Стрѣлецъ, боецъ, карась-палачъ, двѣ горсти мелкихъ молей, туды-же понятыхъ — это государскіе посыльщики — приходятъ къ налимъ-рыбѣ и говорятъ: «налимъ-рыба! зоветъ тебя рыба-сомъ съ большимъ усомъ предъ свое величество.» — Ахъ, братцы! нате вамъ гривну на труды и на волокиту; у меня губы толстыя, брюхо большое, въ городѣ не бывалъ, предъ судьямъ не стаивалъ, говорить не умѣю, кланяться право не могу. Эти государскіе посыльщики пошли домой; тутъ поймали ерша и посадили его въ петлю... Пошелъ дождь и сдѣлалась слякоть. Ершъ изъ петли-то да и выскочилъ; пошелъ онъ въ Кубенское озеро, изъ Кубенскаго озера въ Тросъ-рѣку, изъ Тросъ-рѣки въ Камъ-рѣку. Въ Камъ-рѣкѣ идутъ щука да осетръ. «Куда васъ чортъ понесъ?» говоритъ имъ ершъ. Услыхали рыбаки ершовъ голосъ тонкой, и начали ерша ловить. Изловили ерша, ершишко-кропачашко, ершишко-пагубнишко! Пришелъ Бродька—бросилъ ерша въ лодку, пришелъ Петрушка—бросилъ ерша въ плетушку. «Наварю, говоритъ, ухи да и скушаю.» Тутъ и смерть ершова!

ѣ. Жилъ-былъ ершишка въ барскомъ домишкѣ—брюханишка (¹), ябедничишка! Проскудалось (²) ершу, прибѣднялось ему, поѣхалъ ершишка въ Ростовское озеро на худенькихъ санишкахъ объ трехъ копи (ы) лишкахъ (³). Закричалъ ершишка своимъ громкимъ голосишкомъ: «рыба севрюга, калуга, язи, головли, послѣдняя рыбка плотичка-спротичка! пустите меня ерша въ озеро погулять. Мнѣ у васъ не годъ годовать, а хотя одинъ часъ попировать, хлѣба-соли покушать да рѣчей послушать.» Согласилась вся рыба севрюга, калуга, всѣ язи, головли, маленькая рыбка пло-

(¹) Объѣдало; брюханить—много ѣсть (Опытъ обл великорус. словаря, стр. 16).

(²) Скудаться — скупиться, представлятьс бѣднымъ (ibidem, стр. 206).

(³) Перекладинахъ? *копылъ* — дровни; др у прядильнаго гребня, на которое садится пряха, и колодка, на которой плетутъ лапти (Опытъ обл. великор. стр. 89).

тичка-сиротичка пустить ерша въ озеро на одинъ часъ погулять. Ершъ прогулялъ одинъ часъ, и сталъ всю рыбу обижать, къ тинѣ, плотинѣ прижимать. Живой рыбѣ въ обиду то показалось, пошла на ерша просить къ Петру-осетру (*) праведному: «Петръ-осетръ праведный! за что насъ ершъ обижаетъ? выпросился онъ на одинъ часъ въ наше озеро побывать, да всѣхъ насъ съ озера и сталъ выгонять. Разбери и разсуди, Петръ-осетръ праведный, вѣрою и правдою.» Петръ-осетръ праведный послалъ малую рыбу пискаря искать ерша. Пискарь искалъ ерша въ озерѣ, да не могъ сыскать. Петръ-осетръ праведный послалъ среднюю рыбу щуку искать ерша. Щука въ озеро нырнула, хвостомъ плеснула, ерша въ коргахъ (**) нашла: «здорово, ершишка?» — Здравствуй, щучишка! зачѣмъ ты пришла? «Къ Петру-осетру праведному знать на честь, не посадитъ ли тебя на цѣпь; на тебя есть просители.»— Кто же тамъ проситъ? «Вся рыба севрюга, калуга, всѣ язи, головли, и послѣдняя рыба плотичка-сиротичка —и та на тебя проситъ, да еще сомъ, мужикъ простой, губы толстые и говорить не умѣетъ—и тотъ на тебя челобитную подалъ; пойдемъ-ка ершъ, раздѣлаемся, что на судѣ по правдѣ скажутъ.»—Нѣтъ, щучишка! не лучше ли дѣло такъ будетъ: пойдемъ со мною погуляемъ. Щука не соглашается съ ершомъ гулять, а хочетъ ерша на судъ праведный тащить, какъбы поскорѣй его осудить. «Ну, щука! хоть ты съ рыла и востра, да не возьмешъ ерша съ хвоста! А вотъ нынче суббота, у моего отца дѣвишникъ—пиръ да веселье; пойдемъ лучше попьемъ, погуляемъ вечерокъ, а завтра, хоть и воскресенье, пойдемъ — такъ и быть — на судъ праведный; по крайней мѣрѣ неголодны будемъ.» Шука согласилась и пошла съ ершомъ гулять; ершъ напоилъ ее пьяною, за пеледу (*) засадилъ, дверью затворилъ и кольемъ заколотилъ. Долго ждали на судъ щуку и не дождались. Петръ-осетръ праведный послалъ за ершомъ большую рыбу-сомъ. Сомъ въ озеро нырнулъ, хвостомъ плеснулъ, ерша въ коргахъ нашелъ. «Здравствуй, зятюшка!»—Здоровъ, тестюшка! «Пойдемъ, ершъ, на судъ праведный; на тебя есть просители.»—Кто же проситъ? «Вся рыба севрюга, калуга, всѣ язи, головли и маленькая рыбка плотичка-сиротичка!» Ершъ-то сому зять; съумѣлъ его сомъ въ руки взять, и самолично привелъ на судъ праведный. «Петръ-осетръ праведный, зачѣмъ меня требовалъ на-скоро?» спросилъ ершъ. — Какъ тебя было не требовать? ты въ Ростовское озеро выпросился одинъ часъ погулять, а потомъ всѣхъ съ озера и сталъ выживать. Живой рыбѣ то за досаду показалося: вотъ собралась рыба севрюга, калуга, язи, головли и малая рыбка плотичка-сиротичка, и самолично подала мнѣ на тебя челобитную: разбери де, Петръ-осетръ, это дѣло правдою!»—Ну, послушай же, отвѣчаетъ ершъ, и мою челобитную: они сами обидчики, межи-борозды вытерлись (**), а берега водою подмыло, а я ѣхалъ тѣмъ берегомъ вечеромъ поздно, торопился, рѣзко (***) гналъ, да съ берега въ озеро попалъ, такъ и свалился съ землею! Петръ-осетръ праведный, прикажи собрать государевыхъ рыбаковъ да раскинуть неводы тонкіе, погони рыбу въ одно устье; тогда узнаешь, кто правъ, а кто виноватъ: правой въ неводѣ не останется, а всё выскочитъ.—Петръ-осетръ праведный выслушалъ его челобитную, собралъ государевыхъ рыбаковъ и погналъ всю рыбу въ одно устье. На

(*) Въ рукописи вездѣ: «Петръ-сетръ».

(**) Корга—гряда камней въ водѣ; корга—камень или пень, лежащій на днѣ рѣки: плотное песчаное или каменистое дно озеръ и рѣкъ. (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 89).

(*) Пеледа—передній навѣсъ крыши между двумя избами; покрышка на скидрахъ. Пелёдъ—мѣсто подлѣ самаго овина, которое покрывается соломою. Пелевня—сарай для соломы (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 154).

(**) Сгладились уничтожились.

(***) Очень, много (Опытъ обл. Великор. словаря, стр. 195).

въ очинѣ ершишка попалъ въ неводишка, шевельнулся, ворохнулся, глазёнки вытаращилъ и съ неводу впередъ всѣхъ выскочилъ. «Видишь, Петръ-осетръ праведный! кто правъ, кто виноватъ?»— Вижу, ершъ! что ты правъ, ступай въ озеро да гуляй. Теперь никто тебя не обидитъ, развѣ озеро высохнетъ да ворона тебя изъ грязи вытащитъ. Пошелъ ершишка въ озеро, при всѣхъ похваляется: «добро же, рыба севрюга, калуга! достанется вамъ и всѣмъ язямъ, головлямъ! да не прощу и маленькую рыбку плотичку-сиротичку! да достанется и сому толстобрюхому: ишь говорить не умѣетъ, губы толсты, а зналъ какъ челобитную подавать! Всѣмъ отплачу.» Шелъ Любимъ, ершовой похвалы не возлюбилъ; шелъ Сергѣй, нёсъ охапку жердей; пришелъ бѣсъ, заколотилъ ѣзъ ([1]); пришелъ Перша, поставилъ на ерша вершу; пришелъ Богданъ, ерша въ вершу Богъ далъ; пришелъ Устинъ, сталъ вершу тащить да ерша упустилъ.

с. 1729 года мѣсяца сентября 16 числа
Зародился ершишко-плутишко,
Худая головишко,
Шиловатый ([2]) хвостъ,
Слюноватый носъ,
Киловатая ([3]) брюшина,
Лихая образина,
На рожѣ кожа, какъ елова кора.
Прижилось, прискудалось ершику-плутишку
Въ своемъ славномъ Кубинскомъ озерѣ,
Собрался на ветхихъ ([4]) дровнишкахъ
Съ женою и дѣтишкамъ.
Поѣхалъ въ Бѣлозерское озеро,
Съ Бѣлозерскаго въ Корбозерское,
Съ Корбозерскаго въ Ростовское:
«Здравствуйте, лещи,
Ростовскіе жильцы!
Пустите ерша пообѣдать
И коня покормить.»
Лещи распространились ([1]),
Ерша къ ночи пустили.
Ершъ гдѣ ночь ночевалъ,
Тутъ и годъ годовалъ;
Гдѣ двѣ ночевалъ,
Тутъ два года годовалъ;
Сыновей поженилъ,
А дочерей замужъ повыдалъ,
Изогналъ лещовъ,
Ростовскихъ жильцовъ,
Во мхи и болота,
Пропасти земныя.
Три года лещи
Хлѣба-соли не ѣдали,
Три года лещи
Хорошей воды не пивали,
Три года лещи
Бѣлаго свѣту не видали;
Съ того лещи
Съ голоду помирали.
Сбиралися лещи въ земскую избу
И думали думу заедино,
И написали просьбу
И подавали Белозеръ-Палтосъ-рыбѣ:
«Матушка Бѣлозеръ-Палтосъ-рыба!
Почему ершишко-плутишко,
Худая головишко,
Разжился, распосилился
Въ нашемъ Ростовскомъ озерѣ
И изогналъ насъ лещовъ,
Ростовскихъ жильцовъ,
Во мхи и болота
И пропасти земныя:
Три года мы лещи
Хлѣба-соли не ѣдали,
Три года лещи
Хорошей воды не пивали,
Три года лещи
Свѣту бѣлаго не видали;
Съ того мы лещи
И съ голоду помирали.
Есть ли у него на это дѣло
Книги, отписи и паспорты какіе?
И думали думу заедино
Щука ярославка,
Другая пере(я)славска,
Рыба-сомъ съ большимъ усомъ.

([1]) Заколъ рыбный (ibidem, стр. 271).
([2]) Увертливой, плутоватой.
([3]) Киловатъ—бранное слово (Опытъ областн. великор. словаря, стр. 82).
([4]) Въ рукописи: «на вельмей» (?)

([1]) Разступились, дали мѣсто.

Кого послать ерша позвать?
Манька ([1]) послать—
У него губы толстыя,
А зубы рѣдкіе,
Рѣчь не умильна(я),
Говорить съ ершамъ не съумѣетъ!
Придумала рыба-сомъ
Съ большимъ усомъ:
Послать или нѣтъ за ершомъ гарьюса([2]);
У гарьюса губки тоненьки,
Платьецо бѣленько.
Рѣчь московска,
Походка господска.
Дали ему окуня разсыльнымъ,
Карася пятисотскимъ,
Семь молей, понятыхъ людей.
Взяли ерша,
Сковали, связали
И на судъ представили.
Ершъ предъ судомъ стоитъ
И съ повадкой ([3]) говоритъ:
«Матушка Бѣлозеръ-Полтосъ-рыба!
Почему меня на судъ повѣщали?»
—Ахъ ты ершишко-плутишко,
Худая головишко!
Почему ты разжился и разселился
Въ здѣшнимъ Ростовскомъ озерѣ,
Изогнавъ лещовъ,
Ростовскихъ жильцовъ,
Во мхи и болота
И пропасти земныя?
Три года лещи
Хлѣба-соли не ѣдали.
Три гога лещи
Хорошей воды не пивали,
Три года лещи
Свѣту бѣлаго не видали,
И съ того лещи
Съ голоду помираютъ.
Есть у тебя на это дѣло
Книги, отписи и паспорты какіе?
«Матушка Бѣлозѣръ-Полтосъ-рыба!
Въ намять или нѣтъ тебѣ пришло:
Когла горѣло наше славное Кубинское озеро,

([1]) Налима.
([2]) Харіусъ—родъ ласосей.
([3]) Въ рукоп. «не съ упадкой».

Тамъ была у ершишка избушка,
Въ избушкѣ были сѣнишки,
Въ сѣнишкахъ клѣтишко,
Въ клѣтишкѣ ларцышко,
У ларцишка замчишко,
У замчишка ключишко—
Тамъ-то были книги и отписи
И паспорты, и все пригорѣло!
Да не то одно пригорѣло;
Былъ у батюшки дворецъ
На семи верстахъ,
На семи столбахъ
Подъ полатями бобры,
На полатяхъ ковры—
И то все пригорѣло!»
А рыба-семга позади стояла
И на ерша злымъ голосомъ кричала:
«Ахъ ты, ершишко-плутишко,
Худая головишко!
Тридцать ты лѣтъ
Подъ порогомъ стоялъ
И сорокъ человѣкъ
Разбою держалъ.
И много головъ погубилъ
И много живота ([1]) притопилъ!»
И ершу стало азартно:
Какъ съ рыбою-семгою не отговориться?
«Ахъ ты рыба-семга, бока твои сальны!
И ты, рыба-сельдь, бока твои кислы!
Васъ ѣдятъ господа и бояра,
Меня мелкая чета крестьяна—
Бабы штей наварятъ
И блиновъ напекутъ,
Шти хлебаютъ, подхваливаютъ:
Рыба костлива, да уха хороша!»
Тутъ ершъ съ семгой отговорился.
Говорилъ Бѣлозеръ-Палтосъ-рыба:
«Окунь-разсыльный,
Карась-пятисотской,
Семь молей, понятыхъ людей!
Возьмите, ерша.»
А ершъ никакихъ рыбъ не боится,
Ото всѣхъ рыбъ боронится.
Собрался онъ ершишко плутишко
На свои на ветхіе ([2]) дровнишки
Съ женою и дѣтишкамъ,

([1]) Имущество.
([2]) Въ рукописи: «вельмые».

И поѣзжаетъ въ свое славное
Въ Кубинское озеро.
Рыба-семга хоть на ерша злымъ голосомъ кричала,
Только за ершомъ въ слѣдъ подавались:
«Ахъ ты, ершишко-плутишко,
Худая головишко!
Возьми ты меня въ свое славное
Въ Кубинское озеро;
Кубинскаго озера поглядѣть
И кубинскихъ становъ посмотрѣть.»
Ершъ зла и лиха не помнитъ,
Рыбу-семгу за собой поводитъ.
Рыба-семга идучи устала,
Въ Кубинскомъ устьѣ вздремала
И мужику въ сѣть попала.
Ершъ назадъ оглянулся,
А самъ усмѣхнулся:
«Слава тебѣ, Господи!
Вчера рыба-семга
На ерша злымъ голосомъ кричала,
А сегодня мужику въ сѣть попала.»
Ершъ семгѣ подивовалъ
И самъ на утренней зорѣ вздремалъ,
Мужику въ морду (1) попалъ.
Пришелъ Никонъ.
Заколилъ приколъ (2);
Пришелъ Перша
Поставилъ вершу;
Пришелъ Богданъ,
И ерша Богъ далъ;
Пришелъ Вавила,
Поднялъ ерша на вила;
Пришелъ Пименъ,
Ерша запинилъ (3)
Пришелъ Обросимъ,
Пришелъ о земь бросилъ;
Пришелъ Антонъ
Завертѣлъ ерша въ балахонъ;
Пришелъ Амосъ
Ерша въ клѣть понёсъ;
Идетъ Спира(я)
Около ерша стыритъ (4);

(1) Морда—рыболовныя спасть, состоящая ихъ мѣшка, сплетеннаго изъ ивовыхъ прутьезъ (См. Записки объ уженьѣ рыбы, С. Аксакова, издан. 3, стр. 301).

(2) Т. е. сдѣлалъ заколъ(ѣзъ)

(3) Т. е. запиналъ (пинать пиуть).

(4) Стырить—дразнить, грубо говорить (Опытъ областн. великорус. славаря, стр. 218).

Амосъ Спиру
Да по рылу;
«Ахъ ты, Спира!
Надъ эдакой рыбой стыришь;
У тебя эдака рыба
Вѣкъ въ дому не бывала!»
Пришелъ Вася,
Ерша съ клѣти слясилъ (1);
Пришелъ Петруша,
Ерша разрушилъ (2)
Пришелъ Савва,
Вынялъ съ ерша полтора пуда сала;
Пришелъ Іюда
Расклалъ ерша на четыре блюда;
Пришла Марина,
Ерша помыла;
Пришла Акулина,
Ерша подварила;
Пришелъ Антипа,
Ерша стипалъ (3);
Пришелъ Алупа,
Ерша слупалъ;
Пришелъ Елизаръ,
Блюда облизалъ;
Пришелъ Власъ,
Попучилъ глазъ;
Пришла Ненила,
И блюда обмыла!

(Всѣ сказки изъ сборн. Афан.)

Д. ИСТОРИЧЕСКІЯ ПОСЛОВИЦЫ.

а. Погибоша, аки Обре.

б. Съ добрымъ думцемъ (совѣтникомъ) князь высокаго стола додумается, а съ лихимъ думцею и малаго стола лишенъ будетъ.

в. Не во время гость хуже татарина.

г. Тутъ словно Мамай воевалъ.

д. Постой татаринъ, дай саблю вынуть.

(1) Стащилъ (лясить—льстить, хитрить); слямзить—украсть (Оп. обл. великорс. словаря, стр. 217).

(2) Т. е. разрѣзалъ порушилъ.

(3) Укралъ (Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 215).

е. Каковъ ханъ, такова и орда.
ж. Семеро пойдутъ, Сибирь возьмутъ.
з. Вотъ тебѣ, бабушка, Юрьевъ день.

Е. ЛИРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

а.

Ужъ какъ палъ туманъ на сине море,
А злодѣй-тоска въ ретиво сердце;
Не сходитъ туману съ синя моря,
Ужъ не выдти кручинѣ изъ сердца вонъ.
Не звѣзда блеститъ далече во чистомъ полѣ,
Курится огонечекъ малешенекъ;
У огонечка разостланъ шелковой коверъ,
На коврикѣ лежитъ удалъ добрый молодецъ
Прижимаетъ платкомъ рану смертную,
Унимаетъ молодецкую кровь, горючую,
Подлѣ молодца стоитъ тутъ его добрый конь,
И онъ бьетъ своимъ копытомъ въ мать сыру землю,
Будто слово хочетъ вымолвить своему хозяину:
Ты вставай, вставай, удалъ добрый молодецъ!
Ты садись на меня, своего слугу,
Отвезу я добра молодца на родиму сторону,
Къ отцу, матери родимой, къ роду племени,
Къ малымъ дѣтушкамъ, молодой женѣ!
Какъ вздохнетъ тутъ удалъ добрый молодецъ;
Подымалась у удалова его крѣпка грудь,
Опустились у молодца бѣлы руки,
Растворилась его рана смертельная,
Пролилась ручьемъ кровь горючая;
Тутъ промолвилъ добрый молодецъ своему коню:
Ахъ, ты, конь, мой конь, лошадь вѣрная!
Ты товарищъ въ полѣ ратномъ,
Добрый пайщикъ службы царской!
Ты скажи моей молодой вдовѣ,
Что женился я на другой женѣ,
Что за ней я взялъ поле чистое;
Насъ сосватала сабля острая,
Положила спать калена стрѣла.

б.

Ахъ, ты поле мое, поле чистое!
Ты раздолье мое, широкое!
Ахъ, ты всѣмъ, поле, изукрашено,
Ты травушкой и муравушкой,
Ты цвѣточками, василечками;
Ты однимъ поле обезчещено,
Что посреди тебя поля чистаго
Выросталъ тутъ частъ ракитовъ кустъ,
Что на кусточкѣ, на ракитовомъ,
Какъ сидитъ тутъ младъ сизъ орелъ,
Въ когтяхъ держитъ черна ворона,
Онъ точитъ кровь на сыру землю.
Подъ кустикомъ подъ ракитовымъ,
Что лежитъ убитъ добрый молодецъ,
Избитъ, израненъ, исколотъ весь.
Что не ласточки, не касаточки
Кругъ тепла гнѣзда увиваются,
Увивается тутъ родная матушка;
Она плачетъ—какъ рѣка льется,
А родна сестра плачетъ—какъ ручей течетъ,
Молода жена плачетъ—какъ роса падетъ,
Красно солнышко взойдетъ, росу высушитъ!

КНИЖНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

А. ДРЕВНІЙ ПЕРІОДЪ.

1. ЛѢТОПИСЬ НЕСТОРА.

а. Смерть Олега.

«И приспѣ осень, и помяну Олегъ конь свой, иже бѣ поставилъ кормити, не всѣда на нь. Бѣ бо преже въпрошалъ волъхвовъ кудесникъ: «отъ чего ми есть умьрети?» И рече ему одинъ кудесникъ: «княже! конь, его же любиши и ѣздиши на немъ, отъ того ти умрети». Олегъ же пріимъ въ умѣ, си рече: «николи же всяду на конь, ни вижю его болѣ того»; и повелѣ кормити *и* и не водити его къ нему, и пребывъ нѣколько лѣтъ не дѣя (не видя) его, дондеже и на Грекы иде. И пришедшю ему къ Кіеву, и пребысть 4 лѣта, на 5 лѣто помяну конь свой, отъ него же бяху рекли волъстви умрети Ольгови и призва старѣйшину конюхомъ, ркя: «кдѣ есть конь мой, его же бѣхъ поставилъ кормити и блюсти его?» Онъ же рече: «умерлъ есть». Олегъ же посмѣяся и укори кудесника, ркя: «то неправо молвять волъсви, но все то лъжа есть; конь умерлъ, а я живъ». И повелѣ осѣдлати конь: «да ть вижю кости его». И пріѣха на мѣсто, идѣже бяху лежаще кости его голы и лобъ голъ; и слѣзъ съ коня, посмѣяся ркя: «отъ сего ли лъба смерть мнѣ взяти?» и вступи ногою на лобъ; и выникнучи змѣя (изо лба), и уклюну *и* въ ногу, и съ того разболѣвся умьре. И плакашася по немъ вси людіе плачемъ великомъ, и несоша *и*, и погребоша *и* на горѣ, иже глаголеться Щековица; есть же могила его до сего дня, словетъ могила Олгова. И бысть всѣхъ лѣтъ его княженія 33. Се же дивно есть, яко отъ волхвованія сбывается чародѣйствомъ». (Лавр. л. стр. 16).

б. Месть Ольги древлянамъ.

Вольга же бяше в Киевѣ съ сыномъ своимъ съ дѣтьскомъ Святославомъ, и кормилецъ его Асмудъ, воевода бѣ Свѣнелдъ, тоже отецъ Мистишинъ. Рѣша же Древляне: се Князя оубихомъ Рускаго; поимемъ жену его Вольгу за Князь свои Малъ, и Святослава, и створимъ ему, якоже хощемъ. И послаша Деревляне лучьшие мужи числомъ 20 въ лодьи къ Ольтѣ, и присташа подъ Боричевымъ в лодьи. Бѣ бо тогда вода текущи возлѣ горы Киевьския, и на Подольи не сѣдяху людье, но на горѣ: градъ же бѣ Киевъ, идеже есть нынѣ дворъ Гордятинъ и Нифовъ, а дворъ княжь бяше в городѣ: идеже есть дворъ Демьстиковъ; за святою Богородицею надъ горою дворъ теремныи, бѣ бо ту теремъ каменъ. И повѣдоша Ользѣ, яко Деревляне придоша, и возва е Ольга к собѣ: добри гостье придоша. И рѣша Деревляне: придохомъ, Княгине. И рече имъ Ольга: да глаголете, что ради придосте сѣмо? Рѣша же Древляне, посланы Дерьвьска земля, рькуще сице: мужа твоего оубихомъ, бяше бо мужь твои аки волкъ восхищая и грабя, а наши Князи добри суть, иже распасли (*правили, какъ добрые пастыри*) суть Деревьску землю; да поиди за Князь нашь за Малъ бѣ бо имя ему Малъ, Князю Дерьвьску. Рѣче же имъ Ольга: люба ми есть рѣчь ваша, оуже мнѣ мужа своего не крѣсити; но хочю вы почтити наутрия предъ людьми своими, а нынѣ идѣте в лодью свою, и лязите в лодьи величающеся; азъ оутро послю по вы, вы же рьцѣте: не едемъ на конѣхъ, ни пѣши идемъ, но понесѣте ны в лодьѣ; и възнесуть вы в лодьи, и отпусти я въ лодью. Ольга же повелѣ

всконати яму велику и глубоку на дворѣ теремьстѣмъ внѣ града. И заоутра Волга, сѣдящи в теремѣ, посла по гости, и придоша к нимъ глаголюще: зоветъ вы Ольга на честь велику. Они же рѣша: не ѣдемъ на конихъ, ни на возѣхъ, понесѣте ны в лодьи. Рѣша же Кияне: намъ неволя; Князь нашь оубьенъ, а Княгини наша хоче за вашь Князь, и понесоша я въ лодьи. Они же сѣдяху гордящеся; и принесоша я на дворъ к Ользѣ, несъше вринуша е въ яму и с лодьею. Приникъши Ольга и рече имъ: добра ли вы честь? они же рѣша: пущи ны (*хуже намъ*) Игоревы смерти; и повелѣ засыпати я живы, и посыпаша я. Пославши Ольга къ Деревляномъ, рече имъ: да аще мя просите право, то пришлите мужа нарочиты, да в велицѣ чти приду за вашь Князь, еда (*т. е. иначе*) не пустять мене людье Киевьстии. Се слышавше Деревляне, собраша лучьшие мужи, иже дерьжаху Деревьску землю, послаша по ню. Деревляномъ же пришедшимъ, повелѣ Ольга мовь створити, рькуще сице: измывшеся придите ко мнѣ. Они пережьгоша истопку, и влѣзоша Деревляне, начаша ся мыти; и запроша онихъ истобъву, и повелѣ зажечи я отъ двери, ту изгорѣша вси. И посла къ Деревляномъ, рькущи сице: се оуже иду къ вамъ, да пристроите меды многи въ градѣ, идеже оубисте мужа моего да поплачюся надъ гробомъ его, и створю трызну мужу своему. Они же то слышавше съвезоша меды многи зѣло, възвариша. Ольга же, поимши мало дружины легъко идущи, приде къ гробу его, плакася по мужи своемъ, и повелѣ людемъ своимъ съсупати могилу велику; яко соспоша, и повелѣ трызну творити. Посемь сѣдоша Деревляне пити, и повелѣ Ольга отрокомъ своимъ служити пред ними; рѣша Деревляне и Ользѣ: кдѣ суть дружина наша, ихъже послахомъ по тя? она же рече: идуть по мнѣ съ дружиною мужа моего. Яко оупишася Деревляне, повелѣ отрокомъ своимъ пити на тя (*за нихъ*), а сама отъиде кромѣ (*прочь*) и повелѣ дружинѣ сѣчи Древляне. И исѣкоша ихъ (*на остальное*); а Ольга възъвратися Киеву, и пристрои вои на прокъ ихъ.

Въ лѣто 946. Ольга съ сыномъ своимъ Святославомъ собра вои многи и храбры, и иде на Дерьвьску землю. Изидоша Деревляне противу; съпемъшемъся объема полкомъ наскупь, суну копьемъ Святославъ на Деревляны, и копье летѣ сквозь оуши коневи, оудари в ноги коневи, бѣ бо дѣтескъ. И рече Свѣнелдъ и Асмолдъ: Князь оуже почалъ; потягнѣте, дружина, по Князѣ. И побѣдиша Деревляны. Деревляны же побѣгоша и затворишася въ градѣхъ своихъ. Ольга же оустремися съ сыномъ своимъ, а Деревльне затворишася въ градѣ и боряхуся крѣпко изъ града; вѣдѣху бо, яко сами оубили Князя, и на что ся предати. И стоя Ольга лѣто, не можаше взяти града, и оумыслі сице, посла ко граду, глаголющи: что хочете досѣдѣти? а вси гради ваши предашася мнѣ, и ялися по дань, и дѣлають нивы своя и землѣ своя; а вы хочете изъмерети гладомъ, не имучеся по дань. Деревляне же рекоша: ради ся быхомъ яли по дань, но хощеши мьщати мужа своего. Рече же имъ Ольга: яко азъ мьстіла оуже обиду мужа своего, когда придоша Киеву, второе, и третьее, когда творихъ трызну мужеви своему: а оуже не хощю мьщати, но хощю дань имати помалу, смирившися с вами поиду опять. Рекоша же Древляне: што хощеши оу насъ? ради даемъ медомъ. Она же рече имъ: нынѣ оу васъ нѣсть меду, но мало оу васъ прошю; даите ми отъ двора по 3 голуби, да по 3 воробьи, азъ бо не хощю тяжьки дани възложити, якоже мужъ мои; сего прошю оу васъ мало, вы бо есте изнемогли въ осадѣ; да сего оу васъ прошю мало. Деревляне же ради бывше, и собраша отъ двора по 3 голуби и по 3 воробьи, и послаша к Ользѣ с поклономъ. Вольга же рече имъ: се оуже есть покорилися мнѣ и моему дѣтяти, а идѣте въ градъ, и поиду въ град-ось. И Деревляне же ради

бывше внидоша въ градъ, и повѣдаша людемъ, и обрадовашася людье въ градѣ. Ольга же раздая воемъ по голуби комуждо, а другимъ по воробьеви, и повелѣ комуждо голуби и къ воробьеви привязывати цѣрь (*горючее вещество*), обертывающе въ платки малы, нитькою повертывающе къ коемуждо ихъ; и повелѣ Ольга, яко смерчеся, пустити голуби и воробьи воемъ своимъ. Голуби же и воробьеве полетѣша въ гнѣзда свои, ови въ голубники, врабъевѣ же подъ стрѣхи, и тако възгарахуся голубьници, ово клѣти, ово вежѣ, ово ли одрины. И не бѣ двора, идеже не горяще, и не бѣ льзѣ гасити, вси бо двори възгорѣшася; и побѣгоша людье изъ града, и повелѣ Ольга воемъ своимъ имати е. Яко взя градъ и пожьже и, старѣйшины же града изънима, и прочая люди овыхъ изби, а другія работѣ предасть мужемъ своимъ, а прокъ ихъ остави платити дань. И възложиша на ня дань тяжку: 2 части дани идеша Киеву, а третьяя Вышегороду къ Ользѣ, бѣ бо Вышегородъ градъ Вользинъ. И иде Вольга по Деръвьстѣи земли съ сыномъ своимъ и съ дружиною, оуставляющи оуставы и оуроки; суть становища еѣ и ловища (*мѣста лова, охоты*). И придѣ въ градъ свой Киевъ съ сыномъ своимъ Святославомъ, и пребывши лѣто едино.

Въ лѣто 947 иде Вольга Новугороду и оустави по Мьстѣ повосты и дани, и по Лузѣ оброки и даны: ловища ея суть по всеи земли, знаменья мѣста и повосты (*погосты, мѣста гощенія*); и сани ее стоять въ Плесковѣ и до сего дня; и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ; и есть село ее Ольжичи и доселе. И изрядивши, възратися къ сыну своуму Киеву и пребываше с нимъ въ любъви.

в. Князь Святославъ и кончина Ольги.

В лѣто 964 Князю Святославу възрастьшю и възмужавшю, нача вои совокупляти многи и храбры, и легко ходя аки пардусъ, воины многи творяше. Ходя возъ по себѣ не возяше, ни котьла, ни мясъ варя, но потонку изрѣзавъ конину ли, звѣрину ли, или говядину, на оуглехъ испекъ ядяше, ни шатра имяше, но подъкладъ пославъ и сѣдло в головахъ: такоже и прочии вои его вси бяху. Посылаше къ странамъ глаголя: хочю на вы ити.

В лѣто 968. Придоша Печенѣзи на Руску землю первое, а Святославъ бяше Переяславци, и затворися Вольга въ градѣ со оунуки своими, Ярополкомъ и Ольгомъ и Володимеромъ, въ градѣ Кіевѣ. И оступиша градъ в силѣ велицѣ, бещисленно множество около града и не бѣ льзѣ изъ града вылѣсти, ни вѣсти послати; изнемогаху же людье гладомъ и водою. Собравшеся людьѣ оноя страны Днѣпра въ лодьяхъ, об ону страну стояху, и не бѣ льзѣ внити въ Киевъ ниединому ихъ, ни изъ града къ онѣмъ. Въстужиша людье въ градѣ и рѣша: нели кого, иже бы моглъ на ону страну дойти и речи имъ: аще кто не приступить с утра, предатися имамы Печенѣгомъ. И рече единъ отрокъ: азъ преиду, и рѣша: иди. Он же изиде изъ града с уздою и ристаше сквозѣ Печенѣги, глаголя: не видѣли коня никтоже? бѣ бо оумѣя Печенѣжьски, и мняхуть и своего. Яко приближися к рѣцѣ, сверга порты (*платье*), сунуся въ Днѣпръ и побреде; видѣвше же Печенѣзи, оустрѣмишася нань, стрѣляюще его, и не могоша ему ничтоже створити. Они же видѣвшее съ оноя страны, и пріѣхаша в лодьи противу ему, и взяша ѝ въ ладью, и привезоша ѝ къ дружинѣ, и рече имъ: аще не подъступите заоутра къ городу, предатись хотять людье Печенѣгомъ. Рече же воевода ихъ, имянемъ Прѣтичь: подъступимъ заоутра въ лодьяхъ, и попадше Княгиню и Княжичѣ, оумчимъ на сю страну; аще ли сего не створимъ, погубити ны имать Святославъ. Яко бысть, заоутра всѣдъше в лодью противу свѣту и вструбиша вельми, и людье въ

градѣ клякнуша; Печенѣзи же мнѣша Князя пришедша, побѣгоша разно отъ града, и изиде Ольга со оунуки и с людьми къ лодьѣ. Видѣвъ же се Князь Печенѣжскии, възратися единъ къ воеводѣ Прѣтичю и рече: кто се приде? и рече ему: лодья оная страны. И рече Князь Печенѣжяскии: а ты Князь ли еси? онъ же рече: азъ есмь мужъ его, и пришелъ есмь въ сторожѣхъ, по мнѣ идеть полкъ со Княземъ, бе-щисла множьство, се же рече, грозя имъ. Рече же Князь Печенѣжскии къ Прѣтичю: буди ми другъ, онъ же рече: тако створю. И подаста руку межю собою, и въдасть Печенѣжскии Князь Прѣтичю конь, саблю, стрѣлы; онъ же дасть ему бронѣ, щитъ, мечь. Отступиша Печенѣзя отъ града и не бяше льзѣ коня напоити: на Лыбеди Печенѣзи. И посылаша Кияне къ Святославу, глаголюще: ты, Княже, чужея земли ищеши и блюдеши, а своя ся охабивъ; мало бо насъ, не взяша Печенѣзи, матерь твою и дѣти твои: аще не поидеши, ни обраниши насъ, да паки ны возмуть, аще ти нежаль отчины своея, ни матере стары суща, и дѣтии своихъ. То слышавъ Святославъ, вборзѣ всѣде на конѣ съ дружиною своею, и приде Киеву, цѣлова матерь свою и дѣти своя; и съжалися о бывшемъ отъ Печенѣгъ, и собра вои, и прогна Печенѣги в поле, и бысть миръ.

В лѣто 969. Рече Святославъ къ матери своеи и къ боляромъ своимъ: нелюбо ми есть в Киевѣ быти, хочу жити въ Переяславци и Дунаи, яко то есть середа в земли моеи, яко ту вся благая сходятся: отъ Грекъ злато, паволоки, вина, овощеве разноличныя; и-Щехъ (изъ Чехъ) же, из Урогъ *(Угровъ, Венгровъ)* сребро и комони (*кони*); из Руси же скора (*мѣха*) и воскъ, медъ и челядь. Рече ему Вольга: видише мя болное сущю; камо хощеши отъ менѣ ити? бѣ бо разболѣлася оуже; рече же ему: погребъ мя иди же, аможе хочеши. По трехъ днехъ оумре Ольга, и плакася по неи сынъ ея, и внуця ся, и людье вся плачемъ великомъ, несоша и погрѣбоша ю на мѣстѣ. И бѣ заповѣдала Ольга не творити тризны надъ собою, бѣ бо имущи презвутеръ; сеи похорони блаженную Ольгу. Си бысть предътекущия Крестьяньстѣи земли аки деньница предъ солнцемъ и акі зоря предъ свѣтомъ, си бо сьяше аки луна въ нощи, тако и си въ невѣрныхъ человѣцѣхъ свѣтящеся аки бисеръ въ калѣ (*грязи*); кальни бо бѣша, грѣхъ неомовени крещеньемъ святымъ. Си бо омыся купѣлью святою, и совлечеся грѣховныя одежа ветхаго человѣка Адама, и въ новыи Адамъ облечеся, еже есть Христосъ. Мы же рцѣмъ к неи: радуися, Руское познанье въ Богу; начатокъ примиренью быхомъ. Си первое вниде в царство небесное отъ Руси, сію бо хвалятъ Рустие сынове, аки начальницю: ибо по смерти моляше Бога за Русь.

г. Испытаніе вѣръ.

Въ лѣто 6495. Созва Володимеръ боляры (¹) своя и старци градьскиѣ, и рече имъ: се приходиша ко мнѣ Болгаре, рькуще: прими законъ нашь; посемъ же приходиша Нѣмци, и ти хваляху законъ свои; по сихъ придоша Жидове. Се же послѣже придоша Грьци, *хуляще* (²) вси законы, свои же *хваляще*, и много глаголаша сказающе отъ начала миру, о бытьи всего мира; суть же хитро сказающе, и чюдно слышати ихъ, любо комуждо слушати ихъ, и другии свѣтъ повѣдають быти: да аще кто, дѣеть (³), въ нашю вѣру ступить,

---

(¹) *Бояре и старци городскіе*—изображаются лѣтописцемъ, какъ совѣтники князя. Бояре—старшіе, лучшіе члены княжеской дружины. *Старци*—старшіе въ своемъ родѣ.

(²) *Хуляще, хваляще*—въ под. хуляще, хваляще.

(³) *Дѣеть* см. рече, де (грам. Бусл. I § 77).

то паки, умеръ, станеть и не умрети ему въ вѣки; аще ли въ инъ законъ ступить, то на ономъ свѣтѣ въ огнѣ горѣти: да что ума придасте? что отвѣщаете? И рѣша бояре и старци: вѣси, княже, яко своего никто же не хулить, но хвалить; аще хощеши испытати горазд̀о, то имаши у собе мужи; пославъ испытай когождо ихъ службу, и како служить Богу. И бысть люба рѣчь князю и всѣмъ людемъ; избраша мужи добры и смыслены числомъ 10, и рѣша имъ: идѣте первое въ Болгары, и испытаите первое вѣру ихъ. Они же идоша, и пришедше видѣша скверньная дѣла и кланянье въ ропати ([1]); придоша въ землю свою, и рече имъ Володимеръ: идѣте паки въ Нѣмци, съгладаите такоже, и оттудѣ идѣте въ Греки. Они же придоша въ Нѣмци, и съглядавше церковную службу ихъ, придоша Царюгороду, и внидоша къ царю. Царь же испыта, коея ради вины придоша, они же сповѣдаша ему вся бывшая. Се слышавъ царь, радъ бывъ, и честь велику створи имъ во отже ([2]) день. Наутрия посла къ патреарху, глаголя сице: придоша Русь пытающе вѣры нашея, да пристрои церковь и крилосъ, и самъ причинися въ святительския ризы, да видять славу Бога нашего. Си слышавъ патреархъ, повелѣ создати крилосъ, по обычаю створиша праздникъ, и кадила вожьгоша, пѣнья и лики съставиша. И иде съ ними въ церковь, и поставиша я на пространьнѣ мѣстѣ, показающе красоту церковную, пѣнья и службы архиерѣйски, предстоянье дьяконъ, сказающе имъ служенье Бога своего; они же во изумѣньи бывше, удивившесь, похвалиша службу ихъ. И призваша е ([3]) царя Василии и Костянтинъ, рѣста имъ: идѣте въ землю вашю, и отпустиша я съ дары велики и съ честью. Они же придоша въ землю свою, и созва князь боляры своя и старца. Рече Володимеръ: се придоша посланииа нами мужи, да слышимъ отъ нихъ бывшее, и рече: скажите предъ дружиною. Они же рѣша: яко ходихомъ въ Болгары, смотрихомъ, како ся покланяють въ храмѣ, рекше въ ропати, стояще бесъ пояса; поклонився, сядеть и глядить сѣмо и онаго ([1]) яко бѣшенъ, и нѣсть веселья въ нихъ, но печаль и смрадъ великъ, нѣсть добро ([2]) законъ ихъ. И придохомъ въ Нѣмци, и видѣхомъ въ храмѣхъ многи службы творяща, а красоты не видѣхомъ никоеяже. И придохомъ же въ Греки, и ведоша ны, идеже служать Богу своему, и не свѣмы, на небѣ ли есмы были, ли на земли; нѣсть бо на земли такого вида, ли красоты такоя, и недоумѣемъ бо сказати; токмо то вѣмы, яко онъдѣ Богъ съ человѣки пребываеть, и есть служба ихъ паче всѣхъ странъ. Мы убо не можемъ забыти красоты тоя; всякъ бо человѣкъ, аще укусить сладка, послѣди горести не приимаеть, тако и мы не имамы сдѣ быти. Отвѣщавше же боляре рекоша: аще бы лихъ законъ гречьский, то не бы баба твоя приляла Ольга, яже бѣ мудрѣиши всѣхъ человѣкъ. Отвѣщавъ же Володимеръ, рече: кде крещенье пріимемъ? они же рекоша: гдѣ ти любо.

д. Крещеніе Руси.

Вдасть же за вѣно ([3]) Грекомъ Корсунь опять царица дѣля, а самъ приде Киеву. Яко приде, повелѣ кумиры испроврещи, овы осѣчи ([4]), а другия огневи предати; Перуна же повелѣ привязати коневи къ хвосту, и влещи съ горы по Биричеву на Ручай, 12 мужа приставии тети ([5]) жезльемъ. Се же не яко древу чюющу, но на поруганье бѣсу, иже прелщаше симь образомъ

([1]) *Ропать*—храмъ, мечеть.
([2]) *Во отже*, т. е. въ тъжде.
([3]) *Е* вм. я, т. е. ихъ.

([1]) Онамо—въ др. сп. овамо.
([2]) *Добро*—въ др, сп. добръ.
([3]) *Вѣно*—плата за невѣсту, выкупъ.
([4]) *Осѣчи*—рус. ф., по сц.б ло бы: *исѣщи*.
([5]) *Тети* (наст. тепу)—бить.

*

человѣкы, да възмездье приыметъ отъ человѣкъ. (Велии еси, Господи, и чюдна дѣла твоя! вчера чтимъ отъ человѣкъ а днесь поругаемъ). Влекому же ему по Ручаю къ Днѣпру, плакахуся его невѣрнии людье, еще бо не бяху прияли (¹) сватаго крещенья; и привлекше, вринуша и въ Днѣпръ. И приставн Володимеръ, рекъ: аще кде пристанеть вы, то отрѣвапте (²) его отъ берега, дондеже порогы проидеть; то тогда охабитеся его, они же повелѣная створиша. Яко пустиша и пройде сквозѣ порогы, изверже и вѣтръ на рѣнѣ (³) и оттолѣ прослу Перуняна рѣнь, якоже и до сего дне словеть. По семь же Володимеръ посла по всему граду, глаголя: аще не обрящеться кто рѣцѣ богатъ ли, ли убогъ, или нищь, ли работникъ, противенъ мнѣ да будетъ. Се слышавше людье, съ радостью идяху, радующеся и глаголюще: аще бы се не добро было, не бы (⁴) сего князь и боляре прияли. Наутрия же изиде Володимиръ съ попы царицины и съ Корсуньскыми на Дънѣпръ, и снидеся бещисла людии; влѣзоша въ воду и стояху овы до шие, а друзии персии, младии же отъ берега, друзии же млади держаще, свершении же бродяху, попове же стояще молитвы творяху. И бяше (⁵) си видити радость на небеси и на земли, толико душъ спасаемыхъ; а дьяволъ стеня глаголаше: увы мнѣ, яко отвсюда прогонимъ есмь! сде бо мняхъ жилище имѣти, яко сде не суть ученья Апостольска, ни суть вѣдуще Бога, по веселяхъся о службѣ ихъ, еже служаху мнѣ; и се же уже побѣженъ есмь отъ невѣгласъ, а не отъ Апостолъ, ни отъ Мученикъ; не имамъ уже царствовати въ странахъ сихъ. Крестившимъ же ся людемъ, идоша кождо въ домы своя. Володимеръ же радъ бывъ, яко позна Бога самъ и людье его, возрѣвъ на небо, рече: Боже створивыи небо и землю! призри на новыя люди сия, и дажь (¹) имъ, Господи, увидѣти тѣбе истиньнаго Бога, якоже увѣдѣша страны хрестьянскыя; утверди и вѣру въ нихъ праву и несовратьну, и мнѣ помози, Господи, на супротивнаго врага, да надѣяся на тя и на твою державу, побѣжю козни его. И се рекъ, повелѣ рубити церкви и поставляти по мѣстомъ, идеже стояху кумири; и постави церковь святаго Василья на холмѣ, идеже стояше кумиръ Перунъ и прочии, идеже творяху потребы князь и людье; и нача ставити по градомъ церкви и попы, и люди на крещенье приводити по всѣмъ градомъ и селомъ. Пославъ нача поимати у нарочитое (²) чади (³) дѣти, и даяти нача на ученье книжное; матере же чадъ сихъ плакаху по нихъ, еще бо не бяху ся утвердили вѣрою, но акы по мертвеци плакахуся. Симъ же раздаяномъ на ученье книгамъ, събысться пророчество на Русьстѣи земли, глаголющее: во оны дние услышать глусии словеса книжная, и яснъ будетъ языкъ гугнивыхъ. Си бо не бѣша (⁴) преди слышали словесе книжнаго, но по Божью строю, и по милости своей помилова Богъ, якоже рече Пророкъ: помилую его же аще помилую. Помилова бо ны пакы банею бытья и обновленьемъ духа, по изволенью Божью, а не по нашимъ дѣломъ. Благословенъ Господь Іисусъ Христосъ, иже возлюби новыя люди, Руськую землю, просвѣти ю крещеньемъ святымъ.

(¹) *Бяху пріяли*—преход. сложное.

(²) Отрѣвати—отталкивать.

(³) *На рѣнѣ* въ под. рѣцѣ.

(⁴) *Не бы прияли*—прошед. условное: вспомогательный глаголъ не согласованъ въ числѣ.

(⁵) *И бяше видѣти* (вдр. сп. видѣти). — Преходящее вр. съ неопред. накл. для выраженія безличности.

(¹) *Дажь*—рус. ф. вм. даждь.

(²) *Нарочитое* вм. нарочитыя.

(³) Чадь имѣетъ два зн.: 1) дѣти 2) люди, мужи.

(⁴) *Бѣша слышали*—преход. сложное.

е. Единоборство русскаго богатыря съ печенѣжиномъ.

Въ лѣто 6500. Иде(Влад.) на Хорваты. Пришедьшю бо ему съ воины Хорватьскыя, и се Печенѣзи придоша по оной сторонѣ отъ Сулы; Володимеръ же поиде противу имъ, и срете и на Трубежи на бродѣ, кде нынѣ Переяславль. И ста Володимеръ на сеи сторонѣ, а Печенѣзи на онои, и не смяху си на ону страну. И прiѣха князь Печенѣжьскыи къ рѣкѣ, возва Володимера и рече ему: выпусти ты свои мужь, а я свои, да ся борета: да аще твои мужь ударить (1) моимь, да не воюемъ за три лѣта, аще ли нашь мужь ударить, да воюемъ за три лѣта. И разидостася разно. Володимеръ же приде въ товары (2), посла биричи по товаромъ, глаголя: нѣту ли такого мужа, иже бы ся ялъ съ Печенѣжиномъ? и не обрѣтеся никдѣже. Заутра приѣхаша Печенѣзи и свои мужь приведоша, и въ нашихъ не бысть. И поча тужити Володимеръ сля по всѣмъ воемъ, и приде единъ старъ мужь ко князю и рече ему: княже, есть у мене единъ сынъ меншеи (3). дома. а съ четырми есмь вышелъ, а онъ дома; отъ дѣтьства бо его нѣсть кто имъ ударилъ: единою бо ми и сварящю (4), и оному мьнущю усние (5), разгнѣвавъся на мя, преторже черевьи (6) рукама. Князь же се слышавъ, радъ бысть, посла понь, и приведоша и ко князю, и князь повѣда ему вся; се же рече: княже, не вѣдѣ, могу ли ся, и да искусить мя; нѣту ли быка велика и силна? И налѣзоша быкъ великъ и силенъ, и повелѣ раздраждити быка; вложиша нань желѣза горяча, и быка пустиша, и побѣже быкъ мимо и, похвати быка рукою за бокъ, и выня кожю съ мясы, елико ему рука зая, и рече ему Володимеръ: можеши ся съ нимъ бороти. И наутрия придоша Печенѣзи, почаша звати: нѣ ли мужа? се нашь доспѣлъ. Володимеръ же повелѣ той нощи (облещися) въ оружье; и приступиша ту обои. Выпустиша Печенѣзи мужь свои, бѣ бо превеликъ зѣло и страшенъ; и выступи мужь Володимерь, и узрѣ и Печенѣзинъ и посмѣяся, бѣ бо середнии тѣломъ. И размѣривше межи обѣма полкома, пустиша я къ себѣ, и ястася, почаста ся крѣпко держати, и удави Печенѣзина въ руку до смерти, и удари имь (1) о землю; и кликнуша, и Печенѣзи побѣгоша; и Русь погнаша по нихъ сѣкуще, и прогнаша я. Володимеръ же радъ бывъ, заложи гвродъ на бродѣ томъ и нарече и Переяславль, зане перея славу отроко-тъ. Володимеръ же великимъ мужемъ створи того и отца его. Володимеръ же възвратися въ Кыевъ съ побѣдою и съ славою великою.

ж. Объ основанiи Печерскаго монастыря.

Въ лѣто 6559. Постави Ярославъ Ларiона митрополитомъ Русина въ святѣй Софьи, собравъ епископы. И се да скажемъ, что ради прозвася Печерьскый монастырь: Боголюбивому князю Ярославу любящю Берестовое, и церковь ту сущюю Святыхъ Апостолъ, и попы многы набдящю, въ нихъ же бѣ презвутеръ, именемъ Ларiонъ, мужъ благъ, книженъ и постникъ; хожаше съ Берестоваго на Днѣпръ, на холмъ, кдѣ нынѣ ветхый монастырь Печерьскый, ту

---

(1) *Ударить моимъ* (ср. ниже: удари имь) — ударить съ трорит. пад. въ смыслѣ орудiями (гр. Гусл. § 254).

(2) *Въ товары* — въ ставки, въ палатки.

(3) *Меншеи* — по цс. было бы: мьньшии. — Вь Никоновской лѣтописи передается имя сього отрока, убившаго Печенѣжина: Янъ Усмошвнцъ.

(4) *Сварити* — бранить.

(5) *Усние* — шкура. обувь.

(6) *Черевни*—рус. ф., по цс. *чрѣвие*, черевии — кожа, обувь.

(1) *Удари имь* — въ значенiи поваливъ на землю.

молитву творяше, бѣ бо ту лѣсъ великъ. Ископа печерку малу, двусажену, и приходя съ Берестового, отпѣваше часы и моляшеся ту Богу втайнѣ. Посемъ же Богъ князю вложи въ сердце, и постави и митрополитомъ въ святѣй Софьи; а си печерка тако оста. И не по мнозѣхъ днѣхъ бѣ нѣкый человѣкъ, именемъ мирьскымъ отъ града Любча; и възложи сему Богъ въ сердце въ страну ити, онъ же устремися въ Святую Гору, и видѣ ту манастыря суща, и обиходивъ, възлюбивъ черњечьскый образъ, приде въ манастырь ту и умоли игумена того, дабы на нь възложилъ образъ мнишьскый. Онъ же послушавъ его, постриже и, нарекъ имя ему Антоній, наказавъ его и научивъ черњечьскому образу, и рече ему: «иди въ Русь опять, и буди благословленье отъ Святыя Горы, яко отъ тебе мнози черньци быти имуть»; благослови и отпусти его, рекъ ему: «иди съ миромъ». Антоній же приде Кыеву, и мысляше кдѣ бы жити, и ходи по манастыремъ, и не възлюби, Богу не хотящю, и поча ходити по дебремь и по горамъ, ища кдѣ бы ему Богъ показалъ; и приде на холмъ, идѣже бѣ Ларіонъ ископалъ печерку, и възлюби мѣсто се, и вселися въ не, и нача молитися Богу, со слезами глаголя: «Господи! утверди мя въ мѣстѣ семъ, и да будетъ на мѣстѣ семъ благословенье Святыя Горы и моего игумена, иже мя постригалъ». И поча жити ту, моля Бога, яды хлѣбъ сухъ, и то черезъ день, и воды въ мѣру вкушая, копая печеру, и не да собѣ упокоя день и нощь, въ трудѣхъ пребывая, въ бдѣньи и въ молитвахъ. Посемъ же увѣдѣша добріи человѣци, и приходяху къ нему, приносяще же ему, еже на потребу бѣ; и прослу якоже великый Антоній, приходяще къ нему просяху у него благословенья. Посемъ же преставльшюся великому князю Ярославу, прія власть сынъ его Изяславъ и сѣде Кыевѣ, Антоній же прославленъ бысть въ Русьскѣй земли; Изяславъ же увѣдѣвъ житье его, приде съ дружиною своею, прося у него благословенья и молитвы. И увѣданъ бысть всѣми великый Антоній и чтимъ, и начаша приходити къ нему братья, и нача приимати и постригати я; и собрася братьи къ нему числомъ 12. Ископаша печеру велику, и церковь, и кельи, яже суть и до сего дне въ печерѣ подъ ветхымъ монастыремъ. Совъкупленѣ же братьи, рече имъ Антоній: «Се Богъ васъ братья совъкупи, и отъ благословенья есте Святыя Горы, имъ же мене постриже игуменъ Святыя Горы, а язъ васъ постригалъ; да буди благословенье на васъ перво отъ Бога, а второе отъ Святыя Горы»; и се рекъ имъ: «живѣте же собѣ, и поставлю вы игумена, а самъ хочю въ ону гору ити единъ, якоже и преже бяхъ обыклъ, уединивъся». И постави имъ игуменомъ Варлама, а самъ иде въ гору и ископа печеру, яже есть подъ новымъ манастыремъ, въ ней же скончя животъ свой, живъ въ добродѣтели, не выходя изъ пещеры лѣтъ 40 никдѣже, въ ней же лежать мощѣ его и до сего дне. Братья же съ игуменомъ живяху, и умножившимся братьи въ печерѣ, и помыслиша поставити внѣ печеры манастырь; и приде игуменъ и братья ко Антонію, и рекоша ему: «отче! умножилося братьѣ, а не можемъ ся вмѣстити въ печеру; да бы Богъ повелѣлъ и твоя молитва, да быхомъ поставили церковьцю внѣ печеры». и повелѣ имъ Антоній. Они же поклонишася ему, и поставиша церковьцю малу надъ пещерою во имя святыя Богородица Успенье. И нача Богъ умножати черноризцѣ, молитвами святыя Богородица, и съвѣтъ створиша братья со игуменомъ постави манастырь»; и идоша братья ко Антонью и рѣша: «отче! братя умножаются, а хотѣли быхомъ поставити манастырь». Антоній же радъ бывъ, рече: «благословенъ Богъ о всемъ, и молитва святыя Богородица и сущихъ отецъ иже въ Святѣй Горѣ да будетъ съ вами». И се рекъ, посла единаго отъ братьѣ ко Изяславу князю, река тако? «княже

мой! се Богъ умножаеть братью, а мѣстьце мало; да бы ны далъ гору ту, яже есть надъ печерою»; Изяславъ же слышавъ и радъ бысть, посла мужь свой, и вда имъ гору ту. Игуменъ же и братья заложиша церковь велику и манастырь огородиша столпьемъ, кельѣ поставиша многы, церковь свершиша и иконами украсиша. И оттолѣ почася Печерскый манастырь; иже бѣша жили черньци преже въ печерѣ; а отъ того прозвася Печерскый манастырь; есть же манастырь Печерскый отъ благословенья Святыя Горы пошелъ. Манастыреви же свершену, игуменьство держащю Варламови, Изяславъ же постави манастырь святаго Дмитрія, и выведе Варлама на игуменьство къ святому Дмитрію, хотя створити вышній сего манастыри, надѣяся богатьству. Мнози бо монастыри отъ царь и отъ бояръ и отъ богатьству поставлени, но не суть таци, каци суть поставлени слезами, пощеньемъ, молитвою, бдѣньемъ: Антоній бо не имѣ злата, ни сребра, но стажя слезами и пощеньемъ, якоже глаголахъ. Варламу же шедъшю къ святому Дмитрію, съвѣтъ створше братья, идоша къ старцю Антонью и рекоша: «постави намъ игумена». Онъ же рече имъ: «кого хощете»? Они же рѣша: «кого хощеть Богъ и ты». И рѣче имъ: «кто болій въ васъ, акъ же Θеодосій, послушьливый, кроткый, смиреный; да сь будеть вамъ игуменъ». Братья же ради бывше, поклонишася старцю, и поставиша Θеодосья игуменомъ братьѣ, числомъ 20. Θеодосу же пріемшю манастырь, поча имѣти въздержанье, и велико пощенье, и молитвы съ слезами; и совокупляти пача многы черноризьци, и совокупи братьѣ числомъ 100. И нача искати правила чернечьскаго, и обрѣтеся тогда Михаилъ чернецъ манастыря Студійскаго, иже бѣ пришелъ изъ Грекъ съ митрополитомъ Георгіемъ, и нача у него искати устава чернецъ Студійскыхъ; и обрѣтъ у него, и списа, и устави въ манастыри своемъ како пѣти пѣнья монастырьская, и поклонъ какъ держати, и чтенья почитати, и стоянье въ церкви, и весь рядъ церковный, на тряпезѣ сѣданье и что ясти во кыя дни, все съ уставленьемъ. Θеодосій все то изъобрѣтъ, предасть манастырю своему. Отъ того же манастыря переяша вси манастыреве уставъ: тѣмже почтенъ есть манастырь Печерьскый старѣе всего. Θеодосьеви же живущю въ манастыри, и правящю добродѣтелное житье и чернечьское правило и пріимающю всякого приходящаго къ нему, къ нему же и азъ придохъ худый и недостойный рабъ, и пріятъ мя лѣтъ ми сущю 17 отъ роженья моего. Се же написахъ и положихъ, въ кое лѣто почалъ быти манастырь и что ради зоветься Печерьскый.

---

2. ВЛАДИМІРЪ МОНОМАХЪ.

(ум. 1125 г.)

Поученіе дѣтямъ.

Азъ худый——сѣдя на санехъ (*на смертномъ одрѣ*), помыслихъ въ души своей и похвалихъ Бога, иже мя сихъ дневъ грѣшнаго допровади. Да дѣти мои, или инъ кто, слышавъ сю грамотицю, не посмѣйтеся, но ому же любо дѣтій моихъ, а приметъ е въ сердце свое и не лѣнитися начнеть, такоже и тружатися.

Первое Бога дѣля и душа своея: страхъ имѣйте Божій въ сердци своемъ, и милостыню творя неоскудну: то бо есть начатокъ всякому добру. Аще ли кому не люба грамотиця си, а не поохритаються (*пусть не сердятся*), но тако се рекутъ: на далечи пути, да на санѣхъ сѣдя безлѣпицю си молвилъ. Устрѣтоша бо мя послы отъ братья моея на Волзѣ, рѣша: потъснися къ намъ, да выженемъ Ростиславича и волость ихъ отъимемъ, иже ли не поидеши съ нами, то мы собѣ будемъ, а ты собѣ: и рѣхъ, аще вы ся и гнѣваете, не могу вы я ити, ни креста переступити. И отрядивъ я,

вземъ псалтырю, въ печали разгнухъ я, и то ми ся выня: всвую печалуеши душе, всвую смущаеши мя, и проч.——

Якожъ бо Василій (*) учаше, собравъ ту юноша души чисты, нескверни—— при старыхъ молчати, премудрыхъ слушати, старѣйшимъ покарятися, съ точными и меньшими любовь имѣти безъ луки бесѣдующе, а много разумѣти, не сверѣповати словомъ, ни хулити бесѣдою, необильно смѣятися, срамлятися старѣйшихъ, къ женамъ нелѣпымъ не бесѣдовати, долу очи имѣти, а душу горѣ.——О Владычице Богородице! отъими отъ убогаго сердца моего гордость и буесть *(безумíе)*, да не взношуся суетою міра сего, въ пустошнемъ семъ житьи. Научися вѣрный человѣче быти благочестной дѣлатель! научися по Евангельскому словеси, очима управленье, языку удержанье, уму смиренье, тѣлу порабощенье, гнѣву погубленье, помыслъ чистъ имѣти, понужаяся на добрыя дѣла Господа ради: лишаемь не мьсти: ненавидимъ, либо гонимъ, терпи: хулимъ, моли: умертви грѣхъ: избавите обидима: судите сиротѣ: оправдывайте вдовицю: придѣте, да сожжемся, глаголетъ Господь: аще будутъ грѣси ваши яко оброщени, яко снѣгъ обѣлю я, и прочее. Восіяетъ весна постная, и цвѣтъ покаянія: очистимъ собѣ, братья! отъ всякоя крови плотскыя и душевныя, свѣтодавцю вопьюще, рцемъ: слава тебѣ человѣколюбче.

По истинѣ, дѣти моя, разумѣйте, како ти есть человѣколюбецъ Богъ милостивъ и премилостивъ, мы человѣци грѣшни суще и смертни, кто оже (т. е. *ежели кто*) ны зло створитъ, то хощемъ и пожрети, и кровь его польяти вскорѣ: а Господь нашь, владѣяй животомъ и смертью, согрѣшенья наша выше главы нашея терпить, и пакы и до живота нашего: яко отець чадо своея любя, бья, и пакы привлачить е къ собѣ, такоже и Господь нашъ: показалъ ны есть на врагы побѣду 3 дѣлы добрыми, избыти его и побѣдити его, покаяньемъ, слезами и милостынею; да то вы, дѣти мои, не тяжка заповѣдь Божья, оже тѣми дѣлы 3 избыти грѣховъ своихъ и царствія не лишитися. А Бога дѣля не лѣнитеся, молю вы ся, не забывайте 3 дѣлъ тѣхъ, не бо суть тяжка: ни одиночьство, ни черство, ни голодъ, яко иніи добріи терпять, но малымъ дѣломъ улучити милость Божью.——

Послушайте мене, аще не всего пріимете, то половину. Аще вы Богъ умягчитъ сердце и слезы своя испустите о грѣсѣхъ своихъ, рекуще: якожь блудницю и разбойника и мытаря помиловалъ еси, тако и насъ грѣшныхъ помилуй: и въ церкви то дѣйте, и ложася. Не грѣшите ни одину же ночь, аще можете, поклонитеся до земли, али вы ся начнеть не мочи а трижды, а того не забывайте, не лѣнитеся: тѣмъ бо ночнымъ поклономъ и пѣньемъ человѣкъ побѣждаетъ дьявола: а что въ день согрѣшить, а тѣмъ человѣкъ избываетъ. Аще и на кони ѣздяче, не будетъ ни съ кымъ орудья (*дѣла*), аще инѣхъ молитвъ не умѣете молвити, а Господи помилуй, зовѣте безпрестани въ тайнѣ, та бо есть молитва всѣхъ лѣпши (*лучше*), нежели мыслити безлѣпицю (т. е. *глупости*) ѣздя.

Всего же паче убогихъ не забывайте, но елико могуще по силѣ кормите, *и придавайте сиротѣ, и вдовицю оправдите сами, а не вдавайте сильнымъ погубити человѣка. Ни права, ни крива (виноватаго), не убивайте, ни повелѣвайте убить его:* аще будетъ повиненъ смерьти, а душа не погубляете ни какоя же хрестьяны. Рѣчь молвяче, и лихо и добро, не клѣпитеся Богомъ, ни хреститеся, нѣту бо ти нужа никоея же: *аще ли вы будеть Крестъ цѣловати къ братьи или* къ кому, али управивше сердце свое, на немже можете устояти, *тоже цѣлуйте, и цѣловавше блюдите, да не преступни погубити души своее.* Епископы и попы, и игумены, съ любовью взимайте отъ нихъ

(*) Василій Великій, отецъ церкви.

благословенье; и не устраняйтеся отъ нихъ, и по силѣ любите и набдите, да пріимете отъ нихъ молитву отъ Бога. Паче всего гордости не имѣйте въ сердци и въ умѣ, но рцѣмъ: смертни есмы, день живи, а за утра въ гробъ: се все что ны (*самъ*) еси вдалъ, не наше, но твое: поручилъ ны еси на мало днiй: *и въ земли не хороните, то ны есть великъ грѣхъ*.

Старыя чти яко отца, а молодыя яко братью, въ дому своемъ не лѣнитеся, но все видите: *не зрите на тивуна, ни на отрока*, да не посмѣются приходящіи къ вамъ, и дому вашему, ни обѣду вашему.

На войну вышедъ не лѣнитеся, не зрите на воеводы, ни питью, ни ѣденью не лагодите, ни спанью: *и сторожъ сами наряживайте, и ночь отвсюда нарядивше около вои, то же лязите:* а рано встанете: а оружья не снимайте съ себе: въ борзѣ не разглядавше лѣнощами, внезапу бо человѣкъ погибаетъ. Лжѣ блюдися, и пьянства, въ томъ бо душа погыбаетъ и тѣло. Куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ, *не давайте пакости дѣяти отрокомъ, ни своимъ, ни чужимъ, ни въ селѣхъ, ни въ житѣхъ, да не кляти васъ начнутъ*. Кудаже пойдете, идѣже станете, напойте, накормите унеина: (*) *и болѣе же чтите гость, откуда же къ вамъ придетъ, или простъ или добръ* или солъ, аще не можете даромъ, брашномъ и питьемъ, *ти бо мимоходячи прославятъ человѣка по всѣмъ землямъ*, любо добрымъ, любо злымъ. Больнаго присѣтите: надъ мертвеця идите, яко вси мертвени есмы: и человѣка не минѣте не привѣчавше, добро слово ему дадите: жену свою любите, но не дайте имъ надъ собою власти.

Се же вы (*вамъ*) конецъ всему, страхъ Божій имѣйте выше всего: аше забываете всего, а часто прочитайте, и мнѣ будетъ безъ сорома и вамъ будетъ добро.

Его же умѣючи, того не забывайте добраго, *а его же не умѣючи, а тому ся учите:* яко же отецъ мой дома сѣдя изумѣяше 5 языкъ: *въ томъ бо честь есть отъ иныхъ земль*. Лѣность бо всему мати, еже умѣеть, то забудеть, а его же не умѣсть, а тому ся не учить: добрѣ же творяще, не мозите ся лѣнити ни на что же доброе: первое къ церькви, да не застанеть васъ солнце на постели. Тако бо отець мой дѣяше блаженный и вси добріи мужи свершеніи, за утренюю отдавше Богови хвалу, и потомъ солнцу всходящу, и узревше солнце и прославити Бога съ радостью: и рече: просвѣти очи мои, Христе Боже, и далъ ми еси свѣтъ твой красный, и еще: Господи приложи ми лѣто къ лѣту, да прокъ (*остальное*) грѣховъ своихъ покаявся, оправдивъ животъ тако похвалю Бога. И сѣдше думати съ дружиною, или люди оправливати, или на ловъ ѣхати или поѣздити, или лечи спасти; спанье есть отъ Бога присуждено полудне, отъ чина бо почиваетъ и звѣрь, и птици, и человѣци.

А си вы повѣдаю, дѣти моя, трудъ свой, еже ся есмь тружалъ пути дѣя и ловы 13 лѣтъ. Первое къ Ростову идохъ, зквозь Вятичѣ, посла мя отець, а самъ иде Курьску. И пакы 2-е къ Смоленску, и т. д. (*слѣдуетъ перечень всѣхъ походовъ Мономаха*). А всѣхъ путій 80 и 3 великихъ, а прока не испомню меншихъ. И мировъ есть створилъ съ человѣческими князя безъ единаго 20, и при отци и кромѣ (*безъ*) отца.———А се стружахся, ловы дѣя:——конь дикихъ своими руками связавъ есмь во пущахъ 10 и 20 живыхъ конь.——

Тура мя 2 метала на розехъ и съ конемъ, олень мя одинъ болъ, а 2 лоси, одинъ ногами топталъ а другый рогами болъ, вепрь ми на бедрѣ мечь отялъ, медвѣдь ми у колена подъклада укусилъ, лютый звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедры, и конь со мною поверже: и

(*) *Унеина*—по обясненію г. Буслаева, можетъ быть, *уне ина*, т. е. лучше накормити инаго, кого нибудь. Истор. христ., стр. 4759. Шевыревъ *унеина* переводитъ *хозяина*, Ист. Р. Слов., т. II, стр. 195.

Богъ невређена мя соблюде, и съ коня много падахъ, голову си разбихъ дважды, и руцѣ и нозѣ свои вередихъ, въ уножи своей вередихъ, не блюдя живота своего, ни щадя головы своея. Еже было творити отроку моему: то самъ есмя створилъ дѣла на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зною и на зимѣ, не дая себѣ упокоя, на посадники не зря, самъ творилъ что было надобѣ, весь нарядъ и въ дому своемъ то я творилъ есмь и въ ловчихъ ловчій нарядъ самъ есмь держалъ, и въ конюсѣхъ, и о соколѣхъ и о ястрябѣхъ, *тоже и худаго смерда и убогыѣ вдовицѣ не далъ есмь сильнымъ обидѣти*, и церковнаго наряда и службы самъ есмь призиралъ. Да не зазрите ми, дѣти мои, ни инъ кто прочетъ: не хвалю бо ся ни дерзости своея, но хвалю Бога, и прославляю милость его, иже мя грѣшнаго и худаго селико лѣтъ соблюдъ отъ тѣхъ часъ смертныхъ, и не лѣнива мя былъ створилъ худаго на вся дѣла человѣческая потребна. Да сю грамотицю прочитаючи, потъснѣтеся на вся дѣла добрая, славяще Бога съ святыми его. Смерти бо ся, дѣти, не боячи, ни рати, ни отъ звѣри, но мужьское дѣло творите, како вы Богъ подасть, оже бо язъ *(азъ, я)* отъ рати и отъ звѣри и отъ воды, отъ коня спадаяся, то ни кто же васъ не можетъ вредитися и убити, понеже не будетъ отъ Бога повелѣно: а иже отъ Бога будетъ смерть, то ни отецъ, ни мати, ни братья не могутъ отъяти.

---

3. КИРИЛЛЪ ТУРОВСКІЙ.

(ум. 1185 г.).

Слово въ новую недѣлю по пасцѣ, о Ѳоминѣ испытаніи ребръ Господень.

Велика учителя и мудра сказателя требуетъ церкви на украшеніе праздника. Мы же нищи есмы словомъ и мутни умомъ, не имуще огня Святаго Духа, наслажденіе душеполезныхъ словесъ; обаче любве ради сущихъ съ мною братій, мало нѣчто скажемъ о поновленіи Въскресеніа Христова. Въ минувшую бо недѣлю Святыя Пасхы удивленіе бѣ небеси и устрашеніе преисподнимъ, обновленіе твари и избавленіе міру, разрушеніе адово и попраніе смерти, въскресеніе мертвымъ и погубленіе прелестныа власти діаволя, спасеніе же человѣческому роду Христовымъ въскресеніемъ; обнищаніе ветхому закону и порабощеніе суботѣ, обогащеніе Христовѣ церкви и воцареніе недѣли. Въ минувшую недѣлю всему премѣненіе бысть: сътвори бо ся небомъ земля очищена Богомъ отъ бѣсовскихъ скверни, и Ангели съ женами раболѣпно въскресенію служааху. Обновися тварь, уже бо не нарекуются Богомъ стихіа, ни солнце, ни огнь, ни источници, ни древеса: отселѣ бо не пріемлетъ требы адъ закалаемыхъ отци младенець ни смерть почьсти, преста бо идолослуженіе и погубися бѣсовское насиліе крестнымъ таиньствомь, и не токмо спасеся человѣчь родъ, но и освятися Христовою вѣрою. Вѣтхій же законъ отнюдь обнища, отвръженіемъ телчаа крови и козлихъ жъртвъ, единь бо Христосъ собою самъ къ Отцу за всѣхъ жъртву принесе; тѣмь и праздникъ суботѣ преста, а недѣли благодать дана бысть въскресеніа ради, и царствуеть уже въ днехъ недѣля, яко въ ту въскресе Христосъ изъ мертвыхъ. Вѣнчаимъ Царицю днемъ, братіе, и дары честны съ вѣрою той принесемъ, дадимъ по силѣ якоже можемъ: овъ милостыню, безлобіе и любовь, другіи дѣвьство чисто и вѣру праву и смиреніе нелицемѣрно, инъ псаломское пѣніе, Апостольское ученіе и молитву съ въздыханіемъ предъ Богомъ; самъ бо Господь Моисіомь глаголеть: не являйся предъ мною тьщь въ день праздника. Принесемъ ему прежереченныа добродѣтели, да въсріимемь Божію милость, ибо не лишитъ добра приходящихъ съ вѣрою:

славящаа бо мя, рече, прославлю. Похвалимъ красно новую недѣлю, въ ню же поновленіе Въскресеніа празднуемь, не бо есть таже Пасха днесь, нъ Антипасха наричется: Пасха бо избавленіе міру есть отъ насиліа діаволя и свобожденіе мертвымъ отъ ада преисподняго; Антипасха же есть поновленіе Въскресеніа, образъ имуще ветхаго закона, иже завѣща Богъ Моисіови въ Египтѣ, глаголя: се избавляю люди моя отъ работы Фараоня и освобождаю отъ мученіи приставникъ его, да поновляеши день спасеніа твоего, воньже (*въ онь же который*) спасеніе міру съдѣа, побѣдивъ начала и власти темныа: того ради и артусный хлѣбъ отъ Пасхы и донынѣ въ церкви священенъ бысть, и днесь на іереіскыхъ врьсѣхъ ломитса за опрѣснокы, несеныа на главахъ Левитъ отъ Египта, по пустыни, дондеже и Чръмное море проидоша: и ту того хлѣба освятиша Богови, егоже вкушающе здрави бываху и врагомъ страшни. Они убо, избывше тѣлесныа работы, поновляху празднующе день опрѣсночный; мы же, Владыкою спасени отъ работы мысленаго Фараона діавола, поновляемъ побѣдный на врагы день, и сего священнаго нынѣ пріимающе хлѣба тако вкушаемъ, якоже и они хлѣба небеснаго и Ангельскаго брашна, и хранимь его на всяку потребу благу, на здравіе тѣлесемь и душамъ на спасеніе и на прогнаніе всякого недуга. Днесь ветхаа конець пріаша, и се быша вся нова, видимаа же и невидимаа. Нынѣ небеса просвѣтишася, отъ темныхъ облакъ яко вретища съвлекъшися и свѣтлымъ въздухомъ славу Господню исповѣдаютъ; не сія, глаголю, видима, небеса, нъ разумнаа. Апостолы, иже днесь на Сіонѣ вшедша къ нимъ познавше Господа, и всю печаль забывше и скръбь Іудейска страха отврьгше Святымъ Духомъ осѣнившеся, Въскресеніе Христово ясно проповѣдаютъ. Нынѣ солнце красуяся къ высотѣ въсходить и радуяся землю огрѣваеть, възиде бо намъ отъ гроба праведное солнце Христосъ и вся вѣрующая ему спасаеть. Ныня луна съ вышьняго сьступивъши степени, болшему свѣтилу честь подаваеть; уже ветхый законъ, по Писанію, съ суботами преста и Пророкы, Христову закону съ недѣлею честь подаеть. Ныня зима грѣховная покаяніемъ престала есть и ледъ невѣрія богоразуміемъ растаяся; зима убо язычьскаго кумирослуженія Апостольскымъ ученіемь и Христовою вѣрою престала есть, ледъ же Ѳомина невѣрія показаніемь Христовъ ребръ растаяся. Днесь весна красуется, оживляющи земное естьство; бурніи вѣтри, тихо повѣвающе, плоды гобьзують и земля сѣмена питающе зеленую траву ражаеть. Весна убо красна вѣра есть Христова, яже крещеніемь поражаеть человѣчьство пакы естьство, бурніи же вѣтри грѣхотвореній помысли, иже покаяніемь претворшеся на добродѣтель душеполезныя плоды гобьзують: земля же естьства нашего, акы сѣмя Слово Божіе пріимши, и страхомъ его присно болящи, духъ спасенія ражаетъ. Нынѣ новорожаеміи агньци и унци, быстро путь перуще, скачють, и скоро къ матеремъ възвращающеся веселяться, да и пастыри свиряюще веселіемь Христа хвалять. Агнеца, глаголю, кроткыя отъ языкъ люди, а унца кумирослужителя невѣрныхъ странъ, иже Христовомъ въчеловѣченіемъ и Апостольскымъ ученіемь и чюдесы, скоро по законѣ емъшеся, къ святѣй црькви възвратившеся, млеко ученія ссутъ (*сосутъ*), да и учители Христова стада о всѣхъ молящеся, Христа Бога славять, вся волкы и агньца въ едино стадо собравшаго. Ныня древа лѣторасли испущають и цвѣти благоуханія процвитають, и се уже огради сладъкую подавають воню, и дѣлатели съ надежею тружающеся плододавеца Христа призывають. Бѣхомъ бо прежде акы древа дубравная, не имуще плода, ныня же присадися Христова вѣра въ нашемь невѣрьи, и уже держащеся корене Іесѣевѣ, яко цвѣты добродѣтели пущающе, райскаго пакыбытья о Христѣ ожидають; да и святители о церкви тружающеся отъ Хри

ста мьзды ожидають. Нына ратаи слова, словесныя уньца къ духовному яриу приводяще, и крестьное рало въ мысленыхъ браздахъ погружающе, и бразду покаянія почертающе, сѣмя духовное въсипающе, надежами будущихъ благъ веселяться. Днесь ветхая конецъ пріяша, и се быша вся нова, въскресенія ради. Нына рѣкы Апостольскыя наводняються, и язычныя рыбы плодъ пущають, и рыбари, глубину Божія вьчеловѣченія испытавъше, полну церковьную мрежю (*сѣть*) ловитвы обрѣтають: рѣками бо, рече Пророкъ, расядеться земля, узрять и разболяться нечестивіи людіе. Нына мнишьскаго образа трудолюбивая пчела, свою мудрость показающи, вся удивляеть; яко же бо они въ пустыняхъ самокърміемь живуще, Ангелы и человѣкы удивляють, и си на цвѣты излетающи, медвеныя сты створяеть да человѣкомъ сладость и церкви потребная подасть. Нына вся доброгласныя птица церковьныхъ ликовъ гнѣздящеся веселяться: и птица бо, рече Пророкъ, обрѣте гнѣздо себе, олтаря твоя, и свою кааждо поющи пѣснь, славить Бога гласы немолчьными. Днесь поновишася всѣхъ святыхъ чинове, нову жизнь о Христѣ пріемъше: Пророци, Патріарси трудившеися, въ райстѣй почивають жизни, и Апостоли съ святители пострадавъшеи, прославляються на небеси и на земли, мученици и исповѣдници за Христа претерпѣвъшеи страсть, съ Ангелы вѣньчаються; Цари и Князи благовѣрніи послушаніемь спасаються; дѣвственіи лици (*лики*) и иночьстіи състави, свой крестъ терпѣніемъ понесъше, первеньцю Христу отъ земля на небеса послѣдують; постьници пустыньници, отъ рукы Господня труда мьзду пріемъше, въ горнимъ градѣ съ святыми веселяться. Днесь новымъ людемъ Воскресенія Христова поновленія праздникъ, и вся новая Богови приносятся: отъ языкъ вѣра, отъ крестьянъ требы, отъ іерей святыя жертвы, отъ міродержитель боголюбныя милостыня, отъ вельможь церковьное попеченіе, отъ праведникъ съмѣреномудріе, отъ грѣшьникъ истиньное покаяніе, отъ нечьстивыхъ обращеніе къ Богу, отъ ненавидящіихъся духовьная любы. Възидемъ нына и мы, братіе, мысленно въ Сіоньскую горницю, яко тамо Апостоли събрашася, и самъ Господь Іисусъ Христосъ, затвореномъ дверемъ, посредѣ ихъ обрѣтеся и рекъ: миръ вамъ, испълни я радости; въздрадовашабося, рече, ученицы видѣвъше Господа, и всю печаль тѣлесную и страхъ сердечный отринуша. Дасть бо ся душамъ ихъ духовьная дьрзость, познаніемъ своего Владыкы, яко обнажи предъ всѣми своя ребра и гвоздійнѣ язвы на руку и ногу показаеть Ѳомѣ; не бо бѣ Ѳома съ ученикы въ пьрвый приходъ видѣлъ Господа, и слышавъ его въскрьсъша, но яко лъжю мня, не вѣроваше, нъ и самовидѣць хотя быти Христу, тако глаголааше, аще не вложю рукы моея въ ребра его и въ язву гвоздійную своего пьрста, не иму вѣры. Тѣмь и Господь, не понося ему, сице глаголаше: принеси руку твою и вижь прободеніе ребръ моихъ и вѣруй, яко самъ азъ есмь; мнѣ бо и преже тебе Патріарси и Пророци разумѣвъше, вѣроваша моему вьчеловѣченію. Испытай пьрвое Исаино о мнѣ писаніе: копіемь бо рече, въ ребра прободенъ бысть, и изиде кръвь, и вода; въ ребра прободенъ быхъ, да ребръмь падъша Адама въскресихъ. А тебе ли, невѣрующю ми, презрю? Осязай мя, яко самъ азъ есмь, его же преже осязавъ Сумеонъ и вѣрою, прошаше отпущенія съ миромь; и не буде невѣрьнъ, якоже Иродъ, иже слышавъ мое рожество, глаголаше волхомъ: гдѣ Христосъ ражаеться? да шедъ поклонюся ему, а въ сердци о убійствѣ моемь мысляше. Но аще и младьньцѣ зліи, нъ искомааго не обрѣте: възищють бо мене зліи, нъ не обрящють. Вѣруй ми, Ѳомо, и познай мя, якоже Аврамъ, къ нему же подъ сѣнь съ двѣма Ангелома придохъ, и тъ познавъ мя, Господа мя нарече; и о Содомѣ молящемися, да его не погублю, аще и до десяти было въ немь праведникъ. А не буди невѣрнъ акы Валамъ,

иже Духомь Святымъ прорекъ мое за міръ умьртвіе и въскрьсеніе; и пакы мьзды ради прьльстився, погибе. Вѣруй ми, Өомо, яко самъ азъ есмь, его же видѣ Іяковь въ нощи на лѣствица утвьржающася: тѣже и пакы позна мя духомь, егда боряхъся съ нимь въ Месопотаміи, тъгда бо обѣщахъся ему въчеловѣчитися въ племени его И не буди невѣрьнь яко Навъходоносоръ, иже видѣвъ мя, въ пещи отрокы отъ огня спасъша, истиною Сына Божія нарече мя, и пакы къ своимъ прельстьмъ уклонився, погибе. Вѣруй ми, Өомо, яко азъ есмь, егоже образъ видѣ Исаія на престолѣ высоцѣ, обьстоима множьствомъ Ангелъ; азъ есмь, явивыйся Езекилю посредѣ животьныхъ образомь человѣчьскомь, емуже и васъ прообразихъ колесы животьныхъ придержащимъся, въздвизающихъся со мною: тъ бо животьный духъ бѣ тогда въ колесѣхъ, егоже и нынѣ въ васъ дунухъ, Духъ Святый. Азъ есмь, егоже видѣ Данилъ на облацѣхъ небесныхъ, подобіемь сына человѣка, съшьдъша до ветъхаго днемъ; и тъ написа даную ми отъ Бога Отца власть и царство на небеси на земли, нынѣшняго и будущаго бесконьчьнаага вѣка. Принеси, о близньче! (*о близнецъ!*) твой пьрстъ и вижь руцѣ мои, има же очи слѣпымъ отверзохъ и глухымъ слуха даровахъ и нѣмыя доброглаголивы створихъ; вижь и нозѣ мои, има же и предъ вами по морю ходихъ, и по въздуху явьствьно ступахъ и въ преисподьняя въшьдъ, тѣма ада попрахъ, и съ Клеопою и Лукою до Елмауса шьствовахъ; и не буди невѣрьнъ, нъ вѣрьнъ. Отъвѣща Өома глаголя: вѣрую Господи, яко самъ ты еси Христосъ Богъ мой, о нем же писаша Пророци, дозряще духомь, его же прообрази въ законѣ Моиси, его же отвьргошася сь жьрци Фарисеи, ему же поругашася завистію съ книжьникы Жидове, его же осуди съ Каіяфою на распятіе Пилатъ, его жъ Богъ Отець изъ мьртвыхъ въскреси. Вижю ребра, отъ нихъ же источи воду и кръвь; воду, да очистиши осквьрнивъшююся землю и кръвь же, да освятиши человѣчьское естьство. Вижю руцѣ твои, има же преже створи всю тварь и рай насади и человѣка созда, имаже благослови Патріархы, има же помаза Царѣ, има жъ освяти Апостолы. Вижю нозѣ твои, ею же прикоснувъшися блудница, грѣховъ отпустъ пріятъ; на нею же припадъши първое вдовица, отъ мертвыхъ своего сына съ душею жива пріятъ; падъ сима ногама кръвоточивая подълцѣ ризы прикоснувъшися, исцѣлѣ отъ недуга; и азъ, Господи! вѣрую, яко ты еси Богъ. И рече къ нему Іисусъ: яко видѣвъ мя, вѣрова; блажени не видѣвъшеи, въ мя вѣровавшеи. Тѣмьже, братіе, вѣруимъ Христу Богу нашему, распьнъшемуся поклонимся воскрьшаага прославимь, явившагося Апостоломъ вѣрунмъ, и своя Өомѣ показавъшааго ребра въспоимъ, пришьдъшааго оживить насъ похвалимъ, и просвѣтившааго ны исповѣдаимъ, и всѣхъ благъ подавъшааго намъ обиліе възвеличимъ, отъ Тропца познаимъ единого Господа Бога Спаса нашего Іисусъ Христа, ему же слава съ Отцемъ и съ Святымь Духомь, и нынѣ и присно.

---

4. СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ.

Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, начати старыми словесы ([1]) трудныхъ повѣстій о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича? начати же ся тъй пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню? Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашется мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы.

Помняшеть бо речь първыхъ временъ

([1]) *Старыми словесы*—словами старинняго преданія, словами Бояна или какого другаго народнаго пѣвца. (Примѣч. Буслаева, христом., стр. 598).

усобицѣ: тогда пущашеть 10 соколовь на стадо лебедей, который дотечаше, та преди пѣсь пояше ([1]) старому Ярославу ([2]), храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълки касожьсьскыми ([3]), красному Романови Святъславличю ([4]).

Боянъ же братіе, не 10 соколовь на стадо лебедей пущаше, нъ свои вѣщіа пръсты на живая струны въскладаше; они же сами княземъ славу рокотаху.

Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимера ([5]) до нынѣшняго Игоря ([6]); иже истягну умь крѣпостію своею ([7]); и поостри сердца своего мужествомъ ([8]), наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрыя плъкы на землю Половѣцькую за землю Руськую.

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце, и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты, и рече Игорь къ дружинѣ своей:

«Братіе и дружино! луцежъ бы потяту быти ([9]), неже полонену быти: а всядемъ, братіе, на свои бръзыя комони ([10]), да позримъ синего Дону.» «Хощу бо, рече, копіе приломити конець поля Половецкаго ([11]) съ вами Русици;

«Хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону!»

О Бояне, соловію стараго времени! абы ты сіа плъкы ущекоталъ, скача славію по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы,

Свивая славы оба полы сего времени ([1]), рища въ тропу Трояню ([2]) чрезъ поля на горы.

Пѣти было пѣсь Игореви, того Олга внуку. Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая·

Галици стады бѣжать къ Дону великому; чили въспѣти было, вѣщей Бояне, Велесовь внуче ([3]):

Комони ржуть за Сулою, звенить слава въ Кыевѣ; трубы трубять въ Новѣградѣ ([4]); стоять стязи въ Путивлѣ:

Игорь ждетъ мила брата Всеволода. И рече ему буи туръ Всеволодъ ([5]).

«Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты Игорю! оба есвѣ Святъславлича!

«Сѣдлай, брате, свои бръзыи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска на переди.

«А мои ти Куряни ([6]) свѣдоми къмети ([7]), подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяны, конецъ копія въскръмлени;

«Пути имь вѣдоми, *яруги* имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, *тули* отворени, сабли изъострени;

«Сами скачютъ, акы сѣрыи влъци, въ

([1]) Вѣроятно испорчено; надо читать: *тъ*, т. е. *тотъ* преди *пѣснь* пояше, и т. д. (Бусл.)

([2]) Ярославъ Святославичъ, братъ Олега Тмутараканскаго и Романа Святославича Краснаго. (Герб.)

([3]) Мстиславъ, сынъ Владиміра св., князь Тмутараканскій, умертвившій въ единоборствѣ татарскаго князя Редедю.

([4]) Романъ Святославичъ, родной братъ Олега Тмутараканскаго. (Герб.)

([5]) Владиміра св.

([6]) Игорь Святославичъ, удѣльный князь Новгородъ-Сѣверскій, герой поэмы; внукъ Олега Тмутараканскаго.

([7]) *Истягну умь (умъ) крѣпостію*—т. е. вошелъ въ совершенный смыслъ. (Бусл.)

([8]) Укрѣпилъ сердце мужествомъ. (Бусл.)

([9]) *Потяту*—отъ *потяти*—быть убиту. (Б.)

([10]) Комони—коня. (Б).

([11]) О самый конецъ поля, т е. въ самыхъ дальнихъ предѣлахъ земли половецкой. (Бусл.)

([1]) Соединяя обѣ половины *(оба полы)* славы сего времени (т. е. прошедшее или настоящее и будущее?) А можетъ быть *славы* испорчено вм. *славію* (о соловей—зват. пад.) (Б.)

([2]) Троянъ—лице миѳическое, см. далѣе текстъ.

([3]) Пѣвецъ называется внукомъ Волоса, стариннаго божества славянъ.

([4]) Въ Новгородѣ сѣверскомъ.

([5]) *Буй туръ*—ярый, дикій волъ (Б.) Всеволодъ Святославичъ курскій и трубчевскій былъ меньшой братъ Игоря сѣверскаго. (Герб.)

([6]) *Куряне*—жители Курска вообще переяславцы. (Б)

([7]) *Кмети*—наѣздники, воины служители. (Б.)

полѣ, ищучи себѣ чти ([1]), а князю славѣ.»

Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремень, и поѣха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше;

Нощь стонущи ему грозою птичь ([2]) убуди, свистъ звѣринъ въ стазби ([3]); дивъ ([4]) кличетъ връху древа:

Велитъ послушати земли незнаемѣ— Влъзѣ; и поморію, и по Сулію, и Сурожу ([5]), и Корсуню, и тебѣ, Тьмутораканьскый блъванъ ([6]).

А Половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону великому; кричать тѣлѣгы полунощы, рци лебеди роспущени ([7]).

Игорь къ Дону вои ведетъ; уже бо бѣды его пасетъ птиць ([8]);

Подобію ([9]) влъцы грозу въсрожатъ ([10]) по *яругамъ*; орли клетомъ на кости звѣри зовутъ;

Лисици брешутъ на чрълены щиты, О Русская земле! уже за Шеломянемъ еси!

Длъго ночь мркнетъ, заря свѣтъ ([11]) запала, мъгла поля покрыла, щекотъ славій успе, говоръ галичь убуди.

Русичи великая поля чрълеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а князю славы.

Съ заранія въ пяткъ потопташа поганыя плъкы половецкыя; и рассушясь ([1]) стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвкы половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты ([2]). Орьтъмами и япончицами и кожухы начаша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ. И всякыми узорочьи половецкыми. Чрьленъ стягъ, бѣла хорюговь, чрьлена чолка, сребрено стружіе—храброму Святьславличю.

Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо... Далече залетѣло... Не было нъ ([3]) обидѣ порождено — ни соколу, ни кречету, ни тебѣ чръный воронъ, поганый половчине. Гзакъ бѣжить сѣрымъ волкомъ; Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону великому ([4]).

Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ; чръныя тучи съ моря идутъ, хотятъ прикрыти 4 солнца ([5]); а въ нихъ трепещутъ синіи млъніи: быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону великаго: ту ся копіемъ приламати, ту ся саблямъ потручати о шеломы Половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великаго.

О, Русская землѣ! Уже не Шеломянемъ если ([6]). Се вѣтри, Стрибожи внуци ([7]), вѣютъ съ моря стрѣлами на

([1]) *Чти—чести* (Б.)

([2]) Ви. *птичь—ч* вм. *ц*—по мѣстному говору (Б).

([3]) Или въ *стезь*, т. е. на тропѣ, на дорогѣ, или—въ *стадбь* т. е. на *пастбищь* (отъ *стадо.*) (Б.)

([4]) *Дивъ* значитъ: 1) диво, чудище, 2) птицу зловѣщую *(удода.)* (Бусл.)

([5]) Сурожу—Азовскому морю, (Б.)

([6]) Т. е. тмутараканскій идолъ, вмѣсто—*Тмутараканъ.* (Б.)

([7]) *Полунощы,* т. е. въ *полуночи*: *рци*—повел. накл. глагола *реку*, значитъ: *словно точно.*

([8]) Или: *уже бѣда* (бѣды—ошибка) *его пасетъ,* т. е. *кормить птиць*; или уже *птиць* (муж. р. вм. *птица*?) *пасетъ,* т. е. стережетъ его бѣды, ждетъ поживы отъ его бѣды. (Б)

([9]) Подобно.

([10]) *Въсрожатъ*—можетъ быть отъ глагола *срожати*—польское *srozyc*—дѣлать суровыми, жестокими; *въсрожатъ — усиливаютъ грозу* (Б.)

([11]) Заря-свѣтъ—какъ путь-дорога, родъ-племя и т. п.

([1]) Отъ рассоутися—разсоваться у Малороссовъ до сихъ поръ говорится — *рассулися стрълками ио полю*) (Б.)

([2]) *Оксамиты*—бархаты,

([3]) Испорчено; читай: *не было на...* (т. е. не было оно порождено на обиду ни для сокола: и т. д.) (Б.)

([4]) Гзакъ и Кончакъ—ханы половецкіе. (Б.)

([5]) 4 солнца, т. е. *гнъздо Олегово:* самъ Игорь, братъ его Всеволодъ, сынъ Игоря Владиміръ Путивльскій и племянникъ Святославъ Олеговичъ Рыльскій (Б.)

([6]) *Не шеломянемъ — вм. за шеломянемъ*—за кургапомъ.

([7]) Стрибогъ—богъ вѣтра, или погоды (Мей)

храбрыя плъкы Игоревы! земля тутнетъ, рѣкы мутно текутъ; пороси поля прикрываютъ (¹); стязи глаголютъ; Половци идутъ отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ. Рускыя плъкы отступиша. Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбріи Русицы преградиша чрълеными щиты.

Яръ туре Всеволодѣ! стоиши на борони, прыщеши на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужными (²). Камо Туръ поскочаше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежатъ поганыи головы Половецкыя; раскепаны саблями калеными шеломы оварскыя (³) отъ тебя Яръ Туре Всеволоде!

Кая раны дорога, братіе (⁴), забывъ чти и живота, и града Чернигова, отня золота стола, и своя милыя хоти, красныя Глѣбовныя свычая и обычая? (⁵)

Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля; были плъци Олговы. Ольга Святъславличя (⁶). Тъй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше, и стрѣлы по земли сѣяше.

Ступаетъ въ златъ стремень въ градѣ Тьмутороканѣ. Тоже звонъ (⁷) слыша давный великый Ярославь; а сынъ Всеволожь Владиміръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ (¹).

Бориса же Вячеславича (²) слава на судъ приведе (³), и на конину зелену паполому постла, за обиду Олгову, храбра и млада князя.

Съ тояже Каялы Святоплъкъ повелѣя отца своего междю Угорьскими иноходьцы ко Святѣй Софія къ Кіеву (⁴).

Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами; погибашеть жизнь Даждь-Божа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомь скратишась (⁵). Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть: нъ часто врани граяхуть, трупіа себѣ дѣляче; а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уѣдіе (⁶).

То было въ ты рати, и въ ты плъкы; а сице и рати не слышано:

Съ заранія до вечера съ вечера до свѣта летятъ стрѣлы каленыя, гримлютъ сабли о шеломы, трещатъ копіа

(¹) *Пороси*; вм. *праси*—отъ *прахъ* (прахи). Сравни съ *пороша* — не только снѣжная, но и всякая мелкая пыль (Бусл.); *пороси* употребляется донынѣ въ южныхъ губерніяхъ и означаетъ туманы, подпимающіеся по утру изъ росы. Производство его ясно: *по росѣ* (Мей.)

(²) Булатными. (*Харалужными* — вѣроятно восточнаго происхожденія.)

(³) Между Грузіею и Черкесіею до сихъ поръ живетъ народъ аварскій, Авары: вѣроятно несторовы *Обре* (Б.)

(⁴) Испорчено; читай: *кая рана дороги* или *кыя раны дорогы*—т. е. какая рана ему дорога, или какія раны ему дороги.

(⁵) Хоти Глѣбовѣ, т. е. жены (своей) Глѣбовны (Ольги, дочери Глѣба Юрьевича Кіевскаго). «*Свычая и обычая*» — поговорка, какъ «*совѣтъ и любовь*» (Б.) *Хотя* можно произвести отъ *хотѣть, желать*; потому *хоть* всего ближе переводится словомъ *желанная* (Мей.)

(⁶) Олегъ Святославичъ, или, какъ далѣе онъ называется—Гореславичъ—дѣдъ Игоря, главный виновникъ междоусобій своего времени (Б.)

(⁷) *То же*—вм. *той же*; *тотъ же, звонъ*, т. е. вообще *шумъ* (Б.)

(¹) Всеволодъ, сынъ Ярослава 1; Владиміръ, т. е. Мономахъ: затыкалъ уши, чтобы не слышать воинскаго грома, т. е. любилъ миръ; или можетъ быть: закладывалъ *ухо* у воротъ, т. е. запиралъ ворота. (?) (Б.)

(²) Борисъ, сынъ Вячеслава Смоленскаго, принявшій сторону Олега противъ Всеволода Ярославича, и убитый въ битвѣ при Нѣжатинѣ Нивѣ (1054.)

(³) На судъ, т. е. Божій. Судомъ Божіимъ въ лѣтописяхъ называется смерть (Б.)

(⁴) Святополкъ, сынъ Вел. Кн. Изяслава Ярославича, убитаго также на нѣжатиной нивѣ (Г.) угорьскими — т. е. венгерскими, т. е. на венгерскихъ коняхъ (Г.)

(⁵) Въ припискѣ на концѣ пергаменной рукописи Апостола 1307 г. мы читаемъ: сего же лѣта бысть бой на русской земли. Михаилъ съ Юрьемъ о княженьи Новгородскомъ (т. е. Михаилъ Тверской съ Георгіемъ Даниловичемъ Московскимъ) *при сихъ князехъ сѣяшеться и ростяше усобицами. Гыняше* (т. е. гибла) *жизнь наша въ князихъ которы* (т. е. нашихъ князей междоусобіями) *и вѣцы скоротишася человѣкомъ*—очевидное заимствованіе изъ «слова о полку Игоревѣ.» Прим. О. Мил.

Дажь Богъ—Божество солнца. *Жизнь Дажь Бога внука*, т. е. жизнь Русскихъ. (Б.)

(⁶) *Уѣдіе*—на ѣду, на пиръ.

харалужныя въ полѣ незнаемѣ среди земли Половецкыи.

Чръна земля подъ копыты костьми была посѣяна, а кровію польяна (1); тугою взыдоша (2) по Руской земли.

Что ми шумить, что ми звенить далечя (3) рано предъ зарями? Игорь плъкы заворочаетъ: жаль бо ему мила брата Всеволода.

Бишася день, бишася другый: третьяго дни къ полуднію падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы (4). Ту кроваваго вина не доста; ту пиръ докончаша храбріи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую (5).

Ничить трава жалощами (6), а древо стугою къ земли преклонилосъ.

Уже бо, братіе, не веселая година (7) въстала, уже пустыни (8) силу прикрыла. Въстала обида въ силахъ Дажь-Божа внука (9). Вступилъ дѣвою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крылы на синѣмъ море у Дону плещучи: убуди жирня времена.

Усобица князем на поганыя погыбе (1), рекоста бо братъ брату: се мое, а то моеже; и начяша князи про малое—се великое—млъвити, а сами на себѣ крамолу ковати: а поганіи съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую.

О далече зайде соколъ, птиць бья къ морю: а Игорева храбраго плъку не крѣсити. За нимъ кликну Карна и Жля (2); поскочи по Русской земли, смагу мычючи въ пламянѣ розѣ (3).

Жены Рускія въсплакашась, аркучи (4), «уже намъ своихъ милыхъ ладъ (5) ни мыслію смыслити, ни думою сдумати; ни очима съглядати, а злата и серебра ни мало того потрепати.»

А въстона бо, братіе, Кіевъ тугою, а Чьрниговъ напастьми; тоска разліяся по Руской земли; печаль жирна тече средь земли Рускыя.

А князи сами на себе крамолу коваху, а поганіи сами побѣдами нарищуще на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора. Тіи бо два храбрыя Святъславича, Игорь и Всеволодъ, уже лжу убуди (6), которую то бяше успѣлъ отецъ ихъ Святославь грозный великый Кіевскый (7). Грозою бяшеть; притрепеталъ своими сильными плъкы и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую, притопта хлъми и яргы, взъмути рѣки и озеры, иссуши потоки и болота, а поганаго Кобяка изъ луку моря (8) отъ

---

(1) Въ малороссійской народной поэзіи: чорна роля (пашня) заорана и кулями (пулями) засѣяна, бѣлымъ тѣломъ зволочена и кровью сполощена.» — Уже почавъ вонъ (*онъ*) землю коньскими копытами орати, кровью молдавскою поливати.» (Б.)

(2) Тугою—горемъ, печалью взошли онѣ, т. е. посѣянныя кости.

(3) Буслаевъ читаетъ *давеча* — недавно.

(4) Нынѣшній Кагальникъ, впадающій въ Донъ (Г.)

(5) Въ малороссійской поэзіи: «иду я туды, де роблять (гдѣ дѣлаютъ) на диво червоное пиво зъ крови супостатъ. Хиба жь (или же) ты задумавъ тѣмъ пивомъ упиться?—Якъ пиръ той минется—вернусь я назадъ. — А ще, якъ наше козачество мовъ (словно) у пеклѣ (въ аду) Ляхи спалятъ, да зъ нашихъ казацькихъ костей пиръ собѣ на похмѣлье зварять.» (Б.)

(6) Никнетъ отъ жалости.

(7) Невеселый часъ.

(8) Мѣстн. падежъ—въ *пустынѣ*.

(9) Олицетвореніе обиды въ образѣ миѳической дѣвы съ лебедиными крыльями (сравни съ скандинавскими *валькиріями*, воинственными дѣвами въ лебединыхъ сорочкахъ. (Б.) *Вступилъ* — описка вм. *вступила жирня* — богатыя обильныя (т. е. времена; не богатыя ли горемъ?)

(1) Погибла, т. е. прекратилась война съ погаными (т. е. съ врагами внѣшними, потому, что князья стали воевать другъ съ другомъ.)

(2) Ханы половецкіе.

(8) Съ Ханомъ Кончакомъ былъ Бесерменинъ, стрѣлявшій живымъ огнемъ. Вотъ и объясненіе *пламеннаго рога*. (Мей) (?)

(4) *Ркучи*, *рекучи*—говоря.

(5) Ладо—мужъ, какъ *хоти*—жена; оба слова, вѣроятно, изъ разговорнаго языка. (Б.)

(6) *Лжу*—не въ смыслѣ ли *кривоы*, какъ всякой неправоты, какъ безнравственности! Въ этомъ смыслѣ и *вражда* есть *ложь*.

(7) Святославъ Всеволодовичъ, В. К. Кіевскій, сынъ Всеволода Ольговича.

(8) Лукоморье—морской *излучистый* берегъ,

желѣзныхъ, великихъ пълковъ половецкихъ, яко вихрь, выторже: и падеся Кобякъ въ градѣ Кіевѣ, въ гридницѣ Святъславли ([1]).

Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поютъ славу Святъславлю, кають Князя Игоря, иже погрузи жиръ ([2]) во днѣ Каялы рѣкы Половецкія, Рускаго злата насыпаша. Ту Игорь Князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло Кощіево ([3]).

Уныша бо градомъ забралы, а веселіе пониче.

(Далѣе мы приводимъ только современный переводъ).

Святославу снился смутный сонъ:
«Будто я въ горахъ подъ Кіевомъ»,
Говоритъ онъ: «будто въ эту ночь
Одѣвали меня съ вечера
На кровати на тесовой черной ризою;
Подносили зелено вино,
А вино-то съ зельемъ смѣшано....
Будто тощими колчанами
Мнѣ на грудь изъ грязныхъ раковинъ
Крупный жемчугъ сыпали.... и нѣжили....
Будто доски всѣ безъ матицы
Въ златоверхомъ моемъ теремѣ....
А бояре говорятъ ему:
Князь! печаль заполонила умъ,
Отъ того, что оба сокола
Отлетѣли съ золотà престола отчаго
Поискать Тмутаракань вдвоемъ,
Аль испить шеломомъ изъ Дону,
И что тѣмъ-ли сизымъ соколамъ
Обрубили крылья Половцы
И въ желѣза ихъ опутали
(Наступила тьма на третій день:
Оба солнушка померкнули
И погасли два столпа багряные,
Съ ними оба молодые мѣсяца,
Святославъ съ Олегомъ, тьмой покрылися),
На Каялъ-рѣкѣ затмился свѣтъ;
По Руси метнулись Половцы,
Словно барсовъ лютый выводокъ,
Потопили Руси въ синемъ морѣ
И придали хану буйство превеликое.
На хвалу хула поднялася,
А нужда на волю вольную,
И повергнулся *дивъ* на землю,
Вотъ и готскія красныя дѣвицы
Запѣваютъ на берегѣ, у моря:
Рускимъ золотомъ звенятъ онѣ
И поютъ про время бусово,
Шаруканью месть лелѣючи,
А ужъ намъ, твоей дружинѣ, нѣтъ веселія!»
Втапоры Святславъ великій князь
Зблотое слово выронилъ:
Со слезами его слово было смѣшано.
И сказалъ онъ: «Охъ, племянники —
Игорь съ Всевлодомъ! Не въ пору вы
Стали землю половецкую
Сокрушать мечами, славы пщучи:
Одолѣли вы нечестіемъ
И нечестіемъ поганую кровь пролили.
Ваше сердце, въ буйствѣ закаленное,
Сталью крѣпкою заковано....
Посмѣялись вы надъ сѣдиной моей!
Я не вижу власти сильнаго,
Много-воевъ Ярослава, брата милаго,
Со черниговскими былями,
(Со *Могутами*, съ *Татранами*, съ *Шельбирами*.
Со *Топчаками*, съ *Ревугами*, съ *Олеберами*)
Безъ щитовъ, съ однимъ лишь засапожникомъ,
Разгоняютъ они громкимъ крикомъ вòроговъ,
Возвѣщая славу прадѣдовъ
Но вы молвили: — мы сами помужаемся
Сами славой прошлой раздобудемся,
Сами славой будущей подѣлимся! —
Развѣ диво, братцы, старику помолодѣть?

имѣющій видъ лука или дуги. Одна изъ ордъ половецкихъ, обитавшая близь лукоморія, называлась *лукоморскою*. (Г.)

([1]) Кобякъ, ханъ половецкій, взятый въ плѣнъ Святославомъ за годъ до похода Игоря. (Г.)

([2]) Жиръ—богатство, силу

([3]) *Кощеями* назывались плѣнники, невольники половецкіе, печенежскіе, хозарскіе, литовскіе и др., что свидѣтельствуется лѣтописями (Г.) Кащей—значитъ отрокъ княжеской дружины. (Мей.)

Коли соколъ поднимается,
Отбиваетъ онъ съ полету птицъ
И не дастъ въ обиду своего гнѣзда.
Да бѣда: князья не въ помочь мнѣ!
Подошла година смутная....
Вонъ Ромны кричитъ подъ саблей половецкою,
А Владимиръ князь подъ ранами;
Сыну Глѣбову—печаль-тоска!»

(Перев. Мея стр. 17—22.)

Великій князь Всеволодъ храбрый!
Зачѣмъ ты не здѣсь? Отчего
Не мчишься грозой на защиту
Престола отца своего?
Ты можешь могучую Волгу
Разбрызгать по злакамъ полей,
И вычерпать Донъ необъятный
Шеломами рати своей.
Когда бъ ты былъ здѣсь—по ногатѣ
Скупать бы мы плѣнныхъ могли,
Платилибъ по мелкой резани
За дѣвъ половецкой земли.
Отважные Глѣбовы дѣти
Живое оружье въ рукахъ:
Ты можешь послать на Половцевъ
Ихъ, славныхъ въ кровавыхъ бояхъ.
Ты, Рюрикъ, отважный и буйный!
И ты, князь Давыдъ молодой!
Не ваши ли шлемы стальные
Забрызганы кровью чужой?
Не ваши ль дружины рыкаютъ
Среди незнакомыхъ полей,
Подобно израненнымъ турамъ
Концами каленыхъ мечей?
Скорѣй въ стремена золотыя
Вступайте—и вихремъ за Донъ!...
За русскую землю, за раны,
За Игоревъ тяжкій полонъ?
А ты Ярославъ знаменитый,
Князь Галицкій—славный умомъ!
Высоко сидишь на простолѣ
Престолѣ своемъ золотомъ:
Карпатскія горы могучей
Дружиной своей оградилъ;
Кидая бойницы за тучи,
Ты путь королю заступилъ;
Замкнулъ, затворилъ воротами
Дуная широкую пасть,
И, правя суды до Дуная,
Далеко простеръ свою власть.
Молва о дѣлахъ твоихъ славныхъ
Гремитъ по далекимъ землямъ,
И къ Кіеву путь пролагаетъ,
Къ его золотымъ воротамъ.
Высоко сидя на отцовскомъ
Золоченномъ-пышно столѣ,
Стрѣляешь могучихъ салтановъ
За моремъ, въ далекой землѣ.
Направь свои стрѣлы въ Кончака!
Пусть мщенье извѣдаетъ онъ—
За Русскую землю, за раны,
За Игоревъ тяжкій полонъ!
И вы, храбрецы удалые,
Романъ и Мстиставъ молодой!
Мечтая о подвигахъ ратныхъ,
Вы смѣло кидаетесь въ бой;
Однажды рѣшившись, отважно
Стремитесь вы къ цѣли своей,
Какъ соколъ, ширяющій въ небѣ,
Чтобъ жертву настигнуть вѣрнѣй;
Затѣмъ, что латинскіе шлемы
И латы на вашихъ плечахъ:
Ужь многія ханскія земли
Предъ ними распалися въ прахъ.
Ятвяги, Литва, Деремела
И орды степныхъ дикарей
Повергли оружье, склонились
Подъ гнетомъ булатныхъ мечей.
Князья! ужь померкъ невозвратно
Для Игоря солнечный свѣтъ,
И листья опали съ деревьевъ,
Какъ-будто въ предвѣстіе бѣдъ:
Уже города подѣлили
По Роси-рѣкѣ и по Сулѣ,
А Игоря храброй дружинѣ
Спать сномъ непробуднымъ въ землѣ.
Князья, свѣтлый Донъ на побѣду
Зоветъ васъ, вздымая волну!
Отважныя Ольговы дѣти
Готовы идти на войну.
О Ингварь и Всеволодъ буйный!
И вмѣстѣ три брата лихихъ
Мстиславича,—вы шестокрыльцы
Гнѣзда славныхъ предковъ своихъ!
Вы ваши удѣлы добыли
Не жребіемъ сѣчь роковыхъ:
Къ чему же вамъ польскіе шлемы

*

Съ мечами и копьями ихъ?
Князья, положите преграду
Набѣгамъ сосѣднихъ племенъ—
За русскую землю, за раны,
За Игоревъ тяжкій полонъ!

(Перев. Гербеля 91—97).

Не течетъ Сула струею серебристою
Къ Переяславлю ко городу,
И Двина болотомъ подъ невѣрный крикъ
Къ Полочанамъ грознымъ катится.
Только ты лишь, Изяславъ, Васильковъ сынъ,
Позвонилъ мечами острыми
О шеломы о литовскіе.
Затуманилъ славу дѣдову, Всеславову,
Самъ-же саблями литовскими,
На травѣ на окровавленной,
Подъ щитами затуманился.....
Славу взялъ съ собой на ложе онъ, промолвивши:
«Князь! твою дружину храбрую
Пріодѣли птицы крыльями,
Полизали у ней звѣри кровь.»
Не случилося тутъ братьевъ Изяславовыхъ—
Брячислава не случилося со Всевлодомъ:
Онъ одинъ изъ тѣла храбраго
Душу выронилъ жемчужную
Сквозь златое ожереліе.
Голоса уныли; смолкнуло веселіе;
Трубы трубятъ городенскія.
Ярославъ и внучата Всеславовы!
Понижайте знамена свои
И вложите ржавый мечъ въ ножны:
Не добыть вамъ славы дѣдовой.
Вы-то первые и начали крамолами
Наводить враговъ на землю русскую
И на жизнь-ли на всеславову:
А до той поры отъ Половцевъ
Не видать было насилія.
На седьмомъ вѣку Траяновомъ,
Кинулъ жребій Всеславъ о милой дѣвицѣ....
Опираяся ходулями,
Изъ окна скакнулъ онъ къ Кіеву,
И коснулся онъ древкомъ копья
Золота престола княжаго;
А оттуда лютымъ звѣремъ во полуночи
Убѣжалъ изъ Бѣлагорода,
Обернувшись мглою синею,
А по утру ужь таранами
Отворялъ ворота въ Новѣгородѣ.
Расшибая славу Ярославову.
А съ Немиги до Дудутокъ проскакалъ, какъ волкъ.
На Немигѣ-то снопами стелютъ головы,
Бьютъ цѣпами ихъ булатными,
На сыромъ току животъ кладутъ,
Вывѣваютъ душу изъ тѣла.
Берега Немиги окровавились:
Не добромъ они засѣяны,
А засѣяны костями были русскими.
Князь Всеславъ людей судилъ-рядилъ:
Вѣдалъ онъ удѣлы княжіе,
И самъ волкомъ рыскалъ поночи изъ Кіева
И до самыхъ куреней Тмутараканскіихъ,
Хорсу путь перебѣгаючи.
У святой Софіи въ Полоцкѣ
Чуть ударили къ заутренѣ,
Онъ и въ Кіевѣ услышалъ звонъ.
Да въ иномъ душа и вѣщая,
А отъ бѣдъ страдаетъ почасту,
Для того впервой пѣвецъ Боянъ
И сложилъ припѣвку мудрую:
«Суда Божья ни гораздому, ни хитрому,
Ни гораздой птицѣ миновать нельзя!»
О, стонать тебѣ, святая Русь,
Время прежнее поминаючи,
Понимаючи удалыхъ князей!
Да нельзя вѣдь было стараго Владиміра
Пригвоздить къ вершинамъ кіевскимъ

(Перев. Мея стр. 24—27).

То не кукушка въ рощѣ темной
Кукуетъ рано по зарѣ;
Въ Путивлѣ плачетъ Ярославна
Одна на городской стѣнѣ:
«Я покину боръ сосновый,
Вдоль Дуная полечу,
И въ Каяль-рѣкѣ бобровый
Я рукавъ мой обмочу;
Я домчусь къ родному стану,
Гдѣ кипѣлъ кровавый бой;
Князю я обмою рану

На груди его младой.»
Въ Путивлѣ плачетъ Ярославна
Зарёй на городской стѣнѣ:

«Вѣтеръ, вѣтеръ, о могучій,
Буйный вѣтеръ! что шумишь?
Что ты въ небѣ черны тучи
И вздымаешь, и клубишь?
Что ты легкими крылами
Возмутилъ потокъ рѣки,
Вѣя ханскими крылами
На родимые полки.»

«Въ облакахъ ли тѣсно вѣять
Съ горъ крутыхъ чужой земли?
Если хочешь ты лелѣять
Въ синемъ морѣ корабли:
Что же страхомъ ты усѣялъ
Нашу долю? Для чего
По ковыль травѣ разсѣялъ
Радость сердца моего?
Въ Путивлѣ плачетъ Ярославна
Зарей на городской стѣнѣ;

«Днѣпръ мой славный! ты волнами
Скалы Половцевъ пробилъ;
Святославъ съ богатырями
По тебѣ свой бѣгъ стремилъ:
Не волнуй же; Днѣпръ широкій,
Быстрый токъ студеныхъ водъ,
Ими князь мой черноокій
Въ Русь святую поплыветъ,»

«О рѣка! отдай мнѣ друга;
На волнахъ его лелѣй,
Чтобы грустная подруга
Обняла его скорѣй;
Чтобъ я болѣ не видала
Вѣщихъ ужасовъ во снѣ;
Чтобъ я слезъ къ нему не слала
Синемъ моремъ на зарѣ.»
Въ Путивлѣ плачетъ Ярославна
Зарей на городской стѣнѣ:

«Солнце, солнце, ты сіяешь
Всѣмъ прекрасно и свѣтло!
Въ знойномъ полѣ что сжигаешь
Войско друга моего?
Жажда лу̀ки съ тетивами
Изсушила въ ихъ рукахъ,
И печаль колчанъ съ стрѣлами
Заложила на плечахъ.»

И тихо въ теремъ Ярославна
Уходитъ съ городской стѣны.

(Перев. Козлова, полн. соб. стихотв., Ч. I, стр. 31—34.)

Прыщетъ море со полуночи
Идутъ тучи мглою черною;
Князю Игорю Богъ кажетъ путь
Изъ земли изъ половецкой въ землю русскую
Къ золоту̀ престолу отчему.
Погасаютъ зо̀ри красныя вечернія;
Игорь спитъ—не спитъ, а мыслію
Измѣряетъ море отъ Дону великаго
И до малаго Донца рѣки.
Конь осѣдланъ со̀ полуночи;
За рѣкою засвисталъ Овлуръ,
Разумѣть велитъ: не мѣшкать князю Игорю!
Загудѣла, заходила-ходенемъ земля;
Зашумѣла зелена трава;
Снялись съ мѣста ставки половецкія....
А князь Игорь горностаемъ прикнулъ въ тростникъ,
Канулъ въ воду бѣлымъ гоголемъ,
И взмахнулся на добра̀ коня;
Соскочивъ съ него какъ сѣрый волкъ,
Проскакавши по лугамъ Донца,
Полетѣлъ въ туманѣ соколомъ,
Лебедей съ гусями избиваючи
На обѣдъ, на полдникъ и на вѐчерю,
Коли Игорь соколомъ летѣлъ,
Такъ Овлуръ за нимъ, какъ волкъ, бѣжалъ,
Студеную росу отряхаючи....
А лихихъ коней ужъ загнали....
Говоритъ Донецъ:—«Охъ, Игорь князь!
Много, князь, тебѣ величія,
А Кончаку недолюбія,
А землѣ русской веселія!»
Игорь молвитъ:—«Охъ, Донецъ-рѣка
И тебѣ не мало вѣдь величія:
Ты волнами князя убаюкивалъ,
Стлалъ ему траву зеленую
По серебряному берегу,
И подъ тѣнью дерева зеленаго
Одѣвалъ его мглами теплыми;
На водѣ стерегъ его—гоголемъ,

На струяхъ стерегъ его—чайками,
На вѣтру́ стерегъ его—чернедьми,
А Стугна-рѣка не таковская
И бѣжитъ струей не доброю,
Не свои ручьи пожираючи,
По кустамъ струга̀ растираючи,
Ростислава, князя юнаго,
Не пустилъ на темный берегъ Днѣпръ:
Горько плачетъ Ростислава мать по юношѣ:
Прилегли цвѣты отъ жалости
И съ тоски къ землѣ пригнулось дерево.»
Не сороки встрекотали тамъ,—
Гзакъ съ Кончакомъ выслѣжаютъ князя Игоря.
Тогда во̀роны не каркали;
Галки смолкли; лишь по сучьямъ гибкимъ ползая,
Дятлы теткомъ кажутъ путь къ рѣкѣ;
Соловьи веселой пѣсней величаютъ свѣтъ.
Говоритъ тогда Кончаку Гзакъ:
—«Коли соколъ ко гнѣзду летитъ,
Такъ стрѣлами золочеными
Разстрѣляемъ мы соколика.»
А Кончакъ ему въ отвѣтъ на то.
—«Коли соколъ ко гнѣзду летитъ,
Такъ соколика опутаемъ
Мы красавицею-дѣвицей.»
А Кончаку снова молвитъ Гзакъ;
«Коли дѣвицей-красавицей
Мы соколика опутаемъ,
Не видать намъ ни соколика,
Ни красавицы той дѣвицы,
А начнутъ насъ въ половецкомъ полѣ птицы бить.»
«Тяжело быть головѣ безъ плечъ,
Худо быть безъ головы плечамъ!»
А землѣ русской безъ Игоря:
Солнце свѣтится намъ на небѣ,
А князь Игорь на святой Руси.
Поютъ дѣвицы на Дунай-рѣкѣ;
Голоса ихъ вьются отъ моря до Кіева.
Ѣдетъ Игорь по Боричеву
Ко пречистой пирогощей Богородицѣ.
Страны рады, грады веселы,—
Величаютъ пѣсней набольшихъ,
А потомъ и молодыхъ князей.
Слава Игорю Святославичу,
И тебѣ буй-туру Всеволоду,
И тебѣ, Владимиръ Игоревичъ!
Много здравствуйте, князья, и со дружиною,
Православною поборницей
Христіанъ на силы на поганыя!
Слава всѣмъ князьямъ, да и дружинѣ ихъ. Аминь!

(Перев. Мея, стр. 23—33.)

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ СЛОВУ О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ.

(РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ИПАТЬЕВСКОЙ ЛѢТОПИСИ ПО ИЗД. АРХЕОГР. КОМ. Т. II).

Въ лѣто 6693. — — — Въ то же время Святославичь Игорь, внукъ Олговъ, поѣхалъ изъ Новагорода, мѣсяца априля въ 23 день, во вторникъ, поймя со собою брата Всеволода изъ Трубецка и Святослава Олговича сыновца своего изъ Рыльска, и Володимера сына своего изъ Путивля, и у Ярослава испроси помочь Ольстина Олексича, Прохорова внука, съ Коуи Черниговьскими; и тако идяхуть тихо, сбираюче дружину свою: бяхуть бо у нихъ кони тучни велми. Идущимъ же имъ къ Донцю рѣкы, въ годъ вечерній, Игорь же возрѣвъ на небо и видѣ солнце стояще яко мѣсяць (*), и рече бояромъ своимъ и дружинѣ своей: «видите ли что есть знаменіе се?» Они же узрѣвше, и видиша вси и поникоша главами, и рекоша мужи: «княже! се есть не добро знаменіе се». Игорь же рече: «братья и дружино! тайны Божія никтоже не вѣсть, а знаменію творець Богъ и всему міру своему; а намъ что створить Богъ, или на добро, или на наше зло, то же намъ видити». И то рекъ, перебреде Донець, и тако пріиде ко Осколу и жда два дни брата своего Всеволода, тотъ бяше шелъ инѣмъ путемъ изъ Курьска; и от-

(*) И морочно бысть велми, яко и звѣзды видѣти; человѣкомъ въ очью яко зелено бяше, и въ солнци учинися яко мѣсяць, изъ рогъ его яко угль жаровъ исхожаше: страшно бѣ видѣти чѣловѣкомъ знаменье Божье. (Лавр. сп. стр. 167).

туда поидоша къ Салницѣ, ту же къ нимъ и сторожеви пріѣхаша, ихъ же бяхуть послали языка ловитъ, и рекоша пріѣхавше: «видихомся съ ратными, ратници ваши со доспѣхомъ ѣздять; да или поѣдѣте борзо, или возворотися домовь, яко не наше есть веремя». Игорь же рече съ братьею своею: «оже ны будеть не бившися возворотитися, то соромъ ны будеть пущей смерти; но како ны Богъ дасть». И тако угадавше, и ѣхаша черезъ ночь, заутра же пятьку наставшу, во обѣднее веремя усрѣтоша полкы Половецькіѣ; бяхуть бо до нихъ доспѣлѣ, вѣжѣ своѣ пустили за ся, а сами собравшеся отъ мала и до велика, стояхуть на оной сторонѣ рѣкы Сюурлія. И ти изрядиша полковъ 6. И рече Игорь ко братьи своей: «братья! сего есмы искалѣ, а потягнемъ»; и тако пойдоша къ нимъ, положаче на Бозѣ упованіе свое. И яко быша къ рѣцѣ ко Сюурлію, и выѣхаша изъ Половецькихъ полковъ стрѣлци, и пустивше по стрѣлѣ на Русь и тако поскочиша, Русь же бяхуть не переѣхалѣ еще рѣкѣ Сюрлія; посхочиша же и ти Половци силы Половецькіи, которіѣ же далече рѣкы стояхуть. Святославъ же Олговичь, и Володимеръ Игоревичь, и Ольстинъ съ Коуи, и стрѣлци поткоша по нихъ, а Игорь и Всеволодъ помалу идяста, не роспустяста полку своего, передніи же ти Русь биша, имаша; Половцѣ же пробѣгоша вѣжѣ, и Русь же дошедше вѣжь и ополонишася, друзіи же ночь пріѣхаша къ полкомъ съ полономъ. И яко собрашася Половци вси, и рече Игорь ко братома и къ мужемъ своимъ: «се Богъ силою своею возложилъ на врагы наша побѣду, а на насъ честь и слава; се же видихомъ полки Половецькіи, оже мнози суть, ту же ци вся си суть совокупили? нынѣ же поѣдемъ черезъ ночь, а кто поѣдетъ заутра по насъ, то ци вси поѣдуть, но лучьшіи коньници переберуться, а самѣми какъ ны Богъ дасть». И рече Святославъ Олговичь строема своима: «далече есмь гонилъ по Половцехъ, а кони мои не могуть; аже ми будеть нынѣ поѣхати, то толико ми будеть на дорозѣ остати»— и поможе ему Всеволодъ, акоже облечи ту. И рече Игорь: «да недивно есть разумѣющи, братья, умрети»—и облегоша ту. Свѣтающи же суботѣ, начаша выступати полци Половецькіи, акъ борове; изумѣшася князи Рускіи, кому ихъ которому поѣхати, бысть бо ихъ безчисленое множество. И рече Игорь: «се вѣдаюче собрахомъ на ся землю всю: Кончака, и Козубурновича, и Токсобица, Колобича, и Етебича, и Терьтробича». И тако угадавше вси съсѣдоша съ коній, хотяхуть бо бьющеся дойти рѣкы Донця; молвяхуть бо: «оже побѣгнемъ, утечемъ сами, а черныя люди оставимъ, то отъ Бога ны будеть грѣхъ сихъ выдавше пойдемъ; но или умремъ, или живи будемъ на единомъ мѣстѣ». И та рекше вси сосѣдоша съ коней, и поидоша бьючеся; и тако, Божіимъ попущеніемъ, уязвиша Игоря въ руку и умрътвиша щюйцю его, и бысть печаль велика въ полку его, и воеводу имяхуть, тотъ напереди язвенъ бысть. И тако бишася крѣпко ту днину до вечера, и мнози ранени и мертви быша въ полкохъ Рускихъ; наставши же нощи суботніи, и поидоша бьючися; бысть же свѣтающе недѣлѣ, возмятошася Ковуеве въ полку, побѣгоша. Игорь же бяшеть въ то время на конѣ, зане раненъ бяше, пойде къ полку ихъ, хотя возворотити къ полкомъ; уразумевъ же яко далече шелъ есть отъ людей, и соймя шоломъ погна опять къ полкомъ, того дѣля, что быша познали князя и возворотилися быша; и тако не возворотися никтоже, но токмо Михалко Гюркевичь познавъ князя возворотися; не бяхуть бо добрѣ смялися съ Ковуи, но мало отъ простыхъ или кто отъ отрокъ боярьскихъ, добри бо вси бьяхуться идуще пѣши—и посреди ихъ Всеволодъ не мало мужьство показа. И яко приближися Игорь къ полкомъ своимъ, и переѣхаша поперегъ и ту яша, единъ перестрѣлъ одалѣ отъ полку своего. Держимъ же Игорь видѣ брата своего Всеволода

крѣпко борющася и, проси души своей смерти, яко да бы не видилъ паденія брата своего; Всеволодъ же толма бившеся, яко и оружья въ руку его не доста, и бьяху бо ся идуще вкругъ при езерѣ. И тако во день святаго Воскресенія, наведе на ня Господь гнѣвъ свой, въ радости мѣсто наведе на ны плачь и во веселье мѣсто желю, на рѣцѣ Каялы. Рече бо дѣи Игорь «помянухъ азъ грѣхы своя предъ Господемъ Богомъ моимъ, яко много убійство, кровопролитье створихъ въ землѣ крестьяньстѣй, яко же бо азъ не пощадѣхъ хрестьянъ, но взяхъ на щитъ городъ Глѣбовъ у Переяславля; тогда бо не мало зло подъяша безвиньніи хрестьани, отлучаеми отець отъ роженій своихъ, братъ отъ брата, другъ отъ друга своего, и жены отъ подружій своихъ, и дщери отъ матерій своихъ, и подруга отъ подругы своея; и се нынѣ вижю отместье отъ Господа Бога моего; гдѣ нынѣ возлюбленный мой братъ? гдѣ нынѣ брата моего сынъ? гдѣ чадо роженія моего? гдѣ бояре думающѣи, гдѣ мужи храборьствующѣи, гдѣ рядъ полчный? гдѣ кони и оружья многоцѣньная? не ото всего ли того обнажихся, и связня преда мя въ руки безаконьнымъ тѣмъ? се возда ми Господь по безаконію моему и по злобѣ моей на мя»; и тогда кончавшюся полку, розведени быша, и пойде кождо во своя вѣжа. Игоря же бяхуть яли Тарголове, мужь именемъ Чилбукъ, а Всеволода брата его ялъ Романъ Кзичь, а Святослава Олговича Елдечюкъ *въ Вобурчевичехъ*, а Володимера Копти *въ Улашевичихъ*. Тогда же на полчищи Концакъ поручися по свата Игоря, зане бяшеть раненъ. Отъ толикихъ же людій мало ихъ избысть, нѣкакомъ полученіемъ, не бяшеть бо лзѣ ни бѣгающимъ утечи, зане яко стѣнами силными огорожени бях полкы Половецькими; ношахуть Русъ съ 15 мужь утекши, а Ковуемъ мнѣе, а прочіи въ мори истопоша. Въ то же время великый князь Всеволодовичь Святославъ шелъ бяшеть въ Корачевъ, и сбирашеть отъ верхъних земль вои, хотя ити на Половцѣ къ Донови на все лѣто. Яко возворотися Святославъ и бысть у Новагорода Сѣверьского, и слыша о братьи своей, оже шли суть на Половци, утаивշеся его: и не любо бысть ему. Святославъ же идяше въ лодьяхъ и яко приде къ Чернигову, и во тъ годъ прибѣже Бѣловолодъ Просовичь, и повѣда Святославу бывшее о Половцѣхъ; Святославъ же то слышавъ и вельми воздохнувъ, утеръ слезъ своихъ и рече: «о люба моя братья и сынове и мужѣ землѣ Рускоѣ! далъ ми бы Богъ притомити поганыя, но не воздержавше уности отвориша ворота на Русьскую землю, воля Господня да будеть о всемъ; да како жаль ми бяшеть на Игоря, тако нынѣ жалую болши по Игорѣ братѣ моемъ». Поганыи же Половцы побѣдивше Игоря съ братьею, и взяша гордость велику и съвокупиша всь языкъ свой на Рускую землю и бысть у нихъ котора: молвяшетъ бо Кончакъ: «пойдемъ па Кіевьскую сторону, гдѣ суть избита братья наша и великый князь нашъ Бонякъ»; а Кза молвяшеть: «пойдемъ на Семь, гдѣ ся осталѣ жены и дѣти, готовъ намъ полонъ собранъ, емлемъ же городы безъ опаса»; и тако ряздѣлишася на двое, Кончакъ пойде къ Переяславлю и оступи городъ и бишася ту весь день. Володимеръ же Глѣбовичь бяше князь въ Переяславлѣ, бяше же дерзъ и крѣпокъ къ рати, выѣха изъ города и потче къ нимъ, и по немъ мало дерьзнувъ дружинѣ, и бися съ ними крѣпко; и объступиша мнозіи Половцѣ, тогда прочіи видивши князя своего крѣпко бьющееся, выринушася изъ города, и тако отъяша князя своего, язвена сущи треми копьи. Сій же добрый Володимеръ язвенъ труденъ въѣха во городъ свой, и утре мужественаго пота своего за отчину свою. Володимеръ же слашеть ко Святославу, и ко Рюрикови, и ко Давыдови, и рече имъ: «се Половьци у мене, а помозите ми» — — Святославъ же съ Рюрикомъ и со инѣми помочьми влегоша во Днѣпръ, про-

тиву Половцемъ, а Давыдъ возвратися опять со Смолняны. То слышавше Половци, и возвратишася отъ Переяславля, идущи же мимо приступиша къ Римови; Римовичи же затворишася въ городѣ, и возлѣзше на забороле, и тако, Божіимъ судомъ, летѣста двѣ городници съ людми, тако къ ратнымъ, и на прочая гражаны найде страхъ, да которѣи же гражане выйдоша изъ града бьяхуться ходяще по Римьскому болоту, то тѣ и избыша плѣна, а кто ся осталъ въ городѣ, и тѣ вси взяти быша. Половци же вземше городъ Римовъ, и ополонишася полона и пойдоша восвояси; князи же возворотишася въ домы своя, бяхуть бо печални, и со сыномъ своимъ Володимеромъ Глѣбовичемъ,зане бяшеть раненъ велми язвами смертными, и хрестьянъ плѣненыхъ оть поганыхъ. И се Богъ казня ны, грѣхъ ради нашихъ наведе на ны поганыя, не аки милуя ихъ, но насъ казня и обращая ны къ покаянью, да быхомся востягнули отъ злыхъ своихъ дѣлъ; и симъ казнить ны нахоженіемъ поганыхъ, да негли смиривъшеся вспомянемся отъ злаго пути. Игорь же Святославличь тотъ годъ бяшетъ въ Половцехъ.— — Половци же аки стыдяшеся воевъдства его и не творяхуть ему, но приставиша къ нему сторожовъ 15 отъ сыновъ своихъ, а господичичевъ пять, то тѣхъ всихъ 20: но волю ему даяхуть, гдѣ хочеть ту ѣздяшеть и ястрябомъ ловяшеть, а своихъ слугъ съ 5 и съ 6 съ нимъ ѣздяшеть; сторожеве же тѣ слушахуть его и чьстяхуть его, и гдѣ послашеть кого, безъ пря творяхуть повелѣное имъ. Попа же бяшеть привелъ изъ Руси къ собѣ, со святою службою: не вѣдяшеть бо Божія промысла, но творяшеться тамо и долго быти. Но избави й Господь за молитву хрестьяньску, имъ же мнозѣ печаловахуться и проливахуть же слезы своя за него. Будущю же ему въ Половцехъ, тамо ся палѣзѣ мужь, родомъ Половчинъ, именемъ Лаворъ: и тотъ пріимъ мысль благу, и рече: «пойду съ тобою въ Русь». Игорь же исперва не имяшеть ему вѣры, но держаше мысль высоку своея уности, мысляшеть бо смше мужь и бѣжати въ Русь, молвяшеть бо: «азъ славы дѣля не бѣжахъ тогда отъ дружины, и нывѣ не славнымъ путемъ не имамъ пойти». Съ нимъ бо бяшеть тысячкого сынъ и конюшій его, и та нудяста и глаголюща: «пойди, княже, въ землю Рускую, аще восхощеть Богъ избавить тя»; и не угодися ему время таково, какого же искашеть. Но яко же преже рекохомъ, возвратишася отъ Переяславля Половци: и рекоша Игореви думци его: «мысль высоку и неугодну Господеви имѣешь въ собѣ, ты ищеши яти мужа и бѣжати съ нимъ; а о семъ чему не разладаешь, оже пріѣдуть Половци съ войны, а се слышахомъ, оже избити имъ князей васъ и всю Русь? да не будеть славы тобѣ, ни живота». Князь же Игорь пріимъ во сердце съвѣтъ ихъ, уполошася пріѣзда ихъ и возъиска бѣжати: не бяшеть бо ему лзѣ бѣжати въ день и въ нощь, иже сторожеве стрежахуть его, но токмо и время таково обрѣте въ заходъ солнца. И посла Игорь къ Лаврови конюшого своего, река ему: переѣди на ону сторону Тора, съ конемъ поводнымъ»: бяшеть бо съвѣчалъ съ Лавромъ бѣжати въ Русь. Въ то же время Половци напилися бяхуть кумыза, а и бы при вечерѣ: пришедъ конюшій повѣда князю своему Игореви, яко ждетъ его Лаворъ. Се же вставъ ужасенъ и трепетенъ, и поклонися образу Божію и кресту честному, глаголя: «Господи сердцевидче! аще спасеши мя, Владыко, ты недостойнаго»—и возмя на ся крестъ, икону, и подойма стѣну и лѣзе вонъ. Сторожемъ же его играющимъ и веселящимся, а князя творяхуть спяща. Сіи же пришедъ ко рѣцѣ и перебредъ, и всѣде на конь: и тако поидоста сквозѣ вѣжа. Се же избавленіе створи Господь въ пятокъ, въ вечерѣ. И иде пѣшь 11 денъ до города Донця, и оттолѣ иде во свой Новъгородъ—и обрадовашася ему; изъ Новагорода иде ко брату Ярославу къ Чернигову, помощи прося на Посемье,

Ярославъ же обрадовася ему и помощь ему дати обѣща; Игорь же оттолѣ ѣха ко Кіеву къ великому князю Святославу, и радъ бысть ему Святославъ, также и Рюрикъ сватъ его.

---

5. СЛОВО О ДАНІИЛѢ ЗАТОЧНИКѢ.

Вострубимъ, братіе, яко въ златокованныя трубы, въ разумъ ума своего, и начнемъ бити сребреныя арганы, и возвѣемъ, мудрости своя. Боже, Боже мой! въскую ([1]) мя еси оставилъ? Востани слава моя, возстани въ псалтыри и въ гуслехъ; востану рано, исповѣмтися ([2]). Да разверзу во притчахъ гаданіе мое; провѣщаю во языцѣхъ славу мою. Сердце бо смысленаго укрѣпляется въ тѣлеси его мудростію. Бысть языкъ мой трость книжника скорописца, и увѣтлива ([3]) уста, аки рѣчьная быстрость; сего ради покушахся написати всякъ соузъ сердца моего, и разбихъ злѣ, аки древняя младенца о камень. Но боюся, Господине, похуленія твоего на мя; азъ бо есмь яко она смоковница проклятая, не имѣя плода покаянію; имѣю бо сердце аки лице безъ очію, и бысть умъ мой яко нощны вранъ и разсыпася животъ мой аки Ханаонски Царь буестію, и покры мя нищета аки Чермное море Фараона. Сеже бѣхъ написахъ, бѣжахъ отъ лица художьства ([4]) моего, аки Агаря рабыня отъ Сарры госпожи своея. Но видѣхъ Господине Княже, твое добросердіе къ себѣ, и притекохъ ко обычной твоей любве, глаголетъ бо писаніе: просящему у тебѣ дай, толкущему отврьзи, да нелишенъ будеши Царства небеснаго; писано бо есть: возверзи ([5]) на Господа печаль [6]) свою, той тя препитаетъ вовѣкы. Азъ бо есмь, Княже Господине, яко трава, растуще за стѣнію, на нюже ни солнце сіяетъ, ни дождь идетъ: тако и азъ, Княже Господине, всѣми обидимъ есмь, зане ограженъ есмь страхомъ грозы твоея, яко оплотомъ твердымъ. Но не возри на мя, Княже Господине, яко волкъ на ягня, но возри на мя, Господине мой, аки мати на младенца, Возри, Господине на птицы небесныя, яко ти ни орютъ ([7]), ни сѣютъ, ни въ житницу собираютъ, но уповаютъ на милость Божію; тако и мы, Княже Господине, желаемъ твоея милости: зане ([8]), Господине кому Любово, а мнѣ горе лютое; кому Бѣло озеро, а мнѣ черные смолы; кому Лачь озеро, а мнѣ, на немъ сѣдя, плачь горки; кому ти есть Новъгородъ а мнѣ углы ([9]) опали; зане не procвѣте часть моя. Друзи же мои и ближніи мои, и тіи отвръгошася мене; зане не поставихъ предъ ними трапезы многоразличныхъ брашенъ. Мнози бо дружатся со мною, а погнетающе руки въ солило ([10]) а при напасти аки врази обрѣтаются, и пакы помагающе подразити [11]) нози мои: очима бо плачютъ со мной, а сердцемъ смѣютмися. Тѣмже не иму другу вѣры; и не надѣюся на брата. Не лгалъ бо ми Ростиславъ Князь: лѣпше ([12]) бы ми смерть, а не Курское Княженіе. Тако же и мужеви: лѣпше бы ми смерть, нежели продолженъ животъ въ нищетѣ. — Тѣмже вопію къ тебѣ Княже мой, Господине мой, одержимъ есмь нищетою: помилуй мя, сыне Великаго Царя Владимера, да не восплачюся рыдая, яко Адамъ раю. Пусти тучю художьства моего на землю: зане, Княже Господине, богатъ мужъ вездѣ

([1]) Напрасно.
([2]) Отъ глагола исповѣстися.
([3]) Убѣдительны.
([4]) Худости.
([5]) Возложи.
([6]) Забота.
([7]) Пашуть.
([8]) Такъ какъ.
([9]) Углы.
([10]) Солонка.
([11]) Подшибить.
([12]) Лучше.

знаемъ есть, и въ чюжей землѣ друзи имѣетъ, а убогъ и во своихъ невидимо ходитъ. Богатъ возглаголетъ, вси возмолчатъ, а слово его вознесутъ до облакъ; а убогъ возглаголетъ вси нань кликнутъ и уста ему заградятъ: ихъ же ризы свѣтлы, тѣхъ и рѣчъ честна. Княже мой, Господине мой! избави мя отъ нищеты сея, яко серну отъ тенета, яко птицу отъ кляпца ([13]), яко утя отъ ногтей носимаго ястреба, яко овцу отъ устъ лвовыхъ. Азъ бо есми, Княже Господине, яко древо при пути: мнози посѣкаютъ его и на огнь вмещутъ; тако же и азъ всѣми обидимъ есмь, зане огражень есмь страхомъ грозы твоея. Яко же бо олово гинетъ, часто разваряему: тако и человѣкъ пріемлетъ многія бѣды. Никто же можетъ соли зобати ([14]), ни въ печали смыслити: всякъ бо человѣкъ хитритъ и мудритъ о чюжей бѣдѣ, а о своей не можетъ смыслити. Злато искушается ([15]) огнемъ, а человѣкъ напастьми, пшеница бо, много мучима, чистъ хлѣбъ подаетъ, а въ печали обрѣтаетъ человѣкъ умъ совершенъ. Молеве ризы изъедаютъ, а человѣка печаль печальну мужу засышутъ ([16]) кости. Аще кто человѣка въ печали призритъ, какъ студеною водою напоитъ во знойный день.—Птица бо радуется веснѣ, а младенецъ матери; тако и азъ Княже Господине, радуюся твоей милости; весна убо украшаетъ цвѣты землю, и ты Княже Господине, оживляеши вся человѣкы своею милостью, сироты и вдовицы отъ вельможъ потружаеми. Княже Господине! яко ми зракъ лица твоего, яко гласъ твой сладокъ, и образъ твой государевъ красенъ, и лице твое свѣтло и благолѣпно, и разумъ твой Государевъ, яко же прекрасный рай многоплодовитъ. Азъ же худы добрѣ дивлюся. Но егда веселишися многими брашны, а мене помяни сухъ хлѣбъ ядущь или піеши сладкое питіе, а мене помяни теплу воду пьющи и праха нападша отъ мѣста завѣтреня. Егда ляжеши на мягъкыхъ постеляхъ подъ собольими одѣялы, а мене помяни подъ единымъ платомъ лежаща и зимою умирающа и каплями дождевными яло стрѣлами сердце пронизающе. Да не буди. Княже, рука твоя согбена на поданіе убогимъ; ни чашею бо моря расчерпати, ни нашимъ иманіемъ твоего дому истощати. Яко же бо неводъ не удержитъ воды, но точію ([17]) едины рыбы; тако и ты, Княже Господине, не воздержи злата и сребра но роздай людемъ. Паволока, испещрена многыми шелки, красно лице являетъ: тако князь многыми людьми честенъ и славенъ по всѣмъ странамъ; яко же рече Соломанъ: слава Царю во мнозѣхъ языцѣхъ, тако и тебѣ, Княже, слава и побѣда во мнозѣхъ людѣхъ. Яко же бо похвалися Езикѣй царь посломъ Царя Вавилоньскаго, и показаша имъ множества злата и сребра; они же рѣша ему: нашь Царь богатѣе тебя, не множествомъ злата, но множествомъ воя; зане же мужи злато добудутъ, а златомъ людей не добыти. Яко же рече Святославъ князь, Игоревъ, идый на Царя съ малою дружиною и рече имъ: братіе! намъ ли отъ града погинути, или граду отъ насъ плѣнену быти? Яко же Богъ повелитъ тако и будетъ: поженетъ ([18]) бо единъ сто, а отъ сто двигнется тысяща; надѣяся на Господа, яко гора Сіонъ не подвижится вовѣкы. Дивья ([19]) за буяномъ кони паствити ([20]), а за добрымъ Княземъ воевати, многажды бо безнарядіемъ полцы погибаютъ. Видѣхъ великъ звѣрь, а главы не имѣетъ: тако и добрые полки безъ добраго Князя погибаютъ. Гусли бо

([13]) Ловушка.
([14]) Ѣсть.
([15]) Испытывается.
([16]) Засушатъ.

([17]) Только.
([18]) Погонитъ.
([19]) Выгодно.
([20]) Пасти.

строятся персты. а тѣло основается жилами, а дубъ крѣпится множествомъ коренія; тако и градъ нашъ крѣпится твоею державою; зане Князь щедръ отецъ есть всѣмъ; слузи бо мнози отца и матери лишаются и къ нему прибѣгаютъ. Добру бо господину служа, дослужится свободы; а злу господину служа дослужится большія работы.—

Зане Князь щедръ, яки рѣка безъ береговъ текуще всквозѣ дубравы, напаяюще не токмо человѣцы, но и скоти и вся звѣри; а Князь скупъ, аки рѣка, великъ брегъ имущь каменны: не лзя пити, ни коня напоити. А бояринъ щедръ, аки кладезь сладокъ; а скупъ бояринъ аки кладезь солонъ. — Мужа бо мудра посылай, мало ему кажи: а безумна посылай, самъ не лѣнися по немъ итти. Очи бо мудрыхъ желаютъ благихъ, а безумнаго дома пировнаго (21). Лѣпши слышати прѣніе умныхъ, нежели безумныхъ наказаніе. Дай премудру вину (22) премудрѣе будетъ. Не сѣй бо на браздахъ жито, ни мудрости на сердце безумныхъ:безумныхъ бо ни орютъ, ни сѣютъ, ни въ житницы собираютъ, но сами ся ражаютъ. Какъ во утелъ мѣхъ воду лити, такъ безумнаго учити; псомъ и свиніямъ ненадобно злато и сребро, ни безумному мудрыя словеса; ни мертвеца розсмѣшити ни безумна наказати. Дѣти бѣгаютъ рода (23) а Господь пьянаго человѣка. Коли пожретъ синица орла, коли каменіе воспловетъ по водѣ, коли свинія почнетъ на бѣлку лаяти, тогда безумный уму научится. Или ми речеши: отъ безумія ми еси молъвилъ: то не видалъ есми неба полъстяна, ни звѣздъ лутовяныхъ, ни безумна мудрость глаголюще. Или ми речеши: солга ми еси аки песъ: добраго бо пса Князи и Бояре любять. Или ми речеши: солгалъ ми еси аки тать; аще быхъ умѣлъ украсти, только бы не скорбѣхъ.—

Княже мой Господине! не море топить корабли, вѣтри, а не огнь творитъ ражженіе желѣзу по подыманіе (24), мѣшное (25): такоже и князь не самъ впадаетъ во многія въ вещи злыя, но думцы (26), водятъ. Съ добрымъ бо думъцею, князь высока стола додумаетея; а съ лихимъ думъцею думаетъ, и малого стола лишенъ будетъ.—Глаголетъ бо въ мирскихъ притчахъ: не скотъ въ скотехъ коза, а не звѣрь въ звѣрехъ ежъ, не рыба въ рыбахъ ракъ, не птица въ въ птицихъ нетопырь; а не мужъ въ мужехъ, кѣмъ своя жена владѣетъ. Дивѣе язвы кто поимаетъ жену злообразну прибытка ради. Нѣкогда же видѣхъ жену злообразну приничюще (27) къ зерцалу и мажущися румянцемъ и рѣхъ ей: не зри во зерцало видѣвше лѣпость (28) лица своего, зане большую пріимеши себѣ. Или речеши: женися у богато тестя чти дѣла (29), а ту пей и яжь и веселися въ великой радости и любвѣ; то лѣпше волъ ввести въ домъ свой, нежели злая жена пояти: волъ бо не молвитъ, ни зло мыслитъ; а злая жена біема бѣсится а кратимо высится, въ богатвѣ гордится, а въ убожествѣ иныхъ осуждаетъ. Что естъ жено зли? гостница (30) неусыпаемая, купница (31) бѣсовская. Что есть жено зла? мірскы мятежь, ослѣпленіе уму, начальница всякой злобѣ, во церкви бѣсовская мытница, поборища грѣху, засада спасенію.

Аще которой мужъ иметъ смотрити на красоту жены своея и на ея ласковая словеса, а дѣлъ ея не испытаетъ, то дай Богъ ему трясцею (32) болѣти. Жена добра вѣнецъ мужу своему и безпечаліе, а жена люта печаль изотщаніе (33) дому. Червь бо древо тлить, а

(21) Пиршественнаго.
(22) Наставленіе.
(23) Родъ и рожаницы — древнія божества.
(24) Раздуваніе.
(25) Отъ мѣха.
(26) Совѣтники.
(27) Приклонившись.
(28) Красота.
(29) Ради.
(30) Гостиница.
(31) Торгъ.
(32) Лихорадкою.
(33) Опустошеніе

злая жена домъ мужа своего терлетъ, Лутчи есть во утлѣ лодье по водѣ ѣздити, нежели злѣ женѣ тайны повѣдати: утлая лодья порты ([34]) помочитъ, а злая жена всю жизнь мужа своего погубляетъ. Лѣпше есть камень долопити ([35]), нежели зла жена учити, или желѣзо варити; желѣзо уваришь, а злы жены не поучишь; злая бо жена ни Бога ся боитъ ни людей стыдится, но вся укоряеть и вся осужаетъ. Что льва злѣе въ четвероногихъ? Что змѣи лютѣйши въ ползущихъ по земли? всего того злая жена злѣе. Нѣсть на земли больше женскіе злобы; женою бо сперво прадѣдъ нашь Адамъ изгнанъ бысть изъ рая; жены ради Іосифъ прекрасный въ темницы затворенъ бысть; жены ради пророкъ Данило въ ровъ вверже, и львы ему нози лизаху. Нѣкоему же умре жена зла, онъ же по смерти ея начатъ дѣти продавати, людіе же рѣша ему: чему продаешь дѣти? онъ же рече имъ: аще ни будетъ родилися въ матерь и они возростыми мене продадутъ,—Азъ бо Княже Господине ни за море ходилъ ни отъ философъ научился, но быхъ яко падая пчела по различнымъ цвѣтомъ и совокупляя яко медвеный сотъ; тако и азъ многымъ книгамъ собирая сладость словесную и разумъ, и совокупихъ яко мѣхъ воды моръскія а не отъ своего разума но отъ Божія промысла. Сіи суть словеса, да не уже много глаголю.—Сіи словеса азъ Данилъ писахъ вь заточеніе на Бѣлѣ озерѣ и запечатахъ въ воску и пустихъ въ озеро, и вземь рыба пожре, и ята ([36]) бысть рыба рыбаремъ и принесена бысть ко Князю, и нача ея пороти, и узрѣ Князь сіе написаніе, и повелѣ Данила свободи отъ горкаго заточенія.—Не отметай безумному прямо безумія его, да не подобенъ ему будеши. Уже бо престану глаголати, да не буду яко мѣхъ утелъ, раня богатство убогимъ, да не уподоблюся жерновамъ, яко тѣ многія люди насыщають, а сами себѣ не могуть насытитися: да не возненавидѣлъ буду міру со многою бесѣдою. Яко же бо птица учащаетъ пѣсни своя, скоро возненавидима бываеть. Глаголетъ бо въ мірскихъ притчахъ: рѣчь продолжена не добро, продолжена павлока, Господи! дай же князю нашему силу Самсонову, храбрость Александрову, Іосифовъ разумъ, мудростъ Соломонову, кротость Давидову, и умножи Господи вся человѣки подъ руку его. Лютѣ бѣснующемуся дати ножь, а лукавому власть. Паче всего ненавижь сторонника перетерплива ([37]). Аминь,—

([34]) Платье.
([35]) Продалбливать.
([36]) Поймана.

---

6. ПУТЕШЕСТВІЕ ИГУМЕНА ДАНІИЛА.

О свѣтѣ святѣмъ, каго сходить съ небесе ко гробу Господню.

И се ми показа Богъ видѣти худому и недостойному рабу своему Данилу иноку, видѣхъ бо очима своима грѣшныма по истинѣ, како сходить свѣтъ святый къ Гробу животворящему Господа Спаса нашего Іисуса Христа. Мнози бо иніи странници неправо глаголютъ о схоженіи свѣта святаго: иніи убо глаголютъ, яко голубемъ сходить Духъ Святый ко Гробу Господню, а друзіи глаголютъ яко молніа сходить и вжигаетъ кандила надъ Гробомъ Господнимъ: то есть лжа, ничтоже бо тогда видѣти, ни голуби, ни млъніи, но тако невидимо сходить благодать Божія, и вжигаются кандила надъ Гробомъ Господнимъ. Да о томъ скажу еже видѣхъ по истинѣ. Въ великую пятьницу по вечерніи потираютъ Гробъ Господень и помываютъ кандила сущая надъ Гробомъ Господнимъ, и наливаютъ каньдила та масла древянаго

([37]) Льстиваго.

чиста безъ воды, одного, и вложать свѣтилна и невжигають свѣтиленъ тѣхъ, но тако оставляють свѣтилна та не въжжена и запечатають Гробъ Господень въ 2 часъ нощи ([1]); тогда же изгасять вся кандила не токмо ту сущая, но и по всѣмъ церквамъ иже въ Іерусалимѣ. Тогда и азъ худый идохъ въ ту же пятницу великую въ 1 часъ дни къ князю Балдвину, и поклонихомся ему до земля; онъ же видѣвъ мя поклонившася, и призва мя къ себѣ съ любовію, и рече ми: что хощеши, игумене Руский?—познал бо мя добрѣ и любляше мя велми, якоже бяше мужъ благъ и смиренъ и не гордить ни мало. Азъ же рекохъ ему: господине княже молюся тебѣ Бога ради и князей дѣлма Рускыхъ, хотѣлъ былъ и азъ поставити кандило свое надъ Гробомъ Господнимъ за вся князя наша и за всю Рускую землю, за вся христіане Русскыя земля. И тогда же князь повелѣ ми поставити свое кандило, и съ радостію посла съ мною мужа своего лучьшаго къ иконому Святаго Въскресеніа и къ тому, иже держить Гробъ Господень. Повелѣста ми оба, икономъ и ключарь Гроба Господня, принести кандило свое съ масломъ; азъ же поклонихся имъ съ радостію великою и шедъ на торгъ и купихъ кандило стклянное велико и наліяхъ масла древянаго чистаго безъ воды, и принесохъ къ Гробу Господню, уже вечеру сущу, и умолихъ ключаря того единаго и възвѣстихъ ему; онъ же отверзе двери Господня Гроба и повелѣ ми выступити изъ калигъ и введе мя босого въ Гробъ Господень съ кандиломъ еже ношахъ азъ рукама своима грѣшныма, и повелѣ ми поставити кандило на Гробѣ Господни, и поставихъ своима рукама грѣшьныма въ ногахъ, идѣже лежаста пречистіи нози Господа нашего Іисуса Христа, въ главахъ стояше кадило Греческое, на персехъ поставлено бяше кандило святаго Савы и всѣхъ монастырей; тако бо обычей имуть, по вся лѣта поставляють кандило Греческое и святаго Саввы. Благодатію же Божіею та три кандила въжглися долняа, а Фряжская кандила повѣшена суть горѣ, и отъ тѣхъ кандилъ ни единаго же не возгорѣся тогда, толико тѣ 3 едини въжьглися. Азъ же поставихъ кандило свое на святѣмъ Гробѣ Господа нашего Іисуса Христа и поклонихся честному Гробу Господню, и облобызавъ съ любовію и съ слезами мѣсто то святое и честное, идѣже лежало пречистое тѣло Господа нашего Іисуса Христа; и изыдохомъ изъ Гроба того святаго съ радостію великою и идохомъ къждо въ келью свою. Заутра же въ великую суботу въ шестый часъ дни събираются людіе предъ церковію Въскресеніа Христова безщислено много множество людій отъ всѣхъ странъ пришелци и тоземци отъ Вавилона, и отъ Египта, и отъ Антіохіа и отъ всѣхъ странъ ту ся събирають въ тотъ день несказанно много людій и наполняются вся та мѣста около церкви и около Распятіа Господня; велика же тѣснота бываетъ тогда въ церкви и около церкви, мнозѣ бо тогда задыхаются отъ тѣсноты людій тѣхъ; и тѣ всѣ людіе съ свѣщами стоять невъжженами и ждуть отверзенія дверій церковныхъ. Внутрь же церкви попове ждуть съ людми, дондеже пріидетъ князь Балдвинъ съ дружиною своею, и бываетъ тогда отверзеніе дверемъ церковнымъ, и входять тогда вси людіе въ церковь въ тѣснотѣ велицѣ, исполняютъ церковь ту и полату, и всюдѣ полно будеть въ церькви и околъ Голгоѳы и около Краинева мѣста и дотолѣ, идѣже налѣзенъ крестъ Господень все полно будеть людій, иного не глаголють ничтоже, но токмо Господи помилуй зовуть не ослабляющи и вопіють силно, яко тутнати и възгремѣти всему мѣсту тому отъ вопля людій тѣхъ; источници ту слезамъ проливаются отъ

([1]) Не должно забывать, что часы дня и ночи считаются въ Палестинѣ отъ восхожденія и захожденія солнца, такъ что первый часъ дня въ Іерусалимѣ, по нашему счету есть седьмой часъ утра, а первый часъ ночи въ Іерусалимѣ есть седьмой часъ вечера у насъ.

вѣрныхъ человѣкъ; аще бо кто окаменевъ сердцемъ своимъ, да и той тогда может прослезитися, всякъ бо человѣкъ тогда зазрить себе и помнинаетъ грѣхы своя и глаголеть въ себѣ: егда моихъ ради грѣховъ не снидеть Духъ Святый! И тако стоять вси вѣрніи, слезно и съкрушено сердце имуще; и той самъ князь Балдвинъ стоитъ съ страхомъ и смиреніемъ великымъ, источникъ слезъ проливаются отъ очію его; такоже и дружина его стоить около его прямо Гробу близъ олтаря великаго ([1]). Яко бысть 7 часъ суботнаго дни, поиде князь Балдвинъ изъ дому своего къ Гробу Господню и съ дружиною своею и вси боси пѣшіи идутъ съ нимъ. И присла князь въ метухію святаго Савы, и позва игумена съ черноризцы его; и поиде игуменъ съ братіею къ Гробу Господню, и азъ худый тутъ же идохъ съ игуменомъ тѣмъ и съ братіею, и пріидохомъ къ князю тому, и поклонихомся ему вси. Тогда и онъ поклонихся игумену святаго Савы. И повелѣ князь игумену святаго Савы и мнѣ худому съ ними пріити близъ себе, а инѣмъ повелѣ предъ собою ити, а дружинѣ повелѣ по собѣ ити. И пріидохомъ въ церковь Въскресеніа Христова къ западнымъ дверемъ, и се множество людій заступиша двери церковныя, и не могъ внити въ церковь. Тогда повелѣ князь Балдвинъ воемъ своимъ разгнати люди насильствомъ; и сътвориша яко улицу сквозѣ люди нолно ([2]) и до Гроба Господня и тако възмогохомъ пройти. И пріидохомъ къ восточнымъ дверемъ Господнимъ гробнымъ, а князь по насъ пріиде и ста на мѣстѣ своемъ на десной странѣ у перегороды великаго олтаря противу въсточнымъ дверемъ гробнымъ: ту бо есть мѣсто княже создано высоко; повелѣ же игумену святаго Савы стати надъ Гробомъ съ всѣми черньцы и съ правовѣрными попы, мнѣ же худому повелѣ стати высоко надъ самыми дверьми гробными противу великаго олтаря, яко зрѣти ми бяше въ гробныя двери; двери же гробныя вси три замчены и запечатаны царскою печатію. Латыньскыи же попове въ велицѣмъ олтари стояху. И бысть яко 8 часъ дни, начаша пѣти вечерьнюю правовѣрніи попове на Гробѣ, и вси мужи духовніи черноризцы же и пустынницы мнози бяху пришли; а Латыня же въ велицѣмъ олтари начаша верещати съвойскы, и тако поющымъ имъ. Азъ же ту стояхъ и прилѣжно зряхъ къ дверемъ гробнымъ. И яко начаша пареміи чести суботы великыя, и изыде епискупъ съ діакономъ своимъ изъ великаго олтаря и приде къ дверемъ гробнымъ, и позрѣвъ Гробъ Господень сквозѣ хрестьцы дверей тѣхъ, и не узрѣ свѣта въ Гробѣ и възвратися опять въ олтарь. Яко начаша чести 6-ю паремію, и той же епископъ съ діакономъ пріиде пакы къ дверемъ гробнымъ, и не увиде ничтоже въ Гробѣ Господни, тогда же вси людіе възпиша съ слезами киръ елейсонъ ([1]). Якоже бысть девятый часъ дни мимоходящу, и начаша пѣти пѣснь преходную «Господеви поемъ», и тогда внезапу пріиде туча отъ въстока мала и ста надъ врьхомъ непокрытымъ тоя церкве и одожди надъ Гробомъ святымъ, и смочи насъ добрѣ стоящихъ надъ Гробомъ Господнимъ; и тогда внезапу облиста свѣтъ святый въ Гробѣ Господни, и взыде блистаніе свѣта того страшно и свѣтло зило изъ Гроба того святаго. И пришедъ епископъ съ четырми діаконы отверзоша двери Господня Гроба и вземъ свѣщу у князя, и вниде епископъ въ Гробь Господень и въжже первое ту свѣщу отъ свѣта того святаго, и изнесша изъ Гроба свѣщу ту, и вдасть ю самому князю въ руцѣ; и ста князь на мѣстѣ своемъ дръжа свѣщу

([1]) Главный престолъ, какъ мы увидимъ ниже, стоялъ передъ аркадою образующею входъ въ большую церковь Грековъ.

([2]) *Нолно*—зело.

([1]) Господи, помилуй!

ту съ радостію великою зѣло; и отъ тоя свѣща мы въжгохомъ вси свои свѣщи, а отъ нашихъ свѣщь вси своя въжгоша свѣща. Свѣтъ же святый нѣсть яко огнь земный, но инако, свѣтится изрядно пламень той его яко киноварь. И тако вси людіе стоять съ свѣщами горящими и вопіють же вси непрестанно съ радостію великою зѣло и съ веселіемъ, видѣвше свѣтъ святый Божій. Иже бо кто ве видѣвъ тоя радости въ той день, то не иметь вѣры сказающему о всемъ томъ видѣніи; обаче вѣрніи добріи человѣци велми вѣруютъ и въ сласть послушають сказаніа сего о святыни сей и о мѣстѣхъ сихъ святыхъ: вѣрный бо въ малѣ и въ мнозѣ есть вѣренъ, а злу человѣку истина крива есть. Мнѣ же худому Богъ послухъ есть и святый Гробъ Господень и вся дружина моя Рускыи сынове, и приключившася тогда Ноугородци и Кіане: Сѣдеславъ Иванковичь, Горославъ Михалковичь, Кашкича два и иніи мнозѣ, иже свѣдають о мнѣ и о сказаніи. Но възвратимся на прежереченное. И егда же свѣтъ всіа въ Гробѣ Господни, тогда пѣніе преста и вси възпиша киріелейсонъ; потомъ поидоша изъ церкви съ радостію великою и съ свѣщами горящими и съблюдающе къждо свѣща своя отъ угашеніа вѣтреняго, и идоша кождо въ домы своя, и отъ того свѣта святаго въжигають свѣща въ своихъ церквахъ къждо ихъ и кончають пѣніе въ своихъ церквахъ кождо ихъ; въ велицѣй же церкви у Гроба Господня сами попове безъ людій кончають пѣніе вечернее. Тогда же мы съ игуменомъ и съ братіею идохомъ въ свой монастырь несуща свѣща своя горящая, и ту кончахомъ пѣніе вечернее и идохомъ въ келія своя хваляще Бога, показавшего намъ ту благодать видѣти. Въ утрій же день Въскресеніа Христова, въ недѣлю Святыя Пасхы на заутрени отпѣвше како подобаетъ, и бывшу цѣлованію съ игуменомъ и съ братіею и отпущенію бывшу, въ 1 часъ дни, и веемъ игуменъ крестъ съ братіею и идохомъ къ Гробу Господню, поюще кондакъ: «Аще и въ гробъ сниде бесмертные»—и вшедъ въ Гробъ живогворящій, и облобызавше съ любовію и слезами теплыми, насладившеся ту воня тоя блауханныя Святаго Духа пришествіемъ, и кандиломъ тѣмъ еще горящимъ дивно же и чюдно и изрядно вельми; та бо кандила три въжьглася сама тогда, егда снидетъ свѣтъ святый, якоже ны повѣда икономъ и ключарь Господня Гроба; а иныхъ висить пять кандилъ надъ Гробомъ Господнимъ и горяху тогда же, но свѣтъ ихъ инакъ бѣаша не якоже онѣхъ трехъ кандилъ изрядно и чюдно свѣтятся. И потомъ взыдохомъ изъ Гроба Господня въсточными дверми, и вшедше въ олтарь и створихомъ цѣлованіе съ правовѣрными попы христіаньскыми и сурьянскими (1), изыдохомъ изъ церкви и идохомъ въ свой манастырь и ту опочивше до литургіи.

И по трехъ днехъ и по литургіи идохъ азъ ко ключарю Гроба Господня и рекохъ ему: хотѣлъ быхъ взяти кандило свое. Онъ же поимъ мене съ любовію, единого токмо введе мя съ собою въ Гробъ, и вшедъ въ Гробъ обрѣтохъ кандило свое надъ Гробомъ Господнимъ еще горяще свѣтомъ тѣмъ святымъ. И поклонихся Гробу тому святому и облобызавъ мѣсто то честное, идѣже лежало тѣло пречистое Господа нашего Іисуса Христа. Тогда бо измѣрихъ Гробъ святый въ длину и въ ширину и въ высоту: при людѣхъ бо невозможно измѣрити никомуже; и почтихъ Гроба Господня како мога, по силѣ, и тому ключареви подахъ нѣчто мало и худо благословеніе. Онъ же видѣвъ любовь мою къ Гробу Господню и къ тому самому, удвигнувъ же дъскы сущая въ головахъ святаго Гроба, и уломи ми тако камени того святаго нѣчто мало на благословеніе, и запрети ми съ клятвою не повѣдати

(1) Сирійскими.

никому же въ Іерусалимѣ- Азъ же поклонихся Гробу Господню и тому ключареви, и веземъ кандило свое съ масломъ еще горящимъ и изыдохъ съ радостію великою зѣло, обогатѣвся благодатію Божіею, нося въ руцѣ моею даръ святаго мѣста и знаменіа святаго Гроба Господня, и идохъ радуяся яко нѣкако съкровище богатьства обрѣтохъ, и идохъ въ келію свою съ радостію великою.

---

7. СЕРАПІОНЪ.

(ум. 1275.)

Четвертое слово.

Малъ часъ порадовахся о васъ, чада, видя вашю любовь и послушанье къ нашей худости, и мняхъ, яко уже утвердистеся и съ радостію приемлете божественное писаніе: на съвѣтъ нечестивыхъ не ходите, и на сѣдалищи губитель не сѣдите. Вы же еще поганьскаго обычая держитеся, волхвованию вѣруете, и пожигаете огнемъ невинныя человѣкы и наводите на весь міръ и градъ убійство. Аще кто и не причастясь убийству, но въ соньми бывъ въ единой мысли, убийца же бысть. Или могай помощи, а не поможе, аки самъ убити повелѣлъ есть. Отъ которыхъ книгъ, или отъ кихъ писаний се слышасте, яко волхвованиемь глади бывають на земли, и паки волхвованіемь жита умножаются? То аже сему вѣруете, то чему пожигаете я? Молитесь и чтите я, дары приносите имъ, ать (*ежели*) строять миръ, дождь пущають, тепло приводять, земли плодити велять. Се нынѣ по три лѣтъ житу рода нѣсть, не токмо въ Русь, но въ Латѣнѣ, се вълхвове ли створиша? Аще не Богъ ли строить Свою тварь, якоже хощеть, за грѣхъ насъ томя? Видѣ азъ отъ божественнаго написанья, яко чародѣйцы и чародѣйца бѣсы дѣйствують надъ человѣкомъ и надъ скотомъ и потворити могуть (*). Надъ тими дѣйствують, иже имъ вѣрують; Богу попущшю, бѣси дѣйствують: попущаеть же Богъ, иже кто ихъ боится. А иже кто вѣру тверду держить къ Богу, съ того чародѣйцы не могуть. Печаленъ есмь о вашемъ безумьи. Молю вы, отступите дѣлъ поганьскыхъ, Аще хощете градъ оцѣстити отъ беззаконныхъ человѣкъ, радуюся тому; оцѣщайте, яко Давидъ: пророкъ и царь потребляше отъ града Ерусалима вся творящая беззаконие. Овѣхъ убитиемъ, иныхъ заточеніемъ, иныхъ же темницами—всегда градъ Господень чистъ творяше отъ грѣхъ. Кто бо такъ бѣ судя, яко же Давидъ? Страхомъ Божиимъ судяше; Духомъ Святымъ видяше, и по правдѣ отвѣтъ даяше. Вы же како осуждаете на смерть, сами страсти исполни суще, и по правдѣ не судите? Иный по враждѣ творить, иный горкаго того прибытка жадая. А иный ума не исполненъ, только жадаетъ убити и пограбити;—а еже за что убити, а того не вѣсть. Правила Божественая повелѣвають многими послухы (*свидѣтелями*) осудити на смерть человѣка. Вы же воду послухомъ постависте и глаголете: аще утопати начнеть, неповинна есть: аще ли поплоowеть, волхвовь есть. Не можетъ ли дьяволъ, видя ваше маловѣрье, подержати, да не погрузится, дабы въврещи въ душегубство? Яко оставльше послушьство боготворенаго человѣка (**), идосте къ бездушну естьству, къ водѣ, приясте послушьство на прогнѣванье Божие. Слышасте отъ Бога казнь посылаему на землю отъ первыхъ родъ до потопа,—на гыганты огнемъ,—при потопѣ водою, при Содомѣ жюпоромъ, при Фараонѣ десятью казний, при Хананиихъ шершенми, ка-

---

(*) Дѣйствуютъ чрезъ бѣсовъ на людей и скотовъ и могутъ представлять призраки.

(**) Оставивъ свидѣтельство богоподобнаго человѣка.

меньемъ огненнымъ съ небеси, при судьяхъ ратьми, при Давидѣ моромъ, при Титѣ плѣненьемъ, потомъ же трясеньемъ земли и паденьемъ града. При нашемъ же языцѣ чесо не видѣхомъ? Рати, глади, морове и труси, конечное же: преданы быхомъ иноплеменникомъ, не токмо на смерть и на плѣненье, но и на горькую работу. Се же все отъ Бога бываетъ, и симъ намъ спасенье сдѣваетъ. Нынѣ же, молю вы, за преднее безумье покайтесь и не будьте отселѣ, аки трость вѣтромъ колеблема: но аще услышите что басний человѣческыхъ, къ божественному писанию притецѣте, да врагъ нашъ дьяволъ, видя вашъ разумъ, крѣпкодушье, и не возможетъ попудити вы на грѣхъ, но посрамленъ отходитъ. Вижю бо вы великою любовью текущая въ церковь и стояща съ говѣньемъ. Тѣмъ же, аще бы ми мощно коегождо васъ наполнити сердце и утробу разума божественнаго! Но не утружюся ([1]), наказая вы и вразумляя и наставляя. Обида бо ми не мала належитъ, аще вы такая жизни ([2]) не получите и Божія свѣта не узрите. Не можетъ бо пастухъ утѣшитися, видя овцы отъ волка расхыщены: то како азъ утѣшю, аще коему васъ удѣють злый волкъ дьяволъ? Но поминающе си нашю любовь о вашемъ спасеніи, потщитеся угодити створшему ны Богу. Ему же лѣпо всяка слава, честь.

(Прибавленія къ твореніямъ св. Отцевъ, 1843, кн. 1, 2 и 3.)

---

8. Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ.

отрывокъ.

Се повѣдай, *Уранъ*, намъ повѣсть, како случися на Дону православнымъ христіяномъ съ безбожными Татары, како возвыси Господь родъ христіанскій, а поганыхъ уничижи и осрами ихъ суровство, яко же иногда Гедѣономъ Мадіама низложи, и *православнымъ Моисеомъ* Фараона. И нынѣ подобаетъ вѣдати намъ величіе Божіе, како творитъ Господь волю боящимся его, и како пособи Господь Богъ православному, Великому Князю Дмитрію Ивановичу *Владимірскому* надъ безбожными Татары. Лѣта же того попущеніемъ Божіимъ, отъ наученія діаволя, воздвигся царь отъ восточныя страны,именемъ Мамай, Татаринъ сый родомъ, *вѣрою идоложрецъ*, *иконоборецъ злый*, христіанскій ненавистникъ и укоритель, и вниде въ сердце его діяволъ подстрекаяй, иже всегда пакости дѣетъ христіяномъ, и наусти его разорити православную вѣру всему христіянству, да не славится въ нихъ имя Господне въ людѣхъ тѣхъ. Господь что хощетъ, то и творитъ. Тойже безбожный царь Мамай нача завидѣти *первому Батыеви*, *и второму безбожному Батыю*, и нача испытывати старыхъ Татаринъ: како Батый плѣнилъ Кіевъ, и Володимірѣ, и всю землю Русскую? како уби Князя Юрія Дмитріевича, и мнози православные Князи изби? Како мнози монастыри плѣни и оскверни вселенскую пречистую церьковь, разграби злато? И бысть ослѣпленъ очима. Тогоже не разумѣша нечестивый, яко Господу годѣ, тако да и будетъ, якоже во *иныи дни Іерусалимъ плѣненъ бысть Титомъ*, *а потомъ* мерскимъ царемъ *Навходоносоромъ Вавилонскимъ* за ихъ согрѣшеніе. Но не до конца прогнѣвается Господь, ни во вѣки враждуетъ. Слышавъ безбожный царь Мамай то отъ Татаръ, нача діяволомъ палимъ быти непрестанно, ратуя на христіянство, нача глаголати ко своимъ *Евпатомъ* и Княземъ и воеводамъ: яко нехощу азъ тако творити Руси, како Батый; азъ Князя ихъ изждену; а которые *государи красные*, тѣхъ хощу видѣти тихо и безмятежно. Но рука Божія высока. По малехъ же днехъ, по глаголехъ его, царь

([1]) *Не поставлю себѣ въ трудъ, не стану тяготиться.*

([2]) Т. е. *жизни вѣчной.*

Мамай перевезеся великую рѣку Волгу со всѣми силами своими и многи орды совокупи съ собою и глаголя имъ: «Се обогатѣете Русскимъ златомъ.» И пойдѣ на Русь, сердитуя яко левъ, пылая яко неутолимая ехидна. Дойде же до усть рѣки Воронежа и распусти облаву свою, заповѣда улусникомъ своимъ: «яко да ни единъ у васъ пашетъ хлѣба: будите готови на Русскую землю на хлѣбы!» Слыша же то Олегъ Рязанскій, яко царь Мамай близъ кочуетъ, а идетъ на Русь ратію, стоитъ на Воронежѣ; а идетъ на Великаго Князя Димитрія Ивановича. Бысть же у Олга Князя Рязанскаго *скудость ума во главѣ, и сатана ухищреніе вложи въ сердце его:* нача посылати послы къ Мамаю царю со многою честію и дарами; ярлыкъ же свой писа къ нему сице: «Восточному царю Мамаю твой посаженный присяжникъ Олегъ Рязанскій. Слышахъ тя господина моего милостива, хощеши идти на Русь, на своего посаженника и служебника, на князя Димитрія Московскаго, огрозитися ему хощеши; нынѣ же, господине, приспѣ время есть, злата и богатства наполнися земля его. И тако бо вѣмъ, всесвѣтлый царю, яко кротокъ есть человѣкъ Дмитрій; егда же услышитъ и имя ярости твоея, то отбѣжитъ отъ тебя въ дальный утекъ, гдѣ есть мѣсто пусто и неключимо; злато же и богатство все будетъ во твоихъ рукахъ. Меня же, раба твоего, царю, держава твоя пощадитъ; азъ бо ти Русь вельми устрашу и Князя Димитрія. Но и не то одно, царю, егда о своей обидѣ и твоимъ именемъ погрожу ему; а онъ о томъ не радить; еще де градъ мой Коломну взялъ за себя, да о томъ о всемъ молю тя, царю, не презри моленія моего.» Ярлыкъ списавъ, посла же не пославъ, но посла посольство къ великому и *велерѣчивому* и къ *велеумному* Олгерду Литовскому, смысливше худымъ своимъ умомъ, и писа грамоту сицѣ: «Великому Князю Олгерду Литовскому Олегъ Рязанскій *пишу радоватися.* Вѣдаю бо, яко издавна мыслилъ еси на Московскаго князя Димитрія изгонити его, а Москвою владѣти: нынѣ же приспѣ время намъ; яко великій царь Мамай идетъ на него и хощетъ плѣнити землю его. Нынѣ же приложимся и мы къ нему, да тебѣ дастъ Москву и иные присяжные грады, а мнѣ Коломну и которые близъ Мурома и Володиміра. Ты же и азъ пошлемъ послы къ нему и дары, елико имамъ какіе, и пиши грамоту къ нему, елико самъ вѣси паче меня. Азъ же писахъ, но не послахъ, хощу единаго съ тобою и жду твоего посла.» Пріидеже посолъ и вдасть грамоту Олгерду отъ Олега. Олгердъ же прочетъ грамоту, и радъ бысть и похваливъ друга своего Олега великою похвалою. Посла посолъ свой ко царю съ дары безчисленныи, и грамоту писавъ къ нему сице: «Великому восточному царю Мамаю Князь Олгердъ Литовскій многу милость. Слышавъ, господине, хощеши улусъ свой казнити и Московскаго князя Димитрія, того ради молю тя, царю, яко онъ обиду сотвори Олгу Рязанскому, а мнѣ тако же пакости дѣя; но молимъ тя, оба, да при державѣ царствія твоего видитъ твое смотрѣніе нашу грубость отъ Московскаго князя Димитрія. Всѣ же глаголютъ лестію на великаго Князя Димитрія, и ркучи въ себѣ: егда услышитъ имя твое царево и нашу присягу къ тебѣ: то отбѣжитъ въ великіи Новградъ, или на Двину, а мы сядемъ на Москвѣ и на Коломнѣ. Егда царь же пріидетъ, не имый кто его сряще. Царь же возвратився, и мы и княженіе Московское раздѣлимь кто къ Вилнѣ, иной къ Рязанѣ. Но и вѣдаемъ, яко царь имаетъ ярлыкъ дати намъ и родомъ нашимъ.» Но сами ся невѣдаютъ, что глаголютъ, яко не смыслени и млади умомъ, аки не вѣдущи Божія силы и владычныя смотрѣнія. Богъ даетъ власть, ему же хощетъ. По истинѣ бо рече: аще кто держится добродѣтели, то не можетъ безъ многихъ враговъ быти. Князь же Димитрій Ивановичъ образъ смиренномудрія нося и смиренія въ высокихъ ищетъ, еще же не чюже бывшихъ сихъ, иже совѣщаша на него,

ближеніи его. О таковыхъ бо рече пророкъ, не помысли ближнему своему зла, тебя не постигнетъ. Той же паки рече: изрый яму, самъ впадетъ ся въ ню. Пріидоша же послы по реченному словеси отъ Олгерда Литовскаго и отъ Олега Рязанскаго къ безбожному царю Мамаю и дары многочестные вдаша ему и граматы писаны. Безбожный же воззрѣвъ писанія и рече: «послухаемъ сіе писаніе.» И нача думати со воеводы своими; они же разумѣша, яко прилѣжно писаніе ихъ. И рече царь: «Азъ чаяхъ, яко во едино совокуплени будутъ на мя; нынѣ же разумѣю, яко разность между ихъ велика есть. Имамъ убо на Русь быти.» Пословъ же тѣхъ чествовахъ, отпусти ихъ, а писаніе писа Олгерду Литовскому и Олегу Рязанскому: «Елико писася ко мнѣ, познахъ, а на дарѣхъ нашихъ хвалю вамъ. Колико хощете Русскія вотчины, тѣмъ васъ одарю; токмо присягу ко мнѣ имѣйте; нынѣ же срѣтите мя съ своими силами, гдѣ успѣете, да одолѣете своего недруга, а мнѣ ваша пособь недобрѣ надобна. Аще бы хотѣлъ, то и своею силою древній Іерусалимъ плѣнилъ быхъ. Но чти вашея хощу, а моимъ именемъ и вашею рукою распуженъ будетъ князь Димитрій Московскій, да огрозится имя ваше во странахъ вашихъ. А мнѣ бо достоитъ побѣдити царя себѣ подобна и довлѣетъ ми царска честь. Сице княземъ своимъ рцыте.» Послы же возвратишася къ нимъ, и повѣдаша, яко царь здравитъ, вельми хвалитъ. Они же возрадовашася о суетнѣмъ привѣтѣ *скуднымъ своимъ умомъ*, что убо сихъ нареку. Аще бы врази были себѣ: то особную брань сотворили, нынѣ сія глаголы, что есть едина вѣра и едино крещеніе, а поганому приложилися и вкупѣ съ безбожнымъ хотятъ гонити православную вѣру. О таковыхъ рече патерикъ: по истиннѣ бо отсѣкошася своея маслины и присадишася къ дикой маслинѣ. И тако сіи безбожныя отвергошася вѣры христіянскія, прилѣпишася къ безбожному. Олегъ же нача паче поспѣшати и слати послы къ Мамаю царю, и рече: «подвизайся скоро.» О таковыхъ бо рече писаніе: о неразсуженія пути беззаконныхъ не спѣютъ, но сбираютъ себѣ досады и поносъ; правыхъ же путіе спѣютъ. Нынѣ сего Олега нарече втораго Святополка.———

Князь же великій Димитрій Ивановичъ поимъ брата своего князя Владиміра, иде ко преосвященному митрополиту Кипріяну и рече: «Вѣси ли, отче, господине, настоящую бѣду на насъ, яко царь Мамай идетъ на насъ въ неукротимѣ образѣ и ярости.» Преосвященный же митрополитъ Кипріянъ рече Великому князю Димитрію: «Повѣждь ми, господине, чѣмъ еси неисправился къ нему?» Князь же великій Димитрій Ивановичъ рече: «Исправилъ бо ся, отче, всѣмъ до велика къ нему, по уставу отецъ своихъ; но еще и болѣ того воздахъ ему.» Преосвященный же митрополитъ рече великому князю: «Видиши ли, господине, попущеніемъ Божіимъ, нашихъ ради грѣховъ, идетъ плѣняти въ Рускую землю. Но намъ подобаетъ Рускимъ княземъ тѣхъ утолити ради крестьянскаго роду четверицею сугубою, дабы не разрушилъ христовы вѣры. Аще ли не смирится: то Господь гордымъ противится, писано есть, а смиреннымъ благодать даетъ.——Нынѣ же возьми, господине, злата, колико имаеши, и пошли къ нему, исправися ему.» Еще князь великій Димитрій Ивановичъ слышавъ отъ Митрополита, иде съ братомъ своимъ въ казну свою и веемъ злата много, нача избирати юныхъ отъ двора своего, и избра юношу доволна смысломъ, имянемъ Захарію Тошкова, и давъ ему два толмача, умѣюща языку Татарскому и злата много отпусти съ нимъ ко Царю.————

Уже бо, братіе, не стукъ стучитъ и не громъ гремитъ въ славнѣ градѣ Москвѣ, стучитъ рать великаго князя Димитрія Ивановича. Князь же великій Димитрій Ивановичъ поемъ съ собою Володиміра Андреевича и вси князи Рускіи преславніи и иде ко Живоначальной

Троицѣ ко отцу своему Сергію преподобному и благословеніе получи отъ всей обители святыя, и моли преподобный Сергій его дабы слышалъ князь великій литургію святую. Приспѣже день воскресенія на памятъ Св. Флора и Лаѵра. По отпустѣ же святой литургіи, моли его святый со всю братіею, дабы вкусилъ хлѣба святого. Великому князю нужно есть, яко придоша къ нему вѣстницы, яко сближаютъ поганые, и моли святого Сергія, дабы ему ослабилъ. И рече ему преподобный старецъ: «Се ти замедленіе сугубо поспѣшливо будетъ. Но уже бо ти, господине, еще вѣнецъ сея побѣды носити и минувшихъ лѣтѣхъ, а инымъ симъ мнозѣмъ плетутся вѣнцы.» Князь великій вкуси хлѣба ихъ. Онъ же въ то время повелѣ воду освящати съ мощьми святыхъ мученикъ Флора и Лавра. Князь великій скоро отъ трапезы воставъ. Преподобный же окропи его священною водою и все христолюбивое войско его, и дастъ великому князю крестъ Христовъ знаменіе на челѣ. Онъ же ему рече: «Елико ти довлѣетъ твоему государству, что ти будетъ пригоже; и рече ему князь великій: «Дай ми, отче, два стара мниха воеводы отъ полку своего: то и ты съ нами пособствуя.» И рече ему преподобный старецъ: «О кіихъ, господине?» Рече же ему князъ Великій о двою братехъ Брянскихъ, боярехъ Пересвѣтѣ и братѣ его Ослабѣ. Преподобный же повелѣ имъ вборзе готовитися. Они же яко вѣдоми суть ратницы, послушаніе скоро сотвориша; преподобный же Сергіи дастъ же имъ отъ тлѣнныхъ оружіе вмѣсто не тлѣнныхъ, и многотвердъ доспѣхъ крестъ Христовъ нашитъ на схимѣ. И повелѣ имъ вмѣсто доспѣха возлагати на себя, и дастъ ихъ въ руцѣ великому князю, и рече ему: Се ти оружницы, а твои излюбленицы.» И рече имъ: «миръ вамъ, братія мои, постраждете, яко добліи воини Христови.» И всему православному христіянству дастъ Христово знаменіе, и дастъ имъ миръ, и благословеніе. Князь же великій Дмитрій Ивановичъ обвеселися сердцемъ, неповѣда ни комуждо, еже рече ему старецъ, и пойде ко граду своему Москвѣ, аки нѣкое многоцѣнное секровище обрѣте; радуяся о благословеніи старца. Пріиде же во градъ Москву, поимъ брата своего князя Владиміра, и иде ко преосвященному митрополиту Кипріяну и повѣда единому митрополиту, еже рече ему святый старецъ, и како дастъ ему благословеніе. Преосвященный же митрополитъ рече ему: «Никому же, Господине, неповѣдай сего!»————

Князь же великій Димитрій Ивановичь вступи во златокованное стремя и сѣде на своего любовнаго коня. Вси же князи и воеводы нà свои кони сѣдоша; а солнце со всхода свѣтитъ въ путь его и вѣтрецъ тихъ и теплъ по нихъ вѣетъ; уже бо тогда яко соколи отъ златыхъ колодецъ рвахуся. Выѣхали князи Бѣлозерскіе изъ каменна града Москвы своимъ полкомъ урядъ: не бо полцы ихъ видѣти, яко достоитъ имъ избивати стада лебедина: бѣ бо храбро воинство у ихъ. Князь великій Димитрій Ивановичь рече брату своему князю Владиміру Андреевичю и инымъ княземъ и воеводемъ: «Братія моя милая, непощадимъ живота своего за вѣру Христіанскую и за святыя церкви, за землю Русскую. «И говоритъ князь Владиміръ Андреевичъ;» Господине князь Димитрій Ивановичь! воеводы у насъ вельми крѣпцы, а Русскіе удалцы свѣдоми, имѣютъ подъ собою борзы кони, а доспѣхи имѣютъ вельми тверды, злаченные колантыри и булатные байданы, и колчары фряжскія, корды Лятцкіе, сулицы Нѣмецкія, щиты черленные, копья злаченыя, сабли булатныя, а дорога имъ велми свѣдома, березн имъ по Оцѣ изготовлены, хотятъ головы свои сложити за вѣру Христіянскую и за твою обиду государя великаго князя.» Князь же Великій Димитрій Ивановичь отпусти брата своего Князя Владиміра Андреевича на Брашево дорогою, а Бѣлозерскіе Князи отпусти Болванскою дорогою. рекше Деревскою, а самъ пойде на Ко-

телъ. Спереди ему солнце сіяетъ и добрѣ грѣетъ, а по немъ кроткій вѣтрецъ вѣетъ. Не пошли бо того дѣля единою дорогою, яко не вмѣститися имъ. Княгиня же великая Евдокія съ своею снохою и иными княгинями и съ воеводскими женами взыде на златоверхій свой теремъ въ набережный и сѣдѣ подъ южными окны и рече: «Уже бо конечно зрю на тебя великаго князя!» А въ слезахъ не можетъ словеси рещи: слезы бо отъ очію льются аки рѣчныя быстрины. Воздохнувъ печално и сшибѣ руцѣ свои къ персемъ, и рече: «Господи Боже великій! призри на мя смиренную, сподоби мя еще государя своего видѣти славнаго во полцѣхъ, великаго князя Димитрія Ивановича. Дай же Господи, ему помощь отъ крѣпкія руки твоея, да побѣдитъ противныя своя! Не сотвори, Господи, яко же за мало лѣтъ брань была на рѣцѣ на Калкѣ Христіяномъ съ Татары отъ злаго Батыя. Отъ таковыя же бѣды нынѣ, Господи, спаси и помилуй! Не дай же, Господи, нынѣ погибнути оставшему христіянству; отъ той бо рати Русская земля унылa; ни на кого же бо надежи неимамъ, токмо на тебя всевидящаго Бога. Азъ же унылая имѣю двѣ отрасли Князя Василія, да Юрья, но еще и тѣ мали суть. Егда похититъ ихъ вѣтръ съ юга или съ запада; то не могу терпѣти, ни на чтоже опираяся, ихъ или зной поразитъ, такоже имъ погибнути; а противу сему что сотворятъ? Возврати имъ, Господи, отца ихъ по здорову: то и земля ихъ по здорову будетъ, и онѣ во вѣки царствуютъ.» — — —

Тогдаже возвѣяша силни вѣтри по велицѣй широтѣ, воздвигошася велицы князи, а по нихъ Русскіи сынове утѣшно грядутъ, аки мѣдвяны чаши пити и стеблевины ясти. Но не мѣдвяны чаши пити, ни стеблевины ясти грядутъ; хотятъ укупити чти и славнго имяни во вѣки земли Русской, великому князю Димитрію Ивановичю похвалу и многимъ государемъ. Дивно и грозно бо въ то время слышати, а громко въ варганы бьютъ, тихо ся поволокою ратныя трубы трубятъ, многогласно бо конѣ ржутъ. Звѣнитъ слава по всей Русской земли, велико вѣчьѣ бьютъ въ великомъ Новѣградѣ; стоятъ мужи Новогородцы у святыя Софѣи премудрости Божія, аркучи межу собою таково слово: «уже намъ, братіе, на помощь не поспѣти къ великому князю Димитрію; уже бо яко орли слетались со всей Русской земли, съѣхалися дивныя удальцы, храбрыхъ своихъ пытати.» Не стукъ стучитъ, не громъ гремитъ, по зорѣ стучатъ и гремятъ Русскіе удалцы. Князь Володимiръ Андреевичъ возится рѣку на Красномъ перевозѣ въ Боровскѣ. Князь же великій Димитрій Ивановичъ пріидѣ на Коломну, на память святаго Отца Моисея Мурина, въ среду, августа 28 день. — — —

Князь же великій Димитрій Ивановичъ урядивъ полки и повелѣ за Оку рѣку возитися. Заповѣдавъ же всякому человѣку, и рече: «Кто же ни пойдетъ по земли Рязанской и по улусомъ, да никто же не приткнется ни ко единому власу, въ землѣ ихъ.» Самъ же вземъ благословленіе отъ епископа Коломенскаго и перевезеся Оку рѣку и посла трехъ сторожей, избранныхъ витязей, и рече имъ: *«нелны* своими очима видѣтися съ татарскими полками.» А посла Семена Мелика, да Игнатія Крѣня, Фому Тишина, Петра Юрскаго, Карпа Алексина, Петрушу Чюрикова и иныхъ многихъ съ ними, а посла и рече князь великій брату своему князю Владиміру: «поспѣшимъ, братіе, противу безбожныхъ силъ, не утулимъ лица своего отъ поганыхъ; аще смерть случится намъ, тамо дома живучи едина кому умрети же: отъ смерти бо, братіе, не избыти.» Всякъ же идый путемъ, призывая и Бога на помощь, и сродники своя Русскіе Князи Бориса и Глѣба.

СИЛЬВЕСТРЪ.

Домострой.

ГЛАВА VII.

Како Царя и Князя чтити и повиноватися во всемъ и всякому покарятися и правдою служити имъ во всемъ къ болшимъ и меншимъ и скорбнымъ и маломощнымъ, ко всякому человѣку какову быти и себѣ о семъ внимати.

Царя бойся и служи ему вѣрою, и всегда о немъ Бога моли, и ложно отнюдъ не глаголи предъ нимъ; но, съ покореніемъ истинну отвѣщай ему, яко самому Богу, и во всемъ повинуйся ему. Аще земному Царю правдою служиши и боишися его, такъ научишися и Небеснаго Царя боятися: сей временenъ, а Небесный вѣченъ и судія нелицемѣренъ: воздастъ комуждо по дѣломъ его. Такоже и Княземъ покаряйтеся, и должную ему честь воздавай, яко отъ него посланомъ, во отмщеніе злодѣемъ, въ похвалу же добродѣемъ: Князю своему пріяйте всѣмъ сердцемъ, и властелемъ своимъ: ни помыслите на ня зла. Глаголетъ бо Павелъ Апостолъ: вся владычества отъ Бога учинена суть: да, — аще кто противится властелемъ, то Божію повелѣнію противитца. А Царю и Князю и всякому велможѣ и клеветою и лукавствомъ: погубитъ Господь вся, глаголющая лжу, а шепотники и клеветники отъ народа прокляти суть. Старѣйшимъ себѣ честь воздавай, и поклоненіе твори; среднихъ яко братію почитай, маломожныхъ и скорбныхъ любовію привѣчай, юнѣйшихъ яко чада люби; всякому созданію Божію не лихъ буди; славы земныя ни въ чемъ не желай, вѣчьныхъ благъ проси у Бога; всякую скорбь и тѣсноту съ благодареніемъ терпи; обидимъ не мьсти; хулимъ моли; зла за зло не воздавай; согрѣшающая не осужай; воспомяни своя грѣхи: о тѣхъ крѣпко пекися; злыхъ мужей совѣту отвращайся; буди ревнитель правожительствующимъ, и тѣхъ дѣланія написуй въ сердцы своемъ, и самъ такоже твори.

ГЛАВА XV.

Какъ дѣтей своихъ воспитати во всякомъ наказаніи и страсѣ Божіи.

А пошлетъ Богъ у кого дѣти, сынове или дщери: ино имѣти попеченіе отцу и матери о чадехъ своихъ; снабдити ихъ и воспитати въ добрѣ наказаніи; и учити страху Божію и вѣжеству и всякому благочинію и, по времени и дѣтемъ смотря, и по возрасту, учити рукодѣлію; матери дщери, а отцу сынове, кто чево достоинъ, каковъ кому просугъ (смыслъ) Богъ дастъ; любити ихъ и беречи, и страхомъ спасати, Уча и наказуя и разсужая, раны возлогати: наказуй дѣти въ юности, покоитъ тя на старость твою; и хранити и блюсти о чистотѣ тѣлесной, и отъ всякаго грѣха отцемъ чадъ своихъ, якоже зеницу ока и яко своя душа. Аще что дѣти согрѣшаютъ отцовымъ и матернимъ небреженіемъ, имъ о тѣхъ грѣсѣхъ отвѣтъ дати въ день страшнаго суда. А дѣти аще небрегомы будутъ, въ ненаказаніи отцовъ и матерей, аще что согрѣшатъ, или что сотворятъ, и отцемъ и матеремъ съ дѣтми, отъ Бога грѣхъ, и отъ людей укоръ и посмѣхъ, а дому тщета, а себѣ скорбь и убытокъ, а отъ судей продажа и соромота. Аще у богобоязнивыхъ родителей и у разумныхъ и благоразсудныхъ, чада воспитани въ страсѣ Божіи, и въ добрѣ наказаніи, и въ благоразсудныхъ ученіи, всякому разуму и вѣжству и промыслу и рукодѣлію, и тѣ чада, съ родители своими, бываютъ отъ Бога помилованы, а отъ священнаго чину благословены, а отъ добрыхъ людей хвалими; а въ совершенѣ возрастѣ, добрые люди, съ радостію и благодареніемъ, женятъ сыновъ своихъ по своей верстѣ, по суду Божію; а дщери за ихъ дѣти, за мужь выдаютъ. И аще отъ таковыхъ которое

чадо Богъ возметъ, въ покаяніи и съ причастіемъ: то отъ родителю безскверная жертва къ Богу приносится, и въ вѣчныя кровы вселяются; и имѣютъ дерзновеніе у Бога милость просити, и оставленія грѣховъ, и о родителяхъ своихъ.

ГЛАВА XVII.

Како дѣти учити и страхомъ спасати.

Казни сына своего отъ юности его, и покоитъ тя на старость твою, и дастъ красоту души твоей. И не ослабляй, бія младенца: аще бо жезломъ біеши его, не умретъ, но здравіе будетъ: ты бо бія его по тѣлу, а душу его избавляеши отъ смерти. Дщерь ли имаши, положи на нихъ грозу свою, соблюдеши я отъ тѣлесныхъ: да не посрамиши лица своего, да въ послушаніи ходитъ; да не въ свою волю пріимши и, въ неразуміи, прокудитъ дѣтство свое, и сотворится знаемъ твоимъ въ посмѣхъ, и посрамятъ тя предъ множествомъ народа; аще бо отдаси дщерь свою безъ порока, то яко велико дѣло совершиши, и посреди собора похвалишися; при концы не постонеши на ню. Любя же сына своего, учащай ему раны, да послѣди о немъ возвеселишися. Казни сына своего изъ-млада, и порадуешися о немъ въ мужествѣ; и посреди злыхъ похвалишися, и зависть пріимутъ враги твои. Воспитай дѣтище съ прощеніемъ, и обрящеши о немъ покой и благословеніе. Не смѣйся къ нему, игры творя: въ малѣ бо ся ослабиши, въ велицѣ поболиши, скорбя; и послѣ же яко оскомины твориши души твоей. И не дажъ ему власти во юности, но сокруши ему ребра, донележе растетъ, а, ожесточавъ, не повинетъ ти ся; и будетъ ти досажденіе, и болезнь души, и тщета домови, погибель имѣнію, и укоризна отъ сусѣдъ, и посмѣхъ предъ враги, предъ властію, платежъ и досада зла.

ГЛАВА XXXI.

Како всякое платье кроити и остатки и обрески беречи.

Въ домовитомъ обиходѣ коли лучится какое платья кроити себѣ, или женѣ, или дѣтемъ, или людемъ: камчато или тафтяно, или изуфрено или кумачно или зенденинное, или сукняное или армячное, или сермяжное, или кожи какіе кроити: или сагадокъ, или на седло, или омѣтюкъ или сумы, или сапоги, или шуба, или кафтанъ, или терликъ, или однорятка, или кортелъ, или лѣтникъ и каптуръ, или шапка, или нагавицы, или какое платно ни буди; и самъ государь или государыня, смотритъ и смечаетъ: остатки и обрѣски живутъ; а тѣ остатки и обрѣски ко всему пригожаютца въ домовитомъ дѣле: поплатить ветчаново тово жъ портища, или къ новому прибавить, или какое ни буди починить; а остатокъ или обрѣзокъ какъ выручить; а въ торгу устанешь прибираючи въ то лицо; въ три дора купишь, а иногды и не приберешь. А коли лучится какое платно кроити молоду человѣку: сыну или дщери; или молодой невѣске: лѣтникъ или кортель, или шуба съ поволокою, или опашень зуфрянъ, или камчатъ, или объярь, или атласъ, или бархатъ, или терликъ или кафтанъ, или што нибуди доброе, — и кроячи, да загибати вершка по два и по три на подоле, и по краемъ, и по швомъ, и по рукавомъ; и какъ выростетъ, годы два или три, или въ четыре, — и распоровъ то платно, и загнутое отправить: опять платно хорошо станетъ. Кое платья не всегда носити, то такъ кроити.

ГЛАВА XXXIV.

По вся дни женѣ съ мужемъ о всемъ спрашиватися, и совѣтовати о всемъ, и како въ люди ходити, и къ себѣ призывати и съ гостьями что бесѣдовати.

А по вся бы дни у мужа жена спра-

шивалась, и совѣтовала о всякомъ обиходѣ, и воспоминала, что надобеть. А въ гости ходити, и къ себѣ звати: ссылатца съ кемъ велитъ мужь; а гостьи коли лучится, или самой гдѣ быти за столомъ сѣсти, луччее платя перемѣнити; отнюдъ беречися отъ пьянаго питія: пьяный мужь дурно, а жена пьяна въ миру не пригоже. А съ гостьями бесѣдовати о рукодѣльи и о домашьнемъ строеніи: како порядня вести, и какое рукодѣлейцо сдѣти. Чего женъ спрашиватися, вѣжливо ине знаетъ, и того у добрыхъ ласково; и кто что укаметъ, на томъ ниско челомъ бити. Или, у себя въ подворье, у которой гостьи, услышитъ добрую пословицу: како добрые жены живутъ, и како порядню ведутъ, и какъ домъ строить, и какъ дѣти и служокъ учатъ, и какъ мужей своихъ слушаютъ, и какъ съ ними спрашиваются, и какъ повинуются имъ во всемъ: и то въ себѣ внимати, а чево доброво не знаетъ, ино спрашиватца вѣжливо; а дурныхъ и пересмѣшныхъ и блудныхъ речей не слушати и не бесѣдовати о томъ; или въ гостяхъ: увидитъ добрую порядню, или въ естве, или въ питье, или въ какихъ примѣсехъ, или какое рукодѣлье не обычно, или какая домашняя порядня гдѣ хороша: или, которая добрая жена, и смышленая и умная, и въ речехъ и въ беседѣ и во всякомъ обиходѣ: или гдѣ слушки умны, и вѣжливы и порядливы, и рукодѣлны, и ко всякому добру смышлены: и всего того добра примѣчати и внимати; чего не знаетъ, или чево не умѣетъ, и о томъ спрашиватися, вѣжливо и ласково, и о томъ бити челомъ; и, пришедъ на подворья, то все мужу сказать на упокои. — Съ такими то съ добрыми женами пригоже сходитися: ни ествы, ни питія для добрыя ради бесѣды и науку для; да внимать то въ прокъ себѣ; а не пересмѣхатися, и ни о комъ не переговаривати; и спросятъ о чемъ про кого иногды и учнутъ пытати: ино отвещати—не вѣдаю азъ ничего того, и не слыхалъ и не знаю; и сама о ненадобномъ не спрашиваю; ни о княжняхъ, ни о боярыняхъ, ни о сусѣдахъ не пересужаю.

---

10. КНЯЗЬ КУРБСКІЙ.

а. Эпистолія первая писана къ царю и великому князю московскому, прелютаго ради гоненія его.

(1564).

(Сказанія Князя Курбскаго).

Царю, отъ Бога препрославленному, паче же въ православіи пресвѣтлу явившуся, нынѣ же, грѣхъ ради нашихъ, сопротивъ симъ обрѣтшемуся. Разумѣваяй да разумѣетъ, совѣсть прокаженну имущій, якова же ни въ безбожныхъ языцѣхъ обрѣтается!... И больше сего о семъ всѣхъ по ряду глаголати не попустихъ моему языку; гоненія же ради прегорчайшаго отъ державы твоея, отъ многія горести сердца потщуся мало изрещи ти.

Про что, царю! сильныхъ во Израили побилъ еси? и воеводъ, отъ Бога данныхъ ти, различнымъ смертемъ предалъ еси? и побѣдоносную, святую кровь ихъ во церквахъ Божіихъ, во владыческихъ торжествахъ проліялъ еси? и мученическими ихъ кровьми праги церковные обагрилъ еси? и на доброхотныхъ твоихъ и душу за тя полагающихъ неслыханныя мученія и гоненія и смерти умыслилъ еси, измѣнами и чародѣйствы и иными неподобными оболгающи православныхъ, и тщася со усердіемъ свѣтъ во тьму прелагати и сладкое горько прозывати? Что провинили предъ тобою, о царю! и чимъ прогнѣвали тя, христіанскій предстателю? Не прегордыя ли царства разорили и подручныхъ во всемъ тобѣ сотворили, мужествомъ храбрости ихъ, у нихъ же прежде въ работѣ быша пра-

отцы наши? Не претвердые ли грады Германскіе тщаніемъ разума ихъ отъ Бога тобѣ даны бысть? Сія ли намъ бѣднымъ воздалъ еси, всеродно погубляя насъ? Или безсмертенъ, царю! мнишись? Или въ небытную ересь прельщенъ, аки не хотя уже предстати неумытному судіи, богоначальному Іисусу, хотящему судити вселеннѣй въ правду, паче же прегордымъ мучителемъ, и не обинуяся *истязати ихъ и до власъ прегрѣшенія*, яко же словеса глаголютъ? Онъ есть Христосъ мой, сѣдящій на престолѣ херувимскомъ, одесную Силы владычествія во превысокихъ, судитель между тобою и мною.

Коего зла и гоненія отъ тебя не претерпѣлъ' и коихъ бѣдъ и напастей на мя не подвиглъ еси! и коихъ лжеплетеній презлыхъ на мя не возвелъ еси! А приключившіямися отъ тебя различныя бѣды по ряду, за множествомъ ихъ, не могу нынѣ изрещи: понеже горестію еще души моей объятъ быхъ. Но вкупѣ все реку конечнѣ: всего лишенъ быхъ, и отъ земли Божія туне отогнанъ быхъ, аки тобою понужденъ. Не испросихъ умиленными глаголы, ни умолихъ тя многослезнымъ рыданіемъ, и не исходатайствовахъ отъ тебя никоея жъ милости архіерейскими чинами; и воздалъ еси мнѣ злыя за благія и за возлюбленіе мое непримирительную ненависть! Кровь моя, яко же вода пролитая за тя, вопіетъ на тя ко Господу моему! Богъ сердцамъ зритель: во умѣ моемъ прилежно смышляхъ и обличникъ совѣстный мой свидѣтеля на ся поставихъ, и искахъ и зрѣхъ мысленнѣ и обращаяся, и не вѣмъ себя и не найдохъ ни въ чемъ же предъ тобою согрѣшивша: предъ войскомъ твоихъ хождахъ, и ни коего же тебѣ безчестія приведохъ; но токмо побѣды пресвѣтлы, помощію ангела господня, во славу твою поставляхъ, и никогда же полковъ твоихъ хребтомъ къ чуждимъ обратихъ; но паче одолѣнія преславныя на похвалу тобѣ сотворяхъ. И сіе ни во единомъ лѣтѣ, ни во двухъ, но въ довольныхъ лѣтѣхъ. Потрудихся со многими поты и терпѣніемъ, и всегда отечества своего отстояхъ, и мало родшія мя зрѣхъ и жены моея не познавахъ; но всегда въ дальноконечныхъ градѣхъ, противъ враговъ твоихъ, ополчахся и претерпѣвахъ нужды многія и естественныя болѣзни, имъ же Господь мой, Іисусъ Христосъ свидѣтель. Паче же учащенъ быхъ ранами отъ варварскихъ рукъ на различныхъ битвахъ, и сокрушенно уже язвами все тѣло имѣю; но тебѣ, царю! вся сія аки ничто же бысть, но развѣе нестерпимую ярость и горчайшую ненависть, паче розженныя печи, являешь къ намъ.

И хотѣлъ рещи всѣ по ряду ратныя дѣла мои, ихъ же сотворихъ на похвалу твою, силою Христа моего; но сего ради не изрекохъ, зане лучше Богъ вѣсть, нежели человѣкъ: онъ бо есть за вся сія мздовоздаятель, и не токмо, но и за чашу студеныя воды; а вѣмъ, яко и самъ ихъ не не вѣси. И да будетъ ти, царю! вѣдомо къ тому: уже не узришь, мню, въ мірѣ лица моего до дня преславнаго явленія Христа моего. И да не мни мене молчаща ти о семъ: до скончанія моего буду непрестанно вопіяти со слезами на тя пребезначальной Троицѣ, въ нея же вѣрую, и призываю въ помощь херувимскаго владыки матерь, надежду мою и заступницу, владычицу Богородицу, и всѣхъ святыхъ, избранныхъ Божіихъ, и государя моего праотца, Князя Θеодора Ростиславича, иже цѣло купно тѣло имѣетъ, во множайшихъ лѣтѣхъ соблюдаемо, и благоуханія, паче аро матъ, отъ гроба испущающе и благодатію святаго Духа струи исцѣленія чудесъ истощающе, яко же ты, царю! о семъ добрѣ вѣси.

Не мни, царю! не помышляй насъ сумудренными мысльми, аки уже погибшихъ избіенныхъ отъ тебя неповинно, и заточенныхъ и прогнанныхъ безъ правды: не радуйся о семъ, аки одолѣніемъ тощимъ хваляся: избіенные

тобою, у престола Господня стояще, отмщенія на тя просятъ; заточенные же и прогнанные отъ тебя безъ правды отъ земли ко Богу вопіемъ день и нощь! Аще и тьмами хвалишися въ гордости своей, въ привременномъ семъ скоротекущемъ вѣцѣ, умышляючи на христіанскій родъ мучительные сосуды, паче же наругающе и попирающе ангельскій образъ, и согласующимъ ти ласкателемъ и товарищемъ трапезы, несогласнымъ твоимъ бояромъ, губителемъ души твоей и тѣлу, иже тя подвижутъ на Афротидскія дѣла и дѣтьми своими паче Кроновыхъ жрецовъ дѣйствуютъ. И о семъ, даже до сихъ, писаніе сіе, слезами измоченное, во гробъ съ собою повелю вложити, грядуще съ тобою на судъ Бога моего, Іисуса Христа, Аминь. Писано въ Волмерѣ, градѣ государя моего Августа Жогимонта короля, отъ него же надѣюся много пожалованъ и утѣшенъ быти ото всѣхъ скорбей моихъ, милостію его государскою, паче же Богу ми помогающу.

6. Второе посланіе Курбскаго къ Іоанну Грозному изъ Полоцка.

(1579).

(Ск. Кн. Курб.)

Аще пророцы плакали и рыдали о градѣ Іерусалимѣ и церкви преукрашенной, отъ каменія прекраснѣйша созданной, и о сущихъ живущихъ въ немъ погибающихъ: како недостоитъ намъ зѣло восплакати о разореніи града Бога живаго, или церкви твоей тѣлесной, юже создалъ Господь, а не человѣкъ, въ ней же нѣкогда духъ святый пребывалъ, яже по прехвальномъ покаянію была вычищена и чистыми слезами измыта, отъ нея же чистая молитва, яко благоуханія миро, или фиміамъ, ко престолу Господню восходила, въ ней же, яко на твердомъ основаніи правовѣрныя вѣры, благочестивыя дѣла созидашася, и царская душа въ той церкви, яко голубица крилы посеребренными между рамія ея блисталася, пречестнѣйша и пресвѣтлѣйша злата, благодатію духа святаго преукрашенна дѣлами; укрѣпленія ради и освященія тѣла Христа, и наидражайшею его кровію, ею же насъ откупилъ отъ работы діаволи! Се такова твоя прежде бывала церковь тѣлесная! А за тѣмъ, того ради, всѣ добрые послѣдовали хоругвіямъ крестоноснымъ христіанскимъ. Языцы различные варварскіе, не токмо со грады, но и со цѣлыми царствы ихъ, покоряхуся тебѣ, и предъ полками христіанскими архангелъ хранитель хождаше со ополченіемъ его, осѣняюще и заступающе окрестъ боящихся Бога, *по положенію предѣловъ языка нашего*, яко реклъ святый пророкъ Моисей, враговъ же устрашающе, и низлагающе супостатовъ. Тогда было, тогда, глаголю, егда съ избранными мужи избраненъ бывалъ еси, и со преподобными преподобенъ и со неповинными неповиненъ, яко рече блаженный Давидъ, и животворящаго креста сила помогаше ти и воинству твоему.

Егда же, развращенный и прелукавый, развратился, сопротивъ еси, и по таковомъ покаяніи, возвратился еси на первую блевотину, за совѣтомъ и думою любимыхъ твоихъ ласкателей, егда церковь твою тѣлесную осквернили различными нечистотами, безчисленными и неизреченными злодѣйствы напроказили, ими же всегубитель нашъ, діаволъ, родъ человѣческій издавна гнусенъ творитъ и мерзокъ предъ Богомъ, и въ послѣднюю погибель вреваетъ, яко нынѣ и твоему величеству отъ него случилося: вмѣсто избранныхъ и преподобныхъ мужей, правду ти глаголющихъ не стыдяся, прескверныхъ паразитовъ и маньяковъ поднесъ тебѣ; вмѣсто крѣпкихъ стратиговъ и стратилатовъ—прегнуснодѣйныхъ и богомерзскихъ Бѣльскихъ съ товарищи, и вмѣсто храбраго воинства—кромѣшниковъ или опришниковъ кровоядныхъ, тмы тмами горшихъ, нежели палачей; вмѣ-

сто богодухновенныхъ книгъ и молитвъ священныхъ, ими же душа твоя безсмертная наслаждалася, и слуги твои царскія освящалися, — скомороховъ со различными дудами и богоненавистными бѣсовскими пѣсньми, ко оскверненію и затворенію слуха входу ко ѳеологіи; вмѣсто блаженнаго онаго презвитера, иже было тя примирилъ къ Богу покаяніемъ чистымъ, и другихъ совѣтниковъ духовныхъ, часто бесѣдующихъ съ тобою, — яко намъ здѣ повѣдають (не вѣмъ есть ли правда), чаровниковъ и волхвовъ отъ далечайшихъ странъ собираешь, пытающе ихъ о счастливыхъ дняхъ, яко скверный богомерзскій Саулъ творилъ, оставя пророковъ Божіихъ; ко матронѣ или ко ватуніи, женѣ, чаровницѣ, притекалъ, пытающе ея о сраженію настоящемъ, яже ему, по хотѣнію его, мечтаніемъ бѣсовскимъ. Самуила пророка, аки возставшаго отъ мертвыхъ, въ мѣстѣ показала, яко о томъ толкуетъ свѣтлѣ святый Августинъ во своихъ книгахъ. А что же тому за конецъ случился? Сіе самъ добрѣ вѣдаешь: погибель ему и дому его царскому, яко блаженный Давыдъ рече: *не пребудутъ долго предъ Богомъ, которые созидаютъ престолъ беззаконія*, сирѣчь трудныя повелѣнія, или декретъ неудобь терпимый.

И аще погибаютъ царіе или властели, иже созидаютъ трудные декреты и неудобь подъемлемые номоканоны, кольми паче, нетокмо созидающе неудобь подъемлемыя повелѣнія или уставы съ домы погибнути должны: но во яковыхъ сіи обрящутся еже пустошать землю свою и губятъ подручныхъ всероднѣ, ни ссущихъ младенцевъ не щедяще, за нихъ же должны суть властели, каждый за подручныхъ своихъ, кровь свою противъ враговъ изліявати. О бѣда! о горе! Въ какую пропасть глубочайшую діаволъ, супостатъ нашъ, самовластіе и волю нашу извлачаетъ и вреваетъ.

Еще другое и другое, яко намъ здѣ отъ твоея земли приходящіе повѣдаютъ, тмы тмами кратъ гнуснѣйшее и богомерзское, оставляю писати, ово сокращенія ради писанейца сего, ово ждуще суда Христова, и положа перстъ на уста, преудивляюся зѣло и плачу сего ради.... Еще ли мниши, таковыхъ ради и ко слуху тяжкихъ и нестерпимыхъ, еже бы ти помогала и воинству твоему сила животворящаго креста? О споспѣшниче перваго звѣря и самаго великаго дракона, иже искони сопротивляется Богу и ангеломъ его, погубити хотяще всю тварь Божію и все человѣческое естество! доколѣ такъ долго не насытишися крови христіанскія, попирающе совѣсть свою? и прочто такъ долго отъ такъ тяжкаго лежанія или сна не воспрянешь, и не приложися въ часть ко Богу и ко человѣколюбивымъ ангеломъ его?

Воспомяни дни своя первіи, въ нихъ же блаженнѣ царствовалъ еси!

Не губи къ тому себя и дому твоего!

Аще рече Давыдъ: *любяй неправду, ненавидитъ свою душу*: кольми паче кровьми христіанскими оплывающіи исчезнутъ вскорѣ со всѣмъ домомъ! Вскую такъ долго лежишь простертъ и храпиши на одрѣ, зѣло болѣзненномъ объятъ будучи аки летаргицкимъ сномъ?

Очутися и воспряни! Нѣкогда поздно: понеже самовластіе наше и воля, ажъ до распряженія души отъ тѣла, ко покаянію данная и вложенная въ насъ отъ Бога, не отъемлется, исправленія ради нашего на лучшее.

Пріими божественный антидоръ, имъ же, глаголю, цѣлятся неисцѣльные яды смертоносные, ими жъ отъ похлѣбниковъ и отъ самаго отца ихъ, прелютаго дракона, подобно уже напоенъ еси. Егда же кто того лекарства внутреннимъ человѣкомъ вкуситъ, яко рече Златоустый, пишучи во первомъ словѣ страстномъ, о Петра апостола покаянію: «по вкушенію того, посылаются молитвы къ Богу, умиленныя, чрезъ послы слезные». Мудрому довлѣеть! Аминь.

Писано въ Полоцку государя нашего короля Стефана, по сущему преодолѣнію подъ Соколомъ въ 4 день.

Андрей Курбавскій, княжа на Ковлю.

в. Изъ исторіи князя великаго Московскаго о дѣлахъ, яже слышахомъ у достовѣрныхъ мужей и яже видѣхомъ очима нашима.

1. *Предисловіе автора.*—Много кратъ отъ многихъ свѣтлыхъ мужей вопрошаемъ быхъ, съ великимъ стужаніемъ: «откуды сія приключишася, такъ пре«жде доброму и нарочитому царю, мно«гажды за отечество и о здравіи своемъ «не радящу, и въ военныхъ вещахъ, «сопротивъ враговъ креста Христова, «труды тяжкіе, и бѣды, и безчисленные «поты претерпѣвающу, и прежде отъ «всѣхъ добрую славу имущему?» И многажды умолчахъ со воздыханіемъ и слезами, не восхотѣхъ отвѣщати; послѣди же, частыхъ ради вопрошаній, принужденъ быхъ нѣчто рещи отчасти о случаяхъ, приключившихся таковыхъ, и отвѣщахъ имъ: аще бы изъ начала и по ряду рѣхъ, много бы о томъ писати, яко въ предобрый Русскихъ князей родъ всѣялъ діаволъ злые нравы, наипаче же женами ихъ злыми и чародѣйцами, яко и во Израильтескихъ царѣхъ, паче же которыхъ поимовали отъ иноплеменниковъ. Но сія вся оставя, нѣчто изреку о томъ самомъ настоящемъ. Яко глаголютъ многіе премудрые: «доброму началу и конецъ бываетъ добръ»; такожде и сопротивъ: злое злымъ скончавается: а наипаче, отъ самовлястнаго человѣческаго естества, злымъ произволеніемъ и по всему супротивнымъ противу Божіихъ заповѣдей дерзати.

2. *Воспитаніе Іоанна.* — Егда же началъ приходити въ возрастъ, аки лѣтъ въ дванадесять, и впредъ что творилъ, умолчу иныя и иныя, обаче же возвѣщу сіе: началъ первѣе безсловесныхъ крови проливати, съ стремнинъ высокихъ мечюще ихъ, (а по ихъ языку, съ крылецъ, або съ теремовъ), такожъ и иныя многія неподобные дѣла творити, являющи хотящее быти немилосердое произволеніе въ себѣ, яко Солмонъ глаголетъ: *мудрый*, рече, *милуетъ души скотовъ своихъ, такожъ и безумный біетъ ихъ нещадно;* а пѣстуномъ ласкающимъ, попущающе сіе и хваляще, на свое горшее отрока учаще. Егда же уже приходяще къ пятомунадесять лѣту, и вяще, тогда началъ человѣковъ уроняти. И собравши четы юныхъ около себя дѣтей и сродныхъ оныхъ предреченныхъ сигклитовъ, по стогнамъ и по торжищамъ началъ на конехъ съ ними ѣздити и всенародныхъ человѣковъ, мужей и женъ бити и грабити, скачюще и бѣгающе всюду неблагочиннѣ. И воистинну, дѣла разбойническія самыя творяще, и иныя злыя исполняша, ихъ же не токмо глаголати излишно, но и срамно; ласкателемъ же все таковое на свою бѣду восхваляющимъ: «о храбръ, «глаголюще, будетъ сей царь и муже«ственъ!» Егда же пріиде къ седьмомунадесять лѣту, тогда тѣжъ прегордые сигклитове начаша подущати его и мстити имъ свои недружбы, единъ противъ другаго; и первѣе убиша мужа пресильнаго, зѣло храбраго стратига и великороднаго, иже былъ съ роду княжатъ Литовскихъ, единоколѣненъ кролеви Польскому Ягайлу, именемъ князь Иванъ Бѣльскій, иже не токмо былъ мужественъ, но и въ разумѣ многъ и въ священныхъ писаніяхъ въ нѣкоторыхъ искусенъ.

По малѣ же времени, онъ же самъ повелѣлъ убити такожде благородное едино княжа, именемъ Андрея Шуйскаго, съ роду княжатъ Суздальскихъ.

3. *Чудное исправленіе Іоанна.*—Потомъ, егда началъ всякими безчисленными злостьми превосходити, тогда Господь, усмиряющій лютость его, посѣтилъ градъ великій, Москву, презѣльнымъ огнемъ, и такъ явственнѣ гнѣвъ свой навелъ, аще бы по ряду писати, могла бы повѣсть цѣлая быти, або книжица;

а предъ тѣмъ, еще во младости его, безчисленными плѣненьми варварскими, ово отъ царя Перекопскаго, ово отъ Татаръ Нагайскихъ, сирѣчь Заволжскихъ, а наипаче и горше всѣхъ, отъ царя Казанскаго, сильнаго и можнаго мучителя христіанскаго, иже подъ властію своею имѣлъ шесть языковъ различныхъ, ими же безчисленное и неисповѣдимое плѣненіе и кровопролитіе учинялъ, такъ, иже уже все было пусто за осьмнадесять миль до Московскаго мѣста. Такожъ и отъ Перекопскаго, або отъ Крымскаго царя, и отъ Нагай вся Рязанская земля, ажъ по самую Оку рѣку, спустошена; а внутрь человѣкоугодникомъ, со царемъ младымъ, пустошающимъ и воюющимъ нещадно отечество. Тогдажъ случилось, послѣ того предреченнаго пожару, презѣльнаго и воистину зѣло страшнаго, о немъ же никтожъ сумнится рещи, явственный гнѣвъ Божій: а чтожъ тогда бысть?

Бысть возмущеніе великое всему народу, яко и самому царю утещи отъ града со своимъ дворомъ; и въ томъ возмущеній убіенъ вуй его князь Юрій Глинскій отъ всего народа, и домъ его весь разграбленъ; другой же вуй его князь Михаилъ Глинскій, который былъ всему злому начальникъ, утече, и другіе человѣкоугодницы сущіе съ нимъ разбѣгошася. И въ то время дивно бѣ, яко Богъ руку помощи подалъ отдохнути землѣ христіанской, образомъ симъ: тогда убо, тогда, глаголю, пріиде къ нему единъ мужъ, презвитеръ чиномъ, именемъ Селивестръ, пришлецъ отъ Новаграда Великаго, претяще ему отъ Бога священными писаньми и строзѣ заклинающе его страшнымъ Божіимъ именемъ; еще къ тому, и чудеса и аки бы явленія отъ Бога повѣдающе ему: не вѣмъ, аще истинныя, або такъ ужасновенія пущающе, буйства его ради, и для дѣтскихъ неистовыхъ его нравовъ, умыслилъ былъ себѣ сіе. Яко многажды и отцы повелѣваютъ слугамъ дѣтей ужасати мечтательными страхи, и отъ излишнихъ игоръ презлыхъ сверстниковъ: сице и сей, мню, блаженный малую грозу присовокупляетъ благокозненія, ею же великое зло цѣлити умыслилъ. Яко и врачеве дѣлаютъ, по неволѣ, согнившія гагрины стружуще и рѣжуще желѣзомъ, або дикое мясо, возрастающее на ранѣ, обрѣзающе ажъ до живаго мяса; сему негли подобно, и онъ блаженный, льстецъ истинный, умыслилъ; яко и послѣдовало дѣло: иже душу его отъ проказенныхъ ранъ исцѣлилъ и очистилъ былъ, и развращенный умъ исправилъ, тѣмъ и овымъ наставляюще на стезю правую. Съ нимъ же соединяется, во общеніе, единъ благородный тогда юноша, къ доброму и полезному общему, именемъ Алексѣй Адашевъ; царевижъ той Алексѣй въ то время зѣло любимъ былъ и согласенъ, и былъ онъ общей вещи зѣло полезенъ, и отчасти, въ нѣкоторыхъ нравѣхъ, ангеломъ подобенъ.——

Что же сіи мужіе два творятъ полезное землѣ оной, спустошенной уже воистину и зѣло бѣднѣ сокрушенной? Приклони же ужъ уши, и слушай со прилежаніемъ! Сіе творятъ, сіе дѣлаютъ! Главную доброту начинаютъ—утверждаютъ царя, и якого царя? царя юнаго, и во злострастіяхъ и въ самовольствіи безъ отца воспитаннаго, и преизлище прелютаго, и крови уже напившагося всякія, не токмо всѣхъ животныхъ, но и человѣческія. Паче же, и согласныхъ его на зло прежде бывшихъ, овыхъ отдѣляютъ отъ него (яже быша зѣло люты), овыхъ же уздаютъ и воздержатъ страхомъ Бога живаго. И что же еще по семъ придаютъ? Наказуютъ опаснѣ благочестію; молитвамъ же прилежнымъ къ Богу, и постомъ, и воздержанію внимати со прилежаніемъ завѣщаетъ оный презвитеръ, и отгоняетъ отъ него оныхъ предреченныхъ прелютѣйшихъ звѣрей, сирѣчь, ласкателей и человѣкоугодниковъ, надъ нихъ же ничтоже можетъ быти повѣтреннѣйшаго во царствѣ, и отсылаетъ и отдѣляетъ отъ него всяку нечистоту и скверну, прежде ему приключшуюся отъ сатаны;

и подвижетъ на то и присовокупляетъ себѣ въ помощь архіерея онаго великаго града, и къ тому, всѣхъ предобрыхъ и преподобныхъ мужей, презвитерствомъ почтенныхъ; и возбуждаютъ царя къ покаянію, и исчиствъ сосудъ его внутренній, яко подобаетъ, къ Богу приводятъ, и святыхъ, непорочныхъ Христа нашего таинъ сподобляютъ, и въ сицевую высоту онаго, прежде бывшаго окаяннаго, возводятъ, яко и многимъ окрестнымъ языкомъ дивитися обращенію его и благочестію.

4. *Бесѣда съ Вассіаномъ.*—Таково то воистину: иже приходитъ царь до онаго старца въ келлію, и вѣдая, яже отцу его единосовѣтенъ былъ и во всемъ угоденъ и согласенъ, вопрошаетъ его: «Како бы моглъ добрѣ царствовати и «великихъ и сильныхъ своихъ въ послушествѣ имѣти?» И подобало рещи ему: самому царю достоитъ быти яко главѣ, и любити мудрыхъ совѣтниковъ своихъ, яко свои уды, и иными множайшими словесы отъ священныхъ писаній ему подобало о семъ совѣтовати и наказати царя христіанскаго, яко достоило епископу нѣкогда бывшу, пачежъ престарѣвшемуся уже въ лѣтѣхъ довольныхъ. Онъ же что рече? Абіе началъ шептати ему во ухо, по древней своей обыкновенной злости, яко и отцу его древле ложное сикованціе шепталъ, и таково слово реклъ: «Аще хощеши «самодержцемъ быти, не держи собѣ «совѣтника ни единаго мудрѣйшаго собя: «понеже самъ еси всѣхъ лучше; тако «будеши твердъ на царствѣ, и все имѣти «будеши въ рукахъ своихъ! Аще будеши имѣть мудрѣйшихъ близу собя, «по нуждѣ будеши послушенъ имъ». И сице соплете силлогизмъ сатанинскій. Царь же абіе руку его поцѣловалъ и рече: «О! аще и отецъ былъ «бы ми живъ, таковаго глагола полез«наго не повѣдалъ бы ми!».

5. *Удаленіе Сильвестра и Адашева.*— Чтожъ по семъ царь нашъ начинаетъ? Егда уже обронился, Божіею помощію, храбрыми своими отъ окрестныхъ враговъ его, тогда воздаетъ имъ! Тогда платитъ презлыми за предобрѣйшее, прелютыми за превозлюбленнѣйшее, лукавствы и хитролествы за простыя и вѣрныя ихъ службы. А якоже сіе начинаетъ? Сице: первѣе, отгоняетъ двy мужей оныхъ отъ себя предреченныхъ, Селивестра, глаголю, презвитера, и Алексѣя предреченнаго, Адашева, туне и ни въ чемъ же предъ нимъ согрѣшившихъ, отворивши оба ухи своимъ презлымъ ласкателемъ, яже ему уже клеветаша и сикованціи во уши шептаху заочно на оныхъ святыхъ мужей, паче же шурья его и другіе съ ними нечестивые губители всего тамошняго царства. Чего же ради сіе творяху? Того ради воистину: да не будетъ обличена злость ихъ и да невозбранно будетъ имъ всѣми нами владѣти, и судъ превращающе, посулы грабити и другія злости плодити скверныя, пожитки свои умножающе. Что же клевещутъ и шепчутъ во ухо? Тогда же цареви жена умре: они же рѣша, аки бы счаровали ее оные мужи; (подобно, чему сами искусны и во что вѣруютъ, сіе на святыхъ мужей и добрыхъ возлагали). Царь же, буйства исполнився, абіе имъ вѣру ялъ. Услышавъ же сіе, Селивестръ и Алексѣй начаша молити, ово эпистоліями посылающе, ово чрезъ митрополита Русскаго, да будетъ очевистное глаголаніе съ ними. «Не отрицаемся, «рече, аще повинни будемъ, смерти; «но да будетъ судъ явственный предъ «тобою и предо всѣмъ сенатомъ твоимъ».

Презлые же къ сему что умышляютъ? Эпистолій не допущаютъ до царя; епископу старому запрещаютъ и грозятъ; цареви же глаголютъ: «Аще, рече, припустишь ихъ къ себѣ на очи, очарують тебя и дѣтей твоихъ———».

6. *Сравненіе Іоанна съ другими мучителями и новыхъ мучениковъ съ древними.*—И нынѣ, скончавающе исторію новоизбіенныхъ мучениковъ, да похвалимъ по силѣ нашей, елико можемъ. И кто бы, умъ здравъ имѣюще, возбранялъ ихъ похвалити?

О безумный и окаянный! забылъ еси прежде себя царей царствовавшихъ, и въ новомъ и въ ветхомъ завѣтѣ, паче же прародителей твоихъ, княжатъ Русскихъ святыхъ, ходящихъ по Христову узкому пути, сиречь мѣрнѣ и воздержнѣ живущихъ; по обаче царствующихъ блаженнѣ, яко и ты самъ въ покаянію былъ немало лѣтъ и добрѣ царствовалъ. А нынѣ, егда развратился еси и прельстился отъ ласкателей; тогда таковыя словеса стрыгнулъ еси, избравши себѣ пространный антихристовъ путь, и отринулъ отъ себя всѣхъ предобрыхъ и разумныхъ мужей, и собравши войско діаволе, сирѣчь похлѣбниковъ, и отовсюду злодѣевъ, во всемъ согласующихъ злостемъ твоимъ, нарицающесь церковникомъ, погналъ церковь Божію.... и яко погналъ! и коль страшно и прелюто! иже рещи и выписати не возможно! (Яко напреди мало рѣхомъ, но обаче мало нѣчто и отчасти о томъ гоненію въ предреченныхъ изъявлено). Не нудилъ жертвы приносити болваномъ, но діаволомъ вкупѣ съ собою согласовати повелѣвалъ, трезвыхъ во піянствѣ погружатися нудилъ, отъ негоже всѣ злыя возрастаютъ; не Крону жрети и дѣти закалати, но отрекшись естества, сирѣчь отца и матери и братій, рѣзати человѣковъ по составомъ повелѣлъ, яко и Басманова Ѳеодора принудилъ отца убити, и Никиту безумнаго Прозоровскаго— Василія, брата своего, и другихъ многихъ;— —не въ Бахусову звѣзду поставленному болвану піянствующе, и безчинствующе, ни праздникъ его во едино время и въ годъ сіе творя; но весь цѣлый вѣкъ свой,—егда возненавидѣлъ воздержательное житіе,—тысящу кратъ горше, нежели оные поганы, Бахуса почитающе, піянствующе и безчинствующе, крови христіанскія на проклятыхъ пированіяхъ проливающе нехотящихъ согласовати ему въ таковыхъ: яко единъ мужъ храбрый посреди пиру обличилъ его предо всѣми, емужъ было нареченіе Молчанъ Митновъ. Егда нудимъ былъ отъ него предреченными оными великими, діаволу обѣщальными, чашами пити; тогда велегласно возопивша глаголютъ его и рекша: «О царю! воистину яко самъ піешь, такъ и насъ принуждаешь окаянныхъ, медъ съ кровію «смѣшанный братій нашихъ, правовѣрныхъ христіанъ, пити!» Онъ же, абіе возгорѣвся гнѣвомъ великимъ, копьемъ, еже во проклятомъ жезлѣ своемъ носяше, абіе рукою своею пробилъ его и внѣ храмины лютымъ кромѣшникомъ повелѣлъ извлещи его, едва дышуща, и добити. И сице исполнилъ помостъ полаты кровію, посреди проклятаго пиру. Едвали и сей мужъ не мученикъ, воистину свѣтлый и знаменитый побѣдоносецъ.

Христіанскій, речешь, царь? И еще православный, отвѣщаю ти: христіановъ губилъ и отъ православныхъ человѣковъ рожденныхъ и ссущихъ младенцевъ не пощадилъ! Обѣщался, речешь, Христу на крещеніи, отрекшися діавола и всѣхъ дѣлъ и всѣхъ ангелъ его? Реку ти паки: поправши заповѣди Христа своего и отвергшися законоположенія евангельскаго, егда не явственно обѣщался діаволу и ангеломъ его, собравши воинство полковъ діавольскихъ и учинивши надъ ними стратилаты окаянныхъ своихъ ласкателей, и вѣдый волю Царя Небеснаго, произвелъ дѣломъ всю волю сатанинскую, показующе лютость неслыханную, никогда же бывшую въ Русіи, надъ церковью живаго Бога! Не боится, а ни ужасается новыхъ боговъ? Глаголю ти: аще не боится новыхъ, но боится чаровъ, сирѣчь стараго и древняго Веліара, научившися и вѣдуще, иже знаменіемъ честнаго креста всеужасіе попирается и изгоняется. Къ тому, не яко ли у мучителей древнихъ различныя орудія мученій, такожъ и у нашего новаго? не сковрады ли и пещи? не бичеваніе ли жестокое и ногти острые? не клещи ли разженныя, торганія ради тѣлесъ человѣческихъ? не иголъ ли за ногти біеніе и рѣзаніе по составомъ? не претренія ли вервми наполы не токмо мужей, но

и женъ благородныхъ, и другіе безчисленные и неслыханные роды мукъ, на неповинныхъ произведенные отъ него?... Еще ли не мучитель прелютый!...

Окаянные и вселукавые погубники отечества, и тѣлесоядцы, и кровопивцы сродникъ своихъ и единоязычныхъ! поколь маете безстудствовати и оправдати такого человѣкоразтерзателя? О преблаженные и достохвальные святые мученики, новоизбіенные отъ внутренняго змія! за добрую совѣсть вашу пострадасте, и мало здѣ претерпѣвше и очистившеся прехвальнымъ симъ крещеніемъ, чисти къ пречистѣйшему Христу отойдосте мзды трудовъ воспріяти! Едали тѣ много не потрудишася? едали тѣ не добрѣ пострадаша, не токмо христіанъ убогихъ отъ варваровъ въ землѣ своей оброняюще, но и царства кровопивственныя бусурманскія цѣлыя мужествомъ храбрости своея разориша и съ самими цари ихъ безвѣрными, и предѣлы разшириша царства христіанскаго ажъ до Каспійскаго моря и окрестъ, и грады тамо христіанскіе поставиша, и святые олтари воздвигоша и многихъ невѣрныхъ къ вѣрѣ приведоша?

Б. НОВЫЙ ПЕРІОДЪ.

11. КАНТЕМИРЪ.

САТИРА I.

Къ уму своему.

(На хулящихъ ученія).

Уже недозрѣлый, плодъ недолгой науки!
Покойся, не понуждай къ перу мои руки:
Не писавъ летящи дни вѣка проводити можно,
И славу достать, хоть творцемъ не слыти,
Ведутъ къ ней нетрудные въ нашъ вѣкъ пути многи,
На которыхъ [illegible] не запнутся ноги:
Всѣхъ непріятнѣе тотъ, что босы проклали
Девять сестръ. Многи на немъ силу потеряли,
Не дошедъ; нужно на немъ потѣть и томиться,
И въ тѣхъ трудахъ всякъ тебя, какъ мору, чужится,
Смѣется, гнушается. Кто надъ столомъ гнется,
Пяля на книгу глаза, большихъ не добьется
Палатъ, ни разцвѣченна марморами саду.
Овцы не прибавитъ онъ къ отцовскому стаду.
Правда въ нашемъ молодомъ Монархѣ надежда
Всходитъ Музамъ немала; со стыдомъ невѣжда
Бѣжитъ его. Аполлинъ славы въ немъ защиту
Своей неслабу почулъ, чтяща свою свиту
Видѣлъ его самого и во всемъ обильно
Тщится множить жителей Парнасскихъ онъ сильно:
Но та бѣда, многіе въ Царѣ похваляютъ
За страхъ то, что въ подданномъ дерзко осуждаютъ.
Расколы и ереси науки суть дѣти.
Больше вретъ, кому далось больше разумѣти,
Приходитъ въ безбожіе, кто надъ книгой таетъ,
Критонъ съ четками въ рукахъ ворчитъ и вздыхаетъ,
И проситъ, свята душа, съ горкими слезами
Смотрѣть, сколько сѣмя наукъ вредно между нами:
Дѣти наши, что предъ тѣмъ тихи и покорны
Праотческимъ шли слѣдомъ, къ Божіей проворны
Службѣ, съ страхомъ слушая, что сами не знали,
Теперь къ церкви соблазну Библію честь стали;

Толкуютъ, всему хотятъ знать поводъ, причину,
Мало вѣры подая священному чину;
Потеряли добрый нравъ, забыли пить квасу,
Не прибьешь ихъ палкою къ соленому мясу;
Уже свѣчекъ не кладутъ, постныхъ дней не знаютъ,
Мірскую въ церковныхъ власть рукахъ лишну чаютъ,
Шепча, что тѣмъ, что мірской жизни ужь отстали,
Помѣстья и вотчины весьма не пристали.
Сильванъ другую вину наукамъ находитъ:
Ученіе, говоритъ, намъ голодъ наводитъ:
Живали мы прежъ сего. не зная Латынѣ
Гораздо обильнѣе, чѣмъ мы живемъ нынѣ
Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали,
Перенявъ чужой языкъ, свой хлѣбъ потеряли.
Буде рѣчь моя слаба, буде нѣтъ въ ней чину,
Ни связи, должно ли о томъ тужить дворянину:
Доводъ, порядокъ въ словахъ, подлыхъ то есть дѣло,
Знатнымъ полно подтверждать, или отрицать смѣло.
Съ ума сошелъ, кто души силу и предѣлы
Испытаетъ, кто въ поту томится дни цѣлы,
Чтобъ строй міра и вещей вывѣдать премѣну
Иль причину; глупо онъ лѣпитъ горохъ въ стѣну,
Прирастетъ ли мнѣ съ того день къ жизни, иль въ ящикъ
Хотя грошъ? могу ль чрезъ то узнать, что прикащикъ,
Что дворецкій крадетъ въ годъ? какъ прибавить воду
Въ мой прудъ? какъ бочекъ число съ виннного заводу?
Не умнѣе, кто глаза, полонъ безпокойства,
Коптитъ, печась при огнѣ, чтобъ вызвать рудъ свойства;
Вѣдь не теперь мы твердимъ, что буки, что вѣди;
Можно знать различіе злата, серебра, мѣди.
Травъ, болезней знаніе, голы все то враки;
Глава ль болитъ? тому врачъ ищетъ въ рукѣ знаки;
Всему въ насъ виновна кровь, буде ему вѣру
Дать хощешь. Слабѣемъ ли, кровь тихо чрезмѣру
Течетъ; если спѣшно—жаръ въ тѣлѣ, отвѣтъ смѣло
Даетъ, хотя внутрь никто видѣлъ живо тѣло.
А пока въ басняхъ такихъ время онъ проводитъ,
Лучшій сокъ изъ нашего мѣшка въ его входитъ,
Къ чему звѣздъ теченіе числить, и ни къ дѣлу,
Ни къ стати за однимъ ночь пятномъ не спать цѣлу?
За любопытствомъ однимъ лишаться покою,
Ища, солнце ль движется, или мы съ землею?
Въ часовникѣ можно честь на всякій день года
Числа мѣсяца, и часъ солнечнаго всхода.
Землю въ четверти дѣлить безъ Евклида смыслимъ;
Сколько копѣекъ въ рублѣ безъ Алгебры счислимъ.
Сильванъ одно знаніе слично людямъ хвалитъ,
Что учитъ множить доходъ, и расходы малитъ;
Трудиться въ томъ, съ чего вдругъ карманъ не толстѣетъ
Гражданству вреднымъ весьма безумствомъ звать смѣетъ.
Румяный трожды рыгнувъ, Лука подпѣваетъ:
Наука содружество людей разрушаетъ;

Люди мы къ сообществу Божія тварь стали.
Не въ нашу пользу одну смысла даръ пріяли.
Что же пользы иному, когда я запрусь
Въ чуланъ; для мертвыхъ друзей живущихъ лишуся?
Когда все содружество, вся моя ватага
Будетъ чернило, перо, песокъ да бумага:
Въ весельи, въ пирахъ мы жизнь должны провождати;
И такъ она недолга, на что коротати,
Крушитися надъ книгою, и повреждать очи?
Не лучше ли съ кубкомъ дни погулять и ночи?
Вино даръ божественный, много въ немъ провору;
Дружитъ людей, подаетъ поводъ къ разговору.
Веселитъ, всѣ тяжкія мысли отымаетъ,
Скупость знаетъ облегчать, слабыхъ ободряетъ.
Жестокихъ мягчитъ сердца, угрюмость отводитъ,
Когда по небу сохой бразды водить станутъ,
А съ поверхности земли звѣзды ужъ проглянутъ,
Когда будутъ течь къ ключамъ своимъ быстры рѣки,
И возвратятся назадъ минувшіе вѣки;
Когда въ постъ чернецъ одну ѣсть станетъ вязигу,
Тогда, оставя стаканъ, примуся за книгу,
Медоръ тужитъ, что чрезчуръ бумаги исходитъ
На письмо, на печать книгъ, а ему приходитъ,
Что не въ чемъ ужъ завертѣть завитыя кудри;
Не смѣнитъ на Сенеку онъ фунтъ доброй пудры.
Предъ Егоромъ двухъ денегъ Виргилій не стоитъ,
Рексу, не Цицерону, похвала достоитъ.
Вотъ часть рѣчей, что на всякъ день звенятъ мнѣ въ уши:
Вотъ для чего я, уме, нѣмѣе быть клуши
Совѣтую. Когда нѣтъ пользы, ободряетъ
Къ трудамъ хвала; безъ того сердце унываетъ.
Сколько жъ больше вмѣсто хвалы да хулы терпѣти!
Труднѣй то, нежь пьяницѣ вина не имѣти,
Нежли не славить попу святую недѣлю,
Нежли купцу пиво пить не въ три пуда хмѣлю.
Знаю, что можешь, уме, смѣло мнѣ представить,
Что трудно злонравному добродѣтель славить,
Что щеголь, скупецъ, ханжа, и такимъ подобны
Науку должны хулить,—да рѣчи ихъ злобны
Умнымъ людямъ не уставъ, плюнутъ на нихъ можно.
Изряденъ, хваленъ твой судъ; такъ бы то быть должно,
Да въ нашъ вѣкъ злобныхъ слова умными владѣютъ.
А къ тому жъ не только тѣхъ науки имѣютъ
Недрузей, которыхъ, я, краткости радѣя,
Исчелъ, иль правду сказать, могъ исчесть смѣлѣя.
Полно ль того? Райскихъ вратъ ключари святые,
И имъ же Ѳемисъ вѣски ввѣрила златые
Мало любятъ, чуть не всѣ, истинну украсу.
Епископомъ хощешь быть? уберися въ рясу
Сверхъ той тѣло съ гордостью риза полосата
Пусть прикроетъ, повѣсь цѣпь за шею отъ злата,
Клобукомъ покрой главу, брюхо бородою,
Клюку пышно повели везти предъ тобою,
Въ каретѣ раздувшися, когда сердце съ гнѣву

Трещитъ, всѣхъ благословлять нудь праву и лѣву;
Долженъ архипастыремъ всякъ тя въ сихъ познати
Знакахъ, благоговѣйно отцемъ называти.
Что въ наукѣ! что съ нее пользы Церкви будетъ?
Иной, пиша проповѣдь, выпись позабудетъ,
Отъ чего доходамъ вредъ: а въ нихъ Церкви права
Лучшія основаны, и вся церкви слава.
Хощешь ли судьею стать? вздѣнь парикъ съ узлами,
Брани того, кто проситъ съ пустыми руками,
Твердо сердце бѣдныхъ пусть слезы презираетъ.
Спи на стулѣ, когда дьякъ выписку читаетъ.
Если жъ кто вспомнитъ тебѣ граждански уставы,
Иль естественный законъ, иль народны правы,
Плюнь ему въ рожу; скажи, что вретъ околесну,
Налагая на судей ту тягость несносну,
Что подъячимъ должно лѣзть на бумажны горы,
А судьѣ довольно знать крѣпить приговоры.
Къ намъ не дошло время то, въ коемъ предсѣдала
Надъ всѣмъ мудрость, и вѣнцы одна раздѣляла,
Будучи способъ одна къ высшему восходу.
Златой вѣкъ до нашего не дотягнулъ роду;
Гордость, лѣность, богатство, мудрость одолѣло;
Науку невѣжство мѣстомъ ужъ посѣло
Подъ митрой гордится, то въ шитомъ платьѣ ходитъ,
Судитъ за краснымъ сукномъ, смѣло полки водитъ;
Наука ободрана въ лоскутахъ обшита,
Изо всѣхъ почти домовъ съ ругательствомъ сбита,
Знаться съ нею не хотятъ, бегутъ ея дружбы,
Какъ страдавши на морѣ корабельной службы.
Всѣ кричатъ: ни какой плодъ не видѣнъ съ науки;
Ученыхъ хоть голова полна, пусты руки.
Коли кто карты мѣшать, разныхъ винъ вкусъ знаетъ,
Танцуетъ, на дудочкѣ пѣсни три играетъ;
Смыслитъ искусно прибрать въ своемъ платьѣ цвѣты:
Тому ужъ и въ самые молодыя лѣты
Всякая высша степень мзда ужъ не велика;
Седми мудрецовъ себя достойнымъ мнитъ лика.
Нѣтъ правды въ людяхъ, кричитъ безмозглый церковникъ;
Еще не Епископъ я, а знаю часовникъ,
Псалтырь и посланія бѣгло честь умѣю
Въ Златоустѣ не запнусь, хоть не разумѣю.
Воинъ ропщетъ, что своимъ полкомъ не владѣетъ,
Когда ужъ имя свое подписать умѣетъ.
Писецъ тужитъ, за сукномъ что не сидитъ краснымъ,
Смысля дѣло набѣло списать письмомъ яснымъ.
Обидно себѣ быть, мнитъ, въ незнати старѣти,
Кому въ родѣ семь бояръ случилось имѣти,
И двѣ тысячи дворовъ за собой считаетъ,
Хотя впрочемъ ни читать, ни писать не знаетъ.
Таковы слыша слова и примѣры видя,
Молчи, уме, не скучай въ незнатности сидя.
Безстрашно того житье, хоть и тяжко мнится,
Кто въ тихомъ своемъ углу молчаливъ таится.
Коли что дала ти знать мудрость всеблагая,
Весели тайно себя въ себѣ разсуждая

Пользу наукъ; не ищи, изъясняя тую,
Вмѣсто похвалъ, что ты ждешь, достать
хулу злую.

ЛОМОНОСОВЪ.

(1711—1765).

а) О пользѣ книгъ церковныхъ въ Россійскомъ языкѣ.

Въ древнія времена, когда Славенскій народъ не зналъ употребленія письменно изображать свои мысли, которыя тогда были тѣсно ограничены, для невѣденія ([1]) многихъ вещей и дѣйствій, ученымъ народамъ извѣстныхъ; тогда и языкъ его не могъ изобиловать такимъ множествомъ реченій ([2]) и выраженій разума, какъ нынѣ читаемъ. Сіе богатство больше всего пріобрѣтено купно съ Греческимъ Христіанскимъ закономъ, когда церковныя книги переведены съ Греческаго языка на Славенскій для славословія Божія. Отмѣнная красота, изобиліе, важность и сила Еллинскаго слова, коль высоко почитается, о томъ довольно свидѣтельствуютъ словесныхъ наукъ любители. На немъ, кромѣ древнихъ Гомеровъ, Пиндаровъ, Демосѳеновъ и другихъ въ Еллинскомъ языкѣ Героевъ, витійствовали ([3]) великіе Христіанскія церкви Учители и Творцы, возвышая древнее краснорѣчіе высокими Богословскими догматами и пареніемъ усерднаго пѣнія къ Богу. Ясно сіе видѣть можно, вникнувшимъ въ книги церковныя на Словенскомъ языкѣ, коль много мы отъ переводу ветхаго и новаго завѣта, поученій отеческихъ, духовныхъ пѣсней Дамаскиновыхъ и другихъ творцовъкановъ видимъ въ Славенскомъ языкѣ Греческаго изобилія, и оттуду умножаемъ довольство Россійскаго слова, которое и собственнымъ своимъ достаткомъ велико и къ пріятію Греческихъ красотъ посредствомъ Славенскаго сродно. Правда, что многія мѣста оныхъ переводовъ не довольно вразумительны; однако польза наша весьма велика. При семъ хотя нельзя прекословить, что съ начала переводившіе съ Греческаго языка книги на Славенскій не могли миновать и довольно остеречься, чтобы не принять въ переводъ свойствъ Греческихъ Славенскому языку странныхъ; однако оныя черезъ долготу времени слуху Славенскому перестали быть противны, но вошли въ обычай. И такъ что предкамъ нашимъ казалось невразумительно, то намъ нынѣ стало пріятно и полезно.

Справедливость сего доказывается сравненіемъ Россійскаго языка съ другими ему сродными. Поляки, преклонясь издавна въ Католицкую вѣру, отправляютъ службу, по своему обряду, на Латинскомъ языкѣ, на которомъ ихъ стихи и молитвы сочинены во времена варварскія, по большей части отъ худыхъ авторовъ, и потому ни изъ Греціи, ни отъ Рима не могли снискать подобныхъ преимуществъ, каковы въ нашемъ языкѣ отъ Греческаго пріобрѣтены. Нѣмецкій языкъ по то время былъ убогъ, простъ и безсиленъ, пока въ служеніи употреблялся языкъ Латинскій. Но какъ нѣмецкій народъ сталъ священныя книги читать и службу слушать на своемъ языкѣ, тогда богатство его умножилось и произошли искусные писатели. Напротивъ того въ Католицкихъ областяхъ ([4]), гдѣ только одну Латынь, и то варварскую, въ служеніи употребляютъ, подобнаго успѣха въ чистотѣ Нѣмецкаго языка не находимъ.

Какъ матеріи ([5]), которыя словомъ человѣческимъ изображаются, различе-

([1]) Вслѣдствіе незнанія.
([2]) Словъ.
([3]) Говорили и писали.

([4]) Германіи.
([5]) Содержаніе.

ствуютъ по мѣрѣ разной своей важности; такъ и Россійскій языкъ чрезъ употребленіе книгъ церковныхъ по приличности имѣетъ разныя степени, высокой, посредственной и низкой. Сіе происходитъ отъ трехъ родовъ реченійРоссійскаго языка. Къ первому принадлежатъ, кои хотя обще употребляются мало, а особливо въ разговорахъ; однако всѣмъ грамотнымъ людямъ вразумительны, напримѣръ: отверзаю, Господень, насажденный, взываю. Не употребительныя и весьма обветшалыя отсюда выключаются, какъ: обаваю ([6]) рясны, овогда ([7]) свѣнѣ и симъ подобныя. Ко второму причитаются, которыя у древнихъ Славянъ и нынѣ Россіянъ общеупотребительны напримѣръ: Богъ, слава, рука, нынѣ почитаю. Къ третьему ряду относятся, которыхъ нѣтъ въ остаткахъ Славенскаго языка, то-есть въ церковныхъ книгахъ, напримѣръ: говорю, ручей, которой, пока, лишь. Выключаются отсюда презрѣнныя слова, которыхъ ни въ какомъ штилѣ ([8]) употребить не пристойно, какъ только въ подлыхъ ([9]) комедіяхъ.

Отъ разсудительнаго употребленія и разбору сихъ трехъ родовъ реченій, раждаются три штиля: высокой, посредственной и низкой. Первой составляется изъ реченій Славенороссійскихъ, то-есть, употребительныхъ въ обоихъ нарѣчіяхъ, и изъ Славенскихъ Россіянамъ вразумительныхъ и не весьма обветшалыхъ. Симъ штилемъ составляться должны Героическія Поэмы, Оды, прозаичныя рѣчи о важныхъ матеріяхъ, которымъ они отъ обыкновенной простоты къ важному великолѣпію возвышаются. Симъ штилемъ преимуществуетъ Россійскій языкъ предъ многими нынѣшними Европейскими, пользуясь языкомъ Славенскимъ изъ книгъ церковныхъ.

([6]) Волшебствую.
([7]) Иногда.
([8]) Слогъ.
([9]) Простонародныхъ.

Средней штиль состоять долженъ изъ реченій больше въ Россійскомъ языкѣ употребительныхъ, куда можно принять нѣкоторыя рѣченія Славенскія въ высокомъ штилѣ употребительныя, однако съ великою осторожностію, чтобы слогъ не казался надутымъ. Равнымъ образомъ употребить въ немъ можно низкія слова; однако остерегаться, чтобы не опуститься въ подлость. И словомъ, въ семъ штилѣ должно наблюдать всевозможную равность, которая особливо тѣмъ теряется, когда реченіе Славенское положено будетъ подлѣ Россійскаго простонароднаго. Симъ штилемъ писать всѣ театральныя сочиненія, въ которыхъ требуется обыковенное человѣческое слово къ живому представленію дѣйствія. Однако можетъ и перваго рода штиль имѣть въ нихъ мѣсто, гдѣ потребно изобразить геройство и высокія мысли; въ нѣжностяхъ должно отъ того удаляться. Стихотворныя дружескія письма, сатиры, еклоги и елегіи сего штиля больше должны держаться. Въ прозѣ предлагать имъ пристойно описанія дѣлъ достопамятныхъ и ученій благородныхъ.

Низкой штиль принимаетъ реченія третьяго рода, то-есть которыхъ нѣтъ въ Славенскомъ діалектѣ, смѣшивая со средними, а отъ Славенскихъ обще неупотребительныхъ вовсе удаляться, по пристойности матерій, каковы суть комедіи, увеселительныя епиграмы, пѣсни; въ прозѣ дружескія письма, описанія обыкновенныхъ дѣлъ. Простонародныя низкія слова могутъ имѣть въ нихъ мѣсто по разсмотрѣнію. Но всего сего подробное показаніе надлежитъ до нарочнаго ([10]) наставленія о чистотѣ Россійскаго штиля.

Сколько въ высокой Поэзіи служатъ однѣмъ реченіемъ Славенскимъ сокращенныя мысли, какъ причастіями и дѣепричастіями, въ обыкновенномъ Россійскомъ языкѣ употребительными; то

([10]) Особеннаго.

всякъ чувствовать можетъ, кто въ сочиненіи стиховъ испыталъ свои силы.

Сія польза наша, что мы пріобрѣли отъ книгъ церковныхъ богатство къ сильному изображенію идей важныхъ и высокихъ, хотя велика; однако еще находимъ другія выгоды, каковыхъ лишены многіе языки, и сіе во первыхъ по мѣсту.

Народъ Россійской по великому пространству обитающій, не взирая на дальное разстояніе, говоритъ повсюду вразумительнымъ другъ другу языкомъ въ городахъ и въ селахъ. Напротивъ того, въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ, напримѣръ, въ Германіи, Баварской крестьянинъ мало разумѣетъ Мекленбурскаго, или Бранденбургской Швабскаго, хотя всѣ того жъ Нѣмецкаго народа.

Подтверждается вышепомянутое наше преимущество живущими за Дунаемъ народами Славенскаго поколѣнія, которые Греческаго исповѣданія держатся. Ибо хотя раздѣлены отъ насъ иноплеменными языками; однако для употребленія Славенскихъ книгъ церковныхъ говорятъ языкомъ, Россіянамъ довольно вразумительнымъ, который весьма много съ нашимъ нарѣчіемъ сходнѣе, нежели Польской, не взирая на безразрывную нашу съ Польшею пограничность.

По временижь, разсуждая, видимъ, что Россійскій языкъ отъ владѣнія Владимирова до нынѣшняго вѣку, больше семи сотъ лѣтъ, не столько отмѣнился, ([13]) чтобы стараго разумѣть не можно было: не такъ какъ многіе народы не учась не разумѣютъ языка, которымъ предки ихъ за четыреста лѣтъ, писали, ради великой его перемѣны случившейся черезъ то время.

Разсудивъ таковую пользу отъ книгъ церковныхъ Славенскихъ въ Россійскомъ языкѣ, всѣмъ любителямъ отечественнаго слова безпристрастно объявляю, и дружелюбно совѣтую, увѣрясь собственнымъ своимъ искусствомъ, дабы съ прилежаніемъ читали всѣ церковныя книги, отъ чего къ общей и къ собственной пользѣ воспослѣдуетъ: 1) По важности ([14]) освященнаго мѣста церкви Божіей, и для древности чувствуемъ къ себѣ къ Славенскому языку нѣкоторое особливое почитаніе, чѣмъ великолѣпныя сочинитель мысли сугубо ([15]) возвыситъ. 2) Будетъ всякъ умѣть разбирать высокія слова отъ подлыхъ, и употреблять ихъ въ приличныхъ мѣстахъ по достоинству предлагаемой матеріи, наблюдая равность слога. 3) Такимъ старательнымъ и осторожнымъ употребленіемъ сроднаго намъ кореннаго Славенскаго языка купно съ Россійскимъ, отвратятся дикія и странныя слова нелѣпости, входящія къ намъ изъ чужихъ языковъ, заимствующихъ себѣ красоту изъ Греческаго, и то еще чрезъ Латинской. Оныя неприличности нынѣ небреженіемъ чтенія книгъ церковныхъ вкрадываются къ намъ нечувствительно, искажаютъ собственную красоту нашего языка, подвергаютъ его всегдашней перемѣнѣ, и къ упадку преклоняютъ. Сіе все показаннымъ способомъ пресѣчется, и Россійской языкъ въ полной силѣ, красотѣ и богатствѣ перемѣнамъ и упадку не подверженъ утвердится, коль долго церковь Россійская славословіемъ Божіимъ на Славенскомъ языкѣ украшаться будетъ.

Сіе краткое напоминаніе довольно ([16]) къ движенію ревности въ тѣхъ, которые къ прославленію Отечества природнымъ языкомъ усердствуютъ, вѣдая, что съ паденіемъ онаго безъ искусныхъ въ немъ писателей, не мало затмится слава всего народа. Гдѣ древній языкъ Ишпанской, Галской, Британской и другіе съ дѣлами оныхъ народовъ: Не упоминаю о тѣхъ, которые въ прочихъ

([13]) Измѣнился.

([14]) Вслѣдствіе важности.

([15]) Вдвойнѣ.

([16]) Достаточно.

частяхъ свѣту у безграмотныхъ жителей во многіе вѣки чрезъ преселенія и войны разрушились. Бывали и тамъ Герои, бывали отмѣнныя ([17]) дѣла въ обществахъ, бывали чудныя въ натурѣ явленія; но всѣ въ глубокомъ невѣденіи погрузились. Горацій говоритъ:

Герои были до Атрида;
Но древность скрыла ихъ отъ насъ:
Что ([18]) дѣлъ ихъ не оставилъ вида
Безсмертный стихотворцевъ гласъ.

Счастливцы Греки и Римляне передъ всѣми древними Европейскими народами. Ибо хотя ихъ владѣнія разрушились, и языки изъ общенароднаго употребленія вышли; однако изъ самыхъ развалинъ сквозь дымъ, сквозь звуки въ отдаленныхъ вѣкахъ, слышенъ громкой голосъ писателей, проповѣдающихъ дѣла своихъ Героевъ, которыхъ любленіемъ и прокровительствомъ ободрены были превозносить ихъ купно съ отечествомъ, Послѣдовавшіе поздные потомки, великою древностію и разстояніемъ лѣтъ отдѣленные, внимаютъ имъ съ такимъ-же движеніемъ сердца, какъ бы ихъ современные одноземцы, Кто о Гекторѣ и Ахиллесѣ читаетъ у Гомера безъ рвенія? Восможно ли безъ гнѣва слышать Цицероновъ громъ на Катилину? Возможно ли внимать Горацієвой Лирѣ, не склонясь духомъ къ Меценату, равно какъ бы онъ нынѣшнимъ наукамъ былъ покровитель? Подобное счастіе оказалось нашему Отечечству отъ просвѣщенія Петрова, и дѣйствительно настало и оставалось щедротою Великія Его Дщери. Ею ободренныя въ Россіи словесныя науки не дадутъ никогда придти въ упадокъ Россійскому слову. Станутъ читать самые отдаленные вѣки великія дѣла Петрова и Елисаветина вѣку, и равно какъ мы, чувствовать сердечныя движенія. Какъ не быть нынѣ Виргиліямъ и Гораціямъ! Царствуетъ Августа Елисавета; имѣетъ знатныхъ и Меценату подобныхъ предстателей, чрезъ которыхъ ходатайство Ея Отеческій градъ снабдѣнъ ([19]) новыми проращеніями наукъ и художествъ. Великая Москва, ободренная пѣніемъ новаго Парнасса ([20]), веселится своимъ симъ украшеніемъ, и показываетъ оное всѣмъ городамъ Россійскимъ какъ вѣчной залогъ усердія къ отечеству своего Основателя, на котораго доброе попеченіе и усердное предстательство твердую надежду полагаютъ Россійскія музы о высочайшемъ покровительствѣ.

([17]) Отличныя.
([18]) Потому что.
([19]) Снабженъ.
([20]) Московскаго университета.

б. Изъ похвальнаго слова Императрицѣ Елисаветѣ (1749).

приступъ.

Естьлибы въ сей пресвѣтлый праздникъ, слушатели, въ который подъ благословенною державою всемилостивѣйшія Государыни нашея покоящіеся многочисленные народы торжествуютъ и веселятся о сладчайшемъ Ея имени, возможно было намъ радостію восхищеннымъ вознестись до высоты толикой, съ которой бы могли мы обозрѣть обширность пространнаго Ея владычества, и слышать отъ восходящаго до заходящаго солнца безпрерывно простирающіяся восклицанія и воздухъ наполняющія именованіемъ Елисаветы; коль красное, коль великолѣпное, коль радостное позорище намъ бы открылось! Коль многоразличными празднующихъ видами духъ бы нашъ возвеселился, когда бы мы себѣ чувствами представили, что во градѣхъ, крѣпче миромъ, нежели стѣнами огражденныхъ, въ селахъ обильною жатвою благословенныхъ, при моряхъ отъ военной бури и шума свободныхъ, на рѣкахъ изобиліемъ протекающихъ между веселящимися брегами, въ

поляхъ довольствомъ и безопасностію украшенныхъ, на горахъ, верьхи свои благополучіемъ выше возносящихъ, и на холмахъ, радостію препоясанныхъ, разные обитатели разными образы, разные чины, разнымъ великолѣпіемъ, разныя племена разными языками, едину превозносятъ, о единой веселятся, единою всемилостивѣйшею своею Самодержицею хвалятся! Тамъ со благоговѣніемъ предстоя олтарю Господню чинъ священный съ куреніемъ благоуханій возвышаетъ молитвенные гласы и сердце свое къ Богу о покрывающей и украшающей церьковь его въ тишинѣ глубокой; индѣ при радостномъ звукѣ мирнаго оружія достигаютъ до облаковъ торжественные плески россійскаго воинства, показующаго свое усердіе къ благополучной и щедрой своей Государынѣ. Тамъ сошедшись на праздничное пиршество градоначальники и граждане въ любовной бѣсѣдѣ воспоминаютъ труды Петровы; индѣ по совершеніи жатвы при собранныхъ безмятежно рукоятѣхъ ликуя скачутъ земледѣльцы, и простымъ, но усерднымъ пѣніемъ Покровительницу свою величаютъ. Тамъ плаватели достигая безопаснаго пристанища, въ радости волненіе воспоминаютъ, и пестрые знаки празднества надъ колеблющимися водами распростираютъ; индѣ по пространнымъ полямъ Азійскимъ разъѣжая степные обитатели, хитрымъ искусствомъ стрѣлы свои весело пускаютъ, и показуютъ, коль они готовы устремить ихъ на враговъ своея повелительницы. Но хотя естественные предѣлы силъ человѣческихъ не дозволяютъ радостному взору нашему до толикаго возвышенія достигнуть, и толикимъ зрѣніемъ насладиться; однако духомъ возносимся, ревностными крилами мыслей возлетаемъ и всеобщія увеселенія повсюду видимъ умными очами, которыя наипаче къ древнему царствующему граду вожделѣннымъ присутствіемъ всепресвѣтлѣйшія Государыни нашея осіянному простираются. Часто мысленный взоръ нашъ, обозрѣвъ разные торжествъ образы, благословенное ея владѣніе въ день сей украшающіе, на пресвѣтлое Ея лице обращается и разсѣянныя повсюду увеселенія на немъ единомъ находитъ. На немъ истинное благочестіе веселящее церковь, на немъ мужественную бодрость укрѣпляющую воинство, на немъ кроткое правосудіе примѣръ судящимъ и отраду судимымъ дающее, на немъ прозорливую премудрость на отдаленныя мѣста и на грядущія времена взирающую, ясно и въ отсутствіи сіяющія видимъ, и равно какъ въ присутствіи благоговѣйно почитаемъ. Но кто ревностнымъ усердія зрѣніемъ яснѣе оный видитъ, какъ сіе для распространенія наукъ въ Россіи Петромъ Великимъ установленное общество, несказаннымъ Ея великодушіемъ обновленное? Начертаннаго въ душахъ нашихъ божественнаго Ея зрака ни горы ни лѣсы закрыть не могутъ. Обращаются предъ нами живо Ея сладчайшія уста, повелѣвающія насъ возставить, и очи человѣколюбно къ намъ сіяющія, и щедрая рука подписующая благополучіе наше. Ободрить начинающіяся науки, нещадя своихъ сокровищъ; утвердить ихъ благосостояніе, предписавъ полезные законы; оградить своею милостію, принявъ въ собственное свое покровительство; отворить имъ къ себѣ свободный доступъ, поручивъ ихъ доброхотному Представителю изъ своихъ ближайшихъ, есть толь великое благодѣяніе, которое въ мысляхъ и сердцахъ нашихъ во вѣки неизгладимо пребудетъ, и за которое мы по всей возможности и силѣ нашей стараясь о приращеніи наукъ, и превозноси великую Благодѣтельницу похвалами, дѣломъ и словомъ благодареніе приносить должны.

Но когда наипаче къ изъявленію благодарности нашей должно быть намъ возбужденнымъ, какъ въ сей торжественный день пресвѣтлому Ея Тезоименитству посвященный, въ который съ нашимъ особливымъ веселіемъ общее празднество соединяется! Не можетъ

неописанная радость наша въ тѣсныхъ предѣлахъ сердца нынѣ удержаться, но на лице и на языкъ изливается. Напрягаются крайнія силы разума и слова изобразить Монаршескія Ея добродѣтели, увеселеніе подданныхъ, удивленіе свѣту, славу и украшеніе временъ нашихъ.

в. Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ, при случаѣ великаго сѣверкаго сіянія.

Лице свое скрываетъ день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы черна тѣнь;
Лучи отъ насъ склонилис прочь;
Открылась бездна звѣздъ полна;
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна.
Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
Какъ мала искра въ вѣчномъ льдѣ,
Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ:
Такъ я, въ сей безднѣ углубленъ,
Теряюсь, мысльми утомленъ!
Уста премудрыхъ намъ гласятъ:
Тамъ разныхъ множество свѣтовъ;
Несчетны солнцы тамъ горятъ;
Народы тамъ, и кругъ вѣковъ;
Для общей славы Божества,
Тамъ равна сила естества.
Но гдѣ-жъ натура твой законъ?
Съ полночныхъ странъ встаетъ заря!
Не солнце-ль ставитъ тамъ свой тронъ?
Не льдисты-ль мещутъ огнь моря?
Се хладный пламень насъ покрылъ!
Се въ ночь на землю день вступилъ!
О вы, которыхъ быстрый зракъ
Пронзаетъ въ книгу вѣчныхъ правъ,
Которымъ малой вещи знакъ
Являетъ естества уставъ,—
Вамъ путь извѣстенъ всѣхъ планетъ:
Скажите, что насъ такъ мятетъ?
Что зыблетъ ясный ночью лучъ?
Что тонкій пламень въ твердь разитъ?
Какъ молнія безъ грозныхъ тучъ
Стремится отъ земли въ зенитъ!
Какъ можетъ быть, чтобъ мерзлый паръ
Среди зимы рождалъ пожаръ!
Тамъ споритъ жирна мгла съ водой,
Иль солнечны лучи блестятъ,
Склонясь сквозь воздухъ къ намъ густой;
Иль тучныхъ водъ верхи горятъ;
Иль въ морѣ дуть престалъ зефиръ,
И гладки волны бьютъ въ ефиръ.
Сомнѣній полонъ вашъ отвѣтъ
О томъ, что окрестъ ближнихъ мѣстъ:
Скажите-жъ коль пространенъ свѣтъ?
И что малѣйшихъ далѣ звѣздъ?
Несвѣдомъ тварей намъ конецъ:
Скажите-жъ, коль великъ Творецъ?

г. На день восшествія на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны.

Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство селъ, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ
И класы на поляхъ желтѣютъ;
Сокровищъ полны корабли
Дерзаютъ въ море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.
Великое свѣтило міру,
Блистая съ вѣчной высоты
На бисеръ, злато и порфиру,
На всѣ земныя красоты,
Во всѣ страны свой взоръ возводитъ;
Но краше въ свѣтѣ не находитъ
Елисаветы и тебя.
Ты кромѣ той всего превыше,
Душа Ея зефира тише,
И зракъ прекраснѣе рая.
Когда на тронъ Она вступила,
Какъ Вышній подалъ Ей вѣнецъ:
Тебя въ Россію возвратила,
Войнѣ поставила конецъ;
Тебя пріявъ облобызала:
Мнѣ полно тѣхъ побѣдъ, сказала,
Для коихъ крови льется токъ.
Я Россовъ счастьемъ услаждаюсь,
Я ихъ спокойствомъ не мѣняюсь
На цѣлый западъ и востокъ.
Божественнымъ устамъ приличенъ,
Монархиня, сей кроткій гласъ:

О коль достойно возвеличенъ
Сей день и тотъ блаженный часъ,
Когда отъ радостной премѣны
Петровы возвышали стѣны
До звѣздъ плесканіе и кликъ!
Когда ты крестъ несла рукою
И на престолъ взвела съ собою
Добротъ твоихъ прекрасный ликъ!
Чтобъ слову съ оными сравняться,
Достатокъ силы нашей малъ;
Но мы не можемъ удержаться
Отъ пѣнія твоихъ похвалъ.
Твои щедроты ободряютъ
Нашъ духъ и къ бѣгу устремляютъ,
Какъ въ понтъ пловцу способный вѣтръ
Чрезъ яры волны порываетъ,
Онъ брегъ съ весельемъ оставляетъ;
Летитъ корма межъ водныхъ нѣдръ.
Молчите пламенные звуки,
И колебать престаньте свѣтъ:
Здѣсь въ мирѣ расширять науки
Изволила Елисаветъ.
Вы, наглы вихри, не дерзайте
Ревѣть, но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена.
Въ безмолвіи внимай вселенна:
Се хощетъ лира вдохновенна
Гласить велики имена.
Ужасный чудными дѣлами
Зиждитель міра искони
Своими положилъ судьбами
Себя прославить въ наши дни:
Послалъ въ Россію человѣка,
Каковъ не слыханъ былъ отъ вѣка.
Сквозь всѣ препятства онъ вознесъ
Главу побѣдами вѣнчанну,
Россію варварствомъ попранну
Съ собой возвысилъ до небесъ.
Въ поляхъ кровавыхъ Марсъ страшился,
Свой мечъ въ Петровыхъ зря рукахъ,
И съ трепетомъ Нептунъ чудился,
Взирая на россійскій флагъ.
Въ стѣнахъ внезапно укрѣпленна
И зданіями окруженна
Сомнѣнная Нева рекла:
Иль я нынѣ позабылась
И съ онаго пути склонилась,
Которымъ прежде я текла?
Тогда божественны науки
Чрезъ горы, рѣки и моря,
Въ Россію простирали руки,
Къ сему Монарху говоря:
Мы съ крайнимъ тщаніемъ готовы
Подать въ россійскомъ родѣ новы
Чистѣйшаго ума плоды.
Монархъ къ себѣ ихъ призываетъ,
Уже Россія ожидаетъ
Полезны видѣть ихъ труды.
Но, ахъ жестокая судьбина!
Безсмертія достойный мужъ,
Блаженства нашего причина,
Къ несносной скорби нашихъ душъ,
Завистливымъ отторженъ рокомъ,
Насъ въ плачѣ погрузилъ глубокомъ!
Внушивъ рыданій нашихъ слухъ,
Верхи парнасски возстенали,
И музы воплемъ провождали
Въ небесну дверь пресвѣтлый духъ.
Въ толикой праведной печали
Сомнѣнный ихъ смущался путь:
И токмо шествуя желали
На гробъ и на дѣла взглянуть.
Но кроткая Екатерина,
Отрада по Петрѣ едина,
Пріемлетъ щедрой ихъ рукой.
Ахъ, еслибъ жизнь ея продлилась,
Давно бъ Севкана постыдилась
Съ своимъ искуствомъ предъ Невой!
Какая свѣтлость окружаетъ
Въ толикой горести Парнассъ?
О коль согласно тамъ бряцаетъ
Пріятныхъ струнъ сладчайшій гласъ!
Всѣ холмы покрываютъ лики;
Въ долинахъ раздаются клики;
Великая Петрова дщерь,
Щедроты отчи превышаетъ,
Довольство музъ усугубляетъ,
И къ счастью отверзаетъ дверь.
Великой похвалы достоинъ,
Когда число своихъ побѣдъ
Сравнить сраженьемъ можетъ воинъ,
И въ полѣ весь свой вѣкъ живетъ:
Но ратники, ему подвластны,
Всегда хвалы его причастны,
И шумъ въ полкахъ со всѣхъ сторонъ
Звучащу славу заглушаетъ,
И грому трубъ ея мѣшаетъ
Плачевный побѣжденныхъ стонъ.
Сія тебѣ единой слава,

Монархиня, принадлежитъ,
Пространная твоя держава,
О какъ тебѣ благодарить!
Воззри на горы превысоки!
Воззри въ поля свои широки,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, гдѣ Обь течетъ:
Богатство въ оныхъ потаенно
Наукой будетъ откровенно,
Что щедростью твоей цвѣтетъ.
Толикое земель пространство
Когда Всевышній поручилъ
Тебѣ въ счастливое подданство,
Тогда сокровища открылъ,
Какими хвалится Индія:
Но требуетъ къ тому Россія
Искуствомъ утвержденныхъ рукъ,
Сіе злату очиститъ жилу;
Почувствуютъ и камни силу
Тобой возставленныхъ наукъ.
Хотя всегдашними снѣгами
Покрыта сѣверна страна,
Гдѣ мерзлыми Борей крылами
Твои взвѣваетъ знамена;
Но Богъ межъ льдистыми горами
Великъ своими чудесами:
Тамъ Лена чистой быстриной,
Какъ Нилъ народы напояетъ
И бреги наконецъ теряетъ,
Сравнившись морю шириной.
Коль многи смертнымъ неизвѣстны
Творитъ натура чудеса,
Гдѣ густостью животнымъ тѣсны
Стоятъ глубокіе лѣса,
Гдѣ въ роскоши прохладныхъ тѣней
На паствѣ скачущихъ еленей
Ловящихъ крикъ не разгонялъ;
Охотникъ гдѣ не мѣтилъ лукомъ;
Сѣкирнымъ земледѣлецъ стукомъ
Поющихъ птицъ не устрашалъ.
Широкое открыто поле,
Гдѣ музамъ путь свой простирать!
Твоей великодушной волѣ
Что можетъ за сіе воздать?
Мы даръ твой до небесъ прославимъ,
И знакъ щедротъ твоихъ поставимъ,
Гдѣ солнца всходъ и гдѣ Амуръ
Въ зеленыхъ берегахъ крутится,
Желая паки возвратиться
Въ твою державу отъ Манжуръ.
Се мрачной вѣчности запону
Надежда отверзаетъ намъ!
Гдѣ нѣтъ ни правилъ, ни закону,
Премудрость тамо зиждетъ храмъ;
Невѣжество предъ ней блѣднѣетъ.
Тамъ влажный флота путь бѣлѣетъ
И море тщится уступить!
Колумбъ россійскій черезъ воды
Спѣшитъ въ невѣдомы народы
Твои щедроты возвѣстить.
Тамъ тьмою острововъ посѣянъ,
Рѣкѣ подобенъ океанъ;
Небесной синевой одѣянъ,
Павлина посрамляетъ вранъ.
Тамъ тучи разныхъ птицъ летаютъ,
Что пестротою превышаютъ
Одежду нѣжныя весны;
Питаясь въ рощахъ ароматныхъ,
И плавая въ струяхъ пріятныхъ,
Не знаютъ строгія зимы.
И се Минерва ударяетъ
Въ верьхи рифейски копіемъ,
Сребро и злато истекаетъ
Во всемъ наслѣдіи твоемъ.
Плутонъ въ разсѣлинахъ мятется,
Что Россамъ въ руки предается
Драгой его металлъ изъ горъ,
Который тамъ натура скрыла;
Отъ блеску дневнаго свѣтила
Онъ мрачный отвращаетъ взоръ.
О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ,
О ваши дни благословенны!
Дерзайте нынѣ ободренны
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля раждать.
Науки юношей питаютъ,
Отраду старымъ подаютъ,
Въ счастливой жизни украшаютъ,
Въ несчастный случай берегутъ;
Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха,
И въ дальнихъ странствахъ не помѣха,
Науки пользуютъ вездѣ:
Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шуму и на единѣ;
Въ покоѣ сладки и въ трудѣ.
Тебѣ, о милости источникъ,

О Ангелъ мирныхъ нашихъ лѣтъ!
Всевышній на того помощникъ,
Кто гордостью своей дерзнетъ,
Завидя нашему покою,
Противъ тебя возстать войною.
Тебя Зиждитель сохранитъ
Во всѣхъ путяхъ безпретвновенну,
И жизнь твою благословенну
Съ числомъ щедрость твоихъ сравнитъ.

д. Изъ письма къ Шувалову о пользѣ стекла (1752).

Неправо о вещахъ тѣ думаютъ, Шуваловъ,
Которые Стекло чтутъ ниже минераловъ,
Приманчивымъ лучомъ блистающихъ въ глаза.
Не меньше польза въ немъ, не меньше въ немъ краса.
Нерѣдко я для той съ Парнасскихъ горъ спускаюсь,
И нынѣ отъ нея на верьхъ ихъ возвращаюсь,
Пою передъ тобой въ восторгѣ похвалу,
Не камнямъ дорогимъ, не злату, но Стеклу.
И какъ я оное хваля воспоминаю,
Неложность лживаго я щастья представляю.
Не должно тлѣнности примѣромъ тое быть,
Чего и сильный огнь не можетъ разрушить,
Другихъ вещей земныхъ конечный раздѣлитель:
Стекло имъ рождено; огонь его родитель,
Съ натурой нѣкогда онъ произвесть хотя
Достойное себя и оныя дитя,
Во мрачной глубинѣ, подъ тягостью земною,
Гдѣ вѣчно онъ живетъ и борется съ водою,
Всѣ силы собралъ вдругъ и хляби затворилъ,
Въ которы Океанъ на брань къ нему входилъ.
Напрягся мышцами и рамена подвигнулъ,
И тяготу земли превыше облакъ вскинулъ.
Внезапно черный дымъ навелъ густую тѣнь,
И въ ночь ужасную перемѣнился день.
Не баснотворнаго здѣсь ради Геркулеса
Двѣ ночи сложены въ единѣ отъ Завеса;
Но Етна правдѣ сей свидѣтель вѣчный намъ,
Которая дала путь чудный симъ родамъ,
Изъ ней разженная рѣка текла въ пучину,
И свѣтъ отчаясь, мнилъ, что зритъ свою судьбину!
Но ужасу тому послѣдовалъ конецъ:
Довольна чадомъ мать, доволенъ имъ отецъ.
Прогнали долгу ночь и жаръ свой погасили,
И солнцу ясному рожденіе открыли.
Но что жъ отъ нѣдръ земныхъ родясь произошло?
Любезное дитя, прекрасное Стекло.

Когда неистовой свирѣпствуя Борей,
Стѣсняетъ мразомъ насъ въ упругости своей;
Великой не терпя и строгой перемѣны,
Скрываетъ человѣкъ себя въ толстыя стѣны.
Онъ былъ бы принужденъ безъ свѣту въ нихъ сидѣть,
Или съ дрожаніемъ несносной хладъ терпѣть.
Но солнечны лучи онъ сквозь Стекло впускаетъ,
И лютость холода чрезъ то же отвращаетъ.
Отворенному вдругъ и запертому быть,
Не то ли мы зовемъ, что чудеса творить?

Хоть острымъ взоромъ насъ природа одарила,
Но близокъ онаго конецъ имѣетъ сила.
Кромѣ, что въ далекѣ не кажетъ намъ вещей,

И собранныхъ трубой онъ требуетъ лучей,
Коль многихъ тварей онъ еще не досягаетъ,
Которыхъ малый ростъ предъ нами сокрываетъ!
Но въ нынѣшнихъ вѣкахъ намъ Микроскопъ открылъ,
Что̀ Богъ въ невидимыхъ животныхъ сотворилъ!
Коль тонки члены ихъ, составы, сердце, жилы,
И нервы, что хранятъ въ себѣ животны силы!
Не меньше нежели въ пучинѣ тяжкій Китъ,
Насъ малый червь частей сложеніемъ дивитъ.
Великъ Создатель нашъ въ огромности небесной!
Великъ въ строеніи червей, скудели тѣсной!
Стекломъ познали мы толики чудеса,
Чѣмъ онъ наполнилъ понтъ, и воздухъ, и лѣса.
Прибавивъ ростъ вещей, оно, коль намъ потребно,
Являетъ травъ разборъ, и знаніе врачебно.
Коль много Микроскопъ намъ тайностей открылъ,
Невидимыхъ частицъ и тонкихъ въ тѣлѣ жилъ!
Но что еще? Уже въ Стеклѣ намъ Барометры
Хотятъ предвозвѣщать, коль скоро будутъ вѣтры,
Коль скоро дождь густой на нивахъ зашумитъ,
Иль облаки прогнавъ, ихъ солнце осушитъ.
Надежда наша въ томъ обманами не льстится.
Стекло поможетъ намъ, и дѣло совершится.
Открылись точно имъ движенія свѣтилъ:
Чрезъ тожъ откроется въ погодахъ разность силъ.
Коль могутъ щастливы селяне быть отъ толь,
Когда не будетъ зной, ни дождь опасенъ въ полѣ!
Какой способности дать должно кораблямъ,
Узнавъ, когда шумѣть или молчать волнамъ,
И плавать по морю безбѣдно и спокойно!
Велико дѣло въ семъ и горъ златыхъ достойно!

е. Письма къ И. И. Шувалову.

1.

Милостивый Государь Иванъ Ивановичъ! Милостивое Вашего Превосходительства меня письмомъ напоминовеніе увѣряетъ къ великой моей радости о непремѣнномъ Вашемъ ко мнѣ снисходительствѣ, которое я черезъ много лѣтъ за великое между моими благополучіями получаю. Высочайшая щедрота несравненныя Монархини нашея, которую я Вашимъ отеческимъ предстательствомъ имѣю, можетъ ли меня отвести отъ любленія и усердія къ наукамъ, когда меня крайняя бѣдность, которую я для наукъ терпѣлъ добровольно, отвратить не умѣла. Не примите В. Пр-во мнѣ въ самохвальство, что я въ свое защищеніе представить смѣлость принимаю. Обучаясь въ Спасскихъ школахъ, имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія, которыя въ тогдашнія лѣта почти непреодолѣнную силу имѣли. Съ одной стороны отецъ, никогда дѣтей кромѣ меня не имѣя, говорилъ, что я, будучи одинъ, его оставилъ, оставилъ все довольство (по тогдашнему состоянію), которое онъ для меня кровавымъ потомъ нажилъ, и которое послѣ его смерти чужія расхитятъ. Съ другой стороны несказанная бѣдность: имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья, нельзя было имѣть на пропитаніе въ день больше, какъ на денежку хлѣба и на денежку

квасу, протчее на бумагу, на обувь и другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ, и наукъ не оставилъ. Съ одной стороны пишутъ, что зная моего отца достатки, хорошіе тамошніе люди дочерей своихъ за меня выдадутъ, которые и въ мою тамъ бытность предлагали; съ другой стороны школьники малые ребята кричатъ и перстами указываютъ: смотрите какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришелъ латинѣ учиться! послѣ того вскорѣ взятъ я въ Санктпетербургъ и посланъ за море и жалованье получалъ противъ прежняго въ сорокъ разъ. Оно меня отъ наукъ не отвратило; но по пропорціи своей умножило охоту, хотя силы мои предѣлъ имѣютъ. Я всепокорнѣйше прошу В. Пр. въ томъ быть обнадежену, что я всѣ свои силы употреблю, чтобы тѣ, которые мнѣ отъ усердія велятъ быть предосторожну, были обо мнѣ беспечальны; а тѣ, которые изъ недоброхотной зависти толкуютъ, посрамлены бы въ своемъ неправомъ мнѣніи были, и знать бы научились, что они своимъ аршиномъ чужихъ силъ мѣрить не должны, и помнили бъ, что музы.... кого хотятъ, того и полюбятъ. Ежели кто еще въ такомъ мнѣніи; что ученой человѣкъ долженъ быть бѣденъ, тому я предлагаю въ примѣръ съ его стороны Діогена, которой жилъ съ собаками въ бочкѣ, и своимъ землякамъ оставилъ нѣсколько остроумныхъ шутокъ для умноженія ихъ гордости, а съ другой стороны Невтона, богатаго Лорда Бойла, которой всю свою славу въ наукахъ получилъ употребленіемъ великой суммы; Волфа, которой лекціями и подарками нажилъ больше пятисотъ тысячъ и сверхъ того баронство; Слоана въ Англіи, которой послѣ себя такую библіотеку оставилъ, что никто приватно не былъ въ состояніи купить, и для того Парламентъ далъ за нее двадцать тысячъ фунтовъ Штерлинговъ. По приказанію Вашему все исполнить не премину, съ глубокимъ высокопочитаніемъ... и пр. (1753 мая 10-го дня).

2.

Полученное вчерашнаго числа отъ 24 мая письмо Вашего Прев., въ которомъ я чувствую непремѣнной знакъ особенной Вашей ко мнѣ милости премного меня обрадовало; особливо тѣмъ, что Вы объявить изволили свое удостовѣреніе о томъ, что я наукъ никогда не оставлю. Въ разсужденіи другихъ не имѣю я никакого особливаго удивленія, за тѣмъ, что они имѣютъ примѣры въ нѣкоторыхъ людяхъ, которые только лишь себѣ путь къ щасгію ученіемъ отворили, въ тотъ часъ къ дальнѣйшему происхожденію другія дороги приняли и способы изыскали, а науки почти совсѣмъ оставили, имѣя у себя патроновъ, которые у нихъ мало или и ничего не спрашиваютъ, и не какъ Ваше Пр. въ разсужденіи мння дѣлъ требуете, довольствуются только однѣмъ ихъ именемъ. Въ помянутыхъ оставившихъ въ своемъ щастіи ученіе людяхъ весьма ясно видѣть можно, что они только одно почти знаютъ, что въ малолѣтствѣ изъ подъ лозы выучились, а будучи въ своей власти, почти никакова знанія больше не присовокупили. Я напротивъ того (позвольте, Мил. Гос. не ради тщеславія, но ради моего оправданія объявить истину) имѣючи отца хотя по натурѣ добраго человѣка, однако въ крайнемъ невѣжествѣ воспитаннаго, и злую и завистливую мачиху, которая всячески старалась произвести гнѣвъ въ отцѣ моемъ, представляя, что я всегда сижу по пустому за книгами. Для того многократно я принужденъ былъ читать и учиться, чему возможно было, въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ, и терпѣть стужу и голодъ, пока я ушолъ въ Спасскія школы. Нынѣ имѣя къ тому по высочайшей Ея Имп. Величества милости совершенное довольство, Вашимъ отеческимъ предстательствомъ, и трудовъ моихъ одобреніе Ваше и другихъ знателей и любителей наукъ, и почти общее въ нихъ удовольствіе, и наконецъ уже не дѣтское несовершен-

наго возраста разсужденіе, могу ли я нынѣ въ моемъ мужествѣ дать себя посрамить предъ моимъ дѣтствомъ. Однако перестаю сими представленіями утруждать Вашу терпѣливость, вѣдая Ваши справедливыя мнѣнія. И ради того доношу Вашему Пр. о томъ, что похвальная Ваша къ наукамъ охота требуетъ. Во первыхъ, что до електрической силы надлежитъ, то взысканы здѣсь два особливые опыта весьма недавно, одинъ господиномъ Рихманомъ чрезъ машину, а другой мною въ тучѣ; первой, что Мушенброковъ опытъ съ сильнымъ ударомъ можно переносить съ мѣста на мѣсто, отдѣляя отъ машины въ знатное разстояніе около цѣлой версты; чему описаніе и рисунокъ при семъ сообщаю. Второе я примѣтилъ у своей громовой машины, 25 числа сего Апрѣля, что безъ грому и молніи, чтобы слышать или видѣть можно было, нитка отъ желѣзнаго прута отходила и за рукою гонялась; а въ 28 число того же мѣсяца при прохожденіи дождеваго облака безъ всякаго чувствительнаго грому и молніи, происходили отъ громовой машины сильные удары съ ясными искрами и съ трескомъ издалека слышнымъ: что еще нигдѣ не примѣчено, и съ моею давнею теоріею о теплотѣ и съ нынѣшнею объ електрической силѣ весьма согласно, и мнѣ къ будущему публичному акту весьма прилично. Оной актъ буду я отправлять съ господиномъ профессоромъ Рихманомъ: онъ будетъ предлагать опыты свои, а я теорію и пользу отъ оной происходящую, къ чему уже я пріуготовляюся. Что же надлежитъ до второй части руководства къ краснорѣчію, то оная уже нарочито далече и въ концѣ октября мѣсяца уповаю изъ печати выдетъ, о ускореніи которой всячески просить и стараться буду, а письменнаго не присылаю, за тѣмъ что Ваше Пр. требовать изволите по листу печатныхъ. О первомъ томѣ Россійской исторіи по обѣщанію моему стараніе прилагаю, чтобы онъ къ новому году письменной изготовился. Ежели кто по своей профессіи и должности читаетъ лекціи, дѣлаетъ опыты новые, говоритъ публично рѣчи и диссертаціи, и внѣ оной сочиняетъ разные стихи и проекты къ торжественнымъ изъявленіямъ радости, составляетъ правила къ краснорѣчію на своемъ языкѣ и Исторіи своего отечества, и долженъ еще на срокъ поставить, отъ того я ничего больше требовать не имѣю, и готовъ бы съ охотою имѣть терпѣніе, когда бы только что нужное родилось. Въ протчемъ удостовѣряясь многократно, коль охотно слушаете Ваше Пр. разговоры о наукахъ, весьма жадно ожидаю радостнаго и пріятнаго съ вами свиданья, чтобы Вы новыми моими стараніями удовольствіе имѣли, которыхъ всѣхъ въ отдаленіи сообщить не можно. Въ домѣ Вашего Пр. обѣщанныхъ оптическихъ вещей еще долго устроить не уповаю, за тѣмъ, что еще нѣтъ ни половъ, ни потолоковъ, ни лѣсницъ, и недавно я ходилъ въ нихъ съ немалою опасностію. Електрическіе шарики по вашему желанію пришлю къ вамъ не умедливъ какъ возможно. Я могу увѣрить Ваше Пр. что въ мастеровыхъ людяхъ здѣсь великая скудость: такъ что для дѣланія себѣ електрической машины не токмо гдѣ индѣ, но и съ вашего двора столяра за деньги не могъ достать. И для того по сіе время вмѣсто земной машины служатъ мнѣ иногда облака, къ которымъ я съ кровли шестъ выставилъ. Какіе Вашему Пр. инструменты потребны, о томъ прошу дать мнѣ позволеніе представить въ канцелярію Академическую именемъ Вашимъ, для приказанія мастерамъ, за тѣмъ, что онѣ по шабашамъ долго протянутъ дѣла. Заключая сіе, съ глубокимъ высокопочитаніемъ пребываю всепокорнѣйшій и вѣрный слуга Михайло Ломоносовъ (Спб. мая 31-го 1753 г.).

———

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Изъ слова Ѳеофана Прокоповича въ день рожденія в. к. Петра Петровича (1716).

Здѣсь предлежитъ намъ сугубый путь гражданского и воинского правительства. Въ который первѣ устремимся? Пойдемъ первѣе въ гражданскій, яко домашній, воинскій бо за предѣлы отечаства ведетъ. А здѣ да предстанетъ намъ свидѣтельство памяти всенародныя, память же не престарѣлыхъ людей, но недалече за двадесять лѣтъ вспять заходящая. Что бо была Россія прежде такъ недалеко времени, и что есть нынѣ? посмотримъ ли на зданія? на мѣсто грубыхъ хижинъ наступили палаты свѣтлые; на мѣсто худаго хврастія—дивныя вертограды. Посмотримъ ли на градцкія крѣпости? имѣемъ таковыя вещію, каковыхъ и фігуръ на хартіяхъ прежде не видѣли и не видали. Воззримъ на сѣдалища правительскія? новый сенаторовъ, и губернаторовъ санъ, въ совѣтахъ высокій, въ правосудіи неумытный, желательный добродѣтелемъ, страшный злодѣяніямъ. Отверземъ статіи и книги судейскія? колико лишныхъ отставлено, колико здравыхъ и нужнѣйшихъ прибыло вновь! Уже и свободная ученія полагаютъ себѣ основанія, идѣже и надежды не имѣяху; уже ариѳметическія, геометрическія и протчыя філософскія искуства, уже книги политическія, уже обоей архітектуры хитрости умножаются. Что же речемъ о флотѣ воинскомъ? Ниже бо на самомъ точію кораблей зданіи держати очи и мысли намъ довлѣетъ. Аще и самое то зрѣти безъ удивленія не можемъ, но разсуждати подобаетъ, отъ коликихъ сіе добродѣтелей произыде. Не могли бы воистину никіи же мастеры совершити сего, всуе бо было тектонское искуство и труды, аще бы не предстала здѣ монаршая мудрость, еже вся усмотрѣти къ такому намѣренію потребная; аще бы не былъ здѣ быстрый промыслъ, откуду бы и како, каковымъ путемъ и способомъ подобающую собрати извести матерію; аще бы не явила себѣ здѣ велелѣпная щедрость, еже бы не жалѣти толикихъ иждивеній, аще бы не произошло здѣ незыблемое великодушіе, еже бы не устрашитися толикого и толь трудного, а аще новаго дѣла; аще бы не воспланулося здѣ неусыпное славы ревнованіе, еже бы Государству Россійскому и всемъ не попустити отъ инныхъ протчихъ быти упослѣжденну. И да многая минувше, единоглавнѣйше изречемъ, на таковый сей трудный, новый преславный заводъ, не довольно было никоеже имѣніе, ни лѣсы дубравные, ни труды дѣлательскіе. Потребное было оруженоснымъ симъ ковчегамъ, симъ крылатымъ и бѣгъ пространный любящимъ полатамъ, потребное, глаголю, было мѣсто и поле теченію ихъ подобающее: инако бы все суетное было. Здѣ же кто не видитъ, что державѣ Россійской подобало простретися за предѣлы земныя, и на широкія моря пронести область свою? Купилъ намъ тое Самодержецъ нашъ не сребромъ купеческимъ, но Марсовымъ желѣзомъ. Показа, аки перстомъ самая правда на бреги Інгріи и Кареліи хищеніемъ лва свѣйскаго давно отъятые; устремися убо тамо сила Монарха нашего побѣдительная и прогна далече звѣря оного полунощного, протяже владѣніе свое на моря, устраши громомъ славы сея и далечайшая поморія и островы, державную же Россію уподоби оному апокалиптическому видѣнію: се уже единою ногою на земли, другою же стоитъ на морѣ, дивна всѣмъ, всѣмъ страшна и славна. Словомъ рещи: аще бы ничто же было прочее, самъ флотъ былъ бы доволенъ къ безсмертной славѣ Его Царскаго Величества.

А ты, новый и новоцарствующій граде Петровъ, не высокая ли слава еси фундатора твоего? идѣже ни помыслъ кому былъ жителства человѣческаго, до-

стойное вскорѣ устроися мѣсто престолу Царскому. Кто бы отъ странныхъ здѣ пришедъ, и о самой истинѣ неувѣдавъ, кто бы, глаголю, узрѣвъ таковы града величество и велелѣпіе, не помыслилъ, яко сіе отъ двухъ или трехъ сотъ лѣтъ уже зиждется? сіе есть, тщательствомъ Монарха нашего испраздпися оная древняя пословица сарматская: не разомъ Краковъ будовано. Или велико бо время къ таковому строенію пятьнадесятолѣтнее? И что много глаголати о сихъ? Августъ онъ римскій императоръ, яко превеликую о себѣ похвалу, умирая, проглагола: «кирпичный, рече, Римъ обрѣтохъ, а мраморный оставлю.» А нашему Пресвѣтлѣйшему Монарсѣ тщета была бы, а не похвала, сіе проглаголати; исповѣсти бо воистинну подобаетъ, древяную онъ обрѣте Россію, а сотвори златую: тако оную и внѣшнимъ, и внутреннимъ видомъ украси; зданіи, крѣпостьми, правилами и правителями, и различныхъ ученій полезныхъ добротою.

А еще побѣжимъ въ слѣдъ его воинскій (аще и тако уже того минути мы не возмогли), и здѣ точію имена вещей нѣкіихъ воспомянути можемъ: тако не возможно есть въ краткомъ времени предлагати повѣсть. Еще отроческою рукою разори Казикерменъ, разруши Азовъ и дракона асійскаго устраши, возъяренъ же неправеднымъ терзаніемъ льва свѣйскаго, коль ему много положи ранъ, коль много отсѣче градовъ и крѣпостей, здѣ въ Інгріи, въ Ливоніи, въ Помераніи, въ Кареліи, въ Финляндіи, и въ чуждыхъ гнѣздахъ крыющаяся обрѣте, въ Митавѣ Курляндской, и въ Елбинѣ Прускомъ, и на мѣстахъ протчихъ; дерзнувша же встрѣтися на полѣ ратномъ преславно побѣди подъ Калишемъ, на Черной Напѣ подъ Пропойскомъ, подъ Полтавою. Единымъ ли сіе едино воспомяновеніемъ прейти довлѣетъ? Не довлѣютъ воистину преславной оной викторіи тысяща устъ риторскихъ, и не престанутъ славити вѣки многія, донѣлеже міръ стоитъ. Но и иныя побѣды прочая пространныхъ проповѣдей достойныя суть: обаче здѣ единымъ ихъ точію, яко же рѣхъ, воспоминаніемъ удоволяемся. Таковыя же, такъ далекія, такъ многія мѣста и страны побѣдами его прославленныя! Велико было бы, аще бо кто прошелъ легкимъ странствіемъ, то что жъ есть викторіями исполнити?

А что въ первыхъ воспомянути подобало, и что всей толикой славѣ основаніе, есть регула воинская: то дѣло, то всѣхъ дѣлъ и корень и верхъ, за сіе дѣло, что либо и гдѣ либо россійскимъ оружіемъ достохвальное содѣвается, содѣвается Царемъ нашимъ, аще бы и не присутствовалъ тамо; за сіе едино и вся будущія по смерти его побѣды ему воспишутся.

И таковыхъ то Монарха нашего славныхъ дѣлъ, аще и не всихъ, аще и краткое именованіе есть свѣтлое извѣстное россійскаго щастія свидѣтельство; минувше бо многія оттуду произшедшыя ползы домашныя, да помыслитъ всякъ, колікую обрѣте Россія во всемъ мірѣ славу себѣ; не буди бо въ срамоту помянути, еже истинно есть, въ коемъ мнѣніи, въ косй цѣнѣ бѣхомъ мы прежде у иноземныхъ народовъ: бѣхомъ у политическихъ мнимін варвари, у гордыхъ и величавыхъ презрѣнніи, у мудрящихся невѣжи, у хищныхъ желателная ловля, у всѣхъ нерадими, отъ всѣхъ поруганны. Аще же и лживое было таковое многихъ мнѣніе, обаче было мнѣніе таковое, и изобличила было то не единократно Россія своимъ оружіемъ, но не довольно и не совершенно, наипаче яко оружіемъ страхъ точію содѣвается въ народѣхъ, честь и любовь тѣмъ не купуется. Нынѣ же что храбростію, любомудріемъ, правдолюбіемъ, исправленіемъ и обученіемъ отечества, не себѣ точію, но и всему Россійскому народу содѣла пресвѣтлый нашъ Монархъ? то что которые насъ гнушалися, яко грубыхъ, ищутъ усердно братства нашего, которыи безчестили—славятъ, которыи грозили—боятся и тре-

пещутъ, которые презирали—служити намъ нестыдятся; многіе по Европѣ коронованныи главы не точію въ союзъ съ Петромъ Монархомъ нашимъ идутъ доброхотны; но и десная его Величеству давати не имѣютъ за безчестіе: отмѣнили мнѣніе, отмѣнили прежніи свои о насъ повѣсти, затерли исторійки своя древнія, инако и глаголати и писати начали: вознесла главу Россія свѣтлая, красная, силная, другомъ любимая, врагомъ страшная, и да заключимъ сильнымъ, но истиннымъ словомъ все сіе: Завистъ славою Россійскою побѣжденна есть. Не можетъ безчестити насъ; ибо вѣры уже въ свѣтѣ не обрящетъ, точію имать грызти персты своя, и утробою снѣдатися.

ПРИЛОЖЕНІЕ 2-е.

Изъ сочин. Елагина: Опытъ повѣствованія о Россіи (1789—1796).

§ 1. Вступленіе. Лѣта 6481—973.

Приступая къ вѣщанію важнѣйшаго въ повѣствованіи нашемъ приключенія, когда тройственный свѣтъ спасительнаго благовѣствованіи Христова во святомъ Владиміра I Крещеніи на всю проліялся Россію, не излишно почитаю повторить при семъ выше объявленныя, касательно сего произшествія, бытія, и снесть ихъ, для лучшаго въ читателей впечатлѣнія, въ единое совокупно предложеніе. Хотя немерцающіе лучи сего превѣчнаго свѣта и прежде Владиміра прародителей нашихъ неоднократно касались; но подавляемые мракомъ идольскаго суевѣрія, подобно солнцу, въ густыхъ облакахъ скрывающемуся, въ единыхъ затворенныхъ православнаго сословія чертогахъ сокровенны пребывали. Достопамятность толь великаго Владимірова дѣянія требуетъ однакожъ объявить въ подробности, какія пособія поспѣшествовали ему преклонить подданныхъ къ такому трудному дѣйствію, каково есть премѣненіе господствующія вѣры; ибо таковая въ цѣломъ Государствѣ премѣна безъ предварительныхъ средствъ есть дѣло едва ли возможное. Я не нахожу во всѣхъ знатѣйшихъ законодавцахъ труднѣе предмета, какъ сей, которой единственно токмо къ истребленію суевѣрныхъ заблужденій въ законодательствѣ имъ встрѣчался. Моисей, Ликургъ, Солонъ и многіе видѣли множество нравственныхъ пороковъ, вѣрою народамъ дозволенныхъ; но исправленіе оныхъ не дерзали подвергать закону гражданскому, единому токмо времени и нравоученію оставляя. Въ прекословіяхъ вѣры съ любомудріемъ, относительно къ понятіямъ о порокахъ и добродѣтеляхъ, о благѣ и злѣ, должна и сама законодательная власть поступать весьма осторожно; и мало по малу однѣ истреблять, а другія вводить силою тончайшаго градомудрія. Вожделѣнія сердца человѣческаго суть пламенны, когда любострастные Лада и Ледо, божествомъ почитаемые, дозволяютъ удовольствія, и когда неистовыя забавы снисходительнымъ суевѣріемъ не грѣхомп, но блаженствомъ признаваемы суть. Погашеніе такихъ, вѣрою извиняемыхъ, стремленій и пороковъ не такъ легко, какъ и самое въ рабство народа повerженіе; ибо первое пустосвятствомъ вооруженное ополчаетъ до крайности безуміе человѣческое; а второе употребленіемъ единовѣрнаго войска производится. Много и до пришествія въ міръ Спасителя мудрыхъ и ученыхъ людей было; многія и преполезныя въ разныхъ наукахъ книги отъ нихъ оставлены, но како истреблять касающіяся господствующей вѣры заблужденія, ничего въ нихъ кромѣ нелѣпыхъ противорѣчій, не обрѣтаемъ. Подобало необходимо, къ изведенію рода человѣческаго изъ мрака идолопоклоннаго, явиться толь всемогущему Проповѣднику, каковъ есть снизшедый на землю Сынъ Божій. Онъ явил-

ся, и подобно свѣтозарному солнцу, пріосѣняющему нощныя свѣтила, прогналъ божественнымъ Своимъ ученіемъ долговременное божницъ идольскихъ и кумировъ почитаніе, но и Ему задолго до пришествія предварительными пособіями служили къ обращенію народовъ неумолкные гласы вопіющихъ Пророковъ. Такъ, есть ли смѣемъ уподобить, способствовали и Великому Владиміру нашему прежде бывшія до него крещенія, и наче великій сонмъ воспріявшихъ уже вѣру Христіанскую вельможъ изъ Руссовъ, Славянъ и Варяговъ, какъ то мы по договорамъ съ Греками предковъ его видѣли, и заключить можемъ, что сколько собственное его изволеніе, столько и самая необходимость, въ разсужденіи многочисленнаго Христіанъ сословія, въ возможности таковыя чрезвычайныя перемѣны послужили.

§ 2. 1) Крещеніе сомнительно. Объявивъ предварительно, что безъ предшествуемыхъ пособій трудно и едва ли возможно приступать къ такому опасному дѣйствію, предложимъ первое крещеніе Русіи, по свидѣтельству Кіевопечерскаго Патерика, Кормчей книги, Пролога и иныхъ многихъ почитаемое отъ Св. Апостола Андрея чрезъ водруженіе креста на горахъ Днѣпровскихъ (*). (2, крещеніе) Второе, Писателями полагаемое, есть Болгаровъ, какъ говоритъ Іоакимъ и Несторъ и Татищевъ прибавляетъ, что Богорисъ, Князь Болгарскій, по наученію сестры своей, крещеніе воспріялъ, а потому кажется напрасно объявленные Писатели наши сіе крещеніе своимъ признаютъ, какъ о томъ пространнѣе сказалъ я выше въ моемъ примѣчаніи. (3, крещеніе) Третіе и равнолѣтнее почти второму Моравіи крещеніе было при Князьяхъ Моравскихъ: Святополкѣ, Ростиславѣ и Коцелѣ въ столичномъ ихъ градѣ, Рава называемомъ. Сіе хотя нѣсколько и до насъ достигло, но точно крещеніемъ Руссіи признавать его не можно. (4 крещеніе точно въ Россіи). Четвертое крещеніе непосредственно было многимъ Россіянамъ. Оскольдъ, котораго Греки Русомъ называли, по свидѣтельству нашихъ и Византійскихъ Писателей, крещенъ былъ Епископомъ Михаиломъ, присланнымъ изъ Царяграда, и съ нимъ нѣсколько Вельможъ Кіевскихъ, явленнымъ на морѣ чудесемъ къ благочестію обращенныхъ. Но ни при Оскольдѣ, ни по смерти его при Олегѣ и Игорѣ, православіе въ Кіевѣ распространиться не могло, хотя нѣсколько и было уже въ немъ вѣрующихъ во Христа изъ бояръ и простолюдіевъ. Судьба оставила тогда начатое Оскольдомъ дѣло довершить женѣ мудрой и предпріимчивой, и по ней ея внуку. (5 крещеніе). Блаженная Ольга, будучи въ непорочномъ вдовствѣ такъ любовію ко Христу и Его ученію распалилась, что забывъ слабость женскую и лѣтъ своихъ, и убытокъ, предпріяла трудное въ Царьградъ путешествіе, и тамо, какъ выше объявлено, съ церковію сочеталася, и въ Русскую землю дѣйствительное принесла Крещеніе. Но однакожъ со всею ревностію своею не могши къ единовѣрію преклонить упрямаго своего сына, пренуждена была удовольствоваться токмо не возбранностію желавшимъ воспріятія вѣры Кіевлянамъ, и чрезъ священниковъ, въ Царѣградѣ посвященныхъ, многихъ ко Христу обратила. Она, кажется, первая создала деревянную Святыя Софіи церковь, и проповѣдь святаго Евангелія среди идольскаго баснословія разсѣявать отважилась. Сѣмя благочестія, падая на землю, краткимъ ея правленіемъ угобженную, приготовило народъ Русскій къ шестому и общему крещенію, о которомъ въ житіи и Княженіи Владиміровомъ со всѣми обстоятельствами повѣдать потщимся.

§ 3. Заключеніе сея главы. А въ окон-

(*) Я выше объявилъ, сколь сомнительно бытіе Св. Андрея на горахъ Кіевскихъ, и теперь сказываю о семъ, слѣдуя только лѣтописцамъ, не выдавая за правду. Къ тому же водруженіе креста не есть Крещеніе, естли Св. Андрей никого изъ людей не обратилъ тутъ ко Христу.

чаніе вступленія сего могу надежно сказать, что объявленныя въ крещеніи степени, и паче Ольгино содѣйствіе, суть тѣ пособія кои помогли Владиміру предуспѣть въ толь отважномъ дѣлѣ, каково есть премѣненіе господствующія вѣры, и опасность въ чаяніе легкаго исполненія превратили; къ томужъ споспѣшествовало и время, между Ольгою и единодержавіемъ Владиміровымъ протекшее; кротость Христіанскаго ученія, преходя изъ устъ въ уста, смягчила уже нѣсколько суровость народныхъ нравовъ; привлекая восточныхъ Христіанъ ради торговли въ Кіевъ, вскрыла уже завѣсу идолопоклоннаго заблужденія такъ, что есть ли не вовсе почтеніе къ кумирамъ истребилось, то покрайней мѣрѣ, въ сомнѣніе сущность ихъ обративъ, многихъ вѣру поколебало.

Сіе есть естественное слѣдствіе тому, когда господствующая вѣра ослабѣетъ и покажетъ народнымъ понятіямъ свою неосновательность, тогда отъ суевѣрія въ невѣріе народъ обращается; ибо воображеніе человѣческое, утомясь долговременнымъ истинъ изслѣдованіемъ, прибѣгаетъ наконецъ къ сущему безбожію: зло, которое всю связь общественнаго союза разторгаетъ, и никакая уже святость преграды стремленіямъ его предпоставить не въ состояніи. Напрасно тогда и сама власть Государская и законы гражданскіе строгость наказаній изыскиваютъ: ничто уже, кромѣ исполненія народныя воли, не усмиритъ сего волненія, ниже возможетъ изцѣлить сію заразу. Есть ли Владиміръ увидѣлъ Кіевлянъ и войско свое въ такомъ положеніи, что одни попущеніемъ древняго идольскаго богослуженія распутны, другія невѣрія дерзостію отъ послушанія отторгаться; третіи, по недовольству еще въ Христіанствѣ просвѣщенію, въ лѣность и не радѣніе о благѣ общемъ утопать стали; то можетъ ли въ сихъ обстоятельствахъ Политика что лучшее промыслить къ обузданію зараженныхъ различными склонностями люде какъ тѣ способы, кои употребилъ обширный его разумъ? Онъ, вступя на похищенный по убіеніи брата своего Кіевской престолъ, и не зная еще, которое сословіе, Христіанское ли, идолопоклонное сильнѣе къ утвержденію его на Княженіи, вознамѣрился прежде ласкать господствующей изъ древности вѣрѣ: возвеличилъ многобожіе, уставилъ праздества плотоугодныя, украсилъ божницы великолѣпіемъ, и жертвами почтилъ боговъ рукотворныхъ; но потомъ усмотря, что въ могуществѣ имѣютъ Христіане перевѣсть числомъ Бояръ, новой сей вѣрѣ преданныхъ, и ихъ въ войскѣ съ ними служащихъ людей, перемѣнилъ свое умоначертаніе, и склонность къ общему измѣненію вѣры открылъ. Долго плотскихъ волненіе страстей предпріятію сему сопротивлялось; но Политика преодолѣла наконецъ сію борьбу. Подобно царю Константину, нѣкогда въ равныхъ обстоятельствахъ съ нимъ находившемуся, сталъ онъ Христіанинъ, и присовокупленіемъ самовластія крестилъ всю Россію, что учинить ни малѣйшаго не имѣлъ уже онъ затрудненія, содержа великое при себѣ Христіанское воинство, и тѣмъ паче, что отдаленныя отъ столицы области и грады обыкновенно легко и почти безъ прекословія во всемъ престольному подражаютъ граду. Такъ и оный первый Христіанскій Императоръ Константинъ похитилъ Августовъ престолъ, разорилъ Римскія божницы, и животворящій Крестъ на брегахъ Геллеспонта водрузи. Се истинная вина крещенія Владимірова и пособія къ крещенію всея Россіи удобь воображательныя. Въ послѣдствіи самыхъ дѣяній сказаніемъ потщимся мы, поелику возможно, объяснить достовѣрность сего заключенія.

---

13. ДЕРЖАВИНЪ.

(1743—1816).

а. Фелица (1782).

Богоподобная Царевна [1]
Киргизъ-Кайсацкія орды,
Которой мудрость несравненна
Открыла вѣрные слѣды
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высоку гору,
Гдѣ роза безъ шиповъ ростетъ,
Гдѣ добродѣтель обитаетъ!
Она мой духъ и умъ плѣняетъ;
Подай найти ее совѣтъ.

Подай Фелица наставленье,
Какъ пышно и правдиво жить,
Какъ укрощать страстей волненье,
И счастливымъ на свѣтѣ быть.
Меня твой голосъ возбуждаетъ,
Меня твой Сынъ препровождаетъ;
Но имъ послѣдовать я слабъ:
Мятясь житейской суетою,
Сегодня властвую собою,
А завтра прихотямъ я рабъ.

Мурзамъ Твоимъ не подражая,
Почасту ходишь ты пѣшкомъ,
И пища самая простая
Бываетъ за Твоимъ столомъ:
Не дорожа Твоимъ покоемъ,
Читаешь, пишешь предъ налоемъ, [2]
И всѣмъ изъ Твоего пера
Блаженство смертнымъ проливаешь;
Подобно въ карты не играешь,
Какъ я отъ утра до утра.

Не слишкомъ любишь маскарады,
А въ клубъ не ступишь и ногой:
Храня обычаи, обряды,
Не донкишотствуешь собой;
Коня Парнасска не сѣдлаешь, [3]
Къ духамъ въ собранье не въѣзжаешь. [4]
Не ходишь съ трона на Востокъ;
Но кротости хо́дя стезею,
Благотворящею душею
Полезныхъ дней проводишь токъ.

А я, проспавши до полудни,
Курю табакъ и кофе пью;
Преобращая въ праздникъ будни,
Кружу въ химерахъ мысль мою;
То плѣнъ отъ Персовъ похищаю,
То стрѣлы къ Туркамъ обращаю;
То возмечтавъ, что я Султанъ,
Вселенну устрашаю взглядомъ;
То вдругъ, прельщаяся нарядомъ,
Скачу къ портному по кафтанъ. [5]

Или въ пиру я пребогатомъ,
Гдѣ праздникъ для меня даютъ,
Гдѣ блещетъ столъ сребромъ и златомъ,
Гдѣ тысячи различныхъ блюдъ.
Тамъ славный окорокъ вестфальской,
Тамъ звенья рыбы астраханской,
Тамъ пловъ и пироги стоятъ,—
Шампанскимъ вафли запиваю
И все на свѣтѣ забываю
Средь винъ, сластей иароматъ.

Или великолѣпнымъ цугомъ
Въ каретѣ англійской, златой,
Съ собакой, шутомъ, или другомъ,
Иль съ красавицей какой
Я подъ качелями гуляю,
Въ шинки пить меду заѣзжаю;
Или, какъ то наскучитъ мнѣ,
По склонности моей къ premѣнѣ,
Имѣя шапку на бекрень,
Лечу на рѣзвомъ бѣгунѣ. [6]

Или музыкой и пѣвцами,
Органомъ и волынкой вдругъ,
Или кулачными бойцами [7]

---

(1) Подъ именемъ Киргизской царевны Фелицы представляется Императрица Екатерина.

(2) Въ то время Императрица занималась сочиненіемъ законовъ: Грамматою Дворянству, Уставомъ Благочинія и прочими учрежденіями.

(3) Императрица хотя и занималась иногда сочиненіемъ оперъ и сказокъ, но стиховъ писать не умѣла и не писала; а когда надобны были стихи, то, давъ мысль, поручала написать ихъ Статсъ-Секретарямъ Елагину, Храповицкому и друг.

(4) Императрица не любила масоновъ, и не ѣзжала къ нимъ въ ложу, какъ дѣлали многіе знатные.

(5) Относится, какъ и двѣ слѣдующія строфы, къ прихотливому нраву князя Потемкина.

(6) Относится къ графу Алексѣю Григорьевичу Орлову, который любилъ ристалища сего рода.

(7) Относится къ нему же, какъ до охотника до всякаго молодечества русскаго и до русскихъ пѣсенъ.

И пляской веселю мой духъ;
Или, о всѣхъ дѣлахъ заботу
Оставя, ѣзжу на охоту (1)
И забавляюсь лаемъ псовъ;

Иль надъ невскими брегами
Я тѣшусь по ночамъ рогами (2)
И греблей удалыхъ гребцовъ.
Иль сидя дома, я прокажу,
Играя въ дураки съ женой;
То съ ней на голубятни лажу,
То въ жмурки рѣзвимся порой,
То въ свайку съ нею веселюся,
То ею въ головѣ ищуся; (3)
То въ книгахъ рыться я люблю,
Мой умъ и сердце просвѣщаю:
Полкана и Бову читаю,
За Библіей, зѣвая, сплю. (4)

Таковъ, Фелица, я развратенъ!
Но на меня весь свѣтъ похожъ.
Кто сколько мудростью ни знатенъ,
Но всякій человѣкъ есть ложь.
Не ходимъ свѣта мы путями,
Бѣжимъ разврата за мечтами.
Между лѣнтяемъ и брюзгой (5),
Между тщеславья и порокомъ
Нашелъ кто развѣ ненарокомъ
Путь добродѣтели прямой.

Едина Ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого.
Дурачества сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного;
Проступки снисхожденьемъ правишь;
Какъ волкъ овецъ, людей не давишь.—
Ты знаешь прямо цѣну ихъ:

(1) Графъ П. И. Панинъ любилъ псовую охоту.

(2) Относится къ Семену Кирилловичу Нарышкину, бывшему тогда Егермейстеромъ. Онъ первый завелъ роговую музыку.

(3) Въ этихъ стихахъ упоминаются вообще старинные обычаи и забавы Русскихъ.

(4) Авторъ, служа при князѣ Вяземскомъ, читывалъ предъ нимъ разные романы, до которыхъ князь былъ большой охотникъ. Случалось часто, что во время чтенія и тотъ и другой дремали.

(5) Въ сказкѣ Императрицы о царевичѣ Хлорѣ вельможи царевны Фелицы названы лѣнтяемъ и брюзгой. Сколько извѣстно, Она подъ сими именами разумѣла князя Потемкина и князя Вяземскаго.

Царей они подвластны волѣ,
Но Богу правосудну болѣ,
Живущему въ законахъ ихъ.

Ты здраво о заслугахъ мыслишь,
Достойнымъ воздаешь Ты честь,
Пророкомъ Ты того не числишь,
Кто только риѳмы можетъ плесть.
А что сія ума забава—
Калифовъ добрыхъ честь и слава,
Снисходишь Ты на лирный ладъ:
Поэзія Тебѣ любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ.

Слухъ идетъ о Твоихъ поступкахъ,
Что ты ни мало не горда,
Любезна и въ дѣлахъ и въ шуткахъ,
Пріятна въ дружбѣ и тверда;
Что ты въ напастяхъ равнодушна.
А въ славѣ такъ великодушна,
Что отреклась и Мудрой слыть.
Еще же говорятъ не ложно,
Что будто завсегда возможно
Тебѣ и правду говорить.

Неслыханное также дѣло,
Достойное Тебя одной,
Что будто Ты народу смѣло
О всемъ, и въявь и подъ рукой,
И знать и мыслить позволяешь
И о себѣ не запрещаешь
И быль и небыль говорить;
Что будто самымъ крокодиламъ,
Твоихъ всѣхъ милостей зоиламъ,
Всегда склоняешься простить.

Стремятся слезъ пріятныхъ рѣки
Изъ глубины души моей.
О, коль счастливы человѣки
Тамъ должны быть судьбой своей,
Гдѣ Ангелъ кроткій, Ангелъ мирный,
Сокрытый въ свѣтлости порфирной,
Съ небесъ ниспосланъ скиптръ носить!
Тамъ можно пошептать въ бесѣдахъ,
И, казни не боясь, въ обѣдахъ
За здравіе Царей не пить. (1)

(1) При Императрицѣ Аннѣ случалось, что когда двое между собою пошепчутся, то они подозрѣвались въ зломъ умыслѣ и по чьему либо доносу попадали въ Тайную канцелярію. Тожбывало иногда и съ тѣми, которые на публичныхъ пиршествахъ не выпивали большаго бокала крѣпкаго вина подносимаго за здравіе госу-

Тамъ съ именемъ Фелицы можно
Въ строкѣ описку поскоблить ([1])
Или портретъ неосторожно
Ея на землю уронить ([2]);
Тамъ свадебъ шутовскихъ не парятъ,
Въ ледовыхъ баняхъ ихъ не жарятъ ([3]).
Не щелкаютъ въ усы вельможъ;
Князья насѣдками не клохчутъ ([4]),
Любимцы въ явь имъ не хохочутъ
И сажей не мараютъ рожъ.

Ты вѣдаешь, Фелица, правы
И человѣковъ и Царей:
Когда ты просвѣщаешь нравы,
Ты не дурачишь такъ людей;
Въ Твои отъ дѣлъ отдохновенья
Ты пишешь въ сказкахъ поученья.
И Хлору въ азбукѣ твердишь:
«Не дѣлай ничего худаго,—
И самого сатира злаго
Лжецомъ презрѣннымъ сотворишь.»

Стыдишься слыть Ты тѣмъ великой,
Чтобъ страшной, нелюбимой быть;
Медвѣдицѣ прилично дикой
Животныхъ рвать и кровь ихъ пить.
Безъ крайняго въ горячкѣ бѣдства
Тому ланцетовъ нужны ль средства,
Безъ нихъ кто обойтися могъ?
И славно ль быть тому тираномъ,
Великимъ въ звѣрствѣ Тамерланомъ,
Кто благостью великъ, какъ Богъ.

Филицы слава—слава Бога,
Который брани усмирилъ ([5]),
Который сира и убога

дарыни, и потому принимались за недоброжелателей ея.

([1]) Тогда же считалось за великое преступленіе, если въ Императорскомъ титулѣ что нибудь было подскоблено или поправлено.

([2]) Намекъ на «слово и дѣло».

([3]) Относится къ бывшей при Аннѣ Іоанновнѣ шутовской свадьбѣ князя Голицына, для которой на Невѣ построенъ особый ледяной домъ съ ледяною баней.

([4]) Императрица Анна любила окружать себя шутами.

([5]) Относится къ мирному времени по окончаніи первой Турецкой войны въ 1774. Въ теченіи сего времени возникли многія человѣколюбивыя учрежденія, какъ-то: Воспитательный домъ, больницы и проч.

Покрылъ, одѣлъ и накормилъ;
Который окомъ лучезарнымъ
Шутамъ, трусамъ неблагодарнымъ
И праведнымъ свой свѣтъ даритъ,
Равно всѣхъ смертныхъ просвѣщаетъ,
Больныхъ покоитъ, исцѣляетъ,
Добро лишь для добра творитъ;

Который даровалъ свободу
Въ чужія области скакать ([1]),
Позволилъ своему народу
Сребра и золота искать ([2]);
Который воду разрѣшаетъ ([3])
И лѣсъ рубить не запрещаетъ ([4]);
Велитъ и ткать, и прясть, и шить;
Развязывая умъ и руки,
Велитъ любить торги, науки ([5]),
И счастье дома находить;

Котораго законъ, десница
Даютъ и милости и судъ,
Вѣщай премудрая Фелица:
Гдѣ отличенъ отъ честныхъ плутъ?
Гдѣ старость по міру не бродитъ?
Заслуга хлѣбъ себѣ находитъ?
Гдѣ месть не гонитъ никого!
Гдѣ совѣсть съ правдой обитаютъ?
Гдѣ добродѣтели сіяютъ?
У трона развѣ Твоего!

Но гдѣ Твой тронъ сіяетъ въ мірѣ?
Гдѣ, вѣтвь небесная, цвѣтешь!
Въ Багдадѣ, Смирнѣ, Кашемирѣ!
Послушай: гдѣ Ты ни живешь,—
Хвалы мои Тебѣ примѣтя,
Не мни: чтобъ шапки иль бешмета
За нихъ и отъ Тебя желалъ.
Почувствовать добра пріятство

([1]) Екатерина подтвердила данную дворянству Петромъ III свободу путешествовать по чужимъ краямъ.

([2]) Екатерина издала указъ о правѣ земледѣльцевъ разработывать въ собственную пользу золото и серебро въ своихъ участкахъ.

([3]) Екатерина дозволила свободное плаваніе по морямъ и рѣкамъ для торговли.

([4]) Сняла запрещенную порубку лѣсовъ, бывшую прежде въ распоряженіи вальдмейстеровъ.

([5]) Разрѣшила свободное производство мануфактуръ и торговли, чего прежде безъ свѣдѣнія мануфактуръ-коллегіи нельзя было дѣлать.

Такое есть души богатство,
Какого Крезъ не собиралъ.

Прошу великаго Пророка,
Да праха ногъ Твоихъ коснусь,
Да словъ Твоихъ сладчайша тока
И лицезрѣнья наслаждусь!
Небесныя прошу я силы,
Да, ихъ простря сафирны крылы,
Невидимо тебя хранятъ
Отъ всѣхъ болѣзней, золъ и скуки;
Да дѣлъ Твоихъ въ потомствѣ звуки,
Какъ въ небѣ звѣзды, возблестятъ!

---

6. Видѣніе Мурзы.

На темноголубомъ эѳирѣ
Златая плавала луна:
Въ серебряной своей порфирѣ
Блистаючи съ высотъ, она
Сквозь окна домъ мой освѣщала
И палевымъ своимъ лучемъ
Златыя стекла рисовала
На лаковомъ полу моемъ.
Сонъ томною своей рукою
Мечты различны разсыпалъ;
Кропя забвенія росою,
Моихъ домашнихъ усыплялъ;
Вокругъ вся область почивала,
Петрополь съ башнями дремалъ,
Нева изъ урны (¹) чуть мелькала,
Чуть Бельтъ (²) въ брегахъ своихъ сверкалъ.
Природа въ тишину глубоку
И въ крѣпкомъ погруженна снѣ,
Мертва казалась слуху, оку
На высотѣ и въ глубинѣ:
Лишь вѣяли одни зефиры,
Прохладу чувствамъ принося.
Я не спалъ—и, со звономъ лиры
Мой тихій голосъ соглася,
«Блаженъ», воспѣлъ я: «кто доволенъ
Въ семъ свѣтѣ жребіемъ своимъ,
Обиленъ, здравъ, покоенъ, воленъ
И счастливъ лишь собой самимъ;
Что сердце чисто, совѣсть праву
И твердый нравъ хранитъ въ свой вѣкъ,

(¹) Гранитные берега.
(²) Балтійское море.

И всю свою въ томъ ставитъ славу,
Что онъ лишь добрый человѣкъ;
Что карлой онъ иль великаномъ
И дивомъ свѣта не рожденъ,
И что не созданъ истуканомъ,
И оныхъ чтить не принужденъ;
Что всѣ сего блаженства міра
Находитъ онъ въ семьѣ своей;
Что нѣжная его Плѣнира
И вѣрныхъ нѣсколько друзей
Съ нимъ могутъ въ часъ уединенный
Дѣлитъ и скуку и труды!
Блаженъ и тотъ, кому царевны
Какой бы ни было орды,
Изъ теремовъ своихъ янтарныхъ
И сребророзовыхъ свѣтлицъ,
Какъ будто изъ улусовъ (¹) дальнихъ,
Украдкой отъ придворныхъ лицъ,
За розсказни, за ростабары,
За вирши, иль за что нибудь:
Исподтишка драгіе дары
И въ досканцахъ (²) червонцы шлютъ!
Блаженъ... «Но съ рѣчью сей внезапно
Мое все зданье потряслось:
Раздвиглись стѣны, и стократно
Ярчѣе молній пролилось
Сіянье вкругъ меня небесно;
Сокрылась, поблѣднѣвъ, луна.
Видѣнье я узрѣлъ чудесно:
Сошла со облаковъ жена,
Сошла—и жрицей очутилась
Или богиней предо мной (³).
Одежда бѣлая струилась
На ней серебряной волной;
Градская (⁴) на главѣ корона,
Сіялъ при персяхъ поясъ златъ;
Изъ черноогненна виссона; (⁵)
Подобный радугѣ нарядъ (⁶)
Съ плеча деснаго (⁷) полосою
Висѣлъ на лѣвую бедру;
Простертой на алтарь рукою,
На жертвенномъ она жару

(¹) Татарская деревня.
(²) Ящички для драгоцѣнностей.
(³) Костюмъ и обстановка Екатерины взятъ съ картины.
(⁴) Гражданская.
(⁵) Темнокрасная матерія.
(⁶) Орденская лента.
(⁷) Правою.

Сжигая маки благовонны,
Служила вышню Божеству.
Орелъ полуночный, огромный,
Сопутникъ молній торжеству,
Геройской провозвѣстникъ славы,
Сидя предъ ней на грудѣ книгъ,
Священны блюлъ ея уставы;
Потухшій громъ въ когтяхъ своихъ
И лавръ съ оливными вѣтвями
Держалъ, какъ будто бы уснувъ.
Сафиросвѣтлами очами,
Какъ въ гнѣвѣ иль жару, блеснувъ,
Богиня на меня воззрѣла.
Пребудетъ образъ ввѣкъ во мнѣ,
Она который впечатлѣла!—
«Мурза! она вѣщала мнѣ:
Ты быть себя счастливымъ чаешь,
Когда по днямъ и по ночамъ
На лирѣ ты своей играешь
И пѣсни лишь поешь царямъ.
Вострепещи, Мурза несчастный,
И страшны истины внемли,
Которымъ стихотворцы страстны
Едвали вѣрятъ на земли!
Одно къ тебѣ лишь доброхотство
Мнѣ ихъ открыть велитъ. Когда
Поэзія не сумасбродство,
Но вышній даръ боговъ: тогда
Сей даръ боговъ кромѣ лишь къ чести
И къ поученью ихъ путей
Быть долженъ обращенъ, не къ лести
И тлѣнной похвалѣ людей.
Владыки свѣта люди тѣ же,
Въ нихъ страсти, хоть на нихъ вѣнцы;
Ядъ лести имъ вредитъ не рѣже:
А гдѣ поэты не льстецы?
И ты сиренъ поющихъ грому (¹)
Въ вредъ добродѣтели, не строй,
Благотворителю прямому
Въ хвалѣ нѣтъ нужды никакой.
Хранящій мужъ честные нравы,
Творяй свой долгъ, свои дѣла,
Царю приноситъ больше славы,
Чѣмъ всѣхъ піитовъ похвала.
Оставь нектаромъ наполненну
Опасну чашу, гдѣ скрытъ ядъ».—
Кого я зрю столь дерзновенну,
И чьи уста меня разятъ?
Кто ты: богиня или жрица?
Мечту стоящу я спросилъ.
Она рекла мнѣ: «Я Фелица!»
Рекла и —свѣтлый облакъ скрылъ
Отъ глазъ моихъ ненасыщенныхъ
Божественны ея черты;
Куреніе мастикъ безцѣнныхъ
Мой домъ и мѣсто то цвѣты
Покрыли, гдѣ она явилась.
Мой Богъ! мой ангелъ во плоти!...
Душа моя за ней стремилась,
Но я за ней не могъ идти:
Подобно громомъ оглушенный,
Безчувственъ я, безгласенъ былъ;
Но, токомъ слезнымъ орошенный,
Пришелъ въ себя и возгласилъ:
—«Возможно ль, кроткая Царевна,
И ты къ Мурзѣ чтобъ своему
Была сурова и столь гнѣвна;
И стрѣлы къ сердцу моему
И Ты, и Ты чтобы бросала,
И пламени души моей
Къ себѣ и Ты не одобряла?
Довольно безъ Тебя людей,
Довольно безъ Тебя поэту
За кажду мысль, за каждый стихъ
Отвѣтствовать лихому свѣту
И отъ сатиръ щититься злыхъ!
Довольно золотыхъ кумировъ,
Безъ чувствъ мои что пѣсни чли;
Довольно кадіевъ, (¹) факировъ, (²)
Которы въ зависти сочли
Тебѣ ихъ неприличной лестью;
Довольно нажилъ я враговъ!
Иной отнесъ себѣ къ безчестью,
Что не дерутъ его усовъ;
Иному показалось больно,
Что онъ насѣдкой не сидитъ;
Иному—очень своевольно
Съ Тобой Мурза Твой говоритъ;
Иной вмѣнялъ мнѣ въ преступленье,
Что я посланницей съ небесъ
Тебя быть мыслилъ въ восхищеньѣ
И лилъ въ восторгѣ токи слезъ;

¹) Не строй грому сиренъ, поющихъ во вредъ добродѣтели, т. е. не губи своей пѣснью добродѣтели, какъ сирены губятъ людей.

(¹) Восточный судья.
(²) Восточный духовный.

И словомъ, тотъ хотѣлъ арбуза,
А тотъ соленыхъ огурцовъ,
Но пусть имъ здѣсь докажетъ муза,
Что я не изъ числа льстецовъ:
Что сердца моего товаровъ
За деньги я не продаю
И что не изъ чужихъ амбаровъ
Тебѣ наряды я крою;
Но, вѣнценосна добродѣтель!
Не лесть я пѣлъ и не мечты,
А то, чему весь міръ свидѣтель;
Твои дѣла суть красоты.
Я пѣлъ, пою и пѣть ихъ буду,
И въ шуткахъ правду возвѣщу;
Татарски пѣсни изъ-подъ спуду,
Какъ лучъ, потомству сообщу;
Какъ солнце, какъ луну, поставлю
Твой образъ будущимъ вѣкамъ:
Превознесу Тебя, прославлю;
Тобой безсмертенъ буду самъ.

в. На смерть князя Мещерскаго (1779).

Глаголъ временъ! металла звонъ! (¹)
Твой страшный гласъ меня смущаетъ,
Зоветъ меня, зоветъ твой стонъ
Зоветъ—и къ гробу приближаетъ.
Едва увидѣлъ я сей свѣтъ,
Уже зубами смерть скрежещетъ,
Какъ молніей, косою блещетъ,
И дни мои, какъ злакъ, сѣчетъ.

Ничто отъ роковыхъ когтей,
Никая тварь не убѣгаетъ:
Монархъ и узникъ—снѣдь червей,
Гробницы злость стихій снѣдаетъ;
Зіяетъ время славу стерть.
Какъ въ море льются быстры воды,
Такъ въ вѣчность льются дни и годы;
Глотаетъ царства алчна смерть.

Скользимъ мы бездны на краю,
Въ которую стремглавъ свалимся,
Пріемлемъ съ жизнью смерть свою,
На то, чтобъ умереть, родимся.
Безъ жалости все смерть разитъ:
И звѣзды ею сокрушатся,
И солнцы ею потушатся,
И всѣмъ мірамъ она грозитъ.

Не мнитъ лишь смертный умирать
И быть себя онъ вѣчнымъ чаетъ:
Приходитъ смерть къ нему, какъ тать,
И жизнь внезапу похищаетъ.
Увы! гдѣ меньше страха намъ,
Тамъ можетъ смерть постичь скорѣе;
Ея и громы не быстрѣе
Слетаютъ къ гордымъ вышинамъ.

Сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ,
Куда, Мещерскій, ты сокрылся?
Оставилъ ты сей жизни брегъ,
Къ брегамъ ты мертвыхъ удалился;
Здѣсь персть твоя, а духа нѣтъ.
Гдѣжъ онъ?—Онъ тамъ.—Гдѣ тамъ?
Не знаемъ.
Мы только плачемъ и взываемъ:
О горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ

Утѣхи, радость и любовь
Гдѣ купно съ здравіемъ блистали,
У всѣхъ тамъ цѣпенѣетъ кровь
И духъ мятется отъ печали.
Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ;
Гдѣ пиршествъ раздавались лики,
Надгробные тамъ воютъ клики,
И блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ.

Глядитъ на всѣхъ,—и на царей
Кому въ державу тѣсны міры;
Глядитъ на пышныхъ богачей,
Что въ златѣ и сребрѣ кумиры;
Глядитъ на прелесть и красы,
Глядитъ на разумъ возвышенный,
Глядитъ на силы дерзновенны,—
И точитъ лезвее косы.

Смерть, трепетъ естества и страхъ!
Мы гордость, съ бѣдностью совмѣстна;
Сегодня Богъ, а завтра прахъ;
Сегодня льститъ надежда лестна,
А завтра—гдѣ ты, человѣкъ?
Едва часы протечь успѣли,
Хаоса въ бездну улетѣли,
И весь, какъ сонъ, прошелъ твой вѣкъ.

Какъ сонъ, какъ сладкая мечта,
Исчезла и моя ужъ младость:

(¹) Звонъ часовъ.

Не сильно нѣжитъ красота,
Не столько восхищаетъ радость,
Не столько легкомысленъ умъ,
Не столько я благополученъ,
Желаніемъ честей размученъ,
Зоветъ, я слышу, славы шумъ.

Но такъ и мужество пройдетъ
И вмѣстѣ къ славѣ съ нимъ стремленье;
Богатствъ стяжаніе минетъ,
И въ сердцѣ всѣхъ страстей волненье
Прейдетъ, прейдетъ въ чреду свою.
Подите счастьи прочь возможны!
Вы всѣ премѣнны здѣсь и ложны:
Я въ дверяхъ вѣчности стою.

Сей день иль завтра умереть,
Перфильевъ! должно намъ конечно:
Почтожъ терзаться и скорбѣть,
Что смертный другъ твой жилъ не вѣчно?
Жизнь есть небесъ мгновенный даръ:
Устрой ее себѣ къ покою,
И съ чистою твоей душою
Благословляй судебъ ударъ.

г. Памятникъ (1796 г.)

Я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный!
Металловъ тверже онъ и выше пирамидъ:
Ни вихрь его, ни громъ не сломитъ быстротечный
И времени полетъ его не сокрушитъ.
Такъ! Весь я не умру; но часть меня большая,
Отъ тлѣна убѣжавъ, по смерти станетъ жить,
И слава возрастетъ моя, не увядая,
Доколь Славяновъ родъ вселенна будетъ чтить.
Слухъ пройдетъ обо мнѣ отъ Бѣлыхъ водъ до Черныхъ,
Гдѣ Волга, Донъ, Нева, съ Рифея льетъ Уралъ:
Всякъ будетъ помнить то въ народахъ неисчетныхъ,
Какъ изъ безвѣстности я тѣмъ извѣстенъ сталъ,
Что первый я дерзнулъ въ забавномъ Русскомъ слогѣ,
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить,
Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ,
И истину Царямъ съ улыбкой говорить.
О Муза! возгордись заслугой справедливой,
И презритъ кто тебя, сама тѣхъ презирай;
Непринужденною рукой, неторопливой,
Чело твое зарей безсмертія вѣнчай

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Ода горація.

МЕЛЬПОМЕНѢ.

Воздвигъ я памятникъ вѣчнѣе мѣди прочной,
И зданій царственныхъ превыше пирамидъ;
Его ни ѣдкій дождь, ни аквилонъ полночной,
Ни рядъ безчисленный годовъ не истребитъ.
Нѣтъ, я не весь умру и жизни лучшей долей
Избѣгну похоронъ, и славный мой вѣнецъ
Все будетъ зеленѣть, доколѣ въ Капитолій
Съ безмолвной дѣвою старѣйшій ходитъ жрецъ.
Слухъ обо мнѣ пройдетъ на берегъ говорливый
Ауфида быстраго и до безводныхъ странъ,
Гдѣ съ трона судитъ Давнъ народъ трудолюбивый —
Что изъ ничтожества былъ славой я избранъ,
За то, что первый я на голосъ эолійскій
Свелъ пѣснь Италіи. О Мельпомена! свей
Въ награду мнѣ за трудъ сама вѣнецъ дельфійскій
И лавромъ увѣнчай руно моихъ кудрей.

ФОНЪ-ВИЗИНЪ.

Недоросль.

Комедія (1782).

Главныя дѣйствующія лица. Простаковъ, жена его, сынъ Митрофанъ и мамка Еремеевна. Правдинъ, Стародумъ, племянница его Софья и Милонъ, женихъ Софьи по ея выбору. Скотининъ, братъ Простаковой. Три учителя: Кутейкинъ, Цыфиркинъ и Вральманъ. Тришка портной.

Содержаніе. Софья сирота, живетъ въ домѣ Простаковой, которая завѣдуетъ ея имѣніемъ и, чтобы окончательно прибрать его къ рукамъ, хочетъ женить на Софьѣ Скотинина. Въ день назначенный Простаковой для сговора, Софья получаетъ изъ Сибири отъ дяди письмо, изъ котораго узнаетъ, что дядя въ Сибири разбогатѣлъ, назначаетъ Софью своею наслѣдницею и скоро самъ пріѣдетъ сюда. Пр-ва хочетъ выдать Софью уже за Митр. (Дѣй. 1). Въ деревнѣ останавливается на время партія солдатъ. Въ начальникѣ ихъ Милонѣ Софья узнаетъ того человѣка, котораго она полюбила въ Москвѣ и уже болѣе не надѣялась встрѣтить. Митрофанъ и Скотининъ, узнавъ, что они между собою соперники въ любви къ Софьѣ, вступаютъ въ драку, но Еремеевна разнимаетъ ихъ (Дѣйс. 2). Стародумъ пріѣзжаетъ, съ радостію встрѣчаетъ Софью и даетъ ей право выбирать жениха по желанію. Простакова льститъ передъ Стародумомъ, разхваливаетъ своего сына и описываетъ свои заботы о его воспитаніи. Когда Стародумъ отдыхаетъ, Митрофанъ для виду учится (Дѣйст. 3). Стародумъ получаетъ изъ Москвы письмо, гдѣ рекомендуютъ ему прекраснаго жениха для Софьи. Оказывается, что онъ и есть Милонъ. По желанію Простаковой Стародумъ экзаменуетъ Митрофана, потомъ объявляетъ о своемъ намѣреніи завтра уѣхать вмѣстѣ съ Софьей. Простакова хочетъ тайно обвѣнчать Софью и Митрофана (Дѣйст. 4). Прислуга хочетъ схватить Софью, но Правдинъ и Милонъ выручаютъ ее, угрожая Простаковой судомъ. Она проситъ прощенья и получивъ его, намѣревается наказать прислугу. Тогда Правдинъ объявляетъ ей указъ объ опекѣ надъ ея имуществомъ и расплачивается съ учителями. Растерянная Простакова обращается къ сыну, какъ къ единственному утѣшенію, но и тотъ ее отталкиваетъ (Дѣйст. 5).

ДѢЙСТВІЕ 1-Е.

ЯВЛЕНІЕ 1-Е.

Г-жа Простакова, Митрофанъ, Еремеевна.

Г-жа П-ва (*осматривая кафтанъ на Митрофанѣ*). Кафтанъ весь испорченъ. Еремеевна, введи сюда мошенника Тришку. (*Еремеевна отходитъ*). Онъ, воръ, вездѣ его обузилъ. Митрофанушка, другъ мой, я чаю тебя жметъ до смерти. Позови сюда отца. (*Митрофанъ отходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 2-Е.

Г-жа Простакова, Еремеевна, Тришка.

Г-жа П-ва (*Тришкѣ*). Ахъ ты, скотъ, подойди поближе. Не говорила-ль я тебѣ, воровская харя, чтобъ ты кафтанъ пустилъ шире. Дитя, первое, растетъ, другое, дитя и безъ узкаго кафтана деликатнаго сложенія. Скажи, болванъ, чѣмъ ты оправдаешься?

Тришка. Да вѣдь я, сударыня, учился самоучкой. Я тогда же вамъ докладывалъ; ну, да извольте отдавать портному.

Г-жа П-ва. Такъ развѣ необходимо надобно быть портнымъ, чтобъ умѣть сшить кафтанъ хорошенько. Экое скотское разсужденіе.

Тришка. Да вѣдь портной-то учился, сударыня, а я нѣтъ.

Г-жа П-ва. Еще онъ же и споритъ. Портной учился у другаго, другой у третьяго; да первой-то портной у кого же учился? Говори, скотъ.

Тришка. Да первой-то портной можетъ быть шилъ хуже и моего.

Митрофанъ (*вбѣгаетъ*). Звалъ батюшку. Изволилъ сказать: тотчасъ.

Г-жа П-ва. Такъ поди же вытащи его, коли добромъ не дозовешься.

М-фанъ. Да вотъ и батюшка.

ЯВЛЕНІЕ 3-Е.

Те же и Простаковъ.

Г-жа П-ва. Что ты отъ меня прятаться изволишь? Вотъ, сударь, до чего я дожила съ твоимъ потворствомъ. Какова сыну обновка къ дядину сговору? каковъ кафтанецъ Тришка сшить изволилъ?

П-ковъ (*отъ робости запинаясь*). Мѣ... мѣшковатъ немного.

Г-жа П-ва. Самъ ты мѣшковатъ, умная голова.

П-ковъ. Да я думалъ, матушка, что тебѣ такъ кажется.

Г-жа П-ва. А ты самъ развѣ ослѣпъ?

П-ковъ. При твоихъ глазахъ мои ничего не видятъ.

Г-жа П-ва. Вотъ какимъ муженькомъ наградилъ меня Господь! не смыслитъ самъ разобрать, что широко, что узко.

П-ковъ. Въ этомъ я тебѣ, матушка, и вѣрилъ и вѣрю.

Г-жа П-ва. Такъ вѣрь же и тому, что я холопамъ потакать не намѣрена. Поди, сударь, и теперь же накажи...

ЯВЛЕНІЕ 4-Е.

Тѣ же и Скотининъ.

Ск-нъ. Кого? за что? въ день моего сговора! Я прошу тебя, сестрица, для такого праздника отложить наказаніе до завтраго; а завтра, коль изволишь, я и самъ охотно помогу. Небудь я Тарасъ Скотининъ, если у меня не всякая вина виновата. У меня въ этомъ, сестрица, одинъ обычай съ тобою. Да что жъ ты такъ прогнѣвалась?

Г-жа П-ова Да вотъ, братецъ, на твои глаза пошлюсь. Митрофанушка, подойди сюда. Мѣшковатъ ли этотъ кафтанъ?

Ск-нъ Нѣтъ.

П-ковъ. Да я и самъ уже вижу, матушка, что онъ узокъ.

Ск-нъ. Я и этого не вижу. Кафтанецъ, братъ, сшитъ изрядненько.

Г-жа П-ва (*Тришкѣ*). Выди вонъ, скотъ. (*Еремеевнѣ*). Подижъ, Еремеевна, дай позавтракать ребенку. Вѣдь я чаю скоро и учители придутъ.

Е-евна. Онъ уже и такъ, матушка, пять булочекъ скушать изволилъ.

Г. П-ва. Такъ тебѣ жаль шестой, бестія! Вотъ какое усердіе! изволь смотрѣть.

Е-евна. Да во здравіе, матушка. Я вѣдь сказала это для Митрофана же Терентьевича. Протосковалъ до самаго утра.

Г-жа П-ва. Ахъ, Мати Божія! что съ тобой сдѣлалось, Митрофанушка?

М-анъ. Такъ, матушка. Вчера послѣ ужина схватило.

Ск-нъ. Да видно, братъ, поужиналъ ты плотно.

М-анъ. А я, дядюшка почти и вовсе не ужиналъ.

П-ковъ. Помнится, другъ мой, ты что-то скушать изволилъ.

М-анъ. Да что! солонины ломтика три, да подовыхъ, не помню пять, не помню шесть.

Е-эвна. Ночью то и дѣло испить просилъ. Квасу цѣлой кувшинецъ выкушать изволилъ.

М-анъ. И теперь какъ шальной хожу. Ночь всю такая дрянь въ глаза лѣзла.

Г-жа П-ва. Какаяжъ дрянь, Митрофанушка?.

М-аъ. Да то ты матушка, то батюшка.

Г-жа П-ва. Какъ же это?

М-аъ. Лишь стану засыпать, то и вижу, будто ты, матушка, изволишь бить батюшку.

П-ковъ. (*Въ сторону*). Ну! бѣда моя! сонъ въ руку!

М-анъ. (*разнѣжась*). Такъ мнѣ и жаль стало.

Г-жа П-ва. (*съ досадою*). Кого, Митрофанушка?

М-анъ. Тебя, матушка: ты такъ устала, колотя батюшку.

Г-жа П-ва. Обойми меня, другъ мой сердечной! Вотъ сынокъ одно мое утѣшеніе.

Ск-нъ. Ну, Митрофанушка! ты, я вижу, матушкинъ сынокъ, а не батюшкинъ.

П-ковъ. По крайней мѣрѣ я люблю его, какъ надлежитъ родителю; то-то умное дитя, то-то разумное; забавникъ, затѣйникъ, иногда я отъ него внѣ себя, и отъ радости самъ истинно не вѣрю, что онъ мой сынъ.

Ск-нъ. Только теперь забавникъ нашъ стоитъ что-то нахмурясь.

Г-жа П-ва. Ужъ не послать ли за докторомъ въ городъ?

М-анъ. Нѣтъ, нѣтъ, матушка. Я ужъ лучше самъ выздоровѣю. Побѣгу-тка теперь на голубятню, такъ авось либо...

Г-жа П-ва. Такъ авось либо, Господь милостивъ. Поди, порѣзвись, Митрофанушка. (*Митрофанъ съ Еремеевною отходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Г-жа Простакова, Простаковъ, Скотининъ.

Ск-нъ. Чтожъ я не вижу моей невѣсты? гдѣ она? Ввечеру быть уже сговору: такъ не пора ли ей сказать, что выдаютъ ее замужъ?

Г-жа П-ва. Успѣемъ, братецъ. Если ей это сказать прежде времени, то она можетъ еще подумать, что мы ее докладываемся. Хотя по мужѣ, однако я ей свойственница; а я люблю, чтобъ и чужіе меня слушали.

П-ковъ (*Скотинину*). Правду сказать, мы поступили съ Софьюшкой, какъ съ сущею сироткой. Послѣ отца осталась она младенцемъ. Тому съ полгода, какъ ея матушкѣ, а моей сватьюшкѣ, сдѣлался ударъ.

Г-жа П-ва (*показывая, будто крѣститъ сердце*). Съ нами сила крестная!

П-ковъ. Отъ котораго она и на тотъ свѣтъ пошла. Дядюшка ея, г. Стародумъ, поѣхалъ въ Сибирь, а какъ нѣсколько уже лѣтъ не было о немъ ни слуху, ни вѣсти, то мы и считаемъ его покойникомъ. Мы, видя, что она осталась одна, взяли ее въ нашу деревеньку, и надзираемъ надъ ея имѣніемъ, какъ надъ своимъ.

Г-жа П-ва. Что, что ты сегодня такъ разоврался, мой батюшко? Еще братецъ можетъ подумать, что мы для интересу ее къ себѣ взяли.

П-ковъ. Ну какъ матушка, ему это подумать? Вѣдь Софьюшкино недвижимое имѣніе намъ къ себѣ придвинуть не можно.

Ск-нъ. А движимое хотя и выдвинуто, я не челобитчикъ. Хлопотать я не люблю, да и боюсь. Сколько меня сосѣди ни обижали, сколько убытку ни дѣлали, я ни на кого не билъ челомъ: а всякой убытокъ, чѣмъ за нимъ ходить, сдеру съ своихъ же крестьянъ, такъ и концы въ воду.

П-ковъ. То правда, братецъ: весь околотокъ говоритъ, что ты мастерски оброкъ собираешь.

Г-жа П-ва. Хоть бы насъ поучилъ, братецъ батюшка: а мы ни какъ не умѣемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ все, что у крестьянъ ни было, мы отобрали, ничего уже содрать не можемъ. Такая бѣда!

Ск-нъ. Изволь, сестрица, поучу васъ, поучу, лишь жените меня на Софьюшкѣ.

Г-жа П-ва. Неужели тебѣ эта дѣвчонка такъ понравилась?

Ск-нъ. Нѣтъ, мнѣ нравится не дѣвчонка.

П-ковъ. Такъ по сосѣдству ея деревеньки?

Ск-нъ. И не деревеньки, а то, что въ деревенькахъ-то ея водится, и до чего моя смертная охота.

Г-жа П-ва. До чего же, братецъ?

Ск-нъ. Люблю свиней, сестрица: а у насъ въ околоткѣ такія крупныя свиньи, что нѣтъ изъ нихъ ни одной, которая, ставъ на заднія ноги, не была бы выше каждаго изъ насъ цѣлою головою.

П-ковъ. Странное дѣло, братецъ, какъ родня на родню походить можетъ. Митрофанушка нашъ весь въ дядю. И онъ до свиней съ-измала такой же охотникъ, какъ и ты. Какъ былъ еще трехъ лѣтъ, такъ бывало, увидя свинку, задрожитъ съ радости.

Ск-нъ. Это, подлинно, диковинка! Ну пусть, братецъ, Митрофанъ любитъ свиней для того, что онъ мой племянникъ. Тутъ есть какое нибудь сходство: да отъ чего же я къ свиньямъ-то такъ сильно пристрастился?

П-ковъ. И тутъ есть же какое нибудь сходство. Я такъ разсуждаю.

ЯВЛЕНІЕ 6.

Тѣ же и Софья. *(Софья вошла, держа письмо въ рукѣ и имѣя веселый видъ).*

Г-жа Простакова (*Софьѣ*). Что такъ весела, матушка? Чему обрадовалась?

Софья. Я получила сейчасъ радостное извѣстіе. Дядюшка, о которомъ столь долго мы ничего не знали, котораго люблю и почитаю, какъ отца моего, на сихъ дняхъ въ Москву пріѣхалъ. Вотъ письмо, которое я отъ него теперь получила.

Г-жа П-ва (*испугавшись съ злобою*). Какъ, Стародумъ, твой дядюшка, живъ! И ты изволишь затѣвать, что онъ воскресъ! Вотъ изрядной вымыселъ!

Софья. Да онъ никогда не умиралъ.

Г-жа П-ва. Не умиралъ! А развѣ ему и умереть нельзя? Нѣтъ, сударыня, это твои вымыслы, чтобы дядюшкою своимъ насъ застращать, чтобъ мы дали тебѣ волю. Дадюшка-де человѣкъ умный; онъ, увидя меня въ чужихъ рукахъ, найдетъ способъ меня выручить. Вотъ чему ты рада, сударыня; однако пожалуй не очень веселись: дядюшка твой конечно не воскресалъ.

Ск-нъ. Сестрица! ну да коли не умиралъ?

П-въ. Избави Боже, коли онъ не умиралъ?

Г-жа П-ва (*къ мужу*). Какъ, не умиралъ? Что ты бабушку путаешь? Развѣ ты не знаешь, что ужь нѣсколько лѣтъ отъ меня его и въ памятцахъ за упокой поминали? Неушто таки и грѣшныя-то мои молитвы не доходили. (*къСофьѣ*). Письмецо-то мнѣ пожалуй (*Почти вырываетъ*). Я объ закладъ бьюсь, что оно какое нибудь амурное, и догадываюсь отъ кого. Это отъ того офицера, который искалъ на тебѣ жениться и за котораго ты сама идти хотѣла. Да которая бестія безъ моего спросу отдаетъ тебѣ письма? Я доберусь. Вотъ до чего дожили: къ дѣвушкамъ письма пишутъ! Дѣвушки грамотѣ умѣютъ!

Софья. Прочтите его сами, сударыня. Вы увидите, что ничего невиннѣе быть не можетъ.

Г-жа П-ва. Прочтите его сами! Нѣтъ, сударыня, я, благодаря Бога, не такъ воспитана. Я могу письма получать, а читать ихъ всегда велю другому. (*Къ мужу*). Читай.

П-въ. (*долго смотря*). Мудрено.

Г-жа П-ва. И тебя, мой батюшка, видно воспитывали, какъ красную дѣвицу. Братецъ, прочти потрудись.

Ск-нъ. Я? Я отъ роду ничего не читалъ, сестрица! Богъ меня избавилъ этой скуки.

Софья. Позвольте мнѣ прочесть.

Г-жа П-ва. О, матушка, знаю, что ты мастерица, да лишь не очень тебѣ вѣрю, Вотъ, я чаю, учитель Митрофанушкинъ скоро придетъ. Ему велю.

Ск-нъ. А ужъ зачали молодца учить грамотѣ?

Г-жа П-ва. Ахъ, батюшка, братецъ! Ужъ года четыре, какъ учится. Нечего, грѣхъ сказать, чтобъ мы не старались воспитывать Митрофанушку: троимъ учителямъ денежки платимъ. Для грамоты ходитъ къ нему дьячекъ отъ Покрова, Кутейникъ. Арихметикѣ учитъ его, батюшко, одинъ отставной сержантъ Цыфиркинъ. Оба они приходятъ сюда изъ города. Вѣдь отъ насъ и городъ въ трехъ верстахъ, батюшка. По французски и всѣмъ наукамъ обучаетъ его Нѣмецъ, Адамъ Адамычъ Вральманъ. Этому по триста рубликовъ на годъ; сажаемъ за столъ съ собою; бѣлье его наши бабы моютъ; куда надобно, лошадь; за столомъ стаканъ вина, на ночь сальная свѣчка, и парикъ направляетъ нашъ же Ѳомка даромъ. Правду сказать, и мы имъ довольны, батюшка братецъ. Онъ ребенка не неволитъ. Вѣдь, мой батюшка, пока Митрофанушка еще въ недоросляхъ, пота его и понѣжить: а тамъ, лѣтъ черезъ десятокъ, какъ войдетъ, избави Боже, въ службу, всего натерпится. Какъ кому счастье на роду написано, братецъ. Изъ нашей же фамиліи Простаковыхъ, смотритка, на боку лежа,

летятъ себѣ въ чины. Чемъ же плоше ихъ Митрофанушка? Ба! да вотъ пожаловалъ къ стати дорогой нашъ постоялецъ.

ЯВЛЕНІЕ 7.

Тѣже же и Правдинъ.

Г-жа П-ва. Братецъ, другъ мой! Рекомендую вамъ дорогаго гостя нашего, господина Правдина, а вамъ, государь мой, рекомендую брата моего.

Пр-нъ. Радуюсь, сдѣлавъ ваше знакомство.

Ск-нъ. Хорошо, государь мой; а какъ по фамиліи? Я не дослышалъ.

Пр-нъ. Я называюсь Правдинъ, чтобъ вы дослышали.

Ск-нъ. Какой уроженецъ, государь мой? Гдѣ деревеньки?

Пр-нъ. Я родился въ Москвѣ, ежели вамъ то знать надобно, а деревни мои въ здѣшнемъ намѣстничествѣ.

Ск-нъ. А смѣю ли спросить, государь мой, имени и отечества не знаю; въ деревенькахъ вашихъ водятся ли свинки?

Г-жа П-ва. Полно, братецъ, о свиньяхъ-то начинать. Поговоримъ-ка лучше о нашемъ горѣ. *(Къ Правдину)*. Вотъ, батюшка! Богъ велѣлъ намъ взять на свои руки дѣвицу. Она изволитъ получать грамотки отъ дядюшекъ; къ ней съ того свѣта дядюшки пишутъ. Сдѣлай милость, мой батюшка, потрудись, прочти всѣмъ намъ въ слухъ.

Пр-нъ. Извините меня, сударыня. Я никогда не читаю писемъ безъ позволенія тѣхъ, къ кому онѣ писаны.

Софья. Я васъ о томъ прошу. Вы меня тѣмъ очень одолжите.

Пр-нъ. Если вы приказываете *(читаетъ)*. «Любезная племянница! Дѣла «мои принудили меня жить нѣсколько «лѣтъ въ разлукѣ съ моими ближними, «а дальность лишила меня удовольствія «имѣть о васъ извѣстія. Я теперь въ Москвѣ, проживъ нѣсколько лѣтъ въ Сибири. Я могу служить примѣромъ, что «трудами и честностію состояніе свое «сдѣлать можно. Сими средствами съ «помощію счастія нажилъ я десять тысячъ рублей доходу»...

Ск-нъ и оба Пр-ковы. Десять тысячь!

Пр-нъ *(читаетъ)*... «которымъ тебя, моя любезная племянница, тебя дѣлаю наслѣдницею»...

Г-жа Пр-ва. Тебя наслѣдницею! } *Вмѣстѣ.*

Пр-ковъ. Софью наслѣдницею! } *Вмѣстѣ.*

Ск-нъ. Ее наслѣдницею! } *Вмѣстѣ.*

Г-жа Пр-ва *(бросясь обнимать Софью)*. Поздравляю, Софьюшка, душа моя! Я внѣ себя отъ радости. Теперь тебѣ надобенъ женихъ. Я, я лучшей невѣсты и Митрофанушкѣ не желаю. То-то дядюшка! То-то отецъ родной! Я и сама всетаки думала, что Богъ его хранитъ, что онъ еще здравствуетъ.

Ск-нъ *(протянувъ руку)*. Ну, сестрица, скорѣй же по рукамъ.

Г-жа П-ва *(тихо Скотинину)*. Постой, братецъ: сперва надобно спросить ее, хочетъ ли еще она за тебя выдти?

С-кнъ. Какъ! что за вопросъ! неужто ты ее докладываться станешь?

Пр-ин. Позволите ли письмо дочитать?

Ск-нъ. А на что? Да хоть пять лѣтъ читай, лучше десяти тысячь не дочитаешься.

Г-жа П-ва *(Софьѣ)*. Софьюшка, душа моя! пойдемъ ко мнѣ въ спальню. Мнѣ крайняя нужда съ тобою поговорить *(увела Софью)*.

Ск-нъ. Ба! такъ я вижу, что сегодня сговору-то врядъ и быть ли.

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Правдинъ, Простаковъ, Скотининъ, слуга.

Слуга *(къ Простакову, запыхавшись)*. Баринъ! баринъ! Солдаты пришли, остановились въ нашей деревнѣ.

Простаковъ. Какая бѣда! Ну, разорятъ насъ до конца!

Правдинъ. Чего вы испугались?

Пр-въ. Ахъ ты отецъ родной! мы уже

видали виды. Я къ нимъ и появиться не смѣю.

Пр-нъ Не бойтесь. Ихъ конечно ведетъ офицеръ, который не допуститъ ни до какой наглости. Пойдемъ къ нему со мною. Я увѣренъ, что вы робѣете напрасно. (*Пр-нъ, Пр-овъ, и слуга отходятъ*).

Скотининъ. Всѣ меня одного оставили. Пойти было прогуляться на скотный дворъ.

(Конецъ перваго дѣйствія).

ДѢЙСТВІЕ 3-Е.

ЯВЛЕНІЕ 1-Е.

Стародумъ и Правдинъ.

Пр-нъ. Лишь только изъ-за стола встали, и я, подошедъ къ окну, увидѣлъ вашу карету, то, не сказавъ никому, выбѣжалъ къ вамъ на встрѣчу, обнять васъ отъ всего сердца. Мое къ вамъ душевное почтеніе...

Ст-умъ. Оно мнѣ драгоцѣнно, повѣрь мнѣ.

Пр-динъ. Ваша ко мнѣ дружба тѣмъ лестнѣе, что вы не можете имѣть ее къ другимъ, кромѣ такихъ...

Ст-умъ. Каковъ ты. Я говорю безъ чиновъ. Начинаются чины, перестаетъ искренность.

Пр-динъ. Ваше обхожденіе.

Ст-умъ. Ему многіе смѣются. Я это знаю. Быть такъ. Отецъ мой воспиталъ меня по тогдашнему, а я не нашелъ и нужды себя перевоспитывать. Служилъ онъ Петру Великому. Тогда одинъ человѣкъ назывался ты, а не вы; тогда не знали еще заражать людей столько, чтобъ всякой считалъ себя за многихъ. За то нынче многіе не стоятъ одного. Отецъ мой у двора Петра Великаго...

Пр-нъ. А я слышалъ, что онъ въ военной службѣ.

Ст-умъ. Въ тогдашнемъ вѣкѣ придворные были воины, да воины не были придворные. Воспитаніе дано мнѣ было отцомъ моимъ по тому вѣку наилучшее. Въ то время къ наученію мало было способовъ, да и не умѣли еще чужимъ умомъ набивать пустую голову.

Пр-нъ. Тогдашнее воспитаніе дѣйствительно состояло въ нѣсколькихъ правилахъ...

Ст-умъ. Въ одномъ. Отецъ мой непрестанно мнѣ твердилъ одно и то же: имѣй сердце, имѣй душу, и будешь человѣкъ во всякое время. На все прочее мода: на умы мода, на званія мода, какъ на пряжки, на пуговицы.

Пр-нъ. Вы говорите истину. Прямое достоинство въ человѣкѣ есть душа...

Ст-умъ. Безъ нее просвѣщеннѣйшая умница жалкая тварь. (*Съ чувствомъ*). Невѣжда безъ души—звѣрь. Самой мелкой подвигъ вводитъ его во всякое преступленіе. Между тѣмъ, что онъ дѣлаетъ, и тѣмъ, для чего онъ дѣлаетъ, никакихъ вѣсовъ у него нѣтъ. Отъ такихъ-то животныхъ пришелъ я свободить...

Пр-нъ. Вашу племянницу. Я это знаю, Она здѣсь. Пойдемъ...

Ст-умъ. Постой. Сердце мое кипитъ еще негодованіемъ на недостойный поступокъ здѣшнихъ хозяевъ. Побудемъ здѣсь нѣсколько минутъ. У меня правило: въ первомъ движеніи ничего не начинать.

Пр-нъ. Рѣдкіе правило ваше наблюдать умѣютъ.

Ст-умъ. Опыты жизни моей меня къ тому пріучили. О, еслибъ я ранѣе умѣлъ владѣть собою, я имѣлъ-бы удовольствіе служить долѣе отечеству.

Пр-нъ. Какимъ же образомъ? Произшествія съ человѣкомъ вашихъ качествъ никому равнодушны быть не могутъ. Вы меня крайне одолжите, если разскажете...

Ст-умъ. Я ни отъ кого ихъ не таю для того, чтобъ другіе въ подобномъ положеніи нашлись меня умнѣе. Вошедъ въ военную службу, познакомился я съ молодымъ Графомъ, котораго имени я и вспомнить не хочу. Онъ былъ по службѣ меня моложе, сынъ случайнаго отца, воспитанъ въ большомъ свѣтѣ, и

имѣлъ особливый случай научиться тому, что въ наше воспитаніе еще и не входило. Я всѣ силы употребилъ снискать его дружбу, чтобъ всегдашнимъ съ нимъ обхожденіемъ наградить недостатки моего воспитанія. Въ самое то время, когда взаимная наша дружба утверждалась, услышали мы нечаянно, что объявлена война. Я бросился обнимать его съ радостію. «Любезный Графъ! вотъ случай намъ отличить себя. Пойдемъ тотчасъ въ армію и сдѣлаемся достойными званія дворянина, которое намъ дала порода». Вдругъ мой Графъ сильно наморщился, и, обнявъ меня сухо: «Счастливый тебѣ путь, сказалъ мнѣ, а я ласкаюсь, что батюшка не захочетъ со мною разстаться». Ни съ чѣмъ нельзя сравнить презрѣнія, которое ощутилъ я къ нему въ ту же минуту. Тутъ увидѣлъ я, что между людьми случайными и людьми почтенными бываетъ иногда неизмѣримая разница; что въ большомъ свѣтѣ водятся премелкія души, и что съ великимъ просвѣщеніемъ можно быть великому скареду.

Пр-нъ. Сущая истина.

Ст-умъ. Оставя его, поѣхалъ я немедленно, куда звала меня должность. Многіе случаи имѣлъ я отличить себя. Раны мои доказываютъ, что я ихъ и не пропускалъ. Доброе мнѣніе обо мнѣ начальниковъ и войска было лестною наградою службы моей, какъ вдругъ получилъ я извѣстіе, что Графъ, прежній мой знакомецъ, о которомъ я гнушался вспоминать, произведенъ чиномъ, а обойденъ я, — я, лежавшій тогда отъ ранъ въ тяжкой болѣзни. Такое неправосудіе растерзало мое сердце, и я тотчасъ взялъ отставку.

Пр-нъ. Что жъ бы иное и дѣлать надлежало?

Ст-умъ. Надлежало образумиться. Не умѣлъ я остеречься отъ первыхъ движеній раздраженнаго моего любочестія. Горячность не допустила меня тогда разсудить, что прямо любочестивый человѣкъ ревнуетъ къ дѣламъ, а не къ чинамъ; что чины нерѣдко выпрашиваются, а истинное почтеніе необходимо заслуживается; что гораздо честнѣе быть безъ вины обойдену, нежели безъ заслугъ жаловану.

Пр-динъ. Но развѣ дворянину не позволяется взять отставки ни въ какомъ уже случаѣ?

Ст-думъ. Въ одномъ только: когда онъ внутренно удостовѣренъ, что служба его отечеству прямой пользы не приноситъ. А! тогда поди.

Пр-динъ. Вы даете чувствовать истинное существо должности дворянина.

Ст-думъ. Взявъ отставку, пріѣхалъ я въ Петербургъ. Тутъ слѣпой случай завелъ меня въ такую сторону, о которой мнѣ отъ роду и въ голову не приходило.

Пр-динъ. Куда же?

Ст-думъ. Ко Двору. Меня взяли ко Двору. А? Какъ ты объ этомъ думаешь?

Пр-динъ. Какъ же вамъ эта сторона показалась?

Ст-умъ. Любопытна. Первое показалось мнѣ странно то, что въ этой сторонѣ по большой прямой дорогѣ никто почти не ѣздитъ, а всѣ объѣзжаютъ крюкомъ, надѣясь доѣхать поскорѣе.

Пр-димъ. Хоть крюкомъ, да просторна ли дорога?

Ст-умъ. А такова-та просторна, что двое, встрѣтясь, разойтиться не могутъ. Одинъ другаго сваливаетъ, и тотъ, кто на ногахъ, не поднимаетъ уже никогда того, кто на землѣ.

Пр-динъ. Такъ поэтому тутъ самолюбіе...

Ст-умъ. Тутъ не самолюбіе, а, такъ назвать, себялюбіе. Тутъ себя любитъ отмѣнно; о себѣ одномъ пекутся; объ одномъ настоящемъ часѣ суетятся. Ты не повѣришь: я видѣлъ тутъ множество людей, которымъ во всѣ случаи ихъ жизни ни разу на мысль не приходили ни предки, ни потомки.

Пр-динъ. Но тѣ достойные люди, которые у Двора служатъ государству....

Ст-умъ. О! тѣ не оставляютъ Двора для того, что они Двору полезны; а прочіе для того, что Дворъ имъ полезенъ. Я

*

не былъ въ числѣ первыхъ, и не хотѣлъ быть въ числѣ послѣднихъ.

Пр-динъ. Васъ конечно у Двора не узнали?

Ст-думъ. Тѣмъ для меня лучше. Я успѣлъ убраться безъ хлопотъ; а то бы выжили жъ меня однимъ изъ двухъ маперовъ.

Пр-динъ. Какихъ?

Ст-умъ. Отъ Двора, мой другъ, выживаютъ двумя манерами: либо на тебя разсердятся, либо тебя разсердятъ. Я не сталъ дожидаться ни того ни другаго; разсудилъ, что лучше вести жизнь у себя дома, нежели въ чужой передней.

Пр-динъ. И такъ вы отошли отъ Двора ни съ чѣмъ? *(Окрываетъ свою табакерку)*.

Ст-умъ. (*Беретъ у Правдина табакъ*). Какъ ни съ чѣмъ? Табакеркѣ цѣна пятьсотъ рублевъ. Пришли къ купцу двое. Одинъ, заплатя деньги, принесъ домой табакерку. Другой пришелъ домой безъ табакерки. И ты думаешь, что другой пришелъ домой ни съ чѣмъ? Ошибаешься. Онъ принесъ назадъ свои пятьсотъ рублевъ цѣлы. Я отошелъ отъ Двора безъ деревень, безъ ленты, безъ чиновъ, да мое принесъ домой неповрежденно: мою душу, мою честь, мои правила.

Пр-динъ. Съ вашими правилами людей не отпускать отъ Двора, а ко Двору призывать надобно.

Ст-умъ. Призывать? А зачѣмъ?

Пр-динъ. Затѣмъ, зачѣмъ къ больнымъ врача призываютъ.

Ст-умъ. Мой другъ ошибаешься. Тщетно звать врача къ больнымъ неисцѣльно: тутъ врачъ не пособитъ, развѣ самъ заразится.

ЯВЛЕНІЕ 2-Е.

Тѣ же и Софья.

Софья (*къ Правдину*). Силъ моихъ не стало отъ ихъ шуму.

Ст-умъ. (*въ сторону*). Вотъ черты лица ея матери. Вотъ моя Софья.

Софья (*смотря на Стародума*). Боже мой! Онъ меня назвалъ. Сердце мое меня не обманываетъ....

Ст-умъ. (*обнявъ ее*). Нѣтъ! ты дочь моей сестры, дочь сердца моего!

Софья (*бросясь въ его объятія*). Дядюшка! я внѣ себя съ радости,

Ст-думъ. Любезная Софья! Я узналъ въ Москвѣ, что ты живешь здѣсь противъ воли. Мнѣ на свѣтѣ шестьдесятъ лѣтъ. Случалось быть часто раздраженнымъ, иногда быть собой довольнымъ. Ничто такъ не терзало мое сердце, какъ невинность въ сѣтяхъ коварства; никогда не бывалъ я такъ собой доволенъ, какъ если случалось вырвать добычу изъ рукъ порока.

Пр-динъ. Сколь пріятно быть тому и свидѣтелемъ!

Софья. Дядюшка! ваши ко мнѣ милости....

Ст-думъ. Ты знаешь, что я одной тобой привязанъ къ жизни. Ты должна дѣлать утѣшеніе моей старости, а мои попеченія твое счастіе. Пошедъ въ отставку, положилъ я основаніе твоему воспитанію; но не могъ иначе основать твоего состоянія, какъ разлучась съ твоей матерью и съ тобою.

Софья. Отсутствіе ваше огорчало насъ несказанно.

Ст-думъ (*къ Правдину*). Чтобъ оградить ея жизнь отъ недостатка въ нужномъ, рѣшился я удалиться на нѣсколько лѣтъ въ ту землю, гдѣ достаютъ деньги, не промѣнивая ихъ на совѣсть, безъ подлой выслуги, не грабя отечества; гдѣ требуютъ денегъ отъ самой земли, которая поправосуднѣе людей: лицепріятія не знаетъ, а платитъ одни труды вѣрно и щедро.

Пр-динъ. Вы моглибъ обогатиться, какъ я слышалъ, несравненно больше.

Ст-думъ. А на что?

Пр-динъ. Чтобъ быть богату, какъ другіе.

Ст-думъ. Богату! А кто богатъ? Да вѣдаешь ли ты, что для прихотей одного человѣка всей Сибири мало? Другъ мой! все состоитъ въ воображеніи. Послѣдуй природѣ, никогда не будешь бѣденъ; послѣдуй людскимъ мнѣніямъ, никогда богатъ не будешь.

Софья. Дядюшка! какую правду вы говорите!

Ст--думъ. Я нажилъ столько, чтобъ при твоемъ замужествѣ не остановляла насъ бѣдность жениха достойнаго.

Софья. Во всю жизнь мою ваша воля будетъ мой законъ.

Пр-динъ. Но выдавъ ее, не лишнее было бы оставить и дѣтямъ...

Ст-думъ. Дѣтямъ? Оставлять богатство дѣтямъ! Въ головѣ нѣтъ. Умны будутъ, безъ него обойдутся; а глупому сыну не въ помощь богатство. Видалъ я молодцовъ въ золотыхъ кафтанахъ, да съ свинцовой головою. Нѣтъ, мой другъ! наличныя деньги—не наличныя достоинства. Золотой болванъ, все болванъ.

Пр-динъ. Совсѣмъ тѣмъ мы видимъ, что деньги нерѣдко ведутъ къ чинамъ, чины обыкновенно къ знатности, а знатнымъ оказывается почтеніе.

Ст-думъ. Почтеніе! Одно почтеніе должно быть лестно человѣку—душевное, а душевнаго почтенія достоинъ только тотъ, кто въ чинахъ не по деньгамъ, а въ знати не по чинамъ.

Пр-динъ. Заключеніе ваше неоспоримо.

Явленіе 5-е.

Простаковъ, Митрофанъ, Еремеевна, Скотининъ, Простакова, Милонъ, Софья и проч. (Въ слѣдующую рѣчь Стародума, Простаковъ съ сыномъ, вышедшіе изъ средней двери, стали позади Стародума. Отецъ готовъ его обнять, какъ скоро дойдетъ очередь, а сынъ подойти къ рукѣ. Еремеевна взяла мѣсто къ сторонѣ, и, сложа руки, стала, какъ вкопанная, выпяля глаза на Стародума, съ робкимъ подобострастіемъ.)

Ст-думъ (*обнимая неохотно Г-жу Пр-кову*). Милость совсѣмъ лишняя сударыня! Безъ нее могъ бы я весьма легко обойтиться. (*Вырвавшись изъ рукъ ея, обертывается на другую сторону, гдѣ Скотининъ, стоящій уже съ распростертыми руками, тотчасъ его схватываетъ*).

Ст-думъ. Это къ кому я попался?

Ск-нъ. Это я, сестринъ братъ.

Ст-думъ (*увидя еще двухъ, съ нетерпѣніемъ*). А это кто еще?

Пр-ковъ (*обнимая*), Я женинъ мужъ. } *Вмѣстѣ.*

Ми-фанъ (*ловя руку*). А я матушкинъ сынокъ. } *Вмѣстѣ.*

Милонъ (*Правдину*). Теперь я непредставлюсь.

Пр-динъ (*Милону*). Я найду случай представить тебя послѣ.

Ст-думъ (*не давая руки М-фану*). Этотъ ловитъ цѣловать руку: видно, что готовятъ въ него большую душу.

Г-жа П-кова. Говори, Митрофанушка: какъ-де, сударь, мнѣ твоей ручки не цѣловать; ты мой второй отецъ.

Ми-фанъ. Какъ не цѣловать, дядюшка, твоей ручки: ты мой отецъ..., (*къ матери*). Которой бишь?

Г-жа П-кова. Второй.

Ми-фанъ. Второй? Второй отецъ, дядюшка.

Ст-думъ. Я, сударь, тебѣ не отецъ ни дядюшка.

Г-жа П-кова. Батюшка, вѣдь ребенокъ можетъ быть свое счастіе пророкаетъ: авось-либо сподобитъ Богъ быть ему и впрямъ твоимъ племянничкомъ.

Ск-инъ. Право! А я чѣмъ не племянникъ? Ай, сестрица!

Г-жа П-кова. Я, братецъ, съ тобою лаяться не стану (*къ Стародуму*). Отъ роду, батюшка, ни съ кѣмъ не бранивалась. У меня такой правъ: хоть разругай, вѣкъ слова не скажу. Пусть же, себѣ на умѣ, Богъ тому заплатитъ, кто меня бѣдную обижаетъ.

Ст-думъ. Я это примѣтилъ, какъ скоро ты, сударыня, изъ дверей показалась.

Пр-динъ. А я уже три дня свидѣтелемъ ея добронравія.

Ст-думъ. Этой забавы я такъ долго имѣть не могу. Софьюшка, другъ мой, завтра же поутру ѣду съ тобою въ Москву.

Г-жа П-кова. Ахъ, батюшка! за что такой гнѣвъ?

Пр-ковъ. За что немилость?

Г-жа П-кова. Какъ? Намъ разстаться съ Софьюшкой, сердечнымъ нашимъ другомъ! Я съ одной тоски хлѣба отстану.

Пр-ковъ. А я уже тутъ сгибъ, да пропалъ.

Ст-думъ. Когда же вы такъ ее любите, то долженъ я васъ обрадовать: я везу ее въ Москву для того, чтобъ сдѣлать ея счастье. Мнѣ представленъ въ женихи ея нѣкто молодой человѣкъ большихъ достоинствъ; за него ее и выдамъ.

Г-жа П-кова Ахъ! уморилъ!
Милонъ. Что я слышу!
(*Софья кажется пораженною.*)
Ск-инъ. Вотъ-те разъ!
(**Пр-ковъ** *всплеснулъ руками*)
М-фанъ. Вотъ тебѣ на!
(**Еремеевна** *печально кивнула головою.*)
(**Пр-динъ** *показываетъ видъ огорченнаго удивленія*).
} *Вмѣстѣ.*

Ст-думъ (*примѣтя всѣхъ смятеніе.*) Что это значитъ? (*къ Софьѣ*). Софьюшка, другъ мой, и ты, мнѣ кажется, въ смущеніи? Не ужель мое намѣреніе тебя огорчило? Я заступаю мѣсто отца твоего. Повѣрь мнѣ, что я знаю его права. Онѣ нейдутъ далѣе, какъ отвращать несчастную склонность дочери, а выборъ достойнаго человѣка зависитъ совершенно отъ ея сердца. Будь спокойна, другъ мой! Твой мужъ, тебя достойный, ктобъ онъ ни былъ, будетъ имѣть во мнѣ истиннаго друга. Поди за кого хочешь. (*Всѣ принимаютъ веселый видъ*).

Софья. Дядюшка! не сомнѣвайтесь въ моемъ повиновеніи.

Милонъ (*въ сторону*). Почтенный человѣкъ!

Г-жа П-кова (*съ веселымъ видомъ*) Вотъ отецъ! Вотъ послушать! Поди за кого хочешь, лишь бы человѣкъ ея стоилъ. Такъ, мой батюшка, такъ. Тутъ лишь только жениховъ пропускать не надобно. Коль есть въ глазахъ дворянинъ, малой молодой....

Ск-инъ. Изъ ребятъ давно ужъ вышелъ....

Г-жа П-кова. У кого достаточекъ, хоть и небольшой....

Ск-инъ. Да свиной заводъ не плохъ...

Г-жа П-кова. Такъ и въ добрый часъ; въ архангельской.
Ск-инъ. Такъ веселымъ пиркомъ, да и за свадебку.
} *Вмѣстѣ.*

Ст-думъ. Совѣты ваши безпристрастны. Я это вижу.

Ск-инъ. Толь еще увидишь, какъ опознаешь меня покороче. Вишь ты здѣсь содомно. Чрезъ часъ мѣста приду къ тебѣ одинъ; тутъ и сладимъ. Скажу, не похвалясь: каковъ я, право такихъ мало (*Отходитъ*).

Ст-думъ. Это всего вѣроятнѣе.

Г-жа П-кова. Ты, мой батюшка, не диви на братца....

Ст-думъ. А онъ вашъ братъ?

Г-жа П-кова. Родной, батюшка: вѣдь и я по отцѣ Скотининыхъ. Покойникъ батюшка женился на покойницѣ матушкѣ. Она была по прозванію Приплодиныхъ. Насъ дѣтей было у нихъ восьмнадцать человѣкъ; да кромѣ меня съ братцомъ, всѣ, по власти Господней, примерли: иныхъ изъ бани мертвыхъ вытащили; трое, похлебавъ молочка изъ мѣднаго котлика, скончались; двое о святой недѣлѣ съ колокольни свалились; а достальные сами не стояли, батюшка!

Ст-думъ. Вижу, каковы были и родители ваши.

Г-жа П-кова. Старинные люди, мой отецъ! Не нынѣшній былъ вѣкъ. Насъ ничему не учили. Бывало добры люди приступятъ къ батюшкѣ, ублажаютъ, ублажаютъ, чтобъ хоть братца отдать въ школу, — кстати ли, — покойникъ свѣтъ, и руками и ногами, царство ему небесное! Бывало изволитъ закричать: прокляну ребенка, который что нибудь перейметъ у бусурмановъ, и не будь тотъ Скотининъ, кто чему нибудь учиться захочетъ.

Пр-динъ. Вы однако жъ своего сынка кое-чему обучаете.

Г-жа П-кова. Да нынѣ вѣкъ другой, батюшка. (*Къ Стародуму*). Послѣднихъ крохъ не жалѣемъ, лишь бы сына всему выучить. Мой Митрофанушка изъ-за книги не встаетъ по суткамъ. Материно мое сердце. Иное жаль, жаль, да подумаешь: за то будетъ и дѣтина хоть куда. Вѣдь вотъ ужъ ему, батюшка, шестнадцать лѣтъ исполнится около зимняго Николы. Женихъ хоть кому, а все таки учители ходятъ, часа не теряютъ, и теперь двое въ сѣняхъ дожидаются. (*Мигнула Еремеевнѣ чтобъ ихъ позвать*). А въ Москвѣ приняли иноземца на шесть лѣтъ, и чтобъ другіе не сманили, контрактъ въ полиціи заявили. Подрядился учить, чему мы хотимъ, а по насъ учи, чему самъ умѣетъ. Мы весь родительскій долгъ исполнили: Нѣмца приняли, и деньги впередъ по третямъ платимъ. Желала бы я душевно, чтобъ ты самъ, батюшка, полюбовался на Митрофанушку, и посмотрѣлъ бы, что онъ выучилъ.

Ст-думъ. Я худой тому судья, сударыня.

Г-жа П-кова (*увидя Кутейкина и Цифиркина*). Вотъ и учители. Не говорила ль я, батюшка, что Митрофанушка мой ни днемъ, ни ночью покою не имѣетъ. Свое дитя хвалить дурно, а куда не безсчастна будетъ та, которую приведетъ Богъ быть его женою.

Пр-динъ. Это все хорошо: не забудь-те однако жъ, сударыня, что гость вашъ теперь только изъ Москвы пріѣхалъ, и что ему покой гораздо нужнѣе похвалъ вашего сына.

Ст-думъ. Признаюсь, что я радъ бы отдохнуть и отъ дороги, и отъ всего того, что слышалъ и что видѣлъ.

Г-жа П-кова. Ахъ. мой батюшка! Все готово; сама для тебя комнату убирала.

Ст-думъ. Благодаренъ. Софьюшка, проводи же меня.

Г-жа П-кова. А мы-то что? Позволь, мой батюшка, проводить себя и мнѣ, и сыну, и мужу. Мы всѣ за твое здоровье въ Кіевъ пѣшкомъ обѣщаемся, лишь бы дѣльцо наше сладить.

Ст-думъ (*къ Правдину*). Когда же увидимся? Отдохнувъ, я сюда приду.

Пр-динъ. Такъ я здѣсь и буду имѣть честь васъ видѣть.

Ст-думъ. Радъ душою. (*Увидя Милона, который ему съ почтеніемъ поклонился, откланивается и ему учтиво*).

Г-жа Пр-кова. Такъ милости просимъ. (*Кромѣ учителей всѣ отходятъ. Правдинъ съ Милономъ въ сторону, а прочіе въ другую.*)

ДѢЙСТВІЕ 4-е

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Г-жа Простакова, Простаковъ, Митрофанъ, Еремеевна и проч.

Г-жа Пр-кова (*входя*). Все ль съ тобою, другъ мой?

Ми-фанъ. Ну, да ужъ не заботься.

Г-жа Пр-кова (*Стародуму*). Хорошо ли отдохнуть изволилъ, батюшка? Мы всѣ въ четвертой комнатѣ на цыпочкахъ ходили, чтобы тебя не обезпокоить; не смѣли въ дверь заглянуть; послышимъ, анъ ужъ ты давно и сюда выдти изволилъ. Не взыщи, батюшка...

Ст-думъ. О, сударыня, мнѣ очень было бы досадно, ежели бъ вы сюда пожаловали ранѣ.

Ск-инъ. Ты сестра, какъ на смѣхъ, все за мною по пятамъ. Я пришелъ сюда за своею нуждою.

Г-жа П-кова. А я такъ за своею. (*Стародуму.*) Позволь же, мой батюшка, потрудить васъ теперь общею нашею просьбою. (*Мужу и сыну*) Кланяйтесь.

Ст-думъ. Какою, сударыня?

Г-жа Пр-кова Во первыхъ, прошу милости всѣхъ садиться. (*Всѣ садятся, кромѣ Митрофана и Еремеевны*). Вотъ въ чемъ дѣло, батюшка. За молитвы родителей нашихъ (намъ грѣшнымъ гдѣ бъ и умолить), даровалъ намъ Господь Митрофанушку. Мы все дѣлали, чтобъ онъ у насъ сталъ таковъ,

какъ изволишь его видѣть. Не угодно ль, мой батюшка, взять на себя трудъ и посмотрѣть: какъ онъ у насъ выученъ?

Ст-думъ. О, сударыня! До моихъ ушей уже дошло, что онъ теперь только и отучиться изволилъ. Я слышалъ объ его учителяхъ; и вижу напередъ, какому грамотѣю ему быть надобно, учася у Кутейкина, и какому математику, учася у Цыфиркина. (*Къ Правдину*). Любопытенъ бы я былъ послушать, чему нѣмецъ-отъ его выучилъ.

Г-жа Пр-кова. Всѣмъ наукамъ, батюшка.
Пр-ковъ. Всему, мой отецъ.
Ми-фанъ, Всему, чему изволишь.
(*Вмѣстѣ*.)

Пр-динъ (*Митрофану*). Чему жъ бы напримѣръ?

Ми-фанъ (*подаетъ ему книгу*). Вотъ, грамматикѣ.

Пр-динъ (*взявъ книгу*). Вижу. Это грамматика. Что жъ вы въ ней знаете?

Ми-фанъ. Много. Существительное, да прилагательное....

Пр-динъ. Дверь, напримѣръ, какое имя: существительное или прилагательное?

Ми-фанъ. Дверь! котора дверь?

Пр-динъ. Котора дверь! Вотъ эта.

Ми-фанъ. Эта прилалагельная.

Пр-динъ. Почему жъ?

Ми-фанъ. Потому что она приложена къ своему мѣсту. Вонъ у чулана шеста недѣля дверь стоитъ еще не навѣшена: такъ та покамѣстъ существительна.

Пр-динъ. Такъ по этому у тебя слово: дуракъ, прилагательное, потому что оно прилагается къ глупому человѣку.

Ми-фанъ. И вѣдомо.

Г-жа Пр-кова. Что, каково, мой батюшка?

Пр-ковъ. Каково, мой отецъ?

Пр-динъ. Нельзя лучше. Въ грамматикѣ онъ силенъ.

Милонъ. Я думаю не меньше и въ Исторіи.

Г-жа Пр-кова. То, мой батюшка, онъ еще сызмала къ исторіямъ охотникъ.

Ск-инъ. Митрофанъ по мнѣ. Я самъ безъ того глазъ не сведу, чтобъ выборной не разсказывалъ мнѣ исторій. Мастеръ, собачій сынъ! откуда что берется!

Г-жа П-кова. Однако все таки не придетъ противъ Адама Адамыча.

Пр-динъ (*Митрофану*). А далеко ли вы въ Исторіи?

Ми-фанъ? Далеко ль? Какова исторія. Въ иной залетишь за тридевять земель, за тридесято царство.

Пр-динъ. А такъ этой-то исторіи учитъ васъ Вральманъ?

Ст-думъ. Вральманъ? Имя что-то знакомое.

Ми-фанъ. Нѣтъ. Нашъ Адамъ Адамычь исторіи на разсказываетъ; онъ, что я-же, самъ охотникъ слушать.

Г-жа П-ва. Они оба заставляютъ себѣ разсказывать исторіи скотницу Хавронью.

Пр-динъ. Да не у ней ли оба вы учились и Географіи?

Г-жа П-ва (*сыну*). Слышь, другъ мой сердечной. Это что за наука?

Ми-фанъ (*тихо матери*). А я почемъ знаю.

Г-жа П-ва (*тихо Митрофану*). Не упрямься, душечка. Теперь-то себя и показать.

Ми-фанъ (*тихо матери*). Да я не возьму въ толкъ, о чемъ спрашиваютъ.

Г-жа П-ва (*Правдину*). Какъ, батюшка, назвалъ ты науку-то?

Пр-динъ. Географія.

Г-жа П-ва (*Митрофану*). Слышишь, еоргафія.

Ми-фанъ. Да что такое! Господи, Боже мой. Пристали съ ножемъ къ горлу.

Г-жа П-ва (*Правдину*). И вѣдомо, батюшка. Да скажи ему, сдѣлай милость, кякая эта наука-то: онъ ее и разскажетъ.

Пр-динъ. Описаніе земли.

Г-жа П-ва (*Стародуму*). А къ чему бы это служило на первый случай?

Ст-думъ. На первый случай годилось бы и къ тому, что ежели бъ случилось ѣхать, такъ знаешь, куда ѣдешь.

Г-жа П-ва. Ахъ, мой батюшка! Да извощики-то на чтожъ? Это ихъ дѣло. Это таки и наука-то не дворянская. Дворянинъ только скажи: повези меня туда, свезутъ, куда изволишь. Мнѣ повѣрь, батюшка, что конечно то вздоръ, чего не знаетъ Митрофанушка.

Ст-думъ. О, конечно, сударыня. Въ человѣческомъ невѣжествѣ весьма утѣшительно считать все то за вздоръ, чего не знаешь.

Г-жа П-ва. Безъ наукъ люди живутъ и жили. Покойникъ батюшка воеводою былъ пятнадцать лѣтъ, а съ тѣмъ и скончаться изволилъ, что не умѣлъ грамотѣ, а умѣлъ достаточекъ нажить и сохранить. Челобитчиковъ принималъ всегда, бывало, сидя на желѣзномъ сундукѣ. Послѣ всякаго сундукъ отворитъ, и что нибудь положитъ. То-то экономъ былъ! Жизни не жалѣлъ, чтобъ изъ сундука ничего не вынуть. Передъ другимъ не похвалюсь, отъ васъ не потаю: покойникъ-свѣтъ лежа на сундукѣ съ деньгами, умеръ, такъ сказать, съ голоду. А! каково это?

Ст-думъ. Препохвально. Надобно быть Скотинину, чтобъ вкусить такую блаженную кончину.

Ск-инъ. Да коль доказывать, что ученье вздоръ, такъ возьмемъ дядю Вавилу Фалелеича. О грамотѣ никто отъ него не слыхивалъ, ни онъ отъ кого слышать нехотѣлъ; а какова была головушка!

Пр-динъ. Что жъ такое?

Ск-инъ. Да съ нимъ на роду вотъ что случилось. Верхомъ на борзомъ иноходцѣ разбѣжался онъ хмѣльной въ каменны ворота. Мужикъ былъ рослой, вороты низки, забылъ наклониться— какъ хватитъ себя лбомъ о притолоку, индо пригнуло къ похвямъ потылицею, и бодрый конь вынесъ его изъ воротъ къ крыльцу навзничь. Я хотѣлъ бы знать, есть ли на свѣтѣ ученый лобъ, который бы отъ такого тумака не развалился, а дядя, вѣчная ему память, протрезвясь, спросилъ только, цѣлы ли ворота?

Милонъ. Вы, господинъ Скотининъ, сами признаете себя неученымъ человѣкомъ, однако я думаю въ этомъ случаѣ и вашъ лобъ былъ бы не крѣпче ученаго.

Ст-думъ (*Милону*). Объ закладъ не бейся, другъ той. Я думаю, что Скотинины всѣ родомъ крѣпколобы.

Г-жа П-ва. Батюшка мой! да что за радость и выучиться? Мы это видимъ своими глазами и въ нашемъ краю. Кто посмышленѣе, того свои же братья тотчась выберутъ еще въ какую нибудь должность.

Ст-думъ. А кто посмышленѣе, тотъ и не откажетъ быть полезнымъ своимъ согражданамъ.

Г-жа П-ва. Богъ васъ знаетъ, какъ вы нынче судите. Унасъ бывало всякой того и смотритъ, что на покой. (*Правдину*). Ты самъ, батюшка, сколько трудишься! Вотъ и теперь, сюда шедши, я видѣла, что къ тебѣ несутъ какой-то пакетъ.

Пр-динъ. Ко мнѣ пакетъ? И мнѣ никто этого не скажетъ. (*Вставая*). Я прошу извинить меня, что васъ оставляю. Можетъ быть, есть ко мнѣ какія нибудь повелѣнія отъ Намѣстника.

Ст-думъ (*встаетъ и всѣ встаютъ*) Поди, мой другъ; однако я съ тобою не прощаюсь.

Пр-динъ. Я еще увижусь съ вами. Вы завтра поутру ѣдете?

Ст-думъ. Часовъ въ семь. (*Правдинъ отходитъ*).

Милонъ. А я завтра же, проводя васъ. поведу мою команду. Теперь пойду дѣлать къ тому распоряженіе (*Милонъ отходитъ, прощаясь съ Софьею взорами.*)

ДѢЙСТВІЕ 5-Е

ЯВЛЕНІЕ 4-Е.

Простакова, Софья, Стародумъ, Правдинъ и Скотининъ.

Ск-нъ. Ну, сестра, хорошу было

шутку... Ба! что это? Всѣ наши на колѣняхъ!

Гжа П-ва (*стоя на колѣняхъ*). Ахъ, мои батюшки! повинную голову мечъ не сѣчетъ. Мой грѣхъ! Не губите меня. (*къ Софьѣ*) Мать ты моя родная, прости меня, умилосердись надо мною (*указывая на мужа и сына*) и надъ бѣдными сиротами!

Ск-нъ. Сестра! О своемъ ли ты умѣ?

Пр-динъ. Молчи, Скотининъ.

Г-жа П-ва, Богъ дастъ тебѣ благополучіе и съ дорогимъ женихомъ твоимъ. Что тебѣ въ головѣ моей?

Софья (*Стародуму*). Дядюшка! Я мое оскорбленіе забываю.

Г-жа П-ва (*поднявъ руки къ Стародуму*). Батюшка! Прости и ты меня грѣшную. Вѣдь я человѣкъ, не ангелъ.

Ст-думъ. Знаю, знаю, что человѣку нельзя быть ангеломъ: да не надобно быть и чортомъ. И преступленіе и раскаяніе въ ней презрѣнія достойны.

Пр-динъ (*Стародуму*). Ваша малѣйшая жалоба, ваше одно слово предъ правительствомъ.... и ужъ спасти ее нельзя.

Ст-думъ. Не хочу ни чьей погибели. Я ее прощаю (*Всѣ вскочили съ колѣней*).

Г-жа П-ва. Простилъ! Ахъ, батюшка!.. Ну! Теперь-то дамъ я зорю канальямъ своимъ людямъ; теперь-то я всѣхъ переберу поодиночкѣ; теперь-то допытаюсь, кто изъ рукъ ее выпустилъ? Нѣтъ, мошенники! Нѣтъ, воры! Вѣкъ не прощу этой насмѣшки.

П-динъ. А за что вы хотите наказывать людей вашихъ?

Г-жа П-ва. А батюшка! это что за вопросъ? Развѣ я не властна и въ своихъ людяхъ?

Пр-динъ, А вы считаете себя въ правѣ драться тогда, когда вздумается?

Ск-нъ. Да развѣ дворянинъ не воленъ поколотить слугу, когда захочетъ?

Пр-динъ, Когда захочетъ! Да что за охота? прямой ты Скотининъ. (*Г-жѣ Простаковой*) нѣтъ, сударыня, тиранствовать никто не воленъ.

Г-жа П-ва. Не воленъ! Дворянинъ, когда захочетъ, и слуги высѣчь не воленъ! Да на чтожъ данъ намъ указъ-отъ о вольности дворянства?

Ст-думъ Мастерица толковать указы.

Г-жа П-ва. Извольте насмѣхаться; а теперь же всѣхъ съ головы... на голову (*Порывается идти*).

Пр-динъ (*останавливая ее*). Повстановитесь, сударыня! (*Вынувъ бумагу и важнымъ голосомъ Простакову*). Именемъ правительства вамъ приказываю сей же часъ собрать людей и крестьянъ вашихъ для объявленія имъ указа, что за безчеловѣчіе жены вашей, до котораго попустило ее ваше крайнее слабомысліе, повелѣваетъ мнѣ правительство принять въ опеку домъ вашъ и деревни.

Пр-ковъ. А! до чего мы дожили!

Г-жа П-ва. Какъ! Новая бѣда! За что? За что батюшка? Что я въ своемъ домѣ госпожа..

Пр-динъ. Госпожа безчеловѣчная, которой злонравіе въ благоучрежденномъ государствѣ терпимо быть не можетъ. Подите.

Пр-ковъ (*отходитъ, всплеснувъ руками*! Отъ кого это, матушка!

Г-жа П-ва (*Тоскуя*). О, горе взяло! О грустно!

Ск-нъ (*въ сторону*). Ба! ба! ба! Да эдакъ и до меня доберутся. Да эдакъ и всякой Скотининъ можетъ попасть подъ опеку... Уберусь же я отсюда по добру по здорову.

Пр-нъ (*Скотинину*). А скорѣе всего ты. Я слыхалъ, что ты съ свиньями не въ примѣръ лучше обходишся, нежели съ людьми...

Ск-нъ Государь ты мой милостивой. Да какъ къ людямъ и лежать у меня сердцу? Самъ ты разсуди: люди передомною умничаютъ, а между свиньями я самъ всѣхъ умнѣе.

Г-жа П-ва. Все теряю: Совсѣмъ погибаю.

Ск-нъ (*Ст-думу*). Я шелъ было къ тебѣ добиться толку. Женихъ....

Ст-умъ (*указывая на Милона*). Вотъ онъ.

Ск-нъ. Ага! Такъ мнѣ и дѣлать здѣсь нечего. Кибитку впрячь, да и...

Пр-динъ. Да и ступай къ своимъ свиньямъ. Не забудь однакожъ повѣстить всѣмъ Скотининымъ, чему они подвержены.

Ск-нъ. Какъ друзей не остеречь! Повѣщу имъ, чтобъ они людей...

Пр-динъ. Побольше любили, или бъ покрайней мѣрѣ....

Ск-нъ. Ну!...

Пр-динъ. Хоть не трогали.

Ск-нъ (*отходя*). Хоть не трогали.

ЯВЛЕНІЕ 5-Е

Госпожа Простакова, Стародумъ, Правдинъ, Митрофанъ, Софья, Еремеевна.

Г-жа П-ва (*Пр-дину*). Батюшка! не погуби ты меня! Что тебѣ прибыли? Не возможноль какъ нибудь указъ поотмѣнить? Всѣ ли указы исполняются?

Пр-динъ. Я отъ должности никакъ не отступлю.

Г-жа П-ва. Дай мнѣ сроку хоть на три дни. (*Въ сторону*). Я дала бы себя знать...

Пр-динъ. Ни на три часа.

Ст-думъ Да, другъ мой! Она и въ три часа напроказить можетъ столько, что вѣкомъ не пособишь.

Г-жа П-ва. Да какъ вамъ, мой батюшка, самому входить въ мелочи?...

Пр-динъ. Это мое дѣло. Чужое возвращено будетъ хозяевамъ; а....

Г-жа П-ва, А съ долгами-то раздѣлаться? Не доплачено учителямъ....

Пр-динъ. Учителямъ? (*Ер-внѣ*). Здѣсь ли они? Введи ихъ сюда....

Ер-вна. Чай, что прибрели. А нѣмца-то, мой батюшка?...

Пр-динъ. Всѣхъ позови. (*Еремеевна отходитъ*).

Пр-динъ. Незаботься ни очемъ, сударыня: я всѣхъ удовольствую.

Ст-думъ (*видя въ тоскѣ Г-жу Пр-кову*). Сударыня! Ты сама себя почувствуешь лучше, потерявъ силу дѣлать другимъ дурно.

Г-жа П-ва. Благодарна за милость! Куда я гожусь, когда въ моемъ домѣ моимъ же рукамъ и воли нѣтъ! —

(Напечатано съ изданія 1830 года).

---

15. КАРАМЗИНЪ.

1766—1826.

а. Письма русскаго путешественника. (1790.)

ПИСЬМО ИЗЪ ТВЕРИ 18 МАЯ 1789.

Разстался я съ вами, милые, разстался! Сердце мое привязано къ вамъ всѣми нѣжнѣйшими своими чувствами, а я безпрестанно отъ васъ удаляюсь и буду удаляться!

О сердце, сердце! кто знаетъ, чего ты хочешь?

Сколько лѣтъ путешествіе было пріятнѣйшею мечтою моего воображенія? Не въ восторгѣ ли сказалъ я самому себѣ: наконецъ ты поѣдешь? Не радостно ли просыпался всякое утро? Не съ удовольствіемъ ли засыпалъ, думая: ты поѣдешь? Сколько времени не могъ ни о чемъ думать, ничѣмъ заниматься, кромѣ путешествія? Не считалъ ли дней и часовъ? Но когда пришелъ желаемый день, я сталъ грустить, вообразивъ въ первый разъ живо, что мнѣ надлежало разстаться съ любезнѣйшими для меня людьми въ свѣтѣ, и со всѣмъ, что, такъ сказать, входило въ составъ нравственнаго бытія моего. На что ни смотрѣлъ — на столъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ изливались на бумагу незрѣлыя мысли и чувства мои, на окно, подъ которымъ сиживалъ я подгорюнившись въ припадкахъ своей меланхоліи, и гдѣ такъ часто заставало меня восходящее солнце; на готической домъ, любезный предметъ глазъ моихъ въ часы ночные—однимъ словомъ, все, что попадалось мнѣ въ глаза, было для меня драгоцѣннымъ па-

мятникомъ прошедшихъ лѣтъ моей жизни, не обильной дѣлами, но зато мыслями и чувствами обильной. Съ вещами бездушными прощался я какъ съ друзьями; и въ самое то время, какъ былъ размягченъ, растроганъ, пришли люди мои; начали плакать и просить меня, чтобы я не забылъ ихъ и взялъ опять къ себѣ, когда возвращуся. Слезы заразительны, мои милые, а особливо въ такомъ случаѣ.

Но вы мнѣ всего любезнѣе, и съ вами надлежало разстаться. Сердце мое такъ много чувствовало, что я говорить забывалъ. Но что вамъ сказывать! Минута, въ которую мы прощались, была такова, что тысячи пріятныхъ минутъ въ будущемъ едва ли мнѣ за нее заплатятъ.

Милой Птрв. провожалъ меня до заставы. Тамъ обнялись мы съ нимъ, и еще въ первый разъ видѣлъ я слезы его,—тамъ сѣлъ я въ кибитку, взглянулъ на Москву, гдѣ оставалось для меня столько любезнаго, и сказалъ: *прости!* Колокольчикъ зазвенѣлъ, лошади помчались... и другъ вашъ осиротѣлъ въ мірѣ, осиротѣлъ въ душѣ своей!

Все прошедшее есть сонъ и тѣнь: ахъ! гдѣ, гдѣ часы, въ которые такъ хорошо бывало сердцу моему посреди васъ, милые? — Еслибы человѣку, самому благополучному, вдругъ открылось будущее, то замерло бы сердце его отъ ужаса, и языкъ его онѣмѣлъ бы въ самую ту минуту, въ которую онъ думалъ назвать себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ!...

Во всю дорогу не приходило мнѣ въ голову ни одной радостной мысли, а на послѣдней станціи къ Твери грусть моя такъ усилилась, что я, въ деревенскомъ трактирѣ, стоя предъ каррикатурами Королевы Французской и Римскаго Императора, хотѣлъ бы, какъ говоритъ Шекспиръ, *выплакать сердце свое*. Тамъ-то все оставленное мною явилось мнѣ въ такомъ трогательномъ видѣ. Но полно, полно! Мнѣ опять становится чрезмѣрно грустно. Простите! Дай Богъ вамъ утѣшеній! Помните друга, но безъ всякаго горестнаго чувства!

отъ 9 августа 1789.

Уже я наслаждаюсь Швейцаріею, милые друзья мои! Всякое дуновеніе вѣтерка проницаетъ, кажется, въ сердце мое и разливаетъ въ немъ чувство радости. Какія мѣста! какія мѣста! Отъѣхавъ отъ Базеля версты двѣ, я выскочилъ изъ кареты, упалъ на цвѣтущій берегъ зеленаго Рейна, и готовъ былъ въ восторгѣ цѣловать землю. Счастливые швейцары! всякой ли день, всякой ли часъ благодарите вы Небо за свое счастіе, живучи въ объятіяхъ прелестной натуры, подъ благодѣтельными законами братскаго союза, въ простотѣ нравовъ, и служа одному Богу? Вся жизнь ваша есть конечно пріятное сновидѣніе и самая роковая стрѣла должна кротко влетать въ грудь вашу, невозмущаемую тиранскими страстями!—Такъ, друзья мои! я думаю, что ужасъ смерти бываетъ слѣдствіемъ нашего уклоненія отъ путей природы. Думаю, и на сей разъ увѣренъ, что онъ не есть врожденное чувство нашего сердца. Ахъ! есть ли бы теперь, въ самую сію минуту, надлежало мнѣ умереть, то я со слезою любви упалъ бы во всеобъемлющее лоно природы, съ полнымъ увѣреніемъ, что она зоветъ меня къ новому счастію, что измѣненіе существа моего есть возвышеніе красоты, перемѣна изящнаго на лучшее. И всегда, милые друзья мои, всегда, когда я духомъ своимъ возвращаюсь въ первоначальную простоту натуры человѣческой, когда сердце мое отверзается впечатлѣніямъ красотъ природы, чувствую я то же и не нахожу въ смерти ничего страшнаго. Высочайшая благость не была бы высочайшею благостію, есть ли бы она съ которой нибудь стороны не усладила для насъ всѣхъ необходимостей — и съ сей-то услажденной стороны должны мы при-

касаться къ нимъ устами нашими! Прости мнѣ, мудрое Провидѣніе, есть ли я когда нибудь какъ буйный младенецъ, проливая слезы досады, роптала на жребій человѣка! Теперь, погружаясь въ чувство Твоей благости, лобызаю невидимую руку Твою, меня ведущую!

Мы ѣдемъ подлѣ Рейна, съ ужаснымъ шумомъ и волненіемъ стремящагося между тихихъ луговъ и садовъ виноградныхъ. Тутъ мальчики и маленькія дѣвочки играютъ, рвутъ цвѣты и бросаютъ ими другъ въ друга; тамъ покойный селянинъ, насвистывая веселую пѣсню, поправляетъ въ саду своемъ сошки, увитыя гибкимъ винограднымъ стеблемъ, смотритъ на проѣзжихъ, и ласковымъ мановеніемъ желаетъ имъ добраго дня. Высокія горы у насъ передъ глазами; но Альпы скрываются еще въ лазури отдаленія. Юра изгибаетъ за ними хребетъ свой, отбрасывающій синюю тѣнь на долины.— Нѣтъ, я не могу писать: красоты, меня окружающія, отвлекаютъ глаза мои отъ бумаги.

———

ПАРИЖЪ ... АПРѢЛЯ 1790.

На такъ называемомъ Французскомъ Театрѣ играютъ трагедіи, драмы и большія комедіи. Я теперь не перемѣнилъ своего мнѣнія [1] о Французской Мельпоменѣ. Она благородна, величественна, прекрасна; но никогда не тронетъ, не потрясетъ сердца моего такъ, какъ Муза Шекспирова и нѣкоторыхъ (правда, не многихъ) Нѣмцовъ. Французскіе поэты имѣютъ тонкой, нѣжной вкусъ и *въ искусствѣ писать* могутъ служить образцами. Только въ разсужденіи изобрѣтенія, жара и глубокаго *чувства Натуры*—простите мнѣ священныя тѣни Корнелей [1], Расиновъ [2] и Вольтеровъ!—должны они уступить преимущество Англичанамъ и Нѣмцамъ. Трагедіи ихъ наполнены изящными картинами, въ которыхъ весьма искусно подобраны краски къ краскамъ, тѣни къ тѣнямъ; но я удивляюсь имъ по большей части съ холоднымъ сердцемъ. Вездѣ смѣсь естественнаго съ романическимъ; вездѣ mes feux, ma foi; вездѣ Греки и Римляне à la Française, которые таятъ въ любовныхъ восторгахъ, иногда философствуютъ, выражаютъ одну мысль разными отборными словами, и теряясь въ лабиринтѣ краснорѣчія, забываютъ дѣйствовать. Здѣшняя публика требуетъ отъ Автора прекрасныхъ стиховъ, des vers à retenir, они прославляютъ піесу, и для того стихотворцы стараются всячески умножать ихъ число, занимаясь тѣмъ болѣе, нежели важностію приключеній, нежели новыми, чрезвычайными, но естественными *положеніями* (situations) и забывая, что характеръ всего болѣе обнаруживается въ сихъ необыкновенныхъ случаяхъ, отъ которыхъ и слова заимствуютъ силу свою.— Коротко сказать, творенія Французской Мельпомены славны—и будутъ всегда славны красотою слога и блестящими стихами; но есть-ли Трагедія должна глубоко трогать наше сердце или ужасать душу: то соотечественники Вольтеровы не имѣютъ можетъ быть и двухъ истинныхъ трагедій — и д'-Аланбертъ сказалъ весьма справедливо, что всѣ ихъ піесы сочинены болѣе для чтенія, нежели для театра.

———

[1] Въ письмѣ изъ Ліона Карамзинъ, говоря о видѣнной имъ піэсѣ Мари Жозефъ Шенье (1764—1811) подъ названіемъ Карлъ IX, замѣчаетъ: «Дѣйствіе ужасно, но не всякой ужасъ можетъ быть душею драмы. Великая тайна трагедіи, которую Шекспиръ похитилъ во святилищѣ человѣческаго сердца, пребываетъ тайною для Французскихъ поэтовъ—и Карлъ IX холоденъ какъ ледъ.»

[1] *Корнель* (1606—1694), драматическія произведенія его: Медея, Сидъ (1636) Цинна, Поліевктъ, Рогодуна и друг.

[2] *Расинъ* (1639—1699) драматическія произведенія его: Андромаха, Британникъ, Баязетъ, Ифигенія, Федра, Эсѳирь, Аталія идр.

изъ лондона....

Литтература Англичанъ, подобно ихъ характеру, имѣетъ много особенности и въ разныхъ частяхъ превосходна. Здѣсь отечество живописной Поэзіи (Poèsie descriptive): Французы и Нѣмцы переняли сей родъ у Англичанъ, которые умѣютъ замѣчать самыя мелкія черты въ Природѣ. По сіе время ничто еще не можетъ сравняться съ Томсоновыми [1] *Временами года;* ихъ можно назвать зеркаломъ Натуры. Сенъ-Ламберъ [2] лучше нравится Французамъ; но онъ въ своей Поэмѣ кажется мнѣ Парижскимъ щеголемъ, который, выѣхавъ въ загородный домъ, смотритъ изъ окна на сельскія картины и описываетъ ихъ въ хорошихъ стихахъ; а Томсона сравню съ какимъ нибудь Швейцарскимъ или Шотландскимъ охотникомъ, который, съ ружьемъ въ рукѣ, всю жизнь бродитъ по лѣсамъ и дебрямъ, отдыхаетъ иногда на холмѣ или на скалѣ, смотритъ вокругъ себя, и что ему полюбится, что Природа вдохнетъ въ его душу, то изображаетъ карандашемъ на бумагѣ. Сенъ-Ламберъ кажется пріятнымъ гостемъ Натуры, а Томсонъ ея роднымъ и домашнимъ. Въ Англійскихъ поэтахъ есть еще какое-то *простодушіе*, не совсѣмъ древнее, но сходное съ Гомеровскихъ; есть меланхолія, которая изливается болѣе изъ сердца, нежели изъ воображенія; есть какая-то странная, но пріятная мечтательность, которая, подобно Англійскому саду, представляетъ вамъ тысячу неожиданныхъ вещей. Самымъ же лучшимъ цвѣткомъ Британской Поэзіи считается Мильтоново [3] описаніе Адама и Евы и Драйденова [1] Ода на музыку. Любопытно знать, что поэма Мильтонова, въ которой столь много прекраснаго и великаго, сто лѣтъ продавалась, но едва была извѣстна въ Англіи. Первый Аддисонъ [2] поднялъ ее на высокой пьедесталъ и сказалъ: *удивляйтесь!*

Въ Драматической Поэзіи Англичане не имѣютъ ничего превосходнаго, кромѣ твореній одного Автора; но этотъ Авторъ есть Шекспиръ [3], и Англичане богаты! Легко смѣяться надъ нимъ не только съ Волтеровымъ, но и съ самымъ обыкновеннымъ умомъ; кто же не чувствуетъ великихъ красотъ его, съ тѣмъ— я не хочу и спорить! Забавные Шекспировы Критики похожи на дерзкихъ мальчиковъ, которые окружаютъ на улицѣ странно одѣтаго человѣка и кричатъ: *какой смѣшной! какой чудакъ!* Всякой Авторъ ознаменованъ печатію своего вѣка. Шекспиръ хотѣлъ нравиться современникамъ, зналъ ихъ вкусъ и угождалъ ему; что казалось тогда остроуміемъ, то нынѣ скучно и противно: слѣдствіе успѣховъ разума и вкуса; на которые и самой великой Геній *не можетъ взять мѣръ своихъ.* Но всякой истинный талантъ, платя дань вѣку, творитъ и

---

(1) *Джонсъ Томсонъ* (1700 — 1748), авторъ описательной поэмы *Времена года* (1736), аллегоріи *Замокъ Лѣни* и нѣсколькихъ трагедій.

(2) Шарль Франсуа де Сенъ-Ламберъ (1717—1803)—французскій поэтъ дидактикъ, его описательная поэма: Les saisons.

(3) Джонъ Мильтонъ (1608 — 1674) авторъ Эпическихъ поэмъ: Потерянный рай (въ 12 пѣсняхъ), Возвращенный Рай (въ 4 книгахъ).

(1) *Драйденъ* (1631—1700), авторъ Героическихъ Стансовъ, сатирическихъ аллегорій, политическихъ сатиръ, и знаменитой оды *Празднество Александра или могущество музыки.*

(2) Аддисонъ (1672—1719) издатель знаменитаго Англійскаго журнала *Зритель* (1711), и авторъ трагедіи Катонъ (1713).

(3) Вилліамъ Шекспиръ (1564—1616), хронологическій порядокъ драматическихъ произведеній его принимаютъ слѣдующій: 1) Периклъ, Титъ Андроникъ, Генрихъ VI, Комедія Ошибокъ· 2) Безуспѣшная любовь, Два Веронца, Конецъ вѣнчаетъ дѣло, Ромео и Юлія, Ричардъ III, Ричардъ II, Генрихъ IV, Укрощеніе упрямой, Венеціанскій купецъ; 3) Сонъ въ лѣтнюю ночь, Гамлетъ, Чего вы хотите?, Много шуму изъ ничего, Генрихъ V, Какъ это вамъ нравится? Веселыя Виндзорскія женщины, Мѣра за мѣру, Король Лиръ; 4) Юлій Цезарь, Антоній и Клеопатра, Коріоланъ, Троилъ и Крессида, Макбетъ, Цимбелинъ, Буря, Зимняя сказка, Король Іоаннъ, Отелло, Генрихъ VIII, Тимонъ Аѳинскій.

для вѣчности; современныя красоты исчезаютъ, а общія, основанныя на сердцѣ человѣческомъ и на природѣ вещей, сохраняютъ силу свою, какъ въ Гомерѣ, такъ и въ Шекспирѣ. Величіе, истина характеровъ, занимательность приключеній, *откровеніе* человѣческаго сердца, и великія мысли, разсѣянныя въ драмахъ Британскаго Генія, будутъ всегда ихъ магіею для людей съ чувствомъ. Я не знаю другаго поэта, который имѣлъ бы такое всеобъемлющее, плодотворное, неистощимое воображеніе; и вы найдете всѣ роды Поэзіи въ Шекспировскихъ сочиненіяхъ. Онъ есть любимый сынъ богини Фантазіи, которая отдала ему волшебный жезлъ свой; а онъ, гуляя въ дикихъ садахъ воображенія, на каждомъ шагу творитъ чудеса! Еще повторяю: у Англичанъ одинъ Шекспиръ! Всѣ ихъ новѣйшіе трагики только-что *хотятъ* быть сильными, а въ самомъ дѣлѣ слабы духомъ. Въ нихъ есть Шекспировскій бомбастъ, а нѣтъ Шекспирова генія. Въ изображеніи страстей всегда почти заходятъ они за предѣлъ истины и натуры, можетъ быть отъ того, что обыкновенное, то есть истинное, мало трогаетъ сонныя и флегматическія сердца Британцевъ: имъ надобны ужасы и громы, рѣзанье и погребенья, изступленіе и бѣшенство. Нѣжная черта души не была бы здѣсь примѣчена; тихіе звуки сердца безъ всякаго дѣйствія исчезли бы къ Лондонскомъ партерѣ. Славная Аддисонова трагедія хороша тамъ, гдѣ Катонъ говоритъ и дѣйствуетъ; но любовныя сцены несносны. Нынѣшнія любимыя драмы Англичанъ—трогаютъ болѣе содержаніемъ и картинами, нежели чувствомъ и силою Авторскаго таланта.—Комедіи ихъ держатся запутанными интригами и каррикатурами; въ нихъ мало истиннаго остроумія, а много *буфонства*; здѣсь Талія не смѣется, а хохочетъ.

Примѣчанія достойно то, что одна земля произвела и лучшихъ Романистовъ и лучшихъ Историковъ. Ричардсонъ (1) и Фильдингъ (2) выучили Французовъ и Нѣмцевъ писать романы какъ *исторіи жизни*, а Робертсонъ (3), Юмъ (4), Гиббонъ (5), вліяли въ Исторію привлекательность любопытнѣйшаго романа, умнымъ расположеніемъ дѣйствій, живописью приключеній и характеровъ, мыслями и слогомъ. Послѣ Ѳукидида и Тацита ничто не можетъ сравняться съ Историческимъ Тріумвиратомъ Британіи.

Новѣйшая Англійская Литтература совсѣмъ не достоина вниманія: теперь пишутъ здѣсь самые посредственные романы, а Стихотворца нѣтъ ни одного хорошаго. Йонгъ (6), гроза щастливыхъ и утѣшитель нещастныхъ, и Стернъ, оригинальный живописецъ чувствительности, заключили фалангу безсмертныхъ Британскихъ Авторовъ.

б. О любви къ отечеству и народной гордости.

Любовь къ отечеству можетъ быть *физическая*, *нравственная* и *политическая*. Человѣкъ любитъ мѣсто своего рожденія и воспитанія. Сія привязанность есть общая для всѣхъ людей и народовъ; есть дѣло природы, и должна быть названа *физическою*. Родина мила сердцу не мѣстными красотами, не яс-

---

(1) *Ричардсонъ* (1689 — 1761) — основатель семейнаго романа въ Англіи. Извѣстные романы его: Памела, Кларисса, Грандисонъ.

(2) *Фильдингъ* (1707—1754), авторъ комическихъ романовъ: Іосифъ Андрьюсъ, Томъ Джонсъ, Джонотэкъ Вильдъ, Амелія.

(3) Робертсонъ (1721—1793), авторъ Исторіи Шотландіи, Исторіи Карла V и др.

(4) Юмъ (1711—1776),—авторъ Исторіи Англіи отъ вторженія Юлія Цезаря до революціи 1688.

(5) *Гиббонъ* (1737—1794),—авторъ Исторіи упадка и разрушенія Римской Имперіи.

(6) Эдвардъ Юнгъ (1681 — 1765) — авторъ «*Ночныхъ думъ*».

нымъ небомъ, не пріятнымъ климатомъ, а плѣнительными воспоминаніями, окружающими, такъ сказать, утро и колыбель человѣчества. Въ свѣтѣ нѣтъ ничего милѣе жизни; она есть первое щастіе—а начало всякаго благополучія имѣетъ для нашего воображенія какую-то особенную прелесть. Лапландецъ, рожденный почти въ гробѣ природы, не смотря на то любитъ хладный мракъ земли своей. Переселите его въ щастливую Италію: онъ взоромъ и сердцемъ будетъ обращаться къ сѣверу, подобно магниту; яркое сіяніе солнца не произведетъ такихъ сладкихъ чувствъ въ его душѣ, какъ день сумрачный, какъ свистъ бури, какъ паденіе снѣга: они напоминаютъ ему отечество! Самое расположеніе нервъ, образованныхъ въ человѣкѣ по климату, привязываетъ насъ къ родинѣ. Не даромъ медики совѣтуютъ иногда больнымъ лечиться ея воздухомъ, не даромъ житель Гельвеціи, удаленный отъ снѣжныхъ горъ своихъ, сохнетъ и впадаетъ въ меланхолію; а возвращаясь въ дикій Унтервальденъ, въ суровый Гларисъ, оживаетъ. Всякое растеніе имѣетъ болѣе силы въ своемъ климатѣ: законъ природы и для человѣка не измѣняется.—Не говорю, чтобы естественныя красоты и выгоды отчизны не имѣли никакого вліянія на общую любовь къ ней: нѣкоторыя земли, обогащенныя природою, могутъ быть тѣмъ милѣе своимъ жителямъ; говорю только, что сіи красоты и выгоды не бываютъ главнымъ основаніемъ физической привязанности къ отечеству: ибо она не была бы тогда общею.

Съ кѣмъ мы росли и живемъ, къ тѣмъ привыкаемъ. Душа ихъ сообразуется съ нашею; дѣлается нѣкоторымъ ея зеркаломъ; служитъ предметомъ или средствомъ нашихъ нравственныхъ удовольствій; и обращается въ предметъ склонности для сердца. Сія любовь къ согражданамъ, или къ людямъ, съ которыми мы росли, воспитывались и живемъ, есть вторая или нравственная любовь къ отечеству, столь же общая, какъ и первая мѣстная или физическая, но дѣйствующая въ нѣкоторыхъ лѣтахъ сильнѣе; ибо время утверждаетъ привычку. Надобно видѣть двухъ единоземцевъ, которые въ чужой землѣ находятъ другъ друга: съ какимъ удовольствіемъ они обнимаются и спѣшатъ изливать душу въ искреннихъ разговорахъ! Они видятся въ первый разъ, но уже знакомы и дружны, утверждая личную связь свою какими нибудь общими связями отечества! Имъ кажется, что они, говоря даже иностраннымъ языкомъ, лучше разумѣютъ другъ друга, нежели прочихъ: ибо въ характерѣ единоземцевъ есть всегда нѣкоторое сходство, и жители одного государства образуютъ всегда, такъ сказать, электрическую цѣпь, передающую имъ одно впечатлѣніе посредствомъ самыхъ отдаленныхъ колецъ или звеньевъ.—На берегахъ прекраснѣйшаго въ мірѣ озера, служащаго зеркаломъ богатой натурѣ, случилось мнѣ встрѣтить голландскаго патріота, который, по ненависти къ Штатгальтеру и Оранистамъ, выѣхалъ изъ отечества и поселился въ Швейцаріи между Ніона и Роля. У него былъ прекрасный домикъ, физическій кабинетъ, библіотека; сидя подъ окномъ, онъ видѣлъ передъ собою великолѣпнѣйшую картину природы. Ходя мимо домика, я завидовалъ хозяину, не знавъ его; познакомился съ нимъ въ Женевѣ, и сказалъ ему о томъ. Отвѣтъ голландскаго флегматика удивилъ меня своею живостью: «Никто не можетъ быть щастливъ внѣ своего отечества, гдѣ сердце «его выучилось разумѣть людей, и образовало свои любимыя привычки. Никакимъ народомъ нельзя замѣнить со-«гражданъ. Я живу не съ тѣми, съ кѣмъ «жилъ 40 лѣтъ, и живу не такъ, какъ «жилъ 40 лѣтъ: трудно пріучать себя «къ новостямъ, и мнѣ скучно!»

Но физическая и нравственная привязанность къ отечеству, дѣйствіе натуры и свойствъ человѣка, не составляютъ еще той великой добродѣтели, которою славились Греки и Римляне.

Патріотизмъ есть любовь ко благу и славѣ отечества, и желаніе способствовать имъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ требуетъ разсужденія,—и потому не всѣ люди имѣютъ его.

Самая лучшая философія есть та, которая основываетъ должности человѣка на его счастіи. Она скажетъ намъ, что мы должны любить пользу отечества, ибо съ нею неразрывна наша собственная; что его просвѣщеніе окружаетъ насъ самихъ многими удовольствіями въ жизни; что его тишина и добродѣтели служатъ щитомъ семейственныхъ наслажденій; что слава его есть наша слава; и если оскорбительно человѣку называться сыномъ презрѣннаго отца, то не менѣе оскорбительно и гражданину называться сыномъ презрѣннаго отечества. Такимъ образомъ любовь къ собственному благу производитъ въ насъ любовь къ отечеству, а личное самолюбіе—гордость народную, которая служитъ опорою патріотизма. Такъ Греки и Римляне считали себя первыми народами, а всѣхъ другихъ варварами; такъ Англичане, которые въ новѣйшія времена болѣе другихъ славятся патріотизмомъ, болѣе другихъ о себѣ мечтаютъ. Я не смѣю думать, чтобы у насъ въ Россіи было не много патріотовъ, но мнѣ кажется, что мы излишно смиренны въ мысляхъ о народномъ своемъ достоинствѣ—а смиреніе въ политикѣ вредно. Кто самого себя не уважаетъ, того безъ сомнѣнія и другіе уважать не будутъ. Не говорю, чтобы любовь къ отечеству долженствовала ослѣплять насъ и увѣрять, что мы всѣхъ и во всемъ лучше; но русской долженъ по крайней мѣрѣ знать цѣну свою. Согласимся, что нѣкоторые народы вообще насъ просвѣщеннѣе: ибо обстоятельства были для нихъ щастливѣе; но почувствуемъ же и всѣ благодѣянія судьбы въ разсужденіи народа Россійскаго; станемъ смѣло на ряду съ другими, скажемъ ясно имя свое, и повторимъ его съ благородною гордостью.

Мы не имѣемъ нужды прибѣгать къ баснямъ и выдумкамъ, подобно Грекамъ и Римлянамъ, чтобы возвысить наше происхожденіе: слава была колыбелію народа русскаго, а побѣда вѣстницею бытія его. Римская имперія узнала, что есть Славяне, ибо они пришли и разбили ея легіоны. Историки Византійскіе говорятъ о нашихъ предкахъ, какъ о чудесныхъ людяхъ, которымъ ничто не могло противиться, и которые отличались отъ другихъ сѣверныхъ народовъ не только своею храбростію, но и какимъ то рыцарскимъ добродушіемъ. Герои наши въ девятомъ, въ десятомъ вѣкѣ играли и забавлялись ужасомъ тогдашней новой столицы міра: имъ надлежало только явиться подъ стѣнами Константинополя, чтобы взять дань съ царей Греческихъ. Въ первомъ-надесять вѣкѣ Русскіе, всегда превосходные храбростію, не уступали другимъ Европейскимъ народамъ и въ просвѣщеніи, имѣя по религіи тѣсную связь съ Царемъ-градомъ, который дѣлился съ нами плодами учености, и во время Ярослава были переведены на Славянскій языкъ многія греческія книги. Къ чести твердаго русскаго характера служитъ то, что Константинополь никогда не могъ присвоить себѣ политическаго вліянія на отечество наше. Князья любили разумъ и знаніе Грековъ, но всегда готовы были оружіемъ наказать ихъ за малѣйшіе знаки дерзости. Раздѣленіе Россіи на многія владѣнія и несогласіе князей приготовили торжество Чингисъ-Хановыхъ потомковъ и наши долговременныя бѣдствія. Великіе люди и великіе народы подвержены ударамъ рока, но и въ самомъ несчастіи являютъ свое величіе. Такъ Россія, терзаемая лютымъ врагомъ, гибла со славою: цѣлые города предпочитали вѣрное истребленіе стыду рабства. Жители Владиміра, Чернигова, Кіева принесли себя въ жертву народной гордости, и тѣмъ спасли имя русскихъ отъ поношенія. Историкъ, утомленный сими несчастными временами, какъ ужасною безплодною пустынею, отдыхаетъ на могилахъ, и нахо-

дитъ отраду въ томъ, чтобы оплакивать смерть многихъ достойныхъ сыновъ отечества. Но какой народъ въ Европѣ можетъ похвалиться лучшею судьбою? Который изъ нихъ не былъ въ узахъ нѣсколько разъ? По крайней мѣрѣ завоеватели наши устрашили востокъ и западъ. Тамерланъ, сидя на тронѣ Самаркандскомъ, воображалъ себя царемъ міра. И какой народъ такъ славно разорвалъ свои цѣпи? Такъ славно отмстилъ врагамъ свирѣпымъ? Надлежало только быть на престолѣ рѣшительному, смѣлому государю: народная сила и храбрость, послѣ нѣкотораго усыпленія, громомъ и молніею возвѣстили свое пробужденіе.

Время самозванцевъ представляетъ опять горестную картину мятежа; но скоро любовь къ отечеству воспламеняетъ сердца — граждане, земледѣльцы требуютъ военачальника, и Пожарскій, ознаменованный славными ранами, встаетъ съ одра болѣзни. Добродѣтельный Мининъ служитъ примѣромъ; и кто не можетъ отдать жизни отечеству, отдаетъ ему все, что имѣетъ... Древняя и новая Исторія народовъ не представляетъ намъ ничего трогательнѣе сего общаго, геройскаго патріотизма. Въ царствованіе Александра позволено желать русскому сердцу, чтобы какой нибудь достойный монументъ, сооруженный въ Нижнемъ Новѣгородѣ (гдѣ раздался первый гласъ любви къ отечеству) обновилъ въ нашей памяти славную эпоху Русской Исторіи. Такіе монументы возвышаютъ духъ народа. Скромный монархъ не запретилъ бы намъ сказать въ надписи, что сей памятникъ сооруженъ въ *Его счастливое* время.

Петръ Великій, соединивъ насъ съ Европою и показавъ намъ выгоды просвѣщенія, не надолго унизилъ народную гордость русскихъ. Мы взглянули, такъ сказать, на Европу, и однимъ взоромъ присвоили себѣ плоды долговременныхъ трудовъ ея. Едва Великій Государь сказалъ нашимъ воинамъ, какъ надобно владѣть новымъ оружіемъ, они, взявъ его, летѣли сражаться съ первою Европейскою арміею. Явились генералы, нынѣ ученики, завтра примѣры для учителей. Скоро другіе могли и должны были перенимать у насъ; мы показали, какъ бьютъ Шведовъ, Турковъ—и наконецъ Французовъ. Сіи славные республиканцы, которые еще лучше говорятъ, нежели сражаются, и такъ часто твердятъ о своихъ ужасныхъ штыкахъ, бѣжали въ Италіи отъ перваго взмаха штыковъ русскихъ. Зная, что мы храбрѣе многихъ, не знаемъ еще, кто насъ храбрѣе. Мужество есть великое свойство души; народъ, имъ отличенный, долженъ гордиться собою. Въ военномъ искусствѣ мы успѣли болѣе, нежели въ другихъ, отъ того, что имъ болѣе занимались, какъ нужнѣйшимъ для утвержденія государственнаго бытія нашего; однакожъ не одними лаврами можемъ хвалиться. Наши гражданскія учрежденія мудростію своею равняются съ учрежденіями другихъ государствъ, которыя нѣсколько вѣковъ просвѣщаются. Наша людскость, тонъ общества, вкусъ въ жизни, удивляютъ иностранцевъ, пріѣзжающихъ въ Россію съ ложнымъ понятіемъ о народѣ, который въ началѣ осьмаго-надесять вѣка считался варварскимъ. Завистники русскихъ говорятъ, что мы имѣемъ только въ вышней степени переимчивость; но развѣ она не есть знакъ превосходнаго образованія души? Сказываютъ, что учители Лейбница [1] находили въ немъ также одну переимчивость.

Въ наукахъ мы стоимъ еще позади

---

[1] Готфридъ Вильгельмъ Лейбницъ (1646—1716) основатель нѣмецкой философіи, такъ какъ до него она не была построена на научномъ основаніи. Лейбницъ считается родоначальникомъ той философской системы, которая носитъ названіе оптимизма, т. е. что настоящій міръ есть лучшій изъ всѣхъ міровъ, созданныхъ Богомъ. Лейбницъ имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ нашей исторіи; онъ сносился съ Петромъ Великимъ, когда послѣдній совершалъ свои реформы.

другихъ, для того—и для того единственно, что менѣе другихъ занимаемся ими, и что ученое состояніе не имѣетъ у насъ такой обширной сферы, какъ, напримѣръ, въ Германіи, въ Англіи, и проч. Естьли бы наши молодые дворяне учась могли доучиваться и посвящать себя наукамъ, то мы имѣли бы уже своихъ Линнеевъ, Галлеровъ, Боннетовъ ([1]). Успѣхи литературы нашей (которая требуетъ менѣе учености, но, смѣю сказать, еще болѣе разума, нежели собственно такъ называемыя науки) доказываютъ великую способность русскихъ. Давно ли знаемъ, что такое слогъ въ стихахъ и прозѣ? и можемъ въ нѣкоторыхъ частяхъ уже равняться съ иностранцами. У французовъ еще въ шестомъ-надесять вѣкѣ философствовалъ и писалъ Монтань: чудно ли, что они вообще пишутъ лучше насъ? Не чудно ли, напротивъ того, что нѣкоторыя наши произведенія могутъ стоять на ряду съ ихъ лучшими, какъ въ живописи мыслей, такъ и въ оттѣнкахъ слога? Будемъ только справедливы, любезные сограждане, и почувствуемъ цѣну собственнаго. Мы никогда не будемъ умны чужимъ умомъ и славны чужою славою: французскіе, англійскіе авторы могутъ обойтись безъ нашей похвалы; но русскимъ нужно по крайней мѣрѣ вниманіе русскихъ. Расположеніе души моей, слава Богу! совсѣмъ противно сатирическому и бранному духу; но я осмѣлюсь попенять многимъ изъ нашихъ любителей чтенія, которые, зная лучше парижскихъ жителей, всѣ произведенія французской литературы, не хотятъ и взглянуть на русскую книгу. Того ли они желаютъ, чтобы иностранцы увѣдомляли ихъ о русскихъ талантахъ? Пусть же читаютъ французскіе и нѣмецкіе критическіе журналы, которые отдаютъ справедливость нашимъ дарованіямъ, судя по нѣкоторымъ переводамъ. Кому не будетъ обидно походить на Даламбертову мамку, которая, живучи съ нимъ, къ изумленію своему услышала отъ другихъ, что онъ умный человѣкъ? Нѣкоторые извиняются худымъ знаніемъ русскаго языка: это извиненіе хуже самой вины. Оставимъ нашимъ любезнымъ свѣтскимъ дамамъ утверждать, что, русскій языкъ грубъ и непріятенъ; что charmant, séduisant, expansion и vapeurs не могутъ быть на немъ выражены; и что, однимъ словомъ, не стоитъ труда знать его. Кто смѣетъ доказывать дамамъ, что онѣ ошибаются? Но мужчины не имѣютъ такого любезнаго права судить ложно. Языкъ нашъ выразителенъ не только для высокаго краснорѣчія, для громкой, живописной поэзіи, но и для нѣжной простоты, для звуковъ сердца и чувствительности. Онъ богатѣе гармоніею, нежели французской; способнѣе для изліянія души въ тонахъ; представляетъ болѣе аналогическихъ словъ, то есть сообразныхъ съ выражаемымъ дѣйствіемъ: выгода, которую имѣютъ одни коренные языки! Бѣда наша, что мы все хотимъ говорить по французски, и не думаемъ трудиться надъ обработываніемъ собственнаго языка: мудрено ли, что не умѣемъ изъяснять имъ нѣкоторыхъ тонкостей въ разговорѣ? Одинъ иностранный министръ сказалъ при мнѣ, что языкъ нашъ долженъ быть весьма теменъ, ибо русскіе, говоря имъ, по его замѣчанію не разумѣютъ другъ друга, и тотчасъ должны прибѣгать къ французскому. Не мы ли сами подаемъ поводъ къ такимъ нелѣпымъ заключеніямъ? Языкъ важенъ для патріота; и я люблю англичанъ за то, что они лучше хотятъ свистать и шипѣть по англійски, нежели говорить чужимъ языкомъ, извѣстнымъ почти всякому изъ нихъ.

Есть всему предѣлъ и мѣра: какъ человѣкъ, такъ и народъ начинаетъ

*

([1]) Бонне́ (Bonnet) Шарль, естествоиспытатель и философъ (1720—1793), извѣстенъ своими сочиненіями по естествен. наукамъ и философіи, которыя онъ самъ издалъ подъ названіемъ Oeurves d'historie naturelle et de philosophie. Б. считается первымъ представителемъ матеріальнаго воззрѣнія на жизнь.

всегда подражаніемъ; но долженъ со временемъ быть самъ собою, чтобы сказать: я существую нравственно! Теперь мы уже имѣемъ столько знаній и вкуса въ жизни, что могли бы жить, не спрашивая: какъ живутъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ? Что тамъ носятъ, въ чемъ ѣздятъ и какъ убираютъ домы? Патріотъ спѣшитъ присвоить отечеству благодѣтельное и нужное, но отвергаетъ рабскія подражанія въ бездѣлкахъ, оскорбительныя для народной гордости. Хорошо и должно учиться; но горе и человѣку и народу, который будетъ всегдашнимъ ученикомъ! До сего времени Россія безпрестанно возвышалась какъ въ политическомъ, такъ и въ нравственномъ смыслѣ. Можно сказать, что Европа годъ отъ году насъ болѣе уважаетъ—и мы еще въ срединѣ нашего славнаго теченія! Наблюдатель вездѣ видитъ новыя *отрасли* и *раскрытія;* видитъ много плодовъ, но еще болѣе цвѣта. Символъ нашъ есть пылкій юноша: сердце его, полное жизни, любитъ дѣятельность; девизъ его есть: *труды* и *надежда!* Побѣды очистили намъ путь къ благоденствію; слава есть право на счастіе.

---

2. О счастливѣйшемъ времени жизни.

Человѣколюбіе, безъ сомнѣнія, заставило Цицерона хвалить старость; однакожъ не думаю, чтобы трактатъ его въ самомъ дѣлѣ утѣшилъ старцевъ: остроумію легко плѣнить разумъ, но трудно побѣдить въ душѣ естественное чувство.

Можно-ли хвалить болѣзнь? а старость сестра ея. Перестанемъ обманывать себя и другихъ; перестанемъ доказывать, что всѣ дѣйствія натуры и всѣ феномены ея для насъ благотворны—въ общемъ планѣ, можетъ быть; но какъ онъ извѣстенъ одному Богу, то человѣку и нельзя разсуждать о вещахъ въ семъ отношеніи. Оптимизмъ есть не философія, а игра ума. Философія занимается только ясными истинами, хотя и печальными, отвергаетъ ложь, хотя и пріятную. Творецъ не хотѣлъ для человѣка снять завѣсы съ дѣлъ Своихъ, и догадки наши никогда не будутъ имѣть силы удостовѣренія.—Вопреки Жанъ-Жаку Руссо, младенчество, сіе всегдашнее бореніе слабой жизни съ алчною смертію, должно казаться намъ жалкимъ; вопреки Цицерону, старость печальна; вопреки Лейбницу и Попу, здѣшній міръ остается училищемъ терпѣнія. Не даромъ всѣ народы имѣли древнее преданіе, что земное состояніе человѣка есть его паденіе или наказаніе: сіе преданіе основано на чувствѣ сердца. Болѣзнь ожидаетъ насъ здѣсь при входѣ и выходѣ; а въ срединѣ, подъ розами здоровья, кроется змѣя сердечныхъ горестей. Живѣйшее чувство удовольствія имѣетъ въ себѣ какой-то недостатокъ; возможное на землѣ счастіе, столь рѣдкое, омрачается мыслію, что или мы оставимъ его, или оно оставитъ насъ.

Однимъ словомъ, вездѣ и во всемъ окружаютъ насъ недостатки. Однакожъ слова: *благо и счастіе*, справедливо занимаютъ мѣсто свое въ лексиконѣ здѣшняго свѣта. Сравненіе опредѣляетъ цѣну всего: одно лучше другаго—вотъ благо! одному лучше, нежели другому—вотъ счастіе!

Какую-же эпоху жизни можно назвать *счасливѣйшею по сравненію*? Не ту, въ которую мы достигаемъ до физическаго совершенства въ бытіи (ибо человѣкъ не есть только животное), но послѣднюю степь физической зрѣлости—время, когда всѣ душевныя способности дѣйствуютъ въ полнотѣ своей, а тѣлесныя силы еще не слабѣютъ примѣтно; когда мы уже знаемъ свѣтъ и людей, ихъ отношенія къ намъ, игру страстей, цѣпу удовольствій и законъ природы, для нихъ уставленный; когда разумъ нашъ, богатый идеями, сравненіями, опытами, находитъ истинную

мѣру вещей, соглашаетъ съ нею желанія сердца и даетъ жизни общій характеръ благоразумія. Какъ плодъ дерева, такъ и жизнь бываетъ всего сладостнѣе передъ началомъ увяданія.

Сія истина доказываетъ мнѣ благородство человѣка. Если-бы умная нравственность была случайною принадлежностію существа нашего (какъ нѣкоторые утверждали) и только слѣдствіемъ общественныхъ связей, въ которыя мы зашли, уклонясь отъ путей натуры: то она не могла-бы своими удовольствіями замѣнять для насъ живости и пылкости цвѣтущихъ дней молодости; не только замѣнять ихъ, но и несравненно возвышать цѣну жизни: ибо человѣкъ за тридцать пять лѣтъ безъ сомнѣнія не пылаетъ уже такъ страстями, какъ юноша, а въ самомъ дѣлѣ можетъ быть гораздо его счастливѣе.

Въ сіе время люди по большой части бываютъ уже супругами, отцами, и наслаждаются въ жизни самыми вѣрнѣйшими радостями: семейственными. Мы ограничиваемъ сферу бытія своего, чтобы не бѣгать вдаль за удовольствіями; перестаемъ странствовать по туманнымъ областямъ мечтанія; живемъ дома, живемъ болѣе въ самихъ себѣ, требуемъ менѣе отъ людей и свѣта; менѣе огорчаемся неудачами, ибо менѣе ожидаемъ благопріятныхъ случайностей. Жребій брошенъ: состояніе избрано, утверждено; стараемся возвеличить его достоинство пользою для общества; хотимъ оставить въ мірѣ благодѣтельные слѣды бытія своего; воспитаніе дѣтей, хозяйство, государственныя должности, обращаются для насъ въ душевное удовольствіе, а дружба и пріязнь въ сладкое отдохновеніе.... Поля, нашими трудами обогащенныя—садикъ, нами обработанный—земледѣльцы, насъ благодарящіе—лица домашнихъ спокойныя, сердца ихъ къ намъ привязанныя—радуютъ мирную душу опытнаго человѣка болѣе, нежели сіи шумныя забавы, сіи призраки воображенія и страстей, которые обольщаютъ молодость. Здоровье, столь мало уважаемое въ юныхъ лѣтахъ, дѣлается въ лѣтахъ зрѣлости истиннымъ благомъ; самое чувство жизни бываетъ гораздо милѣе тогда, когда уже пролетѣла ея быстрая половина... Такъ остатки ясныхъ осеннихъ дней располагаютъ насъ живѣе чувствовать прелесть натуры; думая, что скоро все увянетъ, боимся пропустить минуту безъ наслажденія!... Юноша не благодаренъ: волнуемый темными желаніями, безпокойный отъ самого избытка силъ своихъ, съ небреженіемъ ступаетъ онъ на цвѣты, которыми природа и судьба украшаютъ стезю его въ мірѣ: человѣкъ, искушенный опытами, въ самыхъ горестяхъ любитъ благодарить Небо со слезами за малѣйшую отраду.

Въ сіе-же время дѣйствуетъ и торжествуетъ геній.... Ясный взоръ на міръ открываетъ истину, воображеніе сильное представляетъ ея черты живо и разительно, вкусъ зрѣлый украшаетъ ее простотою, и творенія ума человѣческаго являются въ совершенствѣ, и творецъ дерзаетъ наконецъ простирать руку къ потомству, быть современникомъ вѣковъ и гражданиномъ вселенной. Молодость любитъ въ славѣ только шумъ, а душа зрѣлая справедливое, основательное признаніе ея полезной для свѣта дѣятельности. Истинное славолюбіе не волнуетъ, не терзаетъ, но сладостно покоитъ душу, среди монументовъ тлѣнія и смерти, открывая ей путь безсмертія талантовъ и разума: мысль утѣшительная для существа, которое столько любитъ жить и дѣйствовать, но столь не долговѣчно своимъ бытіемъ физическимъ!

Дни цвѣтущей юности и пылкихъ желаній! не могу жалѣть о васъ. Помню восторги, но помню и тоску свою; помню восторги, но не помню счастія: его не было въ сей бурной стремительности чувствъ къ безпрестаннымъ наслажденіямъ, которая бываетъ мукою; его нѣтъ и теперь для меня въ свѣтѣ—но не въ лѣтахъ кипѣнія страстей, а въ полномъ дѣйствіи ума, въ мирныхъ

трудахъ его, въ тихихъ удовольствіяхъ жизни единообразной, успокоенной, хотѣлъ-бы я сказать солнцу: *остановися!* если-бы въ тоже время могъ сказать и мертвымъ: *возстаньте изъ гроба!*

———

в. Исторія Государства Россійскаго.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Исторія въ нѣкоторомъ смыслѣ есть священная книга народовъ: главная, необходимая; зерцало ихъ бытія и дѣятельности; скрижаль откровеній и правилъ; завѣтъ предковъ къ потомству; дополненіе, изъясненіе настоящаго и примѣръ будущаго.

Правителю, законодатели дѣйствуютъ по указаніямъ Исторіи, и смотрятъ на ея листы, какъ мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человѣческая имѣетъ нужду въ опытахъ, а жизнь кратковременна. Должно знать, какъ искони мятежныя страсти волновали гражданское общество, и какими способами благотворная власть ума обуздывала ихъ бурное стремленіе, чтобы учредить порядокъ, согласить выгоды людей и даровать имъ возможное на землѣ счастіе.

Но и простой гражданинъ долженъ читать Исторію. Она мпритъ его съ Несовершенствомъ видимаго порядка вещей, утѣшаетъ въ государственныхъ бѣдствіяхъ, свидѣтельствуя, что и прежде бывали подобныя, бывали еще ужаснѣйшія, и Государство не разрушалось; она питаетъ нравственное чувство, и праведнымъ судомъ своимъ располагаетъ душу къ справедливости, которая утверждаетъ наше благо и согласіе общества.

Вотъ польза: сколько же удовольствій для сердца и разума! Любопытство сродно человѣку, и просвѣщенному и дикому. На славныхъ играхъ Олимпійскихъ умолкалъ шумъ, и толпы безмолствовали вокругъ Геродота, читающаго преданія вѣковъ. Еще не зная употребленія буквъ, народы уже любятъ Исторію: старецъ указываетъ юношѣ на высокую могилу и повѣствуетъ о дѣлахъ лежащаго въ ней Героя. Первые опыты нашихъ предковъ въ искуствѣ грамоты были посвящены Вѣрѣ и Дѣеписанію; омраченный густою сѣнію невѣжества народъ съ жадностью внималъ сказаніямъ лѣтописцевъ. И вымыслы нравятся: но для полнаго удовольствія должно обманывать себя и думать, что они истина. Исторія, отверзая гробы, поднимая мертвыхъ, влагая имъ жизнь въ сердца и слово въ уста, изъ тлѣнія созидая Царства, и представляя воображенію рядъ вѣковъ съ ихъ отличными страстями, нравами, дѣяніями, расширяетъ предѣлы нашего собственнаго бытія; ея творческою силою мы живемъ съ людьми всѣхъ временъ, видимъ и слышимъ ихъ, любимъ и ненавидимъ: еще не думая о пользѣ, уже наслаждаемся созерцаніемъ многообразныхъ случаевъ и характеровъ, которые занимаютъ умъ или питаютъ чувствительность.

Если всякая Исторія, даже и неискусно писанная, бываетъ пріятна, какъ говоритъ Плиній: тѣмъ болѣе отечественная. Истинный космополитъ есть существо метафизическое или столь необыкновенное явленіе, что нѣтъ нужды говорить объ немъ, ни хвалить, ни осуждать его. Мы всѣ граждане, въ Европѣ и въ Индіи, въ Мексикѣ и въ Абиссиніи: личность каждаго тѣсно связана съ отечествомъ: любимъ его, ибо любимъ себя. Пусть Греки, Римляне плѣняютъ воображеніе: они принадлежатъ къ семейству рода человѣческаго, и намъ не чужіе по своимъ добродѣтелямъ и слабостямъ, славѣ и бѣдствіямъ: но имя Русское имѣетъ для насъ особенную прелесть: сердце мое еще сильнѣе бьется за Пожарскаго, нежели за Ѳемистокла или Сципіона. Всемірная Исторія великими воспоминаніями украшаетъ міръ для ума, а Россійская украшаетъ отечество, гдѣ мы живемъ и чувствуемъ.

Сколь привлекательны берега Волхова, Днѣпра, Дона, когда знаемъ, что въ глубокой древности на нихъ происходило! Не только Новгородъ, Кіевъ, Владиміръ, но и хижины Ельца, Козельска, Галича дѣлаются любопытными памятниками, и нѣмые предметы краснорѣчивыми. Тѣни минувшихъ столѣтій вездѣ рисуютъ картины передъ нами.

Кромѣ особеннаго достоинства для насъ, сыновъ России, ея лѣтописи имѣютъ общее. Взглянемъ на пространство сей единственной Державы: мысль цѣпенѣетъ; никогда Римъ въ своемъ величіи не могъ равняться съ нею, господствуя отъ Тибра до Кавказа, Эльбы и песковъ Африканскихъ. Не удивительно ли, какъ земли, раздѣленныя вѣчными преградами Естества, неизмѣримыми пустынями и лѣсами непроходимыми, хладными и жаркими климатами; какъ Астрахань и Лапландія, Сибирь и Бессарабія, могли составить одну державу съ Москвою? Менѣе ли чудесна и смѣсь ея жителей, разноплеменныхъ, разновидныхъ, и столь удаленныхъ другъ отъ друга въ степеняхъ образованія? Подобно Америкѣ Россія имѣетъ своихъ дикихъ; подобно другимъ странамъ Европы являетъ плоды долговременной гражданской жизни. Не надобно быть Русскимъ: надобно только мыслить, чтобы съ любопытствомъ читать преданія народа, который смѣлостью и мужествомъ снискалъ господство надъ девятою частію міра, открылъ страны, никому дотолѣ неизвѣстныя, внесъ ихъ въ общую систему Географіи, Исторіи, и просвѣтилъ Божественною Вѣрою, безъ насилія, безъ злодѣйствъ, употребленныхъ другими ревнителями Христіанства въ Европѣ и въ Америкѣ, но единственно примѣромъ лучшаго.

Согласимся, что дѣянія, описанныя Геродотомъ, Ѳукидидомъ, Ливіемъ, для всякаго не Русскаго вообще занимательнѣе, представляя болѣе душевной силы и живѣйшую игру страстей: ибо Греція и Римъ были народными державами и просвѣщеннѣе Россіи; однакожъ смѣло можемъ сказать, что нѣкоторые случаи, картины, характеры нашей Исторіи любопытны не менѣе древнихъ. Таковы суть подвиги Святослава, гроза Батыева, возстаніе Россіянъ при Донскомъ, паденіе Новагорода, взятіе Казани, торжество народныхъ добродѣтелей во время Междуцарствія. Великаны сумрака, Олегъ и сынъ Игоревъ; простосердечный витязь, слѣпецъ Василько; другъ отечества, благолюбивый Мономахъ; Мстиславы Храбрые, ужасные въ битвахъ и примѣръ незлобія въ мирѣ; Михаилъ Тверскій, столь знаменитый великодушною смертію; злополучный, истинно мужественный Александръ Невскій; Герой юноша, побѣдитель Мамаевъ, въ самомъ легкомъ начертаніи сильно дѣйствуютъ на воображеніе и сердце. Одно государствованіе Іоанна III есть рѣдкое богатство для Исторіи: по крайней мѣрѣ незнаю Монарха, достойнѣйшаго жить и сіять въ ея святилищѣ. Лучи его славы падаютъ на колыбель Петра и между сими двумя Самодержцами удивительный Іоаннъ IV, Годуновъ, достойный своего счастія и несчастія, странный лже-Димитрій, и за сонмомъ доблестныхъ патріотовъ, бояръ и гражданъ, наставникъ трона, Первосвятитель Филаретъ съ Державнымъ сыномъ, свѣтоносцемъ во тмѣ нашихъ государственныхъ бѣдствій, и Царь Алексѣй, мудрый отецъ Императора, коего назвала великимъ Европа. Или вся Новая Исторія должна безмолствовать, или Россійская имѣетъ право на вниманіе.

Знаю, что битвы нашего удѣльнаго междоусобія, гремящія безъ умолку въ пространствѣ пяти вѣковъ, маловажны для разума; что сей предметъ не богатъ ни мыслями для прагматика, ни красотами для живописца: но Исторія не романъ, и міръ не садъ, гдѣ все должно быть пріятно: она изображаетъ дѣйствительный міръ. Видимъ на землѣ величественныя горы и водопады, цвѣтущіе луга и долины, но сколько песковъ безплодныхъ и степей унылыхъ! Однакожъ путешествіе вообще любезно человѣку съ живымъ чувствомъ и во-

ображенiемъ; въ самыхъ пустыняхъ встрѣчаются виды прелестные.

Не будемъ суевѣрны въ нашемъ высокомъ понятiи о Дѣеписанiяхъ древности. Если исключить изъ безсмертнаго творенiя Ѳукидидова вымышленныя рѣчи, что останется? голый разсказъ о междоусобiи Греческихъ городовъ: толпы злодѣйствуютъ, рѣжутся за честь Аѳинъ или Спарты, какъ у насъ за честь Мономахова или Олегова Дому. Не много разности, если забудемъ, что сiи полутигры изъяснялись языкомъ Гомера, имѣли Софокловы Трагедiи и статуи Фидiасовы. Глубокомысленный живописецъ Тацитъ всегда ли представляетъ намъ великое, разительное? Съ умиленiемъ смотримъ на Агриппину, несущую пепелъ Германика; съ жалостiю на разсѣянныя въ лѣсу кости и доспѣхи Легiона Варова; съ ужасомъ на кровавый пиръ неистовыхъ Римлянъ, освѣщаемыхъ пламенемъ Капитолiя; съ омерзѣнiемъ на чудовище тиранства, пожирающее остатки Республиканскихъ добродѣтелей въ столицѣ мiра: но скучныя тяжбы городовъ о правѣ имѣть жреца въ томъ или другомъ храмѣ и Некрологъ Римскихъ чиновниковъ занимаютъ много листовъ въ Тацитѣ. Онъ завидовалъ Титу Ливiю въ богатствѣ предмета; а Ливiй, плавный, краснорѣчивый, иногда цѣлыя книги наполняетъ извѣстiями о сшибкахъ и разбояхъ, которые едва ли важнѣе Половецкихъ набѣговъ.—Однимъ словомъ, чтенiе всѣхъ Исторiй требуетъ нѣкотораго терпѣнiя, болѣе или менѣе награждаемаго удовольствiемъ.

Историкъ Россiи могъ бы конечно, сказавъ нѣсколько словъ о происхожденiи ея главнаго народа, о составѣ Государства, представить важныя, достопамятнѣйшiя черты древности въ искусной картинѣ и начать обстоятельное повѣствованiе съ Iоаннова времени, или съ XV вѣка, когда совершилось одно изъ величайшихъ государственныхъ творенiй въ мiрѣ: онъ написалъ бы легко 200 или 300 краснорѣчивыхъ, прiятныхъ страницъ, вмѣсто многихъ книгъ, трудныхъ для Автора, утомительныхъ для Читателя. Но сiи обозрѣнiя, сiи картины не замѣняютъ лѣтописей, и кто читалъ единственно Робертсоново Введенiе въ Исторiю Карла V, тотъ еще не имѣетъ основательнаго, истиннаго понятiя о Европѣ среднихъ временъ. Мало, что умный человѣкъ, окинувъ глазами памятники вѣковъ, скажетъ намъ свои примѣчанiя: мы должны сами видѣть дѣйствiе и дѣйствующихъ: тогда знаемъ Исторiю. Хвастливость Авторскаго краснорѣчiя и нѣга читателей осудятъ ли на вѣчное забвенiе дѣла и судьбу нашихъ предковъ? Они страдали и своими бѣдствiями изготовили наше величiе: а мы не захотимъ и слушать о томъ, ни знать, кого они любили, кого обвиняли въ своихъ несчастiяхъ? Иноземцы могутъ пропустить скучное для нихъ въ нашей древней Исторiи; но добрые Россiяне не обязаны ли имѣть болѣе терпѣнiя, слѣдуя правилу государственной нравственности, которая ставитъ уваженiе къ предкамъ въ достоинство гражданину образованному?... Такъ я мыслилъ, и писалъ объ Игоряхъ и Всеволодахъ, какъ современникъ, смотря на нихъ въ тусклое зеркало древней Лѣтописи съ неутомимымъ вниманiемъ, съ искреннимъ почтенiемъ; и если, вмѣсто живыхъ, цѣлыхъ образовъ, представлялъ единственно тѣни, въ отрывкахъ: то не моя вина: я не могъ дополнять Лѣтописи!

Есть три рода Исторiи: первая современная, напримѣръ Ѳукидидова, гдѣ очевидный свидѣтель говоритъ о происшествiяхъ; вторая, какъ Тацитова, основывается на свѣжихъ словесныхъ преданiяхъ въ близкое къ описываемымъ дѣйствiямъ время; третья извлекается только изъ памятниковъ, какъ наша до самаго XVIII вѣка. Въ первой и второй блистаетъ умъ, воображенiе Дѣеписателя, который избираетъ любопытнѣйшее, цвѣтитъ, украшаетъ, иногда творитъ, не боясь обличенiя; скажетъ: я такъ видѣлъ, такъ слышалъ и безмол-

вная Критика не мѣшаетъ Читателю наслаждаться прекрасными описаніями. Третій родъ есть самый ограниченный для таланта: нельзя прибавить ни одной черты къ извѣстному; нельзя вопрошать мертвыхъ; говоримъ, что предали намъ современники, молчимъ, если умолчали—или справедливая Критика заградила уста легкомысленному Историку, обязанному представлять единственно то, что сохранилось отъ вѣковъ въ Лѣтописяхъ, въ Архивахъ. Древніе имѣли право вымышлять рѣчи согласно съ характеромъ людей, съ обстоятельствами: право неоцѣненное для истинныхъ дарованій, и Ливій, пользуясь имъ, обогатилъ свои книги силою ума, краснорѣчія, мудрыхъ наставленій. Но мы, вопреки мнѣнію Аббата Мабли, не можемъ нынѣ витійствовать въ Исторіи. Новые успѣхи разума дали намъ яснѣйшее понятіе о свойствѣ и цѣли ея; здравый вкусъ уставилъ неизмѣнныя правила и навсегда отлучилъ Дѣеписаніе отъ Поэмы, отъ цвѣтниковъ краснорѣчія, оставивъ въ удѣлъ первому быть вѣрнымъ зерцаломъ минувшаго, вѣрнымъ отзывомъ словъ, дѣйствительно сказанныхъ Героями вѣковъ. Самая прекрасная выдуманная рѣчь безобразитъ Исторію, посвященную не славѣ Писателя, не удовольствію Читателей и даже не мудрости нравоучительной, но только истинѣ, которая уже сама собою дѣлается источникомъ удовольствія и пользы. Какъ Естественная, такъ и Гражданская Исторія не терпитъ вымысловъ, изображая, чуо есть или было, а не что быть могло. Но Исторія, говорятъ, наполнена ложью: скажемъ лучше, что въ ней, какъ въ дѣлѣ человѣческомъ, бываетъ примѣсь лжи; однакожь характеръ истины всегда болѣе или менѣе сохраняется, и сего довольно для насъ, чтобы составить себѣ общее понятіе о людяхъ и дѣяніяхъ. Тѣмъ взыскательнѣе и строже Критика; тѣмъ непозволительнѣе Историку, для выгодъ его дарованія, обманывать добросовѣстныхъ Читателей, мыслить и говорить за Героевъ, которые давно уже безмолствуютъ въ могилахъ. Чтожъ остается ему, прикованному, такъ сказать, къ сухимъ хартіямъ древности? порядокъ, ясность, сила, живопись. Онъ творитъ изъ даннаго существа: не произведетъ золота изъ мѣди, но долженъ очистить и мѣдь: долженъ знать всего цѣну и свойство; открывать великое, гдѣ оно таится и малому не давать правъ великаго. Нѣтъ предмета столь бѣднаго, чтобы Искусство уже не могло въ немъ ознаменовать себя пріятнымъ для ума образомъ.

Доселѣ Древніе служатъ намъ образцами. Никто не превзошелъ Ливія въ красотѣ повѣствованія, Тацита въ силѣ: вотъ главное! Знаніе всѣхъ правъ на свѣтѣ, ученость Нѣмецкая, остроуміе Вольтерово, ни самое глубокомысліе Макіавелево въ Историкѣ не замѣняютъ таланта изображать дѣйствія. Англичане славятся Юмомъ, Нѣмцы Іоанномъ Мюллеромъ, и справедливо: оба суть достойные совмѣстники древнихъ,—не подражатели: ибо каждый вѣкъ, каждый народъ даетъ особенныя краски искусному Бытописателю. «Не подражай Тациту, но пиши, какъ писалъ бы онъ на твоемъ мѣстѣ»!,.. есть правило Генія. Хотѣлъ ли Мюллеръ, часто вставляя въ разсказы нравственныя апофѳегмы, уподобиться Тациту? не знаю; но сіе желаніе блистать умомъ, или казаться глубокомысленнымъ, едва ли не противно истинному вкусу. Историкъ разсуждаетъ только въ объясненіе дѣлъ, тамъ, гдѣ мысли его какъ бы дополняютъ описаніе. Замѣтимъ, что сіи апофѳегмы бываютъ для основательныхъ умовъ или полу-истинами, или весьма обыкновенными истинами, которыя не имѣютъ большой цѣны въ Исторіи, гдѣ ищемъ дѣйствія и характеровъ. Искусное повѣствованіе есть долгъ Бытописателя, и хорошая отдѣльная мысль даръ: Читатель требуетъ перваго, и благодаритъ за второе, когда уже требованіе его исполнено. Не такъ ли думалъ и благоразумный Юмъ, иногда весьма плодовитый въ изъясненіи причинъ,

по до скупости умѣренный въ размышленіяхъ? Историкъ, коего мы назвали бы совершеннѣйшимъ изъ Новыхъ, если бы онъ не излишно чуждался Англіи, не излишно хвалился безпристрастіемъ, и тѣмъ не охладилъ своего изящнаго творенія. Въ Ѳукидидѣ видимъ всегда Аѳинскаго Грека, въ Ливіи всегда Римлянина, и плѣняемся ими, и вѣримъ имъ. Чувство: мы, наше, оживляетъ повѣствованіе—и какъ грубое пристрастіе, слѣдствіе ума слабаго или души слабой, несносно въ Историкѣ: такъ любовь къ отечеству даетъ его кисти жаръ, силу, прелесть. Гдѣ нѣтъ любви, нѣтъ и души.

Обращаюсь къ труду моему. Не дозволяя себѣ никакого изобрѣтенія, я искалъ выраженій въ умѣ своемъ, а мыслей единственно въ памятникахъ; искалъ духа и жизни въ тлѣющихъ хартіяхъ; желалъ преданное намъ вѣками соединить въ систему, ясную стройнымъ сближеніемъ частей; изображалъ не только бѣдствія и славу войны; но и все, что входитъ въ составъ гражданскаго бытія людей: успѣхи разума, искусства, обычаи, законы, промышленность; не боялся съ важностію говорить о томъ, что уважалось предками; хотѣлъ, не измѣняя своему вѣку, безъ гордости и насмѣшекъ, описывать вѣки душевнаго младенчества, легковѣрія, баснословія, хотѣлъ представить и характеръ времени и характеръ Лѣтописцевъ; ибо одно казалось мнѣ нужнымъ для другаго. Чѣмъ менѣе находилъ я извѣстій, тѣмъ болѣе дорожилъ и пользовался находимыми; тѣмъ менѣе выбиралъ: ибо не бѣдные, а богатые избираютъ. Надлежало или не сказать ничего, или сказать все о такомъ-то Князѣ, дабы онъ жилъ въ нашей памяти не однимъ сухимъ именемъ, но съ нѣкоторою нравственною физіономіею. Прилѣжно истощая матеріалы древнѣйшей Россійской Исторіи, я ободрялъ себя мыслію, что въ повѣствованіи о временахъ отдаленныхъ есть какая-то неизъяснимая прелесть для нашего воображенія: тамъ источники Поэзіи! Взоръ нашъ, въ созерцаніи пространства, не стремится ли обыкновенно—мимо всего близкаго, яснаго—къ концу горизонта, гдѣ густѣютъ, меркнутъ тѣни и начинается непроницаемость?

Читатель замѣтитъ, что описываю дѣянія не врознь, по годамъ и днямъ, но совокупляю ихъ для удобнѣйшаго впечатлѣнія въ памяти. Историкъ не лѣтописецъ: послѣдній смотритъ единственно на время, а первый на свойство и связь дѣяній: можетъ ошибиться въ распредѣленіи мѣстъ. но долженъ всему указать свое мѣсто.

Множество сдѣланныхъ мною примѣчаній и выписокъ устрашаютъ меня самого. Счастливы Древніе: они не вѣдали сего мелочнаго труда, въ коемъ теряется половина времени, скучаетъ умъ, вянетъ воображеніе: тягостная жертва, приносимая достовѣрности, однакожь необходимая! Если бы всѣ матеріалы были у насъ собраны, изданы, очищены Критикою, то мнѣ осталось бы единственно ссылаться; но когда большая часть ихъ въ рукописяхъ, въ темнотѣ; когда едвали что обработано, изъяснено, соглашено—надобно вооружиться терпѣніемъ, Въ волѣ читателя заглядывать въ сію пеструю смѣсь, которая служитъ иногда свидѣтельствомъ, иногда объясненіемъ или дополненіемъ. Для охотниковъ все бываетъ любопытно: старое имя, слово; малѣйшая черта древности даетъ поводъ къ соображеніямъ. Съ XV вѣка уже менѣе выписываю: источники размножаются и дѣлаются яснѣе. Мужъ ученый и славный, Шлецеръ, сказалъ, что наша исторія имѣетъ пять главныхъ періодовъ: что Россія отъ 862 года до Святополка должна быть названа раждающеюся (Nascens), отъ Ярослава до Моголовъ раздѣленною (Divisa), отъ Батыя до Іоанна III угнетенною (Oppressa). отъ Іоанна до Петра Великаго побѣдоносною (Victrix), отъ Петра до Екатерины II процвѣтающею. Сія мысль кажется мнѣ болѣе остроумною, нежели основательною.

1) Вѣкъ Св. Владиміра былъ уже вѣкомъ могущества и славы, а не рожденія. 2) Государство дѣлилось и прежде 1015 года. 3) Если по внутреннему состоянію и внѣшнимъ дѣйствіямъ Россіи надобно означать періоды, то можно ли смѣшать въ одно время Великаго Князя Димитрія Александровича и Донскаго, безмолвное рабство съ побѣдою и славою? 4) Вѣкъ Самозванцевъ ознаменованъ болѣе злосчастіемъ, нежели побѣдою. Гораздо лучше, истиннѣе, скромнѣе Исторія наша дѣлится на Древнѣйшую отъ Рюрика до Іоанна III, на среднюю отъ Іоанна до Петра, и Новую отъ Петра до Александра. Система удѣловъ была характеромъ первой эпохи, единовластіе второй, измѣненіе гражданскихъ обычаевъ третьей. Впрочемъ нѣтъ нужды ставить грани тамъ, гдѣ мѣста служатъ живымъ урочищемъ.

Съ охотою и ревностію посвятивъ двѣнадцать лѣтъ, и лучшее время моей жизни, на сочиненіе сихъ осьми или девяти томовъ, могу по слабости желать хвалы и бояться охужденія; но смѣю сказать, что это для меня не главное. Одно славолюбіе не могло дать мнѣ твердости постоянной, долговременной, необходимой въ такомъ дѣлѣ, если бы не находилъ я истиннаго удовольствія въ самомъ трудѣ и не имѣлъ надежды быть полезнымъ, то есть сдѣлать Россійскую Исторію извѣстнѣе для многихъ, даже и для строгихъ моихъ судей.

Благодаря всѣхъ, и живыхъ и мертвыхъ, коихъ умъ, знанія, таланты, искусство, служили мнѣ руководствомъ, поручаю себя снисходительности добрыхъ согражданъ. Мы одно любимъ, одного желаемъ: любимъ отечество; желаемъ, ему благоденствія еще болѣе, нежели славы; желаемъ, да не измѣнится никогда твердое основаніе нашего величія; да правила мудраго Самодержавія и Святой Вѣры болѣе и болѣе укрѣпляютъ союзъ частей; да цвѣтетъ Россія..... по крайней мѣрѣ долго, долго, если на землѣ нѣтъ ничего безсмертнаго, кромѣ души человѣческой!

КОНЧИНА ОЛЕГА.

Сей Герой, смиренный лѣтами, хотѣлъ уже тишины и наслаждался всеобщимъ миромъ. Никто изъ сосѣдовъ не дерзалъ прервать его спокойствія. Окруженный знаками побѣдъ и славы, Государь народовъ многочисленныхъ, повелитель войска храбраго, могъ казаться грознымъ и въ самомъ усыпленіи старости. Онъ совершилъ на землѣ дѣло свое—и смерть его казалась потомству чудесною. «Волхвы»—такъ говоритъ Лѣтописецъ — «предсказали «Князю, что ему суждено умереть отъ «любимаго коня своего. Съ того времени онъ не хотѣлъ ѣздить на немъ. «Прошло четыре года: въ осень пятаго «вспомнилъ Олегъ о предсказаніи, и «слыша, что конь давно умеръ, посмѣ«ялся надъ волхвами; захотѣлъ видѣть «его кости; сталъ ногою на черепъ и «сказалъ: его ли мнѣ бояться? Но въ «черепѣ таилась змѣя: она ужалила «Князя, и Герой скончался».... Уваженіе къ памяти великихъ мужей и любопытство знать все, что до нихъ касается, благопріятствуютъ такимъ вымысламъ и сообщаютъ ихъ отдаленнымъ потомкамъ. Можемъ вѣрить и не вѣрить, что Олегъ въ самомъ дѣлѣ былъ ужаленъ змѣею на могилѣ любимаго коня его; но мнимое пророчество волхвовъ или кудесниковъ есть явная народная басня, достойная замѣчанія по своей древности.

Гораздо важнѣе и достовѣрнѣе то, что Лѣтописецъ повѣствуетъ о слѣдствіяхъ кончины Олеговой: *народъ стеналъ и проливалъ слезы.* Что можно сказать сильнѣе и разительнѣе въ похвалу Государя умершаго? И такъ Олегъ не только ужасалъ враговъ: онъ былъ еще любимъ своими подданными. Воины могли оплакивать въ немъ смѣлаго, искуснаго предводителя, а народъ защитника.—Присоединивъ къ державѣ своей лучшія, богатѣйшія страны нынѣшней Россіи, сей Князь былъ истиннымъ основателемъ ея величія. Рюрикъ вла-

дѣлъ отъ Эстоніи, Славянскихъ Ключей и Волхова до Бѣлаозера, устья Оки и города Ростова: Олегъ завоевалъ все отъ Смоленска до рѣки Сулы, Днѣстра и, кажется, самыхъ горъ Карпатскихъ. Мудростію Правителя цвѣтутъ Государства образованныя; но только сильная рука Героя основываетъ великія Имперіи и служитъ имъ надежною опорою въ ихъ опасной новости. Древняя Россія славится не однимъ Героемъ: никто изъ нихъ не могъ сравняться съ Олегомъ въ завоеваніяхъ, которыя утвердили ея бытіе могущественное. Исторія признаетъ ли его незаконнымъ властелиномъ съ того времени, какъ возмужалъ наслѣдникъ Рюриковъ? Великія дѣла и польза государственная не извиняютъ ли властолюбія Олегова? и права наслѣдственныя, еще не утвержденныя въ Россіи обыкновеніемъ, могли ли ему казаться священными?.... Но кровь Аскольда и Дира осталась пятномъ его славы.

Олегъ, княживъ 33 года, умеръ въ глубокой старости, ежели онъ хотя юношею пришелъ въ Новгородъ съ Рюрикомъ. Тѣло его погребено на горѣ Щековицѣ, и жители Кіевскіе, современники Нестора, звали сіе мѣсто *Ольговою могилою*.

МЩЕНІЕ ОЛЬГИ ДРЕВЛЯНАМЪ.

Святославъ, сынъ Игоревъ, первый князь Славянскаго имени, былъ еще отрокомъ. Бѣдственный конецъ родителя, новость Державы, только мечемъ основанной и хранимой; бунтъ Древлянъ; безпокойный духъ войска, пріученнаго къ дѣятельности, завоеваніямъ и грабежу; честолюбіе Полководцевъ Варяжскихъ, смѣлыхъ и гордыхъ, уважавшихъ одну власть счастливой храбрости: все угрожало Святославу и Россіи опасностями. Но Провидѣніе сохранило и цѣлость Державы и власть Государя, одаривъ его мать свойствами души необыкновенной.

Юный Князь воспитывался Бояриномъ Асмудомъ: Свѣнельдъ повелѣвалъ войскомъ. Ольга—вѣроятно, съ помощію сихъ двухъ знаменитыхъ мужей—овладѣла кормиломъ Государства, и мудрымъ правленіемъ доказала, что слабая жена можетъ иногда равняться съ великими мужами.

Прежде всего Ольга наказала убійцъ Игоревыхъ. Здѣсь Лѣтописецъ сообщаетъ намъ *многія подробности*, отчасти не согласныя ни съ вѣроятностями разсудка, ни съ важностію Исторіи, и взятыя, безъ всякаго сомнѣнія, изъ народной *сказки*; но какъ истинное происшествіе должно быть ихъ *основаніемъ*, и самыя басни древнія любопытны для ума внимательнаго, изображая обычаи и духъ времени: то мы повторимъ Несторовы простыя сказанія о *мести и хитростяхъ Ольгиныхъ*.

«Гордясь убійствомъ какъ побѣдою и «презирая малолѣтство Святослава, Древляне вздумали присвоить себѣ власть «надъ Кіевомъ, и хотѣли, чтобы ихъ «Князь Малъ женился на вдовѣ Игоря: «ибо они, платя дань Государямъ Кіевскимъ, имѣли еще Князей собственныхъ. Двадцать знаменитыхъ Пословъ «Древлянскихъ приплыли въ ладіи къ «*Кіеву* и сказали Ольгѣ: *Мы убили твоего «мужа за его хищность и грабительство; но Князья Древлянскіе добры и «великодушны: ихъ земля цвѣтетъ и «благоденствуетъ. Будь супругою нашего Князя Мала*. Ольга съ ласкою отвѣтствовала: *Мнѣ пріятна рѣчь ваша. «Уже не могу воскресить супруга! Завтра окажу вамъ всю должную честь. «Теперь возвратитесь въ ладію свою, и «когда люди мои придутъ за вами, велите имъ нести себя на рукахъ*... «Между тѣмъ Ольга приказала на *дворѣ теремномъ* ископать глубокую яму, «и на другой день звать Пословъ. Исполняя волю ея, они сказали: *не хотимъ не итти, не ѣхать: несите насъ «въ ладіи!* Кіевляне отвѣтствовали: *что*

«*дѣлать! мы невольники; Игоря нѣтъ* «*а Княгиня наша хочетъ быть супругою вашего Князя*—и понесли ихъ. Ольга сидѣла въ своемъ теремѣ и смотрѣла, какъ Древляне гордились и «величались, не предвидя свой гибели: «ибо Ольгины люди бросили ихъ, вмѣстѣ съ ладіею, въ яму. Мстительная «Княгиня спросила у нихъ, довольны «ли они сею *честію*? Несчастные изъ«явили воплемъ раскаяніе въ убіеніи «Игоря, но поздно: Ольга велѣла ихъ «засыпать живыхъ землею, и чрезь гонца объявила Древлянамъ, что они дол«жны прислать за нею еще болѣе знаменитыхъ мужей: ибо народъ Кіевскій «не отпуститъ ее безъ ихъ торжественнаго и многочисленнаго Посольства. «Легковѣрные немедленно отправили въ «Кіевъ лучшихъ гражданъ и начальниковъ земли своей. Тамъ, по древнему «обычаю Славянскому, для гостей изготовили баню, и въ ней сожгли ихъ. «Тогда Ольга велѣла сказать Древлянамъ, чтобы они варили медъ въ «Коростенѣ; что она уже идетъ къ нимъ, «желая прежде втораго брака совершить «тризну надъ могилою перваго супруга. «Ольга дѣйствительно пришла къ городу Коростену, оросила слезами прахъ «Игоревъ, насыпала высокій бугоръ «надъ его могилою»—донынѣ видимый, какъ увѣряютъ, близъ сего мѣста—«и «въ честь ему совершила тризну. Началось веселое пиршество. *Отроки* «Княгинины угощали знаменитѣйшихъ «Древлянъ, которые вздумали наконецъ «спросить о своихъ Послахъ; но удовольствовались отвѣтомъ, что они будутъ «вмѣстѣ съ *Игоревою* дружиною.—Скоро дѣйствіе крѣпкаго меду омрачило «головы неосторожныхъ: Ольга удалилась, подавъ знакъ воинамъ своимъ— «и 5000 Древлянъ, ими убитыхъ, легло вокругъ Игоревой могилы.

«Ольга, возвратясь въ Кіевъ, собрала «многочисленное войско и выступила «съ нимъ противъ Древлянъ, уже наказанныхъ хитростію, но еще непокоренныхъ силою. Они встрѣтились съ «ними, и младый Святославъ самъ началъ сраженіе. Копіе, брошенное въ «непріятеля слабою рукою отрока, упало къ ногамъ его коня; но Полководцы, Асмудъ и Свѣнельдъ, ободрили «воиновъ примѣромъ юнаго Героя, и «съ восклицаніемъ: *друзья! станемъ за* «*Князя!* устремились въ битву. Древляне бѣжали съ поля, и затворились «въ городахъ своихъ. Чувствуя себя «болѣе другихъ виноватыми, жители «Коростена цѣлое лѣто оборонялись съ «отчаяніемъ. Тутъ Ольга прибѣгнула къ «новой выдумкѣ: *для чего вы упорствуете?* «велѣла она сказать Древлянамъ: *всѣ* «*иные города ваши сдались мнѣ, и жители ихъ мирно обработываютъ нивы* «*свои: а вы хотите умереть голодомъ!* «*Не бойтесь мщенія: оно уже совершилось въ Кіевѣ и на могилѣ супруга* «*моего*. Древляне предложили ей въ «дань медъ и кожи звѣрей; но Княгиня, «будто бы изъ великодушія, отреклась «отъ сей дани и желала имѣть единственно съ каждаго двора по три воробья «и голубя! Они съ радостію исполнили «ея требованіе и ждали съ нетерпѣніемъ, чтобы войско Кіевское удалилось. «Но вдругъ, при наступленіи темнаго «вечера, пламя объяло всѣ домы ихъ... «Хитрая Ольга велѣла привязать зажженный трутъ съ сѣрою ко взятымъ «ею птицамъ и пустить ихъ на волю: «онѣ возвратились съ огнемъ въ гнѣзда свои и произвели общій пожаръ въ «городѣ. Устрашенные жители хотѣли «спастися бѣгствомъ и попались въ «руки Ольгинымъ войскамъ. Великая Княгиня, осудивъ нѣкоторыхъ старѣйшинъ на смерть, другихъ на рабство, «обложила прочихъ тяжкою данью.»

Такъ разсказываетъ Лѣтописецъ.... Не удивляемся жестокости Ольгиной: Вѣра и самые гражданскіе законы язычниковъ оправдывали месть неумолимую; а мы мы должны судить о Герояхъ Исторіи по обычаямъ и нравамъ ихъ времени. Но вѣроятна ли, оплошность Древлянъ? вѣроятно ли, чтобы Ольга взяла Коростенъ посредствомъ воробь-

евъ и голубей, хотя сія выдумка могла дѣлать честь народному остроумію Русскихъ въ X вѣкѣ? Истинное происшествіе, отдѣленное отъ баснословныхъ обстоятельствъ, состоитъ, кажется, единственно въ томъ, что Ольга умертвила въ Кіевѣ Пословъ Древлянскихъ, которые думали, можетъ быть, оправдаться въ убіеніи Игоря; оружіемъ снова покорила сей народъ, наказала виновныхъ гражданъ Коростена, и тамъ воинскими играми, по обряду язычества, торжествовала память сына Рюрикова.

——

Испытаніе вѣроисповѣданій и крещеніе Руси.

Теперь приступаемъ къ описанію важнѣйшаго дѣла Владимірова, которое всего болѣе прославило его въ Исторіи... Исполнилось желаніе благочестивой Ольги, а Россія, гдѣ уже болѣе ста лѣтъ мало по малу укоренялось Христіанство, наконецъ вся и торжественно признала святость онаго, почти въ одно время съ землями сосѣдственными: Венгріею, Польшею, Швеціею, Норвегіею и Даніею. Самое раздѣленіе Церквей, Восточной и Западной, имѣло полезное слѣдствіе для истинной Вѣры: ибо Главы ихъ старались превзойти другъ друга въ дѣятельной ревности къ обращенію язычниковъ.

Древній Лѣтописецъ нашъ повѣствуетъ, что не только Христіанскіе проповѣдники, но и Магометане, вмѣстѣ съ Іудеями, обитавшими въ землѣ Козарской или въ Тавридѣ, присылали въ Кіевъ мудрыхъ законниковъ, склонять Владиміра къ принятію Вѣры своей, и что Великій Князь охотно выслушивалъ ихъ ученіе. Случай вѣроятный: народы сосѣдственные могли желать, чтобы Государь, ужа славный побѣдами въ Европѣ и въ Азіи, исповѣдывалъ одного Бога съ ними, и Владиміръ могъ также—увидѣвъ наконецъ, подобно великой бабкѣ своей, заблужденіе язычества—искать истины въ разныхъ Вѣрахъ.

Первые Послы были отъ Волжскихъ или Камскихъ Болгаровъ. На восточныхъ и южныхъ берегахъ Каспійскаго моря уже давно господствовала Вѣра Магометанская, утвержденная тамъ счастливымъ оружіемъ Аравитянъ: Болгары приняли оную и хотѣли сообщить Владиміру. Описаніе Магометова рая и цвѣтущихъ Гурій плѣнило воображеніе сластолюбиваго Князя; но обрѣзаніе казалось ему ненавистнымъ обрядомъ и запрещеніе пить вино уставомъ безразсуднымъ. *Вино*, сказалъ онъ, *есть веселіе для Русскихъ; не можемъ быть безъ него*.—Послы Нѣмецкихъ Католиковъ говорили ему о величіи невидимаго Вседержителя и ничтожности идоловъ. Князь отвѣтствовалъ имъ: *идите обратно; отцы наши не принимали Вѣры отъ Папы*. Выслушавъ Іудеевъ, онъ спросилъ, гдѣ ихъ отечество? Въ «Іерусалимѣ,» отвѣтствовали проповѣдники: «но Богъ во гнѣвѣ Своемъ расточилъ насъ по землямъ чуждымъ.» *И вы, наказываемые Богомъ, дерзаете учить другихъ?* Сказалъ Владиміръ: *мы не хотимъ, подобно вамъ, лишиться своего отечества*.—Наконецъ безъименный Философъ, присланный Греками, опровергнувъ въ немногихъ словахъ другія Вѣры, разсказалъ Владиміру все содержаніе Библіи, Ветхаго и Новаго Завѣта: Исторію творенія, рая, первыхъ людей, потопа, народа избраннаго, искупленія, Христіанства, семи Соборовъ, и въ заключеніе показалъ ему картину Страшнаго Суда, съ изображеніемъ праведныхъ, идущихъ въ рай, и грѣшныхъ, осужденныхъ на вѣчную муку. Пораженный симъ зрѣлищемъ, Владиміръ вздохнулъ и сказалъ: «благо добродѣтельнымъ и горе злымъ!» *крестися*, отвѣтствовалъ Философъ—*и будешь въ раю съ первыми*.

Лѣтописецъ нашъ *угадывалъ*, какимъ образомъ проповѣдники Вѣръ долженствовали говорить съ Владиміромъ; но ежели Греческій Философъ дѣйствительно имѣлъ право на сіе имя, то ему не трудно было увѣрить язычника разум-

наго въ великомъ превосходствѣ Закона Христіанскаго. Вѣра Славянъ ужасала воображеніе могуществомъ разныхъ боговъ, часто между собою несогласныхъ, кокорые играли жребіемъ людей и не рѣдко увеселялись ихъ кровію. Хотя Славяне признавали также и бытіе единаго Существа высочайшаго, но праздного, безпечнаго въ разсужденіи судьбы міра, подобно божеству Эпикурову и Лукреціеву. О жизни за предѣлами гроба, столь любезной человѣку, Вѣра не сообщала имъ никакого яснаго понятія: *одно земное* было ея предметомъ. Освящая добродѣтель храбрости, великодушія, честности, гостепріимства, она способствовала благу гражданскихъ обществъ въ ихъ новости, но не могла удовольствовать сердца чувствительнаго и разума глубокомысленнаго. Напротивъ того Христіанство, представляя въ единомъ, невидимомъ Богѣ создателя и правителя вселенныя, нѣжнаго отца людей, снисходительнаго къ ихъ слабостямъ, и награждающаго добрыхъ—здѣсь миромъ и покоемъ совѣсти, а тамъ за тмою временной смерти, блаженствомъ вѣчной жизни — удовлетворяетъ всѣмъ главнымъ потребностямъ души человѣческой.

Владиміръ, отпустивъ Философа съ дарами съ великою честію, собралъ Бояръ и *градскихъ старцевъ*; объявилъ имъ предложенія Магометанъ, Іудеевъ, Католиковъ, Грековъ, и требовалъ ихъ совѣта. «Государь!» сказали Бояре и «старцы: «всякой человѣкъ хвалитъ Вѣру свою: ежели хочешь избрать лучшую, то пошли умныхъ людей въ «разныя земли, испытать, который на«родъ достойнѣе поклоняется Боже«ству»—и Великій князь отправилъ *десять* благоразумныхъ мужей для сего испытанія. Послы видѣли въ странѣ Болгаровъ храмы скудные, моленіе унылое, лица печальныя; въ землѣ Нѣмецкихъ Католиковъ богослуженіе съ обрядами, но, по словамъ лѣтописи, *безъ всякаго величія* и *красоты*; наконецъ прибыли въ Константинополь. *Да созерцають они славу Бога нашего*! сказалъ Императоръ, и зная, что грубый умъ плѣняется болѣе наружнымъ блескомъ, нежели истинами отвлеченными, приказалъ вести Пословъ въ Софійскую церковь, гдѣ самъ Патріархъ, облаченный въ Святительскія ризы, совершалъ Литургію. Великолѣпіе храма, присутствіе всего знаменитаго Духовенства Греческаго, богатыя одежды служебныя, убранство олтарей, красота живописи, благоуханіе ѳиміама, сладостное пѣніе Клироса; безмолвіе народа, священная важность и таинственность обрядовъ изумили Россіянъ; имъ казалось, что самъ Всевышній обитаетъ съ семъ храмѣ и непосредственно съ людьми соединяется..... Возвратясь въ Кіевъ, Послы говорили Князю съ презрѣніемъ о богослуженіи Магометанъ, съ неуваженіемъ о Католическомъ и съ восторгомъ о Византійскомъ, заключивъ словами: «всякой человѣкъ, вкусивъ сладкое, имѣетъ «уже отвращеніе отъ горькаго; такъ и «мы, узнавъ Вѣру Грековъ, не хотимъ «иной.» Владиміръ желалъ еще слы«шать мнѣніе Бояръ и старцевъ. «Когда бы Законъ Греческій сказали они—не«былъ лучше другихъ, то бабка твоя, «Ольга, мудрѣйшая всѣхъ людей, не «вздумала бы принять его.» Великій Князь рѣшился быть Христіаниномъ.

Такъ повѣствуетъ нашъ Лѣтописецъ, который могъ еще знать современниковъ Владиміра, и потому достовѣрный въ описаніи важныхъ случаевъ его княженія. Истина сего Россійскаго Посольства въ страну Католиковъ и въ Царьградъ, для испытанія Закона Христіанскаго, утверждается также извѣстіями одной Греческой древней рукописи, хранимой въ Парижской библіотекѣ; несогласіе состоитъ единственно въ прилагательномъ имени Василія тогдашняго Царя Византійскаго, названнаго въ ней *Македонскимъ*, вмѣсто *Багрянороднаго*.

Владиміръ могъ бы креститься и въ собственной столицѣ своей, гдѣ уже давно находились церкви и Священники Христіанскіе; но Князь пышный хотѣлъ

блеска и величія при семъ важномъ дѣйствіи: одни Цари Греческіе и Патріархъ казались ему достойными сообщать цѣлому его народу уставы новаго богослуженія. Гордость могущества и славы не позволяла также Владиміру унизиться, въ разсужденіи Грековъ, признаніемъ своихъ языческихъ заблужденій и смиренно просить крещенія; онъ вздумалъ, такъ сказать, *завоевать* Вѣру Христіанскую и принять ея святыню рукою побѣдителя.

Собравъ многочисленное войско, Великій Князь пошелъ на судахъ къ Греческому Херсону, котораго развалины донынѣ видимы въ Тавридѣ, близъ Севастополя. Сей торговый городъ, построенный въ самой глубокой древности выходцами Гераклейскими, сохранялъ еще въ X вѣкѣ бытіе и славу свою, не смотря на великія опустошенія, сдѣланныя дикими народами въ окрестностяхъ Чернаго моря, со временъ Геродотовыхъ Скиѳовъ до Козаровъ и Печенѣговъ. Онъ признавалъ надъ собою верховную власть Императоровъ Греческихъ, но не платилъ имъ дани; избиралъ своихъ начальниковъ и повиновался собственнымъ законамъ Республиканскимъ. Жители его, торгуя во всѣхъ пристаняхъ Черноморскихъ, наслаждались изобиліемъ. — Владиміръ, остановясь въ гавани или заливѣ Херсонскомъ, высадилъ на берегъ войско, и со всѣхъ сторонъ окружилъ городъ. Издревле привязанные къ вольности, Херсонцы оборонялись мужественно. Великій Князь грозилъ имъ стоять три года подъ ихъ стѣнами, ежели они не сдадутся: но граждане отвергали его предложенія, въ надеждѣ, можетъ быть, имѣть скорую помощь отъ Грековъ; старались уничтожать всѣ работы осаждающихъ, и сдѣлавъ тайный подкопъ, какъ говоритъ Лѣтописецъ, ночью уносили въ городъ ту землю, которую Россіяне сыпали передъ стѣнами, чтобы окружить оныя валомъ, по древнему обыкновенію военнаго искусства. Къ счастію, нашелся въ городѣ доброжелатель Владиміру, именемъ Анастасъ: сей человѣкъ пустилъ къ Россіянамъ стрѣлу съ надписью: *за вами, къ Востоку, находятся колодези, дающіе воду Херсонцамъ чрезъ подземельныя трубы; вы можете отнять ее.* Великій Князь спѣшилъ воспользоваться совѣтомъ, и велѣлъ перекопать водоводы (коихъ слѣды еще замѣтны близъ нынѣшнихъ развалинъ Херсонскихъ). Тогда граждане, изнуряемые жаждою, сдались Россіянамъ.

Завоевавъ славный и богатый городъ, который въ теченіе многихъ вѣковъ умѣлъ отражать приступы народовъ варварскихъ, Россійскій Князь еще болѣе возгордился своимъ величіемъ, и чрезъ Пословъ объявилъ Императорамъ, Василію и Константину, что онъ желаетъ быть супругомъ сестры ихъ, юной Царевны Анны, или, въ случаѣ отказа, возьметъ Константинополь. Родственный союзъ съ Греческими знаменитыми Царями казался лестнымъ для его честолюбія. Имперія, по смерти Героя Цимискія, была жертвою мятежей и безпорядка: Военачальники Склиръ и Фока не хотѣли повиноваться законнымъ Государямъ и спорили съ ними о державѣ. Сіи обстоятельства принудили Императоровъ забыть обыкновенную надменность Грековъ и презрѣніе къ язычникамъ. Василій и Константинъ, надѣясь помощію сильнаго Князя Россійскаго спасти тронъ и вѣнецъ, отвѣтствовали ему, что отъ него зависитъ быть ихъ зятемъ; что, принявъ Вѣру Христіанскую, онъ получитъ и руку Царевны и Царство Небесное. Владиміръ, уже готовый къ тому, съ радостію изъявилъ согласіе креститься, но хотѣлъ прежде, чтобы Императоры, въ залогъ довѣренности и дружбы, прислали къ нему сестру свою. Анна ужаснулась: супружество съ Княземъ народа, по мнѣнію Грековъ, дикаго и свирѣпаго, казалось ей *жестокимъ плѣномъ* и ненавистнѣе смерти. Но Политика требовала сей жертвы, и ревность къ обращенію идолопоклонниковъ служила ей оправда-

ніемъ или предлогомъ. Горестная Царевна отправилась въ Херсонъ на кораблѣ, сопровождаемая знаменитыми духовными и гражданскими чиновниками: тамъ народъ встрѣтилъ ее какъ свою избавительницу со всѣми знаками усердія и радости. Въ лѣтописи сказано, что Великій Князь тогда разболѣлся глазами и не могъ ничего видѣть; что Анна убѣдила его немедленно креститься, и что онъ прозрѣлъ въ самую ту минуту, тогда Святитель возложилъ на него руку. Бояре Россійскіе, удивленные чудомъ, вмѣстѣ съ Государемъ приняли истинную Вѣру (въ церкви Св. Василія, которая стояла на городской площади, между двумя палатами, гдѣ жили Великій Князь и невѣста его). Херсонскій Митрополитъ и и Византійскіе Пресвитеры совершили сей обрядъ торжественный, за коимъ слѣдовало обрученіе и самый бракъ Царевны съ Владиміромъ, благословенный для Россіи во многихъ отношеніяхъ и весьма счастливый для Константинополя: ибо Великій Князь, какъ вѣрный союзникъ Императоровъ, немедленно отправилъ къ нимъ часть мужественной дружины своей, которая помогла Василію разбить мятежника Фоку и возстановить тишину въ Имперіи.

Сего не довольно: Владиміръ отказался отъ своего завоеванія, и соорудивъ въ Херсонѣ церковь — на томъ возвышеніи, куда граждане сносили изъ-подъ стѣнъ землю, возвратилъ сей городъ Царямъ Греческимъ въ изъявленіе благодарности за руку сестры ихъ. Вмѣсто плѣнниковъ, онъ вывелъ изъ Херсона однихъ Іереевъ и того Анастаса, который помогъ ему овладѣть городомъ; вмѣсто дани взялъ церковные сосуды, мощи Св. Климента и Фива, ученика его, также два истукана и четырехъ коней мѣдныхъ, въ знакъ любви своей къ художествамъ (сіи, можетъ быть, изящныя произведенія древняго Искусства стояли въ Несторово время на площади стараго Кіева, близъ нынѣшней Андреевской и Десятинной церкви). Наставленный Херсонскимъ Митрополитомъ въ тайнахъ и нравственномъ ученіи Христіанства, Владиміръ спѣшилъ въ столицу свою озарить народъ свѣтомъ крещенія. Истребленіе кумировъ служило пріуготовленіемъ къ сему торжеству: одни были изрублены, другіе сожжены. Перуна, главнаго изъ нихъ, привязали къ хвосту конскому, били тростями и свергнули съ горы въ Днѣпръ. Чтобы усердные язычники не извлекли идола изъ рѣки, воины Княжескіе отталкивали его отъ береговъ и проводили до самыхъ пороговъ, за коими онъ былъ изверженъ волнами на берегъ (и сіе мѣсто долго называлося Перуновымъ). Изумленный народъ не смѣлъ защитить своихъ мнимыхъ боговъ, но проливалъ слезы, бывшія для нихъ послѣднею данію суевѣрія: ибо Владиміръ на другой день велѣлъ объявить въ городѣ, чтобы всѣ люди Русскіе, Вельможи и рабы, бѣдные и богатые шли креститься—и народъ, уже лишенный предметовъ древняго обожанія, устремился толпами на берегъ Днѣпра, разсуждая, что новая Вѣра должна быть мудрою и святою, когда Великій Князь и Бояре предпочли ее старой Вѣрѣ отцевъ своихъ. Тамъ явился Владиміръ, провождаемый соборомъ Греческихъ Священниковъ, и по данному знаку безчисленное множество людей вступило въ рѣку: большіе стояли въ водѣ по грудь и шею; отцы и матери держали младенцевъ на рукахъ; Іереи читали молитвы Крещенія и пѣли славу Вседержителя. Когда же обрядъ торжественный совершился; когда Священный Соборъ нарекъ всѣхъ гражданъ Кіевскихъ Христіанами: тогда Владиміръ, въ радости и восторгѣ сердца, устремивъ взоръ на небо, громко произнесъ молитву: «Творецъ земли и «неба! благослови сихъ новыхъ чадъ «Твоихъ; дай имъ познать Тебя, Бога «истиннаго; утверди въ нихъ Вѣру «правую. Будь мнѣ помощію въ иску-

«шеніяхъ зла, да восхвалю достойно «святое имя Твое!»... *Въ сей великій день*, говоритъ Лѣтописецъ, *земля* и *небо ликовали*.

БИТВА НА КУЛИКОВОМЪ ПОЛѢ.

6-го сентября войско наше приблизилось къ Дону, и князья разсуждали съ боярами, тамъ ли ожидать манголовъ или идти далѣе. Мысли были несогласны. Ольгердовичи, князья литовскіе, говорили, что надобно оставить рѣку за собою, дабы удержать робкихъ отъ бѣгства; что Ярославъ Великій такимъ образомъ побѣдилъ Святополка и Александръ Невскій шведовъ. Еще и другое, важнѣйшее обстоятельсто было опорою сего мнѣнія: надлежало предупредить соединеніе Ягайла съ Мамаемъ. Великій князь рѣшился и, къ одобренію своему, получилъ отъ св. Сергія письмо, въ коемъ онъ благословлялъ его на битву, совѣтуя ему не терять времени. Тогда же пришла вѣсть, что Мамай идетъ къ Дону, ежечасно ожидая Ягайла. Уже легкіе наши отряды встрѣчались съ татарскими и гнали ихъ. Димитрій собралъ воеводъ и, сказавъ имъ: «часъ суда Божія наступаетъ»! 7-го сентября велѣлъ искать въ рѣкѣ удобнаго брода для конницы и наводить мости для пѣхоты. Въ слѣдующее утро былъ густой туманъ, но скоро разсѣялся; войско перешло за Донъ и стало на берегахъ Непрядвы, гдѣ Дмитрій устроилъ всѣ полки къ битвѣ. Стоя на высокомъ холмѣ и видя стройные, необозримыя ряды войска, безчисленныя знамена, развѣваемыя легкимъ вѣтромъ, блескъ оружія и доспѣховъ, озаряемыхъ яркимъ осеннимъ солнцемъ, слыша всеобщія громогласныя восклицанія: «Боже, даруй побѣду государю нашему!» и вообразивъ, что многія тысячи сихъ добрыхъ витязей падутъ чрезъ нѣсколько часовъ, какъ усердныя жертвы любви къ отечеству, Димитрій въ умиленіи преклонилъ колѣна и, простирая руки къ златому образу Спасителя, стоявшему вдали на черномъ знамени великокняжескомъ, молился въ послѣдній разъ за христіанъ и Россію, сѣлъ на коня, объѣхалъ всѣ полки и говорилъ рѣчь къ каждому, называя воиновъ своими вѣрными товарищами, милыми братьями, утверждая ихъ въ мужествѣ и каждому изъ нихъ обѣщая славную память въ мірѣ, съ вѣнцемъ мученическимъ за гробомъ.

Войско тронулось и въ шестомъ часу дня увидѣло непріятеля среди обширного поля Куликова. Съ обѣихъ сторонъ вожди наблюдали другъ друга и шли впередъ медленно, измѣряя глазами силу противниковъ: сила татаръ еще превосходила нашу. Дмитрій, пылая ревностью служить для всѣхъ примѣромъ, хотѣлъ сражаться въ передовомъ полку; усердные бояре молили его остаться за густыми рядами главнаго войска, въ мѣстѣ безопаснѣйшемъ. «Долгъ князя», говорили они, «смотрѣть на битву, видѣть подвиги воеводъ и награждать достойныхъ. Мы всѣ готовы на смерть, а ты, государь любимый, живи и предай нашу память временамъ будущимъ. Безъ тебя нѣтъ побѣды». Но Димитрій отвѣтствовалъ: «Гдѣ вы: тамъ и я. Скрываясь назади, могу ли сказать вамъ: братья! умремъ за отечество? Слово мое да будетъ дѣломъ! Я вождь и начальникъ: стану впереди и хочу положить свою голову въ примѣръ другимъ».

Онъ не измѣнилъ себѣ и великодушію; громогласно читая псаломъ: «Богъ намъ прибѣжище и сила», первый ударилъ на враговъ и бился мужественно, какъ рядовой воинъ; наконецъ отъѣхалъ на средину полковъ, когда битва сдѣлалась общею.

На пространствѣ десяти верстъ лилась кровь христіанъ и невѣрныхъ. Ряды смѣшались: индѣ Россіяне тѣснили моголовъ, индѣ моголы россіянъ; съ обѣихъ сторонъ храбрые падали на мѣстѣ, а малодушные бѣжали: такъ нѣ-

которые московскіе неопытные юноши, думая, что все погибло, обратили тылъ. Непріятель открылъ себѣ путь къ большимъ, или княжескимъ, знаменамъ и едва не овладѣлъ ими: вѣрная дружина отстояла ихъ съ напряженіемъ всѣхъ силъ. Еще князь Владиміръ Андреевичъ, находясь въ засадѣ, былъ только зрителемъ битвы и скучалъ своимъ бездѣйствіемъ, удерживаемый опытнымъ Димитріемъ Волынскимъ. Насталъ десятый часъ дня: сей Дмитрій, съ вечайшимъ вниманіемъ примѣчая всѣ движенія обѣихъ ратей, вдругъ извлекъ мечъ и сказалъ Владиміру: «теперь наше время!» Тогда засадный полкъ выступилъ изъ дубравы, скрывавшей его отъ глазъ непріятеля, и быстро устремился на моголовъ. Сей внезапный ударъ рѣшилъ судьбу битвы: враги, изумленные, разсѣянные, не могли противиться новому строю войска, свѣжаго, бодраго, и Мамай, съ высокаго кургана смотря на кровопролитіе, увидѣлъ общее бѣгство своихъ; терзаемый гнѣвомъ, тоскою, воскликнулъ: «великъ Богъ христіанскій! и бѣжалъ вслѣдъ за другими. Полки россійскіе гнали ихъ до самой рѣки Мечи, убивали, топили, взявъ станъ непріятельскій и несмѣтную добычу, множество телѣгъ, коней, верблюдовъ, навьюченныхъ всякими драгоцѣнностями.

Мужественный князь Владиміръ, герой сего незабвеннаго для Россіи дня, довершивъ побѣду, сталъ на костяхъ, или на полѣ битвы, подъ чернымъ знаменемъ княжескимъ, и велѣлъ трубить въ воинскія трубы. Со всѣхъ сторонъ съѣзжались къ нему князья и полководцы, но Димитрія не было. Изумленный Владиміръ спрашивалъ; «гдѣ братъ мой и первоначальникъ нашей славы»? Никто не могъ дать объ немъ вѣсти. Въ безпокойствѣ, въ ужасѣ, воеводы разсѣялись искать его, живаго или мертваго; долго не находили, наконецъ два воина увидѣли великаго князя, лежащаго подъ срубленымъ деревомъ. Оглушенный въ битвѣ сильнымъ ударомъ, онъ упалъ съ коня, обезпамятѣлъ и казался мертвъ, но скоро открылъ глаза. Тогда Владиміръ, князья, чиновники, преклонивъ колѣна, воскликнули единогласно: «Государь! ты побѣдилъ враговъ!» Димитрій всталъ: видя брата, видя радосныя лица окружающихъ его и знамена христіанскіе надъ трупами моголовъ, въ восторгѣ сердца изъявилъ благодарность Небу; обнялъ Владиміра, чиновниковъ; цѣловалъ самыхъ простыхъ воиновъ и сѣлъ на коня, храбрый веселіемъ духа и не чувствуя изнуренія силъ. Шлемъ и латы его были изсѣчены, но обагрены единственно кровію невѣрныхъ: Богъ чудеснымъ образомъ спасъ сего князя среди безчисленныхъ опасностей, коимъ онъ съ излишнею пылкостію подвергался, сражаясь въ толпѣ непріятелей и часто оставляя за собою дружину свою. Димитрій, провождаемый князьями и боярами, объѣхалъ поле Куликово, гдѣ легло множество Россіянъ, но вчетверо болѣе непріятелей, такъ что, по сказанію нѣкоторыхъ историковъ, число всѣхъ убитыхъ простиралось до двухсотъ тысячъ. Князья бѣлозерскіе, Ѳедоръ и сынъ Іоаннъ, тарусскіе Ѳедоръ и Мстиславъ, дорогобужскій Димитрій Монастыревъ, первостепеные бояре: Семеонъ Михайловичъ, сынъ тысячскаго Николай Васильевичъ, внукъ Акинѳовъ Михаязъ, Андрей Сернизъ, Валуй, Бренко, Левъ Морозовъ и многіе другіе положили головы за отечество, а въ числѣ ихъ и Сергіевъ инокъ, Александръ Пересвѣтъ, о коемъ пишутъ, что онъ еще до начала битвы палъ въ единоборствѣ съ печенѣгомъ, богатыремъ Мамаевымъ, сразивъ его съ коня и вмѣстѣ съ нимъ испустивъ духъ; кости его и другаго Сергіева священновоителя, Осляби, покоятся донынѣ близъ монастыря Симонова. Останавливаясь надъ трупами мужей знаменитѣйшихъ, великій князь платилъ имъ дань слезами умиленія и хвалою; наконецъ, окруженный воеводами, торжественно благодарилъ ихъ за оказанное мужество-обѣщая наградить каждаго по достоин-

ству, и велѣлъ хоронить тѣла Россіянъ. Послѣ въ знакъ признательности къ добрымъ сподвижникамъ, тамъ убіеннымъ, онъ уставилъ праздновать вѣчно ихъ память въ субботу Дмитровскую, доколѣ существуетъ Россія.

ПОКОРЕНІЕ КАЗАНИ.

Приступая къ описанію достопамятной осады казанской, замѣтимъ, что она, вмѣстѣ съ Мамаевою битвою, до самыхъ нашихъ, временъ живетъ въ памяти народа, какъ славнѣйшій подвигъ древности, извѣстный всѣмъ Россіянамъ и въ чертогахъ, и въ хижинахъ. Два обстоятельства дали ей сію чрезвычайную знаменитость: она была первымъ нашимъ правильнымъ опытомъ въ искусствѣ брать укрѣпленныя мѣста—и защитники ея показали мужество удивительное, рѣдкое, отчаяніе истинно великодушное, такъ что побѣду купили мы весьма дорогою цѣною.

Казанскіе вельможи и духовенство предвидѣли конечное паденіе ихъ власти и вѣры. Но народъ въ пылу геройства не чувствовалъ своей слабости; и какъ въ самой отчаянной рѣшительности надежда еще таится въ сердцѣ, то онъ исчислялъ безуспѣшные приступы наши къ его столицѣ и говорилъ: «не въ первый разъ увидимъ Москвитянъ подъ стѣнами, не въ первый разъ побѣгутъ восвояси, и будемъ смѣяться надъ ними!» Таково было расположеніе царя и народа въ Казани. 10 августа, государь съ 150,000 воиновъ былъ уже на луговой сторонѣ Волги, Строго запрещено было чиновникамъ вступать въ битву самовольно, безъ государева слова, и 23 августа въ часъ разсвѣта войско двинулось. Всѣ наблюдали устройство и тишину. Солнце восходило, освѣщая Казань въ глазахъ Іоанна: онъ далъ знакъ—и полки стали, ударили въ бубны, заиграли на трубахъ, распустили знамена и святую хоругвь, на коей изображался Іисусъ, а вверху водруженъ былъ животворящій крестъ, бывшій на Дону съ великимъ княземъ Димитріемъ Іоанновичемъ. Царь и всѣ воеводы сошли съ коней; отпѣли молебенъ подъ сѣнью знаменъ и государь произнесъ рѣчь къ войску: ободрялъ его къ великимъ подвигамъ, славилъ героевъ, которые падутъ за вѣру; именемъ Россіи клялся, что вдовы и сироты ихъ будутъ призрѣны, успокоены отечествомъ; наконецъ самъ обрекалъ себя на смерть, если то нужно для побѣды и торжества христіанъ. Россіяне обступали Казань. 7000 стрѣльцовъ и пѣшихъ казаковъ по наведенному мосту перешли тинный Булакъ, текущій къ городу изъ озера Кабана. Вдругъ раздался шумъ и крикъ: закричали, отворились ворота и 12,000 татаръ, конныхъ и пѣшихъ, устремились изъ города на стрѣльцовъ, разстроили, сломили ихъ. Юные князья, Шемякинъ и Троекуровъ, удержали бѣгущихъ: они сомкнулись. Подоспѣло нѣсколько дѣтей боярскихъ. Началась жестокая сѣча. Россіяне, не имѣя конницы, стояли грудью: побѣдили и гнали непріятеля до самыхъ стѣнъ. На другой день сдѣлалась необыкновенно сильная буря: сорвала царскій и многіе шатры, потопила суда, нагруженныя запасами, и привела войско въ ужасъ. Думали, что всему конецъ, что осады не будетъ; что мы, не имѣя хлѣба, должны удалиться со стыдомъ. Не такъ думалъ Іоаннъ: послалъ въ Свіяжскъ, въ Москву за съѣстными припасами, за теплою одеждою для воиновъ, за серебромъ, и готовился зимовать подъ Казанью.

Весь городъ былъ окруженъ нашими укрѣпленіями, въ сухихъ мѣстахъ турами, а въ грязныхъ тыномъ: не было пути ни въ Казань ни изъ Казани. Бояринъ Морозовъ, вездѣ разставивъ снарядъ огнестрѣльный, неутомимо громилъ стѣны изо ста пятидесяти тяжелыхъ орудій. Но войско наше въ теченіе недѣли утомилось до крайности: всегда стояло въ ружьѣ, не имѣло вре-

мени отдыхать и, за недостаткомъ въ съѣстныхъ припасахъ, питалось только сухимъ хлѣбомъ. Кормовщики наши не смѣли удалиться отъ стана: князь Япанча, опасный татарскій наѣздникъ, стерегъ и хваталъ ихъ во всѣхъ направленіяхъ. Казанцы сносились съ нимъ посредствомъ знаковъ: выставляя хоругвь на высокой башнѣ, махали ею и давали разумѣть, что ему должно ударить на осаждающихъ. Сей опасный наѣздникъ держалъ Россіянъ въ непрестанномъ страхѣ. Іоаннъ собралъ думу; положилъ раздѣлить войско на двѣ части: одной быть въ укрѣпленіяхъ и хранить особу царя; другой, подъ начальствомъ мужественнаго, опытнаго князя Александра Горбатаго-Шуйскаго, сильно дѣйствовать противъ Япанчи.

Александръ имѣлъ 30,000 конныхъ и 15,000 пѣшихъ воиновъ. Татары искали спасенія въ бѣгствѣ: ихъ давили, сѣкли, кололи на пространствѣ: десяти или болѣе верстъ, до рѣки Килари, гдѣ князь Александръ остановилъ своего утомленнаго коня и трубнымъ звукомъ созвалъ разсѣянныхъ побѣдителей. На возвратномъ пути, въ лѣсу, они убили еще множество непріятелей, которые прятались въ чащѣ и въ густотѣ вѣтвей; взяли и нѣсколько сотъ плѣнниковъ; однимъ словомъ, истребили Япанчу. Государь обнялъ вождей, покрытыхъ бранною пылью, орошенныхъ потомъ и кровію, хвалилъ ихъ умъ, доблесть съ живѣйшимъ восторгомъ, изъявилъ благодарность и рядовымъ воинамъ.

Онъ велѣлъ привязать всѣхъ плѣнниковъ кольями предъ нашими укрѣпленіями, чтобы они умоляли Казанцевъ сдаться. Въ то же время сановники государевы подъѣхали къ стѣнамъ и говорили Татарамъ: «Іоаннъ обѣщаетъ имъ жизнь и свободу, а вамъ прощеніе и милость, если покоритесь ему.» Казанцы, тихо выслушавъ ихъ слова, пустили множество стрѣлъ на своихъ несчастныхъ плѣнныхъ согражданъ, и кричали: «лучше вамъ умереть отъ нашей чистой, нежели отъ злой христіанской руки!» Сіе остервененіе удивило Россіянъ и государя. Желая употребить всѣ средства, чтобы взять Казань съ меньшимъ кровопролитіемъ, Іоаннъ велѣлъ служащему въ его войскѣ искусному нѣмецкому размыслу, то есть инженеру, дѣлать подкопъ. Мирза Камай извѣстилъ государя, что осажденные берутъ воду изъ ключа, близъ рѣки Казанки, и ходятъ туда подземнымъ путемъ отъ воротъ Муралеевыхъ. Воеводы наши хотѣли открыть сей тайникъ, но не могли, и государь велѣлъ подкопать его. Для сего размыслъ отрядилъ учениковъ своихъ, которые рылись въ землѣ десять дней, услышали надъ собою голоса людей, ходящихъ тайникомъ за водою, вкатили въ подкопъ 11 бочекъ пороху и дали знать государю. 5 сентября рано Іоаннъ выѣхалъ къ укрѣпленіямъ.

Вдругъ въ его глазахъ съ громомъ и трескомъ разорвало землю: тайникъ, часть городской стѣны, множество людей, бревна, камни, взлетѣвъ на высоту, падали, давили жителей, которые обмерли отъ ужаса, не понимая, что сдѣлалось. Въ сію минуту Россіяне, схвативъ знамена, устремились къ обрушенной стѣнѣ, ворвались было и въ самый городъ, но не могли въ немъ удержаться. Казанцы опомнились, вытѣснили нашихъ, и государь не велѣлъ возобновлять усилій для приступа.

6 сентября Іоаннъ поручилъ князю Александру Горбатому-Шуйскому взять острогъ, сдѣланный Казанцами за Арскимъ полемъ, въ пятнадцати верстахъ отъ города, на крутой высотѣ между двумя болотами: тамъ соединились остатки разбитаго Япанчина войска. Князь Симеонъ Микулинскій шелъ впереди; съ нимъ были бояре Данило Романовичъ и Захарія Яковлевъ.

Срубленный городнями, обсыпанный землею, укрѣпленный засѣками, острогъ казался неприступнымъ. Воины сошли съ коней и, въ слѣдъ за смѣлыми вождями, сквозь болото, грязную дебрь,

чащу лѣса, подъ градомъ пускаемыхъ на нихъ стрѣлъ, безъ остановки взлѣзли на высоту съ двухъ сторонъ, отбили ворота, взяли укрѣпленіе и 200 плѣнниковъ.

Тѣла непріятелей лежали кучами. Воеводы нашли тамъ знатную добычу, ночевали и пошли далѣе къ арскому городу мѣстами пріятными, удивительно плодоносными, гдѣ казанскіе вельможи имѣли свои домы сельскіе, красивые и богатые. Россіяне плавали въ изобиліи; брали что хотѣли: хлѣбъ, медъ, скотъ; жгли селенья, убивали жителей, плѣняли только женъ и дѣтей. Граждане арскіе ушли въ дальнѣйшіе лѣса; но въ домахъ и въ лавкахъ оставалось еще немало драгоцѣнностей, особенно всякихъ мѣховъ—куницъ, бѣлокъ. Освободивъ многихъ христіанъ-соотечественниковъ, бывшихъ тамъ въ неволѣ, князь Александръ чрезъ десять дней возвратился съ побѣдою, съ избыткомъ и дешевизною припасовъ, такъ что съ его времени платили въ станѣ 10 денегъ за корову, а 20 за вола. Царь и войско были въ радости.

Еще опасности и труды не уменьшились. Луговые черемисы отгоняли наши табуны и тревожили станъ. Полкъ терпѣлъ отъ пальбы съ крѣпости, отъ ненастья, отъ сильныхъ дождей, весьма обыкновенныхъ въ сіе время года, но суевѣріемъ приписываемыхъ чародѣйству. Очевидецъ, князь Андрей Курбскій, равно мужественный и благоразумный, платя дань вѣку, пишетъ за истину, что казанскіе волшебники ежедневно, при восходѣ солнца, являлись на стѣнахъ крѣпости, вопили страшнымъ голосомъ, кривлялись, махали одеждами на станъ россійскій, производили вѣтеръ и облака, изъ коихъ дождь лился рѣками; сухія мѣста сдѣлались болотомъ, шатры всплывали и люди мокли съ утра до вечера. По совѣту бояръ, государь велѣлъ привезти изъ Москвы царскій животворящій крестъ, святить имъ воду, кропить ею вокругъ стана—и сила волшебства, какъ увѣряютъ, исчезла: настали красные дни и войско ободрилось. Желая сильнѣе дѣйствовать на внутренность города, Россіяне построили тайно, верстахъ въ двухъ за станомъ, башню вышиною въ шесть сажень; ночью подвинули ее къ стѣнамъ, къ самымъ царскимъ воротамъ, поставили на ней десять большихъ орудій, пятьдесятъ среднихъ и цѣлую дружину искусныхъ стрѣлковъ, ждали утра и возвѣстили оное залпомъ съ раската. Стрѣлки стояли выше стѣны и мѣтили въ людей на улицахъ, въ домахъ. Казанцы укрывались въ ямахъ, копали себѣ землянки подъ тарасами; подобно змѣямъ, выползали оттуда и сражались неослабно; уже не могли употреблять большихъ орудій, сбитыхъ нашею пальбою, но безъ умолку стрѣляли изъ ружей, пищалей затинныхъ, и мы теряли ежедневно не мало добрыхъ воиновъ. Тщетно Іоаннъ возобновлялъ мирныя предложенія, приказывая къ осажденнымъ, что если они не хотятъ сдаться, то пусть идутъ, куда имъ угодно, съ своимъ царемъ беззаконнымъ, со всѣмъ имѣніемъ, съ женами и дѣтьми; что мы требуемъ только города, основаннаго на землѣ болгарской, въ древнемъ достояніи Россіи. Казанцы не слушали ни краемъ уха, по выраженію лѣтописца.

Ни Россіяне, ни Казанцы не думали объ успокоеніи. Съ обѣихъ сторонъ ревностно готовились къ ужасному бою. Князь Воротынскій прислалъ сказать Іоанну, что инженеры кончили дѣло, что 48 бочекъ зелія уже въ построенномъ вновь подкопѣ. Казанцы стояли на стѣнахъ, Россіяне передъ ними. Звучали только бубны и трубы непріятельскіе и наши; ни стрѣлы не летали, ни пушки не гремѣли. Государь оставался въ церкви съ немногими изъ ближнихъ людей. Уже восходило солнце. Діаконъ читалъ Евангеліе, и едва произнесъ слова: «Да будетъ едино стадо и единъ Пастырь», грянулъ сильный громъ, земля дрогнула, церковь затряслась....

Государь вышелъ на паперть, увидѣлъ страшное дѣйствіе подкопа и густую тьму надъ всею Казанью: глыбы земли, обломки башень, стѣны домовъ, люди неслися вверхъ въ облакахъ дыма и падали на городъ; священное служеніе прервалось въ церкви.

Раздался новый ударъ: взорвало другой подкопъ, еще сильнѣе перваго, и тогда, воскликнувъ: «съ нами Богъ!» полки россійскіе быстро двинулись къ крѣпости, а Казанцы, твердые, непоколебимые въ часъ гибели и разрушенія, вопили: «Алла, Алла!» призывали Магомета и вдругъ дали ужасный залпъ: пули, каменья, стрѣлы омрачили воздухъ... но Россіяне, ободряемые примѣромъ начальниковъ, достигли стѣны. Казанцы давили ихъ бревнами, обливали кипящимъ варомъ. Тутъ малѣйшее замедленіе могло быть гибельно для Россіянъ. Число ихъ уменьшилось: многіе пали мертвые или раненые, или отъ страха. Но смѣлые, геройскимъ забвеніемъ смерти, ободрили и спасли боязливыхъ: они кинулись въ проломъ; иные взбирались на стѣны по лѣстницамъ, по бревнамъ, несли другъ друга на головахъ, на плечахъ, бились съ непріятелемъ въ отверстіяхъ.... И въ ту минуту, какъ Іоаннъ, отслушавъ свою литургію, причастясь святыхъ таинъ, взявъ благословеніе отъ своего отца духовнаго, на бранномъ конѣ выѣхалъ въ поле, знамена христіанскія уже развѣвались на крѣпости! Войско запасное однимъ кликомъ привѣтствовало государя и побѣду. Но сія побѣда не была еще рѣшена совершенно. Отчаянные Татары, сломленные, низверженные сверху стѣнъ и башень, стояли твердымъ оплотомъ въ улицахъ, сѣклись саблями, схватывались за руки съ христіанами, рѣзались ножами въ ужасной свалкѣ. Дрались на заборахъ, на кровляхъ домовъ, вездѣ попирали ногами головы и тѣла. Наши одолѣвали во всѣхъ мѣстахъ и тѣснили Татаръ. Россіяне, овладѣвъ половиною города, славнаго богатствами азіатской торговли, прельстились его сокровищами; оставляя сѣчу, начали разбивать домы, лавки; и самые чиновники, коимъ приказалъ государь идти съ обнаженными мечами за воинами, чтобы никого изъ нихъ не допускать до грабежа, кинулись на корысть. Тутъ ожили и малодушные трусы, лежавшіе на полѣ какъ-бы мертвые или раненые; и изъ обозовъ прибѣжали слуги, кашевары, даже купцы: всѣ алкали добычи, хватали серебро, мѣха, ткани, относили въ станъ и снова возвращались въ городъ, не думая помогать своимъ въ битвѣ. Казанцы воспользовались утомленіемъ нашихъ воиновъ, вѣрныхъ чести и доблести: ударили сильно и потѣснили ихъ, къ ужасу грабителей, которые всѣ немедленно обратились въ бѣгство, метались черезъ стѣну и вопили: сѣкутъ! сѣкутъ! Государь увидѣлъ сіе общее смятеніе. «Съ нимъ были», пишетъ Курбскій, «великіе сигклиты, мужи вѣка отцевъ нашихъ, посѣдѣвшіе въ добродѣтеляхъ, и въ ратномъ искусствѣ». Государь взялъ святую хоругвь и сталъ предъ царскими воротами, чтобы удержать бѣгущихъ. Половина отборной двадцатитысячной дружины его сошла съ коней и ринулась въ городъ, а съ нею и вельможные старцы, рядомъ съ ихъ юными сыновьями. Сіе свѣжее, бодрое войско, какъ буря грянуло на Татаръ: они не могли долго противиться, крѣпко сомкнулись и въ порядкѣ отступили до высокихъ каменныхъ мечетей, гдѣ всѣ ихъ духовные абызы, сеиты, моллы и превосвященникъ Кульшерифъ встрѣтили Россіянъ не съ дарами, не съ моленіемъ, но съ оружіемъ: въ остервененіи злобы устремились на вѣрную смерть, и всѣ до единаго пали подъ нашими мечами.

Едигеръ съ остальными Казанцами засѣлъ въ укрѣпленномъ дворцѣ царскомъ и сражался около часа. Россіяне отбили ворота.... тутъ юныя жены и дочери Казанцевъ, въ богатыхъ цвѣтныхъ одеждахъ, стояли вмѣстѣ на одной сторонѣ, а въ другой сторонѣ, отцы

братья и мужья еще бились усильно; наконецъ, вышли, числомъ 10,000, въ заднія ворота къ нижней части города. Гонимые, тѣснимые Казанцы по трупамъ своихъ лѣзли къ стѣнѣ, взвели Едигера на башню и кричали, что хотятъ вступить въ переговоры. Ближайшій къ нимъ воевода, князь Дмитрій Палецкій, остановилъ сѣчу. «Слушайте», сказали Казанцы: «доколѣ у насъ было царство, мы умирали за царя и отечество. Теперь Казань ваша; отдаемъ вамъ и царя, живаго, не уязвленнаго: ведите его къ Іоанну, а мы идемъ на широкое поле испить съ вами послѣднюю чашу».

Вмѣстѣ съ Едигеромъ они выдали Палецкому главнаго вельможу или карача, именемъ Заніета, и двухъ мамичей, или совоспитанниковъ царскихъ, и начали снова стрѣлять. Татаръ было еще 5000, и самыхъ храбрѣйшихъ; они стояли, ибо не страшились смерти; спѣшили къ густому, темному лѣсу: остатокъ малый, но своимъ великодушнымъ остервененіемъ еще опасный для Россіянъ. Государь послалъ князя Симеона Микулинскаго, Михаила Васильевича Глинскаго и Шереметева съ конною дружиною за Казанку въ объѣздъ, чтобы отрѣзать бѣгущихъ Татаръ отъ лѣса: воеводы настигли и побили ихъ. Никто не сдался живой; спаслись немногіе, и то раненые. Городъ былъ взятъ и пылалъ въ разныхъ мѣстахъ; сѣча перестала, но кровь лилась; раздраженные воины рѣзали всѣхъ, кого находили въ мечетяхъ, въ домахъ, въ ямахъ; брали въ плѣнъ женъ и дѣтей или чиновниковъ. Дворъ царскій, улицы, стѣны, глубокіе рвы были завалены мертвыми отъ крѣпости до Казанки; далѣе, на лугахъ и въ лѣсу еще лежали тѣла и носились по рѣкѣ. Пальба умолкла; въ дыму города раздавались только удары мечей, стонъ убиваемыхъ, кликъ побѣдителей.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ БОРИСА ГОДУНОВА.

(Т. XI, глава 2).

(окончаніе)

Настало время явной казни для того, кто не вѣрилъ правосудію Божественному въ земномъ мірѣ, надѣясь, можетъ быть, смиренными покаяніемъ спасти свою душу отъ ада (какъ надѣялся Іоаннъ), и дѣлами достохвальными загладить для людей память своихъ беззаконій. Не тамъ, гдѣ Борисъ стерегся опасности, незапная опасность явилась; не потомки Рюриковы, не Князья и Вельможи имъ гонимые—не дѣти и друзья ихъ, вооруженные местію, умыслили свергнуть его съ Царства: сіе дѣло умыслилъ и совершилъ презрѣнный бродяга, именемъ младенца, давно лежавшаго въ могилѣ... Какъ бы дѣйствіемъ сверхъестественнымъ тѣнь Димитріева вышла изъ гроба, чтобы ужасомъ поразить, обезумить убійцу и привести въ смятеніе всю Россію. Начинаемъ повѣсть, равно истинную и неимовѣрную.

Бѣдный сынъ Боярскій, Галичанинъ Юрій Отрепьевъ, въ юности лишась отца, именемъ Богдана—Якова, Стрѣлецкаго Сотника, зарѣзаннаго въ Москвѣ пьянымъ Литвиномъ, служилъ въ домѣ у Романовыхъ и Князя Бориса Черкаскаго; зналъ грамотѣ; оказывалъ много ума, но мало благоразумія: скучалъ низкимъ состояніемъ и рѣшился искать удовольствія безпечной праздности въ санѣ Инока, слѣдуя примѣру дѣда, Замятни-Отрепьева, который уже давно монашествовалъ во Обители Чудовской. Постриженный Вятскимъ Игуменомъ Трифономъ и названный Григоріемъ, сей юный Чернецъ скитался изъ мѣста въ мѣсто; жилъ нѣсколько времени въ Суздалѣ, въ Обители Св. Евфимія, въ Галицкой Іоанна Предтечи и въ другихъ; наконецъ въ Чудовѣ монастырѣ, въ келліи у дѣда, подъ началомъ. Тамъ Патріархъ Іовъ узналъ его, посвятилъ въ Діаконы и взялъ къ себѣ для книжнаго дѣла: ибо

Григорій умѣлъ не только хорошо списывать, не даже и сочинять Каноны Святымъ лучше многихъ старыхъ книжниковъ того времени. Пользуясь милостію Іова, онъ часто ѣздилъ съ нимъ и во дворецъ: видѣлъ пышность Царскую и плѣнялся ею; изъявлялъ необыкновенное любопытство; съ жадностію слушалъ людей разумныхъ, особенно когда въ искреннихъ, тайныхъ бесѣдахъ произносилось имя Димитрія Царевича; вездѣ, гдѣ могъ, вывѣдывалъ обстоятельства его судьбы несчастной, и записывалъ на хартіи. Мысль чудная уже поселилась и зрѣла въ душѣ мечтателя, внушенная ему, какъ увѣряютъ, однимъ злымъ Инокомъ: мысль, что смѣлый самозванецъ можетъ воспользоваться легковѣріемъ Россіянъ, умиляемыхъ памятію Димитрія, и въ честь Небеснаго Правосудія казнить святоубійцу! Сѣмя пало на землю плодоносную: юный Діаконъ съ прилѣжаніемъ читалъ Россійскія лѣтописи, и не скромно, хотя и въ шутку, говаривалъ иногда Чудовскимъ Монахамъ: «знаете ли, что я буду Царемъ на Москвѣ?» Одни смѣялись; другіе плевали ему въ глаза, какъ вралю дерзкому. Сіи или подобныя рѣчи дошли до Ростовскаго Митрополита Іоны, который объявилъ Патріарху и самому Царю, что «недостойный Инокъ Григорій хочетъ быть сосудомъ Діавольскимъ:» добродушный Патріархъ не уважилъ Митрополитова извѣта; но Царь велѣлъ Дьяку своему, Смирнову - Васильеву, отправить безумца Григорія въ Соловки, или въ Бѣлозерскія пустыни, будто-бы за ересь, на вѣчное покаяніе. Смирной сказалъ о томъ другому Дьяку, Евфимьеву; Евфимьевъ же, будучи свойственникомъ Отрепьевыхъ, умолилъ его не спѣшить въ исполненіи Царскаго Указа, и далъ способъ опальному Діакону спастися бѣгствомъ (въ февралѣ 1602 года), вмѣстѣ съ двумя Иноками Чудовскими Священникомъ Варлаамомъ и крылошанномъ Мисаиломъ Повадинымъ. Не думали гнаться за ними, и не извѣстили Царя, какъ увѣряютъ, о семъ побѣгѣ, коего слѣдствія оказались столь важными.

Бродяги - Иноки были тогда явленіемъ обыкновеннымъ; всякая Обитель служила для нихъ гостинницею: во всякой находили они покой и довольствіе, а на путь запасъ и благословеніе. Григорій и товарищи его свободно достигли Новагорода Сѣверскаго, гдѣ Архимандритъ Спаской Обители принялъ ихъ весьма дружелюбно и далъ имъ слугу съ лошадьми, чтобы ѣхать въ Путивль; но бѣглецы, отославъ провожатаго, спѣшили въ Кіевъ, и Спаскій Архимандритъ нашелъ въ келліи, гдѣ жилъ Григорій, слѣдующую записку: «Я Царевичь Димитрій, сынъ Іоанновъ, и не забуду твоей ласки, когда сяду на престолъ отца моего.» Архимандритъ ужаснулся; не зналъ, что дѣлать; рѣшился молчать.

Такъ въ первый разъ открылся Самозванецъ еще въ предѣлахъ Россіи; такъ бѣглый Діаконъ вздумалъ ложью низвергнуть великаго Монарха и сѣсть на его престолѣ, въ Державѣ, гдѣ Вѣнценосецъ считался земнымъ Богомъ,—гдѣ народъ еще никогда не измѣнялъ Царямъ, и гдѣ присяга, данная Государю избранному, для вѣрныхъ подданныхъ была не менѣе священною! Чѣмъ, кромѣ дѣйствія непостижимой Судьбы, кромѣ воли Провидѣнія, можно изъяснить не только успѣхъ, но и самую мысль такого предпріятія? Оно казалось безуміемъ: но безумецъ избралъ надежнѣйшій путь къ цѣли: Литву.

Тамъ древняя, естественная ненависть къ Россіи всегда усердно благопріятствовала нашимъ измѣнникамъ, отъ Князей Шемякина, Верейскаго, Боровскаго и Тверскаго до Курбскаго и Головина: туда устремился и Самозванецъ, не прямою дорогою, а мимо Стародуба, къ Луевымъ горамъ, сквозь темные лѣса и дебри, гдѣ служилъ ему путеводителемъ новый спутникъ его, Инокъ Днѣпрова монастыря, Пименъ, и гдѣ вы-

шедши наконецъ изъ Россійскихъ владѣній близъ Литовскаго селенія Слободки, онъ принесъ усердную благодарность Небу за счастливое избѣжаніе всѣхъ опасностей. Въ Кіевѣ, снискавъ милость знаменитаго Воеводы, Князя Василія Константиновича Острожскаго, Григорій жилъ въ Печерскомъ монастырѣ, а послѣ въ Никольскомъ и въ Дерманѣ; вездѣ священнодѣйствовалъ какъ Діаконъ, но велъ жизнь соблазнительную, презирая уставъ воздержанія и цѣломудрія; хвалился свободою мнѣній, любилъ толковать о Законѣ съ иновѣрцами и былъ даже въ тѣсной связи съ Анабаптистами. Между тѣмъ безумная мысль не усыпала въ головѣ пришлеца: онъ распустилъ темную молву о спасеніи и тайномъ убѣжищѣ Димитрія въ Литвѣ; свелъ знакомство съ другимъ отчаяннымъ бродягою, Инокомъ Крыпецкаго монастыря, Леонидомъ: уговорилъ его назваться своимъ именемъ, то есть, Григоріемъ Отрепьевымъ; а самъ, скинувъ съ себя одежду Монашескую, явился міряниномъ, чтобы удобнѣе пріобрѣсти навыкъ и знаніе, нужные ему для ослѣпленія людей. Среди густыхъ камышей Днѣпровскихъ гнѣздилась тогда шайка удалыхъ Запорожцевъ, бдительныхъ стражей и дерзкихъ грабителей Литовскаго Княжества: у нихъ, какъ пишутъ, Разстрига Отрепьевъ нѣсколько времени учился владѣть мечемъ и конецъ, въ шайкѣ Герасима Евангелика, Старшины именитаго; узналъ и полюбилъ опасность; добылъ первой воинской опытности и корысти. Но скоро увидѣли пришлеца на иномъ театрѣ: въ мирной школѣ городка Волюнскаго, Гащи, за Польскою и Латинскою граматикою: ибо мнимому Царевичу надобно было дѣйствовать не только оружіемъ, но и словомъ. Изъ школы онъ перешелъ въ службу къ Князю Адаму Вишневецкому, который жилъ въ Брагинѣ со всею пышностію богатаго Вельможи. Тутъ Самозванецъ приступилъ къ дѣлу—и если искалъ надежнаго, лучшаго пособника въ предпріятіи равно дерзкомъ и нелѣпомъ, то не обманулся въ выборѣ: ибо Вишневецкій, сильный при Дворѣ и въ Государственной Думѣ многочисленными друзьями и прислужниками, соединялъ въ себѣ надменность съ умомъ слабымъ и легковѣріемъ младенца. Новый слуга знаменитаго Пана велъ себя скромно: убѣгалъ всякихъ низкихъ забавъ, равностно участвовалъ только въ воинскихъ и съ отмѣнною ловкостію. Имѣя наружность не красивую—ростъ средній, грудь широкую, волосы рыжеватые, лице круглое, бѣлое, но совсѣмъ не привлекательное, глаза голубые безъ огня, взоръ тусклый, носъ широкій, бородавку подъ правымъ глазомъ, также на лбу, и одну руку короче другой—Отрепьевъ замѣнялъ сію невыгоду живостію и смѣлостію ума, краснорѣчіемъ, осанкою благородною. Заслуживъ вниманіе и доброе расположеніе господина, хитрый обманщикъ притворился больнымъ, требовалъ Духовника, и сказалъ ему тихо: Умираю. Предай мое тѣло землѣ съ честію, какъ хоронятъ дѣтей Царскихъ. Не объявлю своей тайны до гроба; когда же закрою глаза навѣки, ты найдешь у меня подъ ложемъ свитокъ, и все узнаешь; но другимъ не сказывай. Богъ судилъ мнѣ умереть въ злосчастіи. Духовникъ былъ Іезуитъ: онъ спѣшилъ извѣстить Князя Вишневецкаго о сей тайнѣ, а любопытный князь спѣшилъ узнать ее: обыскалъ постелю мнимо-умирающаго; нашелъ бумагу заблаговременно изготовленную, и прочиталъ въ ней, что слуга его есть Царевичъ Димитрій, спасенный отъ убіенія своимъ вѣрнымъ Медикомъ; что злодѣи, присланные въ Угличь, умертвили одного сына Іерейскаго, вмѣсто Димитрія, котораго укрыли добрые Вельможи и Дьяки Щелкаловы, а послѣ выпроводили въ Литву, исполняя наказъ Іоанновъ, данный имъ на сей случай. Вишневецкій изумился: еще хотѣлъ сомнѣваться, но уже не могъ, когда хитрецъ, виня нескромность Духовника, раскрылъ свою грудь, показалъ золотой, драгоцѣнными

каменьями осыпанный крестъ (вѣроятно, гдѣ нибудь украденый) и съ слезами объявилъ, что сія святыня дана ему крестнымъ отцемъ, Княземъ Иваномъ Мстиславскимъ.

(Слѣдуетъ разсказъ о связямъ Самозванца съ Польскими вельможами, о свиданіи съ королемъ Польскимъ, и о собраніи войскъ. О Маринѣ Мнишекъ Карамзинъ дѣлаетъ такой отзывъ: «Главнымъ и первымъ ревнителемъ сего подвига сдѣлался старецъ Мнишекъ, коему старость не мѣшала быть ни честолюбивымъ, ни легкомысленнымъ до безразсудности. Онъ имѣлъ юную дочь прелестницу, Марину, подобно ему честолюбивую и вѣтренную: Лжедимитрій, гостя у нето въ Самборѣ, объявилъ себя, искренно или притворно, страстнымъ ея любовникомъ, и вскружилъ ей голову именемъ Царевича, а гордый Воевода съ радостію благословилъ сію взаимную склонность, въ надеждѣ видѣть Россію у ногъ своей дочери, какъ наслѣдственную собственность его потомства).

Еще прежде, нежели Самозванецъ открылся Вишневецкимъ, слухъ, распущенный имъ въ Литвѣ о Димитріи, сдѣлался, вѣроатно, извѣстнымъ Борису. Въ январѣ 1604 года Нарвскій сановникъ Тирфельдъ писалъ съ гонцомъ къ Абовскому градоначальнику, что мнимо-убитый сынъ Іоанновъ живетъ у Козаковъ: гонца задержали въ Иванѣ-городѣ, и письмо его доставили Царю. Въ тоже время пришли и вѣсти изъ Литвы и подметныя грамоты Лжедимитріевы отъ нашихъ Воеводъ Украинскихъ; въ то же время, на берегахъ Волги, Донскіе казаки разбили Окольничаго Семена Годунова, посланнаго въ Астрахань, и захвативъ нѣсколько стрѣльцевъ, отпустили ихъ въ Москву съ такимъ наказомъ: «объявите Борису, что мы скоро будемъ къ нему съ Царевичемъ Димитріемъ!» Одинъ Богъ видѣлъ, что происходило въ душѣ Годунова, когда онъ услышалъ роковое имя!... но чѣмъ болѣе устрашился, тѣмъ болѣе хотѣлъ казаться безстрашнымъ. Не сомнѣваясь въ убіеніи истиннаго сына Іоаннова, онъ изъяснилъ для себя столь дерзкую ложь умысломъ своихъ тайныхъ враговъ, и велѣлъ лазутчикамъ узнать въ Литвѣ, кто сей Самозванецъ, искалъ заговора въ Россіи: подозрѣвалъ Бояръ; призвалъ въ Москву Царицу-Инокиню, мать Димитріеву, и ѣздилъ съ ней въ Дѣвичій монастырь съ Патріархомъ, воображая, какъ вѣроятно, что она могла быть участницею предполагаемаго кова, и надѣясь лестію или угрозами вывѣдать ея тайну: но Царица - Инокиня, равно какъ и Бояре, ничего не знала, съ удивленіемъ и, можетъ быть, не безъ внутренняго удовольствія слыша о Лжедимитріи, который не замѣнялъ сына для матери, но страшилъ его убійцу. Свѣдавъ наконецъ, что Самозванецъ есть разстрига Отрепьевъ, и что дьякъ Смирной не исполнилъ Царскаго указа сослать его въ пустыню Бѣломорскую, Борисъ усиліемъ притворства не оказалъ гнѣва, ибо хотѣлъ увѣрить Россіянъ въ маловажности сего случая: Смирной трепеталъ, ждалъ гибели, и былъ казненъ, но послѣ, и будто бы за другую вину: за расхищеніе государственнаго достоянія. Удвоивъ заставы на Литовской границѣ, чтобы перехватывать вѣсти о Самозванцѣ, однакожъ чувствуя невозможность скрыть его явленіе отъ Россіи, и боясь молчаніемъ усилить вредные толки, Годуновъ обнародывалъ исторію бѣглеча Чудовскаго, вмѣстѣ съ допросами монаха Пимена, Венедикта Черица Смоленскаго и мѣщанина Ярославца, иконника Степана: первый объявлялъ, что онъ самъ вывелъ бродягу Григорія въ Литву, но не хотѣлъ итти съ нимъ далѣе, и возвратился; вторый и третій свидѣтельствовали, что они знали Отрепьева Діакономъ въ Кіевѣ и воромъ между Запорожцами; что сей негодяй, богоотступникъ, чернокнижникъ, съ умыслу Князей Вишневецкихъ и самаго Короля, дерзаетъ въ Литвѣ называться Димитріемъ. Въ то же время Царь послалъ *отъ имени Бояръ*, дядю Разстригина, Смир-

наго-Отрепьева, къ Сигизмундовымъ вельможамъ, чтобы въ ихъ присутствіи изобличить племянника; послалъ и къ Донскимъ Козакомъ Дворянина Хрущова, вывести ихъ изъ бѣдственнаго заблужденія. Но грамоты и слова не дѣйствовали: Вельможи Королевскіе не хотѣли показать Лжедимитрія Смирному-Отрепьеву, и сухо отвѣтствовали, что имъ нѣтъ дѣла до мнимаго Царевича Россійскаго; а Козаки схватили Хрущова, оковали и привезли къ Самозванцу. Растрига двинулся съ своими дружинами къ берегамъ Днѣпровскимъ и стоялъ въ Сокольникахъ: Хрущовъ, представленный ему въ цѣпяхъ, взглянулъ на него.... залился слезами и палъ на колѣна, воскликнувъ: «вижу Іоанна въ лицѣ твоемъ: я твой слуга навѣки.» Съ него сняли оковы, и сей первый чиновный измѣнникъ, ослѣпленный страхомъ или корыстью, въ знакъ усердія донесъ своему новому Государю, мѣшая истину съ ложью, что народъ изъявляетъ въ Россіи любовь къ Димитрію, что самые знатные люди, Меньшій Булгаковъ и другіе, пили у себя съ гостями чашу за его здравіе и были, по доносу слугъ, осуждены на казнь, что Борисъ умертвилъ и сестру, вдовствующую Царицу Ирину, которая всегда видѣла въ немъ Монарха беззаконнаго; что онъ, не смѣя явно ополчаться противъ Димитрія, сводитъ полки въ Ливнахъ, будто бы на случай Ханскаго впаденія; что главные Воеводы ихъ, Петръ Шереметевъ и Михаилъ Салтыковъ, встрѣтясь съ нимъ, Хрущовымъ, въ искренней бесѣдѣ сказали: насъ ожидаетъ не Крымская, а совсѣмъ иная война—но трудно поднять руку на Государя природнаго; что Борисъ не здоровъ, едва ходитъ отъ слабости въ ногахъ, и думаетъ тайно выслать казну Московскую въ Астрахань, и въ Персію.» Годуновъ безъ сомнѣнія не убилъ Ирины и не думалъ искать убѣжища въ Персіи; еще не видалъ дотолѣ измѣны въ Россіянахъ, и не казнилъ ни одного человѣка за явную приверженность къ Самозванцу; съ жадностью слушая лазутчиковъ, доносителей, клеветниковъ, воздерживался отъ тиранства для своей безопасности въ такихъ обстоятельствахъ, и терзаемый подозрѣніями, еще неосновательными, хотѣлъ знаками великодушной довѣренности тронуть Бояръ и чиновниковъ: но дѣйствительно медлилъ двинуть значительную рать прямо къ Литовскимъ предѣламъ, въ доказательство ли безстрашія, боясь ли сильнымъ ополченіемъ дать народу мысль о важности непріятеля, избѣгая ли войны съ Польшею до самой крайней необходимости?...

(Слѣдуетъ разсказъ о первыхъ дѣйствіяхъ Самозванца, и о сдачѣ ему городовъ).

Сіи быстрые успѣхи обольщенія поразили Годунова и всю Россію. Царь увидѣлъ, вѣроятно, свою ошибку — и сдѣлалъ другую; увидѣлъ, что ему надлежало бы не обманывать людей знаками лицемѣрнаго презрѣнія къ Разстригѣ, но готовымъ, сильнымъ войскомъ отразить его отъ нашей границы и не впускать въ Сѣверскую землю, гдѣ еще жилъ старый духъ Литовскій, и гдѣ скопище злодѣевъ, бѣглецовъ, слугъ опальныхъ, естественно ожидало мятежа какъ счастія; гдѣ народъ и самые люди воинскіе, удивленные безпрепятственнымъ входомъ Самозванца въ Россію, могли, вѣря внушенію его лазутчиковъ, думать, что Годуновъ дѣйствительно не смѣетъ противиться истинному Іоаннову сыну. Новое доказательство, сколь умъ обманчивъ въ раздорѣ съ совѣстью, и какъ хитрость, чуждая добродѣтели, запутывается въ сѣтяхъ собственныхъ! Еще Борисъ могъ бы исправить сію ошибку: сѣсть на браннаго коня и самолично вести Россіянъ противъ злодѣя. Присутствіе Вѣнценосца, его великодушная смѣлость и довѣренность безъ сомнѣнія имѣли бы дѣйствіе. Не рожденный Героемъ, Годуновъ однакожъ съ юныхъ лѣтъ зналъ войну, умѣлъ силою души своей оживлять доблесть въ сердцахъ

и спасти Москву отъ Хана, будучи только Правителемъ. За него были святость вѣнца и присяги, навыкъ повиновенія, воспоминаніе многихъ государственныхъ благодѣяній — и Россія на полѣ чести не предала бы Царя Разстригѣ. Но смятенный ужасомъ, Борисъ не дерзалъ итти на встрѣчу къ Димитріевой тѣни: подозрѣвалъ Бояръ, и вручилъ имъ судьбу свою, назвавъ главнымъ воеводою Мстиславскаго, добросовѣстнаго, лично мужественнаго, но болѣе знатнаго, нежели искуснаго предводителя; велѣлъ строго людямъ ратнымъ, всѣмъ безъ исключенія, спѣшить въ Брянскъ, а самъ какъ бы скрывался въ столицѣ. Однимъ словомъ, Судъ Божій гремѣлъ надъ Державнымъ преступникомъ.

Грозный часъ опыта наступалъ: нельзя было медлить, ибо Самозванецъ ежедневно усиливался и распространялъ свои мирныя завоеванія. Бояре— выступили изъ Брянска, чтобы пресѣчь успѣхи измѣны и спасти Новогородскую крѣпость, которая одна противилась Разстригѣ, уже среди подвластной ему страны. Не только Годуновъ съ мучительнымъ волненіемъ души слѣдовалъ мыслями за московскими знаменами, но и вся Россія сильно тревожилась въ ожиданіи, чѣмъ Судьба рѣшитъ столь важную прю между Борисомъ и ложнымъ или не ложнымъ Димитріемъ; ибо не было общаго удостовѣренія ни въ войскѣ, ни въ Государствѣ. Мысль поднять руку на дѣйствительнаго сына Іоаннова, или предаться дерзкому обманщику, клятому Церковью, равно ужасала сердца благородныя. Многіе, и самые благороднѣйшіе изъ Россіянъ, не любя Бориса, но гнушаясь измѣной, хотѣли соблюсти данную ему присягу; другіе, слѣдуя единственно внушенію страстей, только желали или не желали перемѣны Царя, и не заботились объ истиннѣ, о долгѣ вѣрноподданнаго; а многіе не имѣли точнаго образа мыслей, готовясь думать, какъ велитъ случай. Если бы въ сіе время открылась проницанію наблюдателя и самая внутренность душъ, то онъ, можетъ быть, еще не рѣшилъ бы для себя вопроса о вѣроятной удачѣ или неудачѣ Самозванцева дѣла: столь расположеніе умовъ было отчасти несогласно, отчасти неясно и нерѣшительно! Войско шло, повинуясь Царской власт; но колебалось сомнѣніемъ, толками, взаимнымъ недовѣріемъ.

(Слѣдуетъ разсказъ о битвѣ при Новгородѣ Сѣверскомъ, объ оставленіи Поляками Самозванца, о побѣдѣ воеводъ Бориса и ихъ бездѣйствіи).

Обманутый побѣдою въ ея слѣдствіяхъ, Борисъ страдалъ, видя бездѣйствіе войска, нерадивость, неспособность или зломысліе воеводъ, и боясь смѣнить ихъ, чтобы не избрать худшихъ; страдалъ, внимая молвѣ народной, благопріятной для Самозванца, и не имѣя силы унять ее, ни снисходительными убѣжденіями, ни клятвою Святительскою, ни казнію: ибо въ сіе время уже рѣзали языки нескромнымъ, Доносы ежедневно умножались и Годуновъ страшился жестокостію ускорить общую измѣну: еще былъ Самодержцемъ, но чувствовалъ оцѣпенѣніе власти въ рукѣ своей, и съ престола, еще окруженнаго льстивыми рабами, видѣлъ открытую для себя бездну! Дума и Дворъ не измѣнялись наружно: въ первой текли дѣла, какъ обыкновенно; вторый блисталъ пышностію, какъ и дотолѣ. Сердца были закрыты: одни таили страхъ, другіе злорадство; а всѣхъ болѣе долженъ быть принуждать себя Годуновъ, чтобы уныніемъ и разслабленіемъ духа не предвѣстить своей гибели—и, можетъ быть, только въ глазахъ вѣрной супруги обнаруживалъ сердце: казалъ ей коварныя, глубокія раны его, чтобы облегчать себя свободнымъ стенаніемъ. Онъ не имѣлъ утѣшенія чистѣйшаго: не могъ предаться въ волю Святаго Провидѣнія, служа только идолу властолюбія: хотѣлъ еще наслаждаться плодомъ Димитріева убіенія, и дерзнулъ бы ко-

нечно на злодѣяніе новое, чтобы не лишиться пріобрѣтеннаго злодѣйствомъ. Въ такомъ ли расположеніи души утѣшается смертный вѣрою и надеждою Небесною? Храмы были отверсты: Годуновъ молился — Богу неумолимому для тѣхъ, которые не знаютъ ни добродѣтели, ни раскаянія! Но есть предѣлъ мукамъ — въ бренности нашего естества земнаго.

Борису исполнилось 53 года отъ рожденія: въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ мужества онъ имѣлъ недуги, особенно жестокую подагру, и легко могъ, уже старѣясь, истощить свои тѣлесныя силы душевнымъ страданіемъ. Борисъ 13 апрѣля, въ часъ утра, судилъ и рядилъ съ Вельможами въ Думѣ, принималъ знатныхъ иноземцевъ, обѣдалъ съ ними въ Золотой палатѣ, и едва вставъ изъ-за стола, почувствовалъ дурноту: кровь хлынула у него изъ носу, ушей и рта; лилась рѣкою: врачи, столь имъ любимые, не могли остановить ее. Онъ терялъ память, но успѣлъ благословить сына на государство Россійское, воспріять Ангельскій Образъ съ именемъ Боголѣпа, и чрезъ два часа испустилъ духъ, въ той же храминѣ, гдѣ пировалъ съ Боярами и съ иноземцами...

Къ сожалѣнію, потомство не знаетъ ничего болѣе о сей кончинѣ, разительной для сердца. Кто не хотѣлъ бы видѣть и слышать Годунова въ послѣднія минуты *такой* жизни — читать въ его взорахъ и въ душѣ, смятенной незапнымъ наступленіемъ вѣчности? Предъ нимъ были тронъ, вѣнецъ и могила: супруга, дѣти, ближніе, уже обреченныя жертвы Судьбы; рабы неблагодарные, уже съ готовою измѣною въ сердцѣ; предъ нимъ и Святое Знаменіе Христіанства: образъ Того, Кто не отвергаетъ, можетъ быть, и послѣдняго раскаянія!... Молчаніе современниковъ, подобно непроницаемой завѣсѣ, сокрыло отъ насъ зрѣлище столь важное, столь нравоучительное, дозволяя дѣйствовать одному воображенію. Увѣряютъ, что Годуновъ былъ самоубійцею, въ отчаяніи лишивъ себя жизни ядомъ; но обстоятельства и родъ его смерти подтверждаютъ ли истину его извѣстія? И сей нѣжный отецъ, сей человѣкъ сильный духомъ, могъ ли, спасаясь ядомъ отъ бѣдствія, малодушно оставить жену и дѣтей на гибель, почти несомнительную? И торжество Самозванца было ли вѣрно, когда войско еще не измѣняло Царю дѣломъ; еще стояло, хотя и безъ усердія, подъ его знаменами? Только смерть Борисова рѣшила успѣхъ обмана; только измѣнники, явные и тайные, могли желать, могли *ускорить ее*—но всего вѣроятнѣе, что ударъ, а не ядъ прекратилъ бурные дни Борисовы, къ истинной скорби отечества: ибо сія безвременная кончина была Небесною казнію для Россіи еще болѣе, нежели для Годунова: онъ умеръ по крайней мѣрѣ на тронѣ, не въ узахъ предъ бѣглымъ Діакономъ, какъ бы еще въ воздаяніе за государственныя его благотворенія; Россія же, лишенная въ немъ Царя умнаго и попечительнаго, сдѣлалась добычей злодѣйства на многія лѣта.

Но имя Годунова, одного изъ разумнѣйшихъ Властителей въ мірѣ, въ теченіе столѣтій было и будетъ произносимо съ омерзѣніемъ, во славу нравственнаго неуклоннаго правосудія. Потомство видитъ лобное мѣсто, обагренное кровію невинныхъ, Св. Димитрія издыхающаго подъ ножомъ убійцъ, Героя Псковскаго въ петлѣ, столь многихъ Вельможъ въ мрачныхъ темницахъ и келліяхъ; видитъ гнусную мзду, рукою Вѣнценосца предлагаемую клеветникамъ—доносителямъ; видитъ систему коварства, обмановъ, лицемѣрія предъ людьми и Богомъ... вездѣ личину добродѣтели, и гдѣ добродѣтель? въ правдѣ ли судовъ Борисовыхъ, въ щедрости, въ любви къ гражданскому образованію, въ ревности къ величію Россіи, въ Политикѣ мирной и здравой? Но сей яркій для ума блескъ хладенъ для сердца, удостовѣреннаго, что

Борисъ не усомнился бы ни въ какомъ случаѣ дѣйствовать вопреки своимъ мудрымъ государственнымъ правиламъ, если бы властолюбіе потребовало отъ него такой перемѣны. Онъ *не былъ*, но *бывалъ* тираномъ; не безумствовалъ, но злодѣйствовалъ подобно Іоанну, устраняя совмѣстниковъ или казня недоброжелателей. Если Годуновъ на время благоустроилъ Державу; на время возвысилъ ее во мнѣніи Европы, то не онъ ли и ввергнулъ Россію въ бездну злополучія, почти неслыханнаго—предалъ въ добычу Ляхамъ и бродягамъ, вызвалъ на ѳеатръ сонмъ мстителей и самозванцевъ истребленіемъ древняго племени Царскаго? Не онъ ли, наконецъ, болѣе всѣхъ содѣйствовалъ уничтоженію престола, возсѣвъ на немъ святоубійцею?

---

16. ЖУКОВСКІЙ

(1783—1852).

а. Сельское кладбище. (1802).

Уже блѣднѣетъ день, скрываясь за горою;
Шумящія стада толпятся надъ рѣкой;
Усталый селянинъ медлительной стопою
Идетъ задумавшись въ шалашъ покойный свой,
Въ туманомъ сумракѣ окрестность исчезаетъ;
Повсюду тишина! повсюду мертвый сонъ!
Лишь изрѣдка, жужжа, вечерній жукъ мелькаетъ,
Лишь слышится въ дали роговъ унылый звонъ.
Лишь дикая сова, таясь подъ древнимъ сводомъ
Сей башни, сѣтуетъ, внимаема луной,
На возмутившаго полуночнымъ приходомъ
Ея безмолвнаго владычества покой.
Подъ кровомъ черныхъ соснъ и вязовъ наклоненныхъ,
Которые окрестъ развѣсившись шумятъ ,
Здѣсь праотцы села, въ гробахъ уединенныхъ,
На вѣки затворясь, сномъ не пробуднымъ спятъ.
Денницы тихій гласъ, дня юнаго дыханье,
Ни крики пѣтуха, ни звучный гулъ роговъ,
Ни ранней ласточки на кровлѣ щебетанье,
Ничто не воззоветъ почившихъ изъ гробовъ;
На дымномъ очагѣ трескучій огнь сверкая
Ихъ въ зимніе вечера не будетъ веселить,
И чада нѣжныя приходъ ихъ упреждая,
Не будуть съ жадностью лобзанья ихъ ловить.
Какъ часто ихъ серпы златую ниву жали,
И плугъ ихъ побѣждалъ упорныя поля!
Какъ часто ихъ сѣкиръ дубравы трепетали,
И потомъ ихъ лица кропилася земля!
Пускай рабы суетъ ихъ жребій унижаютъ.
Смѣяся въ слѣпотѣ полезнымъ ихъ трудамъ,
Пускай съ холодностью презрѣнія внимаютъ
Таящимся во тьмѣ убогаго дѣламъ!
На всѣхъ ярится смерть—царя, любимца славы,
Всѣхъ ищетъ грозная... и нѣкогда найдетъ!
Всемощныя судьбы незыблемы уставы,
И путь величія ко гробу насъ ведетъ!
А вы, наперсники фортуны ослѣпленны,
Напрасно спящихъ здѣсь спѣшите презирать
За то, что гробы ихъ не пышны и забвенны,
Что лесть имъ алтарей не мыслитъ воздвигать!
Вотще надъ мертвыми истлѣвшими костями
Трофеи зиждутся, надгробія блестятъ,

Вотще гласъ почестей гремитъ передъ гробами:
Угасшій пепелъ нашъ они не воспалятъ.
Уже-ль смягчится смерть сплетаемой хвалою,
И невозвратную добычу возвратитъ?
Не слаще мертвыхъ сонъ подъ мраморной доскою:
Надменный мамолей лишь персть ихъ обременитъ!
Ахъ! можетъ быть, подъ сей могилою таится
Прахъ сердца нѣжнаго, умѣвшаго любить;
И гробожитель—чарвь въ сухой главѣ гнѣздится,
Рожденной быть въ вѣнцѣ, иль мыслями парить!
Но просвѣщенья храмъ, воздвигнутый вѣками,
Угрюмою судьбой для нихъ былъ затворенъ;
Ихъ рокъ обременилъ убожества цѣпями,
Ихъ геній строгою нуждою умерщвленъ.
Какъ часто рѣдкій перлъ, волнами сокровенной
Въ бездонной пропасти сіяетъ красотой!
Какъ часто лилія цвѣтетъ уединенно,
Въ пустынномъ воздухѣ теряя запахъ свой!
Быть можетъ, пылью сей покрытъ Гампденъ надменный,
Защитникъ сельскихъ правъ, тиранства смѣлый врагъ;
Иль кровію гражданъ Кромвель необагренный,
Иль Милтонъ нѣмой, безъ славы скрытый въ прахъ. [1])
Отечество хранить державною рукою,
Сражаться съ бурей бѣдъ, фортуну презирать,
Дары обилія на смертныхъ лить рѣкою.
Въ слезахъ признательныхъ дѣла свои читать—
Сего имъ не далъ рокъ! но вмѣстѣ преступленьямъ
Онъ съ доблестями ихъ кругъ тѣсный положилъ;
Бѣжать стезей убійствъ ко славѣ, наслажденьямъ,
И быть жестокими къ страдальцамъ запретилъ;
Таить въ душѣ своей гласъ совѣсти и чести,
Румянецъ робкія стыдливости терять—
И раболѣпствуя, на жертвенникахъ лести
Дары небесныхъ Музъ гордынѣ посвящать!
Скрываясь отъ мірскихъ погибельныхъ смятеній,
Безъ страха и надеждъ, въ долинѣ жизни сей,
Не зная горести, не зная наслажденій,
Они безпечно шли тропинкою своей.
И здѣсь спокойно спятъ подъ сѣнью гробовою
И скромный памятникъ, въ пріютѣ соснъ густыхъ,
Съ непышной надписью и рѣзьбою простою—
Прохожаго зоветъ вздохнуть надъ прахомъ ихъ.
Любовь на камнѣ семъ ихъ память сохранила,
Ихъ лѣта, имена потщившись начертать;
Окрестъ библейскую мораль изобразила,
По коей мы должны учиться умирать.
И кто съ сей жизнію безъ горя разставался?
Кто прахъ свой по себѣ забвенью предавалъ?
Кто въ часъ послѣдній свой симъ міромъ не плѣнялся,
И взора томнаго назадъ не обращалъ?
Ахъ! нѣжная душа, природу покидая,
Надѣется друзьямъ оставить пламень свой,
И взоры тусклые навѣки угасая,

(¹) Гампденъ (1599—1643) знаменитый англійскій патріотъ; какъ членъ такъ называемаго Долгаго парламента, онъ былъ однимъ изъ ярыхъ противниковъ Карла I — Кромвель Оливеръ, протекторъ соединенной республики Англіи, Шотландіи и Ирландіи. Онъ былъ главнымъ руководителемъ возстанія противъ Карла I.—Мильтонъ кабинетъ-секретарь, современникъ Кромвеля и извѣстный писатель: ему принадлежитъ эпическая поэма: «Потерянный Рай».

Еще стремятся къ нимъ съ послѣднею слезой;
Ихъ сердца милый гласъ въ могилѣ нашей слышитъ;
Нашъ камень гробовой для нихъ одушевленъ;
Для нихъ нашъ мертвый прахъ въ холодной урнѣ дышетъ,
Еще огнемъ любви для нихъ воспламененъ!
А ты, почившихъ другъ, пѣвецъ уединенный,
И твой ударитъ часъ послѣдній, роковой;
И къ гробу твоему, мечтой сопровожденный,
Чувствительный придетъ услышать жребій твой.
Быть можетъ, селянинъ съ почтенной сѣдиною
Такъ будетъ о тебѣ пришельцу говорить:
«Онъ часто по утрамъ встрѣчался здѣсь со мною,
Когда спѣшилъ на холмъ зарю предупредить!
«Тамъ въ полдень онъ сидѣлъ подъ дремлющею ивой,
Поднявшей изъ земли косматый корень свой;
Тамъ часто въ горести безпечной, молчаливой,
Лежалъ, задумавшись, надъ свѣтлою рѣкой;
«Нерѣдко въ вечеру, скитаясь межъ кустами,
Когда мы съ поля шли, и въ рощѣ соловей
Свисталъ вечерню пѣснь—онъ томными очами
Уныло слѣдовалъ за тихою зарей!
«Прискорбный, сумрачный, съ главою наклоненной,
Онъ часто уходилъ въ дубраву слезы лить,
Какъ странникъ, родины, друзей, всего лишенной,
Которому ничѣмъ души не усладить!
«Взошла заря—увы, съ зарей онъ не являлся,
Ни въ ивѣ, ни на холмъ, ни въ лѣсъ не приходилъ.
Взошла заря опять—нигдѣ онъ не встрѣчался,
Мой взоръ его искалъ—искалъ—не находилъ.
«На утро пѣніе мы слышимъ гробовое...
Несчастнаго несутъ въ могилу положить;
Приблизься, прочитай на дгробіе простое
Чтобъ память добраго слезой благословить».
Здѣсь пепелъ юноши безвременно сокрыли;
Что славы, счастіе, не зналъ онъ въ мірѣ семъ
Но Музы отъ него лица не отвратили,
И меланхоліи печать была на немъ.
Онъ кротокъ сердцемъ былъ, чувствителенъ душою;
Чувствительнымъ Творецъ награду положилъ.
Дарилъ несчастныхъ онъ—чѣмъ только могъ—слезою;
Въ награду отъ Творца онъ друга получилъ.
Прохожій, помолись надъ этою могилой;
Онъ въ ней нашелъ пріютъ отъ всѣхъ земныхъ тревогъ;
Здѣсь все оставилъ онъ, что въ немъ грѣховно было
Съ надеждою, что живъ его Спаситель-Богъ.

Ивиковы Журавли. (1810).

На Посидоновъ пиръ веселый ([1]),
Куда стекались чада Гелы ([2])
Зрѣть бѣгъ коней и бой пѣвцовъ,
Шелъ Ивикъ, скромный другъ боговъ.
Ему съ крылатою мечтою
Послалъ даръ пѣсней Аполлонъ;

([1]) Подъ пиромъ Посидона разумѣется здѣсь праздникъ въ честь этого бога, справлявшійся въ г. Истмѣ.

([2]) Гела была дочь правнука Девкаліона и отъ ея имени образовалось названіе Геллеспонта. Слова «чада Гелы» поставлены вмѣсто слова «Греки».

И съ лирой, съ легкою клюкою,
Шелъ, вдохновенный, къ Истму онъ.
Уже его открыли взоры
Вдали Акрокориноъ и горы,
Слiянны съ синевой небесъ.
Онъ входитъ въ Посидоновъ лѣсъ...
Все тихо: листъ не колыхнется,
Лишь журавлей по вышинѣ
Шумящая станица вьется
Въ страны полуденны къ веснѣ.
«О спутники, вашъ рой крылатый,
Досель мой вѣрный провожатый,
Будь добрымъ знаменiемъ мнѣ!
Сказавъ: «прости!» родной странѣ,
Чужаго брега посѣтитель,
Ищу прiюта, какъ и вы;
Да отвратитъ Зевесъ-Хранитель
Бѣду отъ странничей главы».
И съ твердой вѣрою въ Зевеса
Онъ въ глубину вступаетъ лѣса;
Идетъ заглохшею тропой...
И зритъ убiйцъ предъ собой.
Готовъ сразиться онъ съ врагами,
Но часъ судьбы его приспѣлъ;
Знакомый съ лирными струнами,
Напрячь онъ лука не умѣлъ.
Къ богамъ, ко смертнымъ, онъ взываетъ...
Лишь эхо стоны повторяетъ—
Въ ужасномъ лѣсѣ жизни нѣтъ.
«И такъ погибну въ цвѣтѣ лѣтъ,
Истлѣю здѣсь безъ погребенья
И не оплаканъ отъ друзей;
И симъ врагамъ не будетъ мщенья
Ни отъ боговъ, ни отъ людей...»
И онъ боролся ужъ съ кончиной...
Вдругъ... шумъ отъ стаи журавлиной;
Онъ слышитъ (взоръ уже угасъ)
Ихъ жалобно-стенящiй гласъ.
«Вы, журавли подъ небесами,
Я васъ въ свидѣтели зову!
Да грянетъ, привлеченный вами,
Зевесовъ громъ на ихъ главу...!»
И трупъ узрѣли обнаженный.
Рукой убiйцы искаженны
Черты прекраснаго лица.
Коринөскiй другъ, узналъ пѣвца.
«И ты ль недвижимъ предо мною?
И на главу твою, пѣвецъ,
Я мнилъ торжественной рукою
Сосновый положить вѣнецъ».
И внемлютъ гости Посидона,
Что палъ наперсникъ Аполлона...
Вся Грецiя поражена;
Для всѣхъ сердецъ печаль одна.
И съ дикимъ ревомъ изступленья
Пританов окружилъ народъ,
И вопитъ: «старцы, мщенья, мщенья!
Злодѣямъ казнь, ихъ сгибни родъ!
Но гдѣ ихъ слѣдъ? Кому примѣтно
Лице врага въ толпѣ несмѣтной
Притекшихъ въ Посидоновъ храмъ?
Они ругаются богамъ.
И кто жъ—разбойникъ ли презрѣнный,
Иль тайный врагъ ударъ нанесъ?
Лишь Гелiосъ то зрѣлъ священный,
Все озаряющiй съ небесъ.
Съ подъятой, можетъ быть, главою,
Между шумящею толпою,
Злодѣй сокрытъ въ сей самый часъ,
И хладно внемлетъ скорби гласъ:
Иль въ капищѣ, склонивъ колѣни,
Жжетъ ладанъ гнусною рукой,
Или тѣснится на ступени
Амфитеатра за толпой,
Гдѣ устремивъ на сцену взоры [1],
(Чуть могутъ ихъ сдержать подпоры),
Пришедъ изъ ближнихъ, дальнихъ странъ,
Шумя, какъ смутный океанъ,
Надъ рядомъ рядъ, сидятъ народы,
И движутся, какъ въ бурю лѣсъ,
Людьми кипящи переходы,
Всходя до синевы небесъ.
И кто сочтетъ разноплеменныхъ,
Симъ торжествомъ соединенныхъ?
Пришли отсюду: отъ Аѳинъ,
Отъ древней Спарты, отъ Микинъ,
Съ предѣловъ Азiи далекой

---

(1) Греческiй театръ раздѣлялся на три части: сцену—мѣсто дѣйствiя театральныхъ представленiй; оркестръ, гдѣ помѣщался обыкновенно хоръ, и амфитеатръ или мѣста для зрителей. Во время представленiя, актеры надѣвали маски, трагическiя или комическiя, смотря по пiэсѣ, потомъ котурны или сандалiи на высокихъ каблукахъ. Къ этимъ средствамъ прибѣгали потому, что театры греческiе были такихъ громадныхъ размѣровъ, что нерѣдко въ нихъ могло помѣститься до 40,000 зрителей

Съ Эгейскихъ водъ, съ Ѳракійскихъ горъ...
И сѣли въ тишинѣ глубокой,
И тихо выступаетъ хоръ.
По древнему обряду, важно,
Походкой мѣрной и протяжной,
Священнымъ страхомъ окруженъ,
Обходитъ вкругъ театра онъ.
Не шествуютъ такъ персти чада,
Не здѣсь ихъ колыбель была:
Ихъ стана дивная громада
Предѣлъ земнаго перешла.
Идутъ съ поникшими главами
И движутъ тощими руками
Свѣчи, отъ коихъ темный свѣтъ;
И въ ихъ ланитахъ крови нѣтъ;
Ихъ мертвы лица, очи впалы;
И вившія межъ ихъ власовъ
Эхидны движутъ свистомъ жалы,
Являя страшный рядъ зубовъ (1).
И встали вкругъ, сверкая взоромъ;
И гимнъ запѣли дикимъ хоромъ,
Въ сердца вонзающій боязнь;
И въ немъ преступникъ слышитъ: *казнь!*
Гроза души, ума смиритель,
Эринній страшный хоръ гремитъ;
И цѣпенѣя, внемлетъ зритель;
И лира, онѣмѣвъ, молчитъ:
«Блаженъ, кто незнакомъ съ виною,
Кто чистъ младенчески душою!
Мы не дерзнемъ ему во слѣдъ:
Ему чужда дорога бѣдъ...
Но вамъ, убійцы, горе, горе!
Какъ тѣнь, за вами всюду мы,
Съ грозою мщенія во взорѣ,
Ужасныя созданья тьмы.
«Не мните скрыться—мы съ крылами:
Вы въ лѣсъ, вы въ бездну—мы за вами;
И, спутавъ васъ въ своихъ сѣтяхъ,
Растерзанныхъ бросаемъ въ прахъ.
Вамъ покаянье не защита;
Вашъ стонъ, вашъ плачъ—веселье намъ;
Терзать васъ будемъ до Коцита,
Но не покинемъ васъ и тамъ.
И пѣснь ужасныхъ замолчала;
И надъ внимавшими лежала,
Богинь присутствіемъ полна,
Какъ надъ могилой, тишина.
И тихой, мирною стопою
Онѣ обратно потекли,
Склонивъ главу, рука съ рукою,
И скрылись медленно вдали.
И зритель—зыблемый сомнѣньемъ
Межъ истиной и заблужденьемъ—
Со страхомъ мнитъ о силѣ той,
Которая, во мглѣ густой
Скрываяся, неизбѣжима,
Вьетъ нити роковыхъ сѣтей.
Во глубинѣ лишь сердца зрима,
Но скрыта отъ дневныхъ лучей...
И все, и все еще въ молчаньи...
Вдругъ на ступеняхъ восклицанье:
«Парфеній, слышишь?.... Крикъ вдали:
«То Ивиковы журавли!»...
И небо вдругъ покрылось тьмою;
И воздухъ весь отъ крылъ шумитъ;
И видятъ... чорной полосою
Станица журавлей летитъ.
«Что? Ивикъ!» Все поколебалось!
И имя Ивика помчалось
Изъ устъ въ уста... шумитъ народъ,
Какъ бурная пучина водъ.
«Нашъ доброй Ивикъ! Нашъ, сраженный
Врагомъ незнаемымъ поэтъ!
Что, что въ семъ словѣ сокровенно?
И что сихъ журавлей полетъ?
И всѣмъ сердцамъ въ одно мгновенье,
Какъ будто свыше откровенье,
Блеснула мысль: «убійца тутъ!
То Эвменидъ ужасныхъ судъ;
Отмщенье за пѣвца готово:
Себѣ преступникъ измѣнилъ...
Къ суду и тотъ, кто молвилъ слово,
И тотъ, кѣмъ онъ внимаемъ былъ».
И блѣденъ, трепетенъ, смятенный,
Незапной рѣчью обличенный,
Исторгнутъ изъ толпы злодѣй,
Передъ сѣдалище судей
Онъ привлеченъ съ своимъ клевретомъ;
Смущенный видъ, склоненный взоръ,
И тщетный плачъ былъ ихъ отвѣтомъ:
И смерть была имъ приговоръ.

---

*

(1) Здѣсь Шиллеръ описываетъ Евменидъ или Эринній, которыя у Грековъ считались богинями мщенія.

Свѣтлана. (1811).

Разъ въ Крещенскій вечерокъ
Дѣвушки гадали:
За ворота башмачокъ,
Снявъ съ ноги, бросали;
Снѣгъ пололи; подъ окномъ
Слушали; кормили
Счетнымъ курицу зерномъ;
Ярый воскъ топили;
Въ чашу съ чистою водой
Клали перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Разстилали бѣлый платъ,
И надъ чашей пѣли въ ладъ
Пѣсенки подблюдны.

Тускло свѣтится луна
Въ сумракѣ тумана —
Молчалива и грустна
Милая Свѣтлана.
«Что, подруженька, съ тобой?
Вымолви словечко;
Слушай пѣсни круговой;
Вынь себѣ колечко.
Пой, красавица: «кузнецъ,
«Скуй мнѣ златъ и новъ вѣнецъ,
«Скуй кольцо златое:
«Мнѣ вѣнчаться тѣмъ вѣнцомъ,
«Обручаться тѣмъ кольцомъ
«При святомъ налоѣ.»

Какъ могу, подружки, пѣть?
Милый другъ далеко;
Мнѣ судьбина умереть
Въ грусти одинокой.
Годъ промчался—вѣсти нѣтъ;
Онъ ко мнѣ не пишетъ;
Ахъ! а имъ лишь красенъ свѣтъ,
Имъ лишь сердце дышетъ.....
Иль не вспомнишь обо мнѣ?
Гдѣ, въ какой ты сторонѣ?
Гдѣ твоя обитель?
Я молюсь и слезы лью.
Утоли печаль мою,
Ангелъ-утѣшитель!

Вотъ, въ свѣтлицѣ столъ накрытъ
Бѣлой пеленою;
И на томъ столѣ стоитъ
Зеркало съ свѣчею;
Два прибора на столѣ.
«Загадай, Свѣтлана;
Въ чистомъ зеркала стеклѣ
Въ полночь, безъ обмана
Ты узнаешь жребій свой:
Стукнетъ въ двери милый твой
Легкою рукою;
Упадетъ съ дверей запоръ;
Сядетъ онъ за свой приборъ
Ужинать съ тобою.»

Вотъ красавица одна;
Къ зеркалу садится;
Съ тайной робостью она
Въ зеркало глядится;
Темно въ зеркалѣ; кругомъ
Мертвое молчанье.
Свѣчка трепетнымъ огнемъ
Чуть ліетъ сіянье......
Робость въ ней волнуетъ грудь,
Страшно ей назадъ взглянуть,
Страхъ туманитъ очи.....
Съ трескомъ пыхнулъ огонекъ,
Крикнулъ жалобно сверчокъ,
Вѣстникъ полуночи.

Подпершися локоткомъ,
Чуть Свѣтлана дышетъ.....
Вотъ..... легохонько замкомъ
Кто-то стукнулъ, слышитъ;
Робко въ зеркало глядитъ:
За ея плечами,
Кто-то, чудилось, блеститъ
Яркими глазами.....
Занялся отъ страха духъ.....
Вдругъ, въ ея влетаетъ слухъ
Тихій, легкій шопотъ:
«Я съ тобой, моя краса;
Укротились небеса;
Твой услышенъ ропотъ!»

Оглянулась.... милый къ ней
Простираетъ руки.
«Радость, свѣтъ моихъ очей,
Нѣтъ для насъ разлуки!
Ѣдемъ! попъ ужъ въ церкви ждетъ
Съ дьякономъ, дьячками;
Хоръ вѣнчальну пѣснь поетъ;
Храмъ блеститъ свѣчами.»

Былъ въ отвѣтъ умильный взоръ;
Идутъ на широкій дворъ,
Въ ворота тесовы;
У воротъ ихъ санки ждутъ;
Съ нетерпѣнья кони рвутъ
Повода шелковы.

Сѣли.... кони съ мѣста въ разъ;
Пышутъ дымъ ноздрями;
Отъ копытъ ихъ поднялась
Вьюга подъ санями.
Скачутъ.... пусто все вокругъ;
Степь въ очахъ Свѣтланы;
На лунѣ туманный кругъ;
Чуть блестятъ поляны.
Сердце вѣщее дрожитъ;
Робко дѣва говоритъ:
«Что ты смолкнулъ, милый?»
Ни полслова ей въ отвѣтъ:
Онъ глядитъ на лунный свѣтъ,
Блѣденъ и унылый.

Кони мчатся по буграмъ;
Топчутъ снѣгъ глубокій...
Вотъ, въ сторонкѣ Божій храмъ
Видѣнъ одинокій;
Двери вихорь отворилъ;
Тма людей во храмѣ;
Яркій свѣтъ паникадилъ
Тускнетъ въ ѳиміамѣ;
На срединѣ черный гробъ;
И гласитъ протяжно попъ:
«Буди взятъ могилой!»
Пуще дѣвица дрожитъ;
Кони мимо; другъ молчитъ,
Блѣденъ и унылый.

Вдругъ мятелица кругомъ;
Снѣгъ валитъ клоками;
Черный вранъ, свистя крыломъ,
Вьется надъ санями;
Вѣщій стонъ гласитъ: *печаль!*
Кони торопливы
Чутко смотрятъ въ темну даль,
Подымая гривы;
Брежжетъ въ полѣ огонекъ;
Видѣнъ мирный уголокъ —
Хижинка подъ снѣгомъ.
Кони борзые быстрѣй;
Снѣгъ взрывая, прямо къ ней
Мчатся дружнымъ бѣгомъ.

Вотъ примчалися... и вмигъ
Изъ очей пропали:
Кони, сани и женихъ
Будто не бывали.
Одинокая, въ потьмахъ,
Брошена отъ друга
Въ страшныхъ дѣвица мѣстахъ;
Вкругъ мятель и вьюга.
Возвратиться — слѣду нѣтъ...
Видѣнъ ей въ избушкѣ свѣтъ:
Вотъ перекрестилась;
Въ дверь съ молитвою стучитъ...
Дверь шатнулася... скрипитъ...
Тихо растворилась.

Что жъ?.. Въ избушкѣ гробъ; накрытъ
Бѣлою запоной:
Спасовъ ликъ въ ногахъ стоитъ;
Свѣчка предъ иконой...
Ахъ! Свѣтлана, что съ тобой?
Въ чью зашла обитель?
Страшенъ хижины пустой
Безотвѣтный житель.
Входитъ съ трепетомъ, въ слезахъ;
Предъ иконой пала въ прахъ,
Спасу помолилась;
И съ крестомъ своимъ въ рукѣ,
Подъ святыми въ уголкѣ
Робко притаилась.

Все утихло... вьюги нѣтъ...
Слабо свѣчка тлится:
То прольетъ дрожащій свѣтъ,
То опять затмится...
Все въ глубокомъ мертвомъ снѣ;
Страшное молчанье...
Чу, Свѣтлана!.. въ тишинѣ
Легкое журчанье...
Вотъ, глядитъ: къ ней въ уголокъ
Бѣлоснѣжный голубокъ
Съ свѣтлыми глазами,
Тихо вѣя, прилетѣлъ;
Къ ней на перси тихо сѣлъ,
Обнялъ ихъ крылами.

Смолкло все опять кругомъ...
Вотъ, Свѣтланѣ мнится,
Что подъ бѣлымъ полотномъ
Мертвый шевелится...
Сорвался покровъ; мертвецъ

(Ликъ мрачнѣе ночи)
Виденъ весь—на лбу вѣнецъ,
Затворены очи.
Вдругъ... въ устахъ сомкнутыхъ стонъ;
Силится раздвинуть онъ
Руки охладѣлы...
Что же дѣвица?.. Дрожитъ...
Гибель близко... но не спитъ
Голубочекъ бѣлый.

Встрепенулся, развернулъ
Легкія онъ крылы;
Къ мертвецу на грудь вспорхнулъ...
Всей лишенный силы,
Простонавъ, заскрежеталъ
Страшно онъ зубами,
И на дѣву засверкалъ
Грозными очами...
Снова блѣдность на устахъ;
Въ закатившихся глазахъ
Смерть изобразилась...
Глядь, Свѣтлана... о Творецъ!
Милый другъ ея—мертвецъ!
Ахъ!... и пробудилась.

Гдѣ жъ?... У зеркала, одна
Посреди свѣтлицы;
Въ тонкій занавѣсъ окна
Свѣтитъ лучъ денницы;
Шумнымъ бьетъ крыломъ пѣтухъ,
День встрѣчая пѣньемъ;
Все блеститъ... Свѣтланинъ духъ
Смутенъ сновидѣньемъ.
«Ахъ! ужасный, грозный сонъ!
Не добро вѣщаетъ онъ—
Горькую судьбину;
Тайный мракъ грядущихъ дней,
Что сулишь душѣ моей,
Радость иль кручину?»

Сѣла (тяжко ноетъ грудь)
Подъ окномъ Свѣтлана;
Изъ окна широкій путь
Виденъ сквозь тумана;
Снѣгъ на солнышкѣ блеститъ,
Паръ алѣетъ тонкій...
Чу!... вдали пустой гремитъ
Колокольчикъ звонкій;
На дорогѣ снѣжный прахъ;
Мчатъ, какъ будто на крылахъ,
Санки кони рьяны;
Ближе; вотъ ужъ у воротъ;
Статный гость къ крыльцу идетъ...
Кто?... Женихъ Свѣтланы.
Что же твой Свѣлана, сонъ,
Прорицатель муки?
Другъ съ тобой; все тотъ же онъ
Въ опытѣ разлуки;
Та жъ любовь въ его очахъ,
Тѣ жъ пріятны взоры;
Тѣ жъ на сладостныхъ устахъ
Милы разговоры.
Отворяйся жъ, Божій храмъ!
Вы летите къ небесамъ
Вѣрные обѣты;
Соберитесь, старъ и младъ!
Сдвинувъ звонки чаши, въ ладъ
Пойте: многи лѣты!

Улыбнись, моя краса!
На мою балладу!
Въ ней большія чудеса,
Очень мало складу.—
Взоромъ счастливый твоимъ,
Не хочу и славы;
Слава—насъ учили—дымъ;
Свѣтъ—судья лукавый.
Вотъ баллады толкъ моей:
«Лучшій другъ намъ въ жизни сей
Вѣра въ Провидѣнье.
Благъ Зиждителя законъ:
Здѣсь несчастье—лживый сонъ;
Счастье—пробужденье.»

О! не знай сихъ страшныхъ сновъ
Ты, моя Свѣтлана...
Будь, Создатель, ей покровъ!
Ни печали рана,
Ни минутной грусти тѣнь
Къ ней да не коснется;
Въ ней душа какъ ясный день;
Ахъ! да пронесется
Мимо бѣдствія рука;
Какъ пріятный ручейка
Блескъ на лонѣ луга.
Будь вся жизнь ея свѣтла;
Будь веселость, какъ была,
Дней ея подруга

———

Опять ты здѣсь, мой благодатный Геній....

Опять ты здѣсь, мой благодатный Геній,
Воздушная подруга юныхъ дней;
Опять съ толпой знакомыхъ привидѣній
Тѣснишься ты, Мечта, къ душѣ моей....
Приди-жъ, о другъ! дай прежнихъ вдохновеній,
Минувшею мнѣ жизнію повѣй,
Побудь со мной, продли очарованья,
Дай сладкаго вкусить воспоминанья.
Ты образы веселыхъ лѣтъ примчала—
И много милыхъ тѣней возстаетъ;
И то, чѣмъ жизнь столь нѣкогда плѣняла,
Что рокъ, отнявъ, назадъ не отдаетъ,
То все опять душа моя узнала;
Проснулась Скорбь, и Жалоба зоветъ
Сопутниковъ, съ пути сошедшихъ прежде,
И здѣсь вотще повѣрившихъ надеждѣ.
Къ нимъ не дойдутъ послѣдней пѣсни звуки;
Разсѣянъ кругъ, гдѣ первую я пѣлъ;
Не встрѣтятъ ихъ простертыя къ нимъ руки;
Прекрасный сонъ ихъ жизни улетѣлъ;
Другихъ умчалъ могущій Духъ разлуки.
Счастливый край, ихъ знавшій, опустѣлъ;
Разбросаны по всѣмъ дорогамъ міра—
Не имъ поетъ задумчивая лира.
И снова въ томномъ сердцѣ воскресаетъ
Стремленье въ оный таинственный свѣтъ;
Давнишній гласъ на лирѣ оживаетъ,
Чуть слышимый, какъ Генія полетъ;
И душу хладную разогрѣваетъ
Опять тоска по благахъ прежнихъ лѣтъ;
Все близкое мнѣ зрится отдаленнымъ,
Отжившее, какъ прежде оживленнымъ.

Теонъ и Эсхинъ (1813).

Эсхинъ возвращался къ Пенатамъ своимъ,
Къ брегамъ благовоннымъ Алфея,
Онъ долго по свѣту за счастьемъ бродилъ—
Но счастье, какъ тѣнь, убѣгало.
И роскошь, и слава, и Вакхъ, и Эротъ—
Лишь сердце они изнурили:
Цвѣтъ жизни былъ сорванъ; увяла душа,
Въ ней скука смѣнила надежду.
Ужъ взоромъ его тихоструйный Алфей
Въ цвѣтущихъ брегахъ открывался;
Предъ нимъ оживились минувшіе дни,
Давно улетѣвшая младость...
Все тѣ жъ берега, и поля, и холмы
И то же прекрасное небо;
Но гдѣ жъ озарявшая нѣкогда ихъ
Волшебнымъ сіяньемъ Надежда?
Жилища Теонова ищетъ Эсхинъ.
Теонъ, при домашнихъ Пенатахъ,
Въ желаніяхъ скромный, безъ пышныхъ надеждъ,
Остался на брегѣ Алфея.
Близъ мѣста, гдѣ въ море втекаетъ Алфей,
Подъ сѣнью отливъ и платановъ,
Смиренную хижину видитъ Эсхинъ—
То было жилище Теона.
Съ безоблачныхъ солнце сходило небесъ,
И тихое море горѣло;
На хижину сыпался розовый блескъ,
И мирты окрестны алѣли.
Изъ бѣлаго мрамора гробъ не вдали,
Обсаженный миртами, зрѣлся,
Душистыя розы и гибкій ясминъ
Вѣтвями надъ нимъ сплетались.
На прагѣ сидѣлъ въ размышленьи Теонъ,
Смотря на багряное море—
Вдругъ видитъ Эсхина, и вмигъ узнаетъ
Сопутника юныя жизни.
«Да благостно взглянетъ Хранитель-Зевесъ
На мирный возвратъ твой къ Пенатамъ!»
Съ блистающимъ радостью взоромъ Теонъ
Сказалъ, обнимая Эсхина.
И взглядъ на него любопытный вперилъ—
Лицо его скорбно и мрачно.

На друга внимательно смотритъ Эсхинъ —
Взоръ друга прискорбенъ, но ясенъ.
Когда я съ тобой разлучился, Теонъ,
Надежда сулила мнѣ счастье;
Но опытъ иное мнѣ въ жизни явилъ:
Надежда лукавый предатель;
Скажи, о Теонъ, твой задумчивый взглядъ
Не ту же ль судьбу возвѣщаетъ?
Уже ль и тебя посѣтила печаль
При мирныхъ домашнихъ Пенатахъ?
Теонъ указалъ, воздыхая, на гробъ...
«Эсхинъ, вотъ безмолвный свидѣтель,
Что Боги для счастья послали намъ жизнь —
Но съ нею печаль неразлучна.
«О нѣтъ! не ропщу на Зевесовъ законъ:
И жизнь и вселенна прекрасны.
Не въ радостяхъ быстрыхъ, не въ ложныхъ мечтахъ
Я видѣлъ земное блаженство.
«Что можетъ разрушить въ минуту судьба,
Эсхинъ, то на свѣтѣ не наше;
Но сердца нетлѣнныя блага: любовь
И сладость возвышенныхъ мыслей:
«Вотъ счастье! о другъ мой, оно не мечта!
Эсхинъ, я любилъ и былъ счастливъ;
Любовью моя освѣтилась душа,
И жизнь въ красотѣ мнѣ предстала.
При блескѣ возвышенныхъ мыслей я зрѣлъ
Яснѣе великость творенья;
Я вѣрилъ, что путь мой лежитъ по землѣ
Къ прекрасной возвышенной цѣли.
«Увы! я любилъ... и ея уже нѣтъ!
Но счастье, вдвоемъ столь живое,
На вѣки ль исчезло? и прежніе дни
Вотще ли столь были прелестны?
«О нѣтъ: никогда не погибнетъ ихъ слѣдъ;
Для сердца прошедшее вѣчно.
Страданье въ разлукѣ есть та же любовь;
Надъ сердцемъ утрата безсильна.
«И скорбь о погибшемъ не есть ли, Эсхинъ,
Обѣтъ неизмѣнной надежды,
Что гдѣ-то въ знакомой, но тайной странѣ
Погибшее намъ возвратится?
«Кто разъ полюбилъ, тотъ на свѣтѣ, мой другъ,
Уже одинокимъ не будетъ...
Ахъ! свѣтъ, гдѣ *она* предо мною цвѣла —
«Онъ тотъ же: все *ею* онъ полонъ.
«По той же дорогѣ стремлюся одинъ
И къ той же возвышенной цѣли,
Къ которой такъ бодро стремился вдвоемъ —
Сихъ узъ не разрушитъ могила.
«Сей мыслью высокой украшена жизнь:
Я взоромъ смотрю благодарнымъ
На землю, гдѣ столько разсыпано благъ,
На полное славы творенье.
«Спокойно смотрю я съ земли рубежа
На сторону лучшія жизни;
Сей сладкой надеждою міръ озаренъ,
Какъ небо сіяньемъ Авроры.
«Съ сей сладкой надеждой я выше судьбы,
И жизнь мнѣ земная священна;
При мысли великой, что *я—человѣкъ*,
Всегда возвышаюсь душою,
«А этотъ безмолвный, таинственный гробъ...
О другъ мой, онъ вѣрный свидѣтель,
Что лучшее въ жизни еще впереди,
Что вѣрно желанное будетъ;
Сей гробъ затворенная къ счастію дверь;
Отворится... жду и надѣюсь!
За нимъ ожидаетъ сопутникъ меня,
На мигъ мнѣ явившійся въ жизни.
«О другъ мой, искавъ измѣняющихъ благъ,
Искавъ наслажденій минутныхъ,
Ты вѣрныя блага утратилъ свои —
Ты жизнь презирать научился.
«Съ симъ гибельнымъ чувствомъ ужасенъ и свѣтъ;
Дай руку; близъ вѣрнаго друга,
Съ природой и жизнью опять примирись;
О, вѣрь мнѣ, прекрасна вселенна!
«Все небо намъ дало, мой другъ, съ бытіемъ;
Все въ жизни къ великому средство;

И горесть и радость—все къ цѣли одной:
Хвала жизнодавцу—Зевесу!»

Путешественникъ (1813).

Дней моихъ еще весною
Отчій домъ покинулъ я;
Все забыто было мною—
И семейство и друзья.
Въ ризѣ странника убогой,
Съ дѣтской въ сердцѣ простотой,
Я пошелъ путемъ—дорогой—
Вѣра былъ вожатый мой.
И въ надеждѣ, въ увѣреньѣ,
Путь казался не далекъ.
«Странникъ—слышалось—терпѣнье!
Прямо, прямо на востокъ.
Ты увидишь храмъ чудесной;
Ты въ святилище войдешь;
Тамъ въ нетлѣнности *небесной*
Все *земное* обрѣтешь».
Утро вечеромъ смѣнялось;
Вечеръ утру уступалъ:
Неизвѣстное скрывалось,
Я искалъ—не обрѣталъ.
Тамъ встрѣчались мнѣ пучины;
Здѣсь высокихъ горъ хребты;
Я взбирался на стремнины,
Чрезъ потоки стлалъ мосты.
Вдругъ рѣка передо мною—
Водъ склоненье на востокъ;
Вижу зыблемый струею
Подлѣ берега челнокъ.
Я въ надеждѣ, я въ смятеньи,
Предаю себя волнамъ;
Счастье вижу въ отдаленьи;
Все что мило—мнится—тамъ!
Ахъ! въ безвѣстномъ океанѣ
Очутился мой челнокъ;
Даль по-прежнему въ туманѣ;
Брегъ невидимъ и далекъ.
И во вѣки надо мною
Не сольется, какъ поднесь,
Небо свѣтлое съ землею....
Тамъ не будетъ вѣчно *здѣсь*.

Гаральдъ (1816).

Передъ дружиной на конѣ
Гаральдъ, боецъ сѣдой,
При свѣтѣ полныя луны,
Въѣзжаетъ въ лѣсъ густой.
Отбиты вражьи знамена
И вѣютъ и шумятъ,
И гуломъ пѣсней боевыхъ
Кругомъ холмы гудятъ.
Но что порхаетъ по кустамъ?
Что зыблется въ кустахъ?
Что налетаетъ съ вышины,
И плещется въ волнахъ?
Что такъ ласкаетъ, такъ манитъ?
Что нѣжною рукой
Снимаетъ мечъ, съ коня влечетъ
И тянетъ за собой?
То феи.... въ легкій хороводъ
Слетѣлись при лунѣ.
Спасенья нѣтъ; ужъ всѣ бойцы
Въ волшебной сторонѣ.
Лишь онъ, безстрашный вождь Гаральдъ,
Одинъ не побѣжденъ:
Въ нетлѣнный съ ногъ до головы
Булатъ закованъ онъ.
Пропали спутники его;
Тамъ брошенъ мечъ, тамъ щитъ,
Тамъ ржетъ осиротѣлый конь
И дико въ лѣсъ бѣжитъ.
И ѣдетъ сумрачно—унылъ
Гаральдъ, боецъ сѣдой,
При свѣтѣ полныя луны
Одинъ сквозь лѣсъ густой.
Но вотъ шумитъ, журчитъ ручей—
Гаральдъ съ коня спрыгнулъ,
И снялъ онъ шлемъ, и влаги имъ
Студеной зачерпнулъ.
Но только жажду утолилъ:
Вдругъ обезсилѣлъ онъ;
На камень сѣлъ, поникъ главой,
И погрузился въ сонъ.
И вѣки на утесѣ томъ,
Главу склоня, онъ спитъ:
Сѣдые кудри, борода;
У ногъ копье и щитъ.
Когда жъ гроза и молній блескъ,
И лѣсъ реветъ густой—
Сквозь сонъ хватается за мечъ
Гаральдъ, боецъ сѣдой.

Графъ Габсбургскій (1818).

Торжественнымъ Ахенъ весельемъ шумѣлъ;
Въ старинныхъ чертогахъ, на пирѣ,
Рудольфъ, Императоръ избранный, сидѣлъ
Въ сіяньи вѣнца и въ порфирѣ.
Тамъ кушанья Рейнскій Фальцграфъ разносилъ;
Богемецъ напитки въ покалы цѣдилъ;
И семь Избирателей, чиномъ
Устроенный древле свершая обрядъ,
Блистали, какъ звѣзды предъ солнцемъ блестятъ,
Предъ новымъ своимъ властелиномъ.

Кругомъ возвышался богатый балконъ,
Ликующимъ полный народомъ;
И клики, со всѣхъ прилетая сторонъ,
Подъ древнимъ сливалися сводомъ.
Былъ конченъ раздоръ; перестала война;
Безцарственны, грозны прошли времена;
Судья надъ землею былъ снова;
И воля губить у меча отнята;
Не брошены слабый, вдова, сирота
Могущимъ во власть безъ покрова.

И Кесарь, наполнивъ покалъ золотой,
Съ привѣтливымъ взоромъ вѣщаетъ:
«Прекрасенъ мой пиръ; все пируетъ со мной;
«Все царскій мой духъ восхищаетъ;
«Но гдѣ-жъ утѣшитель, плѣнитель сердецъ?
«Придетъ-ли мнѣ душу растрогать пѣвецъ
«Игрой и благимъ поученьемъ?
«Я пѣсней былъ другомъ, какъ рыцарь простой;
Днесь Кесарь, покину-ль обычай святой
«Пиры услаждать пѣснопѣньемъ?»

И вдругъ изъ среды величавыхъ гостей
Выходитъ, одѣянъ таларомъ,
Пѣвецъ въ красотѣ посѣдѣлыхъ кудрей,
Младымъ преисполненный жаромъ.
«Въ струнахъ золотыхъ вдохновенье живетъ;
Пѣвецъ о любви благодатной поетъ,
О всемъ, что святаго есть въ мірѣ,
Что душу волнуетъ, что сердце манитъ..
О чемъ-же Властитель воспѣть повелитъ
Пѣвцу на торжественномъ пирѣ?»

— Не мнѣ управлять пѣснопѣвца душой,
(Пѣвцу отвѣчаетъ Властитель),
Онъ высшую силу призналъ надъ собой,
Минута ему повелитель;
По воздуху вихорь свободно шумитъ:
Кто знаетъ, откуда, куда онъ летитъ?
Изъ бездны потокъ выбѣгаетъ:
Такъ пѣснь зараждаетъ души глубина,
И темное чувство, изъ дивнаго сна
При звукахъ воспрянувъ, пылаетъ.—

И смѣло ударилъ пѣвецъ по струнамъ,
И голосъ пріятный раздался:
«На статномъ конѣ, по горамъ, по полямъ
За серною рыцарь гонялся;
Онъ съ ловчимъ однимъ выѣзжаетъ самъ-другъ
Изъ чащи лѣсной на сіяющій лугъ,
И ѣдетъ онъ шагомъ кустами;
Вдругъ слышатъ они: колокольчикъ гремитъ;
Идетъ изъ кустовъ пономарь и звонитъ;
И слѣдомъ священникъ съ Дарами.

«И набожный Графъ, умиленный душой,
Колѣна свои преклоняетъ,
Съ сердечною вѣрой, съ горячей мольбой
Предъ Тѣмъ, что живитъ и спасаетъ.
Но лугомъ стремился кипучій ручей;
Свирѣпо надувшись отъ сильныхъ дождей,
Онъ путь заграждалъ пѣшеходу;
И спутнику пастырь Дары отдаетъ;

И обувь снимаетъ и смѣло идетъ
Съ священною ношею въ воду.

«Куда? изумившійся Графъ вопросилъ.»
— Въ село; умирающій нищій
Ждетъ въ мукахъ, что-бъ пастырь его разрѣшилъ,
И алчетъ небесныя пищи.
Недавно лежалъ черезъ этотъ потокъ
Сплетенный изъ сучьевъ для пѣшихъ мостокъ—
Его разбросало водою;
Чтобъ душу святой благодатью спасти,
Я здѣсь неглубокій потокъ перейти
Спѣшу обнаженной стопою.—

И пастырю витязь коня уступилъ,
И подалъ ногѣ его стремя,
Чтобъ онъ облегчить покаяньемъ спѣшилъ
Страдальцу грѣховное бремя.
И къ ловчему самъ на сѣдло пересѣлъ,
И весело въ чащу на ловъ полетѣлъ.
Священникъ-же, требу святую
Свершивши, при первомъ мерцаніи дня
Приходитъ ко Графу, смиренно коня
Ведя за узду золотую.

«Дерзну-ли помыслить я, Графъ возгласилъ,
Почтительно взоры склонивши,
Чтобъ конь сей ничтожной забавѣ служилъ,
Спасителю-Богу служившій?
Когда ты, отецъ, не пріемлешь коня,
Пусть будетъ онъ даромъ благимъ отъ меня
Отнынѣ Тому, Чье даянье
Всѣ блага земныя, и сила, и честь,
Кому не помедлю на жертву принесть
И силу, и честь, и дыханье.»

— Да будетъ-же вышній Господь надъ тобой
Своей благодатью святою;
Тебя да почтитъ Онъ въ сей жизни и въ той,
Какъ днесь Онъ почтенъ былъ тобою;
Гельвеція славой сіяетъ твоей;
И шесть разцвѣтаютъ тебѣ дочерей,
Богатыхъ дарами природы:
Да будетъ-же (молвилъ пророчески онъ)
Удѣломъ ихъ шесть знаменитыхъ коронъ;
Да славятся въ роды и роды.»

И въ думѣ главу Императоръ склонилъ:
Минувшее въ немъ оживилось.
Вдругъ быстрый онъ взоръ на пѣвца устремилъ—
И таинство словъ объяснилось:
Онъ пастыря видитъ въ пѣвцѣ предъ собой;
И слезы, изъ глазъ побѣжавши струей,
Порфирой закрылъ въ умиленьѣ...
Все смолкло, на Кесаря очи поднявъ,
И всякъ догадался, кто набожный Графъ,
И сердцемъ почтилъ Провидѣнье.

Орлеанская Дѣва. (1821).

(Шиллера).

ПРОЛОГЪ.

Іоанна *(долго стоитъ въ задумчивости)*.
Простите вы, холмы, поля родныя!
Пріютно-мирный, ясный долъ, прости!
Съ Іоанной вамъ ужъ болѣ не видаться,
На вѣкъ она вамъ говоритъ: прости!
Друзья — луга, древа, мои питомцы,
Вамъ безъ меня и цвѣсть и доцвѣтать!
Ты, сладостный долины голосъ, эхо,
Такъ часто здѣсь игравшее со мной,
Прохладный гротъ, потокъ мой быстротечной,
Иду отъ васъ и не приду къ вамъ вѣчно!

Мѣста, гдѣ все бывало мнѣ усладой,
Отнынѣ вы со мной разлучены!
Мои стада, не буду вамъ оградой....
Безъ пастыря бродить вы суждены!
Досталось мнѣ пасти иное стадо
На пажитяхъ кровавыя войны.
Такъ вышнее назначило избранье,
Меня стремитъ не суетныхъ желанье.

Кто нѣкогда, гремя и пламенѣя,
Въ горящій кустъ къ пророку нисходилъ,
Кто на царя подвигнулъ Моисея,
Кто отрока Давида укрѣпилъ —
И съ сильнымъ въ бой сталъ пастырь не блѣднѣя,
Кто пастырямъ всегда благоволилъ,
Тотъ здѣсь вѣщалъ ко мнѣ изъ сѣни древа:
«Иди о Мнѣ свидѣтельствовать, дѣва!

«Надѣть должна ты латы боевыя,
Въ желѣзо грудь младую заковать;
Страшись надеждъ, не знай любви земныя ...
Вѣнчальныхъ свѣчъ тебѣ не зажигать;
Не быть тебѣ душой семьи родныя;
Цвѣтущаго младенца не ласкать!...
Но въ битвахъ я главу твою прославлю,
Всѣхъ выше дѣвъ земныхъ тебя поставлю,

«Когда начнетъ блѣднѣть и смѣлый въ брани,
И роковой пробьетъ отчизнѣ часъ —
Возьмешь мою ты орифламу въ длани,
И мощь враговъ сорвешь, какъ жница класъ;
Поставишь ихъ надменной власти грани,
Преобратишь во плачъ побѣдный гласъ,
Дашь ратнымъ честь, дашь блескъ и силу трону,
И Карла въ Реймсъ введешь надѣть корону».

Мнѣ обѣщалъ Небесный извѣщенье....
Исполнилось.... а шлемъ сей посланъ Имъ.
Какъ бранный огнь, его прикосновенье;
Съ нимъ мужество, какъ Божій херувимъ....
Въ кипящій бой несетъ души стремленье;
Какъ буря, пылъ ея неукротимъ....
Се битвы кличъ! полки съ полками стали!
Взвились кони и трубы зазвучали.

(*Уходитъ*).

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ X.

(Іоанна, за нею чиновники Орлеанскіе и множество рыцарей, которые занимаютъ всю глубину сцены. Съ величіемъ выступаетъ она впередъ и осматриваетъ предстоящихъ одного за другимъ).

Дюнуа (*съ важностію*). Ты ль, дивная....
Іоанна (*прерываетъ его величественно*).
Ты Бога испытуешь;
Не на своемъ ты мѣстѣ Дюнуа;
Вотъ тотъ, къ кому меня послало небо.

(Рѣшительно приближается къ королю, преклоняетъ предъ нимъ колѣно, потомъ встаетъ и на нѣсколько шаговъ отступаетъ. Дюнуа сходитъ съ мѣста. Король остается одинъ посреди сцены).

Король. Мое лице ты видишь въ первый разъ:
Кто далъ тебѣ такое откровенье?
Іоанна. Я видѣла тебя.... но только тамъ,
Гдѣ ты никѣмъ незримъ былъ, кромѣ Бога.
(Приближается и говоритъ таинственно).
Ты помнишь ли, что было въ эту ночь?
Тогда, какъ все кругомъ тебя заснуло
Глубокимъ сномъ—не ты ль, покинувъ ложе,
Съ молитвою предъ Господомъ простерся?
Вели имъ выйти.... я твою молитву
Тебѣ скажу.
Король. Что Богу я повѣрилъ,
Не потаю того и отъ людей.
Открой при нихъ моей молитвы тайну—
Тогда твое признаю назначенье.
Іоанна. Ты произнесъ предъ Богомъ три молитвы;
И первою молилъ ты, чтобъ Всевышній —
Когда твой тронъ стяжаніемъ неправымъ,
Иль незаглаженной изъ древнихъ лѣтъ
Виной обремененъ и тѣмъ на насъ
Навлечена губящая война—
Тебя избралъ мирительною жертвой,
И на твою покорную главу
Излилъ за насъ всю чашу наказанья.

Король (*отступая съ трепетомъ*). Но кто же ты, чудесная?.. Откуда?... (*Всѣ въ изумленіи*).
Іоанна. Другая же твоя была молитва:
Когда уже назначено Всевышнимъ
Тебя лишить родительскаго трона,
И все отнять, чѣмъ праотцы твои,
Вѣнчанные, владѣли въ сей землѣ —
Чтобъ сохранить тебѣ три лучшихъ блага:
Спокойствіе души самодовольной,
Твоихъ друзей и вѣрную Агнесу.

(Король закрываетъ лице и плачетъ. Движеніе изумленія въ толпѣ. Іоанна помолчавъ, продолжаетъ).

Скажу-ль твою послѣднюю молитву?
Король. Довольно; вѣрую; сего не можетъ
Единый человѣкъ: съ тобой Всевышній!
Архіепископъ. Откройся жъ намъ, всезнающая, кто ты?
Въ какомъ краю родилась? Кто и гдѣ
Счастливые родители твои?
Іоанна. Святый отецъ, меня зовутъ Іоанна;
Я дочь простаго пастуха; родилась
Въ мѣстечкѣ Домъ-Реми, въ приходѣ Тула;
Тамъ стадо моего отца пасла
Я съ дѣтскихъ лѣтъ; и я слыхала часто,
Какъ набѣжалъ на насъ островитянинъ
Неистовый, чтобъ сдѣлать насъ рабами,
Чтобъ посадить на тронъ нашъ иноземца,
Немилаго народу; какъ столицей
И Франціей властительствовалъ онъ....
И я въ слезахъ молила Богоматерь:
Насъ отъ цѣпей пришельца защитить,
Намъ короля законнаго сберечь.
И близъ села, въ которомъ я родилась,
Есть чудотворный ликъ Пречистой Дѣвы—
Къ нему толпой приходятъ богомольцы—
И близъ него состоитъ священный дубъ,
Прославленный издревле чудесами;
И я въ тѣни его сидѣть любила,
Пася овецъ—меня стремило сердце —
И всякій разъ, когда въ горахъ пустынныхъ
Случалося ягненку затеряться,
Пропадшаго являлъ мнѣ дивный сонъ,
Когда подъ тѣмъ я дубомъ засыпала.
И разъ—всю ночь съ усердною молитвой,
Забывъ о снѣ, сидѣла я подъ древомъ—
Пречистая предстала мнѣ; въ рукахъ
Ея былъ мечъ и знамя, но одѣта
Она была, какъ я, пастушкой, и сказала:
«Узнай меня, возстань; иди отъ стада;
Господь тебя къ иному призываетъ.
Возьми мое святое знамя; мечъ
Мой опояшь и имъ неустрашимо
Рази враговъ народа Моего,
И проведи Помазанника въ Реймсъ,
И увѣнчай его вѣнцемъ наслѣднымъ».
Но я сказала: Мнѣ ль, смиренной дѣвѣ,
Неопытной въ ужасномъ дѣлѣ брани,
На подвигъ сей погибельный дерзать?
«Дерзай—Она рекла мнѣ—чистой дѣвѣ
Доступно все великое земли,
Когда земной любви она не знаетъ».
Тогда моихъ очей Она коснулась...
Подъемлю взоръ: исполнено все небо
Сіяющихъ, крылатыхъ Серафимовъ,
И въ ихъ рукахъ прекрасныя лиліи;
И въ воздухѣ провѣялъ сладкій голосъ...
И такъ Пречистая три ночи сряду
Являлась мнѣ и говорила: «Встань!
Господь тебя къ иному призываетъ».
Но въ третью ночь, Она, явясь во гнѣвѣ,
Мнѣ строгое сіе вѣщала слово:
«Удѣлъ жены—тяжелое терпѣнье;
Возьми твой крестъ, покорствуй небесамъ:
Въ страданіи земное очищенье;
Смиренный здѣсь — возвышенъ будетъ тамъ».
И съ словомъ симъ Она съ Себя одежду
Пастушки сбросила, и въ дивномъ блескѣ
Явилась мнѣ Царицею небесъ,
И на меня съ утѣхой поглядѣла,
И медленно на свѣтлыхъ облакахъ
Къ обители блаженства полелѣла.

(Всѣ тронуты. Агнеса въ слезахъ закрываетъ лице руками).

ДѢЙСТВІЕ IV.

Явленіе I.

(Богато-убранная зала; колонны обвиты гирляндами изъ цвѣтовъ; вдали слышны флейты и гобои; они играютъ во все продолженіе первой сцены).

Іоанна (*стоитъ въ задумчивости и слушаетъ, потомъ говоритъ*).

Молчитъ гроза военной непогоды;
Спокойствіе на полѣ боевомъ;
Вездѣ шумятъ по стогнамъ хороводы;
Алтарь и храмъ блистаютъ торжествомъ.
И зиждутся изъ вѣтвей пышны входы,
И гордый столбъ обвитъ живымъ вѣнцомъ,
И гости ждутъ вѣнчательнаго пира:
Готовы тронъ, корона и порфира.

И все горитъ единымъ вдохновеньемъ,
И груди всѣмъ подъемлетъ мысль одна,
И счастіе волшебнымъ упоеньемъ
Сдружило все, что разнила война;
Гордится Франкъ своимъ происхожденьемъ,
Какъ будто всѣмъ отчизна вновь дана;
И съ честію примирена корона;
Вся Франція въ собраніи у трона.

Лишь я одна, великаго свершитель,
Ему чужда безчувственной душой;
Ихъ счастія, ихъ славы хладный зритель,
Я прочь отъ нихъ лечу моей мечтой;
Британскій станъ любви моей обитель,
Ищу враговъ желаньемъ и тоской;
Таюсь друзей, бѣгу въ уединенье
Сокрыть души преступное волненье.

Какъ! мнѣ любовію пылать?
Я клятву страшную нарушу?
Я смертному дерзну отдать
Творцу обѣщанную душу?
Мнѣ, усладительницѣ бѣдъ,
Вождю спасенья и побѣдъ,
Любить врага моей отчизны?
Снесу ли сердца укоризны?
Скажу ль о томъ сіянью дня?
И стыдъ не истребитъ меня!

(Звуки инструментовъ за сценою сливаются въ тихую, нѣжную мелодію).

Горе мнѣ! какіе звуки!
Пламень душу всю проникъ,
Милый слышится мнѣ голосъ
Милый видится мнѣ ликъ.

Возвратися, буря брани!
Загремите, стрѣлы, копья!
Вы ударьте, строй на строй!
Битва, дай душѣ покой!

Тише, звуки! замолчите,
Обольстители души!
Непонятнымъ упоеньемъ
Вы ее очаровали;
Слезы льются отъ печали.

(Помолчавъ съ большею живостію).

Могла ли я его сразить? О! какъ
Сразить, узрѣвъ его прекрасный образъ?
Нѣтъ, нѣтъ, себя скорѣй бы я сразила.
Виновна ль я, склонясь душой на жалость?
И грѣхъ ли жалость?.... Какъ?... Скажи жъ, Іоанна,
Была ль къ другимъ ты жалостлива въ битвѣ?
И жалости ль покоренъ былъ твой мечъ,
Когда младый Валліецъ предъ тобою
Лежалъ въ слезахъ, вотще моля о жизни?
О сердце хитрое, ты ль небеса
Всезрящія заманишь въ ослѣпленье?
Нѣтъ, нѣтъ! тебя влекло не сожалѣнье.
Увы! почто дерзнула я примѣтить
Его лица младую красоту?
Несчастная, сей взоръ твоя погибель;
Орудія слѣпаго хочетъ Богъ.
Идти за нимъ должна была ты слѣпо;
Но волю ты дала очамъ узрѣть —
И отъ тебя щитъ Божій отклонился,
И адская тебя схватила сѣть.

(Задумывается, вслушивается въ музыку; потомъ говоритъ).

Ахъ, почто за мечъ воинственный
Я мой посохъ отдала,

И тобою, дубъ таинственный,
Очарована была?
Мнѣ, Владычица, являла Ты
Свѣтъ небеснаго лица;
И вѣнецъ мнѣ обѣщала Ты....
Недостойна я вѣнца.

Зрѣла я небесъ сіяніе,
Зрѣла Ангеловъ въ лучахъ...
Но души моей желаніе
Не живетъ на небесахъ.
Грозной силы повелѣніе
Мнѣ ль безсильной совершить?
Мнѣ ли дать ожесточеніе
Сердцу, жадному любить?

Нѣтъ, изъ чистыхъ небожителей
Избирай твоихъ свершителей;
Съ неприступныхъ облаковъ
Призови Твоихъ духовъ,
Безмятежныхъ, не желающихъ,
Не скорбящихъ, не теряющихъ...
Дѣву съ нѣжною душой
Да минуетъ выборъ твой.

Мнѣ ль свирѣпствовать въ сраженіи?
Мнѣ ль рѣшать судьбу царей?...
Я пасла въ уединеніи
Стадо родины моей...
Бурный путь мнѣ указала Ты,
Въ домъ царей меня ввела;
Но... лишь гибель мнѣ послала Ты...
Я ль сама то избрала?

Море (1822).

Безмолвное море, лазурное море,
Стою очарованъ надъ бездной твоей.
Ты живо; ты дышешь; смятенной любовью.
Тревожною думой наполнено ты.
Безмолвное море, лазурное море,
Открой мнѣ глубокую тайну твою:
Что движетъ твое необъятое лоно?
Чѣмъ дышетъ твоя напряженная грудь?
Иль тянетъ тебя изъ земныя неволи
Далекое, свѣтлое небо къ себѣ?...
Таинственной, сладостной полное жизни,
Ты чисто въ присутствіи чистомъ его;
Ты льешься его свѣтозарной лазурью,
Вечернимъ и утреннимъ свѣтомъ горишь,
Ласкаешь его облака золотыя
И радостно блещешь звѣздами его.
Когда же сбираются темныя тучи,
Чтобъ ясное небо отнять у тебя—
Ты бьешься, ты воешь, ты волны подъемлешь.
Ты рвешь и терзаешь враждебную мглу...
И мгла исчезаетъ и тучи уходятъ;
Но, полное прошлой тревоги своей,
Ты долго вздымаешь испуганны волны,
И сладостный блескъ возвращенныхъ небесъ
Не вовсе тебѣ тишину возвращаетъ;
Обманчивъ твоей неподвижности видъ:
Ты въ безднѣ покойной скрываешь смятенье,
Ты, небомъ любуясь, дрожишь за него.

Торжество побѣдителей ([1]) (1829).

Палъ Пріамовъ градъ священный;
Грудой пепла сталъ Пергамъ,

([1]) «Торжество Побѣдителей» есть одно изъ величайшихъ и благороднѣйшихъ созданій Шиллера. Въ немъ геній этого поэта является съ лучшей своей стороны. Великая душа Шиллера горячо сочувствовала всему великому и возвышенному, и это сочувствіе ея было воспитано и развито на исторической почвѣ. Глубоко проникъ этотъ великій духъ въ тайну жизни древней Эллады, и много высокихъ вдохновеній пробудила въ немъ эта дивная страна. Онъ такъ краснорѣчиво оплакалъ паденіе ея боговъ, онъ съ такою страстью говорилъ о ея искусствѣ, ея гражданской доблести, ея мудрости! И нигдѣ съ такою полнотою и такою силою не выразилъ онъ, не воспроизвелъ поэтическаго образа Эллады, какъ въ «Торжествѣ Побѣдителей». Эта піэса есть апоѳеза всей жизни, всего духа Греціи; эта піэса—вмѣстѣ и поэтическая тризна и побѣдная пѣснь въ честь отечества, боговъ и героевъ. Она написана въ греческомъ духѣ, облита свѣтомъ мірообъемлющаго созерцанія греческаго. Шиллеръ говоритъ не отъ себя: онъ воскресилъ Элладу и заставилъ ее говорить

Ий побѣдо насыщенны,
Къ острогрудымъ караблямъ
Собрались Эллены—тризну
Въ честь минувшаго свершить,
И въ желанную отчизну,
Къ берегамъ Эллады плыть.
Пойте, пойте гимнъ согласный:
Корабли обращены
Отъ враждебной стороны
Къ нашей Греціи прекрасной.
Брегомъ шла толпа густая
Иліонскихъ дѣвъ и женъ:
Изъ отеческаго края
Ихъ вели въ далекій плѣнъ.
И съ побѣдной пѣснью дикой
Ихъ сливался тихій стонъ
По тебѣ, святой, великій,
Невозвратный Иліонъ.
Вы, родные холмы, нивы,
Намъ васъ болѣ не видать;
Будемъ въ рабствѣ увядать...
О, сколь мертвые счастливы!
И съ предвѣденьемъ во взглядѣ
Жертву самъ Калхасъ заклалъ;
Грады зиждущей Палладѣ
И губящей (онъ воззвалъ),
Буреносцу Посидону
Воздымателю валовъ,
И посящему Горгону
Богу смертныхъ и боговъ!
Судъ оконченъ: споръ рѣшился;
Прекратилася борьба;
Все исполнила судьба:
Градъ великій сокрушился.
Царь народовъ, сынъ Атрея
Обозрѣлъ полковъ число:
Вслѣдъ за нимъ на брегъ Сигея
Много, много ихъ пришло...
И внезапный мракъ печали
Отуманилъ царскій взглядъ:
Благороднѣйшіе пали...
Мало съ нимъ пойдетъ назадъ...
Счастливъ тотъ, кому сіянье
Бытія сохранено,
Тотъ, кому вкусить дано
Съ милой родиной свиданье!
И не всякій насладится
Миромъ, въ свой пришедши домъ:
Часто злобный ковъ таится
За домашнимъ алтаремъ;
Часто Марсомъ пощаженный
Погибаетъ отъ друзей,
(Рекъ, Палладой вдохновенный,
Хитроумный Одиссей).
Счастливъ тотъ, чей домъ украшенъ
Скромной вѣрностью жены!
Жены алчутъ новизны;
Постоянный миръ имъ страшенъ.
И стоящій близъ Елены
Менелай тогда сказалъ:
Плодъ губительной измѣны
Ею самъ измѣнникъ палъ;
И погибъ виной Парида
Отягченный Иліонъ...
Неизбѣженъ судъ Кронида,
Все блюдетъ съ Олимпа онъ.
Злому злой конецъ бываетъ:
Гибнетъ жертвой Евменидъ
Кто безумно, какъ Паридъ,
Право гостя оскверняетъ.
Пусть веселый взоръ счастливыхъ
(Оилеевъ сынъ сказалъ)
Зритъ въ богахъ боговъ правдивыхъ;
Судъ ихъ часто слѣпъ бывалъ:
Сколькихъ бодрыхъ жизнь поблекла!
Сколькихъ низкихъ рокъ щадитъ!...
Нѣтъ великаго Патрокла,
Живъ презрительный Терситъ.[1]
Смертный, царь Зевесъ Фортунѣ
Своенравной предалъ насъ:
Уловляй же быстрый часъ

отъ самой себя и за самое себя. Величіе и важность греческой трагедіи слиты въ этой піесѣ Шиллера съ возвышенною и кроткою скорбью греческой элегіи. Въ ней видится и свѣтлый Олимпъ съ его блаженными обитателями, и подземное царство Аида, и земля съ ея добромъ и зломъ, съ ея величіемъ и ничтожностью, и царящая надъ всѣми ими мрачная судьба, верховная владычица и боговъ и смертныхъ... Нельзя шире, и вѣрнѣе воспроизвести нравственной физіономіи народа, уже не существующаго столько тысячелѣтій! (Слова Бѣлинскаго Т. VIII, стр. 231)

([1]) Терситъ сынъ Агрія извѣстенъ былъ своимъ безобразіемъ, трусостью и злостью; участвовалъ въ троянской войнѣ; оклеветалъ Ахиллеса и за то былъ имъ убитъ. Имя Терсита сдѣлалось съ тѣхъ поръ синонимомъ дурнаго и злорѣчиваго человѣка

Не тревожа сердца втуне,
Лучшихъ бой похитилъ ярый!
Вѣчно памятенъ намъ будь,
Ты, мой братъ, ты подъ удары
Поставлявшій твердо грудь,
Ты, который насъ, пожаромъ
Осажденныхъ, защитилъ...
Но коварнѣйшему даромъ
Щитъ и мечъ Ахилловъ былъ.

Миръ тебѣ во тмѣ Эрева!
Жизнь твою не врагъ отнялъ:
Ты своею силой палъ,
Жертва гибельнаго гнѣва.

О Ахиллъ! О мой родитель
(Возгласилъ Неоптолемъ)
Быстрый міра посѣтитель,
Жребій лучшій взялъ ты въ немъ.
Житъ въ любви племенъ дѣлами—
Благо первое земли;
Будемъ вѣчны именами
И сокрытые въ пыли!

Слава дней твоихъ нетлѣнна,
Въ пѣсняхъ будетъ цвѣсть она:
Жизнь живущихъ невѣрна,
Жизнь отжившихъ неизмѣнна.

Смерть велитъ умолкнуть злобѣ:
(Діомедъ провозгласилъ)
Слава Гектору во гробѣ!
Онъ краса Пергама былъ,
Онъ за край, гдѣ жили дѣды,
Веледушно пролилъ кровь:
Побѣдившимъ—честь побѣды
Охранявшему—любовь!

Кто на судъ явясь кровавый,
Славно палъ за отчій домъ:
Тотъ, почтенный и врагомъ,
Будетъ жить въ преданьяхъ славы.

Несторъ, жизнью убѣленный,
Нацѣдилъ вина фіалъ,
И Гекубѣ сокрушенной
Дружелюбно выпить далъ.
Пей, страданій утоленье;
Добрый Вакховъ даръ вино:
И веселостъ и забвенье
Проливаетъ въ насъ оно.

Пей, страдалица! печали
Услаждаются виномъ:
Боги жалостные въ немъ
Подкрѣпленье сердцу дали.

Вспомни матерь Ніобею [1]
Что извѣдала она!
Сколь ужасная надъ нею
Казнь была совершена!
Но и съ нею, безотрадной,
Добрый Вакхъ недаромъ былъ:
Онъ струею виноградной
Вмигъ тоску въ ней усыпилъ.

Если грудь виномъ согрѣта,
И въ устахъ вино кипитъ:
Скорби наши быстро мчитъ
Ихъ смывающая Лета.

И вперила взоръ Кассандра,
Внявъ шепнувшимъ ей богамъ,
На пустынный брегъ Скамандра,
Не дымящійся Пергамъ.
Все великое земное
Разлетается, какъ дымъ:
Нынѣ жребій выпалъ Троѣ,
Завтра выпадетъ другимъ...

Смертный, Силѣ, насъ гнетущей,
Покоряйся и терпи;
Спящій въ гробѣ, мирно спи;
Жизнью пользуйся, живущій.

Жалоба Цереры. (1829). [2].

Снова геній жизни вѣетъ;
Возвратилася весна;
Холмъ на солнцѣ зеленѣетъ;
Ледъ разрушила волна;

---

(1) Ніоба или Ніобея была жена знаменитаго музыканта Амфіона, сына Зевса и Антіопы. Ніоба стала равнять себя съ богиней Летой, говоря, что у послѣдней было двое дѣтей, а у ней двѣнадцать. Боги наказали жестоко Ніобею: дѣти ея были убиты, а сама она была обращена въ камень. Сюжетъ этотъ разсказанъ въ XXIV пыснѣ Илліады.

(2) Шиллеръ нерѣдко обращался къ древнимъ классическимъ преданіямъ, и въ основаніи элегіи «Жалоба Цецеры» лежитъ извѣстный древнегреческій миѳъ о похищеніи Прозерпины, дочери Цереры, Плутономъ, богомъ подземнаго царства. Въ образѣ Цереры Греки олицетворили творческую силу природы, но новый поэтъ придалъ преданію новый оттѣнокъ: съ мыслію о творческой силѣ природы онъ соединилъ общечеловѣческую идею материнской любви.

Распустившійся дымится
Благовоніями лѣсъ,
И безоблачно глядится
Въ воды зеркальны Зевесъ;
Все цвѣтетъ,—лишь мой единый
Не взойдетъ прекрасный цвѣтъ;
Прозерпины, Прозерпины,
На землѣ моей ужъ нѣтъ.
Я вездѣ ее искала—
Въ дневномъ свѣтѣ и ночи;
Всѣ за ней я посылала
Аполлоновы лучи;
Но ее подъ сводомъ неба
Не нашелъ всезрящій богъ:
А подземной тьмы Эреба (1)
Лучъ его пронзить не могъ:
Тѣ брега не достижимы,
И богамъ ихъ страшенъ видъ...
Тамъ она! неумолимый
Ею властвуетъ Аидъ.
Кто жъ мое во мракъ Плутона
Слово къ ней перенесетъ?
Вѣчно ходитъ челнъ Харона, (2)
Но лишь тѣни онъ беретъ;
Жизнь подземнаго страшится;
Недоступенъ адъ и тихъ
И съ тѣхъ поръ, какъ онъ стремится,—
Стиксъ не видывалъ живыхъ;
Тьма дорогъ туда низводитъ;
Ни одной оттуда нѣтъ;
И отшедшій не приходитъ
Никогда уже на свѣтъ.
Сколь завидна мнѣ печальной
Участь смертныхъ матерей!
Легкій пламень погребальной
Возвращаетъ имъ дѣтей.
А для насъ, боговъ нетлѣнныхъ,
Что усладою утратъ?
Насъ безрадостно—блаженныхъ,
Парки (3) строгія щадятъ...
Парки, Парки, поспѣшите
Съ неба въ адъ меня послать;
Правъ богини не щадите:
Вы обрадуете мать.
Въ тотъ предѣлъ—гдѣ утѣшенью
И веселію чужда,
Дочь живетъ,—свободной тѣнью
Полетѣла бъ я тогда;
Близъ супруга, на престолѣ
Мнѣ предстала бы она,
Грустной думою о волѣ
И о матери полна;
И ко мнѣ бы взоръ склонился,
И меня узналъ бы онъ,
И надъ нами бъ прослезился
Самъ безжалостный Плутонъ.
Тщетный призракъ! стонъ напрасный!
Все однимъ путемъ небесъ
Ходитъ Геліосъ (1) прекрасный,
Все навѣкъ рѣшилъ Зевесъ;
Жизнью горнею доволенъ,
Ненавидя адску ночь,
Онъ и самъ отдать неволенъ
Мнѣ утраченную дочь.
Тамъ ей быть, доколь Аида
Не освѣтитъ Аполлонъ,
Или радугой Ирида (2)
Не сойдетъ на Ахеронъ!
Нѣтъ ли мнѣ чего отъ милой
Въ сладкопамятный завѣтъ:
Что осталось все, какъ было,
Что для насъ разлуки нѣтъ!
Нѣтъ ли тайныхъ узъ, чтобъ ими
Снова сблизить мать и дочь,
Мертвыхъ съ милыми живыми,
Съ свѣтлымъ днемъ подземну ночь?....
Такъ: не всѣ слѣды пропали!
Къ ней дойдетъ мой нѣжный кликъ:
Намъ святые боги дали

---

(1) Эребъ—одно изъ названій подземнаго царства.

(2) Харонъ имя миѳическаго старика, который черезъ рѣку Стиксъ и озеро Ахеронъ перевозилъ души умершихъ въ подземное царство.

(3) Парки—богини судьбы. Иначе онѣ назывались Мэрами.

(1) Геліосъ или Гиперіонъ обозначаетъ собственно дневное свѣтило, какъ оно является на тверди небесной, со всѣми перемѣнами, сопровождающими появленіе его въ продолженіи дня и года. Ему посвящалось число семь. На островѣ Тринакріи (Сицилія) паслись его семь стадъ коровъ и столько же овецъ, Ни одной овцой, не могли стада ни увеличиться, ни уменьшиться. Свѣтлый богъ любовался ими при каждомъ восходѣ и закатѣ своимъ. Рука смертнаго не смѣла касаться божественныхъ стадъ (Олимпъ Петискуса стр. 151).

(2) Ирида богиня радуги, посланница Юноны, Зевеса и другихъ боговъ Олимпа.

Усладительный языкъ.
Въ тѣ часы, какъ хладъ Борея
Губитъ нѣжныхъ чадъ весны,
Листья падаютъ желтѣя
И лѣса обнажены—
Изъ руки Вертумна щедрой
Сѣмя жизни взять спѣшу,
И, въ земное бросивъ нѣдро,
Стиксу въ жертву приношу;
Сердцу дочери ввѣряю
Тайный даръ моей руки,
И скорбя въ немъ посылаю
Вѣсть любви, залогъ тоски.
Но когда съ небесъ слетаетъ
Вслѣдъ за бурями весна:
Въ мертвомъ снова жизнь играетъ,
Солнце грѣетъ сѣмена;
И умершіе для взора,
Внявъ они весны привѣтъ,
Изъ подземнаго затвора
Рвутся радостно на свѣтъ:
Листъ выходитъ въ область неба,
Корень ищетъ тьмы ночной;
Листъ живетъ лучами Феба,
Корень Стиксовой струей.
Ими таинственно слита
Область тьмы съ страною дня
И приходитъ отъ Коцита (1)
Милой вѣстью для меня;
И ко мнѣ въ живомъ дыханьѣ
Молодыхъ цвѣтовъ весны
Подымается признанье,
Гласъ родной изъ глубины:
Онъ разлуку услаждаетъ
Онъ душѣ моей твердитъ,
Что любовь не умираетъ
И въ отшедшихъ за Коцитъ.
О, привѣтствую васъ, чада
Расцвѣтающихъ полей!
Вы тоски моей услада,
Образъ дочери моей:
Васъ налью благоуханьемъ,
Напою живой росой,
И съ Аврориньмъ сіяньемъ
Поровняю красотой;
Пусть весной природы младость,
Пусть осенній мракъ полей
И мою вѣщаютъ радость,
И печаль души моей.

---

(1) Коцитъ въ миѳологіи названіе подземной рѣки, которая вмѣстѣ съ Перифлегетономъ впадаетъ въ озеро Ахеронъ.

Кубокъ. (1829).

«Кто, рыцарь ли знатный иль латникъ простой
«Въ ту бездну прыгнетъ съ вышины?
«Бросаю мой кубокъ туда золотой:
«Кто сыщетъ во тмѣ глубины
«Мой кубокъ и съ нимъ возвратится безвредно,
«Тому онъ и будетъ наградой побѣдной»....
Такъ царь возгласилъ и съ высокой скалы,
Висѣвшей надъ бездной морской,
Въ пучину бездонной, зіяющей мглы
Онъ бросилъ свой кубокъ златой.
«Кто, смѣлый, на подвигъ опасный рѣшится!
«Кто сыщетъ мой кубокъ и съ нимъ возвратится?
Но рыцарь и латникъ недвижно стоятъ:
Молчанье—на вызовъ отвѣтъ;
Въ молчаніи на грозное море глядятъ:
За кубкомъ отважнаго нѣтъ.
И въ третій разъ царь возгласилъ громогласно:
«Отыщется ль смѣлый на подвигъ опасной?
И всѣ безотвѣтны... вдругъ пажъ молодой
Смиренно и дерзко впередъ,
Онъ снялъ епанчу, снялъ поясъ онъ свой;
Ихъ молча на землю кладетъ...
И дамы и рыцари мыслятъ, безгласны:
Ахъ! юноша, кто-ты? Куда ты, прекрасный?
И онъ подступаетъ къ наклону скалы,
И взоръ устремилъ въ глубину...
Изъ чрева пучины бѣжали валы,

*

Шумя и гремя, въ вышину;
И волны спирались и пѣна кипѣла:
Какъ будто гроза, наступая, ревѣла.
И воетъ и свищетъ, и бьетъ и шипитъ,
Какъ влага, мѣшаясь съ огнемъ;
Волна за волною, и къ небу летитъ
Дымящимся пѣна столбомъ;
Пучина бунтуетъ, пучина клокочетъ....
Не море-ль изъ моря извергнуться хочетъ?

И вдругъ успокоясь, волненье легло;
И грозно изъ пѣны сѣдой
Разинулось черною щелью жерло;
И воды обратно толпой
Помчались въ глубь истощеннаго чрева;
И глубь застонали отъ грома и рева.
И онъ, упредя разъяренный приливъ,
Спасителя—Бога призвалъ,
И дрогнули зрители, всѣ возопивъ—
Ужъ юноша въ безднѣ пропалъ.
И бездна таинственно зѣвъ свой закрыла:
Его не спасетъ никакая ужъ сила.
Надъ бездной утихло.... въ ней глухо шумитъ...
И каждый, очей отвести
«Не смѣя отъ бездны, печально твердитъ:
«Красавецъ отважный, прости!»
Все тише и тише на днѣ ея воетъ....
И сердце у всѣхъ ожиданіемъ ноетъ.
Хоть брось ты туда свой вѣнецъ золотой,
«Сказавъ: кто вѣнецъ возвратитъ,
«Тотъ съ нимъ и престолъ мой раздѣлитъ со мной,
«Меня твой престолъ не прельститъ!
«Того, что скрываетъ та бездна нѣмая,
«Ничья здѣсь душа не разскажетъ живая,
«Не мало судовъ, закруженныхъ волной,
«Глотала ея глубина:
«Всѣ мелкой назадъ вылетали щепой
«Съ ея неприступнаго дна....
Но слышится снова въ пучинѣ глубокой
Какъ будто роптанье грозы недалекой.
И воетъ и свищетъ, и бьетъ и шипитъ,
Какъ влага мѣшаясь съ огнемъ;
Волна за волною, и къ небу летитъ
Дымящимся пѣна столбомъ....

И брызнулъ потокъ съ оглушительнымъ ревомъ,
Извергнутый бездны зіяющимъ зѣвомъ
Вдругъ.... что-то сквозь пѣну сѣдой глубины
Мелькнуло живой бѣлизной .....
Мелькнула рука и плечо изъ волны.....
И борется, споритъ съ волной....
И видятъ—весь берегъ потрясся отъ клича—
Онъ лѣвою правитъ, а въ правой добыча,
И долго дышалъ онъ, и тяжко дышалъ
И Божій привѣтствовалъ свѣтъ....
И каждый съ весельемъ: «онъ живъ! повторялъ.
«Чудеснѣе подвига нѣтъ!
«Изъ темнаго гроба, изъ пропасти влажной
«Спасъ душу живую красавецъ отважной».
Онъ на берегъ вышелъ, онъ встрѣченъ толпой;
Къ царевымъ ногамъ онъ упалъ;
И кубокъ у ногъ положилъ золотой;
И дочери царь приказалъ
Дать юношѣ кубокъ съ струей виноградной:
И въ сладость была для него та награда.
«Да здравствуетъ царь! Кто живетъ на землѣ,
Тотъ жизнью земной веселись!
Но страшно въ подземной таинственной мглѣ.
И смертный предъ Богомъ смирись:
И мыслью своей не желай дерзновенно
Знать тайны, Имъ мудро отъ насъ сокровенной.
«Стрѣлою стремглавъ полетѣлъ я туда.....
И вдругъ мнѣ навстрѣчу потокъ:
Изъ трещины камня лилася вода,
И вихорь ужасный повлекъ
Меня въ глубину съ непонятною силой....
И страшно меня тамъ кружило и било.
«Но Богу молитву тогда я принесъ,
И Онъ мнѣ спасителемъ былъ:
Торчащій изъ мглы я увидѣлъ утесъ
И крѣпко его обхватилъ;
Висѣлъ тамъ и кубокъ на вѣтви коралла:

Въ бездонное влага его не умчала.
«И смутно все было внизу подо мной
Въ пурпуровомъ сумракѣ тамъ;
Все спало для слуха въ той безднѣ глухой;
Но видѣлось страшно очамъ,
Какъ двигались въ ней безобразныя груды.
Морской глубины несказанныя чуды
«Я видѣлъ, какъ въ чорной пучинѣ кипятъ.
Въ громадный свиваяся клубъ:
И млатъ водяной, и уродливый скатъ;
И ужасъ морей однозубъ;
И смертью грозилъ мнѣ, зубами сверкая.
Мокой ненасытный, гіена морская.
«И былъ я одинъ съ неизбѣжной судьбой,
Отъ взора людей далеко;
Одинъ межъ чудовищъ съ любящей душой,
Во чревѣ земли, глубоко
Подъ звукомъ живымъ человѣчьяго слова,
Межъ страшныхъ жильцевъ подземелья нѣмова
«И я содрогался... вдругъ слышу ползетъ
Стоногое грозно изъ мглы;
И хочетъ схватить, и разинулся ротъ. .
Я въ ужасѣ прочь отъ скалы!...
То было спасеньемъ: я схваченъ приливомъ
И выброшенъ вверхъ водомета порывомъ».
Чудесенъ разсказъ показался царю:
«Мой кубокъ возьми золотой;
«Но съ нимъ я и перстень тебѣ подарю,
«Въ которомъ алмазъ дорогой,
«Когда ты на подвигъ отважишься снова
«И тайны всѣ дна перескажешь морскова.
То слыша, царевна съ волненьемъ въ груди,
Краснѣя, царю говоритъ:
Довольно, родитель! его пощади!
Подобное кто совершитъ?
И если ужь должно быть опыту снова,
То рыцаря вышли, не пажа младова.
Но царь, не внимая, свой кубокъ златой
Въ пучину швырнулъ съ высоты:
«И будешь здѣсь рыцарь любимѣйшій мой,
«Когда съ нимъ воротишься ты,
«И дочь моя, нынѣ твоя предо мною
«Заступница, будетъ твоею женою».
Въ немъ жизнью небесной душа зажжена;
Отважность сверкнула въ очахъ:
Онъ видитъ: краснѣетъ, блѣднѣетъ *она.*
Онъ видитъ; въ *ней* жалость и страхъ.....
Тогда неописанной радостью полный,
На жизнь и погибель онъ кинулся въ волны.....
Утихнула бездна.... и снова шумитъ.....
И пѣною снова полна.....
И съ трепетомъ въ бездну царевна глядитъ....
И бьетъ за волною волна.....
Приходитъ уходитъ волна быстротечно:
А юноши нѣтъ и не будетъ ужъ вѣчно.

Сраженіе съ змѣемъ. (1831).

(Повѣсть).

Что за тревога въ Родоссѣ? Всѣ улицы полны народомъ;
Мчатся толпами, вопятъ, шумятъ. На конѣ величавомъ
Ѣдетъ по улицѣ рыцарь красивый; за рыцаремъ тащутъ
Мертваго змѣя съ кровавой, разинутой пастью; всѣ смотрятъ
Съ радостнымъ чувствомъ на рыцаря, съ страхомъ невольнымъ на змѣя.
«Вотъ!» говорятъ, «посмотрите, тотъ врагъ, отъ котораго столько
Времени не было здѣсь ни стадамъ, ни людямъ проходу.
Много рыцарей храбрыхъ пыталось съ чудовищемъ выдти
Въ бой.... всѣ погибли. Но Богъ насъ помиловалъ; вотъ нашъ спаситель,

Слава ему!—И вслѣдъ за младымъ побѣдителемъ идутъ
Всѣ въ монастырь Іоанна Крестителя, гдѣ Іоаннитовъ
Былъ знаменитый Капитулъ собранъ въ то время. Смиренно
Рыцарь подходитъ къ престолу Магистера; шумной толпою
Ломится слѣдомъ за нимъ въ палагу народъ. Преклонивши
Голову, юноша такъ говорить начинаетъ: «Владыка!
Рыцарскій долгъ я исполнилъ: змѣй, разоритель Родосса,
Мною убитъ; безопасны дороги для путниковъ; смѣло
Могутъ стада выгонять пастухи; на молитву
Можетъ безъ страха теперь пилигримъ къ чудотворному лику
Дѣвы пречистой ходить».—Но съ суровымъ отвѣтствовалъ взглядомъ
Строгій Магистеръ: «Сынъ мой, подвигъ отважный съ успѣхомъ
Ты совершилъ:отважность рыцарю честь. Но отвѣтствуй:
Въ чемъ обязанность главная рыцарей, вѣрныхъ Христовыхъ
Слугъ, Христіанства защитниковъ, въ знакъ смиренья носящихъ
Крестъ Іисуса Христа на плечахъ?» То зрители внемля
Всѣ оробѣли. Но рыцарь, краснѣя, отвѣтствовалъ: «первый
Рыцарскій долгъ есть покорность».—«И рыцарскій долгъ сей
Нынѣ, сынъ мой, ты нарушилъ: ты мной запрещенный
Подвигъ дерзнулъ совершить».—«Владыка, сперва благосклонно
Выслушай слово мое, потомъ осуди. Не съ слѣпою
Дерзостью я на опасное дѣло рѣшился; но вѣрно
Волю закона исполнить хотѣлъ; одной осторожной
Хитростью мнилъ одержать я побѣду. Пять благородныхъ
Рыцарей нашего Ордена, честь Христіанства, погибли
Въ битвѣ съ чудовищемъ. Ты запретилъ намъ сей подвигъ;
Мы покорились. Но душу мою нестерпимо терзали
Бѣдствія гибнущихъ братій; стремленьемъ спасти ихъ томимый,
Днемъ я покоя не зналъ, и сны ужасные ночью
Мучили душу мою, представляя мнѣ призракъ сраженья
Съ змѣемъ; и все какъ будто бы чудилось мнѣ: дерзай! и дерзнулъ я.
Вотъ что я мыслилъ: «ты рыцарь, однихъ ли враговъ Христіанства
«Долженъ твой мечъ поражать? Твое назначенье святое
Быть защитникомъ слабыхъ, спасать отъ гоненья гонимыхъ,
Грозныхъ чудовищъ разить; но дерзкою силой искусство,
Мужествомъ мудрость должны управлять.» И въ такомъ убѣжденьи
Долго себя я готовилъ къ опасному бою, и часто
Къ мѣсту, гдѣ змѣй обиталъ, я тайкомъ подходилъ, чтобъ заранѣ
Съ сильнымъ врагомъ ознакомиться; долго обдумывалъ средства,
Какъ мнѣ врага побѣдить; наконецъ вдохновеніе свыше
Душу мою просвѣтило: найдено средство! сказалъ я
Въ радости сердца. Тогда у тебя позволенья, Владыка,
Я испросилъ посѣтить отеческій домъ мой; угодно
Было тебѣ меня отпустить. Переплывъ безопасно
Море и на берегъ вышедъ, въ отческомъ домѣ не медля
Все къ предпринятому подвигу сталъ я готовить. Искусствомъ
Сдѣланъ былъ змѣй, подобный тому, котораго образъ
Врѣзался въ память мою; на короткихъ лапахъ громадой
Тяжкое чрево лежало: хребетъ, чешуею покрытый,
Круто вздымался; на длинной, гривистой шеѣ торчала,

Пастью зіяя, зубами грозя, голова; изъ отверзтыхъ
Челюстей острымъ копьемъ выставлялся языкъ и змѣиный
Хвостъ сгибался въ огромныя кольца, какъ будто готовый,
Вдругъ обхвативъ ѣздока и коня, задушить ихъ обоихъ.
Все учредивши, двухъ собакъ, могучихъ и къ бою
Съ дикимъ быкомъ пріученныхъ, я выбралъ, и мнимаго змѣя
Ими травилъ, чтобъ привыкли онѣ по единому клику
Зубы вонзать въ непокрытое броней чешуйчатой чрево.
Самъ же, сидя на конѣ благородной арабской породы,
Я устремлялся на змѣя, и руку мою безпрестанно
Въ вѣрномъ метаньи копья упражнялъ. Сначала отъ страха
Конь мой, храпя, на дабы становился, и выли сабаки;
Но наконецъ побѣдило мое постоянство ихъ робость.
Такъ совершилось три мѣсяца. Я возвращаюсь. Вотъ третій
День, какъ присталъ я къ Родоссу. О новыхъ бѣдствіяхъ вѣсти
Душу мою возмутили. Горя нетерпѣніемъ кончить
Дѣло начатое, слугъ собираю моихъ и, ученыхъ
Взявши сабакъ, на вѣрномъ конѣ, ни кому не сказавшись,
Ѣду отыскивать змѣя. Ты знаешь, Владыка, часовню,
Гдѣ богомольствовать сходится здѣшній народъ: на утесѣ
Въ дикомъ мѣстѣ она возвышается; образъ Пречистой
Матери Божіей, видимый тамъ, знаменитъ чудесами;
Трудно всходить на утесъ и доселѣ сей путь былъ опасенъ.
Тамъ у подошвы утеса, въ норѣ, недоступной сіянью
Дня, гнѣздился чудовищный змѣй, сторожа проходящихъ;
Горе тому, кто дорогу терялъ! изъ темной пещеры
Врагъ исторгался, добычу ловилъ, и ее въ свой глубокій
Логъ увлекалъ на пожранье. Въ ту часовню Пречистой
Дѣвы пошелъ я, тамъ палъ на колѣна, усердной мольбою
Въ помощь призвалъ Богоматерь, въ грѣхахъ принесъ покаянье,
Тайнъ Святыхъ причастился; потомъ сошедши съ утеса,
Латы надѣлъ, взялъ мечъ и копье, и раздавъ приказанья
Спутникамъ (имъ же велѣлъ дожидаться меня близь часовни),
Сѣлъ на коня, поручилъ Вездѣсущему Господу Богу
Душу мою, и поѣхалъ. Едва я увидѣлъ на ровномъ
Мѣстѣ себя, какъ собаки мои, почуявши змѣя,
Подняли ноздри; а конь захрапѣлъ и пятиться началъ:
Блещущимъ свившися клубомъ, вблизи онъ грѣлся на солнцѣ.
Дружно и смѣло помчалися въ бой съ нимъ собаки, но съ воемъ
Кинулись обѣ назадъ, когда развернувшися быстро,
Вдругъ онъ разинулъ огромную пасть, и ихъ ядовитымъ
Обдалъ дыханьемъ, и съ старшнымъ шипѣньемъ поднялся на лапы.
Крикъ мой собакъ ободрилъ: они вцѣпилися въ змѣя.
Сильной рукой я бросаю копье; но ударясь въ чешуйный,
Крѣпкій хребетъ, оно, какъ тонкая трость, отлетѣло:
Новый ударъ я спѣшу нанести; но испуганный конь мой
Бѣшено сталъ на дыбы; раскаленныя очи, зіянья
Пасти зубастой, и свистъ, и дыханье палящее змѣя
Въ ужасъ его привели, и онъ опрокинулся. Видя
Близкую гибель, проворно спрыгнулъ я съ сѣдла и въ сраженье

Пѣшій вступилъ съ обнаженнымъ мечемъ; но мечъ мой напрасно
Колетъ и рубитъ: какъ сталь чешуя. Вдругъ змѣй, разъярившись.
Сильнымъ ударомъ хвоста меня повалилъ и поднялся
Дыбомъ, какъ столбъ, надо мной и уже растворилъ онъ огромный
Зѣвъ, чтобы зубами стиснутъ меня: но въ это мгновенье
Въ чрево его, чешуей непокрытое, вгрызлись собаки;
Взвылъ онъ отъ боли, и бѣшено началъ кидаться.... напрасно!
Стиснувши зубы, собаки повисли на немъ; я поспѣшно
На ноги сталъ, и бросился къ нимъ, и мечъ мой вонзился
Весь во чрево чудовища: хлынула чернымъ потокомъ
Кровь; согнувшись въ дугу, онъ грянулся о земь, и тяжкимъ
Тѣломъ меня заваливши, издохъ надо мною. Не помню,
Долго ль безчувственъ подъ нимъ я лежалъ; глаза открываю:
Слуги мои предо мною, а змѣй въ крови, неподвиженъ.»
Рыцарь, докончивши повѣсть свою, замолчалъ. Раздался
Громкіе клики; дрогнули своды палаты
Отъ гула рукоплесканій, и самые рыцари Ордена вмѣстѣ
Съ шумной толпой возгласили: «хвала!» Но Магистеръ,
Строго нахмуривъ чело, повелѣлъ, чтобы всѣ замолчали.
Всѣ замолчали. Тогда онъ сказалъ побѣдителю: «змѣя,
Долго Родоссъ ужасавшаго, ты поразилъ, благородный
Рыцарь; но, Богомъ явяся народу, врагомъ ты явился
Нашему Ордену; въ сердцѣ твоемъ поселился отнынѣ
Змѣй, ужаснѣй тобою сраженнаго, змѣй, отравитель
Воли, сѣятель смутъ и раздоровъ, презритель смиренья,
Недругъ порядка, древній губитель земли. Быть отважнымъ
Можетъ и врагъ ненавистный Христа, Мамелюкъ; но покорность
Есть однихъ Христіанъ достоянье. Гдѣ Самъ Искупитель,
Богъ Всемогущій, смиренно стерпѣлъ поношенье и муку,
Тамъ встарину основали отцы наши Орденъ священный;
Тамъ, облачася Крестомъ, на себя они возложили
Долгъ, труднѣйшій изъ всѣхъ: свою обуздывать волю.
Суетной славой ты былъ обольщенъ—удались; ты отнынѣ
Нашему братству чужой; кто Господнее иго отринулъ,
Тотъ и Господнимъ Крестомъ себя украшать недостоинъ».
Такъ Магистеръ сказалъ, и въ толпѣ предстоявшихъ поднялся
Громкій ропотъ, и рыцари Ордена сами Владыку
Стали молить о прощеньи; но юноша, молча, потупивъ
Очи, снялъ епанчу, у Магистера строгую руку
Поцѣловалъ и пошелъ. Его проводивши глазами,
Гнѣвный смягчился судья, и назадъ осужденнаго кроткимъ
Голосомъ кликнувъ, сказалъ: «обними меня, мой достойный
Сынъ: ты побѣду теперь одержалъ, труднѣйшую первой.
Снова сей Крестъ возложи: онъ твой, онъ награда смиренью».

Старый рыцарь. (1833).

(Баллада)

Онъ былъ весной своей
Въ землѣ обѣтованной,
И много славныхъ дней
Провелъ въ тревогѣ бранной.

Тамъ вѣтку отъ святой
Оливы оторвалъ онъ;
На шлемъ желѣзный свой
Ту вѣтку навязалъ онъ.

Съ невѣрнымъ онъ врагомъ,
Неся ту вѣтку, бился,
И съ нею въ отчій домъ
Прославленъ возвратился.

Ту вѣтку посадилъ
Самъ въ землю онъ родную,
И часто приносилъ
Ей воду ключевую.

Онъ сталъ старикъ сѣдой,
И сила мышцъ пропала;
Изъ вѣтки молодой,
Олива древомъ стала.

Подъ нею часто онъ
Сидитъ, уединенный,
Въ невыразимой сонъ
Душею погруженный.

Надъ нимъ какъ другъ стоитъ,
Обнявъ его сѣдины,
И вѣтвями шумитъ
Олива Палестины;

И, внемля ей во снѣ,
Вздыхаетъ онъ глубоко
О славной старинѣ
И о землѣ далёкой.

Воспоминаніе о торжествѣ 30-го Августа 1834 года.

Я готовился быть свидѣтелемъ торжества великолѣпнаго: но торжество, видѣнное мною, превзошло мое ожиданіе. Оно такъ же колоссально, какъ тотъ памятникъ, предъ которымъ происходило, и какъ Россія, которая вся въ немъ изобразилась. Я чувствовалъ одохновеніе, но это было не творческое вдохновеніе поэта, украшающее или преобразующее существенность: то было поразительное чувство высокаго, неотдѣлимое отъ предмета, его возбудившаго; такое же чувство, какое потрясло мою душу, когда представились мнѣ въ первый разъ Альпы, когда я увидѣлъ Римъ посреди его запустѣвшей равнины, когда подходилъ къ храму Св. Петра и остановился подъ его изумительнымъ сводомъ. Здѣсь поэзія безмолвна, и близость предмета давитъ воображеніе, напрасно хотящее втѣснить его въ слова и звуки. Здѣсь можно только описывать, и чѣмъ проще, чѣмъ вѣрнѣе будетъ описаніе, тѣмъ болѣе будетъ въ немъ поэзіи.

Все соединилось, чтобы дать сему торжеству значительность глубокую. День наканунѣ былъ утомительно душенъ; къ ночи все небо задернулось громовыми тучами; воздухъ давилъ, какъ свинецъ; тучи шумѣли; Нева подымалась, и былъ въ волнахъ ея голосъ; наконецъ запылала гроза; молніи за молніями, зажигаясь въ тысячѣ мѣстахъ, какъ будто стояли надъ городомъ: однѣ зубчатыми стрѣлами крестили небо, другія вспыхивали, какъ багровые снопы, иныя широкимъ пожаромъ зажигали цѣлую массу облаковъ, и въ этомъ безпрестанномъ, быстромъ переходѣ изъ мрака въ блескъ, чудеснымъ образомъ являлись и пропадали зданія, кровли и башни, и вырѣзывались на яркомъ свѣтѣ шатающіяся мачты кораблей, и сверкала громада колонны, которая вдругъ выходила вся изъ темноты, бросала минутную тѣнь на озаренную кругомъ ея площадь, и вмѣстѣ съ нею пропадала, чтобъ снова блеснуть и исчезнуть. И въ этомъ явленіи было какое-то невыразимое знаменованіе: невольно испуганная мысль переносилась къ тѣмъ временамъ нашествія вражескаго, когда губительная гроза поднялась надъ Россіею, надъ нею разразилась, и быстро исчезла, оставя ей славу и миръ. Было что-то похожее на незыблемость Промысла въ этой колоннѣ, которая, не будучи еще открытою, уже стояла на своемъ мѣстѣ

посреди окружающаго ее мрака и бури, твердая какъ тайная воля спасающаго Бога, дабы на другой день, подъ блескомъ очищеннаго неба, торжественно явиться символомъ совершившагося Божія обѣта.

И дѣйствительно, эта ночная гроза только очистила небо, и какъ будто приготовила послѣдовавшее за нею торжество. Солнце на другой день взошло великолѣпно; на свѣтлой лазури еще бродили разорванныя облака, но они не скрывали ни неба, ни солнца. Въ девять часовъ утра уже вся площадь колонны окружена была безчисленными толпами народа; весь Зимній дворецъ отъ кровли до подошвы, весь экзерцпргаузъ, обращенный въ амфитеатръ, все полукруглое зданіе, противолежащее дворцу, коего подошва также обвита была амфитеатромъ, всѣ смежные съ нимъ домы, весь бульваръ, кровля и высокая башня Адмиралтейства, наполнены, унизаны, загромождены были народомъ, и представляли зрѣлище удивительное, чудесно оживляемое сіяніемъ солнца, которое безпрестанно скрывалось за облаками и изъ нихъ выходило. И посреди этой одушевленной ограды широкою пустынею простиралась площадь, и длинная тѣнь колонны, на ней уединенно воздвигавшейся съ покровеннымъ своимъ пьедесталомъ, непримѣтно передвигалась по свѣтлому дну ея, какъ будто знаменуя идущее время. А между тѣмъ, вблизи, никому непримѣтно, стояла въ ружьѣ стотысячная армія. И никакое перо не можетъ описать величія той минуты, когда, по тремъ пушечнымъ выстрѣламъ, вдругъ изъ всѣхъ улицъ, какъ будто изъ земли рожденныя, стройными громадами, съ барабаннымъ громомъ, подъ звукомъ парижскаго марша, пошли колонны русскаго войска: вдругъ тишина обратилась во что-то, не имѣющее имени; это былъ не шумъ, не гулъ, не звукъ, но тяжкій, мѣрный, потрясающій душу шагъ, спокойное приближеніе Силы, непобѣдимой и въ то же время покорной. Густыми волнами лилося войско и заливало площадь; но въ этомъ разливѣ былъ изумительный порядокъ; глаза видѣли многочисленность и огромность движущейся массы; но самое разительное въ этомъ зрѣлищѣ было то, чего не могли видѣть глаза: тайное присутствіе Воли, которая все однимъ мановеніемъ двигала и направляла. Войска сошлись; построились; Государь объѣхавъ ряды ихъ, сталъ противъ колонны, имѣя подлѣ себя принца Вильгельма Прусскаго; и въ эту минуту на дворцовомъ балконѣ явились хоругви, вслѣдъ за ними священный соборъ и Государыня Императрица со всѣмъ Императорскимъ Домомъ; войска отдали честь: одна быстрая молнія блеснула по всѣмъ оружіямъ, однимъ общимъ потрясеніемъ дрогнули всѣ колонны, и продолжительный громъ барабановъ покатился, какъ чудное эхо. И трепетъ благоговѣнія проникнулъ душу, когда вдругъ съ начавшимся молебствіемъ невыразимая тишина повсемѣстно распространилась. Небо было чисто; солнечный свѣтъ спокойно лежалъ на неподвижномъ войскѣ, на тихомъ народѣ и на колоннѣ, которая лучезарнымъ, крестоноснымъ своимъ Ангеломъ ярко отражалась отъ лазури небесной. И въ этой тишинѣ всѣмъ слышная молитва священнослужителя съ повременнымъ торжественнымъ пѣніемъ клира, и въ общемъ колѣнопреклоненіи войска, народа и предъ ними ихъ Государя, чудесное сліяніе земнаго могущества, простертаго во прахъ, съ таинственнымъ могуществомъ креста, надъ нимъ восходящаго, и невидимое соприсутствіе чего-то безъименнаго, чего-то выражающаго все, что намъ драгоцѣнно, чего-то шепчущаго душѣ: *Россія, слава минувшая, слава грядущая*; наконецъ умилительно слово *вѣчная память* и имя *Александра*, и вслѣдъ за нимъ упавшая завѣса колонны, и громозвучное, продолжительное *ура*, соединенное съ залпами пяти сотъ пушекъ, отъ которыхъ весь воздухъ превратился въ

торжественную бурю славы... для изображенія такой минуты нѣтъ словъ и самое воспоминаніе о ней уничтожаетъ дарованіе описателя... Нельзя было смотрѣть безъ глубокаго душевнаго умиленія на Государя, смиренно стоящаго на колѣняхъ впереди сего многочисленнаго войска, сдвинутаго словомъ его къ подножію сооруженнаго имъ колосса. Онъ молился о братѣ, и все въ эту минуту говорило о земной славѣ сего державнаго брата: и монументъ, носящій его имя, и колѣнопреклоненная русская армія, видавшая его въ такія великія минуты передъ своими рядами, и народъ, посреди котораго онъ жилъ, благодушный, всѣмъ доступный, и трогательное присутствіе сего принца прусскаго, который представлялъ намъ цѣлую дружественную націю съ благороднымъ ея Государемъ, сподвижникомъ нашего *Александра*, и самое воспоминаніе, въ коемъ возобновлялись времена минувшія: Бородино, роковая слава Москвы, всенародный лейпцигскій бой, Парижъ, Наполеоновъ гробъ, обхваченный океаномъ... все, все говорило объ немъ, а его самого тутъ не было; и сіе отсутствіе погружало душу въ какую-то невыразимую задумчивость; она какъ будто чувствовала, что близко то мѣсто, мѣсто уединенное, мѣсто покоя, безмолвія и мрака, гдѣ Царь Великій спитъ во гробѣ; и невольно перелетала она въ тотъ далекій, столь прежде незнаменитый уголокъ Россіи, гдѣ такъ смиренно, такъ въ сторонѣ отъ всякаго блеска царской славы, на рукахъ одной сокрушенной супруги, закрылъ онъ глаза, и откуда совершилъ послѣдній свой путь чрезъ Россію, затворенный во гробѣ и безотвѣтный на призывающій его голосъ народа. Какъ поразительна была въ эту минуту сія противоположность житейскаго величія, пышнаго, но скоропреходящаго, съ величіемъ смерти, мрачнымъ, но неизмѣннымъ; и сколь краснорѣчивъ былъ въ виду того и другаго сей Ангелъ, который, непричастно всему, что окружало его, стоялъ между землею и небомъ, принадлежа одной своимъ монументальнымъ гранитомъ, изображающимъ то, чего уже нѣтъ, а другому лучезарнымъ своимъ крестомъ, символомъ того, что всегда и навѣки.

— По совершеніи молебствія начался ходъ вокругъ монумента; первосвятитель окропилъ его святою водою; и вслѣдъ за симъ, по одному слову всколебались всѣ колонны арміи; съ невѣроятною быстротою вся площадь очистилась; на ступеняхъ монумента остались одни немногіе ветераны *Александровой* арміи, прежде храбрые участники славныхъ битвъ его времени, теперь заслуженные часовые великаго его монумента. Начался церемоніальный маршъ: Русское войско пошло мимо *Александровой* колонны; два часа продолжалось сіе великолѣпное, единственное въ мірѣ зрѣлище; наконецъ войска прошли; звукъ оружія и громъ барабанный умолкли; народъ на ступеняхъ амфитеатровъ и на кровляхъ зданій исчезъ. Въ вечеру долго по улицамъ освѣщеннаго города бродили шумящія толпы; наконецъ освѣщеніе угасло, улицы опустѣли; на безлюдной площади остался величественный колоссъ одинъ съ своимъ часовымъ; и все было спокойно въ сумракѣ ночи; лишь только на темномъ, звѣздами усыпанномъ небѣ, въ блескѣ луны сіялъ крестоносный Ангелъ.

Такъ миновалось видѣніе удивительнаго дня сего: душа имъ взволнованная, долго не могла утихнуть, какъ море послѣ бури, но море, коего каждая волна имѣла какой-то великій образъ. И дѣйствительно, то, что мы видѣли въ этотъ чудный день, было не одно торжество кратковременное, но все наше минувшее, вдругъ передъ нами повторенное. Чему надлежало совершиться въ Россіи, чтобы въ такомъ городѣ, такое собраніи народа, такое войско могли соединиться у подножія такой колонны?... Тамъ, на берегу Невы, подымается скала, дикая и безобразная, и на той скалѣ всадникъ, столь же по-

чти огромный, какъ сама она; и этотъ всадникъ, достигнувъ высоты, осадилъ могучаго коня своего на краю стремнины; и на этой скалѣ написано *Петръ*, и рядомъ съ нимъ — *Екатерина*; и въ виду этой скалы воздвигнута нынѣ другая, несравненно огромнѣе, но уже не дикая, изъ безобразныхъ камней набросанная громада, а стройная, величественная, искусствомъ округленная колонна; и ей подножіемъ служатъ бронзовые трофеи войны и мира, а на высотѣ уже не человѣкъ скоропреходящій, а вѣчный сіяющій ангелъ, и подъ крестомъ сего ангела издыхаетъ то чудовище, которое тамъ, на скалѣ, полураздавленное, извивается подъ копытами конскими; и между сими двумя монументами (вокругъ которыхъ подъемлются зданія великолѣпныя, и Нева кипитъ всемірною торговлею), однимъ мановеніемъ царскимъ двинута была стотысячная армія, и въ этой стотысячной арміи подъ одними орлами и Русскій и Полякъ, и Ливонецъ и Финнъ, и Татаринъ и Калмыкъ, и Черкесъ и боецъ Закавказкій; и эта армія прошла отъ Торнео до Арарата, отъ Парижа до Адріанополя, и громкому *ура* ея отвѣчали пушки съ кораблей Чесмы и Наварина... Не вся ли это Россія? Россія, созданная вѣками, бѣдствіями, побѣдою? Россія, прежде безобразная скала, набросанная медленнымъ временемъ, мало по малу, подъ громомъ древнихъ междоусобій, подъ шумомъ Половецкихъ набѣговъ, подъ гнетомъ татарскаго ига, въ бояхъ литовскихъ, сплоченная самодержавіемъ, слитая воедино и обтесанная руками *Петра*, и нынѣ стройная, единственная въ свѣтѣ своею огромностію колонна? И ангелъ, вѣнчающій колонну сію, не то ли онъ знаменуетъ, что дни боеваго созданія для васъ миновались, что все для могущества сдѣлано, что завоевательный мечъ въ ножнахъ и не иначе выйдетъ изъ нихъ, какъ только для сохраненія; что наступило время *созданія мирнаго*; что Россія, все свое взявшая, извнѣ безопасная, врагу недоступная или погибельная, не страхъ, а стражъ породившейся съ нею Европы, вступила нынѣ въ новый великій періодъ бытія своего, въ періодъ развитія внутренняго, твердой законности, безмятежнаго пріобрѣтенія всѣхъ сокровищъ общежитія; что, опираясь всѣмъ западомъ на просвѣщенную Европу, всѣмъ югомъ на богатую Азію, всѣмъ сѣверомъ и востокомъ на два океана, богатая и бодрымъ народомъ, и землею для тройнаго народонаселенія, и всѣми дарами природы для животворной промышленности, она, какъ удобренное поле, кипитъ брошенною въ нѣдра ея жизнію, и готова произрастить богатую жатву гражданскаго благоденствія, ввѣренная самодержавію, коимъ нѣкогда была создана и упрочена ея сила, и коего символъ нынѣ воздвигнутъ передъ нею царемъ ея въ лицѣ сего крестоноснаго ангела, а имя его: *Божія Правда*.

Изъ Одиссеи.

(VII рапсодія).

....Одиссей тою порою подошелъ ко дворцу Алкиноя: онъ сильно сердцемъ тревожился, стоя въ дверяхъ передъ мѣднымъ порогомъ. Все лучезарно, какъ на небѣ свѣтлое солнце иль мѣсяцъ, было въ палатахъ любезнаго Зевсу царя Алкиноя; мѣдныя стѣны во внутренность шли отъ порога и были сверху увѣнчаны свѣтлымъ карнизомъ лазоревой стали; входъ затворенъ былъ дверями, литыми изъ чистаго злата; притолки ихъ изъ серебра утверждались на мѣдномъ порогѣ; также и князь ихъ серебряный былъ, а кольцо золотое. Двѣ—золотая съ серебряной—справа и слѣва стояли, хитрой работы искуснаго бога Ифеста, собаки стражами дому любезнаго Зевсу царя Алкиноя: были безсмертны онѣ и съ теченіемъ лѣтъ не старѣли. Стѣны

кругомъ огибая, во внутренность шли отъ порога лавки богатой работы; на лавкахъ лежали покровы, тканыя дома искусной рукою прилежныхъ работницъ; мужи знатнѣйшіе града садилися чиномъ на этихъ лавкахъ питьемъ и ѣдой наслаждатся за царской трапезой. Зрѣлися тамъ на высокихъ подножіяхъ лики златые отроковъ: свѣточи въ ихъ пламенѣли рукахъ, озаряя ночью палату и царскихъ гостей на пирахъ многославныхъ. Жило въ пространномъ дворцѣ пятьдесять рукодѣльныхъ невольницъ: рожь золотую мололи однѣ жерновами ручными: нити сучили другія и ткали, сидя за станками рядомъ, подобныя листьямъ трепещущимъ тополя; ткани жъ были такъ плотны, что въ нихъ не впивалось и тонкое масло. Сколь Феакійскіе мужи отличны въ правленіи были быстрыхъ своихъ кораблей на моряхъ, столь отличны ихъ жены были въ тканьѣ: ихъ богиня Аѳина сама научила всѣмъ рукодѣльнымъ искусствамъ, открывъ имъ и хитростей много.

Былъ за широкимъ дворомъ четырехдесятинный богатый садъ, обведенный отвсюду высокой оградой; росло тамъ много деревъ плодоносныхъ, вѣтвистыхъ, широковершинныхъ, яблонь, и грушъ, и гранатъ, золотыми плодами обильныхъ, такъ-же и сладкихъ смоковницъ и маслинъ, роскошно цвѣтущихъ; круглый тамъ годъ и въ холодную зиму и въ знойное лѣто видимы были на вѣтвяхъ плоды; постоянно тамъ вѣялъ теплый зефиръ, зарождая одни, наливая другіе; груша за грушой, за яблокомъ яблоко, смоква за смоквой, гроздъ пурпуровый за гроздомъ смѣнялся тамъ, созрѣвая. Тамъ разведенъ былъ и садъ виноградный богатый; и грозды частью на солнечномъ мѣстѣ лежали, сушимые зноемъ, частію ждали, чтобъ срѣзалъ ихъ съ лозъ виноградарь; иные были давимы въ чанахъ, а другіе цвѣли иль, осыпавъ цвѣтъ, созрѣзали и сокомъ янтарногустымъ наливались. Саду границей служили красивыя гряды, съ которыхъ овощь и вкусная зелень весь годъ собиралися обильно. Два тамъ источника были: одинъ обтекалъ извиваясь садъ, а другой передъ самымъ порогомъ царева жилища свѣтлой струею бѣжалъ и граждане въ немъ черпали воду. Такъ изобильно богами былъ домъ одаренъ Алкиноевъ.

Долго, дивясь, стоялъ передъ нимъ Одиссей богоравный; поглядѣвши на все съ изумленьемъ великимъ, ступилъ онъ смѣлой ногой на порогъ и во внутренность дома проникнулъ. Тамъ онъ узрѣлъ Феакійскихъ вождей и старшинъ, творящихъ зоркому богу, убійцѣ Аргуса, виномъ возліянье (онъ отъ грядущихъ ко сну былъ всегда призываемъ послѣдній) (¹). Быстро палату пировъ перешелъ Одиссей богоравный; скрытый туманомъ, которымъ его окружила Аѳина, къ Аретѣ приблизился онъ и въ это мгновенье вдругъ разступилась его облекавшая тьма неземная. Всѣ замолчали, могучаго мужа назапно увидя; всѣ въ изумленья смотрѣли. Царицѣ Аретѣ сказалъ онъ. «Дочь Рексенора, подобнаго силой безсмертнымъ, Арета, нынѣ къ колѣнамъ твоимъ и къ царю и пирующимъ съ вами я прибѣгаю, плачевный скиталецъ. Да боги пошлютъ вамъ свѣтлое счастье на долгіе дни; да наслѣдуютъ ваши дѣти вашъ домъ и народомъ вамъ данный вамъ санъ знаменитый. Мнѣ-жъ помогите, чтобъ я безпрепятственно могъ возвратиться въ землю отцовъ, столь давно сокрушенный разлукой съ своими». Кончивъ, къ огню очага подошелъ онъ и сѣлъ тамъ на пеплѣ. Всѣ неподвижно молчали, и долго молчаніе длилось.

(Царь приглашаетъ его сѣсть за трапезу. По окончаніи пиршества, гости расходятся. Одиссей, оставшись одинъ сс Алкиноемъ и Аретой, разсказываетъ имъ, какъ онъ покинулъ островъ Оги-

(¹) Аргусъ, называвшійся всевидящимъ потому, что у него были глаза по всему тѣлу. Юнона поставила его стеречь Іо дочь Инаха отъ преслѣдованія Юпитера. Но Ермій, посланный Юпитеромъ, убилъ Аргуса, а Юнона обратила его въ павлина. Глазки на хвостѣ павлина и есть прежніе глаза Аргуса.

гію, какъ буря его бросила на берегу Схеріи и какъ получилъ онъ свою одежду отъ царевны Навзикаи. Алкиной даетъ ему обѣщаніе отправить его на кораблѣ Феакійскомъ въ Итаку, а царица Арета велѣла приготовить Одиссею кровать, чтобъ онъ «вкусилъ сладкоцѣлительный сонъ»).

Встала изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ —мирный покинула сонъ Алкиноева сила святая; всталъ и божественный мужъ Одиссей, городовъ сокрушитель. Царь Алкиной многовластный повелъ знаменитаго гостя на площадь, гдѣ невдали кораблей Феакійцы сбирались. Сѣли, пришедши, на гладкообтесанныхъ камняхъ другъ съ другомъ рядомъ они. Тою порою Паллада Аѳина по улицамъ града, въ образъ облекшись глашатая царскаго, быстро ходила; сердцемъ заботясь о скоромъ возвратѣ домой Одиссея, къ каждому встрѣчному ласково рѣчь обращала богиня: «Вы, Феакійскіе люди, вожди и владыки, скорѣе на площадь всѣ соберитесь, дабы иноземца, который въ домъ Алкиноя премудраго прибылъ вчера, тамъ увидѣть; бурей къ намъ брошенный, богу онъ образомъ свѣтлымъ подобенъ».

Такъ говоря, возбудила она любопытное рвенье въ каждомъ и скоро наполнилась площадь народомъ; и сѣли всѣ по мѣстамъ. Съ удивленьемъ великимъ они обращали взоръ на Лаэртова сына: ему красотой несказанной плечи одѣла Паллада, главу и лице озарила, станъ возвеличила, сдѣлала тѣло полнѣе, дабы онъ могъ пріобрѣсть отъ людей Феакійскихъ пріязнь и вселилъ въ нихъ трепетъ почтительный мужеской силой на играхъ, въ которыхъ имъ испытать надлежало его, отличась предъ народомъ. Всѣ собралися они, и собраніе сдѣлалось полнымъ.

Тутъ, обратяся къ нимъ, царь Алкиной произнесъ: «Приглашаю выслушать слово мое васъ, людей феакійскихъ, дабы я высказать могъ вамъ все то, что велитъ мнѣ разсудокъ и сердце. Гость иноземный—его я не знаю: бездомно скитаясь, онъ отъ восточныхъ народовъ сюда иль отъ западныхъ прибылъ—молитъ о томъ, чтобъ ему помогли мы достигнуть отчизны. Мы, сохраняя обычай, молящему гостю поможемъ; ибо еще не одинъ чужеземецъ, мой домъ посѣтившій, долго здѣсь плача, не ждалъ, чтобъ его я услышилъ молитву. Должно спустить на священныя воды корабль чирнобокій, въ море еще не ходившій; потомъ изберемъ пятьдесятъ два самыхъ отважныхъ межъ лучшими здѣсь молодыми гребцами; весла къ скамьямъ прикрѣпивъ корабельнымъ, пускай соберутся въ царскихъ палатахъ они и поспѣшно себѣ на дорогу вкусный обѣдъ приготовятъ; я всѣхъ ихъ къ себѣ приглашаю. Такъ отъ меня объявите гребцамъ молодымъ; а самихъ васъ, скиптродержавныхъ владыкъ и судей, я прошу въ мой пространный домъ, чтобъ со мною, какъ слѣдуетъ, тамъ угостить иноземца; всѣхъ васъ прошу, отказаться не властенъ никто; позовите также пѣвца Демодока: даръ пѣсней прiялъ отъ боговъ онъ дивный, чтобъ все воспѣвать, что въ его пробуждается сердцѣ».

Кончивъ, пошелъ впереди онъ; за нимъ всѣ судьи и владыки скиптродержавные: звать Понтоной побѣжалъ Демодока: Скоро по волѣ царя пятьдесятъ два гребца, на отлогомъ брегѣ безплодно соленаго моря собравшися, вмѣстѣ къ ждавшему ихъ на пескѣ кораблю подошли, совокупной силою черный корабль на священныя сдвинули воды, подняли мачты, устроили всѣ корабельныя снасти, въ крѣпкоременныя петли просунули длинныя весла, должнымъ порядкомъ потомъ паруса утвердили. Отведши легкій корабль на открытое взморье, они собралися всѣ во дворцѣ Алкиноя, царемъ приглашенные. Скоро всѣ переходы палатъ и дворы, и притворы, и залы народомъ сдѣлались полны—тамъ были и юноши, были и старцы. Жирныхъ двѣнадцать овецъ, двухъ быковъ кривороганхъ и восемь острокльічистыхъ свиней Алкиной повелѣлъ

имъ зарѣзать; ихъ ободравъ, изобильный обѣдъ приготовили гости, Тою порой съ знаменитымъ пѣвцомъ Понтоной возвратился; Муза его при рожденіи зломъ и добромъ одарила: очи затмила его, даровала за то сладкопѣнье.- Стулъ среброкованный подалъ пѣвцу Понтоной, и на немъ онъ сѣлъ предъ гостями, спиной прислоняся къ колоннѣ высокой. Лиру слѣпца на гвоздѣ надъ его головою повѣсивъ, къ ней прикоснуться рукою ему—чтобъ ее могъ найдти онъ—далъ Понтоной, и корзину съ ѣдою принесъ, и подвинулъ столъ, и вина приготовилъ, чтобъ пилъ онъ, когда пожелаетъ. Подняли руки они къ предложенной имъ пищѣ; когда же былъ удовольствованъ голодъ ихъ сладкимъ питьемъ и ѣдою, Муза внушила пѣвцу возгласить о вождяхъ знаменитыхъ, выбравъ изъ пѣсни, въ то время вездѣ до небесъ возносимой, повѣсть о храбромъ Ахиллѣ и мудромъ царѣ Одиссеѣ. Началъ великую пѣснь Демодокъ; Одиссей же своею сильной рукой широкопурпурную мантію взявши, голову ею облекъ и лице благородное скрылъ въ ней: слезъ онъ своихъ не хотѣлъ показать феакійцамъ. Когда же, пѣнье прервавъ, сладкогласный на время умолкъ пѣснопѣвецъ, слѣзы отерши, онъ мантію снялъ съ головы и, наполнивъ кубокъ двудонный виномъ, совершилъ возліянье безсмертнымъ. Снова запѣлъ Демодокъ, отъ внимавшихъ ему Феакіанъ, гласомъ его очарованныхъ, вызванный къ пѣнью вторично; голову мантіей снова облекъ Одиссей, прослезяся. Были другими его не замѣчены слезы, но мудрый царь Алкиной ихъ замѣтилъ и понялъ причину ихъ, сидя близь Одиссея и слыша скорбящаго тяжкіе вздохи. Онъ Феакіянамъ веселолюбивымъ сказалъ: «Приглашаю выслушать слово мое васъ, судей и вельможъ феакійскихъ; душу свою насладили довольно мы вкуснообильной пищей и звуками лиры, подруги пировъ сладкогласной; время отсюда пойти намъ и въ мужескихъ подвигахъ крѣпость силы своей оказать, чтобъ нашъ гость, возвратяся домашнимъ могъ возвѣстить, сколь другихъ мы людей превосходимъ въ кулачномъ боѣ, въ борьбѣ утомительной, въ прыганьѣ, въ бѣгѣ проворномъ».

Кончивъ, поспѣшно пошелъ впереди онъ; за нимъ всѣ другіе. Звонкую лиру принявъ и повѣсивъ на гвоздь, Демодока за руку взялъ Понтоной и изъ залы пиршественной вывелъ; вслѣдъ за другими, ведя пѣснопѣвца, пошолъ онъ, чтобъ видѣть игры, въ которыхъ хотѣли себя отличить феакійцы. На площадь всѣ собралися; толпой многочисленно шумной тамъ окружилъ ихъ народъ. Благородные юноши къ бою вышли изъ сонма его: къ нимъ подошли наконецъ Лаодамъ, Галіонтъ съ богоравнымъ Клитонеономъ—три бодрые сына царя Алкиноя. Первые въ бѣгѣ себя испытали они. Устремившись съ мѣста того, на которомъ стояли, пустилися разомъ, пыль подымая, они черезъ поприще: всѣхъ былъ проворнѣй Клитонеонъ благородный—какую по свѣжему полю борозду плугомъ два мула проводятъ, на столько оставивъ братьевъ своихъ назади, возвратился онъ первый къ народу. Стали другіе въ борьбѣ многотрудной испытывать силу: всѣхъ Эвріялъ одолѣлъ, превзошедши искусствомъ и лучшихъ. Въ прыганьи былъ Анхіалъ побѣдителемъ. Тяжкаго диска легкимъ бросаньемъ отъ всѣхъ Эретмей отличился. Въ кулачномъ боѣ взялъ верхъ Лаодамъ, сынъ царя Алкиноя прекрасный. Тутъ, какъ у всѣхъ довольно насытилось играми сердце, къ юношамъ рѣчь обративши, сказалъ Лаодамъ, Алкиноевъ сынъ: «Не прилично ли будетъ спросить намъ у гостя, въ какихъ онъ играхъ способенъ себя отличить? Онъ не низкаго роста, голени, бедра и руки его преисполнены силы, шея его жиловата, онъ мышцами крѣпокъ, годами также не старъ; но превратности жизни его изнурили. Нѣтъ ничего, утверждаю, сильнѣй и губительнѣй моря; крѣпость и самаго добраго мужа оно сокрушаетъ. «Умнымъ», сказалъ, от-

вѣчая на то, Эвріалъ Лаодаму—«кажется мнѣ предложенье твое, Лаодамъ благородный. Самъ подойди въ иноземному гостю и сдѣлай свой вызовъ.» Сынъ молодой Алкиноя, слова Эвріала услышавъ, вышелъ впередъ и сказалъ, обратяся къ царю Одиссею: «милости просимъ, отецъ незнакомецъ; себя покажи намъ въ играхъ, въ какихъ ты искусенъ—но вѣрно во всѣхъ ты искусенъ—доброму мужу ничто на землѣ не даетъ столь великой славы, какъ легкія ноги и крѣпкія мышцы; яви же силу свою намъ, изгнавъ изъ души всѣ печальныя думы: путь для тебя ужъ теперь не далекъ; ужъ корабль быстроходный съ берега сдвинутъ и наши готовы къ отплытію люди».

Кончилъ; ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный: «Другъ, не обидѣть ли хочешь меня ты своимъ предложеньемъ? Мнѣ не до игръ; на душѣ несказанное горе; довольно вѣдь испыталъ и не мало великихъ трудовъ перенесъ я; нынѣ-жъ, крушимый тоской по отчизнѣ, сижу передъ вами, васъ и царя умоляя помочь мнѣ въ мой домъ возвратиться.

Но Эвріалъ Одиссею отвѣтствовалъ съ колкой насмѣшкой: «странникъ, я вижу, что ты не подобишься людамъ, искуснымъ въ играхъ, однимъ лишь могучимъ атлетамъ приличныхъ; конечно, ты изъ числа промышленныхъ людей, обтекающихъ море въ многовесельныхъ своихъ корабляхъ для торговли, о томъ лишь мысля, чтобъ, сбывъ свой товаръ и, опять корабли нагрузивши, болѣ нажить барыша: но съ атлетомъ ты вовсе не сходенъ.»

Мрачно взглянувъ изъ подлобья, сказалъ Одиссей благородный: «Слово обидно твое; человѣкъ ты, я вижу, злоумный; боги не всякаго всѣмъ надѣляютъ; не каждый имѣетъ вдругъ и плѣнительный образъ, и умъ, и могущество слова; тотъ по наружному виду вниманія мало достоинъ—прелестью рѣчи за то одаренъ отъ боговъ; веселятся люди, смотря на него, говорящаго съ мужествомъ твердымъ или съ привѣтливой кротостью; онъ украшенье собраній; бога въ немъ видятъ когда онъ проходитъ по улицамъ града. Тотъ же напротивъ безсмертнымъ подобенъ лица красотою, прелести жъ бѣдное слово его никакой не имѣетъ. Такъ и твоя красота безпорочна, тебя и Зевесъ бы краше не создалъ; за т не имѣешь ты здраваго смысла. Милое сердце въ груди у меня возмутилъ ты свою дерзкою рѣчью. Но я не безопытенъ, долженъ ты вѣдать, въ мужескихъ играхъ: изъ первыхъ бывалъ я въ то время, когда мнѣ свѣжая младость и крѣпкія мышцы служили надежно. Нынѣ жъ мои отъ трудовъ и печалей истрачены силы; видѣлъ не мало я браней и долго среди бѣдоносныхъ странствовалъ водъ, но готовъ я себя испытать и лишенный силъ: оскорбленъ я твоимъ безразсудно-ругательнымъ словомъ.»

Такъ отвѣчавъ, поднялся онъ, и, мантіи съ плечъ не сложивши, камень схватилъ—онъ огромнѣй, плотнѣй и тяжелѣ всѣхъ дисковъ, брошенныхъ прежде людьми Феакійскими былъ; и съ размаха кинулъ его Одиссей, жиловатую руку напрягши; камень, жужжа, полетѣлъ; и подъ нимъ до земли головами веслолюбивые, смѣлые гости морей, Феакійцы всѣ наклонились, а онъ далеко черезъ всѣ перемчался диски, легко улетѣвъ изъ руки; и Афина, подъ видомъ старца, отмѣтивши знакомъ его, Одиссею сказала: «Странникъ, твой знакъ и слѣпой различитъ безъ ошибки, ощупавъ просто рукою; лежитъ онъ отдѣльно отъ прочихъ, гораздо далѣе всѣхъ ихъ. Ты въ этомъ бою побѣдилъ: ни одинъ здѣсь камня ни далѣ, ни также далеко, какъ ты, не способенъ бросить.» Отъ словъ сихъ веселье проникло въ грудь Одиссея. Радуясь тѣмъ, что ему хоть одинъ благосклонный въ собраньи былъ судія, съ обновленной душей онъ сказалъ предстоявшимъ: «Юноши, прежде добросте до этого камня; за вами брошу другой я и столь же далеко, быть мо-

жетъ. и далѣ. Пусть всѣ другіе, когда побуждаетъ отважное сердце, выйдутъ и сдѣлаютъ опытъ; при всѣхъ оскорбленный, я нынѣ всѣхъ васъ на бой рукопашный, на бѣгъ, на борьбу вызываю; съ каждымъ сразиться готовъ я— съ однимъ не могу Лаодамомъ: гость я его—подыму ли на друга любящаго руку?»

Но Алкиной, возражая, отвѣтствовалъ Одиссею: «Странникъ, ты словомъ своимъ не обидѣть насъ хочешь: ты только всѣмъ показать намъ желаешь, какая еще сохранилась крѣпость въ тебѣ; ты разгнѣванъ безумцемъ, тебя оскорбившимъ дерзской насмѣшкой—за то ни одинъ, говоритъ здѣсь привыкшій съ здравымъ разсудкомъ, ни въ чемъ не помыслитъ тебя опорочить. Выслушай слово однако мое со вниманіемъ, чтобъ послѣ дома его повторить при друзьяхъ благородныхъ, когда ты сидя съ женой и дѣтьми за веселой семейной трапезой, вспомнишъ о доблестяхъ нашихъ и тѣхъ дарованьяхъ, какія намъ отъ отцевъ благодатью Зевеса достались въ наслѣдство. Мы, я скажу, ни въ кулачномъ бою, ни въ борьбѣ не отличны: быстры ногами за то несказанно и первые въ морѣ; любимъ обѣды роскошные, пѣніе, музыку, пляску, свѣжесть одеждъ и мягкое ложе. Но пригласите сюда плясуновъ Феакійскихъ: зову я самыхъ искусныхъ, чтобъ гость нашъ, увидя ихъ, могъ, возвратясь въ домъ свой, тамъ всѣмъ, разсказать, какъ другихъ мы людей превосходимъ въ плаваньи по морю, въ бѣгѣ проворномъ, и въ пляскѣ, и въ пѣньи. Пусть принесутъ Демодоку его звонкогласную лиру; гдѣ-нибудь въ нашихъ пространныхъ палатахъ ее онъ оставилъ.»

Такъ Алкиной говорилъ, и глашатай его исполняя волю, поспѣшно пошелъ во дворецъ за желаемой лирой. Судьи, въ народѣ избранные, девять, на середину поприща, строгіе въ играхъ порядка блюстители, вышли; мѣсто для пляски угладили, поприще сдѣлали шире. Тою порой изъ дворца возвратился глашатай и лиру подалъ пѣвцу: предъ собранье онъ выступилъ; справа и слѣва стали цвѣтущіе юноши, въ легкой искусные пляскѣ. Топали въ мѣру ногами подъ пѣсню они; съ наслажденьемъ легкость сверкающихъ ногъ замѣчалъ Одиссей и дивился. Лирой гремя сладкозвучно, пѣлъ Демодокъ вдохновенный пѣснь о прекрасно кудрявой Кипридѣ и богѣ Ареѣ. Одиссей благородный въ сердцѣ, внимая ему, веселился; и съ нимъ веселились весполюбивые, смѣлые гости морей, Феакійцы.

Но Алкиной повелѣлъ Галіонту вдвоемъ съ Лаодамомъ пляску начать: въ ней не могъ превосходствомъ никто побѣдить ихъ. Мячъ разноцвѣтный, для нихъ рукодѣльнымъ Полибіемъ сшитый, взявъ, Лаодамъ съ молодымъ Галіонтомъ на ровную площадь вышли; закинувши голову, мячъ къ облакамъ темносвѣтлымъ бросилъ одинъ; а другой разбѣжался и, прянувъ высоко, мячъ на лету подхватилъ, до земли не коснувшись ногами. Легкимъ бросаньемъ мяча въ высоту отличась предъ народомъ, начали оба по гладкому лону земли плодоносной быстро плясать; и затопали юноши въ мѣру ногами, стоя кругомъ, и отъ топота ногъ ихъ вся площадь гремѣла. Долго смотрѣвъ, напослѣдокъ сказалъ Одиссей Алкиною: «Царь Алкиной, благороднѣйшій мужъ изъ мужей Феакійскихъ, ты похвалился, что пляскою съ вами никто не сравнится; правда твоя: то глазами я видѣлъ; безмѣрно дивлюся». Такъ онъ сказалъ, возбудилъ Алкиноеву силу святую.

Царь Феакіанамъ весполюбивымъ сказалъ: «Приглашаю выслушать слово мое васъ, судей и владыкъ Феакійскихъ; разумъ великій имѣетъ, я вижу, нашъ гость иноземный; должно ему, какъ обычай велитъ, предложить намъ подарки. Областью нашею правятъ двѣнадцать владыкъ знаменитыхъ, праведно-строгихъ судей; я тринадцатый, главный. Пусть каждый чистое верхнее платье съ хитономъ и съ полнымъ талантомъ

золота нашему гостю въ подарокъ назначитъ обычный. Все повелите сюда принести и своими руками страннику сдайте, чтобъ веселъ онъ былъ за трапезою нашей. Ты жъ, Эвріалъ, удовольствуй его, предъ нимъ повинившись, давъ и подарокъ: его оскорбилъ неприличнымъ ты словомъ». Такъ онъ сказалъ; изъявили свое одобренье другіе; каждый глашатая въ домъ свой послалъ, чтобъ подарки принесъ онъ. Но Эвріалъ, повинуясь, отвѣтствовалъ такъ Алкиною: «Царь Алкиной, благороднѣйшій мужъ изъ мужей Феакійскихъ, я удовольствую гостя, желанье твое исполняя. Мѣдный свой мечъ съ рукоятью серебрянной въ новыхъ чудной работы ножнахъ изъ слоновыя кости, охотно дамъ я ему, и конечно даръ мой высоко оцѣнитъ». Такъ говоря, среброкованный мечъ свой онъ снялъ и возвысилъ голосъ и бросилъ крылатое слово Леэртову сыну: «Радуйся, добрый отецъ иноземецъ! И если сказалъ я дерзкое слово, пусть вѣтеръ его унесетъ и развѣетъ; ты же, хранимый богами, да скоро увидишь супругу, въ домъ возвратяся по долгопечальной разлукѣ съ семьею». Кончилъ; ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный: «Радуйся также и ты, и, хранимый богами, будь счастливъ. Въ сердцѣ жъ своемъ никогда не раскайся, что мнѣ драгоцѣнный мечъ подарилъ свой, повиннымъ меня удовольствовавъ словомъ».

Такъ отвѣчавъ, среброкованный мечъ на плечо онъ повѣсилъ. Солнце зашло; всѣ богатые собраны были подарки; ихъ поспѣшили глашатаи въ домъ отнести Алкиноевъ; тамъ сыновья Алкиноя владыки, принявши подарки, отдали матери ихъ, многоумной царицѣ Аретѣ, Царь же повелъ знаменитаго гостя со всѣми другими въ домъ свой и сѣли, пришедши они, на возвышенныхъ креслахъ. Тутъ, обратяся къ царицѣ Аретѣ, сказалъ благородный царь: «Принеси намъ, жена, драгоцѣннѣйшій самый изъ нашихъ многихъ ковчеговъ, въ него положивши и верхнее платье съ тонкимъ хитономъ. Поставьте котелъ на огонь, вскипятите воду, чтобъ гость нашъ омылся и, всѣ осмотрѣвши подарки, имъ полученные здѣсь отъ людей феакійскихъ, былъ веселъ, съ нами сидя за вечерней трапезой и пѣнью внимая. Я же еще драгоцѣнный кувшинъ золотой на прощаньи дамъ, чтобъ, меня вспоминая, онъ могъ изъ него ежедневно дома творить возліяніе Зевсу и прочимъ безсмертнымъ». Такъ онъ сказалъ, и царица Арета велѣла рабынямъ яркій огонь разложить подъ огромнымъ котломъ троеножнымъ; тотчасъ котелъ троеножный на яркомъ огнѣ былъ поставленъ. Налили воду въ котелъ и усилили хворостомъ пламя: чрево сосуда оно обхватило, вода закипѣла. Тою порою Арета прекрасный ковчегъ изъ покоевъ внутреннихъ вынесла гостю; въ ковчегъ положила подарки: золото, ризы и все, что ему Феакійскіе мужи дали: самажъ къ нимъ прибавила верхнее платье съ хитономъ. Кончивъ, она Одиссею крылатое бросила слово: «Кровлей накрывъ и тесьмою опутавъ ковчегъ, завяжи ты узелъ, чтобъ кто на дорогѣ чего не похитилъ, покуда будешъ покоиться сномъ ты, плывя въ кораблѣ чернобокомъ». То Одиссей богоравный, въ бѣдахъ постоянный, услышавъ, кровлей покрылъ и тесьмою опуталъ ковчегъ и искусный узелъ (какъ былъ наученъ хитроумной Цирцеею) сдѣлалъ. Тутъ пригласила его домовитая ключница въ баню члены свои оживить омовеньемъ; и теплой купальнѣ радъ былъ испытанный мужъ Одиссей, той услады лишенный съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ покинулъ жилище Калипсы, въ которомъ нимфы ему, какъ безсмертному богу, служили. Вышелъ онъ свѣжій изъ бани и къ пьющимъ гостямъ въ пировую залу вступилъ. Навзикая царевна, богиня красою, подлѣ столба, потолокъ подпиравшаго залы, стояла. Взоръ изумленный поднявъ на прекраснаго гостя, царевна голосъ возвысила свой и крылатое бросила слово: «Радуйся, странникъ, но,

въ милую землю отцевъ возвратяся, помни меня; ты спасеніемъ встрѣчѣ со мною обязанъ». Юной царевнѣ отвѣтствовалъ такъ Одиссей многоумный: «О Навзикая, прекрасноцвѣтущая дочь Алкиноя, если мнѣ Иры супругъ, громоносный Кроніонъ, дозволитъ, въ домѣ отеческомъ сладостный день возвращенья увидѣть, буду тамъ помнить тебя и тебѣ ежедневно, какъ богу, сердцемъ молиться: спасеніемъ встрѣчѣ съ тобой я обязанъ». Такъ отвѣчавъ ей, въ креслахъ онъ сѣлъ близь царя Алкиноя. Было ужъ роздано мясо; ужъ чаши виномъ наполнялись. Тою порой возвратился глашатай съ пѣвцемъ Демодокомъ, чтимымъ въ народѣ. Пѣвецъ посреди свѣтлозданной палаты сѣлъ предъ гостями, спиной прислонившись къ колоннѣ высокой. Полную жира хребтовую часть острозубаго вепря взявши съ тарелки своей (для себя же оставя тамъ болѣ), царь Одиссей многославный сказалъ, обратясь къ Понтоною: «Эту почетную часть изготовленной вкусно веприны дай Демодоку; его и печальный я чту несказанно. Всѣмъ на обильной землѣ обитающимъ людямъ любезны, всѣми высоко честимы пѣвцы; ихъ сама научила пѣнію Муза; ей мило пѣвцовъ благородное племя». Такъ онъ сказалъ и проворно отнесъ отъ него Демодоку мясо глашатай; пѣвецъ благодарно даяніе принялъ. Подняли руки они къ приготовленной пищѣ; когда же былъ удовольствованъ голодъ ихъ сладкимъ питьемъ и ѣдою, такъ, обратясь къ Демодоку, сказалъ Одиссей хитроумный: «Выше всѣхъ смертныхъ людей я тебя, Демодокъ, поставляю; Музою, дочерью Дія, иль Фебомъ самимъ наученный, все ты поешь по порядку, что было съ Ахейцами въ Троѣ; что совершили они и какія бѣды претерпѣли; можно подумать, что самъ былъ участникомъ всему иль отъ вѣрныхъ все очевидцевъ узналъ ты. Теперь о конѣ деревянномъ чудномъ Энеоса съ помощью дѣвы Паллады созданьи, спой намъ, какъ въ городъ онъ былъ хитроумнымъ введенъ Одиссеемъ, полный вождей, напослѣдокъ святой Иліонъ сокрушившихъ. Если объ этомъ поистинѣ все намъ, какъ было, споешь ты, буду тогда предъ всѣми людьми повторять повсемѣстно я, что божественнымъ пѣніемъ боги тебя одарили».

Такъ онъ сказалъ и запѣлъ Демодокъ, преисполненный бога. Объ Ахеянахъ пѣлъ Демодокъ; несказанно растроганъ былъ Одиссей, и рѣсницы его орошались слезами. Такъ сокрушенная плачетъ вдовица надъ тѣломъ супруга, падшаго въ битвѣ упорной у всѣхъ впереди передъ градомъ, силясь отъ дня роковаго спасти сограждaнъ и семейство. Видя, какъ онъ содрагается въ смертной борьбѣ и, прижавшись грудью къ нему, злополучная стонетъ; враги же нещадно древками копій и по плечамъ и хребту поражая, бѣдную въ плѣнъ увлекаютъ на рабство и долгое горе; тамъ отъ печали и плача ланиты ея увядаютъ. Такъ отъ печали текли изъ очей Одиссеевыхъ слезы. Всѣми другими онѣ не замѣчены были, но мудрый царь Алкиной ихъ замѣтилъ и понялъ причину ихъ, сидя близь Одиссея и слыша скорбящаго тяжкіе вздохи. Онъ Феакіянамъ веслолюбивымъ сказалъ: «Приглашаю выслушать слово мое васъ, судей и владыкъ Феакійскихъ. Пусть Демодокъ звонкострунную лиру заставитъ умолкнуть; здѣсь онъ не всѣхъ веселитъ насъ ея сладкогласіемъ дивнымъ: съ тѣхъ поръ, какъ пѣнье божественный началъ пѣвецъ на вечернемъ нашемъ пиру, непрестанно глубоко и тяжко вздыхаетъ странникъ; конечно прискорбіе сердцемъ его овладѣло. Долженъ умолкнуть пѣвецъ, чтобъ могли здѣсь равно веселиться гость нашъ и всѣ мы; конечно, для насъ то пріятнѣе будетъ. Здѣсь же давно къ отправленію въ путь иноземца готово все; и подарки ужъ собраны, данные дружбою нашей. Странникъ молящій не менѣе брата роднаго любезенъ всякому, кто одаренъ отъ боговъ не безжалостнымъ сердцемъ. Ты же теперь, ничего не скрывая, отвѣтствуй

на то мнѣ, гость нашъ, о чемъ я тебя вопрошу: откровенность похвальна. Имя скажи мнѣ, какимъ и отецъ твой и мать и другіе въ градѣ твоемъ и отечествѣ милымъ тебя величаютъ».

(Одиссей, открывъ свое имя начинаетъ разсказывать всѣ свои приключенія: отплытіе отъ береговъ Троянскихъ, разрушеніе Измара, города Кикоповъ и гибель многихъ спутниковъ Одиссея; онъ говоритъ о посѣщеніи Лотофаговъ и прибытіи на островъ Циклоповъ, затѣмъ о пребываніи на Эоловѣ островѣ, на островѣ волшебницы Цирцеи. Цирцея велитъ ему посѣтить Океанъ и у входа въ Адъ попросить прорицателя Терезія еще два слова.

---

17. ГНѢДИЧЪ.

«Иліада» Гомера. (1849).

ПѢСНЬ I.

Гнѣвъ, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,
Грозный, который Ахеянамъ тысячи бѣдствій содѣлалъ:
Многія души могучія славныхъ героевъ низринулъ
Въ мрачный Аидъ; и самихъ распростеръ въ корысть плотоядныхъ
Птицамъ окрестнымъ и псамъ: совершалася Зевсова воля;
Съ онаго дня, какъ воздвигшіе споръ, воспылали враждою
Пастырь народовъ Атридъ и герой Ахиллесъ благородный.

Кто-жъ отъ боговъ безсмертныхъ подвигъ ихъ къ враждебному спору?
Сынъ Громовержца и Леты: Фебъ царемъ прогнѣвленный,
Язву на воинство злую навелъ; погибали народы
Въ казнь, что Атридъ обезчестилъ жреца непорочнаго, Хриза.
Старецъ, онъ приходилъ къ кораблямъ быстролетнымъ Ахейскимъ
Плѣнную дочь искупить; и принесши безчисленный выкупъ,
И держа въ рукахъ, на жезлѣ золотомъ, Аполлоновъ
Красный вѣнецъ, умолялъ убѣдительно всѣхъ онъ Ахеянъ,
Паче-жъ Атридовъ могучихъ, строителей рати Ахейской:

«Чада Атрея и пышно-поножные мужи Ахейцы!
О! да помогутъ вамъ боги, имущіе домы въ Олимпѣ,
«Градъ Пріамовъ разрушить и счастливо въ домъ возвратиться;
«Вы-жъ свободите мнѣ милую дочь и выкупъ примите,
«Чествуя Зевсова сына, далеко разящаго Феба.»

Всѣ изъявили согласіе, крикомъ всеобщимъ, Ахейцы,
Честь жрецу оказать и принять блистательный выкупъ;
Только Царя Агамемнона было то не любо сердцу;
Гордо жреца отослалъ и прорекъ ему грозное слово:

«Старецъ, чтобъ я никогда тебя не видалъ предъ судами!
«Здѣсь и теперь ты не медли и впредь не дерзай появляться!
«Или тебя не избавятъ ни скиптръ, ни вѣнецъ Аполлона;
«Дѣвѣ свободы не дамъ я; она обветшаетъ въ неволѣ,
«Въ Аргосѣ, въ нашемъ дому, отъ тебя, отъ отчизны далече—
«Ткальный станъ обходя;
«Прочь удались, и меня ты не гнѣвай, да здравъ возвратишься!»

Рекъ онъ; и старецъ трепещетъ и слову царя покоряся,
Идетъ безмолвный по брегу немолчно-шумящей пучины.

Тамъ, отъ судовъ удалившися, старецъ взмолился печальный
Фебу Царю, лѣпокудрыя Леты могущему сыну:

«Богъ сребролукій, внемли мнѣ: о ты, что хранящій обходишь
«Хризу, священную Киллу, и мощно царишь въ Тенедосѣ,
«Сминѳей! если когда я храмъ твой священный украсилъ,
«Если когда предъ тобой возжигалъ я тучныя бедра
«Козъ и тельцовъ,—услышь и исполни одно мнѣ желанье:
«Слезы мои отомсти Аргивянамъ стрѣлами твоими!»

Такъ вопіялъ онъ, моляся; и внялъ Аполлонъ сребролукій!
Быстро съ Олимпа вершинъ устремился, пышущій гнѣвомъ,
Лукъ за плечами неся и колчанъ, со стрѣлами, отвсюду закрытый;
Громко крылатыя стрѣлы, біясь за плечами, звучали
Въ шествіи гнѣвнаго бога: онъ шествовалъ ночи подобный.
Сѣвъ наконецъ предъ судами, пернатую быструю мечетъ;
Страшный звонъ издаетъ сереброблещущій лукъ Аполлоновъ.
Въ самомъ началѣ на месковъ напалъ онъ и псовъ праздноблодныхъ;
Послѣ, постигъ и народъ, смертоносными прыща стрѣлами;
Частые труповъ костры непрестанно пылали по стану.

Девять дней на воинство божіе стрѣлы летали:
Въ деньже десятый Пелидъ на собраніе созвалъ Ахеянъ.
Въ мысли ему то вложила Богиня державная Гера;
Скорбью терзалась она, погибающихъ видя Ахеянъ,
Быстро сходился народъ, и когда, воедино собрался
Первый въ сонмѣ воставъ, говорилъ Ахиллесъ быстроногій:

«Должно, Атридъ, какъ вижу, обратно исплававши море,
«Въ домы свои возвратиться, когда лишь отъ смерти спасемся.
«Вдругъ и война и погибельный моръ истребляетъ Ахеянъ.
«Но испытаемъ, Атридъ, и вопросимъ жреца, иль пророка,
«Или гадателя сновъ (и сны отъ Зевеса бываютъ):
«Пусть намъ повѣдаютъ, чѣмъ раздраженъ Аполлонъ небожитель?
«Онъ за обѣтъ несвершенный, за жертву-ль стотельчую гнѣвенъ?
«Или отъ агнцевъ и избранныхъ козъ благовоннаго тука
«Требуетъ богъ, чтобъ Ахеянъ избавить отъ пагубной язвы?»
Такъ произнесши, возсѣлъ Ахиллесъ; и мгновенно отъ сонма
Калхасъ возсталъ Ѳесторидъ, верховный птицегадатель.
Мудрый, вѣдалъ онъ все, что минуло, что есть и что будетъ,
А Ахеянъ суда по морямъ предводилъ къ Иліону
Даромъ предвидѣнья, свыше ему вдохновеннымъ отъ Феба.
Онъ, благомыслія полный, вѣщалъ предъ сонмомъ Ахеянъ:

«Царь Ахиллесъ! возвѣстить повелѣлъ ты, любимецъ Зевеса,
«Праведный гнѣвъ Аполлона, далеко разящяго бога.
«Я возвѣщу, но и ты согласись, поклянись мнѣ, что вѣрно
«Самъ ты меня защитить и словами готовъ и руками.
«Я опасаюсь, прогнѣваю мужа, который верховный
«Царь Архивянъ, и которому всѣ покорны Ахейцы
«Слишкомъ могуществен царь, на мужа подвластнаго гнѣвный!

«Вспыхнувшій гнѣвъ онъ на первую пору хотя и смиряетъ,
«Но сокрытую злобу, доколѣ ее не исполнитъ,
«Въ сердцѣ хранитъ. Разсуди-жъ и отвѣтствуй, заступникъ ли ты мнѣ?»

Быстро ему отвѣчая, вѣщалъ Ахиллесъ благородный:
«Вѣрь и дерзай, возвѣсти намъ оракулъ, какой-бы онъ ни былъ!
«Фебомъ клянуся я, Зевса любимцемъ, которому, Калхасъ,
«Молишься ты, открывая Данаямъ вѣщанія бога:
«Нѣтъ, предъ судами никто, покуда живу я и вижу,
«Рукъ на тебя дерзновенныхъ, клянусь, никто не подыметъ
«Въ станѣ Ахеянъ; хотя бы назвалъ самаго ты Атрида,
«Властію нынѣ верховной гордящагося въ рати Ахейской.»

Рекъ онъ; и сердцемъ дерзнулъ, и вѣщалъ имъ пророкъ непорочный:
«Нѣтъ, не за должный обѣтъ, не за жертву стотельчую гнѣвенъ
«Фебъ, но за Хриза жреца: обезчестилъ его Агамемнонъ,
«Дщери не выдалъ ему, и моленье и выкупъ отринулъ.
«Фебъ за него покаралъ, и бѣдами еще покараетъ,
«И отъ пагубной язвы разящей руки не удержитъ
«Прежде, доколѣ къ отцу не отпустятъ безъ платы, свободной
«Дщери его черноокой, и въ Хризу святой не представятъ
«Жертвы стотельчей; тогда лишь мы бога на милость преклонимъ.»

Слово скончавши, возсѣлъ Ѳесторидъ; и отъ сонма воздвигся
Мощный герой, пространно-властительный царь Агамемнонъ,
Гнѣвомъ волнуемъ; ужасной въ груди его мрачное сердце
Злобой наполнилось: очи его засвѣтились какъ пламень.
Калхасу первому, смотря свирѣпо, вѣщалъ Агамемнонъ:

Бѣдъ предвѣщатель, пріятнаго ты никогда не сказалъ мнѣ!
«Радостно, вѣрно, тебѣ человѣкамъ бѣды лишь пророчитъ;
«Добраго слова еще не измолвилъ ты намъ, ни исполнилъ.
«Се, и теперь ты для насъ какъ глаголъ проповѣдуешь бога,
Будто народу бѣды дальномечущій Фебъ устрояетъ
«Мстя, что блестящихъ даровъ за свободу принять Хризеиды
«Я не хотѣлъ; но въ душѣ я желалъ черноокую дѣву
«Въ домъ мой ввести: предпочелъ-бы ее и самой Клитемнестрѣ,
«Дѣвою взятой въ супруги; ея Хризеида не хуже
«Прелестью вида, пріятствомъ своимъ и умомъ и дѣлами!
«Но соглашаюсь, ее возвращаю, коль требуетъ польза:
«Лучше хочу я спасеніе видѣть, чѣмъ гибель народа.
«Вы-жъ мнѣ въ сей день замѣните награду; да въ станѣ Аргивскомъ
«Я безъ награды одинъ не останусь; позорно-бъ то было,
«Вы-же то видите всѣ—отъ меня отходитъ награда.»

Первый ему втвѣчалъ Пелеіонъ Ахиллесъ быстроногій:
«Славою гордый Атридъ, безпредѣльно корыстолюбивый!
«Гдѣ для тебя обрести добродушнымъ Ахеямъ награду?
«Мы не имѣемъ нигдѣ сохраняемыхъ общихъ сокровищъ;
«Что въ городахъ разоренныхъ мы добыли, все раздѣлили:
«Снова-жъ, что было дано, отбирать у народа, позорно!
«Лучше свою возврати, въ угожденіе богу. Но послѣ

«Втрое и вчетьеро мы, Аргивяне, тебѣ то заплатимъ,
«Если даруетъ Зевсъ крѣпкостѣнную Трою разрушить.»

Быстро, къ нему обратяся, вѣщалъ Агаме́мнонъ могучій:
«Сколько ни доблестенъ ты, Ахиллесъ, безсмертнымъ подобный,
«Хитро не умствуй: меня ни провесть, ни склонить не успѣешь.
«Хочешь, чтобъ самъ обладалъ ты наградой; а я, чтобъ лишенный
«Молча сидѣлъ? и совѣтуешь мнѣ ты, чтобъ дѣву я выдалъ?...
«Пусть же меня довольствуютъ новою мздою Ахейцы,
«Столько-жъ пріятною сердцу, достоинствомъ равною первой.
«Если-жъ откажутъ, предстану я самъ, и изъ кущи исторгну
«Или твою, иль Аяксову мзду, или мзду Одиссея,
«Самъ я исторгну, и горе тому, предъ кого я предстану!
«Но объ этомъ бесѣдовать можемъ еще мы и послѣ.
«Нынѣ, черный корабль на священное море ниспустимъ,
«Сильныхъ гребцовъ изберемъ, на корабль гекатомбу поставимъ,
«И сведемъ Хризеиду, румяноланитную дѣву.
«Въ немъ да возсядетъ начальникомъ мужъ отъ Ахеянъ совѣтныхъ,
«Идоменей, Одиссей Лаертидъ, иль Аяксъ Теламо́нидъ,
«Или ты самъ, Пелеёнъ, изъ мужей въ ополченьи страшнѣйшій.
«Шествуй, и къ намъ Аполлона умилостивъ жертвой священной.»

«Грозно взглянувъ на него, отвѣчалъ Ахилесъ быстроногій:
«Царь, облеченный безстыдствомъ, коварный душею мздолюбецъ!
«Кто изъ Ахеянъ захочетъ твои повелѣнія слушать?
«Кто иль походъ совершитъ, иль съ враждебными храбро сразится?
«Я за себя-ли пришелъ, чтобъ Троянъ укротителей коней
«Здѣсь воевать?—Предо мною ни въ чемъ не виновны Трояне:
«Мужъ ихъ ни коней моихъ, ни тельцовъ никогда не похитилъ:
«Въ счастливой Ѳіи моей, многолюдной, плодами обильной,
«Нивъ никогда не топталъ; безпредѣльныя насъ раздѣляютъ
«Горы, покрытыя лѣсомъ, и шумныя волны морскія.
«Нѣтъ, за тебя мы пришли, веселимъ мы тебя, на Троянахъ
«Чести ища Менелаю, тебѣ человѣкъ псообразный!
«Ты-же, безстыдный! считаешь ничѣмъ то и все презираешь,
«Ты угрожаешь и мнѣ, что мою ты награду похитишь,
«Подвиговъ тягостныхъ мзду, драгоцѣннѣйшій даръ мнѣ Ахеянъ?
«Но съ тобою никогда не имѣю награды я равной
«Если Троянскій цвѣтущій Ахеяне градъ разгромляютъ.
«Нѣтъ не смотря, что тягчайшее бремя томительной брани
«Руки мои подымаютъ; всегда, какъ раздѣлъ наступаетъ,
«Даръ богатѣйшій тебѣ, а я, и съ малымъ, пріятнымъ
«Въ станъ не ропща возвращаюсь, когда истомленъ ратоборствомъ.
«Нынѣ, во Ѳію иду; для меня несравненно пріятнѣй
«Въ домъ возвратиться на быстрыхъ судахъ; посрамленный тобою,
«Я не немѣренъ тебѣ умножать здѣсь добычъ и сокровищъ.»

Быстро воскликнулъ къ нему повелитель мужей Агаме́мнонъ:
«Что-же, бѣги, если бѣгства ты жаждешь! тебя не прошу я
«Ради меня оставаться; останутся здѣсь и другіе;
«Честь мнѣ окажутъ они, а особенно Зевсъ промыслитель

«Ты ненавистнѣйшій мнѣ межъ царами, питомцами Зевса!
«Только тебѣ и пріятны споры, раздоры, да битвы,
«Храбростью ты знаменитъ; но она дарованіе бога.
«Въ домъ возвратись, съ кораблями бѣги и съ дружиной своею;
«Властвуй своими Ѳессальцами! я о тебѣ не забочусь;
Гнѣвъ твой вмѣняю въ ничто; а напротивъ, грожу тебѣ такъ я:
«Требуетъ богъ Аполлонъ, чтобы я возвратилъ Хризеиду;
«Я возвращу; и въ моемъ кораблѣ и съ моею дружиной
«Дѣву пошлю; и къ тебѣ я приду, и изъ кущи твоей Бризеиду
«Самъ увлеку я, награду твою, чтобы ясно ты понялъ,
«Сколько я властью выше тебя, и чтобъ каждый страшился
«Равнымъ себя мнѣ считать и дерзко верстаться со мною.»

Рекъ онъ; и горько Пелиду то стало: могучее сердце
«Въ персяхъ героя власатыхъ межъ двухъ волновалося мыслей;
Или, не медля исторгнувши мечъ изъ влагалища острый,
Встрѣчныхъ разсыпать ему и убить властелина Атрида;
Или — свирѣпство смирить, обуздавъ огорченную душу.
Въ мигъ, какъ подобными думами разумъ и душу волнуя,
Страшный свой мечъ изъ ноженъ извлекалъ онъ,—явилась Аѳина,
Съ неба слетѣвъ; ниспослала ее златотронная Гера,
Сердцемъ любя и храня обоихъ браноносцевъ; Аѳина,
Ставъ за хребтомъ, ухватила за русыя кудри Пелида,
Только ему лишь явленная, прочимъ незримая въ сонмѣ.
Онъ ужаснулся и, вспять обратяся, позналъ несомнѣнно
Дочь Громовержцеву; страшнымъ огнемъ ея очи горѣли.
Къ ней обращенный лицемъ, устремилъ онъ крылатыя рѣчи:

Что ты, о дщерь Эгіоха, сюда низошла отъ Олимпа?
Или желала ты видѣть царя Агамемнона буйства?
«Но реку я тебѣ, и реченное скоро свершится:
«Скоро сей смертный своею гордынею душу погубитъ!»

Сыну Пелея рекла свѣтлоокая дщерь Эгіоха:
«Бурный твой гнѣвъ укротить я, когда ты безсмертнымъ покоренъ,
«Съ неба сошла; ниспослала меня златотронная Гера;
«Васъ обоихъ равномѣрно и любитъ она и спасаетъ.
«Кончи раздоръ Пелеинъ, и довольствуя гнѣвное сердце,
«Злыми словами язвя, но рукою меча не касайся.
«Я предрекаю, и оное скоро исполнено будетъ:
«Скоро трикраты тебѣ знаменитыми столько-жъ дарами
«Здѣсь за обиду заплатятъ: смирися и намъ повинуйся.»

Къ ней обращаяся вновь, говорилъ Ахилесъ быстроногій:
«Должно, о Зевсова дщерь, соблюдать повелѣнія наши,
«Какъ мой ни пламененъ гнѣвъ, но покорность полезнѣе будетъ:
«Кто безсмертнымъ покоренъ, тому и безсмертные внемлютъ.»

Рекъ, и на серебрянномъ черенѣ стиснулъ могучую руку,
И огромный свой мечъ въ ножны опустилъ, покоряся
Слову Паллады; Зевсова дочь вознеслася къ Олимпу,
Въ домъ Эгіоха отца, небожителей съ свѣтлому сонму.

Но Пелидъ быстроногій суровыми снова словами
Къ сыну Атрея вѣщалъ, и отнюдь не обуздывалъ гнѣва:

«О винопійца, со взорами пса, но съ душею еленя!
«Ты никогда ни въ рѣшительный бой ополчиться съ народомъ,
«Ни пойти на засаду съ храбрѣйшими рати мужами
«Сердцемъ твоимъ не дерзнулъ: для тебя то кажется смертью.
«Лучше и легче стократъ по широкому стану Ахеянъ
«Грабить дары у того, кто тебѣ прекословить посмѣетъ.
«Царь пожиратель народа! Зане надъ презрѣнными царь ты:
«Или, Атридъ, ты нанесъ-бы обиду, послѣднюю въ жизни!
«Но тебѣ говорю, и великою клятвой клянуся,
«Скипетромъ симъ я клянуся, который ни листьевъ, ни вѣтьвей
«Вновь не испуститъ, однажды оставивъ свой корень на холмахъ;
«Вновь не прозябнетъ: на немъ изощренная мѣдь обнажила
«Листья и кору; и нынѣ который Ахейскіе мужи
«Носятъ въ рукахъ судіи, уставовъ Зевесовыхъ сражи:
«Скипетръ сей тебѣ предъ Ахейцами будетъ великою клятвой.
«Время придетъ, какъ Данаевъ сыны пожалѣютъ Пелида
«Всѣ до послѣдняго; ты-жъ, и крушася, безсиленъ имъ будешь
«Помощь подать, какъ толпы ихъ отъ Гектора мужеубійцы
«Свергнутся въ прахъ; и душей ты своей истерзаешься, бѣшенъ
«Самъ на себя, что Ахейца храбрѣйшаго такъ обезславилъ.»

Такъ произнесъ, и на землю стремительно скипетръ онъ бросилъ,
Вкругъ золотыми гвоздями блестящій, и сѣлъ межъ царями.
Противъ Атридъ Агамемнонъ свирѣпствовалъ сидя; и Несторъ,
Сладкорѣчивый возсталъ, громогласный витія Пилосскій:
Речи, изъ устъ его вѣщихъ, сладчайшія меда, лилися,
Два поколѣнья уже современныхъ ему человѣковъ
Скрылись, которыя нѣкогда съ нимъ возрастали и жили
Въ Пилосѣ пышномъ; надъ третьимъ ужъ племенемъ царствовалъ старецъ.
Онъ, благомыслія полный, совѣтуетъ имъ и вѣщаетъ:
«Боги! великая скорбь на Ахейскую землю приходитъ!
«О! возликуетъ Пріамъ и Пріамовы гордыя чада,
Ввѣ обитатели Трои безмѣрно восхитятся духомъ,
«Если услышатъ, что вы воздвигаете горькую распрю,
«Вы, межъ Данаями первые въ сонмахъ и первые въ битвахъ!
«Но, покоритесь могучіе! оба меня вы моложе.
«Я уже древле видалъ знаменитѣйшихъ васъ браноносцевъ;
«Съ ними въ бесѣды вступалъ, и они не гнушалися мною,
«Нѣтъ, подобныхъ мужей не видалъ я и видѣть не буду,
«Воевъ, каковъ Пириѳей и Дріасъ, предводитель народовъ,
«Грозный Эксадій, Кеней, Полифемъ, небожителямъ равный
«И рожденный Эгеемъ, Ѳезей ,безсмертнымъ подобный:
«Се человѣки могучіе, слава сыновъ земнородныхъ!
«Были могучи они, съ могучими въ битвы вступали,
«Съ лютыми чадами горъ, и сражали ихъ боемъ ужаснымъ.
«Былъ я однако и съ оными въ дружествѣ, бросивши Пилосъ,
«Дальную Аніи землю; меня они вызвали сами.
«Тамъ я, по силамъ моимъ подвизался; но съ ними стязаться

«Кто-бы дерзнулъ отъ живущихъ теперь человѣковъ наземныхъ?
Но они мой совѣтъ принимали и слушали рѣчи.
«Будьте и вы послушны: слушать совѣты полезно.
«Ты, Агемемнонъ, какъ ни могущъ, не лишай Ахиллеса
«Дѣвы; ему какъ награду ее даровали Ахейцы.
«Ты, Ахиллесъ, воздержись горделиво съ царемъ препираться:
«Чести подобной до нынѣ еще не стяжалъ ни единый
«Царь скиптроносецъ, котораго Зевсъ возвеличивалъ славой,
«Мужествомъ ты знаменитъ, родила тебя матерь, богиня;
«Но сильнѣйшій здѣсь онъ, повелитель народовъ несчетныхъ.
«Сердце смири, Агамемнонъ: я старецъ, тебя умоляю,
«Гнѣвъ отложи на Пелида героя, который сильнѣйшій
«Всѣмъ намъ, Ахейцамъ, оплотъ въ истребительной брани Троянской.»

Быстро ему отвѣчалъ повелитель мужей Агамемнонъ:
«Такъ, справедливо ты все и разумно, о старецъ, вещаешь:
«Но человѣкъ сей—ты видишь, хочетъ здѣсь всѣхъ перевысить,
«Хочетъ начальствовать всѣми, господствовать въ рати надъ всѣми,
«Хочетъ указывать всѣмъ; но не я покориться намѣренъ,
«Или, что храбрымъ его сотворили безсмертные боги,
«Тѣмъ позволяютъ ему говорить мнѣ въ лицъ оскорбленья?»

Гнѣвно его перервавъ, отвѣчалъ Ахиллесъ благородный:
«Робкимъ, ничтожнымъ меня справедливи бы всѣ называли,
«Если-бъ во всемъ, что ни скажешь, тебѣ угождалъ я безмолвный.
«Требуй того отъ другихъ, напыщенный властительствомъ; мнѣ-же
«Ты не приказывай; слушать тебя не намѣренъ я болѣ!
«Слово иное скажу, и его сохрани ты на сердцѣ:
«Въ битву съ оружьемъ въ рукахъ никогда за плѣнную дѣву
«Я не вступлю, ни съ тобой и ни съ кѣмъ; отымайте, что дали!
«Что-жъ до корыстей другихъ, въ кораблѣ моемъ черномъ хранимыхъ,
«Противу воли моей ничего ты изъ нихъ не похитишь!
«Или приди и отвѣдай, пускай и другіе увидятъ:
«Черная кровь изъ тебя вкругъ копья моего заструится!»

Такъ воеводы, жестоко другъ другу словами переча,
Встали отъ мѣстъ, и разрушили сонмъ предъ судами Ахеянъ.
Царь Ахиллесъ къ Мирмидонскимъ своимъ кораблямъ быстролетнымъ
Гнѣвный отшелъ, и при немъ Менетидъ съ Мирмидонской дружиной.
Царь Агаменнонъ—легкій корабль ниспустилъ на пучину,
Двадцать избралъ гребцовъ, поставилъ на немъ гекатомбу,
Даръ Аполлону, и самъ Хризеиду, прекрасную дѣву
Взвелъ на корабль; повелителемъ сталъ Одиссей многоумный;
Бистро они, устремяся, по влажнымъ путямъ полетѣли,
Тою порою Атридъ повелѣлъ очищаться Ахейцамъ;
Всѣ очищались они и нечистое въ море метали.
Послѣ, избравъ совершенныя Фебу царю гекатомбы,
Козъ и тельцовъ сожигали у брега безплоднаго моря;
Туковъ воня до небесъ восходила съ клубящимся дымомъ.
Такъ Аргивяне трудилися въ станѣ; но царь Агамемнонъ
Злобы еще не смирялъ и угрозъ не забылъ Ахиллесу:

Онъ, призвавъ предъ лице Талөибія и съ нимъ Эврибата,
Вѣрныхъ клевретовъ и вѣстниковъ, такъ заповѣдывалъ гнѣвный:

«Шествуйте, вѣрные вѣстники, въ сѣнь Ахиллеса Пелида;
«За руки взявъ, предъ меня Хризеиду не медля прдставьте:
«Если-же онъ не отдастъ, возвратитеся, самъ я исторгну;
«Съ силой къ нему я прійду, преслушному горестнѣй будетъ!»

Такъ произнесъ и послалъ, заповѣдавши грозное слово.
Мужи пошли не охотно по берегу шумной пучины;
И приближаяся къ кущамъ и къ быстрымъ судамъ Мирмидоновъ.
Тамъ обрѣтаютъ его, передъ кущей своею сидящимъ
Во думѣ; пришедшихъ увидя, не радость Пелидъ обнаружилъ.
Оба смутилися они, и въ почтительномъ страхѣ къ владыкѣ
Стали, ни вѣсти сказать, ни его вопросить не дерзая.
Сердцемъ своимъ то проникъ, и вѣщалъ имъ Пелидъ благородный:

«Здравствуйте, мужи глашатаи, вѣстники бога и смертныхъ!
«Ближе предстаньте; ни въ чемъ вы не винны, но царь Агамемнонъ!
«Онъ васъ послалъ за наградой моей, за младой Хризеидой.
«Другъ благородный Патроклъ, изведи и отдай Хризеиду;
«Пусть похищаютъ; но сами они-же свидѣтели будутъ
«И предъ сонмомъ боговъ, и предъ племенемъ всѣхъ человѣковъ,
«И предъ царемъ симъ неистовымъ: ежели нѣкогда снова
«Нужда настанетъ во мнѣ, чтобъ спасти отъ позорнѣйшей смерти
«Рать остальную... свирѣпствуетъ вѣрно онъ, умъ погубивши!
«Свесть настоящаго съ будущимъ онъ не умѣя, не видитъ,
«Какъ при судахъ обезпечить спасеніе рати Ахейской!»

Рекъ, и Менетіевъ сынъ покорился любезному другу,
За руку вывелъ изъ сѣни прекрасноланитую дѣву,
Отдалъ посламъ; и они удаляются къ сѣнямъ Ахейскимъ;
Съ ними отходитъ печальная дѣва.— Тогда прослезяся,
Бросилъ друзей Ахиллесъ, и далеко отъ всѣхъ, одинокій,
Сѣлъ у пучины сѣдой и, взирая на понтъ темноводный,
Руки въ слезахъ простиралъ, умоляя любезную матерь:

«Матерь! когда ты меня породила на свѣтъ кратковѣчнымъ,
«Славы не долженъ-ли былъ присудить мнѣ высокогремящій
«Зевсъ Эгіохъ? но меня никакой не сподобилъ онъ чести!
«Гордый могуществомъ царь Агамемнонъ меня обезчестилъ:
«Подвиговъ бранныхъ награду похитилъ, и властвуетъ ею!»

Такъ онъ, въ слезахъ вопіялъ; и слышала вопль его матерь,
Въ безднахъ сидящая моря, въ обители старца Нерея:
Быстро изъ пѣннаго моря, какъ легкое облако, вышла;
Сѣла близъ милаго сына, струящаго горькія слезы;
Нѣжно ласкала рукой, называла, и такъ говорила:

«Что ты, о сынъ мой, рыдаешь? какая печаль посѣтила
«Сердце твое? не скрывайся, повѣдай, да оба мы знаемъ.»
«Ей, тяжело застонавъ, отвѣчалъ Ахиллесъ быстроногій:
«Знаешь, о матерь; почто тебѣ, знающей все, возвѣщать мнѣ?

«Мы на священныя Өивы, на градъ Этіоновъ ходили;
«Градъ разгромили, и все, что добыли, представили въ станѣ,
«Все межъ собою, какъ должно, Ахеянъ сыны раздѣлили:
«Сыну Атрееву Хризову дочь лѣповидную дали:
«Вскорѣ Хризъ, Іерей престарѣлый царя Аполлона,
«Къ чернымъ предсталъ кораблямъ Аргивянъ мѣднобронныхъ, желая
«Плѣнную дочь искупить; и принесши безчисленный выкупъ,
«И держа въ рукахъ, на жезлѣ золотомъ, Аполлоновъ
«Свѣтлый вѣнецъ, умолялъ убѣдительно всѣхъ онъ Ахеянъ,
«Паче-жъ Атридовъ могучихъ, строителей рати Ахейской.
«Всѣ изъявили согласіе, крикомъ всеобщимъ, Ахейцы,
«Честь жрецу оказать и принять блистательный выкупъ;
«Но Атриду одному не угодно-то было:
«Гордо жреца онъ отринулъ, суровыя рѣчи вѣщая.
«Жрецъ огорчился и вспять отошелъ; но ему Сребролукій
«Скоро молящемусь внялъ: Аполлону любезенъ былъ старецъ:
«Внялъ, и стрѣлу истребленья послалъ на Данаевъ; народы
«Гибли, толпа на толпѣ, и безсмертнаго стрѣлы летали
«Съ края на край по широкому стану.— Тогда прорицатель
«Калхасъ премудрый, повѣдалъ священные Феба глаголы.
«Первый совѣтовалъ я укротить раздраженнаго бога.
«Гнѣвомъ вспылалъ Агамемнонъ и съ мѣста свирѣпый воспрянувъ,
«Началъ словами грозить, и угрозы его совершились!
«Въ Хризу священника дщерь быстроокія чада Ахеянъ
«Въ легкомъ везутъ кораблѣ, и дары примиренія богу;
«Но недавно ко мнѣ приходили послы, и изъ кущи
«Хризову дщерь увели, драгоцѣннѣйшій даръ мнѣ Ахеянъ!

«Матерь! когда ты сильна, заступися за храбраго сына!
«Нынѣ-жъ взойди на Олимпъ и моли всемогущаго Зевса,
«Ежели сердцу его угождала ты словомъ иль дѣломъ.
«Часто я въ домѣ родителя, въ дни еще юности, слышалъ,
«Часто хвалилася ты, что отъ Зевса, сгустителя облакъ,
«Ты изъ безсмертныхъ одна отвратила презрѣнныя козни,
«Въ день, какъ отца оковать Олимпійскіе боги дерзнули,
«Гера и царь Посидаонъ и съ ними Аөина Паллада.
«Ты, о богиня, представъ, уничтожила ковы на Зевса;
«Ты на Олимпъ многохолмный призвала Сторукаго въ помощь,
«Коему имя въ богахъ Бріарей, Эгеонъ въ человѣкахъ:
«Страшный титанъ, и отца своего превышающій силой.
«Онъ близъ Кронида возсѣлъ, и огромный и славою гордый.
«Боги его ужаснулись и всѣ отступили отъ Зевса.
«Зевсу напомни о томъ, и моли, обнимая колѣна,
«Пусть онъ, отецъ, возжелаетъ, въ бояхъ поборать за Пергамлянъ;
«Но Аргивянъ, утѣсняя до самыхъ судовъ и до моря.
«Смертью разить, да своимъ Аргивяне царемъ насладятся;
«Самъ-же сей царь многовластный надменный Атридъ, да познаетъ
«Сколь онъ преступенъ, Ахейца храбрѣйшаго такъ обезчестивъ».

Сыну въ отвѣтъ говорила Өетида, ліющая слезы:
«Сынъ мой! почто я тебя воспитала, рожденнаго къ бѣдствамъ!

«Даруй, Зевесъ, чтобы ты предъ судами безъ слезъ и печалей
«Могъ оставаться. Кратокъ твой вѣкъ и предѣлъ его близокъ!
«Нынѣ ты вмѣстѣ и всѣхъ кратковѣчнѣй и всѣхъ злополучнѣй!
«Въ злую годину, о сынъ мой, тебя я въ дому породила!
«Но вознесусь на Олимпъ многоснѣжный; метателю молній
«Все я повѣдаю Зевсу: быть можетъ, вонметъ онъ моленью.
«Ты-же теперь оставайся при быстрыхъ судахъ Мирмидонскихъ,
«Гнѣвъ на Ахеянъ питай, и отъ битвъ удержись совершенно.
«Зевсъ громовержецъ вчера къ отдаленнымъ водамъ Океана,
«Съ сонмомъ безсмертныхъ, на пиръ Эѳіопамъ отшелъ непорочнымъ;
«Но въ двѣнадцатый день возвратится снова къ Олимпу;
«И тогда я пойду къ мѣднозданному Зевсову дому,
«И къ ногамъ припаду и царя умолить уповаю».

Слово скончала и скрылась, оставя печальнаго сына,
Въ сердцѣ питавшаго скорбь и краснопоясанной дѣвѣ,
Силой Атрида отъятой. — Межъ тѣмъ Одиссей велемудрый
Хризы веселой достигъ съ гекатомбой священною Фебу.
Съ шумомъ легкій корабль вбѣжалъ въ глубокодонную пристань;
Всѣ паруса опустили, сложили на черное судно;
Мачту къ гнѣзду притянули, поспѣшно спустивъ на канатахъ,
И корабль въ пристанище дружно пригнали на веслахъ.
Тамъ они котвы бросаютъ, причалы къ пристанищу вяжутъ,
И съ дружиною сами сходятъ на берегъ пучины
И низводятъ тельцовъ, гекатомбу царю Аполлону,
И вослѣдъ Хризеида на отчую землю нисходитъ.
Дѣву тогда къ алтарю повелъ Одиссей благородный,
Старцу въ объятія отдалъ и словомъ привѣтствовалъ мудрымъ:

Феба служитель! меня посылаетъ Атридъ Агамемнонъ
«Дочерь тебѣ возвратить, и Фебу царю гекатомбу
«Здѣсь за Данаевъ принесть, да преклонимъ на милость владыку,
«Въ гнѣвѣ на племя Данаевъ пославшаго тяжкія бѣдства».
Рекъ и вручилъ Хризеиду, и старецъ съ веселіемъ обнялъ
Милую дочь. — Между тѣмъ гекатомбную славную жертву
Вкругъ алтаря велелѣпнаго стройно становятъ Ахейцы,
Руки водой омываютъ, и соль и ячмень подымаютъ.
Громко Хризъ возмолился, горѣ воздѣвающій руки:

«Фебъ сребролукій, внемли мнѣ! о ты, что хранящій обходишь
«Хризу, священную Киллу и мощно царишь въ Тенедосѣ!
«Ты благосклонно и прежде, когда я молился, услышалъ
«И прославилъ меня, поразивши бѣдами Ахеянъ;
«Также и нынѣ услышь, и исполни моленіе старца:
«Нынѣ погибельный моръ отврати отъ народовъ Ахейскихъ».

Такъ онъ взывалъ; и услышалъ его Аполлонъ сребролукій.
Кончивъ молитву, ячменемъ и солью осыпали жертвы,
Выи имъ подняли въ верхъ, закололи, тѣла освѣжили,
Бедра не медля отсѣкли, обрѣзаннымъ тукомъ покрыли
Вдвое кругомъ, и на нихъ положили останки сырые.

Жрецъ на дровахъ сожигалъ ихъ, багрянымъ виномъ окропляя;
Юноши, окрестъ его, въ рукахъ пятизубцы держали.
Бедра сожегши они, и вкусивши утробъ отъ закланныхъ,
Все остальное дробятъ на куски, прободаютъ рожнами,
Жарятъ на нихъ осторожно и, все уготовя, снимаютъ.
Кончивъ заботу сію, Ахеяне пиръ учредили;
Всѣ пировали, никто не нуждался на пиршествѣ общемъ.
И когда питіемъ и пищею гладъ утолили,
Юноши, паки виномъ наполнивши до верху чаши,
Кубками всѣхъ обносили, отъ правой страны начиная.
Цѣлый Ахеяне день ублажали пѣніемъ бога;
Громкій пеанъ Аполлону Ахейскіе отроки пѣли,
Славя его стрѣловержца; и онъ веселился внимая.
Солнце едва закатилось и сумракъ на землю спустился,
Сну предалися пловцы у причалъ мореходнаго судна.
Но, лишь явилась заря розоперстная, вѣстница утра,
Въ путь поднялися обратный, къ широкому стану Ахейцы.
Съ мѣста попутный имъ вѣтеръ пославъ Аполлонъ сребролукій:
Мачту поставили, парусы бѣлые всѣ распустили;
Средній немедленно вѣтеръ надулъ, и поплывшему судну,
Страшно вкругъ киля его зашумѣли пурпурныя волны:
Быстро оно по волнамъ, бразды оставляя, летѣло,
Послѣ, какъ скоро достигли Ахейскаго ратнаго стана,
Черное судно они извлекли на покатую сушу,
И, высоко на пескѣ, подкативши огромныя бревна,
Сами разсѣлись вкругъ по своимъ кораблямъ и по кущамъ.

Онъ между тѣмъ враждовалъ, при судахъ оставаяся черныхъ,
Зевсовъ питомцевъ Пелидъ, Ахиллесъ быстроногій ристатель.
Не былъ уже ни въ совѣтахъ, мужей украшающихъ славой,
Не былъ ни въ грозныхъ бояхъ; сокрушающій сердце печалью,
Праздный сидѣлъ; но душою алкалъ онъ и брани и боя.

Съ оной поры наконецъ двѣнадцать денницъ совершилось,
И на свѣтлый Олимпъ возвратилися вѣчные боги
Всѣ совокупно; предшествовалъ Зевсъ. Не забыла Ѳетида
Сына моленій: рано возникла изъ пѣннаго моря.
Съ раннимъ туманомъ взошла на великое небо, къ Олимпу;
Тамъ, одного возсѣдящаго молній метателя Зевса
Видитъ на самой вершинѣ горы многоверхной, Олимпа;
Близко предъ нимъ возсѣдаетъ и быстро обнявши колѣна
Лѣвой рукою, а правой подбрадія тихо касаясь,
Такъ говоритъ, умоляя отца и владыку безсмертныхъ:

«Если когда я, отецъ нашъ, тебѣ отъ безсмертныхъ угодна
«Словомъ была, или дѣломъ, исполни одно мнѣ моленье!
«Сына отомсти мнѣ, о Зевсъ! кратковѣчнѣе всѣхъ онъ Данаевъ,
«Но его Агемемнонъ властитель мужей обезславилъ:
«Самъ у него и похитилъ награду и властвуетъ ею.
«Но отомсти его ты, промыслитель небесный Кроніонъ!
Ратямъ Троянскимъ даруй одолѣнье, доколѣ Ахейцы

«Сына почтить не предстануть и ч ест его не возвысятъ»,

Такъ говорила, но ей не отвѣтствуя, Тучегонитель
Долго безмолвный сидѣлъ; а она, какъ объяла колѣна
Такъ ихъ держала, припавши, и снова его умоляла:
«Дай непреложный обѣтъ, и священное маніе сдѣлай,
«Или отвергни: ты страха не знаешь: реки да увѣрюсь,
«Всѣхъ ли презрѣннѣйшей я между безсмертныхъ богинь остаюся».

Ей вздохнувши глубоко, отвѣтствовалъ Тучегонитель:
«Скорбное дѣло, ненависть ты на меня возбуждаешь
«Геры надменной: озлобитъ меня оскорбительной рѣчью;
«Гера и такъ непрестанно, предъ сонмомъ безсмертныхъ, со мною
«Споритъ и вопитъ, что я за Троянъ побораю во брани.
«Но удалися теперь, да тебя на Олимпѣ не узритъ
«Гера; о прочемъ заботы пріемлю я самъ, и исполню:
«Зри, да увѣрена будешь, тебѣ я главой помаваю.
«Се отъ лица моего для безсмертныхъ боговъ величайшій
«Слова залогъ: невозвратно то слово, во вѣкъ непреложно,
«И не свершиться не можетъ, когда я главой помаваю».

Рекъ, и во знаменье черными Зевсъ помаваетъ бровями.
Быстро власы благовонные въ верхъ поднялись у Кронида
Окрестъ безсмертной главы; и потрясся Олимпъ многохолмный.

Такъ совѣщались они и разсталися. Быстро Ѳетида
Ринулась въ бездну морскую, съ блестящаго сверглась Олимпа:
Зевсъ возвратился къ чертогъ; и боги съ престоловъ возстали
Въ встрѣчу отцу своему; не дерзнулъ ни одинъ изъ безсмертныхъ
Сидя грядущаго ждать, но во стретенье всѣ поднялися.

Тамъ Олимпіецъ на тронѣ возсѣлъ; но владычица Гера
Все примѣчала; узрѣла, какъ съ нимъ полагала совѣты
Старца пучиннаго дочь, среброногая матерь Пелида.
Быстро, съ язвительной рѣчью, она обратилась на Зевса:

«Кто изъ безсмертныхъ съ тобою, коварный, строилъ совѣты?
«Знаю, пріятно тебѣ, отъ меня завсегда сокровенно
«Тайныя думы держать, никогда ты собственной волей
«Мнѣ не рѣшился повѣдать ни слова изъ помысловъ тайныхъ!»

Ей отвѣчалъ повелитель боговъ и отецъ человѣковъ:
«Гера, совѣты мои не всѣ ты надѣйся увѣдать;
«Тягостны будутъ тебѣ, хотя ты мнѣ и супруга!
«Что не возбранно познать, никогда никто не познаетъ
«Прежде тебя, ни отъ сонма земныхъ, ни отъ сонма небесныхъ.
«Если-жъ одинъ, безъ боговъ, восхощу я совѣты замыслить,
«Ты не меня вопрошай, ни сама не извѣдывай оныхъ.»

Къ Зевсу воскликнула вновь волоокая Гера богиня:
«Тучегонитель, какія ты рѣчи, жестокій, вѣщаешь?
«Я никогда ни тебя вопрошать, ни сама что извѣдать
«Вѣкъ не желала; спокойно всегда замышляешь что хочешь.
«Я и теперь объ одномъ трепещу, да тебя не преклонитъ

«Старца пучиннаго дочь, среброногая матерь Пелида:
«Рано возсѣла съ тобой и колѣна твои обнимала;
«Ей помавалъ ты, какъ я примѣчаю, желая Пелида
«Честь отомстить, и толпы Аргивянъ истребить предъ судами».

Герѣ паки не медля отвѣтствовалъ тучегонитель Кроніонъ:
«Дивная! Все примѣчаешь ты, вѣчно меня соглядаешь!
«Но произвесть ничего не успѣешь; болѣе только
«Сердце мое отвратишь, и тебѣ то ужаснѣе будетъ!
«Если содѣлалось такъ; безъ сомнѣнія мнѣ то угодно!
«Ты-же безмолвно сиди, и глаголамъ моимъ повинуйся!
«Или, тебѣ не помогутъ ни всѣ божества на Олимпѣ,
«Если, возставъ, наложу на тебя необорныя руки.»

Рекъ; устрашилась его волоокая Гера богиня,
И безмолвно сидѣла, свое побѣдившая сердце.
Смутно по Зевсову дому вздыхали небесные боги.
Тутъ Олимпійскій художникъ, Гефестъ бесѣдовать началъ,
Матери милой усердствуя, Герѣ лилейно-раменной:
«Горестны будутъ такія дѣла, наконецъ нестерпимы,
«Ежели вы и за смертныхъ съ подобной враждуете злобой!
«Ежели въ сонмѣ боговъ воздвигаете смуту! исчезнетъ
«Радость отъ пиршества свѣтлаго, ежели зло торжествуетъ!
«Матерь, тебя убѣждаю, хотя и сама ты премудра,
«Зевсу царю окажи покорность, да паки безсмертный
«Гнѣвомъ не грянетъ, и намъ не смутитъ безмятежнаго пира.
«Если восхощетъ отецъ, Олимпіецъ, громами блестящій,
«Всѣхъ отъ престоловъ низвергнетъ;— могуществомъ всѣхъ онъ превыше.
«Матерь, потщися могущаго сладкими тронуть словами,
«И немедленно къ намъ Олимпіецъ милостивъ будетъ».

Такъ произнесъ, и поднявшись, блистательный кубокъ двудонный
Матери милой подноситъ, и снова такъ ей вѣщаетъ:
«Милая мать, потерпи и снеси, какъ ни горестно сердцу!
«Сыну толико драгая, не дай на себѣ ты увидѣть
«Зевса ударовъ; безсиленъ я буду, хотя и крушася,
«Помощь подать: тяжело Олимпійцу противиться Зевсу?
«Онъ уже древле меня побужденнаго сердцемъ на помощь.
«Ринулъ, за ногу схвативъ, и низвергнулъ съ небеснаго прага,
«Несся стремглавъ я весь день, и съ закатомъ блестящаго солнца
«Палъ на божественный Лемносъ, едва сохранившій дыханье.
«Тамъ Синтійскіе мужи меня дружелюбно пріяли».

Рекъ; улыбнулась богиня, лилейнораменная Гера,
И съ улыбкой отъ сына блистательный кубокъ пріяла.
Онъ и другимъ небожителямъ, съ правой страны начиная,
Сладостный нектаръ подноситъ, черпая кубкомъ изъ чаши,
Смѣхъ несказанный воздвигли блаженные жители неба,
Видя, какъ съ кубкомъ Гефестъ по чертогу вокругъ суетится.

Такъ во весь день до зашествія солнца блаженные боги
Всѣ пировали, сердца услаждая на пиршествѣ общемъ.

Звуками лиры прекрасной, бряцавшей въ рукахъ Аполлона,
Пѣніемъ Музъ, отвѣчавшихъ бряцанію сладостнымъ гласомъ,
Но когда закатился свѣтъ блистательный солнца,
Боги, желая почить, уклонилися каждый въ обитель,
Гдѣ небожителю каждому домъ, на холмистомъ Олимпѣ,
Мудрый Гефестъ хромоногій по замысламъ творческимъ создалъ.
Зевсъ къ одру своему отошелъ, Олимпійскій блюститель,
Гдѣ и всегда почивалъ, какъ сонъ посѣщалъ его сладкій;
Тамъ онъ вошедши почилъ, и при немъ златотронная Гера.

---

18. КРЫЛОВЪ.

(1768—1844).

Басни его

ВАСИЛЕКЪ.

Въ глуши разцвѣтшій Василекъ
Вдругъ захирѣлъ, завялъ почти до половины
И, голову склоня на стебелекъ,
Уныло ждалъ своей кончины;
Зефиру между-тѣмъ онъ жалобно шепталъ:
— «Ахъ, если бы скорѣе день насталъ,
И солнце красное поля здѣсь освѣтило,
Быть можетъ, и меня оно бы оживило?»
— «Ужъ какъ ты простъ, мой другъ!»
Ему сказалъ, вблизи копаясь, жукъ:
«Неужели солнышку лишь только и заботы,
Чтобы смотрѣть, какъ ты ростешь,
И вянешь ты, или цвѣтешь?
Повѣрь, что у него ни время, ни охоты
На это нѣтъ.
Когда бы ты леталъ, какъ я, да зналъ бы свѣтъ,
То видѣлъ бы, что здѣсь луга, поля и нивы
Имъ только и живутъ, имъ только и счастливы:
Оно своею теплотой
Огромные дубы и кедры согрѣваетъ,
И удивительною красотой
Цвѣты душистые богато убираетъ;
Да только тѣ цвѣты
Совсѣмъ не то, что ты:
Они такой цѣны и красоты,
Что само время ихъ. жалѣя, коситъ;
А ты ни пышенъ, ни пахучъ:
Такъ солнца ты своей докукою не мучь!
Повѣрь, что на тебя оно луча не броситъ,
И добиваться ты пустаго перестань:
Молчи и вянь!»
Но солнышко взошло, природу освѣтило,
По царству Флорину разсыпало лучи,
И бѣдный Василекъ, завянувшій въ ночи,
Небеснымъ взоромъ оживило.

О вы, кому въ удѣлъ судьбою данъ
Высокій санъ!
Вы съ солнца моего примѣръ себѣ берите;
Смотрите:
Куда лишь лучъ его достанетъ, тамъ оно
Былинкѣ ль, кедру ли—благотворитъ равно,
И радость по себѣ и счастье оставляетъ;
За то и видъ его горитъ во всѣхъ сердцахъ—
Какъ чистый лучъ въ восточныхъ хрусталяхъ,
И все его благословляетъ.

СОБАЧЬЯ ДРУЖБА.

У кухни подъ окномъ
На солнышкѣ Полканъ съ Барбосомъ, лежа, грѣлись.
Хоть у воротъ передъ дворомъ
Пристойнѣе бъ стеречь имъ было домъ,
Но какъ они ужъ понаѣлись—
И вѣжливые жъ псы притомъ

Ни на кого не лаютъ днемъ—
Такъ разсуждать они пустилися вдвоемъ
О всякой всячинѣ: о ихъ собачьей службѣ,
О худѣ, о добрѣ, и, наконецъ, о дружбѣ,
— «Что можетъ», говоритъ Полканъ: «пріятнѣй быть,
Какъ съ другомъ сердце къ сердцу жить;
Во всемъ оказывать взаимную услугу:
Не спать безъ друга и не съѣсть,
Стоять горой за дружню шерсть,
И, наконецъ, въ глаза глядѣть другъ другу,
Чтобъ только улучить счастливый часъ,
Нельзя ли друга чѣмъ потѣшить, позабавить,
И въ дружнемъ счастьи все свое блаженство ставить!
Вотъ если бъ, напримѣръ, съ тобой у насъ
Такая дружба завелась:
Скажу я смѣло,
Мы бъ и не видѣли, какъ время бы летѣло».
— «А что же? это дѣло!»
Барбосъ отвѣтствуетъ ему:
«Давно, Полканушка, мнѣ больно самому,
Что, бывши одного двора съ тобой собаки,
Мы дня не проживемъ безъ драки,
И изъ чего? Спасибо господамъ:
Ни голодно, ни тѣсно намъ!
Притомъ же, право, стыдно:
Песъ дружества слыветъ примѣромъ съ давнихъ дней;
А дружбы между псовъ, какъ-будто межъ людей,
Почти совсѣмъ не видно».
— «Явимъ же въ ней примѣръ мы въ наши времена,
Вскричалъ Полканъ: «дай лапу!»— «Вотъ она!»
И новые друзья ну обниматься,
Ну цѣловаться;
Не знаютъ съ радости, къ кому и приравняться:
«Орестъ мой! мой Пиладъ!» Прочь свары, зависть, злость!
Тутъ поваръ на бѣду изъ кухни кинулъ кость!
Вотъ новые друзья къ ней взапуски несутся:
Гдѣ дѣлся и совѣтъ, и ладъ?
Съ Пиладомъ мой Орестъ грызутся,—
Лишь только клочья вверхъ летятъ:
Насилу наконецъ ихъ розлили водою.

Свѣтъ полонъ дружбою такою.
Про нынѣшнихъ друзей льзя молвить, не грѣша,
Что въ дружбѣ всѣ они едва-ль не одинаки:
Послушать, кажется одна у нихъ душа,—
А только кинь имъ кость, такъ что твои собаки!

———

ОРЕЛЪ И ПЧЕЛА.

Счастливъ, кто на чредѣ трудится знаменитой:
Ему и то ужъ силы придаетъ,
Что подвиговъ его свидѣтель цѣлый свѣтъ.
Но сколь и тотъ почтенъ, кто, въ низости сокрытый,
За всѣ труды, за весь потерянный покой,
Ни славою, ни почестьми не льстится,
И мыслью оживленъ одной:
Что къ пользѣ общей онъ трудится.

Увидя, какъ пчела хлопочетъ вкругъ цвѣтка,
Сказалъ Орелъ однажды ей съ презрѣньемъ:
«Какъ ты, бѣдняжка, мнѣ жалка
Со всей твоей работой и съ умѣньемъ
Васъ въ ульѣ тысячи все лѣто лѣпятъ сотъ:
Да кто же послѣ разберетъ
И отличитъ твои работы?

Я, право, не пойму охоты:
Трудиться цѣлый вѣкъ, и чтожъ имѣть въ виду?...
Безвѣстной умереть со всѣми на ряду!
Какая разница межъ нами!
Когда, расширяся шумящими крылами,
Ношуся я подъ облаками,
То всюду разсѣваю страхъ:
Не смѣютъ отъ земли пернатыя подняться,
Не дремлютъ пастухи при тучныхъ ихъ стадахъ;
Ни лани быстрыя не смѣютъ на поляхъ,
Меня завидя, показаться».
Пчела отвѣтствуетъ:—«Тебѣ хвала и честь!
Да продлитъ надъ тобой Зевесъ свои щедроты!
А я, родясь труды для общей пользы несть,
Не отличать ищу свои работы,
Но утѣшаюсь тѣмъ, на наши смотря соты,
Что въ нихъ и моего хоть капля меду есть»

КРЕСТЬЯНИНЪ И РАБОТНИКЪ.

Когда у насъ бѣда надъ головой,
То рады мы тому молиться,
Кто вздумаетъ за насъ вступиться;
Но только съ плечъ бѣда долой,
То избавителю отъ насъ же часто худо:
Всѣ взапуски его цѣнятъ;
И если онъ у насъ не виноватъ,
Такъ это чудо!
Старикъ-крестьянинъ съ Батракомъ
Шелъ, подъ вечеръ, лѣскомъ
Домой, въ деревню, съ сѣнокосу,
И повстрѣчали вдругъ медвѣдя носомъ къ носу.
Крестьянинъ ахнуть не успѣлъ,
Какъ на него медвѣдь насѣлъ.
Подмялъ крестьянина, ворочаетъ, ломаетъ,
И, гдѣбъ его почать, лишь мѣсто выбираетъ:
Конецъ приходитъ старику.
«Степанушка родной, не выдай, милой!»
Изъ-подъ медвѣдя онъ взмолился Батраку.
Вотъ, новый Геркулесъ, со всей собравшись силой,
Что только было въ немъ,
Отнесъ пол-черепа медвѣдю топоромъ,
Да брюхо прокололъ ему желѣзной вилой.
Медвѣдь взревѣлъ и замертво упалъ:
Медвѣдь мой издыхаетъ.
Прошла бѣда; Крестьянинъ всталъ,
И онъ же Батрака ругаетъ:
Опѣшилъ бѣдный мой Степанъ.
«Помилуй», говоритъ: «за что?—«За что, болванъ!
Чему обрадовался съ-дуру?
Знай колетъ: всю испортилъ шкуру!»

ОСЕЛЪ И СОЛОВЕЙ.

Оселъ увидѣлъ Соловья,
И говоритъ ему: «Послушай-ка, дружище!
Ты, сказываютъ, пѣть великій мастерище:
Хотѣлъ бы очень я
Самъ посудить, твое услышавъ пѣнье,
Велико-ль подлинно твое умѣнье?»
ТутъСоловей являть свое искусство сталъ:
Защолкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ, тянулъ, переливался;
То нѣжно онъ ослабѣвалъ,
И томной вдалекѣ свирѣлью отдавался,
То мелкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался.
Внимало все тогда
Любимцу и пѣвцу Авроры;
Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры,
И прилегли стада.
Чуть-чуть дыша, пастухъ имъ любовался,
И только иногда,
Внимая Соловью, пастушкѣ улыбался.

Скончалъ пѣвецъ. Оселъ, уставясь въ землю лбомъ,
«Изрядно», говоритъ: «сказать не-ложно,
Тебя безъ скуки слушать можно;
А жаль, что незнакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ:
Еще бъ ты болѣ навострился,
Когда бы у него немножко поучился».
Услыша судъ такой, мой бѣдный Соловей
Вспорхнулъ и—полетѣлъ за тридевять земель.

—

Избави Богъ и насъ отъ этакихъ судей!

СЛОНЪ И МОСЬКА.

По улицамъ Слона водили,
Какъ видно, на показъ—
Извѣстно, что слоны въ диковинку у насъ,—
Такъ за Слономъ толпы зѣвакъ ходили.
Отколѣ ни возьмись, на встрѣчу Моська имъ.
Увидѣвши Слона, ну на него метаться,
И лаять, и визжать, и рваться,
Ну, такъ и лѣзетъ въ драку съ нимъ.
«Сосѣдка, перестань срамиться»,
Ей Шавка говоритъ: «тебѣ ль съ Слономъ возиться?
Смотри, ужъ ты хрипишь, а онъ себѣ идетъ
Впередъ,
И лаю твоего совсѣмъ не примѣчаетъ».
—«Эхъ, эхъ!» ей Моська отвѣчаетъ:
«Вотъ то-то мнѣ и духу придаетъ,
Что я, совсѣмъ безъ драки,
Могу попасть въ большія забіяки.
Пускай же говорятъ собаки:
«Ай, Моська! знать, она сильна,
Что лаетъ на Слона!»

ГУСИ.

Предлинной хворостиной
Мужикъ Гусей гналъ въ городъ продавать;
И, правду истинну сказать,
Не очень вѣжливо честилъ свой гуртъ гусиной:
На барыши спѣшилъ къ базарному онъ дню
(А гдѣ до прибыли коснется
Не только тамъ гусямъ, и людямъ достается).
Я мужика и не виню;
Но гуси иначе объ этомъ толковали.
И, встрѣтяся съ прохожимъ на пути,
Вотъ какъ на мужика пеняли:
«Гдѣ можно насъ, Гусей, несчастнѣе найти?
Мужикъ такъ нами помыкаетъ,
И насъ, какъ-будто бы простыхъ Гусей, гоняетъ?
А этого не смыслитъ неучъ сей,
Что онъ обязанъ намъ почтеньемъ;
Что мы свой знатный родъ ведемъ отъ тѣхъ Гусей,
Которымъ нѣкогда былъ долженъ Римъ спасеньемъ:
Тамъ даже праздники имъ въ честь учреждены!»
—«А вы хотите быть за что отличены?»
Спросилъ прохожій ихъ. «Да наши предки....»—«Знаю,
И все читалъ; но вѣдать я желаю:
Вы сколько пользы принесли?»
«Да наши предки Римъ спасли!»
—«Все такъ, да вы что сдѣлали такое?»
«Мы? Ничего!»—«Такъ что жъ и добраго въ васъ есть?
Оставьте предковъ вы въ покоѣ:
Имъ по-дѣломъ была и честь;
А вы, друзья, лишь годны на жаркое.»

—

Басню эту можно бы и болѣ пояснить—
Да чтобъ гусей не раздразнить.

МУХА И ДОРОЖНЫЕ.

Въ іюлѣ, въ самый зной, въ полуденную пору,
Сыпучими песками, въ гору,
Съ поклажей и съ семьей дворянъ,
Четверкою рыдванъ
Тащился.
Кони измучились; и кучеръ какъ ни бился,
Пришло хоть стать. Слѣзаетъ съ козелъ онъ,
И лошадей мучитель,
Съ лакеемъ въ два кнута тиранитъ съ двухъ сторонъ:
А легче нѣтъ. Ползутъ изъ колымаги вонъ
Бояринъ, барыня, ихъ дѣвка, сынъ, учитель.
Но, знать, рыдванъ былъ плотно нагруженъ;
Что лошади, хотя его тронули,
Но въ гору по песку едва-едва тянули,
Случись тутъ Мухѣ быть, Какъ горю не помочь?
Вступилась: ну жужжать во всю мушину мочь;
Вокругъ повозки суетится;
То подъ носомъ юлитъ у коренной,
То лобъ укуситъ пристяжной,
То, вмѣсто кучера на козлы вдругъ садится,
Или, оставя лошадей,
И вдоль и поперегъ шныряетъ межъ людей;
Ну словно откупщикъ на ярмаркѣ хлопочетъ,
И только плачется на то,
Что ей ни въ чемъ, никто
Никакъ помочь не хочетъ.
Гуторя слуги вдзоръ, плетутся вслѣдъ шажкомъ;
Самъ баринъ, позабывъ, что онъ къ порядку нуженъ,
Ушелъ съ слугами въ боръ искать грибовъ на ужинъ,
И муха всѣмъ жужжитъ, что только лишь она
О всемъ заботится одна.
Межъ-тѣмъ лошадушки, шагъ за шагъ, понемногу,
Втащилися на ровную дорогу.
«Ну,» Муха говоритъ: «теперя слава Богу!
Садитесь по мѣстамъ, и добрый всѣмъ вамъ путь;
А мнѣ ужъ дайте отдохнуть:
Меня на-силу крылья носятъ.»
Куда людей на свѣтѣ много есть,
Которые вездѣ хотятъ себя приплесть,
И любятъ хлопатать, гдѣ ихъ совсѣмъ не просятъ.

КВАРТЕТЪ.

Проказница-Мартышка,
Оселъ,
Козелъ,
Да косолапый Мишка
Затѣяли сыграть Квартетъ.
Достали нотъ, баса, альта, двѣ скрипки,
И сѣли на лужокъ подъ липки,
Плѣнять своимъ искусствомъ свѣтъ.
Ударили въ смычки, дерутъ, а толку нѣтъ.
«Стой, братцы, стой!» кричитъ Мартышка: «погодите!
Какъ музыкѣ идти? вѣдь вы не такъ сидите.
Ты съ басомъ, Мишенька, садись противъ альта.
Я прима сяду противъ вторы:
Тогда пойдетъ ужъ музыка не та:
У насъ запляшутъ лѣсъ и горы!»
Разсѣлись, начали Квартетъ:
Онъ все-таки на ладъ нейдетъ.
—«Постойте-жъ, я сыскалъ секретъ,»
Кричитъ Оселъ: «мы, вѣрно, ужъ поладимъ,
Коль рядомъ сядемъ.»
Послушались Осла: усѣлись чинно въ рядъ;
А все-таки Квартенъ нейдетъ на ладъ.
Вотъ, пуще прежняго, пошли у нихъ разборы

И споры,
Кому и какъ сидѣть.
Случилось Соловью на шумъ ихъ прилетѣть.
Тутъ съ просьбой всѣ къ нему, чтобъ ихъ рѣшить сомнѣнье.
—«Пожалуй», говорятъ: «возьми на часъ терпѣнье,
Чтобы Квартетъ въ порядокъ нашъ привесть.
И ноты есть у насъ, и инструменты есть;
Скажи лишь, какъ намъ сѣсть!»
—«Чтобъ музыкантомъ быть, такъ надобно умѣнье
И уши вашихъ по-нѣжнѣй,»
Имъ отвѣчаетъ соловей:
«А вы, друзья, какъ ни садитесь,
Все въ музыканты не годитесь.»

ПРУДЪ И РѢКА.

«Что это,» говорилъ Рѣкѣ сосѣдній Прудъ:
Какъ на тебя ни взглянешь,
А воды все твои текутъ!
Неужели такъ ты, сестрица, не устанешь?
Притомъ же, вижу я почти всегда,
То съ грузомъ тяжкія суда,
Ты долговязые плоты ты носишь;
Ужъ я не говорю про лодки, челноки:
Имъ счету нѣтъ! Когда такую жизнь ты бросишь?
Я, право, высохъ бы съ тоски.
Въ сравненіи съ твоимъ, какъ жребій мой пріятенъ!
Конечно, я не знатенъ,
По картѣ не тянусь я черезъ цѣлый листъ,
Мнѣ не бренчитъ похвалъ какой-нибудь гуслистъ:
Да это, право, все пустое!
За то я въ илистыхъ и мягкихъ берегахъ,
Какъ барыня въ пуховикахъ,
Лежу и въ нѣгѣ, и въ покоѣ;
Не только что судовъ,
Или плотовъ,
Мнѣ здѣсь не для-чего страшиться:
Не знаю даже я, каковъ тяжелъ челнокъ;
И много, ежели случится,
Что по водѣ моей чуть зыблется листокъ,
Когда его ко мнѣ забросить вѣтерокъ.
Что беззаботную замѣнитъ жизнь такую?
За вѣтрами со всѣхъ сторонъ,
Не движась, я смотрю на суету мірскую,
И философствую сквозь сонъ.»
—«А, философствуя, ты помнишь ли законъ,»
Рѣка на это отвѣчаетъ:
«Что свѣжесть лишь вода движеньемъ сохраняетъ!
И если стала я великою рѣкой,
Такъ это отъ того, что, кинувши покой,
Послѣдую сему уставу.
За то по всякій годъ,
Обиліемъ и чистотою водъ;
И пользу приношу, и въ честь вхожу и въ славу,
И буду, можетъ быть, еще я вѣки течь,
Когда уже тебя не будетъ и въ помипѣ,
И о тебѣ совсѣмъ изчезнетъ рѣчь.»
Слова ея сбылись: она течетъ понынѣ;
А бѣдный Прудъ годъ отъ году все глохъ,
Зоволоченъ весь тиною глубокой,
Зацвѣлъ, заросъ осокой,
И, наконецъ, совсѣмъ изсохъ.
Такъ дарованіе безъ пользы свѣту вянетъ,
Слабѣя всякій день,
Когда имъ овладѣетъ лѣнь
И оживлятъ его дѣятельность не станетъ.

ЦВѢТЫ.

Въ отворенномъ окнѣ богатаго покоя,
Въ фарфоровыхъ, расписанныхъ горшкахъ,
Цвѣты поддѣльные, съ живыми вмѣстѣ стоя,
На проволочныхъ стебелькахъ

Качалися спѣсиво
И выставляли всѣмъ красу свою на диво.
Вотъ дождикъ началъ накрапать.
Цвѣты тафтяные Юпитера тутъ просятъ:
Нельзя ли дождь унять,
Дождь всячески они ругаютъ и поносятъ.
«Юпитеръ!» молятся: «ты дождикъ прекрати:
Что въ немъ пути,
И что̀ его на свѣтѣ хуже?
Смотря, нельзя по улицѣ пройти:
Вездѣ лишь отъ него и грязь и лужи.»
Однако же Зевесъ не внялъ мольбѣ пустой,
И дождь себѣ прошелъ своею полосой.
Прогнавши зной,
Онъ воздухъ прохладилъ; природа ожпвилась,
И зелень вся какъ-будто обновилась.
Тогда и на окнѣ Цвѣты живые всѣ
Раскинулись во всей своей красѣ,
И стали отъ дождя душистѣй,
Свѣжѣе и пушистѣй
А бѣдные Цвѣты поддѣльные съ тѣхъ-поръ,
Лишились всей красы, и брошены на дворъ,
Какъ соръ.

Таланты истинны за критику не злятся:
Ихъ повредить она не можетъ красоты;
Одни поддѣльные цвѣты
Дождя боятся.

ДЕМЬЯНОВА УХА.

«Сосѣдушка, мой свѣтъ!
Пожалуй-ста покушай».
—«Сосѣдушка, я сытъ по горло»,—Нужды нѣтъ,
Еще тарелочку; послушай:
Ушица, ей-же-ей, на славу сварена!»
—«Я три тарелки съѣлъ».—И, полно что за счеты;
Лишь стало бы охоты,—
А то во здравье: ѣшъ до дна!
Что за уха! да какъ жирна:
Какъ будто янтаремъ подернулась она.
Потѣшь же, миленькій дружочекъ!
Вотъ лещикъ, потроха, вотъ стерляди кусочекъ!
Еще хоть ложечку! Да кланяйся, жена!
Такъ подчивалъ сосѣдъ-Демьянъ сосѣда-Фоку,
И не давалъ ему ни отдыху, ни сроку;
А съ Фоки ужъ давно катился градомъ потъ.
Однако же еще тарелку онъ беретъ:
Сбирается съ послѣдней силой
И очищаетъ всю. «Вотъ друга я люблю!»
Вскричалъ Демьянъ: «за то ужъ чванныхъ не терплю.
Ну, скушай, же еще тарелочку, мой милой!»
Тутъ бѣдный Фока мой,
Какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды такой,
Схватя въ охапку
Кушакъ и шапку,—
Скорѣй безъ памяти домой,
И съ той поры къ Демьяну ни ногой.

Писатель, счастливъ ты, коль даръ прямой имѣешь;
Но если помолчать во время не умѣешь,
И ближняго ушей ты не жалѣешь,
То вѣдай, что твои и проза и стихи,
Тошнѣе будутъ всѣмъ Демьяновой ухи.

ЛЯГУШКА И ЮПИТЕРЪ.

Живущая въ болотѣ, подъ горой,
Лягушка на гору весной
Переселилась;
Нашла тамъ тинистый въ лощинѣ уголокъ,

И завѣла домокъ
Подъ кустикомъ, въ тѣни, межъ травки, какъ раекъ.
Однакожъ имъ она не долго веселилась:
Настало лѣто, съ нимъ жары,
И дачи квакушки такъ сдѣлалися сухи,
Что, ногъ не замоча, по нимъ бродили мухи.
«О, боги!» молится лягушка изъ норы:
«Меня вы, бѣдную, не погубите,
И землю вровень хоть съ горою затопите,
Чтобы въ моихъ помѣстьяхъ никогда
Не высыхала бы вода!»
Лягушка вопитъ безъ умолку.
И наконецъ Юпитера бранитъ,
Что нѣту въ немъ, ни жалости, ни толку.
—«Безумная!» Юпитеръ говоритъ
(Знать не былъ онъ тогда сердитъ)
«Какъ квакать попусту тебѣ охота?
И чѣмъ мнѣ для твоихъ затѣй
Перетопить людей,
Не лучше ль внизъ тебѣ стащиться до болота?»

На свѣтѣ много мы такихъ людей найдемъ,
Которымъ все, кромѣ себя, постыло.
И кои думаютъ: лишь мнѣ бы ладно было,
«А тамъ весь свѣтъ гори огнемъ.

КАМЕНЬ И ЧЕРВЯКЪ.

«Какъ расшумѣлся здѣсь! Какой невѣжа!»
Про дождикъ говоритъ на нивѣ Камень, лежа:
«А рады всѣ ему, пожалуй—посмотри!
И ждали такъ, какъ гостя дорогаго;
А что же сдѣлалъ онъ такого?
Всего то шелъ часа два-три:
Пускай же обо мнѣ разспросятъ!
Такъ я ужъ вѣки здѣсь: тихъ, скроменъ завсегда,
Лежу смирнехонько, куда меня ни бросятъ,
А не слыхалъ себѣ спасибо никогда.
Не даромъ, право, свѣтъ поносятъ:
Въ немъ справедливости не вижу я никакъ.»
—«Молчи!» сказалъ ему Червякъ:
«Сей дождикъ, какъ его ни кратко было время,
Лишенную засухой силъ,
Обильно ниву напоилъ,
И земледѣльца онъ надежду оживилъ;
А ты на нивѣ сей пустое только бремя.»

Такъ хвалится иной, что служитъ сорокъ лѣтъ:
А проку въ немъ, какъ. въ этомъ камнѣ, нѣтъ

БУЛЫЖНИКЪ И АЛМАЗЪ.

Потерянный Алмазъ валялся на пути;
Случилось наконецъ купцу его найти.
Онъ отъ купца
Царю представленъ,
Имъ купленъ, въ золотѣ оправленъ
И украшеніемъ сталъ царскаго вѣнца.
Узнавъ про то, Булыжникъ развозился,
Блестящею судьбой Алмаза онъ прельстился,
И, видя мужика, его онъ проситъ такъ:
«Пожалуй-ста, землякъ,
Возьми меня въ столицу ты съ собою!
За что здѣсь подъ дождемъ и въ слякоти я ною?
А нашъ Алмазъ въ чести, какъ говорятъ.
Не понимаю я, за что онъ въ знать попался?
Со мною столько лѣтъ здѣсь рядомъ онъ валялся;
Такой же камень онъ, и мнѣ набитый братъ.
Возьми жъ меня. Какъ знать? Коль тамъ я покажуся,
То также, можетъ быть, на дѣло пригожуся.»
Взялъ камень мужичекъ на свой тяжелый возъ,

И въ городъ его онъ привезъ.
Ввалился камень мой, и думаетъ, что разомъ
Засядетъ рядомъ онъ съ Алмазомъ;
Но вышелъ для него случай совсѣмъ иной:
Онъ точно въ дѣло взятъ, но взятъ для мостовой.

СВИНЬЯ ПОДЪ ДУБОМЪ.

Свинья подъ дубомъ вѣковымъ
Наѣлась жолудѣй до-сыта, до-отвала;
Наѣвшись, выспалась подъ нимъ,
Потомъ, глаза продравши, встала
И рыломъ подрывать у дуба корни стала.
«Вѣдь это дереву вредитъ»,
Ей съ дуба воронъ говоритъ:
«Коль корни обнажишь, оно засохнуть можетъ».
— «Пусть сохнетъ», говоритъ Свинья:
«Ни чуть меня то не тревожитъ;
Въ немъ проку мало вижу я;
Хоть вѣкъ его не будь, ни чуть не пожалѣю;
Лишь были бъ жолуди: вѣдь я отъ нихъ жирѣю.»
—«Неблагодарная!» промолвилъ Дубъ ей тутъ:
«Когда бы вверхъ могла поднять ты рыло,
Тебѣ бы видно было
Что эти жолуди на мнѣ ростутъ.»

Невѣжа также, въ ослѣпленьи,
Бранитъ науки и ученье,
И всѣ ученые труды,
Не чувствуя, что онъ вкушаетъ ихъ плоды.

ДВѢ СОБАКИ.

Дворовый, вѣрный песъ
Барбосъ,
Который барскую усердно службу несъ,
Увидѣлъ старую свою знакомку
Жужу, кудрявую болонку,
На мягкой пуховой подушкѣ на окнѣ
Къ ней ластяся, какъ-будто бы къ роднѣ.
Онъ, съ умиленья, чуть не плачетъ,
И подъ окномъ
Визжитъ, вертитъ хвостомъ
И скачетъ.
«Ну, что Жужутка, какъ живешь
Съ тѣхъ поръ, какъ господа тебя въ хоромы взяли?
Вѣдь, помнишь, на дворѣ мы часто голодали;
Какую службу ты несешь?»
—«На счастье грѣхъ роптать,»
Жужутка отвѣчаетъ:
«Мой господинъ во мнѣ души не чаетъ.
Живу въ довольствѣ и добрѣ,
И ѣмъ и пью на серебрѣ;
Рѣзвлюся съ бариномъ: а ежели устану,
Валяюсь по коврамъ и мягкому дивану.
Ты какъ живешь?»—«Я», отвѣчалъ Барбосъ,
Хвостъ плетью опустя и свой повѣся носъ:
«Живу попрежнему: терплю и холодъ
И голодъ,
И, сберегаючи хозяйскій домъ,
Здѣсь подъ заборомъ сплю и мокну подъ дождемъ;
А если невпопадъ залаю,
То и побои принимаю.
Да чѣмъ же ты, Жужу въ случай попалъ,
Безсиленъ бывши такъ и малъ,
Межъ-тѣмъ какъ я изъ кожи рвусь напрасно?
Чѣмъ служишь ты?»—«Чѣмъ служишь! Вотъ прекрасно!»
Съ насмѣшкой отвѣчалъ Жужу:
«На заднихъ лапкахъ я хожу!»

Какъ счастье многіе находятъ
Лишь тѣмъ, что хорошо на заднихъ лапахъ ходятъ.

БѢДНЫЙ БОГАЧЪ.

«Ну, стоитъ ли богатымъ быть,
Чтобъ вкусно никогда ни съѣсть ни спить,
И только деньги лишь копить?
Да и на что? Умремъ, вѣдь все оставимъ.—
Мы только лишь себя и мучимъ и безславимъ.
Нѣтъ, если бъ мнѣ далось богатство на удѣлъ,
Не только бы рубля, я бъ тысячъ не жалѣлъ,
Чтобъ жить роскошно, пышно,
И о моихъ пирахъ далеко бъ было слышно;
Я даже дѣлалъ бы добро другимъ.
А богачей скупыхъ на муку жизнь похожа».
Такъ разсуждалъ Бѣднякъ съ собой самимъ,
Въ лачужкѣ низменной, на голой лавкѣ лежа;
Какъ вдругъ къ нему сквозь щелочку пролѣзъ
Кто говоритъ—колдунъ, кто говоритъ—что бѣсъ;
Послѣднее едва ли не вѣрнѣе,
Изъ дѣла будетъ то виднѣе,
Предсталъ и началъ такъ: «Ты хочешь быть ботатъ,
Я слышалъ, для чего; служить я другу радъ.
Вотъ кошелекъ тебѣ: червонецъ въ немъ, не болѣ;
Но вынешь лишь одинъ, ужь тамъ готовъ другой.
И такъ пріятель мой,
Разбогатѣть теперь въ твоей лишь волѣ.
Возьми-жъ, и изъ него безъ счету вынимай
Доколѣ будешь ты доволенъ;
Но только знай:
Истратить одного червонца ты не воленъ,
Пока въ рѣку не бросишь кошелька.»
Сказалъ—и съ кошелькомъ оставилъ Бѣдняка.
Бѣднякъ отъ радости едва не помѣшался;
Но лишь опомнился, за кошелекъ принялся,
И что-жъ?—Чуть вѣрится ему, что то не сонъ:
Едва червонецъ вынетъ онъ,
Ужъ въ кошелькѣ другой червонецъ шевелится.
Бѣднякъ мой говоритъ:
«Червонцевъ я себѣ повытаскаю груду.
Такъ, завтра же богатъ я буду,
И заживу, какъ сибаритъ.»
Однако-жъ поутру онъ думаетъ другое.
«То правда,» говоритъ: «теперь я сталъ богатъ;
Да кто жь добру не радъ!
И почему-бы мнѣ не быть богаче вдвое?
Неужто лѣнь
Надъ кошелькомъ еще провесть хоть день?
Вотъ на домъ у меня, на экипажъ, на дачу;
Но если накупить могу я деревень,
Не глупо ли, когда случай къ тому утрачу?
Такъ удержу чудесный кошелекъ:
Ужъ такъ и быть, еще я поговѣю
Одинъ денекъ;
А, впрочемъ, вѣдь пожить всегда успѣю.
Но что-жъ? проходитъ день, недѣля, мѣсяцъ, годъ—
Бѣднякъ мой потерялъ давно въ червонцахъ счетъ;
Межъ-тѣмъ онъ скудно ѣстъ и скудно пьетъ;
Но чуть лишь день, а онъ опять за тужъ работу.
День кончится, и по его разсчету,
Ему всегда чего-нибудь не достаетъ.
Лишь кошелекъ нести сберется,
То сердце у него сожмется:
Придетъ къ рѣкѣ, воротится опять.
«Какъ можно», говоритъ: «отъ кошелька отстать,
Когда мнѣ золото само рѣкою льется?»
И, наконецъ, бѣднякъ мой посѣдѣлъ,
Бѣднякъ мой похудѣлъ;
Какъ золото его, Бѣднякъ мой пожелтѣлъ.
Ужъ и о пышности онъ болѣ не смѣкаетъ:

Онъ сталъ и слабъ и хилъ; здоровье и покой,
Утратилъ все; но все дрожащею рукой
Изъ кошелька червонцы вонъ таскаетъ.
Таскалъ, таскалъ.... и чѣмъ же кончилъ онъ?
На лавкѣ, гдѣ своимъ богатствомъ любовался,
На той-же лавкѣ онъ скончался,
Досчитывая свой девятый милліонъ.

---

19. ПУШКИНЪ.

(1789—1837).

а. Лирическія стихотворенія.

ПѢСНЬ О ВѢЩЕМЪ ОЛЕГѢ (1822).

Какъ нынѣ сбирается вѣщій Олегъ
Отмстить неразумнымъ Хозарамъ:
Ихъ села и нивы, за буйный набѣгъ,
Обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ.
Съ дружиной своей, въ Цареградской бронѣ,
Князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.

Изъ темнаго лѣса, навстрѣчу ему,
Идетъ вдохновенный кудесникъ,
Покорный Перуну старикъ одному,
Завѣтовъ грядущаго вѣстникъ,
Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведшій весь вѣкъ.
И къ мудрому старцу подъѣхалъ Олегъ.

Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,
Что сбудется въ жизни со мною?
И скоро ль, на радость сосѣдей-враговъ,
Могильной засыплюсь землею?
Открой мнѣ всю правду, не бойся меня:
Въ награду любаго возьмешь ты коня.

«Волхвы не боятся могучихъ владыкъ,
А княжескій даръ имъ ненуженъ;
Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ,
И съ волей небесною друженъ.
Грядущіе годы таятся во мглѣ;
Но вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ.

«Запомни-же нынѣ ты слово мое:
Воителю слава—отрада;
Побѣдой прославлено имя твое;
Твой щитъ на вратахъ Царяграда;
И волны и суша покорны тебѣ;
Завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ.

«И синяго моря обманчивый валъ
Въ часы роковой непогоды,
И пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ,
Щадятъ побѣдителя годы...
Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ;
Незримый хранитель могучему данъ.

«Твой конь не боится опасныхъ трудовъ;
Онъ, чуя господскую волю,
То смирный стоитъ подъ стрѣлами враговъ,
То мчится по бранному полю,
И холодъ и сѣча ему ничего:
Но примешь ты смерть отъ коня своего.»

Олегъ усмѣхнулся; однако чело
И взоръ омрачилися думой.
Въ молчаньи, рукой опершись на сѣдло,
Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмой;
И вѣрнаго друга прощальной рукой
И гладитъ и треплетъ по шеѣ крутой.

«Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга:
Разстаться настало намъ время;
Теперь отдыхай; ужъ не ступитъ нога
Въ твое позлащенное стремя.
Прощай, утѣшайся, да помни меня.
Вы, отроки други, возьмите коня!

«Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ,
Въ мой лугъ подъ усцы отведите,
Купайте, кормите отборнымъ зерномъ,
Водой ключевою поите».
И отроки тотчасъ съ конемъ отошли,
А князю другаго коня подвели.

Пируетъ съ дружиною вѣщій Олегъ
При звонѣ веселомъ стакана.
И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній снѣгъ

Надъ славной главою кургана...
Они поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

«А гдѣ мой товарищъ, промолвилъ Олегъ,
Скажите, гдѣ конь мой ретивый?
Здоровъ-ли? Все также-ль легокъ его бѣгъ?
Все тотъ же-ль онъ бурный, игривый?»
И внемлетъ отвѣту: на холмѣ крутомъ
Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ.

Могучій Олегъ головою поникъ
И думаетъ «что же гаданье?
Кудесникъ, ты лживый, безумный старикъ!
Презрѣть бы твое предсказанье:
Мой конь и донынѣ носилъ бы меня!»
И хочетъ увидѣть онъ кости коня.

Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора,
Съ нимъ Игорь и старые гости,
И видятъ: на холмѣ у брега Днѣпра,
Лежатъ благородныя кости;
Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль.
И вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль.

Князь тихо на черепъ коня наступилъ
И молвилъ: «спи, другъ одинокой!
Твой старый хозяинъ тебя пережилъ:
На тризнѣ, уже недалекой,
Не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прахъ напоишь!

«Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя!
Мнѣ смертію кость угрожала!»
Изъ мертвой главы гробовая змѣя,
Шипя, между тѣмъ, выползала;
Какъ черная лента вкругъ ногъ обвилась:
И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые, запѣнясь, шипятъ
На тризнѣ плачевной Олега:
Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ;
Дружина пируетъ у брега;
Бойцы поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ (1825).

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя:
То, какъ звѣрь, она завоетъ,
То заплачетъ, какъ дитя,
То по кровлѣ обветшалой
Вдругъ соломой зашумитъ,
То, какъ путникъ запоздалой,
Къ намъ въ окошко застучитъ.

Наша ветхая лачужка
И печальна и темна.
Что же ты моя старушка,
Пріумолкла у окна?
Или бури завываньемъ
Ты, мой другъ, утомлена,
Или дремлешь подъ жужжаньемъ
Своего веретена?

Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей.
Выпьемъ съ горя; гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй.
Спой мнѣ пѣсню, какъ *синица*
Тихо за моремъ жила;
Спой мнѣ пѣсню, какъ *дѣвица*
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя:
То, какъ звѣрь, она завоетъ,
То заплачетъ, какъ дитя.
Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей,
Выпьемъ, съ горя: гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй.

ПРОРОКЪ.

Духовной жаждою томимъ,
Въ пустынѣ мрачной я влачился,
И шестикрылый Серафимъ
На перепутьи мнѣ явился;
Перстами легкими, какъ сонъ,
Моихъ зѣницъ коснулся онъ:
Отверзлись вѣщія зѣницы,
Какъ у испуганной орлицы.

Моихъ ушей коснулся онъ,
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
И внялъ я неба содроганье,
И горній Ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.
И онъ къ устамъ моимъ приникъ,
И вырвалъ грѣшный мой языкъ,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змѣи
Въ уста замершія мои
Вложилъ десницею кровавой.
И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ,
И сердце трепетное вынулъ,
И угль, пылающій огнемъ,
Во грудь отверстую водвинулъ.
Какъ трупъ, въ пустынѣ я лежалъ,
И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
«Возстань, пророкъ, и вождь, и внемли,
Исполнись волею Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей».

ПОЭТЪ (1828).

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ;
Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.

Но лишь божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орелъ.
Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждается молвы;
Къ ногамъ народнаго кумира
Не клонитъ гордой головы;
Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,
И звуковъ, и смятенья полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ,
Въ широкошумныя дубровы....

ЧЕРНЬ (1826).

Поэтъ по лирѣ вдохновенной
Рукой разсѣянной бряцалъ;
Онъ пѣлъ—а хладный и надменный,
Кругомъ народъ непосвященный,
Ему безсмысленно внималъ.

И толковала чернь тупая:
«Зачѣмъ такъ звучно онъ поетъ?
Напрасно ухо поражая,
Къ какой онъ цѣли насъ ведетъ?
О чемъ брянчитъ? чему насъ учитъ?
Зачѣмъ сердца волнуетъ, мучитъ,
Какъ своенравный чародѣй?
Какъ вѣтеръ, пѣснь его свободна:
Какая польза намъ отъ ней?»

Поэтъ. Молчи, безсмысленный народъ,
Поденщикъ, рабъ нужды, заботъ!
Несносенъ мнѣ твой ропотъ дерзкій.
Ты червь земли, не сынъ небесъ:
Тебѣ бы пользы все—на вѣсъ
Кумиръ ты цѣнишь Бельведерскій.
Ты пользы, пользы въ немъ не зришь.
Но мраморъ сей вѣдь богъ!... Такъ что же?
Ты пищу въ немъ себѣ варишь.
Печной горшокъ тебѣ дороже.
Чернь. Нѣтъ, если ты небесъ избранникъ,
Свой даръ, божественный посланникъ,
Во благо намъ употребляй:
Сердца собратьевъ исправляй.
Мы малодушны, мы коварны,
Безстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцемъ хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнѣздятся клубомъ въ насъ пороки:
Ты можешь, ближняго любя,
Давать намъ смѣлые уроки,
А мы послушаемъ тебя.
Поэтъ. Подите прочь—какое дѣло
Поэту мирному до васъ!
Въ развратѣ каменѣйте смѣло:
Не оживитъ васъ лиры гласъ;
Душѣ противны вы, какъ гробы.
Для вашей глупости и злобы
Имѣли вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры:

Довольно съ васъ, рабовъ безумныхъ!
Во градахъ вашихъ съ улицъ шумныхъ
Сметаютъ соръ—полезный трудъ!—
Но, позабывъ свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы ль у васъ метлу берутъ?
Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ:
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

УТОПЛЕННИКЪ (1828).

Прибѣжали въ избу дѣти,
Второпяхъ зовутъ отца:
«Тятя! тятя! Наши сѣти
Притащили мертвеца».
—Врите, врите, бѣсенята,
Заворчалъ на нихъ отецъ:
Охъ, ужъ эти мнѣ ребята!
Будетъ вамъ ужо мертвецъ!

Судъ наѣдетъ, отвѣчай-ка;
Съ нимъ я ввѣкъ не разберусь,
Дѣлать нечего! Хозяйка,
Дай кафтанъ: ужъ поплетусь....
Гдѣ жъ мертвецъ?—«Вонъ, тятя, э-вотъ!»
Въ самомъ дѣлѣ при рѣкѣ,
Гдѣ разосланъ мокрый неводъ,
Мертвый видѣнъ на пескѣ.

Безобразно трупъ ужасный
Посинѣлъ и весь распухъ.
Горемыка ли несчастный
Погубилъ свой грѣшный духъ,
Рыболовъ ли взятъ волнами,
Али хмѣльный молодецъ,
Аль ограбленный ворами
Недогадливый купецъ.

Мужику какое дѣло?
Озираясь, онъ спѣшитъ...
Онъ потопленное тѣло
Въ воду за ноги тащитъ,
И отъ берега крутаго
Оттолкнулъ его весломъ,
И мертвецъ внизъ поплылъ снова
За могилой и крестомъ.

Долго мертвый межъ волнами
Плылъ, качаясь, какъ живой;
Проводивъ его глазами,
Нашъ мужикъ пошелъ домой.
«Вы, щенки, за мной ступайте!
Будетъ вамъ по калачу,
Да смотрите же, не болтайте,
А не то, поколочу».

Въ ночь погода зашумѣла,
Взволновалася рѣка;
Ужъ лучина догорѣла
Въ дымной хатѣ мужика;
Дѣти спятъ, хозяйка дремлетъ,
На палатяхъ мужъ лежитъ,
Буря воетъ; вдругъ онъ внемлетъ:
Кто-то тамъ въ окно стучитъ.

«Кто тамъ?»—Эй, впусти, хозяинъ!—
«Ну, какая тамъ бѣда?
Что ты ночью бродишь, Каинъ?
Чортъ занесъ тебя сюда,
Гдѣ возиться мнѣ съ тобою?
Дома тѣсно и темно.»
И лѣнивою рукою
Подымаетъ онъ окно.

Изъ-за тучь луна катится—
Что-же? Голый передъ нимъ,
Съ бороды вода струится,
Взоръ открытъ и недвижимъ;
Все въ немъ страшно онѣмѣло,
Опустились руки внизъ,
И въ распухнувшее тѣло
Раки черные впились.

И мужикъ окно захлопнулъ:
Гостя голаго узнавъ,
Такъ и обмеръ; чтобъ ты лопнулъ!
Прошепталъ онъ задрожавъ.
Страшно мысли въ немъ мѣшались,
Трясся ночь онъ напролетъ,
И до утра все стучались
Подъ окномъ и у воротъ.

Есть въ народѣ слухъ ужасный:
Говорятъ, что каждый годъ
Съ той поры мужикъ несчастный
Въ день урочной гостя ждетъ:
Ужъ съ утра погода злится,

Ночью буря настаетъ,
И утопленникъ стучится
Подъ окномъ и у воротъ.

Брожу ли я (1829).

Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ,
Вхожу ль во многолюдный храмъ,
Сижу ль межъ юношей безумныхъ,
Я предаюсь моимъ мечтамъ.
Я говорю: промчатся годы,
И сколько здѣсь ни видно насъ,
Мы всѣ сойдемъ подъ вѣчны своды—
И чей нибудь ужъ близокъ часъ.
Гляжу ль на дубъ уединенный,
Я мыслю: патріархъ лѣсовъ
Переживетъ мой вѣкъ забвенный,
Какъ пережилъ онъ вѣкъ отцовъ.
Младенца ль милаго ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебѣ я мѣсто уступаю —
Мнѣ время тлѣть, тебѣ цвѣсти.
День каждый, каждую годину
Привыкъ я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Межъ нихъ стараясь угадать.
И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судьбина?
Въ бою ли, въ странствіи, въ волнахъ?
Или сосѣдняя долина
Мой приметъ охладѣлый прахъ?
И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать,
Но ближе къ милмоу предѣлу
Мнѣ все бъ хотѣлось почивать.
И пусть у гробоваго входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

Поэту (1830).

Поэтъ, не дорожи любовію народной!
Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ,
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной;
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.
Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородный.
Онѣ въ самомъ тебѣ. Ты самъ свой высшій судъ;
Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?
Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранитъ,
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.

Бѣсы (1830).

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Ѣду, ѣду въ чистомъ полѣ;
Колокольчикъ динь-динь-динь....
Страшно, страшно поневолѣ,
Средь невѣдомыхъ равнинъ!
— Эй, пошелъ, ямщикъ!....—«Нѣтъ ночи;
Конямъ баринъ тяжело;
Вьюга мнѣ слипаетъ очи;
Всѣ дороги занесло;
Хоть убей, слѣда не видно;
Сбились мы. Что дѣлать намъ!
Въ полѣ бѣсъ насъ водитъ видно,
Да кружитъ по сторонамъ.
Посмотри: вонъ, вонъ играетъ,
Дуетъ, плюетъ на меня;
Вотъ—теперь въ оврагъ толкаетъ
Одичалаго коня;
Тамъ верстою небывалой

Онъ торчалъ передо мной;
Тамъ сверкнулъ онъ искрой малой
И пропалъ во тьмѣ пустой».
Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Силъ намъ нѣтъ кружиться долѣ;
Колокольчикъ вдругъ умолкъ;
Кони стали....—Что тамъ въ полѣ!—
«Кто ихъ знаетъ: пень, иль волкъ?
Вьюга злится, вьюга плачетъ;
Кони чуткіе храпятъ:
Вонъ ужъ онъ далече скачетъ,
Лишь глаза во мглѣ горятъ,
Кони снова понеслися;
Колокольчикъ динь-динь-динь....
Вижу: духи собралися
Средь бѣлѣющихъ равнинъ.
Безконечны, безобразны,
Въ мутной мѣсяца игрѣ
Закружились бѣсы разны,
Будто листья въ Ноябрѣ....
Сколько ихъ! Куда ихъ гонятъ?
Что такъ жалобно поютъ?
Домоваго ли хоронятъ,
Вѣдьму ль замужъ выдаютъ?
Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бѣсы рой за роемъ
Въ безпредѣльной вышинѣ,
Визгомъ жалобнымъ и воемъ
Надрывая сердце мнѣ....

Безумныхъ лѣтъ (1830).

Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье
Мнѣ тяжело, какъ смутное похмѣлье.
Но какъ вино—печаль минувшихъ дней
Въ моей душѣ чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй.
Мой путь унылъ. Сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море.
Но не хочу, о други, умирать!
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать,
И вѣдаю, мнѣ будутъ наслажденья
Межъ горестей, заботъ и треволненья;
Порой опять гармоніей упьюсь,
Подъ вымысломъ слезами обольюсь,
И, можетъ быть, на мой закатъ печальный
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной.

ЭХО (1831).

Ревётъ-ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубитъ-ли рогъ, гремитъ-ли громъ,
Поетъ-ли дѣва за холмомъ—
На всякій звукъ
Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
Родишь ты вдругъ.
Ты внемлешь грохоту громовъ
И гласу бури и валовъ,
И крику сельскихъ пастуховъ,
И шлешь отвѣтъ;
Тебѣ-жъ нѣтъ отзыва.... Таковъ
И ты, поэтъ!

ОПЯТЬ НА РОДИНѢ (1835).

..... Вновь я посѣтилъ
Тотъ уголокъ земли, гдѣ я провелъ
Отшельникомъ два года незамѣтныхъ,
Ужъ десять лѣтъ ушло съ тѣхъ поръ, и много
Перемѣнилось въ жизни для меня,
И самъ, покорный общему закону,
Перемѣнился я; но здѣсь опять
Минувшее меня объемлетъ живо—
И кажется вчера еще бродилъ
Я въ этихъ рощахъ.
Вотъ смиренный домикъ,
Гдѣ жилъ я съ бѣдной нянею моей.
Уже старушки нѣтъ, ужъ за стѣною
Не слышу я шаговъ ея тяжелыхъ,
Ни утреннихъ ея дозоровъ. Вотъ

И холмъ лѣсистый, надъ которымъ часто
Я сиживалъ недвижимъ и глядѣлъ
На озеро, воспоминая съ грустью
Иные берега, иныя волны...
Межъ нивъ златыхъ и пажитей зеленыхъ
Оно, синѣя, стелется широко;
Чрезъ его невѣдомыя воды
Плыветъ рыбакъ и тянетъ за собой
Убогій неводъ. По брегамъ отлогимъ
Разсѣяны деревни; тамъ за ними
Скривилась мельница, насилу крылья
Ворочая при вѣтрѣ....
На границѣ
Владѣній дѣдовскихъ, на мѣстѣ томъ,
Гдѣ въ гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоятъ: одна поодаль, двѣ другія
Другъ къ дружкѣ близко. Здѣсь, когда ихъ мимо
Я проѣзжалъ верхомъ при свѣтѣ лунной ночи,
Знакомымъ шумомъ шорохъ ихъ вершинъ
Меня привѣтствовалъ. По той дорогѣ
Теперь поѣхалъ я, и предъ собою
Увидѣлъ ихъ опять; онѣ все тѣ же,
Все тотъ же ихъ знакомый слуху шорохъ.
Но около корней ихъ устарѣлыхъ,
Гдѣ нѣкогда все было пусто, голо,
Теперь младая роща разрослась:
Зеленою семьей кусты тѣснятся
Подъ сѣнью ихъ, какъ дѣти. А вдали
Стоитъ одинъ угрюмый ихъ товарищъ,
Какъ старый холостякъ, и вкругъ него
Попрежнему все пусто.
Здравствуй племя
Младое, незнакомое. Не я
Увижу твой могучій поздній возрастъ,
Когда переростешь моихъ знакомцевъ
И старую главу ихъ заслонишь
Отъ глазъ прохожаго. Но пусть мой внукъ
Услышитъ вашъ привѣтный шумъ, когда,
Съ пріятельской бесѣды возвращаясь,
Веселыхъ и пріятныхъ мыслей полнъ,
Пройдетъ онъ мимо васъ во мракѣ ночи
И обо мнѣ вспомянетъ....

КО ГРОБУ КУТУЗОВА (1835).

Предъ гробницею святой
Стою съ поникшею главой...
Все спитъ кругомъ: однѣ лампады
Во мракѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.
Подъ ними спитъ ихъ властелинъ,

Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ.

Въ твоемъ гробу восторгъ живетъ!
Онъ Русскій гласъ намъ издаетъ;
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
«Иди, спасай!» Ты всталъ—и спасъ...

ПОЛКОВОДЕЦЪ (1838).

У Русскаго Царя въ чертогахъ есть палата:
Она не золотомъ, не бархатомъ богата,
Не въ ней алмазъ вѣнца хранится подъ стекломъ;
Но сверху до низу, во всю длину кругомъ,
Своею кистію свободной и широкой
Ее разрисовалъ художникъ быстроокій.
Тутъ нѣтъ ни сельскихъ Нимфъ, ни дѣвственныхъ Мадонъ,
Ни плясокъ, ни охотъ: а все плащи да шпаги,
Да лица, полныя воинственной отваги.
Толпою тѣсною художникъ помѣстилъ
Сюда начальниковъ народныхъ нашихъ силъ,
Покрытыхъ славою чудеснаго похода
И вѣчной памятью двѣнадцатаго года.
Нерѣдко медленно межъ ними я брожу
И на знакомые ихъ образы гляжу.

И, мнится, слышу ихъ воинственные клики.
Изъ нихъ ужъ многихъ нѣтъ; другіе, коихъ лики
Еще такъ молоды на яркомъ полотнѣ,
Уже состарѣлись, и никнутъ въ тишинѣ
Главою лавровой.
Но въ сей толпѣ суровой
Одинъ меня влечетъ всѣхъ больше. Съ думой новой
Всегда остановлюсь предъ нимъ и не свожу
Съ него моихъ очей. Чѣмъ долѣе гляжу,
Тѣмъ болѣе томимъ я грустью тяжелой.

Онъ писанъ во весь ростъ. Чело, какъ черепъ голый,
Высоко лоснится, и мнится, залегла
Тамъ грусть великая. Кругомъ—густая мгла;
За нимъ — военный станъ. Спокойный и угрюмый,
Онъ, кажется, глядитъ съ презрительною думой.
Свою ли точно мысль художникъ обнажилъ,
Когда онъ таковымъ его изобразилъ,
Или невольное то было вдохновенье —
Но Доу далъ ему такое выраженье.

О вождь несчастливый! Суровъ былъ жребій твой;
Все въ жертву ты принесъ землѣ тебѣ чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
Въ молчаньи шелъ одинъ ты съ мыслію великой;
И въ имени твоемъ звукъ чуждый не взлюбя,
Своими криками преслѣдуя тебя,
Народъ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался надъ твоей священной сѣдиною.
И тотъ, чей острый умъ тебя и постигалъ,
Въ угоду имъ тебя лукаво порицалъ...
И долго укрѣпленъ могучимъ убѣжденьемъ,
Ты былъ неколебимъ предъ общимъ заблужденьемъ;
И на полупути былъ долженъ наконецъ
Безмолвно уступить, и лавровый вѣнецъ,
И власть, и замыселъ, обдуманный глубоко,
И въ полковыхъ рядахъ сокрыться одиноко.
Тамъ, устарѣлый вождь, какъ ратникъ молодой,
Свинца веселый свистъ заслышавшій впервой,
Бросался ты въ огонь, ища желанной смерти,—
Вотще!

. . . .
. . . .

О люди! жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха!
Жрецы минутнаго, поклонники успѣха!
Какъ часто мимо васъ проходитъ человѣкъ,
Надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ,
Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньѣ
Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье!

Пиръ Петра Великаго (1835).

Надъ Невою рѣзво вьются
Флаги пестрые судовъ;
Звучно съ лодокъ раздаются
Пѣсни дружныя гребцовъ;
Въ царскомъ домѣ пиръ веселый;
Рѣчь гостей хмѣльна, шумна;
И Нева пальбой тяжолой
Далеко потрясена.
Что пируетъ Царь великій
Въ Петербургѣ-городкѣ?
Отъ чего пальба и клики
И эскадра на рѣкѣ?
Озаренъ ли честью новой
Русскій штыкъ иль русскій флагъ?
Побѣжденъ ли Шведъ суровый,
Мира ль проситъ грозный врагъ?
Иль въ отъятый край у Шведа
Прибылъ Брантовъ утлый ботъ,
И пошолъ на встрѣчу дѣда

Всей семьей нашъ юный флотъ,
И воинственные внуки
Стали въ строй предъ старикомъ,
И раздался въ честь науки
Пѣсенъ хоръ и пушекъ громъ?
Годовщину ли Полтавы
Торжествуетъ Государь,
День, какъ жизнь своей Державы
Спасъ отъ Карла Русскій Царь?
Родила ль Екатерина?
Имянинница ль Она,
Чудотворца Исполина
Чернобровая жена?
Нѣтъ, онъ съ подданнымъ мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пѣнитъ съ нимъ одну;
И въ чело его цѣлуетъ,
Свѣтелъ сердцемъ и лицомъ;
И прощенье торжествуетъ,
Какъ побѣду надъ врагомъ.
Отъ того-то шумъ и клики
Въ Петербургѣ-городкѣ,
И пальба и громъ музыки,
И эскадра на рѣкѣ.
Отъ того-то въ часъ веселый
Чаша Царская полна,
И Нева пальбой тяжолой
Далеко потрясена.

Памятникъ (1836).

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный;
Къ нему не заростетъ народная тропа:
Вознесся выше онъ главою непокорной
Наполеонова столпа.
Нѣтъ! весь я не умру: душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ—
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ піитъ.
Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой.
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:
И гордый внукъ Славянъ, и Финъ, и нынѣ дикій
Тунгузъ, и другъ степей Калмыкъ.
И долго буду я народу тѣмъ любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ,
И милость къ падшимъ призывалъ.
Велѣнью Божію, о Муза, будь послушна!
Обиды не страшись, не требуй и вѣнца;
Хвалу и клевету пріемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

б. Борисъ Годуновъ (1825).

Содержаніе.

Піеса открывается разговоромъ Воротынскаго съ Шуйскимъ въ кремлевскихъ палатахъ, въ 1598 году. Простодушный Воротынскій вѣритъ, что Борисъ искренно отказывается отъ престола; Шуйскій другаго мнѣнія: по его словамъ.

«Борисъ еще поморщится немного,
Что пьяница предъ чаркою вина,
И наконецъ, помилости своей,
Принять вѣнецъ смиренно согласится».

Шуйскій думаетъ, что и убійство царевича Дмитрія,—злодѣйство, о которомъ Воротынскій говоритъ съ ужасомъ, не помѣшаетъ Годунову взойти на престолъ:

«Перешагнетъ: Борисъ не такъ-то робокъ!»

Между тѣмъ хитрый бояринъ, гордый своимъ происхожденіемъ отъ Рюриковой крови, не прочь затѣять смуту, если Борисъ не перестанетъ упрямиться. Слѣдующія сцены съ исторической вѣрностью изображаютъ избраніе Бориса: думный дьякъ Щелкаловъ съ краснаго крыльца объявляетъ народу о рѣшеніи собора молить царицу, чтобы благословила своего брата на царство; народъ волнуется на полѣ передъ Новодѣвичьимъ монастыремъ, плача и воя по наказу или изъ подражанія, пока

*

Борисъ не соглашается принять вѣнецъ; избранный Борисъ въ кремлевскихъ палатахъ высказываетъ свое смиреніе и благодушіе, велитъ сзывать весь народъ на пиръ и идетъ поклониться гробамъ «почіющихъ властителей Россія.» Въ заключеніе Шуйскій высказываетъ свое лукавство передъ Воротынскимъ, не желая и помнить, о чемъ говорилъ съ нимъ. Сцена переносится въ келью Чудова монастыря и происходитъ уже въ 1603 году. Смиренный монахъ Пименъ пишетъ свою лѣтопись и разсказываетъ проснувшемуся Григорію о временахъ Грознаго, о Θеодорѣ, объ убіеніи царевича Димитрія. Пылкій Григорій, тяготясь монастырскимъ заключеніемъ, задумываетъ какой-то громадный замыселъ и грозитъ Борису карою за убійство. Въ слѣдующей сценѣ, изъ разговора патріарха съ игуменомъ Чудоваго монастыря, мы узнаемъ, что Григорій уже бѣжалъ въ намѣреніи сдѣлаться царемъ на Москвѣ. Вслѣдъ за тѣмъ мы видимъ Бориса, бесѣдующаго съ колдунами: въ краснорѣчивомъ монологѣ онъ высказываетъ свое утомленіе властію, жалуется, что народъ, не смотря на все оказанное ему добро, проклинаетъ его, обвиняя въ убійствахъ, сознается, что онъ все бы перенесъ, если-бы не мучила совѣсть:

«И все тошнитъ, и голова кружится,
И мальчики кровавые въ глазахъ....
И радъ бѣжать, да некуда.... ужасно!
Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста».

Между тѣмъ Григорій уже въ корчмѣ на Литовской границѣ, въ сообществѣ Варлаама и Мисаила, и счастливо избѣжалъ погони. Сцена снова въ Москвѣ: Шуйскій задаетъ пиръ, велитъ читать мальчику указанную молитву о Борисѣ, и, когда гости расходятся, сообщаетъ боярину Пушкину наединѣ о появленіи самозванца; Пушкинъ толкуетъ при этомъ о казняхъ и другихъ несправедливостяхъ Бориса, о Юрьевомъ днѣ, и пр. Слѣдуетъ одна изъ лучшихъ сценъ по драматическому движенію, гдѣ Борисъ сначала является въ кругу своего семейства и любуется успѣхами сына въ географіи (чертежъ земли Московской дѣйствительно сдѣланъ былъ Θеодоромъ), а потомъ—въ разговорѣ съ Шуйскимъ, когда узнаетъ о появленіи самозванца. Рядъ сценъ переноситъ насъ въ Польшу: самозванецъ бесѣдуетъ съ патеромъ, принимаетъ на службу сына Курбскаго, польскихъ шляхтичей, донскихъ казаковъ, награждаетъ поэта за поданные ему стихи, искусно говоря каждому ласковое слово; Марина передъ зеркаломъ, въ бесѣдѣ съ Рузей, высказываетъ свой честолюбивый характеръ; на балу, гдѣ веселится Вишневецкій съ Мнишкомъ, она назначаетъ Димитрію свиданіе; въ сценѣ свиданія она является гордой красавицей, дающей слово принадлежать самозванцу лишь тогда, когда будетъ царицей. Самозванецъ уже выступаетъ въ походъ и вмѣстѣ съ Курбскимъ первый подъѣзжаетъ къ Литовской границѣ. Царь сидитъ въ думѣ съ боярами и патріархомъ, дѣлаетъ распоряженія объ усмиреніи самозванца и приходитъ въ страшное замѣшательство, когда патріархъ совѣтуетъ, для разувѣренія народа, привезти въ Москву нетлѣнное тѣло убитаго царевича; Шуйскій, отклонивъ этотъ совѣтъ, выручилъ Бориса. Далѣе съ историческою вѣрностью представлена битва близъ Новгорода-Сѣверскаго (1604 г. 21-го декабря). Слѣдуетъ сцена передъ соборомъ въ Москвѣ: въ народѣ является юродивый; мальчишки его дразнятъ; выходитъ изъ собора царь, и юродивый на нихъ жалуется, говоря Борису: «вели ихъ зарѣзать, какъ зарѣзалъ ты маленькаго царевича». Самозванецъ подъ Сѣвскомъ распрашиваетъ плѣннаго Рожнова о томъ, что дѣлается въ Москвѣ, и узнаетъ о доносахъ и пыткахъ. Разбитый подъ Сѣвскомъ, самозванецъ отдыхаетъ въ лѣсу, жалѣетъ о своемъ конѣ, о павшемъ Курбскомъ, и безпечно засыпаетъ. Царь толкуетъ съ Басмановымъ о дѣлахъ; недовольный

распоряженіями воеводъ, онъ назначаетъ его начальникомъ, презрѣвъ мѣстническіе счеты, и собирается взять въ руки, какъ народъ, такъ и бояръ. Басмановъ одобряетъ его мысль, и, оставшись одинъ, мечтаетъ о своей власти. Вдругъ подымается тревога: умирающаго царя выносятъ на стулѣ; онъ даетъ наставленія сыну, какъ царствовать, и принимаетъ схиму. Въ ставкѣ бояринъ Пушкинъ подговариваетъ Басманова передаться самозванцу, и честолюбивый Басмановъ уже готовъ измѣнить Өеодору. Дѣло идетъ къ развязкѣ: въ Москвѣ на Лобномъ мѣстѣ, Пушкинъ подговариваетъ народъ съ честью встрѣтить Димитрія; народъ бросается въ Кремль, крича:

«Вязать! топить! Да здравствуетъ Димитрій.
Да гибнетъ родъ Бориса Годунова»!

Послѣдняя сцена происходить въ Кремлѣ у дома Бориса: стража стоитъ у крыльца, народъ толкуетъ о Өеодорѣ и Ксеніи, которые стоять у окна; въ домъ входятъ бояре, и народъ слышитъ шумъ, крики.... наконецъ на крыльцѣ является Мосальскій и извѣщаетъ, что Марія Годунова и сынъ ея Өеодоръ отравили себя ядомъ. «Чтожъ вы молчите?» говоритъ онъ; кричите «да здравствуетъ царь Димитрій Ивановичъ.» Народъ безмолвствуетъ.

СЦЕНА V.

Ночь. Келья въ Чудовомъ монастырѣ.

(1603 года).

Отецъ Пименъ. Григорій (спящій).

Пименъ *(пишетъ передъ лампадой).*
Еще одно, послѣднее сказанье—
И лѣтопись окончена моя.
Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
Мнѣ грѣшному. Не даромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
И книжному искусству вразумилъ:
Когда-нибудь монахъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ усердный, безъименный;
Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду,
И, пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
Правдивыя сказанья перепишетъ,
Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу;
Своихъ Царей великихъ поминаютъ
За ихъ труды, за славу, за добро,—
А за грѣхи, за темныя дѣянья,
Спасителя смиренно умоляютъ.
На старости я съизнова живу;
Минувшее проходитъ предо мною...
Давно ль оно неслось, событій полно,
Волнуяся, какъ море-окіанъ?
Теперь оно безмолвно и спокойно:
Немного лицъ мнѣ память сохранила,
Немного словъ доходитъ до меня,
А прочее погибло безвозвратно!
Но близокъ день, лампада догораетъ—
Еще одно, послѣднее сказанье *(пишетъ).*

Григорій *(пробуждается).* Все тотъ же сонъ! Возможноль? въ третій разъ!
Проклятый сонъ!.. А все передъ лампадой
Старикъ сидитъ да пишетъ—и дремотой
Знать во всю ночь онъ не смыкалъ очей.
Какъ я люблю его спокойный видъ,
Когда душей въ минувшемъ, погруженный,
Онъ лѣтопись свою ведетъ; и часто
Я угадать хотѣлъ, о чемъ онъ пишетъ:
О темномъ ли владычествѣ Татаръ!
О казняхъ ли свирѣпыхъ Іоанна?
О бурномъ ли Новогородскомъ Вѣчѣ?
О славѣ ли отечества? Напрасно!
Ни на челѣ высокомъ, ни во взорахъ
Нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ;
Все тотъ же видъ, смиренный, величавый...
Такъ точно Дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый,
Спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

П-нъ. Проснулся, братъ.

Гр-ій. Благослови меня,

Честный отецъ.

П-нъ. Благослови, Господь,
Тебя и днесь, и присно, и во вѣки.

Гр-ій. Ты все писалъ и сномъ не позабылся;
А мой покой бѣсовское мечтанье
Тревожило, и врагъ меня мутилъ.
Мнѣ снилося, что лѣстница крутая
Меня вела на башню; съ высоты
Мнѣ видѣлась, Москва, что муравейникъ;
Внизу народъ на площади кипѣлъ
И на меня указывалъ со смѣхомъ;
И стыдно мнѣ, и страшно становилось,
И, падая стремглавъ, я пробуждался...
И три раза мнѣ снился тотъ же сонъ,
Не чудно ли?

П-нъ. Младая кровь играетъ;
Смиряй себя молитвой и постомъ,
И сны твои видѣній легкихъ будутъ
Исполневы. Донынѣ—если я,
Невольною дремотой обезсиленъ,
Не сотворю молитвы долгой къ ночи,—
Мой старый сонъ не тихъ и не безгрѣшенъ:
Мнѣ чудятся то шумные пиры,
То ратный станъ, то схватка боевая,
Безумныя потѣхи юныхъ лѣтъ!

Гр-ій. Какъ весело провелъ свою ты младость!
Ты воевалъ подъ башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйскомъ отражалъ,
Ты видѣлъ Дворъ и роскошь Іоанна!
Счастливъ! А я отъ отроческихъ лѣтъ
По келіямъ скитаюсь, бѣдный инокъ!
Зачѣмъ и мнѣ не тѣшиться въ бояхъ,
Не пировать за Царскою трапезой?
Успѣлъ бы я, какъ ты, на старость лѣтъ
Отъ суеты, отъ міра отложиться,
Произнести монашества обѣтъ
И въ тихую обитель затвориться.

П-нъ. Не сѣтуй, братъ, что рано грѣшный свѣтъ
Покинулъ ты, что мало искушеній
Послалъ тебѣ Всевышній. Вѣрь ты мнѣ:
Насъ издали плѣняютъ слава, роскошь
И женская лукавая любовь.
Я долго жилъ и многимъ насладился;
Но съ той поры лишь вѣдаю блаженство,
Какъ въ монастырь Господь меня привелъ.
Подумай, сынъ, ты о Царяхъ великихъ:
Кто выше ихъ? Единый Богъ. Кто смѣетъ
Противу нихъ? Никто. А чтоже? Часто
Златой вѣнецъ тяжелъ имъ становился.
Они его мѣняли на клобукъ.
Царь Іоанъ искалъ успокоенья
Въ подобіи монашескихъ трудовъ.
Его дворецъ, любимцевъ гордыхъ полный,
Монастыря видъ новый принималъ:
Кромѣшники въ тафьяхъ и власяницахъ
Послушными являлись чернецами,
А грозный царь Игумномъ богомольнымъ.
Я видѣлъ здѣсь, вотъ въ этой самой кельѣ—
(Въ ней жилъ тогда Кириллъ многострадальный,
Мужъ праведный; тогда ужъ и меня
Сподобилъ Богъ уразумѣть ничтожность
Мірскихъ суетъ), здѣсь видѣлъ я Царя,
Усталаго отъ гнѣвныхъ думъ и казней.
Задумчивъ, тихъ сидѣлъ межъ нами Грозный;
Мы передъ нимъ недвижимо стояли,
И тихо онъ бесѣду съ нами велъ.
Онъ говорилъ игумну и всей братьѣ:
«Отцы мои!! желанный день пріидетъ:
Предстану здѣсь алкающій спасенья;
Ты, Никодимъ, ты, Сергій, ты Кириллъ,
Вы всѣ—обѣтъ примите мой духовный:
Пріиду къ вамъ, преступникъ окаянный,
И схиму здѣсь честную восприму,
Къ стопамъ твоимъ, святый отецъ припадши».
Такъ говорилъ державный Государь,
И сладко рѣчь изъ устъ его лилася,
И плакалъ онъ. А мы въ слезахъ молились,
Да ниспошлетъ Господь любовь и миръ
Его душѣ, страдающей и бурной.
А сынъ его Θеодоръ? На престолѣ
Онъ воздыхалъ о мирномъ житіи
Молчальника. Онъ Царскіе чертоги
Преобразилъ въ молитвенную келью;

Тамъ тяжкія, державныя печали
Святой души его не возмущали.
Богъ возлюбилъ смиреніе Царя,
И Русь при немъ во славѣ безмятежной
Утѣшилась—а въ часъ его кончины
Свершилося неслыханное чудо:
Къ его одру, Царю едину зримый,
Явился мужъ необычайно свѣтелъ,
И началъ съ нимъ бесѣдовать Өеодоръ
И называть великимъ патріархомъ...
И всѣ кругомъ объяты были страхомъ,
Уразумѣвъ небесное видѣнье,
Зане святый Владыка предъ Царемъ,
Во храминѣ тогда не находился.
Когда же онъ преставился, палаты
Исполнились святымъ благоуханьемъ,
И ликъ его какъ солнце просіялъ.
Ужъ не видать такого намъ Царя.
О страшное, невиданное горе!
Прогнѣвали мы Бога, согрѣшили:
Владыкою себѣ цареубійцу
Мы нарекли.

Гр-ій. Давно, честный отецъ,
Хотѣлось мнѣ тебя спросить о смерти
Димитрія-Царевича; въ то время
Ты, говорятъ, былъ въ Угличѣ?

П-нъ. Охъ, помню!
Привелъ меня Богъ видѣть злое дѣло,
Кровавый грѣхъ. Тогда я въ дальній Угличъ
На нѣкое былъ усланъ послушанье.
Пришелъ я въ ночь. На утро, въ часъ обѣдни,
Вдругъ слышу звонъ; ударили въ набатъ;
Крикъ, шумъ. Бѣгутъ на дворъ Царицы. Я
Спѣшу туда жъ, а тамъ уже весь городъ.
Гляжу: лежитъ зарѣзанный Царевичъ;
Царица-мать въ безпамятствѣ надъ нимъ,
Кормилица въ отчаяньи рыдаетъ,
А тутъ народъ, остервенясь, волочитъ
Безбожную предательницу-мамку....
Вдругъ между нихъ, свирѣпъ, отъ злости блѣденъ,
Является Іуда-Битяговскій.
«Вотъ, вотъ злодѣй!» раздался общій вопль,
И вмигъ его не стало. Тутъ народъ
Вслѣдъ бросился бѣжавшимъ тремъ убійцамъ;
Укрывшихся злодѣевъ захватили
И привели предъ теплый трупъ младенца,
И чудо—вдругъ мертвецъ затрепеталъ.
«Покайтеся!» народъ имъ завопилъ:
И въ ужасѣ подъ топоромъ злодѣи
Покаялись—и назвали Бориса.

Гр-ій. Какихъ былъ лѣтъ Царевичъ убіенный?

П-нъ. Да лѣтъ семи; ему бы нынѣ было —
(Тому прошло ужъ десять лѣтъ... нѣтъ, больше:
Двѣнадцать лѣтъ)—онъ былъ бы твой ровесникъ
И царствовалъ: но Богъ судилъ иное.
Сей повѣстью плачевной заключу
Я лѣтопись свою; съ тѣхъ поръ я мало
Вникалъ въ дѣла мірскія. Братъ Григорій!
Ты грамотой свой разумъ просвѣтилъ,
Тебѣ свой трудъ передаю. Въ часы,
Свободные отъ подвиговъ духовныхъ,
Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свидѣтель въ жизни будешь:
Войну и миръ, управу Государей,
Угодниковъ святыя чудеса,
Пророчества и знаменья небесны.
А мнѣ пора, пора ужъ отдохнуть
И погасить лампаду.... Но звонятъ
Къ заутренѣ.... Благослови, Господь,
Своихъ рабовъ!... Подай костыль, Григорій (*Уходитъ*).

Г-ій. Борисъ, Борисъ! все предъ тобой трепещетъ,
Никто тебѣ не смѣетъ и напомнить
О жребіи несчастнаго младенца;
А между тѣмъ отшельникъ въ темной кельѣ
Здѣсь на тебя доносъ ужасный пишетъ:
И не уйдешь ты отъ суда мірскаго,
Какъ не уйдешь отъ Божьяго суда.

СЦЕНА VIII.

ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

Два Стольника.

Первый. Гдѣ Государь?

Второй. Въ своей опочивальнѣ.

Онъ заперся съ какимъ-то колдуномъ.

П-ый. Такъ, вотъ его любимая бесѣда:
Кудесники, гадатели, колдуньи.
Все ворожитъ, что красная невѣста.
Желалъ бы знать, о чемъ гадаетъ онъ?

В-ой. Вотъ онъ идетъ. Угодно ли спросить?

П-ый. Какъ онъ угрюмъ! (*Уходятъ.*)

Царь (*входитъ.*) Достигъ я высшей власти;
Шестой ужъ годъ я царствую спокойно:
Но счастья нѣтъ душѣ моей. Не такъ ли
Мы смолоду влюбляемся и алчемъ
Утѣхъ любви, но только утолимъ
Сердечный гладъ мгновеннымъ обладаньемъ,
Ужъ, охладѣвъ, скучаемъ и томимся!....
Напрасно мнѣ кудесники сулятъ
Дни долгіе, дни власти безмятежной;
Ни власть, ни жизнь меня не веселятъ;
Предчувствую небесный громъ и горе.
Мнѣ счастья нѣтъ. Я думалъ свой народъ
Въ довольствіи, во славѣ успокоить,
Щедротами любовь его снискать;
Но отложилъ пустое попеченье;
Живая власть для черни ненавистна:
Они любить умѣютъ только мертвыхъ.
Безумны мы, когда народный плескъ,
Иль ярый вопль тревожитъ сердце наше!
Богъ насылалъ на землю нашу гладъ;
Народъ завылъ, въ мученьяхъ погибая;
Я отворилъ имъ житницы; я злато
Разсыпалъ имъ; я имъ сыскалъ работы:
Они жъ меня, бѣснуясь, проклинали!
Пожарный огнь ихъ домы истребилъ:
Я выстроилъ имъ новыя жилища;
Они жъ меня пожаромъ упрекали!
Вотъ черни судъ: ищи жъ ея любви!
Въ семьѣ моей я мнилъ найти отраду,
Я дочь мою мнилъ осчастливить бракомъ!
Какъ буря, смерть уноситъ жениха...
И тутъ молва лукаво нарекаетъ
Виновникомъ дочерняго вдовства
Меня, меня, несчастнаго отца!...
Кто ни умретъ, я всѣхъ убійца тайный:
Я ускорилъ Ѳеодора кончину,
Я отравилъ свою сестру Царицу,
Монахиню смиренную... все я!
Ахъ, чувствую: ничто не можетъ насъ
Среди мірскихъ печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина развѣ совѣсть;
Такъ, здравая, она восторжествуетъ
Надъ злобою, надъ темной клеветою;
Но если въ ней единое пятно,
Единое случайно завелося,
Тогда бѣда: какъ язвой моровой
Душа сгоритъ, нальется сердце ядомъ,
Какъ молоткомъ стучитъ въ ушахъ упрекомъ,
И все тошнитъ, и голова кружится,
И мальчики кровавые въ глазахъ...
И радъ бѣжать, да некуда... ужасно!
Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста!

СЦЕНА XI.

ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

Царевичъ чертитъ географическую карту. Царевна. Мамка Царевны.

Ксенія (*цѣлуетъ портретъ*). Милый мой женихъ, прекрасный Королевичъ, не мнѣ ты достался, не своей невѣстѣ, а темной могилкѣ, на чужой сторонкѣ: никогда не утѣшусь, вѣчно по тебѣ буду плакать (¹).

Мамка. И, Царевна! Дѣвица плачетъ, что роса падаетъ: взойдетъ солнца, росу высушитъ. Будетъ у тебя другой женихъ, и прекрасный, и привѣтливый. Полюбишь его, дитя наше ненаглядное, забудешь Ивана Королевича.

К-ія. Нѣтъ, мамушка, я и мертвому буду ему вѣрна. (*Входитъ Борисъ*).

Царь. Что, Ксенія? что, милая моя?
Въ невѣстахъ ужъ печальная вдовица!
Все плачешь ты о мертвомъ женихѣ.
Дитя мое! судьба мнѣ не судила

(¹) Ксенія—дочь Бориса Годунова была сговорена за Іоанна датскаго принца, брата короля Христіана V; но по пріѣздѣ въ Москву, Іоаннъ скоро захворалъ и умеръ. По убіеніи матери и брата, Ксенію постригли въ монахини во Владимірскомъ дѣвичьемъ монастырѣ.

Виновникомъ быть вашего блаженства.
Я, можетъ быть, прогнѣвалъ небеса,
Я счастіе твое не могъ устроить;
Безвинная! зачѣмъ же ты страдаешь?
А ты, мой сынъ, чѣмъ занятъ? Эго что?
Өеодоръ. Чертежъ земли Московской, наше царство
Изъ края въ край. Вотъ видишь: тутъ Москва,
Тутъ Новгородъ, тутъ Астрахань. Вотъ море,
Вотъ пермскіе дремучіе лѣса.
А вотъ Сибирь.
Царь. А это что такое
Узоромъ здѣсь віется?
Ө-ръ Это Волга.
Царь. Какъ хорошо! Вотъ сладкій плодъ ученья!
Какъ съ облаковъ ты можешь обозрѣть
Все царство вдругъ: границы, грады, рѣки;
Учись, мой сынъ: наука сокращаетъ
Намъ опыты быстротекущей жизни.
Когда нибудь, и скоро, можетъ быть,
Всѣ области, которыя ты нынѣ
Изобразилъ такъ хитро на бумагѣ,
Всѣ подъ руку достанутся твою.
Учись, мой сынъ: и легче, и яснѣе
Державный трудъ ты будешь постигать.
(*Входитъ Семенъ Годуновъ*).
Вотъ Годуновъ идетъ ко мнѣ съ докладомъ. (*Ксеніи*)
Душа моя, поди въ свою свѣтлицу;
Прости, мой другъ; утѣшь тебя Господь.
(*Ксенія съ мамкой уходятъ*).
Что скажешь мнѣ, Семенъ Никитичъ?
Семенъ Годуновъ. Нынче
Ко мнѣ, чѣмъ свѣтъ, дворецкій Князь—Василья
И Пушкина слуги пришли съ доносомъ.
Царь Ну!
Се-нъ Го-въ. Пушкина слуга донесъ сперва,
Что поутру вчера къ нимъ въ домъ пріѣхалъ
Изъ Кракова гонецъ и черезъ часъ
Безъ грамоты отосланъ былъ обратно.
Царь. Гонца схватить.
Се-нъ Го-въ. Ужъ послано въ догоню.
Царь. О Шуйскомъ что?
Се-нъ Го-въ. Вечоръ онъ угощалъ
Своихъ друзей, обоихъ Милославскихъ,
Бутурлиныхъ, Михайла Салтыкова,
Да Пушкина, да нѣсколько другихъ;
А разошлись ужъ поздно. Только Пушкинъ
Наединѣ съ хозяиномъ остался
И долго съ нимъ бесѣдовалъ еще.
Царь. Сейчасъ послать за Шуйскимъ.
Се-нъ Го-въ. Государь!
Онъ здѣсь уже.
Царь. Позвать его сюда (*Годуновъ уходитъ*).
Царь. Сношенія съ Литвой! Это что?...
Противенъ мнѣ родъ Пушкиныхъ мятежный,
А Шуйскому не должно довѣрять:
Уклончивый, но смѣлый и лукавый....
(*Входитъ Шуйскій*).
Мнѣ нужно, Князь, съ тобою говорить.
Но, кажется, ты самъ пришелъ за дѣломъ:
И выслушать хочу тебя сперва.
Шуйскій. Такъ, Государь; мой долгъ тебѣ повѣдать
Вѣсть важную.
Царь. Я слушаю тебя.
Шу-ій (*тихо, указывая на Өеодора*).
Но, Государь....
Царь. Царевичь можетъ знать,
Что вѣдаетъ Князь Шуйскій. Говори.
Шу-ій. Царь, изъ Литвы пришла намъ вѣсть....
Царь. Не та ли,
Что Пушкину привезъ вечоръ гонецъ?
Шу-ій. Все знаетъ онъ!... Я думалъ, Государь,
Что ты еще не вѣдаешь сей тайны.
Царь. Нѣтъ нужды, Князь; хочу сообразить
Извѣстія, иначе не узнаемъ
Мы истины.
Шу-ій. Я знаю только то,
Что въ Краковѣ явился самозванецъ,
И что Король и Паны за него.
Царь. Что жъ говорятъ? Кто этотъ самозванецъ?
Шу-ій. Не вѣдаю.

Царь. Но.... чѣмъ опасенъ онъ?
Шу-ій. Конечно, Царь, сильная твоя держава!
Ты милостью, радѣньемъ и щедротой
Усыновилъ сердца своихъ рабовъ.
Но знаешь самъ: безсмысленная чернь
Измѣнчива, мятежна, суевѣрна,
Легко пустой надеждѣ предана,
Мгновенному внушенію послушна;
Для истины глуха и равнодушна,
А баснями питается она.
Ей нравится безстыдная отвага;
Такъ если сей невѣдомой бродяга
Литовскую границу перейдетъ,
Къ нему толпу безумцевъ привлечетъ
Димитрія воскреснувшее имя.
Царь. Димитрія!... какъ? этого младенца?
Димитрія!... Царевичъ, удались!
Шу-ій. Онъ покраснѣлъ: быть бурѣ!...
Ѳе-ръ. Государь,
Дозволишь ли?...
Царь. Нельзя, мой сынъ, поди
(*Ѳеодоръ уходитъ*).
Димитрія!...
Ш-кій. Онъ ничего не зналъ.
Царь. Послушай, Князь: взять мѣры сей-же часъ;
Чтобъ отъ Литвы Россія оградилась
Заставами; чтобъ ни одна душа
Не перешла за эту грань; чтобъ заяцъ
Не прибѣжалъ изъ Польши къ намъ; чтобъ воронъ
Не прилетѣлъ изъ Кракова. Ступай.
Ш-кій Иду.
Царь. Постой. Не правда ль, эта вѣсть
Затѣйлива? Слыхалъ ли ты когда,
Чтобъ мертвые изъ гроба выходили
Допрашивать Царей, Царей законныхъ,
Назначенныхъ, избранныхъ всенародно,
Увѣнчанныхъ великимъ Патріархомъ?
Смѣшно? а? что? чтожъ не смѣешься ты?
Ш-кій Я, Государь?..,.
Царь. Послушай, Князь Василій:
Какъ я узналъ, что отрока сего....
Что отрокъ сей лишился какъ-то жизни,
Ты посланъ былъ на слѣдствіе: теперь
Тебя Крестомъ и Богомъ заклинаю,
По совѣсти мнѣ правду объяви:
Узналъ ли ты убитаго младенца
И не было ль подмѣны? Отвѣчай.
Ш-кій. Клянусь тебѣ....
Царь Нѣтъ, Шуйскій, не клянись,
Но отвѣчай: то былъ Царевичъ!
Ш-кій. Онъ
Царь Подумай, Князь. Я милость обѣщаю,
Прошедшей лжи опалою напрасной
Не накажу: Но если ты теперь
Со мной хитришь, то головою сына
Клянусь—тебя постигнетъ злая казнь,
Такая казнь, что Царь Иванъ Васильевичъ
Отъ ужаса во гробѣ содрогнется.
Ш-кій. Не казнь страшна, страшна твоя немилость!
Передъ тобой дерзну ли я лукавить?
И могъ ли я такъ слѣпо обмануться,
Что не узналъ Димитрія? Три дня
Я трупъ его въ соборѣ посѣщалъ,
Всѣмъ Угличемъ туда сопровожденный,
Вокругъ него тринадцать тѣлъ лежало,
Растерзанныхъ народомъ, и по нимъ
Ужъ тлѣніе примѣтно проступало,
Но дѣтскій ликъ Царевича былъ ясенъ,
И свѣжъ и тихъ, какъ будто усыпленный:
Глубокая не запекалась язва,
Черты жъ лица совсѣмъ не измѣнились.
Нѣтъ, Государь, сомнѣнья нѣтъ: Димитрій
Во гробѣ спитъ.
Царь. Довольно, удались!
(Шуйскій уходитъ).
Ухъ, тяжело!... дай духъ переведу!
Я чувствовалъ: вся кровь моя въ лице
Мнѣ кинулась и тяжко опускалась...
Такъ вотъ зачѣмъ тринадцать лѣтъ мнѣ сряду
Все снилося убитое дитя!
Да, да—вотъ что! теперь я понимаю;
Но кто же онъ, мой грозный супостатъ?
Кто на меня? Пустое имя, тѣнь—
Ужели тѣнь сорветъ съ меня порфиру?

СЦЕНА XXII.

МОСКВА. ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

Борисъ, Басмановъ.

Царь. Онъ побѣжденъ, какая польза въ томъ?

Мы тщетною побѣдой увѣнчались.
Онъ вновь собралъ разсѣянное войско
И намъ со стѣнъ Путивля угрожаетъ.
Что дѣлаютъ межъ-тѣмъ герои наши?
Стоятъ у Кромъ, гдѣ кучка казаковъ
Смѣется имъ изъ-подъ гнилой ограды [1].
Вотъ слава! нѣтъ, я ими недоволенъ;
Пошлю тебя начальствовать надъ ними:
Не родъ, а умъ поставлю въ воеводы;
Пускай ихъ спѣсь о мѣстничествѣ тужитъ!
Пора презрѣть мнѣ ропотъ знатной черни
И гибельный обычай уничтожить.

Басмановъ. Ахъ, Государь, стократъ благословенъ
Тотъ будетъ день, когда разрядны книги [2]
Съ раздорами, съ гордыней родословной
Пожретъ огонь!

Царь. День этотъ недалёкъ;
Лишь дай сперва смятеніе народа
Мнѣ усмирить.

Б-овъ. Что на него смотрѣть?
Всегда народъ къ смятенью тайно склоненъ:
Такъ борзый конь грызетъ свои бразды,
На власть отца такъ отрокъ негодуетъ:
Но что-жъ? конемъ спокойно всадникъ править,
И отрокомъ отецъ повелѣваетъ.

Царь. Конь иногда сбиваетъ сѣдока,
Сынъ у отца не вѣчно въ полной волѣ:
Лишь строгостью мы можемъ неусыпной
Сдержать народъ. Такъ думалъ Іоаннъ, [1]
Смиритель бурь, разумный самодержецъ,
Такъ думалъ и его свирѣпый внукъ.
Нѣтъ, милости не чувствуетъ народъ:
Твори добро—не скажетъ онъ спасибо;
Грабь и казни — тебѣ не будетъ хуже
(Входитъ бояринъ).
Что?

Бояринъ. Привели гостей иноплеменныхъ.

Царь. Иду принять; Басмановъ, погоди,
Останься здѣсь: съ тобой еще мнѣ нужно
Поговорить. (*Уходитъ*).

Б-овъ. Высокій духъ державный!
Дай Богъ ему съ Отрепьевымъ проклятымъ
Управиться; и много, много онъ
Еще добра въ Россіи сотворитъ.
Мысль важная въ умѣ его родилась;
Не надобно ей дать остыть. Какое
Мнѣ поприще откроется, когда
Онъ сломитъ рогъ боярству родовому!
Соперниковъ во брани я не знаю;
У царскаго престола стану первый....
И можетъ быть... Но что за чудный шумъ?

(Тревога. Бояре, придворные служители въ безпорядкѣ бѣгутъ, встрѣчаются и шепчутъ).

Одинъ. За лекаремъ!

Другой. Скорѣе къ патріарху!

Третій. Царевича, царевича зоветъ!

Четвертый. Духовника!

Б-овъ. Что сдѣлалось такое?

Пятый и шестой. Царь занемогъ, царь умираетъ [2].

---

[1] *У Карамзина* «Слѣдуя строгому предписанію государеву, Мстиславскій и Шуйскій снова вывели войско въ поле, чтобы удивить Россію ничтожностію своихъ дѣйствій: оставили Лжедимитрія на свободѣ въ Путивлѣ, соединились съ запасною ратію Федора Шереметева, уже двѣ или три недѣли тѣснившаго Кромы, и вмѣстѣ съ нимъ въ великій постъ начали осаждать сію крѣпость. Дѣло невѣроятное: тысячъ восемьдесятъ или болѣе ратниковъ, имѣя множество стѣнобитныхъ орудій, безъ успѣха приступали къ деревянному городку, ибо въ немъ сверхъ жителей, сидѣло 600 мужественныхъ донцевъ съ храбрымъ атаманомъ Корелою... Мстиславскій и Шуйскій въ надеждѣ взять крѣпость голодомъ, только стрѣляли изъ пушекъ, не вредя осажденнымъ, которые выкопали себѣ землянки и подъ защитою вала укрывались въ нихъ безопасно; иногда же выползывали изъ своихъ норъ и дѣлали смѣлыя вылазки».

[2] Книги, въ которыя записывалась служба бояръ, служившая основаніемъ мѣстничества.

---

[1] Іоаннъ III.

[2] *У Карамз.:* «Борисъ 13-го апрѣля въ часъ утра судилъ и рядилъ съ вельможами въ думѣ, принималъ знатныхъ иноземцовъ, обѣдалъ съ ними въ золотой палатѣ и едва вставъ изъ-за стола, почувствовалъ дурноту: кровь хлынула у него изъ носа, ушей и рта, лилась рѣкою: врачи, столь имъ любимые, не могли остановить ее. Онъ терялъ память, но успѣлъ благословить сына па государство Россійское, воспріять

Б-овъ. Боже!

Пятый. На тронѣ онъ сидѣлъ и вдругъ упалъ;
Кровь хлынула изъ устъ и изъ ушей.
(Царя выносятъ на стулѣ; все царское семейство, всѣ бояре).

Царь. Подите всѣ—оставьте одного
Царевича со мною. *(Всѣ удаляются).* Умираю;
Обнимемся. Прощай, мой сынъ: сейчасъ
Ты царствовать начнешь.... о Боже, Боже!
Сейчасъ явлюсь передъ Тобой—и душу
Мнѣ некогда очистить покаяньемъ!
Но чувствую, мой сынъ, ты мнѣ дороже
Душевнаго спасенья.... такъ и быть!
Я подданнымъ рожденъ, и умереть
Мнѣ подданнымъ во мракѣ-бъ надлежало;
Но я достигъ верховной власти—чѣмъ?
Не спрашивай. Довольно: ты невиненъ,
Ты царствовать теперь по праву станешь,
А я за все одинъ отвѣчу Богу.
О милый сынъ, не обольщайся ложно,
Не ослѣпляй себя ты добровольно.
Въ дни бурные державу ты пріемлешь:
Опасенъ онъ, сей чудный самозванецъ!
Онъ именемъ ужаснымъ ополченъ (¹).
Я, съ давнихъ лѣтъ въ правленьи искушенный,
Могъ удержать смятенье и мятежъ;
Передо мной они дрожали въ страхѣ;
Возвысить гласъ измѣна не дерзала:
Но ты младой, неопытный властитель,
Какъ управлять ты будешь подъ грозой,
Тушить мятежъ, опутывать измѣну?
Но Богъ великъ! Онъ умудряетъ юность,
Онъ слабости даруетъ силу.... Слушай:
Совѣтника во-первыхъ избери
Надежнаго, холодныхъ, зрѣлыхъ лѣтъ,
Любимаго народомъ, а въ боярахъ
Почтеннаго породой или славой—
Хоть Шуйскаго. Для войска нынѣ нуженъ
Искусный вождь: Басманова пошли
И съ твердостью снеси боярскій ропотъ.
Ты съ малыхъ лѣтъ сидѣлъ со мною въ думѣ,
Ты знаешь ходъ державнаго правленья;
Не измѣняй теченья дѣлъ. Привычка—
Душа державъ. Я нынѣ долженъ былъ
Возстановить опалы, казни—можешь
Ихъ отмѣнить: тебя благословятъ,
Какъ твоего благословляли дядю,
Когда престолъ онъ Грознаго пріялъ.
Со временемъ и понемногу снова
Затягивай державныя бразды:
Теперь ослабь, изъ рукъ не выпуская.
Будь милостивъ, доступенъ къ иноземцамъ,
Довѣрчиво ихъ службу принимай.
Со строгостью храни уставъ церковный;
Будь молчаливъ: не долженъ царскій голосъ
На воздухѣ теряться по пустому;
Какъ звонъ святой, онъ долженъ лишь вѣщать
Велику скорбь или великій праздникъ.
О милый сынъ! ты входишь въ тѣ лѣта,
Когда намъ кровь волнуетъ женскій ликъ.
Храни, храни святую чистоту
Невинности и гордую стыдливость!
Кто чувствами въ порочныхъ наслажденьяхъ
Въ младые дни привыкнулъ утопать,
Тотъ, возмужавъ, угрюмъ и кровожаденъ,
И умъ его безвременно темнѣетъ.
Въ семьѣ своей будь завсегда главой;
Мать почитай, но властвуй самъ собою;
Ты мужъ и царь; люби свою сестру—
Ты ей одинъ хранитель остаешься.

Ѳеодоръ *(на колѣняхъ).* Нѣтъ, нѣтъ—живи и царствуй долговѣчно:
Народъ и мы погибли безъ тебя.

Царь. Все кончено—глаза мои темнѣютъ,
Я чувствую могильный хладъ....
(Входятъ патріархъ, святители, за ними всѣ бояре. Царицу ведутъ подъ руки; царевна рыдаетъ).
Кто тамъ?

ангельскій образъ съ именемъ Боголѣпа и чрезъ два часа испустилъ духъ въ той же храминѣ, гдѣ пировалъ съ боярами и съ иноземцами...»

(¹) «Сей человѣкъ, по словамъ Карамзина, назывался *именемъ ужаснымъ* для Бориса и любезнымъ для Россіи».

А! схима.... такъ! святое постриженье...
Ударилъ часъ! въ монахи царь идетъ—
И темный гробъ моею будетъ кельей.
Повремени, владыка патріархъ!
Я царь еще. Внемлите вы, бояре.
Се тотъ, кому приказываю царство;
Цѣлуйте крестъ Ѳеодору.... Басмановъ,
Друзья мои!... при гробѣ васъ молю
Ему служить усердіемъ и правдой!
Онъ такъ еще и младъ, и непороченъ.
Клянетесь-ли?

Бояре. Клянемся?

Царь. Я доволенъ.
Простите-жъ мнѣ соблазны и грѣхи
И вольныя, и тайныя обиды....
Святый отецъ, приблизься, я готовъ.

(Начинается обрядъ постриженія. Женщинъ въ обморокѣ выносятъ).

в. Полтава.

Содержаніе.

Мазепа, Малороссійскій гетманъ, сватается за Марію, дочь Кочубея, свою крестницу. Такое сватовство раздражаетъ отца и мать: они отказываютъ; Марія, любившая Мазепу, бѣжитъ изъ родительскаго дома. Кочубей поклялся отмстить гетману. Во время дружескихъ сношеній, Мазепа не разъ намекалъ Кочубею о своихъ преступныхъ намѣреніяхъ отложиться отъ Россіи, измѣнить своему законному Государю. Кочубей, вмѣстѣ съ Искрою, написали доносъ, который отправили къ Петру съ неизвѣстнымъ казакомъ, втайнѣ любившимъ Марію. Но царь, увѣренный въ вѣрности Мазепы, принимаетъ доносъ за клевету и предоставляетъ гетману наказать клеветника. Мазепа осуждаетъ Кочубея на казнь. Марія, остававшаяся въ невѣдѣніи, узнаетъ отъ матери объ участи, ожидающей отца; она прибѣгаетъ, но ужъ поздно, на мѣсто казни. Между тѣмъ Мазепа продолжаетъ сношенія съ Карломъ XII, притворяясь больнымъ, чтобы отвести подозрѣнія. Съ приближеніемъ же Шведовъ, измѣнникъ сбросилъ съ себя личину и присоединилъ полки свои къ войску Шведскаго короля. Сраженіе при Полтавѣ разрушило преступные замыслы обоихъ. Мазепа долженъ былъ раздѣлить съ раненымъ королемъ жалкое бѣгство. Вблизи Днѣпра, для краткаго отдыха дѣлаютъ они привалъ на чистомъ воздухѣ, у одного хутора, въ которомъ Мазепа узналъ прежнее жилище Кочубея и Маріи; она сама, ночью, является предъ нимъ съ словами безумія и любви. Но должно бѣжать, король зоветъ—и Мазепа скрывается съ нимъ, навсегда покидая родину.

Кочубей въ темницѣ.

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.
Луна спокойно съ высоты
Надъ Бѣлой-Церковью сіяетъ,
И пышныхъ гетмановъ сады
И старый замокъ озаряетъ:
И тихо, тихо все кругомъ;
Но въ замкѣ шопотъ и смятенье.
Въ одной изъ башенъ, подъ окномъ,
Въ глубокомъ тяжкомъ размышленьѣ,
Окованъ, Кочубей [1] сидитъ
И мрачно на небо глядитъ.
Заутра казнь. Но безъ боязни
Онъ мыслитъ объ ужасной казни;
О жизни не жалѣетъ онъ.
Что смерть ему? желанный сонъ.
Готовъ онъ лечь во гробъ кровавый.

---

[1] Кочубей Василій Леонтьевичъ былъ стольникомъ Петра I и потомъ генеральнымъ судьею малороссійскаго войска. И по исторіи извѣстно, что онъ донесъ Петру В. о тайныхъ сношеніяхъ Мазепы съ Карломъ XII, королемъ Шведскимъ, и оклеветанный предъ царемъ Мазепою казненъ былъ въ 1708 году.

Дрема долитъ. Но, Боже Правый!
Къ ногамъ злодѣя, молча, пасть,
Какъ безсловесное созданье,
Царемъ быть отдану во власть
Врагу Царя на поруганье,
Утратить жизнь—и съ нею честь,
Друзей съ собой на плаху весть,
Надъ гробомъ слышать ихъ проклятья,
Ложась безвиннымъ подъ топоръ,
Врага веселый встрѣтить взоръ,
И смерти кинуться въ объятья,
Не завѣщая никому
Вражды къ злодѣю своему!...
И вспомнилъ онъ свою Полтаву,—
Обычный кругъ семьи, друзей,
Минувшихъ дней богатство, славу,
И пѣсни дочери своей,
И старый домъ, гдѣ онъ родился,
Гдѣ зналъ и трудъ, и мирный сонъ,
И все, чѣмъ въ жизни насладился,
Что добровольно бросилъ онъ.
И для чего?—
Но ключъ въ заржавомъ
Замкѣ гремитъ— и пробужденъ
Несчастный думаетъ: вотъ онъ!
Вотъ на пути моемъ кровавомъ
Мой вождь подъ знаменемъ Креста,
Грѣховъ могучій разрѣшитель,
Духовной скорби врачъ, служитель
За насъ распятаго Христа,
Его святую кровь и тѣло
Принесшій мнѣ, да укрѣплюсь,
Да приступлю ко смерти смѣло.
Я съ сокрушеніемъ сердечнымъ
Готовъ несчастный Кочубей
Передъ Всесильнымъ, Безконечнымъ
Излить тоску мольбы своей.
Но не отшельника святаго,
Онъ гостя узнаетъ иного—
Свирѣпый Орликъ передъ нимъ.
И отвращеніемъ томимъ,
Страдалецъ горько вопрошаетъ:
Ты здѣсь, жестокій человѣкъ?
Зачѣмъ послѣдній мой ночлегъ
Еще Мазепа возмущаетъ?
Орликъ. Допросъ не конченъ, отвѣчай.
Кочубей. Я отвѣчалъ уже, ступай,
Оставь меня.
Орликъ. Еще признанья
Панъ гетманъ требуетъ
Кочубей. Но въ чемъ?
Давно сознался я во всемъ,
Что вы хотѣли. Показанья
Мои всѣ ложны. Я лукавъ,
Я строю козни, гетманъ правъ.
Чего вамъ болѣе?
Орликъ. Мы знаемъ,
Что ты несчастно былъ богатъ,
Мы знаемъ, не единый кладъ
Тобой въ Диканькѣ укрываемъ.
Свершиться казнь твоя должна;
Твое имѣніе сполна
Въ казну поступитъ войсковую—
Таковъ законъ. Я указую
Тебѣ послѣдній долгъ: открой,
Гдѣ клады, скрытые тобой?
Кочубей. Такъ, не ошиблись вы: три клада
Въ сей жизни были мнѣ отрада:
И первый кладъ мой честь была—
Кладъ этотъ пытка отняла;
Другой былъ кладъ невозратимый,
Честь дочери моей любимой:
Я день и ночь надъ нимъ дрожалъ...
Мазепа этотъ кладъ укралъ!...
Но сохранилъ я кладъ послѣдній,
Мой третій кладъ—святую месть,
Ее готовлюсь Богу снесть.
Орликъ. Старикъ, оставь пустыя бредни;
Сегодня покидая свѣтъ,
Питайся мыслію суровой,
Шутить не время. Дай отвѣтъ,
Когда не хочешь пытки новой:
Гдѣ спряталъ деньги?
Кочубей. Злой холопъ!
Окончишь ли допросъ нелѣпый?
Повремени, дай лечь мнѣ въ гробъ,
Тогда ступай себѣ съ Мазепой
Мое наслѣдіе считать,
Окровавленными перстами
Мои подвалы разрывать,
Рубить и жечь сады съ домами;
Съ собой возьмите дочь мою,
Она сама всѣ клады вамъ укажетъ;
Но ради Господа молю,
Теперь оставь меня въ покоѣ.
Орликъ. Гдѣ спряталъ деньги? укажи.
Не хочешь—Деньги гдѣ, скажи,
Иль выйдетъ слѣдствіе плохое,
Подумай, мѣсто намъ назначь.
Молчишь?—Ну, въ пытку. Гей палачъ!
(*Палачъ вошелъ....*)

ПОЛТАВСКІЙ БОЙ.

Горитъ востокъ зарею новой.
Ужь на равнинѣ, по холмамъ
Грохочутъ пушки. Дымъ багровый
Кругами всходитъ къ небесамъ
На встрѣчу утреннимъ лучамъ.
Полки ряды свои сомкнули;
Въ кустахъ разсыпались стрѣлки;
Катятся ядра, свищутъ пули;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые побѣды,
Сквозь огнь окоповъ рвутся Шведы;
Волнуясь, конница летитъ;
Пѣхота движется за нею
И тяжкой твердостью своею
Ея стремленія крѣпитъ.
И битвы поле роковое
Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ;
Но явно счастье боевое
Служить ужъ начинаетъ намъ.
Пальбой отбитыя дружины,
Мѣшаясь, падаютъ во прахъ,
Уходитъ Розенъ [1] сквозь тѣснины,
Сдается пылкій Шлипенбахъ. [2]
Тѣснимъ мы Шведовъ рать за ратью,
Темнѣетъ слава ихъ знаменъ,
И Бога браней благодатью
Нашъ каждый шагъ запечатлѣнъ.
    Тогда то свыше вдохновенный
Раздался звучный гласъ Петра:
«За дѣло, съ Богомъ!» Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ;
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ,
Онъ весь, какъ Божія гроза.
Идетъ. Ему коня подводятъ.
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь.
Почуя роковой огонь,
Дрожитъ, глазами косо водитъ,
И мчится въ прахѣ боевомъ,

(1) Розенъ одинъ изъ Шведскихъ генераловъ, дѣйствовавшихъ во время Полтавской битвы.

(2) Шлипенбахъ—Шведскій баронъ, сопутствовавшій повсюду Карлу XII. Во время сѣверной войны онъ начальствовалъ надъ Шведскими войсками въ Лифляндіи, но неудачно. Послѣ Полтавской битвы Ш. былъ взятъ въ плѣнъ и вступилъ въ русскую службу.

Гордясь могущимъ сѣдокомъ.
Ужъ близокъ полдень. Жаръ пылаетъ.
Какъ пахарь, битва отдыхаетъ.
Кой-гдѣ гарцуютъ казаки,
Равняясь строятся полки,
Молчитъ музыка боевая.
На холмахъ пушки, присмирѣвъ,
Прервали свой голодный ревъ.
И се—равнину оглушая,
Далече грянуло *ура:*
Полки увидѣли Петра.
  И онъ промчался предъ полками,
Могущъ и радостенъ, какъ бой.
Онъ поле пожиралъ очами.
За нимъ вослѣдъ неслись толпой
Сіи птенцы гнѣзда Петрова—
Въ премѣнахъ жребія земнова,
Въ трудахъ державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметевъ благородный,
И Брюсъ, и Боуръ, и Рѣпнинъ,
И, счастья баловенъ безродный
Полудержавный властелинъ [1].
  И передъ синими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ
Несомый вѣрными слугами,
Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился;
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился,
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненье.
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ неудомѣнье...
Вдругъ слабымъ маніемъ руки
На Русскихъ двинулъ онъ полки.
  И съ ними Царскія дружины
Сошлись въ дыму среди равнины—
И грянулъ бой, Полтавскій бой!
Въ огнѣ, подъ градомъ раскаленнымъ
Стѣной живою отраженнымъ,
Надъ падшимъ строемъ свѣжій строй
Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей

(1) Меншиковъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, былъ сынъ московскаго мѣщанина и торговалъ пирогами, но взятый потомъ въ домъ Лефорта былъ замѣченъ тамъ Петромъ, который опредѣлилъ его сначала въ одну изъ придворныхъ должностей и потомъ постепенно возвысилъ до званія генералиссимуса и рейхс маршала.

Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся съ плеча.
Бросая груды тѣлъ на груды,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, разятъ,
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
Шведъ, Русскій—колетъ, рубитъ, рѣжетъ,
Бой барабанный, клики, скрежетъ,
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
И смерть и адъ со всѣхъ сторонъ.
Среди тревоги и волненья,
На битву взоромъ вдохновенья
Вожди спокойные глядятъ.
Движенья ратныя слѣдятъ,
Предвидятъ гибель и побѣду,
И въ тишинѣ ведутъ бесѣду:
Но близъ Московскаго Царя
Кто воинъ сей подъ сѣдинами,
Двумя поддержанъ казаками,
Сердечной ревностью горя
Онъ окомъ опытнымъ героя
Взираетъ на волненье боя?
Ужъ на коня не вскочитъ онъ,
Одряхъ, въ изгнаньѣ сиротѣя,
И казаки на кликъ Палѣя ([1]),
Не налетятъ со всѣхъ сторонъ!
Но что жъ его сверкнули очи,
И гнѣвомъ, будто мглою ночи,
Покрылось старое чело?
Что возмутить его могло?
Иль онъ сквозь бранный дымъ увидѣлъ
Врага Мазепу, и въ сей мигъ
Свои лѣта возненавидѣлъ
Обезоруженный старикъ?
Мазепа, въ думу погруженный,
Взиралъ на битву, окруженный
Толпой мятежныхъ казаковъ;
Родныхъ старшинъ и сердюковъ.
Вдругъ выстрѣлъ. Старецъ обратился:
У Войнаровскаго въ рукахъ
Мушкетный стволъ еще дымился.
Сраженный въ нѣсколькихъ шагахъ,
Младой казакъ въ крови валялся,
А конь, весь въ пѣнѣ и пыли,
Почуя волю, дико мчался,
Скрываясь въ огненной дали.
Казакъ на гетмана стремился
Сквозь битву съ саблею въ рукахъ,
Съ безумной яростью въ очахъ.
Старикъ, подъѣхавъ, обратился
Къ нему съ вопросомъ. Но казакъ
Ужъ умиралъ. Потухшій зракъ
Еще грозилъ врагу Россіи,
Былъ мраченъ помертвѣлый ликъ;
И имя нѣжное Маріи
Чуть лепеталъ еще языкъ.
Но близокъ, близокъ мигъ побѣды....
Ура! мы ломимъ; гнутся Шведы.
О славный часъ! о славный видъ!
Еще напоръ и врагъ бѣжитъ;
И слѣдомъ конница пустилась,
Убійствомъ тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась
Какъ роемъ черной саранчи.
Пируетъ Петръ. И гордъ и ясенъ,
И славы полонъ взоръ его.
И Царскій пиръ его прекрасенъ.
При кликахъ войска своего,
Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.

ЭПИЛОГЪ.

Прошло сто лѣтъ—и, чтожъ осталось
Отъ сильныхъ, гордыхъ сихъ мужей,
Столь полныхъ волею страстей?
Ихъ поколѣнье миновалось—
И съ нимъ изчезъ кровавый слѣдъ
Усилій, бѣдствій и побѣдъ.
Въ гражданствѣ сѣверной державы,
Въ ея воинственной судьбѣ,
Лишь ты воздвигъ, Герой Полтавы,
Огромный памятникъ себѣ.
Въ странѣ, гдѣ мельницъ рядъ крылатый
Оградой мирной обступилъ

([1]) Палѣй Семенъ былъ мал россійскій полковникъ. За свои успѣшныя войны съ татарами, за взятіе въ плѣнъ хана Османъ-Гирѣшли раззореніе Крыма онъ пріобрѣлъ общую любовь въ Малороссіи. Вслѣдствіе зависти Мазепы П. былъ обличенъ въ сношеніяхъ съ Карломъ XII и сосланъ въ Енисейскъ· Но освобожденный чрезъ нѣсколько времени Палѣй принималъ участіе въ Полтавской битвѣ.

Бендеръ пустынные раскаты,
Гдѣ бродятъ буйволы рогаты
Вокругъ воинственныхъ могилъ—
Остатки разоренной сѣни,
Три углубленныя въ землѣ
И мхомъ поросшія ступени
Гласятъ о Шведскомъ Королѣ.
Съ нихъ отражалъ герой безумный,
Одинъ, въ толпѣ домашнихъ слугъ,
Турецкой рати приступъ шумный,
И бросилъ шпагу подъ бунчукъ;
И тщетно тамъ пришлецъ унылый
Искалъ бы гетманской могилы:
Забытъ Мазепа съ давнихъ поръ;
Лишь въ торжествующей святынѣ
Разъ въ годъ анаѳемой донынѣ,
Грозя, гремитъ о немъ Соборъ;
Но сохранилася могила,
Гдѣ двухъ страдальцевъ прахъ почилъ:
Межъ древнихъ праведныхъ могилъ
Ихъ мирно церковь пріютила.
Цвѣтетъ въ Диканькѣ древній рядъ
Дубовъ, друзьями насажденныхъ;
Они о праотцахъ казненныхъ
Донынѣ внукамъ говорятъ.
Но дочь-преступница.... преданья
Объ ней молчатъ. Ея страданья,
Ея судьба, ея конецъ
Непроницаемою тьмою
Отъ насъ закрыты. Лишь порою
Слѣпой украинскій пѣвецъ,
Когда въ селѣ передъ народомъ
Онъ пѣсни гетмана бренчитъ,
О грѣшной дѣвѣ мимоходомъ
Казачкамъ юнымъ говоритъ,

Евгеній Онѣгинъ (1823—1831).

Содержаніе романа. Онѣгинъ, молодой Петербургскій левъ, наскучивъ свѣтской жизнью, пріѣхалъ скучать въ деревню. Въ него влюбляется Татьяна, молодая, мечтательная дѣвушка, воспитанная въ глуши. Она рѣшается написать къ нему письмо, дышащее наивною страстью (I, II и III. глав.). Онѣгинъ отвѣчаетъ ей на словахъ, что не можетъ ее любить, и что не считаетъ себя созданнымъ для «блаженства семейной жизни,» (IV гл.). Потомъ изъ пустой причины, Онѣгина вызываетъ на дуель женихъ сестры нашей влюбленной героини, Ленскій, и Онѣгинъ убиваетъ его. Смерть Ленскаго надолго разлучаетъ Татьяну съ Онѣгинымъ (V, VI. гл.). Разочарованная въ своихъ юныхъ мечтахъ, бѣдная дѣвушка склоняется на слезы и мольбы старой своей матери и выходитъ замужъ за генерала, потому что ей все равно, за кого бы ни выйти, если ужъ нельзя было не выходить ни за кого (VII т.). Онѣгинъ встрѣчаетъ Татьяну въ Петербургѣ и едва узнаетъ ее: такъ перемѣнилась она, такъ мало осталось въ ней сходства между простенькой дѣвочкой и великолѣпной Петербургской дамой. Въ Онѣгинѣ вспыхиваетъ страсть къ Татьянѣ; онъ пишетъ къ ней письмо, и на этотъ разъ, уже она отвѣчаетъ ему на словахъ, что хотя любитъ его, тѣмъ не менѣе принадлежать ему не можетъ по гордости добродѣтели (VIII г.) (Соч. Бѣлин. VIII, 528).

Воспитаніе Онѣгина.

Онѣгинъ, добрый мой пріятель,
Родился на брегахъ Невы,
Гдѣ, можетъ быть, родились вы,
Или блистали, мой читатель!
Тамъ нѣкогда гулялъ и я:
Но вреденъ сѣверъ для меня.

Служивъ отлично, благородно,
Долгами жилъ его отецъ,
Давалъ три бала ежегодно,
И промотался наконецъ.
Судьба Евгенія хранила:
Сперва madame за нимъ ходила,
Потомъ monsieur ее смѣнилъ.
Ребенокъ былъ рѣзовъ, но милъ.
Monsieur l'Abbé, французъ убогій,
Чтобъ не измучилось дитя,
Училъ его всему шутя,
Не докучалъ моралью строгой,
Слегка за шалости бранилъ,
И въ Лѣтній садъ гулять водилъ.

Когда-же юности мятежной
Пришла Евгенію пора,
Пора надеждъ и грусти нѣжной,
Monsieur прогнали его со двора.
Вотъ мой Онѣгинъ на свободѣ;
Остриженъ по послѣдней модѣ:
Какъ dandy ([1]) лондонскій одѣтъ,

([1]) Dandy, франтъ.

И наконецъ увидѣлъ свѣтъ.
Онъ по-французски совершенно
Могъ изъясняться и писалъ,
Легко мазурку танцовалъ,
И кланялся непринужденно:
Чего-жъ вамъ больше? Свѣтъ рѣшилъ,
Что онъ уменъ и очень милъ.

Мы всѣ учились по немногу,
Чему-нибудь и какъ-нибудь,
Такъ воспитаньемъ, слава Богу,
У насъ немудрено блеснуть.
Онѣгинъ былъ, по мнѣнью многихъ
(Судей рѣшительныхъ и строгихъ).
Ученый малый, но педантъ:
Имѣлъ онъ счастливый талантъ,
Безъ принужденья въ разговорѣ,
Коснуться до всего слегка;
Съ ученымъ видомъ знатока
Хранить молчанье въ важномъ спорѣ,
И возбуждать улыбку дамъ
Огнемъ нежданныхъ эпиграмъ.

Латынь изъ моды вышла нынѣ:
Такъ, если правду вамъ сказать,
Онъ зналъ довольно по-латынѣ,
Чтобъ эпиграфы разбирать,
Потолковать объ Ювеналѣ,
Въ концѣ письма поставить vale
Да помнилъ, хоть не безъ грѣха,
Изъ Энеиды два стиха.
Онъ рыться не имѣлъ охоты
Въ хронологической пыли
Бытописанія земли;
Но дней минувшихъ анекдоты,
Отъ Ромула до нашихъ дней,
Хранилъ онъ въ памяти своей.

Высокой страсти не имѣя
Для звуковъ жизни не щадить,
Не могъ онъ ямба отъ хорея,
Какъ мы не бились, отличить;
Бранилъ Гомера, Ѳеокрита;
За то читалъ Адама Смита,
И былъ глубокій экономъ,
То есть, умѣлъ судить о томъ,
Какъ государство богатѣетъ,
И чѣмъ живетъ, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продуктъ имѣетъ.
Отецъ понять его не могъ,
И земли отдавалъ въ залогъ.

ХАРАКТЕРЪ ТАТЬЯНЫ.

Ея сестра звалась Татьяна....
Впервые именемъ такимъ
Страницы нѣжныя романа
Мы своевольно освятимъ.
И что жъ? оно пріятно, звучно;
Но съ нимъ, я знаю, неразлучно
Воспоминанье старины
Или дѣвичьей. Мы всѣ должны
Признаться, вкусу очень мало
У насъ и въ нашихъ именахъ
(Не говоримъ ужъ о стихахъ);
Намъ просвѣщенье не пристало,
И намъ досталось отъ него
Жеманство—больше ничего.
И такъ она звалась Татьяной.
Ни красотой сестры своей,
Ни свѣжестью ея румяной
Не привлекла бъ она очей.
Дика, печальна, молчалива,
Какъ лань лѣсная, боязлива,
Она въ семьѣ своей родной
Казалась дѣвочкой чужой.
Она ласкаться не умѣла
Къ отцу, ни къ матери своей;
Дитя сама, въ толпѣ дѣтей
Играть и прыгать не хотѣла,
И часто цѣлый день одна
Сидѣла молча у окна.
Задумчивость, ея подруга
Отъ самыхъ колыбельныхъ дней,
Теченье сельскаго досуга
Мечтами украшала ей;
Ея изнѣженные пальцы
Не знали иглъ; склонясь на пяльцы,
Узоромъ шелковымъ она
Не оживляла полотна.
Охоты властвовать примѣта:
Съ послушной куклою дитя
Приготовляется шутя
Къ приличію, закону свѣта,
И важно повторяетъ ей
Уроки маменьки своей.

Но куклы, даже въ эти годы,
Татьяна въ руки не брала;
Про вѣсти города, про моды
Бесѣды съ нею не вела.
И были дѣтскія проказы
Ей чужды; страшные разсказы
Зимою въ темнотѣ ночей
Плѣняли больше сердце ей.
Когда же няня собирала
Для Ольги на широкій лугъ
Всѣхъ маленькихъ ея подругъ,
Она въ горѣлки не играла:
Ей скученъ былъ и звонкій смѣхъ,
И шумъ ихъ вѣтренныхъ утѣхъ.
Она любила на балконѣ
Предупреждать зари восходъ,
Когда на блѣдномъ небосклонѣ
Звѣздъ исчезаетъ хороводъ,
И тихо край земли свѣтлѣетъ,
И, вѣстникъ утра, вѣтеръ вѣетъ,
И всходитъ постепенно день.
Зимой; когда ночная тѣнь
Полміромъ долѣ обладаетъ,
И долѣ въ праздной тишинѣ,
При отуманенной лунѣ,
Востокъ лѣнивый почиваетъ,
Въ привычный часъ пробуждена,
Вставала при свѣчахъ она.

ГАДАНЬЕ НА СВЯТКАХЪ.

Настали святки. То-то радость!
Гадаетъ вѣтреная младость,
Которой ничего не жаль,
Передъ которой жизни даль
Лежитъ свѣтла, необозрима;
Гадаетъ старость сквозь очки
У гробовой своей доски,
Все потерявъ невозвратимо;
И все равно: надежда имъ
Лжетъ дѣтскимъ лепетомъ своимъ.

Морозна ночь; все небо ясно;
Свѣтилъ небесныхъ дивный хоръ
Течетъ такъ тихо, такъ согласно...
Татьяна на широкій дворъ
Въ открытомъ платьицѣ выходитъ,
На мѣсяцъ зеркало наводитъ;
Но въ темномъ зеркалѣ одна
Дрожитъ печальная луна....
Чу... снѣгъ хруститъ... прохожій; дѣва
Къ нему на цыпочкахъ летитъ,
И голосокъ ея звучитъ
Нѣжнѣй свирѣльнаго напѣва:
Какъ ваше имя? Смотритъ онъ
И отвѣчаетъ: Агафонъ.

СОНЪ ТАТЬЯНЫ.

И снится чудный сонъ Татьянѣ:
Ей снится, будто-бы она
Идетъ по снѣговой полянѣ,
Печальной мглой окружена;
Въ сугробахъ снѣжныхъ передъ нею
Шумитъ, клубитъ волной своею
Кипучій, темный и сѣдой
Потокъ, нескованный зимой;
Двѣ жердочки, склеенны льдиной,
Дрожащій гибельный мостокъ,
Положены черезъ потокъ;
И предъ шумящею пучиной,
Недоумѣнія полна,
Остановилася она.
Какъ на досадную разлуку,
Татьяна ропщетъ на ручей;
Не видитъ никого, кто руку
Съ той стороны подалъ-бы ей;
Но вдругъ сугробъ зашевелился,
И кто-жъ изъ подъ него явился?
Большой взъерошенный медвѣдь;
Татьяна: *ахъ!* а онъ ревѣтъ—
И лапу съ острыми когтями
Ей протянулъ; она, скрѣпясь,
Дрожащей ручкой оперлась,
И боязливыми шагами
Перебралась черезъ ручей;
Пошла—и что-жъ? медвѣдь за ней.
Она, взглянуть назадъ не смѣя,
Поспѣшный ускоряетъ шагъ,
Но отъ косматаго лакея
Не можетъ убѣжать никакъ.
Кряхтя, валитъ медвѣдь несносный;
Предъ ними лѣсъ; недвижны сосны
Въ своей нахмуренной красѣ;
Отягчены ихъ вѣтви всѣ

Клоками снѣга; сквозь вершины
Осинъ, березъ и липъ нагихъ
Сіяетъ лучъ свѣтилъ ночныхъ.
Дороги нѣтъ; кусты, стремнины
Мятелью всѣ занесены,
Глубоко въ снѣгъ погружены.
Татьяна въ лѣсъ — медвѣдь за нею;
Снѣгъ рыхлый по-колѣно ей;
То длинный сукъ ее за шею
Зацѣпитъ вдругъ, то изъ ушей
Златыя серги вырветъ силой;
То въ хрупкомъ снѣгѣ съ ножки милой
Увязнетъ мокрый башмачокъ;
То выронитъ она платокъ;
Поднять ей некогда; боится,
Медвѣдя слышитъ за собой,
И даже трепетной рукой
Одежды край поднять стыдится;
Она бѣжитъ, онъ все во слѣдъ;
И силъ уже бѣжать ей нѣтъ.
Упала въ снѣгъ; медвѣдь проворно
Ее хватаетъ и несетъ;
Она безчувственно покорна;
Не шевелится, не дохнетъ;
Онъ мчитъ ее лѣсной дорогой...
Вдругъ межъ деревъ шалашъ убогій;
Кругомъ все глушь; отвсюду онъ
Пустыннымъ снѣгомъ занесенъ;
И ярко свѣтится окошко,
И въ шалашѣ и крикъ и шумъ;
Медвѣдь промолвилъ: *здѣсь мой кумъ:*
Погрѣйся у него немножко!
И въ сѣни прямо онъ идетъ,
И на порогъ ее кладетъ.
Опомнилась, глядитъ Татьяна:
Медвѣдя нѣтъ; она въ сѣняхъ;
За дверью крикъ и звонъ стакана,
Какъ на большихъ похоронахъ;
Не видя тутъ ни капли толку,
Глядитъ она тихонько въ щелку,
И что-же видитъ...? за столомъ
Сидятъ чудовища кругомъ:
Одинъ въ рогахъ съ собачьей мордой,
Другой съ пѣтушьей головой,
Здѣсь вѣдьма съ козьей бородой,
Тутъ остовъ чопорный и гордый,
Тамъ карла съ хвостикомъ, а вотъ
Полу-журавль и полу-котъ;
Еще страшнѣй, еще чуднѣе:
Вотъ ракъ верхомъ на паукѣ,
Вотъ черепъ на гусиной шеѣ
Вертится въ красномъ колпакѣ,
Вотъ мельница въ присядку пляшетъ
И крыльями трещитъ и машетъ;
Лай, хохотъ, пѣнье, свистъ и хлопъ,
Людская молвь и конскій топъ!

Капитанская дочка.

СОДЕРЖАНІЕ.

1-я глава. Воспитаніе Гринева; его отъѣздъ на службу и встрѣча съ Зуринымъ. — 2-я глава. Буранъ въ степи и встрѣча Гринева съ мужикомъ, оказавшимся въ послѣдствіи Пугачевымъ. Странный сонъ Гринева. Подарокъ Гринева проводнику. Прибытіе въ Оренбургъ. — 3-я глава. Описаніе крѣпости, комендантскаго семейства, Швабрина и наконецъ жизни въ крѣпости.—4-я глава. Два поединка Гринева съ Швабринымъ: одинъ неудавшійся, а другой, чуть не стоившій жизни Гриневу. — 5-я глава. Проявленіе любви въ Гриневѣ къ Марьѣ Ивановнѣ. Письмо отца къ нему и къ Савельичу. — 6-я глава. Первые слухи о Пугачевѣ и военный совѣтъ въ крѣпости. — 7-я глава. Приступъ и взятіе крѣпости. Казнь коменданта и Ивана Игнатьевича. Помилованіе Гринева, присяга жителей и наконецъ смерть Василисы Егоровны. — 8-я глава. По взятіи крѣпости, Пугачевъ пируетъ съ своими товарищами и на этомъ пиру присутствуетъ Гриневъ. Разговоръ Пугачева съ Гриневымъ.—9-я глава. Отъѣздъ Гринева изъ крѣпости и подарокъ Пугачева Гриневу. — 10-я глава. Осада Оренбурга. Письмо Марьи Ивановны къ Гриневу и рѣшеніе послѣдняго. — 11-я глава. Описаніе мятежной слободы, поѣздка Пугачева съ Гриневымъ въ крѣпость и разговоръ на пути. — 12-я глава. Освобожденіе Марьи Ивановны и рѣшимость Гринева ѣхать съ нею къ родителямъ. — 13-я глава.

Встрѣча съ Зуринымъ на дорогѣ и арестъ Гринева. 14-я глава. Судъ надъ Гриневымъ и свиданіе Марьи Ивановны съ императрицею. Заключеніе.

БѢЛОГОРСКАЯ КРѢПОСТЬ.

Бѣлогорская крѣпость находилась въ сорока верстахъ отъ Оренбурга. Дорога шла по крутому берегу Яика. Рѣка еще не замерзла, и ея свинцовыя волны грустно чернѣли въ однообразныхъ берегахъ, покрытыхъ бѣлымъ снѣгомъ. За ними простирались Киргизскія степи. Я погрузился въ размышленія, большею частію печальныя. Гарнизонная жизнь мало имѣла для меня привлекательности. Я старался вообразить себѣ капитана Миронова, моего будущаго начальника, и представлялъ его строгимъ, сердитымъ старикомъ, не знающимъ ничего, кромѣ своей службы, и готовымъ за всякую бездѣлицу сажать меня подъ арестъ на хлѣбъ и на воду. Между тѣмъ начало смеркаться. Мы ѣхали довольно скоро. «Далече ли до крѣпости?» спросилъ я у своего ямщика. — «Недалече», отвѣчалъ онъ. «Вонъ ужь видна». Я глядѣлъ во всѣ стороны, ожидая увидѣть огромные бастіоны, башни и валъ, но ничего не видѣлъ, кромѣ деревушки, окруженной бревенчатымъ заборомъ. Съ одной стороны стояли три или четыре скирда сѣна, полузанесенные снѣгомъ; съ другой — скривившаяся мельница, съ лубочными крыльями, лѣниво опущенными. «Гдѣ же крѣпость?» спросилъ я съ удивленіемъ. — «Да вотъ она», отвѣчалъ ямщикъ, указывая на деревушку, и съ этимъ словомъ мы въ нее въѣхали. У воротъ я увидѣлъ старую чугунную пушку; улицы были тѣсны и кривы; избы низки и большею частію покрыты соломою. Я велѣлъ ѣхать къ коменданту, и чрезъ минуту кибитка остановилась передъ деревяннымъ домикомъ, выстроеннымъ на высокомъ мѣстѣ, близъ деревянной же церкви.

Никто не встрѣтилъ меня. Я пошелъ въ сѣни и отворилъ дверь въ переднюю. Старый инвалидъ, сидя на столѣ, нашивалъ синюю заплату на локоть зеленаго мундира. Я велѣлъ ему доложить обо мнѣ. «Войди, батюшка», отвѣчалъ инвалидъ: «наши дома». Я вошелъ въ чистенькую комнатку, убранную по старинному. Въ углу стоялъ шкафъ съ посудой; на стѣнѣ висѣлъ дипломъ офицерскій, за стекломъ и въ рамкѣ; около него красовались лубочныя картинки, представляющіе взятіе Кистрина и Очакова, также выборъ невѣсты и погребеніе кота. У окна сидѣла старушка въ тѣлогрѣйкѣ и съ платкомъ на головѣ. Она разматывала нитки, которыя держалъ, распяливъ на рукахъ, кривой старичекъ въ офицерскомъ мундирѣ. «Что вамъ угодно, батюшка?» спросила она, продолжая свое занятіе. Я отвѣчалъ, что пріѣхалъ на службу и явился по долгу своему къ господину капитану, и съ этимъ словомъ обратился было къ кривому старичку, принимая его за коменданта; но хозяйка перебила затверженную мною рѣчь. «Ивана Кузьмича дома нѣтъ», сказала она: «онъ пошелъ въ гости къ отцу Герасиму; да все равно, батюшка, я его хозяйка. Прошу любить и жаловать. Садись батюшка». Она кликнула дѣвку и велѣла ей позвать урядника. Старичекъ своимъ одинокимъ глазомъ поглядывалъ на меня съ любопытствомъ. «Смѣю спросить», сказалъ онъ: «вы въ какомъ полку изволили служить?» Я удовлетворилъ его любопытству. «А смѣю спросить»; продолжалъ онъ: «зачѣмъ изволили перейти изъ гвардіи въ гарнизонъ?» Я отвѣчалъ, что такова была воля начальства. «Чаятельно, за неприличные гвардіи офицеру поступки?» продолжалъ неутомимый вопрошатель. —«Полно врать пустяки,» сказала ему капитанша: «ты видишь, молодой человѣкъ съ дороги усталъ; ему не до тебя...

держи-ка руки прямѣе... А ты, мой батюшка», продолжала она, обращаясь ко мнѣ: «не печалься, что тебя упекли въ наше захолустье. Не ты первый, не ты послѣдній. Стерпится, слюбится. Швабринъ Алексѣй Иванычъ вотъ ужъ пятый годъ какъ къ намъ переведенъ за смертоубійство. Богъ знаетъ, какой грѣхъ его попуталъ; онъ, изволишь видѣть, поѣхалъ за городъ съ однимъ поручикомъ, да взяли съ собою шпаги, да и ну другъ въ друга пырять, а Алексѣй Иванычъ и закололъ поручика, да еще при двухъ свидѣтеляхъ! Что прикажешь дѣлать? На грѣхъ мастера нѣтъ».

Въ эту минуту вошелъ урядникъ, молодой и статный казакъ.

«Максимычъ!» сказала ему капитанша. «Отведи г. офицеру квартиру почище».

«Слушаю, Василиса Егоровна», отвѣчалъ урядникъ. «Не помѣстить ли его благородіе къ Ивану Полежаеву?

«Врешь, Максимычъ», сказала капитанша: «У Полежаева и такъ тѣсно; онъ же мнѣ кумъ и помнитъ, что мы его начальники. Отведи г. офицера.... какъ ваше имя и отчество, мой батюшка?»

«Петръ Андреичъ».

«Отведи Петра Андреича къ Семену Кузову. Онъ, мошенникъ, лошадь свою пустилъ ко мнѣ въ огородъ. Ну, что, Максимычъ, все ли благополучно?»

«Все, слава Богу, тихо», отвѣчалъ казакъ: «только капралъ Прохоровъ подрался въ банѣ съ Устиньей Пегулиной за шайку горячей воды».

«Иванъ Игнатьичъ!» сказала капитанша кривому старичку. Разбери Прохорова съ Устиньей, кто правъ, кто виноватъ. Да обоихъ и накажи. Ну, Максимычъ, ступай себѣ съ Богомъ. Петръ Андреичъ, Максимычъ отведетъ васъ на вашу квартиру».

Я откланялся. Урядникъ привелъ меня въ избу, стоявшую на высокомъ берегу рѣки, на самомъ краю крѣпости. Половина избы занята была семьею Семена Кузова, другую отвели мнѣ. Она состояла изъ одной горницы, довольно опрятной, раздѣленной на-двое перегородкой. Савельичъ сталъ въ ней распоряжаться; я сталъ глядѣть въ узенькое окошко. Передо мною простиралась печальная степь. Наискось стояло нѣсколько избушекъ; по улицѣ бродило нѣсколько курицъ. Старуха, стоя на крыльцѣ съ корытомъ, кликала свиней, которыя отвѣчали ей дружелюбнымъ хрюканьемъ. И вотъ въ какой сторонѣ осужденъ я былъ проводить мою молодость! Тоска взяла меня: я отошелъ отъ окошка и легъ спать безъ ужина, не смотря на увѣщанія Савельича, который повторялъ съ сокрушеніемъ: «Господи владыко! ничего кушать ни изволитъ! Что скажетъ барыня, коли дитя занеможетъ?»

На другой день, по утру, я только что сталъ одѣваться, какъ дверь отворилась и ко мнѣ вошелъ молодой офицеръ невысокаго роста, съ лицемъ смуглымъ и отмѣнно некрасивымъ, но чрезвычайно живымъ. «Извините меня», сказалъ онъ мнѣ по-французски: «что я безъ церемоніи прихожу съ вами познакомиться. Вчера узналъ я о вашемъ пріѣздѣ; желаніе увидѣть наконецъ человѣческое лицо такъ овладѣло мною, что я не вытерпѣлъ. Вы это поймете, когда проживете здѣсь нѣсколько времени». Я догадался, что это былъ офицеръ, выписанный изъ гвардіи за поединокъ. Мы тотчасъ познакомились. Швабринъ былъ очень не глупъ. Разговоръ его былъ остеръ и занимателенъ. Онъ съ большею веселостью описалъ мнѣ семейство коменданта, его общество и край, куда завела меня судьба. Я смѣялся отъ чистаго сердца, какъ вошелъ ко мнѣ инвалидъ, который чинилъ мундиръ въ передней коменданта, и отъ имени Василисы Егоровны позвалъ меня къ нимъ обѣдать. Швабринъ вызвался итти со мною вмѣстѣ.

Подходя къ комендантскому дому, мы увидѣли на площадкѣ человѣкъ двадцать старенькихъ инвалидовъ съ длин-

ными косами и въ треугольныхъ шляпахъ. Они выстроены были во фрунтъ. Впереди стоялъ комендантъ, старикъ бодрый и высокаго роста, въ колпакѣ и въ китайчатомъ халатѣ. Увидя насъ, онъ къ намъ подошелъ, сказалъ мнѣ нѣсколько ласковыхъ словъ и сталъ опять командовать. Мы остановились было смотрѣть на ученье; но онъ просилъ насъ итти къ Василисѣ Егоровнѣ, обѣщаясь быть вслѣдъ за нами.

«А здѣсь». прибавилъ онъ: «нечего вамъ смотрѣть».

Василиса Егоровна приняла насъ запросто и радушно и обошлась со мною, какъ бы вѣкъ была знакома. Инвалидъ и Палашка накрывали на столъ. «Что это мой Иванъ Кузьмичъ сегодня такъ заучился!» сказала комендантша. «Палашка, позови барина обѣдать. Да гдѣ же Маша?»

Тутъ вошла дѣвушка лѣтъ осьмнадцати, круглолицая, румяная, съ свѣтлорусыми волосами, гладко зачесанными за уши, которыя у ней такъ и горѣли. Съ перваго взгляда она мнѣ не очень понравилась. Я смотрѣлъ на нее съ предубѣжденіемъ: Швабринъ описалъ мнѣ Машу, капитанскую дочь, совершенною дурочкою. Марья Ивановна сѣла въ уголъ и стала шить. Между тѣмъ подали щи. Василиса Егоровна, не видя мужа, вторично послала за нимъ Палашку. «Скажи барину: гости-де ждутъ, щи простынутъ; слава Богу, ученье не уйдетъ; успѣетъ накричаться». Капитанъ вскорѣ явился, сопровождаемый кривымъ старичкомъ.

«Что это, мой батюшка?» сказала ему жена: «кушанье давнымъ-давно подано, а тебя не дозовешься».

«А слышь ты; Василиса Егоровна», отвѣчалъ Иванъ Кузьмичъ: я былъ занятъ службой: солдатушекъ училъ».

«И, полно!» возразила капитанша. «Только слава, что солдатъ учишь: ни имъ служба не дается, ни ты въ ней толку не вѣдаешь. Сидѣлъ бы дома, да Богу молился, такъ было бы лучше. Дорогіе гости, милости просимъ за столъ».

Мы сѣли обѣдать. Василиса Егоровна не умолкала ни на минуту и осыпала меня вопросами: кто мои родители, живы ли они, гдѣ живутъ и каково ихъ состояніе? Услыша, что у батюшки триста душъ крестьянъ, «легко ли?» сказала она: «вѣдь есть же на свѣтѣ богатые люди! А у насъ, мой батюшка, всего то душъ одна дѣвка Палашка; да, славу Богу, живемъ помаленьку. Одна бѣда: Маша дѣвка, на выданьи, а какое у ней приданое? частый гребень, да вѣникъ, да алтынъ денегъ (прости Богъ!), съ чѣмъ въ баню сходить. Хорошо, коли найдется добрый человѣкъ; а то сиди въ дѣвкахъ вѣковѣчной невѣстою». Я взглянулъ на Марью Ивановну; она вся покраснѣла и даже слезы капнули на ея тарелку. Мнѣ стало жаль ее, и я спѣшилъ перемѣнить разговоръ.

«Я слышалъ», сказалъ я довольно не кстати: «что на вашу крѣпость собираются напасть Башкирцы».

«Отъ кого, батюшка, ты изволилъ это слышать?» спросилъ Иванъ Кузьмичъ.

«Мнѣ такъ сказывали въ Оренбургѣ», отвѣчалъ я.

«Пустяки!» сказалъ комендантъ. «У насъ давно ничего не слыхать· Башкирцы—народъ напуганный, да и Киргизцы проучены. Небось, на насъ не сунутся; а насунутся, такъ я такую задамъ острастку, что лѣтъ на десять угомоню».

«И вамъ не страшно, продолжалъ я, обращаясь къ капитаншѣ: оставаться «въ крѣпости, подверженной такимъ опасностямъ?»

«Привычка, мой батюшка», отвѣчала она. «Тому лѣтъ двадцать, какъ насъ изъ полка перевели сюда, и не приведи Господи, какъ я боялась проклятыхъ этихъ нехристей! Какъ завижу, бывало, рысьи шапки, да какъ заслышу ихъ визгъ, вѣришь ли, отецъ мой, сердце

такъ и замеретъ! А теперь такъ привыкла, что и съ мѣста не тронусь, какъ прійдутъ намъ сказать, что злодѣи около крѣпости рыщутъ».

«Василиса Егоровна прехрабрая дама», замѣтилъ важно Швабринъ. «Иванъ Кузмичъ можетъ это засвидѣтельствовать.

«Да, слышь ты», сказалъ Иванъ Кузьмичъ: баба-то не робкаго десятка».

«А Марья Ивановна?» спросилъ я: «также ли смѣла, какъ и вы?»

«Смѣла ли Маша?» отвѣчала ея мать. «Нѣтъ, Маша трусиха. До сихъ поръ не можетъ слышать выстрѣла изъ ружья: такъ и затрепещется. А какъ, тому два года, Иванъ Кузьмичъ выдумалъ въ мои имянины палить изъ нашей пушки, такъ она, моя голубушка, чуть со страха на тотъ свѣтъ не отправилась. Съ тѣхъ поръ ужь и не палимъ изъ проклятой пушки.

Мы встали изъ-за стола. Капитанъ съ капитаншею отправились спать, а я пошелъ къ Швабрину, съ которымъ и провелъ цѣлый вечеръ.

ПРИСТУПЪ.

Въ эту ночь я не спалъ и не раздѣвался. Я намѣренъ былъ отправиться на зарѣ къ крѣпостнымъ воротамъ, откуда Марья Ивановна должна была выѣхать, и тамъ проститься съ нею въ послѣдній разъ. Я чувствовалъ въ себѣ великую перемѣну; волненіе души моей было мнѣ гораздо менѣе тягостно, нежели то уныніе, въ которое еще недавно былъ я погруженъ. Съ грустію разлуки сливались во мнѣ и неясныя, но сладостныя надежды, и нетерпѣливое ожиданіе опасностей, и чувство благороднаго честолюбія. Ночь прошла не замѣтно. Я хотѣлъ уже выйти изъ дому, какъ дверь моя отворилась, и ко мнѣ явился капралъ съ донесеніемъ, что наши казаки ночью выступили изъ крѣпости, взявъ насильно съ собою Юлая, и что около крѣпости разъѣжаютъ невѣдомые люди. Мысль, что Марья Ивановна не успѣетъ выѣхать, ужаснула меня; я поспѣшно далъ капралу нѣсколько наставленій и тотчасъ бросился къ коменданту.

Уже разсвѣтало. Я летѣлъ по улицѣ, какъ услышалъ, что зовутъ меня. Я остановился.

«Куда вы?» сказалъ Иванъ Игнатьевичъ, догоняя меня. «Иванъ Кузьмичъ на валу и послалъ меня за вами: Пугачъ пришелъ».

«Уѣхала ли Марья Ивановна? спросилъ я съ сердечнымъ трепетомъ.

«Не успѣла« отвѣчалъ Иванъ Игнатьичъ: «дорога въ Оренбургъ отрѣзана; крѣпость окружена. Плохо, Петръ Андреичъ!»

Мы пошли на валъ, — возвышеніе, образованное природой и укрѣпленное частоколомъ. Тамъ уже толпились всѣ жители крѣпости. Гарнизонъ стоялъ въ ружьѣ. Пушку туда перетащили наканунѣ. Комендантъ расхаживалъ передъ своимъ малочисленнымъ строемъ. Близость опасности воодушевляла стараго воина бодростью необыкновенною. По степи, не въ дальнемъ разстояніи отъ крѣпости, разъѣзжали человѣкъ двадцать верхомъ. Они, казалось, казаки, но между ними находились и Башкирцы, которыхъ легко было распознать по ихъ рысьимъ шапкамъ и по колчанамъ. Комендантъ обошелъ свое войско, говоря солдатамъ: «Ну, дѣтушки, постоимъ сегодня за матушку Государыню и докажемъ всему свѣту, что мы люди бравые и присяжные!» Солдаты громко изъявили усердіе.

Швабринъ стоялъ подлѣ меня и пристально глядѣлъ на непріятеля. Люди, разъѣзжающіе въ степи, замѣтя движеніе въ крѣпости, съѣхались въ кучку и стали между собою толковать. Комендантъ велѣлъ Ивану Игнатьичу навести пушку на ихъ толпу и самъ приставилъ фитиль. Ядро зажужжало и пролетѣло надъ ними, не сдѣлавъ никакого вреда. Наѣздники, разсѣясь,

тотчасъ ускакали изъ виду, и степь опустѣла.

Тутъ явились на валу Василиса Егоровна и съ нею Маша, нехотѣвшая отстать отъ нея.

«Ну, что?» сказала комендантша. «Каково идетъ баталія? Гдѣ же непріятель?»

«Непріятель недалече«, отвѣчалъ Иванъ Кузьмичъ. «Богъ дасть, все будетъ ладно. Что, Маша, страшно тебѣ?

«Нѣтъ папенька», отвѣчала Марья Ивановна: «дома одной страшнѣе».

Тутъ она взглянула на меня и съ усиліемъ улыбнулась. Я невольно стиснулъ рукоять моей шпаги, вспомня, что наканунѣ получилъ изъ ея рукъ, какъ бы на защиту моей любезной. Сердце мое горѣло. Я воображалъ себя ея рыцаремъ. Я желалъ доказать, что былъ достоинъ ея довѣренности, и съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать рѣшительной минуты.

Въ это время изъ-за высоты, находившейся въ полуверстѣ отъ крѣпости, показались новыя конныя толпы, и вскорѣ степь усѣялась множествомъ людей, вооруженныхъ копьями и сайдаками. Между ними, на бѣломъ конѣ, ѣхалъ человѣкъ въ красномъ кафтанѣ съ обнаженною саблей въ рукѣ: это былъ самъ Пугачевъ. Онъ остановился; его окружили, и, какъ видно, по его повелѣнію, четыре человѣка отдѣлились и во весь опоръ подскакали подъ самую крѣпость. Мы въ нихъ узнали своихъ измѣнниковъ. Одинъ изъ нихъ держалъ надъ шапкою листъ бумаги; у другаго на копье воткнута была голова Юлая, которую, стряхнувъ, перекинулъ онъ къ намъ чрезъ частоколъ. Голова бѣднаго Калмыка упала къ ногамъ коменданта. Измѣнники кричали:

«Не стрѣляйте; выходите вонъ къ государю. Государь здѣсь!»

«Вотъ я васъ!» закричалъ Иванъ Кузьмичъ. «Ребята, стрѣляй!»

Солдаты наши дали залпъ. Казакъ, державшій письмо, зашатался и свалился съ лошади; другіе поскакали назадъ. Я взглянулъ на Марью Ивановну. Пораженная видомъ окровавленной головы Юлая, оглушенная залпомъ, она казалась безъ памяти. Комендантъ подозвалъ капрала и велѣлъ ему взять листъ изъ рукъ убитаго казака. Капралъ вышелъ въ поле и возвратился, ведя подъ узцы лошадь убитаго. Онъ вручилъ коменданту письмо. Иванъ Кузьмичъ прочелъ про себя и разорвалъ потомъ въ клочки. Между тѣмъ, мятежники видимо приготовлялись къ дѣйствію. Вскорѣ пули начали свистать около нашихъ ушей, и нѣсколько стрѣлъ воткнулись около насъ въ землю и въ частоколъ. «Василиса Егоровна!» сказалъ комендантъ: «здѣсь не бабье дѣло, уведи Машу; видишь, дѣвка ни жива, ни мертва».

Василиса Егоровна, присмирѣвшая подъ пулями, взглянула на степь, на которой замѣтно было большое движеніе; потомъ оборотилась къ мужу и сказала ему: «Иванъ Кузьмичъ, въ животѣ и смерти Богъ воленъ: благослови Машу. Маша, подойди къ отцу».

Маша, блѣдная и трепещущая, подошла къ Ивану Кузьмичу, стала на колѣни и поклонилась ему въ землю. Старый комендантъ перекрестилъ ее трижды и, потомъ поднялъ и, поцѣловавъ, сказалъ ей измѣнившимся голосомъ:

«Ну, Маша, будь счастлива. Молись Богу: Онъ тебя не оставитъ. Коли найдется добрый человѣкъ, дай Богъ вамъ любовь да совѣтъ. Живите, какъ жили мы съ Василисой Егоровной. Ну, прощай, Маша. Василиса Егоровна, уведи же ее поскорѣе».

Маша кинулась ему на шею и зарыдала.

«Поцѣлуемся жъ и мы», сказала, заплакавъ, комендантша. «Прощай, мой Иванъ Кузьмичъ. Отпусти мнѣ, коли въ чемъ я тебѣ досадила!»

«Прощай, прощай, матушка!» сказалъ комендантъ, обнявъ свою старуху. «Ну, довольно! Ступайте, ступайте домой, да

коли успѣешь, надѣнь на Машу сарафанъ».

Комендантша съ дочерью удалились. Я глядѣлъ во слѣдъ Марьи Ивановны; она оглянулась и кивнула мнѣ головой. Тутъ Иванъ Кузьмичъ обратился къ намъ, и все вниманіе его устремилось на непріятеля. Мятежники съѣзжались около своего предводителя и вдругъ начали слѣзать съ лошадей. «Теперь стойте крѣпко», сказалъ комендантъ: «будетъ приступъ....» Въ эту минуту раздался страшный визгъ и крики; мятежники бѣгомъ бѣжали къ крѣпости. Пушка наша заряжена была картечью. Комендантъ подпустилъ ихъ на самое близкое разстояніе и вдругъ выпалилъ опять. Картечь хватила въ самую середину толпы. Мятежники отхлынули въ обѣ стороны и попятились. Предводитель ихъ остался одинъ впереди.... Онъ махалъ саблею и, казалось, съ жаромъ ихъ уговаривалъ.... Крикъ и визгъ, умолкнувшіе на минуту, тотчасъ снова возобновились. «Ну, ребята», сказалъ комендантъ: «теперь отворяй ворота, бей въ барабанъ. Ребята! впередъ, на вылазку, за мною!»

Комендантъ, Иванъ Кузьмичъ и я мигомъ очутились за крѣпостнымъ валомъ; но оробѣлый гарнизонъ не тронулся. «Чтожъ вы, дѣтушки, стоите?» закричалъ Иванъ Кузьмичъ. «Умирать, такъ умирать, дѣло служивое!» Въ эту минуту мятежники набѣжали на насъ и ворвались въ крѣпость. Барабанъ умолкъ; гарнизонъ бросилъ ружья; меня сшибли было съ ногъ, но я всталъ и вмѣстѣ съ мятежниками вошелъ въ крѣпость. Комендантъ, раненый въ голову, стоялъ въ кучкѣ злодѣевъ, которые требовали отъ него ключей. Я бросился было къ нему на помощь: нѣсколько дюжихъ казаковъ схватили меня и связали кушаками, приговаривая: «Вотъ ужо вамъ будетъ, государевымъ ослушникамъ!» Насъ потащили по улицамъ; жители выходили изъ домовъ съ хлѣбомъ и солью. Раздавался колокольный звонъ. Вдругъ закричали въ толпѣ, что Государь на площади ожидаетъ плѣнныхъ и принимаетъ присягу. Народъ повалилъ на площадь; насъ погнали туда же.

Пугачевъ сидѣлъ въ креслахъ на крыльцѣ комендатскаго дома. На немъ былъ красивый казацкій кафтанъ, обшитый галунами. Высокая соболья шапка съ золотыми кистями была надвинута на его сверкающіе глаза. Лице его показалось мнѣ знакомо. Казацкіе старшины окружали его. Отецъ Герасимъ, блѣдный и дрожащій, стоялъ у крыльца съ крестомъ въ рукахъ, и, казалось, молча умолялъ его за предстоящія жертвы. На площади ставили наскоро висѣлицу. Когда мы приблизились, Башкирцы разогнали народъ, и насъ представили Пугачеву. Колокольный звонъ утихъ; настала глубокая тишина. «Который комендантъ?» спросилъ самозванецъ. Нашъ урядникъ выступилъ изъ толпы и указалъ на Ивана Кузьмича.

Пугачевъ грозно взглянулъ на старика и сказалъ ему:

«Какъ ты смѣлъ противиться мнѣ, своему государю?» Комендантъ, изнемогая отъ раны, собралъ послѣднія силы и отвѣчалъ твердымъ голосомъ: «Ты мнѣ не государь; ты воръ и самозванецъ, слышь ты!» Пугачевъ мрачно нахмурился и махнулъ бѣлымъ платкомъ. Нѣсколько казаковъ подхватили стараго капитана и потащили къ висѣлицѣ. На ея перекладинѣ очутился верхомъ изувѣченный Башкирецъ, котораго допрашивали мы наканунѣ. Онъ держалъ въ рукѣ веревку, и черезъ минуту увидѣлъ я бѣднаго Ивана Кузьмича, вздернутаго на воздухъ. Тогда привели къ Пугачеву Ивана Игнатьича. «Присягай», сказалъ ему Пугачевъ: «Государю Петру Ѳеодоровичу!» —«Ты намъ не государь», отвѣчалъ Иванъ Игнатьичъ, повторяя слова своего капитана. «Ты, дядюшка, воръ и самозванецъ!» Пугачевъ махнулъ опять платкомъ, и добрый поручикъ повисъ подлѣ своего стараго начальника.

Очередь была за мною. Я глядѣлъ

смѣло на Пугачева, готовясь повторить отвѣтъ великодушныхъ моихъ товарищей. Тогда, къ неописанному моему изумленію, увидѣлъ я среди мятежныхъ старшинъ Швабрина, обстриженнаго въ кружекъ и въ казацкомъ кафтанѣ. Онъ подошелъ къ Пугачеву и сказалъ ему на ухо нѣсколько словъ. «Вѣшать его!» сказалъ Пугачевъ, не взглянувъ уже на меня. Мнѣ накинули на шею петлю. Я сталъ читать про себя молитву, принося Богу искреннее раскаяніе во всѣхъ моихъ прегрѣшеніяхъ и моля Его о спасеніи всѣхъ близкихъ моему сердцу. Меня притащили подъ висѣлицу. «Небось, небось», повторяли мнѣ губители, можетъ быть, и вправду желая меня ободрить. Вдругъ услышалъ я крикъ: «Постойте, окаянные! погодите!...» Палачи остановились. Гляжу: Савельичъ лежитъ въ ногахъ у Пугачева. «Отецъ родной!» говорилъ бѣдный дядька. «Что тебѣ въ смерти барскаго дитяти? Отпусти его; за него тебѣ выкупъ дадутъ; а для примѣра и страха ради, вели повѣсить хоть меня, старика!» Пугачевъ далъ знакъ, меня тотчасъ развязали и оставили. «Батюшка нашъ тебя милуетъ», говорили мнѣ. Въ эту минуту, не могу сказать, чтобъ я обрадовался своему избавленію, не скажу, однако жъ, чтобъ я о немъ и сожалѣлъ. Чувствованія мои были слишкомъ смутны. Меня снова привели къ самозванцу и поставили передъ нимъ на колѣни. Пугачевъ протянулъ мнѣ жилистую свою руку. «Цѣлуй руку, цѣлуй руку!» говорили около меня. Но я предпочелъ бы самую лютую казнь такому подлому униженію. «Батюшка, Петръ Андреичъ!» шепталъ Савельичъ, стоя за мною и толкая меня. «Не упрямься! что тебѣ стоитъ? плюнь, да поцѣлуй у злод.... (тьфу) поцѣлуй у него ручку«. Я не шевелился. Пугачевъ опустилъ руку, сказавъ съ усмѣшкою:

«Его благородіе, знать, одурѣлъ отъ радости. Подымите его!» Меня подняли и оставили на свободѣ. Я сталъ смотрѣть на продолженіе ужасной комедіи.

Жители начали присягать. Они подходили одинъ за другимъ, цѣлуя распятіе и потомъ кланяясь самозванцу. Гарнизонные солдаты стояли тутъ же. Ротный портной, вооруженный тупыми своими ножницами, рѣзалъ у нихъ косы. Они, отряхиваясь, подходили къ рукѣ Пугачева, который объявилъ имъ прощеніе и принималъ въ свою шайку. Все это продолжалось около трехъ часовъ. Наконецъ, Пугачевъ всталъ съ креселъ и сошелъ съ крыльца въ сопровожденіи своихъ старшинъ. Ему подвели бѣлаго коня, украшеннаго богатою сбруей. Два казака взяли его подъ руки и посадили на сѣдло. Онъ объявилъ отцу Герасиму, что будетъ обѣдать у него. Въ эту минуту раздался женскій крикъ. Нѣсколько разбойниковъ вытащили на крыльцо Василису Егоровну, растрепанную и раздѣтую до-нага. Одинъ изъ нихъ успѣлъ уже нарядиться въ ея душегрѣйку. Другіе таскали перины, сундуки, чайную посуду, бѣлье и всю рухлядь. «Батюшки мои!» кричала бѣдная старушка. «Отпустите душу на покаяніе. Отцы родные, отведите меня къ Ивану Кузьмичу». Вдругъ она взглянула на висѣлицу и узнала своего мужа. «Злодѣи!» закричала она въ изступленіи. «Что это вы съ нимъ сдѣлали? Свѣтъ ты мой, Иванъ Кузьмичъ, удалая солдатская головушка! не тронули тебя ни штыки Прусскіе, ни пули Турецкія; не въ честномъ бою положилъ ты свой животъ, а сгинулъ отъ бѣглаго каторжника!»— «Унять старую вѣдьму!» сказалъ Пугачевъ. Тутъ молодой казакъ ударилъ ее саблею по головѣ, и она упала мертвая на ступени крыльца. Пугачевъ уѣхалъ; народъ бросился за нимъ.

— —

20. ГРИБОѢДОВЪ.

(1794—1829).

Горе отъ ума (1823).

КОМЕДІЯ.

Дочь барина чиновника въ минуту боренія утренняго свѣта съ темнотою ночи, въ своей спальнѣ, занимается музыкою съ молодымъ человѣкомъ, чиновникомъ ея отца. Горничная передъ спальнею стоитъ на часахъ и, чтобы кто не узналъ о ихъ несвоевременномъ занятіи музыкою и не перетолковалъ въ дурную сторону такой безкорыстной любви къ искуству, напоминаетъ имъ, что уже свѣтаетъ, и, чтобы вывести ихъ изъ меломаническаго самозабвенія, переводитъ часовую стрѣлку. Вдругъ входитъ самъ баринъ и отецъ, Фамусовъ, и начинаетъ очень любезно разговаривать съ горничною своей дочери, которая въ то время доигрывалъ послѣдній дуэтъ. Ф. уходитъ. Являются Софья и Молчалинъ. Лиза упрекаетъ ихъ за долговременное пребываніе въ гармоніи, разсказываетъ о приходѣ барина и о томъ, какъ она струсила. Входитъ Фамусовъ, застаетъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ и упрекаетъ Софью.

Ф. Всю ночь читаешь небылицы,
И вотъ плоды отъ этихъ книгъ!
А все Кузнецкій мостъ и вѣчные французы!
Оттуда моды къ намъ, и авторы, и музы,
Губители кармановъ и сердецъ!
Когда избавитъ насъ Творецъ
Отъ шляпокъ ихъ, чепцовъ, и шпилекъ, и булавокъ,
И книжныхъ и бисквитныхъ лавокъ?
С. Позвольте, батюшка: кружится голова;
Я отъ испугу духъ перевожу едва....
Изволили вбѣжать вы такъ проворно,—смѣшалась я...
Ф. Благодарю покорно!
Я скоро къ нимъ вбѣжалъ!
Я помѣшалъ, я испугалъ!
Я, Софья Павловна, растроенъ самъ; день цѣлый
Нѣтъ отдыха: мечусь, какъ словно угорѣлый,
По должности, по службѣ хлопотня:
Тотъ пристаетъ, другой,—всѣмъ дѣло до меня.
Но ждалъ ли новыхъ я хлопотъ, чтобъ былъ обмаутъ?
С. *(сквозь слезы)* Кѣмъ, батюшка?
Ф. Вотъ попрекать мнѣ станутъ,
Что безъ толку всегда журю!
Не плачь: я дѣло говорю.
Ужъ о твоемъ ли не радѣли
Объ воспитаньи съ колыбели?
Мать умерла — умѣлъ я принанять
Въ мадамъ Розье вторую мать;
Старушку золото въ надзоръ къ тебѣ приставилъ:
Умна была, нравъ тихій, рѣдкихъ правилъ;
Одно не къ чести служитъ ей:
За лишнихъ въ годъ пятьсотъ рублей
Сманить себя другими допустила.
Да не въ мадамѣ сила:
Не надобно другаго образца,
Когда въ глазахъ примѣръ отца.
Смотри ты на меня: не хвастаюсь сложеньемъ,
Однако бодръ и свѣжъ и дожилъ до сѣдинъ,
Свободенъ, вдовъ, себѣ я господинъ...
Монашескимъ извѣстенъ поведеньемъ..

. . . .

Ужасный вѣкъ! не знаешь, что начать?
Всѣ умудрились не по лѣтамъ,
А пуще дочери.—Да сами добряки!
Дались намъ эти языки!
Беремъ же побродягъ и въ домъ и по билетамъ,
Чтобъ нашихъ дочерей всему учить, всему:
И танцамъ, и пѣнью, и нѣжностямъ, и вздохамъ,
Какъ будто въ жоны ихъ готовимъ скоморохамъ!
Ты, посѣтитель, что? Ты здѣсь, сударь, къ чему?
Безроднаго призрѣлъ и ввелъ въ мое семейство,
Далъ чинъ ассесора и взялъ въ секретари,
Въ Москву переведенъ черезъ мое содѣйство—
И будь не я, коптѣлъ бы ты въ Твери!...

Софья разсказываетъ свой сонъ, желая намекнуть имъ на свою любовь къ какому-то робкому и бѣдному молодому человѣку. Отецъ совѣтуетъ ей соснуть и идетъ съ Молчалинымъ

подписывать бумаги. Софья наединѣ съ Лизой. Изъ ихъ разговора мы узнаемъ, что она безъ памяти отъ скромнаго Молчалина и не очень дорожитъ своимъ добрымъ именемъ и общественнымъ мнѣніемъ. Лиза возстаетъ противъ ея лыбви и напоминаетъ ей о Чацкомъ, который нѣжно любилъ ее съ дѣтства и котораго и она любила: но Софья отзывается о Чацкомъ съ враждебностью, находя въ немъ только злословіе и больше ничего.—Является Чацкій. Три года путешествовалъ онъ и не видалъ ея; теперь спѣшитъ увидѣться. Онъ говоритъ съ ней о томъ, что она холодно принимаетъ его, тогда какъ онъ скакалъ сломя голову сорокъ пять часовъ.. С. холодно надъ нимъ издѣвается,—и онъ начинаетъ разспрашивать у ней о знакомыхъ и дѣлать противъ нихъ сатирическія выходки. Выходитъ Ф. Софья пользуется случаемъ ускользнуть. Ч. разсѣянно отвѣчаетъ на пошлости Ф. и безпрестанно заводитъ съ нимъ рѣчь о Софьѣ; наконецъ спохватывается, что ему пора домой, и уходитъ. Ф. силится объяснить сонъ дочери и на кого изъ двухъ она метитъ—на Молчалина или на Чацкаго: одинъ нищій—другой франтъ, мотъ и сорванецъ и заключаетъ свою думу, а вмѣстѣ съ нею и первый актъ комедіи, восклицаніемъ.

Что за коммиссія, Создатель,
Быть взрослой дочери отцомъ.
(Дѣйствіе 1-е)

ДѢЙСТВІЕ 2-е.

Явленіе 1-е.

Фамусовъ и слуга

Ф. Петрушка! Вѣчно ты съ обновкой,
Съ разорванымъ локтемъ! Достанька календарь.
Читай, не такъ, какъ пономарь,
А съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой.
Постой же... на листѣ черкни на записномъ,
Противу будущей недѣли:
Къ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ въ домъ
Во вторникъ званъ я на форели.
Куда какъ чуденъ созданъ свѣтъ!
Пофилософствуй—умъ вскружится!
То бережешься, то обѣдъ,
Ѣшь три часа, а въ три дня не сварится!
Отмѣть-ка: въ тотъ же день... нѣтъ, нѣтъ....
Въ четвергъ я званъ на погребенье.
Охъ, родъ людской! пришло въ забвенье,
Что всякій долженъ самъ туда же лѣзть,
Въ тотъ ларчикъ, гдѣ ни стать, ни сѣсть!
Но память по себѣ намѣренъ кто оставить
Житьемъ похвальнымъ—вотъ примѣръ:
Покойникъ былъ почтенный камергеръ,
Съ ключомъ, и сыну ключъ умѣлъ доставить;
Богатъ—и на богатой былъ женатъ;
Переженилъ дѣтей, внучатъ;
Скончался: всѣ о немъ съ прискорбьемъ вспоминаютъ:
Максимъ Петровичъ! миръ ему!
Что за тузы въ Москвѣ живутъ и умираютъ!
Пиши: въ четвергъ, одно ужъ къ одному,
А можетъ въ пятницу, а можетъ и въ суботу,
Я долженъ у вдовы, у докторши, крестить...

Въ это время приходитъ Чацкій и, по уходѣ слуги, начинаетъ разговоръ.

Вы что-то невеселы стали...
Скажите отчего? пріѣздъ не въ пору мой?
Ужъ Софьѣ Павловнѣ какой
Не приключилось-ли печали?
У васъ въ лицѣ, въ движеньяхъ, суэта,
Ф. Ахъ, батюшка! нашолъ загадку:
Не веселъ я!.. Въ мои лѣта
Не можно же пускаться мнѣ въ присядку.
Ч. Никто не приглашаетъ васъ;
Я только что спросилъ два слова
Объ Софьѣ Павловнѣ: быть можетъ, нездорова?
Ф. Тьфу, Господи прости! пять тысячъ разъ
Твердитъ одно и тоже!
То Софьи Павловны на свѣтѣ нѣтъ пригоже,
То Софья Павловна больна?
Скажи: тебѣ понравилась она?
Обрыскалъ свѣтъ, не хочешь ли жениться?

Ч. А вамъ на что?
Ф. Меня не худо бы спроситься:
Вѣдь я ей нѣсколько сродни;
По крайней мѣрѣ искони
Отцомъ не даромъ называли.
Ч. Пусть я посватаюсь, вы что̀ бы мнѣ сказали?
Ф. Сказалъ бы я: во первыхъ, не блажи!
Имѣньемъ, братъ, не управляй оплошно;
А главное—поди-ка, послужи.
Ч. Служить бы радъ, прислуживаться тошно.
Ф. Вотъ то-то, всѣ вы гордецы!
Спросили бы, какъ дѣлали отцы,
Учились бы, на старшихъ глядя.
Мы, напримѣръ... или покойникъ дядя,
Максимъ Петровичъ: онъ не то на серебрѣ,
На золотѣ ѣдалъ; сто человѣкъ къ услугамъ;
Весь въ орденахъ; ѣзжалъ-то вѣчно цугомъ.
Вѣкъ при Дворѣ да при какомъ Дворѣ!
Тогда не то,что нынѣ,
При государынѣ служилъ Екатеринѣ!
А въ тѣ поры всѣ важны.... въ сорокъ пудъ...
Раскланяйся—тупеемъ не кивнутъ;
Вельможа въ случаѣ, тѣмъ паче,
Не какъ другой: и пилъ и ѣлъ иначе!
А дядя—что твой князь, что графъ?
Серьезный видъ, надменный нравъ;
Когда же надо подслужиться,
И онъ сгибался въ перегибъ.
На куртагѣ ему случилось оступиться:
Упалъ—да такъ, что чуть затылка не прошибъ...
Старикъ заохалъ... голосъ хрипкой...
Былъ Высочайшею пожалованъ улыбкой:
Изволили смѣяться... Что жъ онъ?
Привсталъ, оправился, хотѣлъ отдать поклонъ,
Упалъ въ другорядь ужъ нарочно;
А хохотъ пуще—онъ и въ третій также точно!
А? какъ по вашему? По нашему—смышленъ;
Упалъ онъ больно—всталъ здорово.
Зато, бывало, въ вистъ кто чаще приглашонъ?
Кто слышитъ при Дворѣ привѣтливое слово?
Максимъ Петровичъ! Кто предъ всѣми зналъ почотъ?
Максимъ Петровичъ! Шутка!
Въ чины выводитъ кто и пенсіи даетъ?
Максимъ Петровичъ!... Да!... Вы, нынѣшніе,—нутка!
Ч. И точно, началъ свѣтъ глупѣть,
Сказать вы можете, вздохнувши;
Какъ посравнить, да посмотрѣть
Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій,—
Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.
Какъ тотъ и славился, чья чаще гнулась шея,
Какъ не въ войнѣ, а въ мирѣ брали лбомъ,
Стучали объ полъ не жалѣя!
Кому нужда—тѣмъ спѣсь, лежи они въ пыли:
А тѣмъ, кто выше—лесть, какъ кружево, плели.
Я не о дядюшкѣ о вашемъ говорю,
Его не возмутимъ мы праха.
Но между тѣмъ, кого охота заберетъ,
Хоть въ раболѣпствѣ самомъ пылкомъ,
Теперь, чтобы смѣшить народъ,
Отважно жертвовать затылкомъ!
А сверстничекъ, а старичокъ
Иной, глядя на тотъ скачокъ
И разрушаясь въ ветхой кожѣ,
Чай приговаривалъ: ахъ, еслибы мнѣ тоже!
Хоть есть охотники поподличать вездѣ,
Да нынче смѣхъ страшитъ и держитъ стыдъ въ уздѣ!

Сужденія Чацкаго удивляютъ и ужасаютъ Фамусова. Онъ готовъ считать молодаго человѣка и за карбонарія, и за проповѣдника вольности, не признающаго властей. Приходитъ полковникъ Скалозубъ. Узнавши объ этомъ отъ слуги, Ф. еще до появленія полковника, даетъ совѣтъ Чацкому.

Пожалуйста, сударь, при немъ остерегись:
Извѣстный человѣкъ, солидный,
И знаковъ тьму отличья нахваталъ:
Не по лѣтамъ и чинъ завидный:
Не нынче-завтра Генералъ!
Пожалуйста при немъ веди себя скромненько.

Эхъ, Александръ Андреичъ, дурно братъ!..
Ко мнѣ онъ жалуетъ частенько:
Я всякому, ты знаешь, радъ,
Въ Москвѣ прибавятъ вѣчно втрое:
Вотъ будто женится на Софьюшкѣ. Пустое!
Онъ, можетъ быть, и радъ бы былъ душой,
Да надобности самъ не вижу я большой
Дочь выдавать, ни завтра, ни сегодня;
Вѣть Сооья молода... А впрочемъ власть Господня!
Пожалуйста при немъ не спорь ты вкривь и вкось
И завиральныя идеи эти брось.
Однако нѣтъ его! Какую бы причину?
А! знать, пошолъ ко мнѣ въ другую половину (*поспѣшно уходитъ*).

Чацкій (*оставшись одинъ*). Какъ суетится! Что за прыть!
А Софья?.. Нѣтъ ли вправду тутъ жениха какого?
Съ которыхъ поръ меня дичится, какъ чужого?
Какъ здѣсь бы ей не быть.—
Кто этотъ Скалозубъ? Отецъ имъ сильно бредитъ;
А можетъ быть, не только что отецъ...
Ахъ, тотъ скажи любви конецъ,
Кто на три года вдаль уѣдетъ!

(*Приходятъ Фамусовъ и Скалозубъ*)

Ф. Сергѣй Сергѣичъ, къ намъ сюда-съ
Прошу покорно,—здѣсь теплѣе,
Прозябли вы—согрѣемъ васъ,
Отдушничекъ откроемъ поскорѣе...

Скалозубъ (*густымъ басомъ*)
Зачѣмъ же лазить, напримѣръ,
Самимъ?.. Мнѣ совѣстно, какъ честный офицеръ!

Ф. Неужто для друзей не дѣлать мнѣ ни шату?
Сергѣй Сергѣичъ дорогой!
Кладите шляпу, сдѣньте шпагу.
Вотъ вамъ софа, раскиньтесь на покой...

Ск. Куда прикажете, лишь только бы усѣсться.

(*Всѣ трое садятся, Чацкій поодаль*).

Ф. Ахъ, батюшка, сказать, чтобъ не забыть:
Позвольте намъ своими счесться,
Хоть дальними—наслѣдства не дѣлить...
Не знали вы, а я подавно,—
Спасибо научилъ двоюродный вашъ братъ:
Какъ вамъ доводится Настасья Николавна?

Ск. Не знаю-съ, виноватъ:
Мы съ нею вмѣстѣ не служили.

Ф. Сергѣй Сергѣичъ, это вы ли?
Нѣтъ, я передъ родней, гдѣ встрѣтится, ползкомъ;
Сыщу ее на днѣ морскомъ!
При мнѣ служащіе чужіе очень рѣдки:
Все больше сестрины, своячепицы дѣтки;
Одинъ Молчалинъ мнѣ не свой,
И то за тѣмъ, что дѣловой.
Какъ станешь представлять къ крестишку иль къ мѣстечку,—
Ну, какъ не порадѣть родному человѣчку?
Однако братецъ вашъ мнѣ другъ и говорилъ,
Что вами выгодъ тьму по службѣ получилъ.

Ск. Въ тринадцатомъ году мы отличались съ братомъ—
Въ тридцатомъ егерскомъ, а послѣ въ сорокъ-пятомъ

Ф. Да, счастье, у кого есть эдакій сынокъ!
Имѣетъ, кажется, въ петличкѣ орденокъ?

Ск. За третье августа; засѣли мы въ траншею...
Ему данъ съ бантомъ, мнѣ на шею.

Ф. Любезный человѣкъ, и посмотрѣть, такъ хватъ!
Прекрасный человѣкъ двоюродный вашъ братъ!

Ск. Но крѣпко набрался какихъ-то новыхъ правилъ:
Чинъ слѣдовалъ ему, — онъ службу вдругъ оставилъ,
Въ деревнѣ книги сталъ читать.

Ф. Вотъ молодость!... читать... а послѣ хвать!
Вы повели себя исправно:
Давно полковники, а служите недавно.

Ск. Довольно счатливъ я въ товарищахъ моихъ,

Вакансіи какъ разъ открыты:
То старшихъ выключатъ иныхъ,
Другіе, смотришь, перебиты.
Ф. Да, чѣмъ Господь кого поищетъ, вознесетъ!
Ск. Бываетъ, моего счастливѣе везетъ:
У насъ въ пятнадцатой дивизіи, не далѣ,
Объ нашемъ хоть сказать бригадномъ генералѣ.
Ф. Помилуйте, а вамъ чего не достаетъ?
Ск. Не жалуюсь, не обходили;
Однако за полкомъ два года поводили.
Ф. Въ погонь ль за полкомъ?
За то, конечно, въ чомъ другомъ
За вами далеко тянуться!
Ск. Нѣтъ-съ, старѣе меня по корпусу найдутся:
Я съ восемь сотъ девятаго служу.
Да, чтобъ чины добыть, есть многіе каналы;
Объ нихъ какъ истинный философъ я сужу:
Мнѣ только бы досталось въ генералы.
Ф. И славно судите; дай Богъ здоровья вамъ
И генеральскій чинъ,—а тамъ—
Зачѣмъ откладывать бы дальше—
Рѣчь завести о генеральшѣ...
Ск. Жениться? Я ничуть не прочь.
Ф. Чтожъ? у кого сестра, племянница есть, дочь...
Въ Москвѣ вѣдь нѣтъ невѣстамъ перевода.
А, батюшка, признайтесь, что едва
Гдѣ сыщется еще столица, какъ Москва?
Ск. Дистанція огромнаго размѣра.
Ф. Вкусъ, батюшка, отмѣнная манера,
На все свои законы есть.
Вотъ, напримѣръ: у насъ ужъ изстари ведется,
Что по отцѣ и сыну честь;
Будь плохенькой, да если наберется
Душъ тысячки двѣ родовыхъ,
Тотъ и женихъ.
Другой хоть прытче будь, надутый всякимъ чванствомъ,—
Пускай себѣ, разумникомъ слыви,—
А въ семью не включатъ, на насъ не подиви!
Вѣдь только здѣсь еще и дорожатъ дворянствомъ!
Да это ли одно?.. возьмите вы хлѣбъ-соль:
Кто хочетъ къ намъ пожаловать—изволь:
Дверь отперта для званыхъ и незваныхъ,
Особенно изъ иностранныхъ;
Хоть честный человѣкъ, хоть нѣтъ,
Для насъ ровнехонько—про всѣхъ готовъ обѣдъ.
Возьмите вы, отъ головы до пятокъ,
На всѣхъ московскихъ есть особый отпечатокъ.
Извольте посмотрѣть на нашу молодежь.
На юношей, сынковъ и внучатъ:
Журимъ мы ихъ, а если разберешь—
Въ пятнадцать лѣтъ учителей научатъ!
А наши старички? Какъ ихъ возьметъ задоръ,
Засудятъ о дѣлахъ... что слово—приговоръ.
Вѣдь столбовые всѣ; въ усъ никому не дуютъ
И о правительствѣ иной разъ такъ толкуютъ
Что еслибъ кто подслушалъ ихъ—бѣда!
Не то, чтобъ новизны вводили—никогда!
Спаси насъ, Боже! Нѣтъ! А придерутся
Къ тому, къ сему, а чаще ни къ чему.
Поспорятъ, пошумятъ... и разойдутся.
Прямые канцлеры въ отставкѣ по уму.
Я вамъ скажу: знать время не приспѣло,
Но что безъ нихъ не обойдется дѣло.
А дамы? Сунься кто, попробуй, овладѣй!
Судьи всему, вездѣ; надъ ними нѣтъ судей;
За картами, когда возстанутъ общимъ бунтомъ,
Дай Богъ терпѣнья! Вѣдь самъ я былъ женатъ!
Скомандовать велите передъ фрунтомъ!
Присутствовать пошлите ихъ въ сенатъ!
Ирина Власьевна! Лукерья Алексѣвна!
Татьяна Юрьевна! Пульхерія Андревна!
А дочекъ кто видалъ—всякъ голову повѣсь!
Его величество король былъ прусскій здѣсь:

Дивился не путемъ московскимъ онъ дѣвицамъ,
Ихъ благонравію, не лицамъ.
И точно!—Можно ли воспитаннѣе быть?
Умѣютъ же себя онѣ принарядить
Тафтицей, бархатцемъ и дымкой.
Словечка въ простотѣ не скажутъ, все съ ужимкой.
Французскіе романсы вамъ поютъ
И верхнія выводятъ нотки!
Къ военнымъ людямъ такъ и льнутъ:
А потому, что патріотки...
Рѣшительно скажу: едва
Другая сыщется столица, какъ Москва!
Ск. По моему сужденью,
Пожаръ способствовалъ ей много къ украшенью.
Ф. Не поминайте намъ! ужъ мало ли крехтятъ!
Съ тѣхъ поръ дороги, тротуары,
Дома и все—на новой ладъ.
Ч. Дома новы, но предразсудки стары.
Порадуйтесь: не истребятъ
Ни годы ихъ, ни моды, ни пожары.
Ф. (*Чацкому*): Эй, завяжи на память узелокъ!
Просилъ я помолчать—не велика услуга.
(*Скалозубу*). Позвольте, батюшка, вотъ-съ Чацкаго, мнѣ друга,
Андрея Ильича покойнаго, сынокъ;
Не служитъ—то есть, въ томъ онъ пользы не находитъ;
Но захоти, такъ былъ бы дѣловой;
Жаль, очень жаль: онъ малый съ головой
И славно пишетъ, переводитъ....
Нельзя не пожалѣть, что съ эдакимъ умомъ....
Ч. Нельзя ли пожалѣть о комъ нибудь другомъ:
И похвалы мнѣ ваши досаждаютъ!
Ф. Не я одинъ—всѣ также осуждаютъ.
Ч. А судьи кто?... За древностію лѣтъ,
Къ свободной жизни ихъ вражда непримирима:
Сужденья черпаютъ изъ забытыхъ газетъ
Временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма.
Всегда готовые къ журьбѣ,
Поютъ все пѣснь одну и ту же,
Не замѣчая о себѣ:
Что старѣе, то хуже.
Гдѣ, укажите намъ, отечества отцы,
Которыхъ мы должны принять за образцы?
Не эти ли, грабительствомъ богаты?
Защиту отъ суда въ друзьяхъ нашли, въ родствѣ,
Великолѣпныя соорудя палаты,
Гдѣ разливаются въ пирахъ и мотовствѣ
И гдѣ не воскресятъ кліенты-иностранцы
Прошедшаго житья подлѣйшія черты!
Да и кому въ Москвѣ не зажимали рты
Обѣды, ужины и танцы?
Не тотъ ли, вы къ кому меня, еще съ пеленъ
Для замысловъ какихъ-то непонятныхъ
Дитей возили на поклонъ,
Тотъ Несторъ негодяевъ знатныхъ,
Толпою окруженный слугъ?
Усердствуя, они, въ часы вина и драки,
И жизнь, и честь его не разъ спасали; вдругъ
На нихъ онъ вымѣнялъ борзыя три собаки!
Или—вонъ тотъ еще, который, для затѣй,
На крѣпостной балетъ согналъ на многихъ фурахъ
Отъ матерей, отцовъ отторженныхъ дѣтей?
Самъ погруженъ умомъ въ зефирахъ и амурахъ,
Заставилъ и Москву дивиться ихъ красѣ;
Но кредиторовъ тѣмъ не согласилъ къ отсрочкѣ:
Амуры и зефиры всѣ
Распроданы по одиночкѣ!
Вотъ тѣ, которые достигли до сѣдинъ!
Вотъ уважать кого должны мы на безлюдьи!
Вотъ наши строгіе цѣнители и судьи!
Теперь, пускай, изъ насъ одинъ,
Изъ молодыхъ людей, найдется врагъ исканій:
Не требуя ни мѣстъ, ни повышенья въ чинъ,
Въ науки онъ вперитъ умъ, алчущій познаній.
Или въ душѣ его самъ Богъ возбудитъ жаръ

Къ искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ,
Они тотчасъ: разбой! пожаръ!
И прослывешь у нихъ мечтателемъ опаснымъ!
Мундиръ! одинъ мундиръ! Онъ въ прежнемъ ихъ быту,
Когда-то укрывалъ—расшитый и красивый —
Ихъ слабодушіе, разсудка нищету.
И намъ за ними въ путь счастливый?
И въ жонахъ, въ дочеряхъ къ мундиру таже страсть.
Я самъ къ нему давно-ль отъ нѣжности отрекся?
Теперь ужъ въ это мнѣ ребячество не впасть;
Но кто-бъ тогда за всѣми не увлекся?
Когда изъ гвардіи, иные отъ Двора,
Сюда на время пріѣзжали:
Кричали женщины—ура!
И въ воздухъ чепчики бросали!

Ф. *(про себя)*. Ужъ втянетъ онъ меня въ бѣду! *(Громко)*
Сергѣй Сергѣичъ! я пойду.
И буду ждать васъ въ кабинетѣ. *(Уходитъ)*.

Ск. *(Чацкому)* Мнѣ нравится, при этой смѣтѣ,
Искусно какъ коснулись вы
Предубѣжденія Москвы
Къ любимцамъ, къ гвардіи, къ гвардейцамъ, къ гвардіонцамъ:
Ихъ золотцу, шитью—дивятся будто солнцамъ!
А въ первой арміи когда отстали? въ чемъ?
Все такъ прилажено, и тальи всѣ такъ узки.
И офицеровъ вамъ начтемъ,
Что даже говорятъ иные по французски!

Во время этого разговора Молчалинъ, собравшійся кататься верхомъ на лошади, падаетъ; Софья, узнавши объ этомъ, лишается чувствъ, и Чацкій, на этомъ основаніи, заключаетъ, что Софья любитъ Молчалина. Чацкій уходитъ. Софья приглашаетъ Скалозуба на вечеръ, гдѣ будутъ всѣ домашніе друзья и танцы подъ фортепьяно. Оставшись съ Лизой, Софья взъявляетъ свой страхъ за Молчалина. Лиза упрекаетъ ее въ неосторожности, и Молчалинъ беретъ ея сторону противъ Софьи. Оставшись наединѣ съ Лизой Молчалинъ обнаруживаетъ, что онъ искренно любитъ ее, а Софью «по должности». *(Второе дѣйствіе)*.

Чацкій рѣшается допытаться отъ Софьи, кого она любитъ. Софья расхваливаетъ Молчалина, и Чацкій убѣждается изъ этого, что она его и не любитъ и не уважаетъ... Лиза подходитъ къ барышнѣ и шепчетъ ей на ухо что ее ждетъ Молчалинъ, и та хочетъ уйти, Чацкій проситъ у ней позволенія побыть минуту въ ея комнатѣ, но она пожимаетъ плечами, уходитъ къ себѣ и запирается. Чацкій, оставшись одинъ, увѣряется, что Софья любитъ Молчалина и вымѣщаетъ свою досаду остротами. Потомъ онъ заводитъ разговоръ съ Молчалинымъ.

Намъ, Алексѣй Степанычъ, съ вами
Не удалось сказать двухъ словъ.
Ну, образъ жизни вашъ каковъ?
Безъ горя нынче? безъ печали?

М. По прежнему-съ.

Ч. А прежде какъ живали?

М. День-за-день—нынче какъ вчера.

Ч. Къ перу отъ картъ, и къ картамъ отъ пера?
И положонный часъ приливамъ и отливамъ?

М. По мѣрѣ я трудовъ и силъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ числюсь по архивамъ,
Три награжденья получилъ.

Ч. Взманили почести и знатность?

М. Нѣтъ, свой талантъ у всѣхъ.

Ч. У васъ?

М. Два-съ: умѣренность и аккуратность.

Ч. Чудеснѣйшіе два и стоятъ нашихъ всѣхъ!

М. Вамъ не дались чины? по службѣ неуспѣхъ?
Какъ удивлялись мы...

Ч. Какое-жъ диво тутъ?

М. Жалѣли васъ.

Ч. Напрасный трудъ!

М. Татьяна Юрьевна расказывала что-то,
Изъ Петербурга воротясь,
Съ министрами про вашу связь,
Потомъ разрывъ ...

Ч. Ей почему забота?

М. Татьянѣ Юрьевнѣ?

Ч. Я съ не не знакомъ.

М. Съ Татьяной Юрьевной?

Ч. Съ ней ввѣкъ мы не встрѣчались.
Слыхалъ, что вздорная...

М. Да это, полно, та-ли съ?
Татьяна Юрьевна... извѣстная... при томъ
Чиновные и должностные
Всѣ ей друзья и всѣ родные!
Къ Татьянѣ Юрьевнѣ хоть разъ бы съѣздить вамъ.

Ч. На что же?

М. Такъ... Частенько тамъ
Мы покровительство находимъ, гдѣ не мѣтимъ.
Какъ обходительна, добра, мила, проста!
Балы даетъ, нельзя богаче,
Отъ Рождества и до поста,
И лѣтомъ праздники на дачѣ...
Ну, право, что бы вамъ въ Москвѣ у насъ служить....
И награжденья брать и весело пожить!

Ч. Когда въ дѣлахъ — я отъ веселій прячусь;
Когда дурачиться—дурачусь;
А смѣшивать два эти ремесла—
Есть тьма искусниковъ,—я не изъ ихъ числа.

М. Простите. Впрочемъ тутъ не вижу преступленья,
Вотъ самъ Ѳома Ѳомичъ... знакомъ онъ вамъ?

Ч. Ну, что же?

М. При трехъ министрахъ былъ начальникъ отдѣленья,
Переведенъ сюда....

Ч. Хорошъ! Пустѣйшій человѣкъ изъ самыхъ безтолковыхъ!

М. Какъ можно? Слогъ его здѣсь ставятъ въ образецъ!
Читали вы?

Ч. Я глупостей не чтецъ,
А пуще образцовыхъ.

М. Нѣтъ, мнѣ такъ довелось съ пріятностью прочесть.
Не сочинитель я...

Ч. И по всему замѣтно.

М. Не смѣю моего сужденья произнесть.

Ч. Зачѣмъ же такъ секретно?

М. Въ мои лѣта недолжно смѣть
Свое сужденіе имѣть.

Ч. Помилуйте: мы съ вами не ребята!
Зачѣмъ же мнѣнія чужія только святы?

М. Вѣдь надобно жъ зависѣть отъ другихъ.

Ч. Зачѣмъ же надобно?

М. Въ чинахъ мы небольшихъ.

Ч. *(почти громко)*. Съ такими чувствами, съ такой душою—
Любимъ!... Обманщица смѣялась надо мной!

Между тѣмъ собираются гости. Молчалинъ услуживаетъ, составляетъ партію въ вистъ и пр. Чацкій язвительно колетъ имъ Софью, у которой вдругъ блеснула мысль отомстить ему, ославивъ его сумасшедшимъ.

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Чацкій, Софья и нѣсколько постороннихъ лицъ, которыя въ продолженіе сцены расходятся.

Ч. Ну, тучу разогналъ...

С. Нельзя ль не продолжать?

Ч. Чѣмъ васъ я напугалъ?
За то, что онъ *(М.)* смягчилъ разгнѣванную гостью,
Хотѣлъ я похвалить.

С. А кончили бы злостью.

Ч. Сказать вамъ, что я думалъ? вотъ:
Старушки всѣ народъ сердитый,—
Не худо, чтобъ при нихъ услужникъ знаменитый
Тутъ былъ, какъ громовой отводъ.
Молчалинъ! — Кто другой такъ мирно все уладитъ?
Тамъ моську во-время погладитъ!
Тутъ въ-пору карточку вотретъ!
Въ немъ Зогорѣцкій не умретъ.
Вы давеча его мнѣ исчисляли свойства,
Но многія забыли,—да? *(Уходитъ)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Софья, потомъ Г. N.

С. *(про себя)* Ахъ, этотъ человѣкъ всегда
Причиной мнѣ ужаснаго разстройства!

*

Униззить радъ, кольнуть: завистливъ, гордъ и золъ.

Г. N. (*подходитъ*) Вы въ размышленьи?

С. Объ Чацкомъ.

Г. N. Какъ его нашли по возвращеньи?

С. Онъ не въ своемъ умѣ.

Г. N. Ужель съ ума сошелъ?

С. (*помолчавъ*) Не то, чтобы совсѣмъ....

Г. N. Однако есть примѣты?

С. (*Смотритъ на него пристально*) Мнѣ кажется.

Г. N. Какъ можно, въ эти лѣта!

С. Какъ быть! (*въ сторону*)

Готовъ онъ вѣрить!

А, Чацкій!... Любите вы всѣхъ въ шуты рядить,—

Угодноль на себѣ примѣрить? (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Г. N. потомъ Г. D.

Г. N. Съ ума сошолъ!... Ей кажется?... вотъ-на!

Не даромъ, стало быть... съ чего бъ взяла она!

Ты слышалъ?

Г. D. Что?

Г. N. Объ Чацкомъ?

Г. D. Что такое?

Г. N. Съ ума сошолъ!

Г. D. Пустое!

Г. N. Не я сказалъ, другіе говорятъ.

Г. D. А ты разславить это радъ?

Г. N. Пойду освѣдомлюсь: чай кто нибудь да знаетъ (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

Г. D. потомъ Загорѣцкій.

Г. D. Вѣрь болтуну!

Услышитъ вздоръ и тотчасъ повторяетъ!

Ты знаешь ли объ Чацкомъ?

З. Ну?

Г. D. Съ ума сошолъ!

З. А знаю, помню, слышалъ.

Какъ мнѣ не знать? примѣрный случай вышелъ:

Его въ безумные упряталъ дядя плутъ;

Схватили, въ жолтый домъ и на цѣпь посадили.

Г. D. Помилуй! онъ сейчасъ здѣсь въ комнатѣ былъ, тутъ!

З. Такъ съ цѣпи стало быть спустили.

Г. D. Ну, милый другъ, съ тобой не надобно газетъ.

Пойду-ка я расправлю крылья,

У всѣхъ повыспрошу; однако чуръ секретъ.

ЯВЛЕНІЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

Загорѣцкій, потомъ Графиня внучка.

З. Который Чацкій тутъ? Извѣстная фамилья:

Съ какимъ-то Чацкимъ я когда-то былъ знакомъ.

Вы слышали объ немъ?

Гр. Вн. Объ комъ?

З. Объ Чацкомъ; онъ сейчасъ здѣсь въ комнатѣ былъ.

Гр. Вн. Знаю. Я говорила съ нимъ.

З. Такъ я васъ поздравляю: онъ сумасшедшій....

Гр. Вн. Что?

З. Да, сошолъ съ ума.

Гр. Вн. Представьте! я замѣтила сама,

И хоть пари держать,—со мной въ одно вы слово.

ЯВЛЕНІЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ.

Тѣже и Графиня бабушка.

Гр. Вн. Ахъ, grande maman! вотъ чудеса! вотъ ново!

Вы не слыхали здѣшнихъ бѣдъ?

Послушайте! вотъ прелести! вотъ мило!

Гр. Б. Мой другъ, мнѣ уши заложило!

Скажи погромче....

Гр. Вн. Время нѣтъ.

Il vous dira toute l'histoire!

Пойду, спрошу (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ.

Загорѣцкій и Графиня бабушка.

Гр. Б. Что? Что? Ужъ нѣтъ ли здѣсь пожара?
З. Нѣтъ! Чацкій произвелъ всю эту кутерьму.
Гр. Б. Какъ? Чацкаго кто свелъ въ тюрьму?
З. Въ горахъ былъ раненъ въ лобъ,
Сошолъ съ ума отъ раны.
Гр. Б. Что? къ фармазонамъ въ клубъ
Пошелъ онъ? въ басурманы?
З. Ее не вразумишь! *(Уходитъ.)*
Гр. Б. Антонъ Антонычъ! Ахъ!
И онъ бѣжитъ; всѣ въ страхѣ, въ попыхахъ?

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТОЕ.

Графиня Бабушка и Князь Тугоуховскій.

Гр. Б. Князь, Князь! Охъ, этотъ князь,—по баламъ, самъ чуть дышитъ!
Князь, слышали?
Князь Т. А? хмъ?
Гр. Б. Онъ ничего не слышитъ;
Хоть, можетъ, видѣли: здѣсь полицмейстеръ былъ?
Кн. Т. Э? хмъ?
Гр. Б. Въ тюрьму-то, князь, кто Чацкаго схватилъ?
Кн. Т. И? Хмъ?
Гр. Б. Тесакъ ему да ранецъ!
Въ солдаты! — шутка ли: перемѣнилъ законъ!
Кн. Т. У? Хмъ?
Гр. Б. Да!... въ басурманахъ онъ
Ахъ, окаянный волтерьянецъ!
Что? а? Глухъ, мой отецъ! достаньте свой рожокъ!
Охъ, глухота большой порокъ!

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ.

Тѣже и Хлестова, Софья, Молчалинъ и пр.

Хлестова. Съ ума сошелъ? прошу покорно!
Да невзначай да какъ проворно!
Ты, Софья, слышала?
Платонъ Михайловичъ. Кто первый разгласилъ?
Наталья Дмитріевна. Ахъ, другъ мой, всѣ!
Пл. Мих. Ну, всѣ, такъ вѣришь поневолѣ;
А мнѣ сомнительно.
Фамусовъ *(входитъ)* О комъ? о Чацкомъ что ли?
Чего сомнительно? Я первый, я открылъ!
Давно дивлюсь я, какъ никто его не свяжетъ!
Попробуй о властяхъ—и невѣсть, что наскажетъ!
Чуть низко поклонись, согнись-ка кто кольцомъ
Хоть предъ какимъ ни есть лицомъ,
Такъ назоветъ онъ подлецомъ!...
Хл. Туда же изъ смѣшливыхъ.
Сказала что-то я, онъ началъ хохотать.
Молч. Мнѣ отсовѣтовалъ въ Москвѣ служить въ архивахъ.
Гр. Внучка. Меня модисткою изволилъ величать.
Нат. Дмитр. А мужу моему совѣтъ далъ жить въ деревнѣ!
Загорѣцкій. Безумный по всему!
Гр. Внучка. Я видѣла изъ глазъ.
Фам. По матери пошолъ, по Аннѣ Алексѣвнѣ:
Покойница съ ума сходила восемь разъ.
Хл. На свѣтѣ дивныя бываютъ приключенья!
Въ его лѣта съ ума спрыгнулъ!
Чай, пилъ не по лѣтамъ?
Княгиня. О, вѣрно!
Гр. Внучка. Безъ сомнѣнья.
Хл. Шампанское стаканами тянулъ.
Нат. Дмитр. Бутылками-съ, и пребольшими.
Загор. *(съ жаромъ).* Нѣтъ, бочками сороковыми.
Фам. Ну, вотъ! великая бѣда,
Что выпьетъ лишнее мущина!
Ученье — вотъ чума, ученость — вотъ причина,
Что нынче пуще, чѣмъ когда,

Безумныхъ развелось людей и дѣлъ и мнѣній...

Хл. И впрямъ съ ума сойдешь отъ этихъ отъ однихъ
Отъ пансіоновъ, школъ, лицеевъ... какъ бишь ихъ?
Да отъ ланкарточныхъ взаимныхъ обученій.

Княгиня. Нѣтъ, въ Петербургѣ Институтъ
Пе...да...го...ническій—такъ, кажется, зовутъ...
Тамъ упражняются въ расколахъ и безвѣрьи
Профессора! У нихъ учился нашъ родня,
И вышелъ, — хоть сейчасъ въ аптеку, въ подмастерья;
Отъ женщинъ бѣгаетъ и даже отъ меня;
Чиновъ не хочетъ знать; онъ химикъ, онъ ботаникъ,
Князь Ѳедоръ, мой племянникъ!

Скалозубъ. Я васъ обрадую: всеобщая молва,
Что естъ проэктъ насчетъ лицеевъ, школъ, гимназій;
Тамъ будутъ лишь учить по нашему: разъ, два, —
А книги сохранятъ такъ, для большихъ оказій.

Фам. Сергѣй Сергѣичъ! нѣтъ, ужъ если зло пресѣчь,—
Забрать всѣ книги бы, да сжечь.

Загор. (*Съ кротостью*) Нѣтъ-съ,
Книги книгамъ рознь; а если-бъ между нами
Былъ цензоромъ назначенъ я,
На басни бы налегъ. Охъ, басни смерть моя!
Насмѣшки вѣчныя надъ львами, надъ орлами!
Кто что ни говори,—
Хоть и животныя, а все-таки цари.

Х. Отцы мои! ужъ кто въ умѣ разстроенъ,
Такъ все равно, отъ книгъ ли, отъ питья-ль.
А Чацкаго мнѣ жаль
По христіански, такъ, онъ жалости достоинъ,
Былъ острый человѣкъ; имѣлъ душъ сотни три.

Ф. Четыре.

Х. Три, сударь!

Ф. Четыреста!

Х. Нѣтъ, триста!

Ф. Въ моемъ календарѣ...

Х. Всѣ врутъ календари.

Ф. Какъ разъ четыреста! Охъ, спорить голосиста!

Х. Нѣтъ! триста! Ужъ чужихъ имѣній мнѣ не знать!

Ф. Четыреста, прошу понять!

Х. Нѣтъ, триста, триста, триста!

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ.

Тѣже и Чацкій.

Нат. Дмитр. Вотъ онъ!

Гр. Внучка. Штъ!

Всѣ. Штъ! (*Пятятся отъ него въ противную сторону*).

Хлестова. Ну, какъ съ безумныхъ глазъ
Затѣетъ драться онъ — потребуетъ къ раздѣлкѣ!

Фам. О, Господи! помилуй грѣшныхъ насъ!
(*Опасливо*). Любезнѣйшій! ты не въ своей тарелкѣ.
Съ дороги нуженъ сонъ. Дай пульсъ— ты нездоровъ!

Ч. Да, мочи нѣтъ! Мильонъ терзаній:
Груди отъ дружескихъ тисковъ,
Ногамъ отъ шарканья, ушамъ отъ восклицаній,
А пуще головѣ отъ всякихъ пустяковъ!
(*Подходитъ къ Софьѣ*).
Душа здѣсь у меня какимъ-то горемъ сжата,
И въ многолюдствѣ я потерянъ, самъ не свой.
Нѣтъ! не доволенъ я Москвой!

Х. Москва, вишь, виновата!

Ф. Подальше отъ него (*Даетъ знакъ Софьѣ*).

Гмъ! Софья! Не глядитъ!
Софья. (*Чацкому*).
Скажите, что васъ такъ гнѣвитъ?
Ч. Въ той комнатѣ незначущая встрѣча:
Французикъ изъ Бордо, надсаживая грудь,
Собралъ вокругъ себя родъ вѣча,
И сказывалъ, какъ снаряжался въ путь
Въ Россію, къ варварамъ, со страхомъ и слезами;
Пріѣхалъ и нашолъ, что ласкамъ нѣтъ конца;
Ни звука Русскаго, ни Русскаго лица
Не встрѣтилъ; будто бы въ отечествѣ, съ друзьями.
Такой же толкъ у дамъ, такіе же наряды:
Онъ радъ, но мы не рады.
Умолкъ.— И тутъ со всѣхъ сторонъ
Тоска, и оханье, и стонъ:
«Ахъ, Франція! Нѣтъ въ мірѣ лучше края!»
Рѣшили двѣ княжны, сестрицы, повторяя
Урокъ, который имъ изъ дѣвства натверженъ.
Куда дѣваться отъ княжонъ?
Я одаль возсылалъ желанья
Смиренныя, однако вслухъ,
Чтобъ истребилъ Господь нечистый этотъ духъ
Пустаго, рабскаго, слѣпаго подражанья.
Чтобъ искру заронилъ онъ въ комъ нибудь съ душой,
Кто могъ бы словомъ и примѣромъ
Насъ удержать, какъ крѣпкою вожжей,
Отъ жалкой тошноты по сторонѣ чужой!
Пускай меня объявятъ староверомъ.
Но хуже для меня нашъ Сѣверъ во сто кратъ
Съ тѣхъ поръ, какъ отдалъ все въ обмѣнъ на новый ладъ,
И нравы, и языкъ, и старину святую,
И величавую одежду—на другую,
По шутовскому образцу:
Хвостъ сзади, спереди какой-то чудный выемъ,
Разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ;
Движенья связаны и не краса лицу;
Смѣшные, бритые, сѣдые подбородки...
Какъ платье, волосы, такъ и умы коротки!
Ахъ! если рождены мы все перенимать,
Хоть у Китайцевъ бы намъ нѣсколько занять
Премудраго у нихъ незнанья иноземцевъ!
Воскреснемъ ли когда отъ чужевластья модъ?
Чтобъ умный, добрый нашъ народъ,
Хотя по языку, насъ не считалъ за Нѣмцевъ!
—«Какъ Европейское поставить въ параллель
Съ національнымъ,—странно что-то!
Ну какъ перевести: мадамъ и мадмуазель?
Ужель: сударыня! — забормоталъ мнѣ кто-то...
Вообразите, тутъ у всѣхъ
На мой же счетъ поднялся смѣхъ.
«Сударыня! ха! ха! ха! ха! прекрасно!
Сударыня! ха! ха! ха! ха! ужасно!
Я, разсердясь и жизнь кляня,
Готовилъ имъ отвѣтъ громовый;
Но всѣ оставили меня.
Вотъ случай вамъ со мною, — онъ не новый:
Москва и Петербургъ во всей Россіи то,
Что человѣкъ изъ города Бордо:
Лишь ротъ открылъ—имѣетъ счастье
Во всѣхъ княженъ вселять участье.
И въ Петербургѣ и въ Москвѣ
Кто недругъ выписныхъ лицъ, вычуръ, словъ кудрявыхъ,
Въ чьей по несчастью головѣ
Пять, шесть найдется мыслей здравыхъ,
И онъ осмѣлится ихъ гласно объявлять,
Глядь....
(*Оглядывается: всѣ въ вальсѣ кружатся съ величайшимъ усердіемъ: старики разбрелись къ карточнымъ столамъ*).

Наконецъ гости разъѣзжаются съ бала. Чацкому не найдутъ его кучера: онъ задержанъ въ сѣняхъ и по неволѣ подслушиваетъ толки о своемъ сумасшествіи. Это его изумляетъ: онъ далекъ отъ мысли, что онъ сумасшедшій. Вдругъ

онъ слышитъ голосъ Софьи, которая, надъ лѣстницей, во второмъ этажѣ, со свѣчей въ рукахъ, въ полголоса зоветъ Молчалина. Лакей приходитъ и докладываетъ о каретѣ, но Чацкій прогоняетъ его и прячется за колонну. Лиза стучится въ дверь къ Молчалину и вызываетъ его. Молчалинъ, вышедши изъ своей комнаты, высказываетъ Лизѣ свои чувства, потомъ, когда является Софья, онъ падаетъ ей въ ноги. Софья приказываетъ ему встать, и чтобы заря не застала его въ домѣ; иначе она все разскажетъ отцу. Она заключаетъ изъявленіемъ радости, что сама все узнала, и что не было тутъ свидѣтелей, подобно тому, какъ былъ Чацкій во время ея давишняго обморока. «Онъ здѣсь, притворщица!» кричитъ Чацкій, бросаясь къ ней изъ-за колонны. (Содержаніе разсказано большею частью словами Бѣлинскаго).

---

20. ГОГОЛЬ.

1808—1851.

Старосвѣтскіе помѣщики (1842).

Въ Малороссіи, гдѣ-то въ захолустьѣ, жили два старичка, помѣщикъ и жена его. Ихъ звали Аѳанасій Ивановичъ Товстогубъ и Пульхерія Ивановна Товстогубиха.

Еслибы я, говоритъ Гоголь, былъ живописецъ и хотѣлъ изобразить на полотнѣ Филемона и Бавкиду, я бы никогда не избралъ другаго оригинала, кромѣ ихъ. Аѳанасію Ивановичу было шестьдесятъ лѣтъ, Пульхеріи Ивановнѣ пятьдесятъ пять. Аѳанасій Ивановичъ былъ высокаго роста, ходилъ всегда въ бараньемъ тулупчикѣ, покрытомъ камлотомъ, сидѣлъ согнувшись и всегда почти улыбался, хотя бы разсказывалъ, или просто слушалъ. Пульхерія Ивановна была нѣсколько серьезна, почти никогда не смѣялась; но на лицѣ и въ глазахъ ея было написано столько доброты, столько готовности угостить васъ всѣмъ, что было у нихъ лучшаго, что вы, вѣрно, нашли бы улыбку уже черезъ-чуръ приторною для ея добраго лица. Легкія морщины на ихъ лицахъ были расположены съ такою пріятностію, что художникъ вѣрно укралъ бы ихъ. По нимъ можно было, казалось, читать всю жизнь ихъ, ясную, спокойную, жизнь, которую вели старыя національныя, простосердечныя и вмѣстѣ богатыя фамиліи, всегда составляющія противоположность тѣмъ низкимъ малороссіянамъ, которые выдираются изъ дегтярей, торгашей, наполняютъ, какъ саранча, палаты и присутственныя мѣста, дерутъ послѣднюю копѣйку съ своихъ же земляковъ, наводняютъ Петербургъ ябедниками, наживаютъ наконецъ капиталъ и торжественно прибавляютъ къ фамиліи своей, оканчивающейся на о, слогъ *въ*. Нѣтъ, они не были похожи на этихъ презрѣнныхъ и жалкихъ твореній, такъ же какъ и всѣ малороссійскія старинныя и коренныя фамиліи. Нельзя было глядѣть безъ участія на ихъ взаимную любовь: они никогда не говорили другъ другу «*ты*», но всегда «*вы*»: вы, Аѳанасій Ивановичъ; вы, Пульхерія Ивановна. «Это вы продавили стулъ, Аѳанасій Ивановичъ»—Ничего, не сердитесь, Пульхерія Ивановна; это я.» Они никогда не имѣли дѣтей, и оттого вся привязанность ихъ сосредоточилась на нихъ же самихъ. Когда-то, въ молодости, Аѳанасій Ивановичъ служилъ въ компанейцахъ, былъ послѣ секундъмаіоромъ; но это уже было очень давно, уже прошло, уже самъ Аѳанасій Ивановичъ почти никогда не вспоминалъ объ этомъ. Аѳанасій Ивановичъ женился тридцати лѣтъ, когда былъ молодцомъ и носилъ шитый камзолъ; онъ даже увезъ довольно ловко Пульхерію Ивановну, которую родственники не хотѣли отдать за него; но объ этомъ уже онъ очень мало помнилъ; по-крайней-мѣрѣ никогда не говорилъ. Всѣ эти давнія, необыкновенныя происшествія давно прекратились или замѣнились спокойною и уединенною жизнію, тѣми дремлющими и вмѣстѣ какими-то гармоническими грезами, которыя ощущаете вы, сидя на деревенскомъ балконѣ, обращенномъ въ садъ, когда прекрас-

ный дождь роскошно шумитъ, хлопая по древеснымъ листьямъ, стекая журчащими ручьями и наговаривая дрему на ваши члены, а между-тѣмъ, радуга крадется изъ-за деревьевъ и въ видѣ полуразрушеннаго свода свѣтитъ матовыми семью цвѣтами на небѣ; или когда укачиваетъ васъ коляска, ныряющая между зелеными кустарниками, а степной перепелъ гремитъ, и душистая трава вмѣстѣ съ хлѣбными колосьями и полевыми цвѣтами лѣзетъ въ дверцы коляски, пріятно ударяя васъ по рукамъ и лицу. Онъ всегда слушалъ съ пріятною улыбкою гостей, пріѣзжавшихъ къ нему, иногда и самъ говорилъ, но болѣе расспрашивалъ; онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ стариковъ, которые надоѣдаютъ вѣчными похвалами старому времени, или порицаніями новаго; онъ, напротивъ, расспрашивая васъ, показывалъ большое любопытство и участіе къ обстоятельствомъ вашей собственной жизни, удачамъ и неудачамъ, которыми обыкновенно интересуются всѣ добрые старики, хотя оно нѣсколько похоже на любопытство ребенка, который въ то время, когда говоритъ съ вами, разсматриваетъ печатку вашихъ часовъ; тогда лицо его, можно сказать, дышало добротою.

Оба старика очень любили покушать. Обыкновенно, послѣ утренняго кофе, Аѳанасій Иваничъ ходилъ прогуливаться по двору и разговаривалъ съ прикащикомъ о хозяйствѣ.

Послѣ этого возвращался онъ въ покои и говорилъ, приблизившись къ Пульхеріи Ивановнѣ: «а что, Пульхерія Ивановна, можетъ быть пора закусить чего-нибудь», «Чего же бы теперь, Аѳанасій Ивановичъ, закусить? развѣ коржиковъ съ саломъ, или пирожковъ съ макомъ, или, можетъ быть, рыжиковъ соленыхъ?—» «Пожалуй, хоть и рыжиковъ, или пирожковъ» отвѣчалъ Аѳанасій Ивановичъ, — и на столѣ вдругъ являлась скатерть съ пирожками и рыжиками. За часъ до обѣда Аѳанасій Ивановичъ закусывалъ снова, выпивалъ старинную серебряную чарку водки, заѣдалъ грибками, разными сушеными рыбками и прочимъ. Обѣдать садились въ двѣнадцать часовъ. Кромѣ блюдъ и соусниковъ, на столѣ стояло множество горшечковъ съ замазанными крышками, чтобы не могло выдыхаться какое-нибудь аппетитное издѣліе старинной вкусной кухни. За обѣдомъ обыкновенно шелъ разговоръ о предметахъ самыхъ близкихъ къ обѣду. «Мнѣ кажется, какъ будто эта каша», говаривалъ обыкновенно Аѳанасій Ивановичъ: «немного пригорѣла; вамъ это не кажется, Пульхерія Ивановна?» «Нѣтъ, Аѳанасій Ивановичъ; вы положите побольше масла, тогда она не будетъ казаться пригорѣлою, или вотъ возьмите этого соусу съ грибками и подлейте къ ней.» — «Пожалуй» говорилъ Аѳанасій Ивановичъ, подставляя свою тарелку: «попробуемъ, какъ оно будетъ.» Послѣ обѣда Аѳанасій Ивановичъ шелъ отдохнуть одинъ часикъ, послѣ чего Пульхерія Ивановна приносила разрѣзанный арбузъ и говорила: «вотъ попробуйте, Аѳанасій Ивановичъ, какой хорошій арбузъ.» — «Да вы не вѣрьте Пульхерія Ивановна, что онъ красный въ серединѣ» говорилъ Аѳанасій Ивановичъ, принимая порядочный ломоть: «бываетъ что и красный да не хорошій.» Но арбузъ немедленно исчезалъ. Послѣ этого Аѳанасій Ивановичъ съѣдалъ еще нѣсколько грушъ и отправлялся погулять по саду, вмѣстѣ съ Пульхеріей Ивановной. Пришедши домой, Пульхерія Ивановна отправлялась по своимъ дѣламъ, а онъ садился подъ навѣсомъ, обращеннымъ къ двору, и глядѣлъ, какъ кладовая безпрестанно показывала и закрывала свою внутренность, и дѣвки, толкая одна другую, то вносили, то выносили кучу всякаго дрязгу въ деревянныхъ ящикахъ, рѣшотахъ, ночевкахъ и въ прочихъ фруктохранилищахъ. Немного погодя, онъ посылалъ за Пульхеріей Ивановной, или самъ отправлялся къ ней и говорилъ: «чего бы такого поѣсть мнѣ, Пульхе-

рія Ивановна?» «Чего же бы такого?» говорила Пульхерія Ивановна: «развѣ я пойду скажу, чтобы вамъ принесли варениковъ съ ягодами, которыхъ приказала я нарочно для васъ оставить?—» «И то добре» отвѣчалъ Аѳанасій Ивановичъ; послѣ чего все это немедленно было приносимо и, какъ водится, съѣдаемо. Передъ ужиномъ Аѳанасій Ивановичъ еще кое-что закушивалъ.

. . . .

Но интереснѣе всего казались для меня старички въ то время, когда бывали у нихъ гости. Тогда все въ ихъ домѣ принимало другой видъ. Эти добрые люди, можно сказать, жили для гостей. Все, что у нихъ было лучшаго, все это выносилось. Они наперерывъ старались угостить васъ всѣмъ, что̀ только производило ихъ хозяйство. Но болѣе всего пріятно мнѣ было то, что во всей ихъ услужливости не было никакой приторности. Это радушіе и готовность такъ кротко выражались на ихъ лицахъ, такъ шли къ нимъ, что по-неволѣ соглашался на ихъ просьбы. Онѣ были слѣдствіе чистой, ясной простоты ихъ добрыхъ, безхитростныхъ лицъ. Это радушіе вовсе не то, съ какимъ угощаетъ васъ чиновникъ казенной палаты, вышедшій въ люди вашими стараніями, называющій васъ благодѣтелемъ и ползающій у ногъ вашихъ. Гость никакимъ образомъ не былъ отпускаемъ въ тотъ же день: онъ долженъ былъ непремѣнно переночевать. «Какъ можно такою поздею порою отправляться въ такую дальнюю дорогу!» всегда говорила Пульхерія Ивановна (гость обыкновенно жилъ въ трехъ или четырехъ верстахъ отъ нихъ). «Конечно» говорилъ Аѳанасій Иванычъ: «неравно всякаго случая: нападутъ разбойники, или другой недобрый человѣкъ.»—Пусть Богъ милуетъ отъ разбойниковъ!» говорила Пульхерія Ивановна: «и къ чему разсказывать этакое на ночь; разбойники, не разбойники, а время темное, негодится совсѣмъ ѣхать. Да и вашъ кучеръ, я знаю вашего кучера, онъ такой тендитный да маленькій, его всякая кобыла побьетъ; да притомъ теперь онъ уже, вѣрно, наклюкался и спитъ гдѣ-нибудь.

И гость долженъ былъ непремѣнно остаться; но, впрочемъ, вечеръ въ низенькой, теплой комнатѣ, радушный, грѣющій и усыпляющій разсказъ, несущійся паръ отъ поданнаго на столъ кушанья, всегда питательнаго и мастерски сготовленнаго, бываетъ для него наградою. Я вижу какъ теперь, какъ Аѳанасій Ивановичъ, согнувшись, сидитъ на стулѣ со всегдашнею своею улыбкой и слушаетъ со вниманіемъ и даже наслажденіемъ гостя! Часто рѣчь заходила и о политикѣ. Гость, тоже весьма рѣдко выѣзжавшій изъ своей деревни, часто съ значительнымъ вниманіемъ и таинственнымъ выраженіемъ лица выводилъ свои догадки и разсказывалъ, что французъ тайно согласился съ англичаниномъ выпустить опять на Россію Бонапарта, или просто разсказывалъ о предстоящей войнѣ, и тогда Аѳанасій Ивановичъ часто говаривалъ, какъ будто не глядя на Пульхерію Ивановну: «Я самъ думаю пойти на войну: почему жъ я не могу итти на войну?» «Вотъ уже и пошелъ!» прерывала Пульхерія Ивановна. «Вы не вѣрьте ему» говорила она, обращаясь къ гостю: «гдѣ уже ему, старому, итти на войну! его первый солдатъ застрѣлитъ! Ей Богу застрѣлитъ! Вотъ такъ-таки прицѣлится и застрѣлитъ»—«Что жъ» говорилъ Аѳанасій Ивановичъ: «и я его застрѣлю.»—«Вотъ слушайте только, что̀ онъ говоритъ?» подхватывала Пульхерія Ивановна: «куда ему итти на войну! И пистоли его давно уже заржавѣли и лежатъ въ коморѣ; если бъ вы ихъ видѣли тамъ, такіе, что прежде еще, нежели выстрѣлятъ, разорветъ ихъ порохомъ. И руки себѣ поотбиваетъ, и лицо искалечитъ и на-вѣки несчастнымъ останется!» — «Что жъ» говорилъ Аѳанасій Ивановичъ: «я куплю себѣ новое вооруженіе; я возьму саблю или казацкую пику.» — «Это все

выдумки; такъ вотъ вдругъ пріідетъ въ голову и начнетъ разсказывать» подхватывала Пульхерія Ивановна съ досадою: «я и знаю, что онъ шутитъ, а все таки непріятно слушать; вотъ этакое онъ всегда говоритъ; иной разъ слушаешь, слушаешь, да и страшно станетъ.» Но Аѳанасій Иванычъ, довольный тѣмъ, что нѣсколько напугалъ Пульхерію Ивановну, смѣялся, сидя согнувшись на своемъ стулѣ.

Жизнь старичковъ проходила однообразно, мирно и счастливо. Наконецъ счастіе ихъ было нарушено самымъ ничтожнымъ приключеніемъ. У Пульхеріи Ивановны была кошечка, къ которой старушка очень привыкла. Какъ то однажды она убѣжала въ лѣсъ, куда ее сманили дикія кошки. Постепенно Пульхерія Ивановна забыла ее. Но однажды любимая кошечка пришла домой, тощая и голодная. Помѣщица покормила ее. Та поѣла съ жадностью—и снова ушла.

Задумалась старушка: «Это смерть моя приходила за мною!» сказала она сама себѣ и ничто не могло ее разсѣять: весь день она была скучна. Напрасно Аѳанасій Ивановичъ шутилъ и хотѣлъ узнать, отчего она такъ вдругъ загрустила: Пульхерія Ивановна была безотвѣтна, или отвѣчала совершенно не такъ, что можно было удовлетворить Аѳанасія Ивановича. На другой день она замѣтно похудѣла.

«Что это съ вами, Пульхерія Ивановна? Ужъ не больны ли вы?»

«Нѣтъ, я не больна, Аѳонасій Ивановичъ! я хочу вамъ объяснить одно особенное происшествіе; я знаю, что я этого лѣта умру; смерть моя уже приходила за мною!»

Уста Аѳанасія Ивановича какъ-то болѣзненно искривились; онъ хотѣлъ однакожъ побѣдить въ душѣ своей грустное чувство и, улыбнувшись, сказалъ: «Богъ знаетъ, что̀ вы говорите, Пульхерія Ивановна; вы вѣрно, вмѣсто декохта, что часто пьете, выпили персиковой.»

«Нѣтъ, Аѳанасій Ивановичъ, я не пила персиковой» сказала Пульхерія Ивановна».

И Аѳанасію Ивановичу сдѣлалось жалко, что онъ такъ пошутилъ надъ Пульхеріей Ивановной, и онъ смотрѣлъ на нее, и слеза повисла на его рѣсницѣ.

«Я прошу васъ, Аѳанасій Ивановичъ, чтобы вы исполнили мою волю,» сказала Пульхерія Ивановна: «когда я умру, то похороните меня возлѣ церковной ограды. Платье надѣньте на меня сѣренькое, то, что съ небольшими цвѣточками по коричневому полю; атласнаго платья, что съ малиновыми полосками, не надѣвайте на меня: мертвой уже не нужно платье—на что оно ей? а вамъ оно пригодится: изъ него сошьете себѣ парадный халатъ наслучай, когда пріѣдутъ гости, то чтобы можно было вамъ прилично показаться и принять ихъ.»

«Богъ знаетъ, что вы говорите Пульхерія Ивановна!» говорилъ Аѳанасій Ивановичъ: «когда - то еще будетъ смерть, а вы уже стращаете такими словами.»

«Нѣтъ, Аѳанасій Ивановичъ, я уже знаю, когда моя смерть. Вы однакожъ не горюйте за мною: я уже старуха, и довольно пожила, да и вы уже стары, мы скоро увидимся на томъ свѣтѣ.»

Но Аѳанасій Ивановичъ рыдалъ, какъ ребенокъ.

«Грѣхъ плакать, Аѳанасій Ивановичъ. Не грѣшите и Бога не гнѣвите своею печалью. Я не жалѣю о томъ, что умираю, объ одномъ только жалѣю я (тяжелый вздохъ прервалъ на минуту рѣчь ея), я жалѣю о томъ, что не знаю, на кого оставить васъ, кто присмотритъ за вами, когдя я умру. Вы какъ дитя маленькое: нужно, чтобы любило васъ то, которое будетъ ухаживать за вами.» При этомъ на лицѣ ея выразилась такая глубокая, такая сокрушительная сердечная жалость, что я не знаю, могъ ли бы кто-нибудь въ то время глядѣть на нее равнодушно.

«Смотри мнѣ, Явдоха» говорила она, обращаясь къ ключницѣ, которую нарочно велѣла позвать: »когда я умру, чтобы

ты глядѣла за паномъ, чтобы берегла его, какъ глаза своего, какъ свое родное дитя. Гляди, чтобы на кухнѣ готовилось то̀, что онъ любитъ; чтобы бѣлье и платье ты ему подавала всегда чистое; чтобы, когда гости случатся, ты принарядила его прилично, а то, пожалуй, онъ иногда выйдетъ въ старомъ халатѣ, потому-что и теперь часто позабываетъ онъ, когда бываетъ праздничный день, а когда будничный. Не своди съ него глазъ, Явдоха; я буду молиться за тебя на томъ свѣтѣ, и Богъ наградитъ тебя; не забывай же, Явдоха; ты уже стара, тебѣ недолго жить: не набирай грѣха на душу. Когда же не будешь за нимъ присматривать, то не будетъ тебѣ счастья на свѣтѣ; я сама буду просить Бога, чтобы не давалъ тебѣ благополучной кончины: И сама ты будешь несчастна, и дѣти твои будутъ несчастны, и весь родъ вашъ не будетъ имѣть ни въ чемъ благополучія Божія.»

Наконецъ она умерла. Мужъ былъ сильно пораженъ. Смерть спутницы долгой жизни потрясла все его существо. Онъ сдѣлался грустнѣе, задумчивѣе, часто плакалъ, какъ ребенокъ, и все думалъ о Пульхерьѣ Ивановнѣ. Однажды, во время прогулки по саду, ему показалось, что его зоветъ Пульхерія Ивановна. Бѣдный старикъ сталъ думать о смерти и наконецъ сошелъ въ могилу, куда звала его покойная жена.

Тарасъ Бульба. (1842).

СОДЕРЖАНІЕ.

Эта повѣсть состоитъ изъ двѣнадцати главъ. Содержаніе ея слѣдующее. 1-я глава: Къ старому малороссійскому полковнику, Тарасу Бульбѣ, пріѣзжаютъ его сыновья, учившіеся въ Кіевской духовной академіи.—Бульба дѣлаетъ имъ пріемъ, по нашимъ понятіямъ, странный, но совершенно въ духѣ того времени. Отецъ хочетъ везти дѣтей своихъ въ Сѣчь—учиться казацкой жизни. За тѣмъ слѣдуетъ характеристика Тараса и вообще казачества того времени. Здѣсь же выступаетъ на сцену, чтобы снова въ этой же главѣ сойти съ нея, жена Бульбы, мать Остапа и Андрія, и по поводу ея горькой участи рисуется безотрадное положеніе женщины въ древней Украйнѣ вообще. Наконецъ, послѣ приготовленій къ отъѣзду, описывается отъѣздъ отца и сыновей въ Сѣчь. 2-я глава: Жизнь Остапа и Андрія въ Кіевѣ, въ бурсѣ, и случай, имѣвшій такое огромное вліяніе на всю жизнь Андрія. Картина степи днемъ, вечеромъ и ночью. Въѣздъ въ Сѣчь. Предмѣстіе ея. Самая Сѣчь. 3-я глава: Характеръ населенія въ Сѣчи. Устройство ея. Жизнь въ Сѣчи. Рада. Избраніе новаго кошеваго. 4-я глава: Приготовленія къ набѣгу. Сѣчь выступаетъ въ походъ. 5-я глава: Походъ. Грабежи и истребленія. Первыя битвы. Осада Дубно: 6-я глава: Андрій въ осажденномъ городѣ. Измѣна Андрія. 7-я глава: Рѣчи Кукубенки и кошеваго къ казакамъ. Приготовленія къ битвѣ. Тарасъ узнаетъ отъ жида Янкеля объ измѣнѣ сына. Начало битвы. Вылазка изъ крѣпости. Подвигъ Поповича, Кукубенки, участь Кобиты и Бородатаго. Выборъ Остапа въ атаманы. Побѣда казаковъ. Печаль Бульбы. 8-я глава: Вѣсти изъ Сѣчи. Раздѣленіе казацкаго войска, Рѣчи кошеваго, Бульбы и Бовдюга. Тарасъ угощаетъ и воодушевляетъ казаковъ передъ битвой. 9-я глава: Рѣчь Бульбы къ казакамъ. Начало битвы. Отпоръ казаковъ. Подвиги Мосея, Шила, Гуски, Балабана, Кукубенки. Выѣздъ Андрія. Смерть его. Плѣнъ Остапа. Тарасъ раненъ. Казаки побѣждены. 10-я глава: Возвращеніе Тараса въ Украйну. Его печаль. Прибытіе его въ Умань и переговоры съ Янкелемъ. 11-я глава: Тарасъ въ Варшавѣ. Жиды помогаютъ ему. Посѣщеніе Тарасомъ тюрьмы. Неудача. Казнь Остапа. 12-я глава: Война съ Поляками. Отдѣленіе Тараса и его полка отъ Гетманскаго войска. Подвиги Бульбы въ Польшѣ. Плѣнъ и послѣднія минуты Тараса. Спасеніе его казаковъ.

(Изъ Пособія Сосненкаго.)

ПРІѢЗДЪ СЫНОВЕЙ БУЛЬБЫ И ИХЪ ОТПРАВЛЕНІЕ ВЪ ЗАПОРОЖСКУЮ СѢЧЬ.

— А поворотись, сынку! цуръ тебѣ, какой ты смѣшной! Что это на васъ за поповскіе подрясники? И эдакъ всѣ ходятъ въ академіи?

Такими словами встрѣтилъ старый Бульба двухъ сыновей своихъ, учившихся въ Кіевской бурсѣ и пріѣхавшихъ уже на домъ къ отцу.

Сыновья его только что слѣзли съ коней. Это были два дюжіе молодца, еще смотрѣвшіе изъ-подъ-лобья, какъ недавно выпущенные семинаристы. Крѣпкія, здоровыя лица ихъ были покрыты первымъ пухомъ волосъ, котораго еще не касалась бритва. Они были очень сконфужены такимъ пріемомъ отца и стояли неподвижно, потупивъ глаза въ землю.

— Постойте, постойте дѣти, продолжалъ онъ, поворачивая ихъ: какія же длинныя на васъ свитки ([1]). Вотъ это свитки! Ну, ну, ну! такихъ свитокъ еще никогда на свѣтѣ не было! А ну, побѣгите оба: я посмотрю, не попадаете ли вы?

— Не смѣйся, не смѣйся, батьку! сказалъ наконецъ старшій изъ нихъ.

— Фу, ты какой пышный! а отчего жъ бы не смѣяться?

— Да такъ. Хоть ты мнѣ батько, а какъ будешь смѣяться, то, ей Богу, поколочу!

— Ахъ ты, сякой, такой сынъ! Какъ! батьку? сказалъ Тарасъ Бульба, отступивши съ удивленіемъ нѣсколько назадъ.

— Да хоть батька. За обиду не посмотрю и не уважу никого.

— Какъ же ты хочешь со мною биться? развѣ на кулаки?

— Да ужъ на чемъ бы то ни было.

— Ну, давай на кулаки! говорилъ Бульба, засучивъ рукава. —И отецъ съ сыномъ, вмѣсто привѣтствія послѣ давней отлучки, начали преусердно колотить другъ друга.

— Вотъ это сдурѣлъ старый! говорила блѣдная, худощавая и добрая мать ихъ, стоявшая у порога и не успѣвшая еще обнять ненаглядныхъ дѣтей своихъ.

— Ей Богу, сдурѣлъ! Дѣти пріѣхали домой, больше году не видѣли ихъ, а онъ задумалъ Богъ знаетъ что: биться на кулачки!

— Да онъ славно бьется! говорилъ Бульба, остановившись. Ей Богу, хорошо!... такъ таки, продолжалъ онъ, немного оправляясь, хоть бы и не пробовать. Добрый будетъ казакъ! Ну, здоровъ, сынку! почеломкаемся!

И отецъ съ сыномъ начали цѣловаться. «Добре, сынку! Вотъ такъ колоти всякаго, какъ меня тузилъ; никому не спускай! А все-таки на тебѣ смѣшное убранство. Что это за веревка виситъ? А ты, бейбасъ, что стоишь и руки опустилъ?» говорилъ онъ, обращаясь къ младшему. «Что жъ ты, собачій сынъ, не колотишь меня?»

— Вотъ еще выдумалъ что! говорила мать, обнимавшая между тѣмъ младшаго. И придетъ же въ голову! Какъ можно, чтобы дитя било роднаго отца? При томъ будто до того теперь: дитя малое, проѣхало столько пути, утомилось (это дитя было двадцати слишкомъ лѣтъ и ровно въ сажень ростомъ); ему бы теперь нужно отпочить и поѣсть чего-нибудь; а онъ заставляетъ биться!

— Э, да ты мазунчикъ, какъ я вижу! говорилъ Бульба. Неслушай, сынку, матери: она баба; она ничего не знаетъ. Какая вамъ нѣжба? Ваша нѣжба— чисто поле да добрый конь; вотъ ваша нѣжба! А видите вотъ эту саблю? вотъ ваша матерь! Это все дрянь, чѣмъ набиваютъ васъ: и академія, и всѣ тѣ книжки, букварн и философія, все это *ка зна що*, я плевать на все это!— Бульба присовокупилъ еще одно слово, которое въ печати нѣсколько вырази-

([1]) Свиткой называется верхняя одежда у Малороссіянъ.

тельно, и потому его можно пропустить. Я васъ на той же недѣлѣ отпрвляю въ Запорожье. Вотъ вамъ ваша школа! вотъ тамъ только наберетесь разуму!

«И только всего одну недѣлю быть имъ дома?» говорила жалостно, со слезами на глазахъ, худощавая старуха-мать. «И погулять имъ, бѣднымъ, не удастся, и дому родного некогда будетъ узнать имъ, и мнѣ не удастся наглядѣться на нихъ!»

— Полно, полно, старуха! Казакъ не на то, чтобы возиться съ бабами. Ступай скорѣе да неси намъ все, что ни есть, на столъ. Пампушекъ, маковниковъ, медовиковъ и другихъ пундиковъ не нужно, а прямо такъ и тащи намъ цѣлаго барана на столъ. Да горилки, чтобы горилки было побольше! Не этой разной, что съ выдумками: съ изюмомъ, родзинками и другими вытребеньками, а чистой горилки, настоящей, такой чтобы шипѣла, какъ бѣсъ!

Бульба повелъ сыновей своихъ въ свѣтлицу. Все въ свѣтлицѣ было убрано во вкусѣ того времени; а время это касалось XVI вѣка, когда еще только что начала рождаться мысль объ Уніи. Все было чисто, вымазано глиною. Вся стѣна была убрана саблями и ружьями. Окна въ свѣтлицѣ были маленькія, съ круглыми матовыми стеклами, какія встрѣчаются нынѣ только въ старинныхъ церквахъ. На полкахъ, занимавшихъ углы комнаты и вдѣланныхъ угольниками, стояли глиняные кувшины, синія и зеленыя фляжки, серебряные кубки, позолоченныя чарки Венеціянской, Турецкой и Черкесской работы, зашедшіе въ свѣтлицу Бульбы разными путями, чрезъ третьи и четвертыя руки, что было очень обыкновенно въ эти удалыя времена. Липовыя скамьи вокругъ всей комнаты и огромный столъ посреди ея, печь, разъѣхавшаяся на полкомнаты, какъ толстая Русская купчиха, съ какими-то нарисованными пѣтухами на изразцахъ—всѣ эти предметы были довольно знакомы нашимъ двумъ молодцамъ, приходившимъ почти каждый годъ домой на каникулярное время, приходившимъ потому, что у нихъ не было еще коней, и потому, что не было въ обычаѣ позволять школярамъ ѣздить верхомъ. У нихъ были только длинные чубы, за которые могъ выдрать ихъ всякой казакъ, носившій оружіе. Бульба, только при выпускѣ, послалъ имъ изъ табуна своего пару молодыхъ жеребцовъ.

— Ну, сынки! прежде всего выпьемъ горилки! Боже, благослови! Будьте здоровы, сынки: и ты, Остапъ, и ты, Андрій! Дай же, Боже, чтобы вы войнѣ всегда были ли удачливы! чтобы басурмановъ били, и Турковъ бы били, и Татарву бы били; когда и Ляхи начнутъ что противъ вѣры нашей чинить, то и Ляховъ бы были! Ну, подставляй свою чарку. Что, хороша горилка? А какъ по Латыни—горилка? То-то, сынку, дурни были Латынцы: они и не знали, есть ли на свѣтѣ горилка. Какъ-бишь того звали, что Латынскіе вирши писалъ? Я грамоты-то не слишкомъ разумѣю, то и не помню: Горацій, кажется?»

«Вишъ какой батько!« подумалъ про себя старшій сынъ, Остапъ; «все собака знаетъ, а еще и прикидывается.»

— Я думаю, архимандритъ, продолжалъ Бульба, не давалъ вамъ и понюхать горилки. А что, сынки, признайтесь, порядочно васъ стегали березовыми да вишневыми по спинѣ и по всему? а можетъ, такъ какъ вы уже слишкомъ разумные, и плетюгами? Я думаю, кромѣ суботки, драли васъ и по средамъ, и по четвергамъ!

— Нечего, батько? вспоминать, говорилъ Остапъ съ обыкновеннымъ своимъ флегматическимъ видомъ:— что было, то уже прошло.

— Теперь мы можемъ расписать всякаго говорилъ Андрій,—саблями да пиками. Вотъ пусть только попадется Татарва.

— Добре, сынку! ей Богу, добре! да когда такъ, то и я съ вами ѣду! ей Богу ѣду! Какого дьявола мнѣ здѣсь ожидать? Что? я долженъ смотрѣть за хлѣбомъ да за свинарями? или бабиться съ женою? Чтобъ она пропала! Чтобъ я для ней оставался дома? Я казакъ! я

не хочу! Такъ что же, что нѣтъ войны! я такъ поѣду съ вами на Запорожье, погулять. Ей Богу ѣду!—И старый Бульба мало-по-малу горячился и наконецъ разсердился совсѣмъ, всталъ изъ за стола и, пріосанившись, топнулъ ногой. — Завтра же ѣдемъ! Зачѣмъ откладывать? Какого врага мы можемъ здѣсь высидѣть? На что намъ эта хата? къ чему намъ все это? на что горшки?—При этомъ Бульба началъ колотить и швырять горшки и фляжки.

Бѣдная старушка жена, привыкшая уже къ такимъ поступкамъ своего мужа, печально глядѣла, сидя на лавкѣ. Она не смѣла ничего говорить, но, услышавши о такомъ страшномъ для нея рѣшеніи, она не могла удержаться отъ слезъ; взглянула на дѣтей своихъ, съ которыми угрожала такая скорая разлука—и никто бы не могъ описать всей безмолвной силы ея горести, которая, казалось, трепетала въ глазахъ ея и въ судорожно сжатыхъ губахъ.

Бульба былъ упрямъ страшно. Это былъ одинъ изъ тѣхъ характеровъ, которые могли только возникнуть въ грубый XV вѣкъ, и притомъ на полукочующемъ востокѣ Европы, вовремя праваго и неправаго понятія о земляхъ, сдѣлавшихся какимъ то спорнымъ, нерѣшеннымъ владѣніемъ, къ какимъ принадлежала тогда Украйна.. Вѣчная необходимость пограничной защиты противъ трехъ разнохарактерныхъ націй—все это придавало какой-то вольный, широкій размѣръ подвигамъ сыновъ ея и воспитало упрямство духа. Это упрямство духа отпечаталось во всей силѣ на Тарасѣ Бульбѣ. Когда Баторій устроилъ полки въ Малороссіи и облекъ ее въ ту воинственную арматуру, которою сперва означены были одни обитатели пороговъ, онъ былъ изъ числа первыхъ полковниковъ, но при первомъ случаѣ перессорился со всѣмъ другими за то, что добыча, пріобрѣтенная отъ Татаръ соединенными Польскими и казацкими войсками, была раздѣлена между ими не по ровну и Польскія войска получили болѣе преимущества.

Онъ въ собраніи всѣхъ сложилъ съ себя достоинство и сказалъ: «Когда вы, господа полковники, сами не знаете правъ своихъ, то пусть же васъ чортъ водитъ за носъ! А я наберу себѣ собственный полкъ, и кто у меня вырветъ мое, тому я буду знать, какъ утереть губы!»

Дѣйствительно онъ въ непродолжительное время изъ своего же отцовскаго имѣнія составилъ довольно значительный отрядъ,—который состоялъ вмѣстѣ изъ хлѣбопашцевъ и воиновъ, и совершенно покорствовался его желанію. Вообще былъ охотникъ до набѣговъ и бунтовъ; онъ носомъ слышалъ, гдѣ и въ какомъ мѣстѣ вспыхивало возмущеніе, какъ снѣгъ на голову, являлся на конѣ своемъ. «Ну, дѣти! что и какъ! кого и за что нужно бить?» обыкновенно говорилъ онъ и вмѣшивался въ дѣло. Однакожъ, прежде всего, онъ строго разбиралъ обстоятельства и въ такомъ только случаѣ приставалъ, когда видѣлъ, что поднявшіе оружіе дѣйствительно имѣли право поднять его, хотя это право было, по его мнѣнію, только въ слѣдующихъ случаяхъ: если сосѣдняя нація угоняла скотъ, или отрѣзывала часть земли, или коммисары налагали большую повинность, или не уважали старшинъ и говорили передъ ними въ шапкахъ, или посмѣвались надъ православною вѣрою; въ этихъ случаяхъ непремѣнно нужно было браться за саблю; противъ бусурмановъ же, Татаръ и Турокъ, онъ почиталъ во всякое время справедливымъ поднять оружіе, во славу Божію, христіанства и казачества.

Тогдашнее положеніе Малороссіи, еще не сведенное ни въ какую систему, даже не приведенное въ извѣстность, способствовало существованію многихъ совершенно отдѣльныхъ партизановъ. Жизнь велъ онъ самую простую, и его нельзя бы было вовсе отличить отъ рядоваго казака, еслибы лицо его не сохраняло какой-то повелительности и даже величія, особливо, когда онъ рѣшался защитить что-нибудь.

Бульба заранѣе утѣшалъ себя мыслію о томъ, какъ онъ явится теперь съ двумя сыновьями и скажетъ: «Вотъ посмотрите, какихъ я къ вамъ молодцовъ привелъ!» Онъ думалъ о томъ, какъ повезетъ ихъ на Запорожье—эту военную школу тогдашней Украйны, представитъ своимъ товарищамъ и поглядитъ, какъ при его глазахъ они будутъ подвизаться въ ратной наукѣ и бражничествѣ, которое онъ почиталъ тоже однимъ изъ первыхъ достоинствъ рыцаря. Онъ въ началѣ хотѣлъ отправить ихъ однихъ, потому что считалъ необходимостію заняться новою сформировкою полка, требовавшей его присутствія; но при видѣ своихъ сыновей, рослыхъ и здоровыхъ, въ немъ вдругъ вспыхнулъ весь воинскій духъ его, и онъ рѣшился самъ съ ними ѣхать на другой же день, хотя необходимость этого была одна только упрямая воля.

Не теряя ни минуты, онъ уже началъ отдавать приказанія своему эсаулу, котораго называлъ Товкачемъ, потому что тотъ дѣйствительно похожъ былъ па какую-то хладнокровную машину: во время битвы онъ равнодушно шелъ по непріятельскимъ рядамъ, разчищая своею саблею, какъ-будто бы мѣсилъ тѣсто,—какъ кулачный боецъ, прочищающій себѣ дорогу. Приказанія состояли въ томъ, чтобы оставаться ему въ хуторѣ, покамѣстъ онъ дастъ знать ему выступить въ походъ. Послѣ этого пошелъ онъ самъ по куренямъ своимъ, раздавая приказанія нѣкоторымъ ѣхать съ собою, напоить лошадей, накормить ихъ пшеницею и подать себѣ коня, котораго онъ обыкновенно называлъ чортомъ.

—Ну, дѣти, теперь надобно спать, а завтра будемъ дѣлать то, что Богъ дастъ. Да не стели намъ постель! Намъ не нужна постель: мы будемъ спать на дворѣ.

Ночь еще только-что обняла небо; но Бульба всегда ложился рано. Онъ развалился на коврѣ, накрылся бараньимъ тулупомъ, потому что ночной воздухъ былъ довольно свѣжъ и потому что Бульба любилъ укрыться потеплѣе, когда былъ дома. Онъ вскорѣ захрапѣлъ, и за нимъ послѣдовалъ весь дворъ. Все, что ни лежало въ разныхъ его углахъ, захрапѣло и запѣло. Прежде всего заснулъ сторожъ, потому что болѣе всѣхъ напился для пріѣзда паничей.

Одна бѣдная мать не спала. Она приникла къ изголовью дорогихъ сыновей своихъ, лежавшихъ рядомъ. Она расчесывала гребнемъ ихъ молодыя, небрежно всклоченныя кудри и смачивала ихъ слезами. Она глядѣла на нихъ вся, глядѣла всѣми чувствами, вся превратилась въ одно зрѣніе и не могла наглядѣться. Она вскормила ихъ собственною грудью; она возрастила, взлелѣяла ихъ—и только на одинъ мигъ видитъ ихъ передъ собою. «Сыны мои, сыны мои милые! что будетъ съ вами? что ждетъ васъ? Хоть бы недѣльку мнѣ поглядѣть на васъ!» говорила она, и слезы остановились въ морщинахъ, измѣнившихъ ея когда-то прекрасное лицо.

Въ самомъ дѣлѣ она была жалка, какъ всякая женщина того удалаго вѣка. Она мигъ только жила любовью, только въ первую горячку страсти, въ первую горячку юности, и уже суровый прельститель ея покидалъ ее для сабли, для товарищей, для бражничества. Она видѣла мужа въ годъ два, три дня, и потомъ нѣсколько лѣтъ не было о немъ слуха. Да и когда видѣлась съ нимъ, когда они жили вмѣстѣ, что за жизнь ея была? Она терпѣла оскорбленія, даже побои; она видѣла изъ милости только оказываемыя ласки; она была какое-то странное существо въ этомъ сборищѣ безженныхъ рыцарей, на которыхъ разгульное Запорожье набрасывало суровый колоритъ свой. Молодость безъ наслажденія мелькнула передъ нею, и ея прекрасныя свѣжія щеки безъ лобзаній отцвѣли и покрылись преждевременными морщинами. Вся любовь, всѣ чувства, все, что есть нѣжнаго и страстнаго въ женщинѣ, все обратилось у ней

въ одно материнское чувство. Она съ жаромъ, съ страстью, съ слезами, какъ степная чайка, вилась надъ дѣтьми своими. Ея сыновей, ея милыхъ сыновей берутъ отъ нея, берутъ для того, чтобы не увидѣть ихъ никогда. Кто знаетъ? можетъ быть, при первой битвѣ Татаринъ срубитъ имъ головы, и она не будетъ знать, гдѣ лежатъ брошенныя тѣла ихъ, которыя расклюетъ хищная подорожная птица и за каждый кусочекъ которыхъ, за каждую каплю крови, она отдала бы все! Рыдая глядѣла она имъ въ очи, которыя всемогущій сонъ начиналъ уже смыкать, и думала. «Авось-либо Бульба, проснувшись, отсрочитъ денька на два отъѣздъ! Можетъ быть, онъ задумалъ оттого такъ скоро ѣхать, что много выпилъ».

Мѣсяцъ съ вышины неба давно уже озарялъ весь дворъ, наполненный спящими, густую кучу вербъ и высокій бурьянъ, въ которомъ потонулъ частоколъ, окружавшій дворъ. Она все сидѣла въ головахъ милыхъ сыновей своихъ, ни на минуту не сводила съ нихъ глазъ своихъ и не думала о снѣ.

Уже кони, зачуя разсвѣтъ, всѣ полегли на траву и перестали ѣсть; верхніе листья вербъ начали лепетать и мало-помалу лепечущая струя спустилась по нимъ до самаго низу. Она просидѣла до самаго свѣта, вовсе не была утомлена и внутренно желала, чтобы ночь протянулась какъ можно дольше. Со степи понеслось звонкое ржаніе жеребенка. Красныя полосы ясно сверкнули на небѣ.

Бульба вдругъ проснулся и вскочилъ. Онъ очень хорошо помнилъ все, что приказывалъ вчера.

—Ну, хлопцы, полно спать! пора! Напойте коней! А гдѣ стара? (такъ онъ обыкновенно называлъ жену свою). Живѣе, стара, готовь намъ ѣсть, потому что путь великій лежитъ!—

Бѣдная старушка, лишенная послѣдней надежды, уныло поплелась въ хату. Между тѣмъ какъ она со слезами готовила все, что нужно къ завтраку, Бульба раздавалъ свои приказанія, возился на конюшнѣ и самъ выбиралъ для дѣтей свои лучшія убранства. Бурсаки вдругъ преобразились: на нихъ явились, вмѣсто прежнихъ запачканныхъ сапоговъ, сафьянные красные, съ серебряными подковами; шаровары, шириною въ Черное море, съ тысячью складокъ и со сборами, перетянулись золотымъ очкуромъ; къ очкуру прицѣплены были длинные ремешки съ кистями и прочими побрякушками для трубки; казакинъ алаго цвѣта, сукна яркаго, какъ огонь, опоясался узорчатымъ поясомъ; чеканные Турецкіе пистолеты были задвинуты за поясъ; сабля брякала по ногамъ ихъ. Ихъ лица, еще мало загорѣвшія, казалось, похорошѣли и побѣлѣли: молодые черные усы теперь какъ-то ярче оттѣняли бѣлизну ихъ и здоровый мощный цвѣтъ юности; они были хороши подъ черными бараньими шапками съ золотымъ верхомъ.

Бѣдная мать! она, какъ увидѣла ихъ, она и слова не могла промолвить, и слезы остановились въ глазахъ ея.

—Ну, сыны, все готово! нечего мѣшкать! произнесъ наконецъ Бульба.—Теперь, по обычаю христіанскому, нужно передъ дорогою всѣмъ присѣсть.

Всѣ сѣли, не выключая даже и хлопцевъ, стоявшихъ почтительно у дверей,

—Теперь благослови, мать, дѣтей своихъ! сказалъ Бульба.—Моли Бога, чтобы они воевали храбро, защищали бы всегда честь рыцарскую, чтобы стояли всегда за вѣру Христову; а не то пусть лучше пропадутъ, чтобы и духу ихъ не было на свѣтѣ! Подойдите, дѣти, къ матери: молитва материнская и на водѣ, и на огнѣ спасаетъ.

Мать, слабая, какъ мать, обняла ихъ, вынула двѣ небольшія иконы, надѣла имъ, рыдая, на шею.

— Пусть хранитъ васъ... Божья Матерь... не забывайте, сынки, мать вашу... пришлите хоть вѣсточку о себѣ... Далѣе она не могла говорить.

— Ну, пойдемъ, дѣти! сказалъ Бульба.

У крыльца стояли осѣдланые кони. Бульба вскочилъ на своего черта, который бѣшено отшатнулся, почувствовавъ на себѣ двадцатипудовое бремя, потому что Бульба былъ чрезвычайно тяжолъ и толстъ.

Когда увидѣла мать, что и сыны ея сѣли на коней, она кинулась къ меньшему, у котораго въ чертахъ лица выражалось болѣе какой-то нѣжности; она схватила за стремя, она прилипнула къ сѣдлу его и, съ отчаяньемъ во всѣхъ чертахъ, не выпускала его изъ рукъ своихъ. Два дюжихъ казака взяли ее бережно и унесли въ хату. Но когда выѣхали они за ворота, она, со всею легкостію дикой козы, не сообразной ея лѣтамъ, выбѣжала за ворота, съ непостижимою силою остановила лошадь и обняла одного изъ нихъ съ какою-то помѣшанною безчувственною горячностью.

Ее опять увели.

Молодые казаки ѣхали смутно и удерживали слезы, боясь отца своего, который, однакоже былъ нѣсколько смущенъ, хотя не старался этого показывать. День былъ сѣрый; зелень сверкала ярко; птицы щебетали какъ-то въ разладъ. Они, проѣхавши, оглянулись назадъ. Хуторъ ихъ какъ будто ушелъ въ землю; только стояли на землѣ двѣ трубы отъ ихъ скромнаго домика; одни только вершины деревъ, деревъ, по сучьямъ которыхъ они лазили какъ бѣлки; одинъ только дальній лугъ еще остался передъ ними, тотъ лугъ, по которому они могли припомнить всю исторію жизни, отъ лѣтъ, когда катались по росистой травѣ его. Вотъ уже одинъ только шестъ надъ колодцемъ, съ привязаннымъ вверху колесомъ отъ телѣги, одиноко торчитъ на небѣ; уже равнина, которую они проѣхали, кажется издали горою и все собою закрыла. Прощайте и дѣтство, и игры, и все, и все!

СТЕПИ И ЗАПОРОЖСКАЯ СѢЧЬ.

Степь, чѣмъ далѣе, тѣмъ становилась прекраснѣе. Тогда весь югъ, все то пространство, которое составляетъ нынѣшнюю Новороссію, до самогоЧернаго моря, было зеленою дѣвственною пустынею. Никогда плугъ не проходилъ по неизмѣримымъ волнамъ дикихъ растеній. Одни только кони, скрывавшіеся въ нихъ, какъ въ лѣсу, вытаптывали ихъ. Ничто въ природѣ не могло быть лучше ихъ. Вся поверхность земли представлялась зеленозолотымъ океаномъ, по которому брызнули милліоны разныхъ цвѣтовъ. Сквозь тонкіе, высокіе стебли травы сквозили голубые, синіе и лиловые волошки; желтый дрокъ выскакивалъ вверхъ своею пирамидальною верхушкою; бѣлая кашка зонтико-образными шапками пестрѣла на поверхности; занесенный Богъ знаетъ откуда колосъ пшеницы наливался въ гущѣ. Подъ тонкими ихъ корнями шныряли куропатки, вытянувъ свои шеи. Воздухъ былъ наполненъ тысячью разныхъ птичьихъ свистовъ. Въ небѣ неподвижно стояли цѣлою тучею ястребы, распластавъ свои крылья и неподвижно устремивъ глаза свои въ траву. Крикъ двигавшейся въ сторонѣ тучи дикихъ гусей отдавался Богъ знаетъ въ какомъ дальнемъ озерѣ. Изъ травы подымалась мѣрными взмахами чайка и роскошно купалась въ синихъ волнахъ воздуха. Вонъ она пропала въ вышинѣ и только мелькаетъ черною точкою. Вотъ она перевернулась крылами и блеснула передъ солнцемъ. Чортъ васъ возьми, степи, какъ вы хороши!.

Наши путешественники нѣсколько минутъ только останавливались для обѣда; при чемъ ѣхавшій съ ними отрядъ, изъ десяти казаковъ, слѣзалъ съ лошадей, отвязывалъ деревянныя баклажки съ горилкою и тыквы, употребляемыя вмѣсто сосудовъ. Ѣли только хлѣбъ съ саломъ, или коржи, пили только по одной чаркѣ, единственно для подкрѣпленія, потому что Тарасъ Бульба не позволялъ никогда напиваться въ дорогѣ, и продолжали путь до вечера.

Вечеромъ вся степь совершенно перемѣнялась. Все пестрое пространство ея охватывалось послѣднимъ яркимъ отблескомъ солнца и постепенно темнѣло, такъ что видимо было, какъ тѣнь пробѣгала по нимъ и они становились темнозелеными; испаренія подымались гуще; каждый цвѣтокъ, каждая травка испускала амбру и вся степь курилась благовоніемъ. По небу, изголуба-темному, какъ будто исполинскою кистью наляпаны были широкія полосы изъ розоваго золота; изрѣдка бѣлѣли клоками легкія прозрачныя облака, и самый свѣжій, обольстительный, какъ и морскія волны, вѣтерокъ едва колыхался по верхушкамъ травы и чуть дотрогивался къ щекамъ. Вся музыка, наполнявшая день, утихала и смѣнялась другою. Пестрые овражки выпалзывали изъ норъ своихъ, становились на заднія лапки и оглашали степь свистомъ. Трещаніе кузнечиковъ становилось слышнѣе. Иногда слышался изъ какого-нибудь уединеннаго озера крикъ лебедя и, какъ серебро, отдавался въ воздухѣ. Путешественники, остановившись среди полей, избирала ночлегъ; раскладывали огонь и ставили на него котелъ, въ которомъ варили себѣ кулишъ; паръ отдѣлялся и косвенно дымился на воздухѣ. Поужинавъ, казаки ложились спать, пустивши по травѣ спутанныхъ коней своихъ. Они раскидывались на свиткахъ.

На нихъ прямо глядѣли ночныя звѣзды. Они слышали своимъ ухомъ весь безчисленный міръ насѣкомыхъ, наполнявшихъ траву; весь ихъ трескъ, свистъ, карканье, все это звучно раздавалось среди ночи, очищалось въ свѣжемъ ночномъ воздухѣ и доходило до слуха гармоническимъ. Если же кто-нибудь изъ нихъ подымался и вставалъ на время, то ему представлялась степь усѣянною блестящими искрами свѣтящихся червей. Иногда ночное небо въ разныхъ мѣстахъ освѣщалось дальнимъ заревомъ отъ выжигаемаго по лугамъ и рѣкамъ сухаго тростника, и темная вереница лебедей, летѣвшихъ на сѣверъ, вдругъ освѣщалась серебрно-розовымъ свѣтомъ, и тогда казалось, что красные платки летали по темному небу.

Путешественники ѣхали безъ всякихъ приключеній. Нигдѣ не попадались имъ деревья; все та же безконечная, вольная, прекрасная степь. По временамъ только въ сторонѣ синѣли верхушки отдаленнаго лѣса, тянувшагося по берегамъ Днѣпра. Одинъ только разъ Тарасъ указалъ сыновьямъ на маленькую чернѣвшую въ дальней травѣ точку, сказавши: «Смотрите, дѣтки, вонъ скачетъ Татаринъ!»

Маленькая головка съ усами уставила издали прямо на нихъ узенькіе глаза свои, понюхала воздухъ, какъ гончая собака, и, какъ серна, пропала, увидѣвши, что казаковъ было тринадцать человѣкъ.

— А ну, дѣти, попробуйте догнать Татарина!... И не пробуйте; во вѣки не поймаете: у него конь быстрѣе моего чорта.

Однакожъ Бульба взялъ предосторожность, опасаясь гдѣ-нибудь скрывшейся засады. Они прискакали къ небольшой рѣчкѣ, называвшейся Татаркою, впадающею въ Днѣпръ, кинулись въ воду съ конями своими и долго плыли по ней, чтобы скрыть слѣдъ свой, и тогда уже, выбравшись на берегъ, они продолжали далѣе путь.

Черезъ три дня послѣ этого они были уже недалеко отъ мѣста, служившаго предметомъ ихъ поѣздки. Въ воздухѣ вдругъ захолодѣло; они почувствовали близость Днѣпра. Вотъ онъ сверкаетъ вдали и темною полосою отдѣлился отъ горизонта. Онъ вѣялъ холодными волнами и разстилался ближе, ближе, и наконецъ обхватилъ половину всей поверхности земли. Это было то мѣсто Днѣпра, гдѣ онъ, дотолѣ спертый порогами, бралъ наконецъ свое и шумѣлъ, какъ море, разливишись по волѣ, гдѣ брошенные въ средину его острова вытѣсняли его еще далѣе изъ береговъ и волны его стлались по самой землѣ, не встрѣчая ни утесовъ, ни

*

возвышеній. Казаки сошли съ коней своихъ, взошли на паромъ и чрезъ три часа плаванія были уже у береговъ острова Хортицы, гдѣ была тогда Сѣчь, такъ часто перемѣнявшая свое жилище.

Куча народа бранилась на берегу съ перевощиками. Казаки оправили коней; Тарасъ пріосанился, стянулъ на себѣ покрѣпче поясъ и гордо провелъ рукою по усамъ; молодые сыны его тоже осмотрѣли себя съ ногъ до головы съ какимъ-то страхомъ и неопредѣленнымъ удовольствіемъ, и всѣ вмѣстѣ въѣхали въ предмѣстье, находившееся за полверсты отъ Сѣчи. При въѣздѣ, ихъ оглушили пятьдесятъ кузнецкихъ молотовъ, ударявшихъ въ 25 кузницахъ, покрытыхъ дерномъ и вырытыхъ въ землѣ. Сильные кожевники сидѣли подъ навѣсомъ крылецъ на улицѣ и мяли своими дюжими руками бычачьи кожи. Крамари подъ ятками сидѣли съ кучами кремней, огнивами и порохомъ. Армянинъ развѣсилъ дорогіе платки. Татаринъ ворочалъ на рожнахъ бараньи катки съ тѣстомъ. Жидъ, выставивъ впередъ свою голову, точилъ изъ бочки горилку. Но первый, кто попался имъ на встрѣчу, это былъ Запорожецъ, спавшій на самой срединѣ дороги, раскинувъ руки и ноги. Тарасъ Бульба не могъ не остановиться и не полюбоваться на него.

— Эхъ, какъ важно развернулся! Фу ты, какая пышная фигура! говорилъ онъ, остановивши коня.

Въ самомъ дѣлѣ это была картина довольно смѣлая. Запорожецъ, какъ левъ, растянулся на дорогѣ. Закинутый гордо чубъ его захватывалъ на полъаршина земли. Шаровары алаго дорогого сукна были запачканы дегтемъ для показанія полнаго къ нимъ презрѣнія.

Полюбовавшись, Бульба пробрался далѣе сквозь тѣсную улицу, которая была загромождена мастеровыми, тутъ же отправлявшими ремесло свое, и людьми всѣхъ націй, наполнявшими это предмѣстіе Сѣчи, которое было похоже на ярмарку и которое одѣвало и кормило Сѣчь, умѣвшую только гулять да палить изъ ружей.

Наконецъ они минули предмѣстіе и увидѣли нѣсколько разбросанныхъ куреней, покрытыхъ дерномъ, или, по-татарски, войлокомъ. Иные уставлены были пушками. Нигдѣ не видно было забора, или тѣхъ низенькихъ домиковъ съ навѣсами на низенькихъ деревянныхъ столбикахъ, какіе были въ предмѣстьи.

Небольшой валъ и засѣка, не хранимые рѣшительно никѣмъ, показывали страшную безпечность.

Нѣсколько дюжихъ Запорожцевъ, лежавшихъ съ трубками въ зубахъ на самой дорогѣ, посмотрѣли на нихъ довольно равнодушно и не сдвинулись съ мѣста. Тарасъ осторожно проѣхалъ съ сыновьями между нихъ, сказавши: «Здравствуйте, панове!» — Здравствуйте и вы!» отвѣчали Запорожцы. На пространствѣ пяти верстъ были разбросаны толпы народа. Онѣ всѣ собирались въ небольшія кучи. Такъ вотъ Сѣчь! вотъ то гнѣздо, откуда вылетаютъ всѣ тѣ гордые и крѣпкіе, какъ львы! вотъ откуда разливается воля и казачество на всю Украйну!

Путники выѣхали на обширную площадь, гдѣ обыкновенно собиралась рада. На большой опрокинутой бочкѣ сидѣлъ Запорожецъ безъ рубашки; онъ держалъ въ рукахъ ее и медленно зашивалъ на ней дыры. Имъ опять перегородила дорогу цѣлая толпа музыкантовъ, въ срединѣ которыхъ отплясывалъ молодой Запорожецъ, заломивши чортомъ свою шапку и вскинувши руками. Онъ кричалъ только: «Живѣй играйте, музыканты! Не жалѣй, Ѳома, горилки православнымъ!» И Ѳома, съ подбитымъ глазомъ, мѣрялъ безъ счету каждому пристававшему по огромнѣйшей кружкѣ. Около молодаго Запорожца четыре старыхъ вырабатывали довольно мелко своими ногами, вскидываясь, какъ вихорь, на сторону, почти на голову музыкантамъ, вдругъ, опустившись, неслись въ присядку и били круто и крѣпко своими серебряными подковами тѣсно

убитую землю. Земля глухо гудѣла на всю округу, и въ воздухѣ только отдавалось: тра-та-та, тра-та-та! Толпа, чѣмъ далѣе, росла; къ танцующимъ приставали другіе, и вся почти площадь покрылась присѣдающими Запорожцами. Это имѣло въ себѣ что-то разительно-увлекательное. Нельзя было безъ движенія всей души видѣть, какъ вся толпа отдирала танецъ, самый вольный, самый бѣшеный, какой только видѣлъ когда-либо міръ и который, по своимъ мощнымъ изобрѣтателямъ, носитъ названіе казачка.

Тарасъ Бульба крикнулъ отъ нетерпѣнія и досады, что конь, на которомъ сидѣлъ онъ, мѣшалъ ему пуститься самому. Иные были чрезвычайно смѣшны своею важностью, съ какою они работали ногами. Чрезъ-чуръ дряхлые, прислонившись къ столбу, къ которому обыкновенно на Сѣчѣ привязывали преступника, топали и переминали ногами. Крики и пѣсни, какія только могли придти въ голову человѣку въ разгульномъ весельи, раздавались свободно.

Тарасъ скоро встрѣтилъ множество знакомыхъ лицъ; Остапъ и Андрій слышали только привѣтствія: «А, это ты, Печерица! Здравствуй, Козолупъ! Откуда Богъ несетъ тебя, Тарасъ? Ты какъ сюда зашелъ, Долото? Здравствуй, Застежка! Думалъ ли я видѣть тебя, Ремень!» И витязи, собравшіеся со всего разгульнаго міра восточной Россіи, цѣловались взаимно, и тутъ понеслись вопросы: «А что Касьянъ? что Бородавка? что Колоперъ? что Пидсытокъ?» и слышалъ только въ отвѣтъ Тарасъ Бульба, что Бородавка повѣшенъ въ Толопанѣ, что съ Колопера содрали кожу подъ Кизикирменомъ, что Пидсыткова голова посолена въ бочкѣ и отправлена въ самый Царь-Градъ. Понурилъ голову старый Бульба и раздумчиво говорилъ: «добрые были казаки!»

———

ОСАДА.

Скоро весь польскій юго-западъ сдѣлался добычею страха; вездѣ только и слышно было про Запорожцевъ. Скудельные южные города и села были совершенно стираемы съ лица земли. Арендаторы-жиды были вѣшаны кучами, вмѣстѣ съ католическимъ духовенствомъ. Запорожцы, какъ бы пируя, протекали путь свой, оставляя за собою пустыя пространства. Нигдѣ не смѣлъ остановить ихъ отрядъ польскихъ войскъ: они были разсѣваемы при первой схваткѣ. Ни что не могло противиться азіатской атакѣ ихъ. Прелатъ, находившійся тогда въ Радзивиловскомъ монастырѣ, прислалъ отъ себя двухъ монаховъ съ представленіемъ, что между Запорожцами и правительствомъ существуетъ согласіе, и что они явно нарушаютъ свою обязанность къ королю, а вмѣстѣ съ тѣмъ и народныя права. «Скажи епископу отъ лица всѣхъ Запорожцевъ,» сказалъ кошевой, «чтобы онъ ничего не боялся: это казаки еще только люльки раскуриваютъ.» И скоро величественное аббатство обхватилось сокрушительнымъ пламенемъ: и колосальныя готическія окна его сурово глядѣли сквозь раздѣлявшіяся волны огня. Бѣгущія толпы монаховъ, солдатъ, жидовъ наводнили многолюдные города и деревни, почти оставленные на произволъ непріятеля. Одинъ только городъ Дубно не сдавался. Этимъ были раздражены всѣ чины, въ числѣ которыхъ занималъ не послѣднее мѣсто Тарасъ Бульба. Они положили взять его голодомъ. Толпы вольныхъ наѣздниковъ облегли со всѣхъ сторонъ его стѣны, расположились вмѣстѣ съ своими обозами, которые всегда почти за ними слѣдовали. Жители съ небольшимъ числомъ войскъ рѣшились вытерпѣть возможную степень бѣдствія и не сдаваться ни въ какомъ случаѣ. Запорожцы удвоили наблюденіе, чтобы никакое вспомоществованіе не могло придти въ городъ, играли въ четъ и не-четъ, курили люльки и съ убійствен-

нымъ хладнокровіемъ смотрѣли на городскія стѣны. Прошло двѣ недѣли, и несмотря на то, что они свои вольные набѣги гораздо болѣе предпочитали осадамъ городовъ, однакожъ ничто не могло преодолѣть ихъ терпѣнія. Молодые, попробавшіе битвъ и опасностей, сгорали нетерпѣніемъ, и въ числѣ ихъ были наши герои Остапъ и Андрій, вдругъ пріобрѣтшіе опытность въ военномъ дѣлѣ, пылкіе, исполненные отваги, желавшіе новыхъ встрѣчъ, жадные узнать новыя эволюціи и варіаціи войны и показать свое умѣнье играть опасностями. Остапъ, казалось, только на то и созданъ былъ, чтобы гулять въ вѣчномъ пирѣ войны. Онъ теперь уже казался чѣмъ-то атлетическимъ, колосальнымъ. Его движенія пріобрѣли крѣпкую увѣренность, и всѣ качества его, прежде незамѣтныя, получили размѣръ шире и казались качествами мощнаго льва. Андрій также погрузился весь въ очаровательную музыку мечей и пуль, потому что нигдѣ воля, забвеніе, смерть, наслажденіе не соединяются въ такой обольстительной, страшной прелести, какъ въ битвѣ.

Этотъ долгій роздыхъ, который они имѣли подъ стѣнами города, имъ не нравился. Андрій сидѣлъ долго возлѣ обоза своего, тогда какъ ужъ всѣ спали, кромѣ нѣкоторыхъ, стоявшихъ на сторожѣ. Ночь, іюнская, прекрасная ночь, съ безчисленными звѣздами, обнимала опустошенную землю. Вся окрестность представляла величественное зрѣлище: вблизи и вдали видны были зарева горѣвшихъ деревень. Въ одномъ мѣстѣ пламя спокойно и величественно стлалось по небу; въ другомъ мѣстѣ оно, встрѣтивъ что-то горючее, вдругъ вырвавшись вихремъ, свистѣло и летѣло вверхъ подъ самыя звѣзды, и оторванные охлопья его гаснули подъ самыми дальними небесами. Въ одномъ мѣстѣ, обогрѣлый, черный монастырь, какъ суровый картезіанскій монахъ, стоялъ грозно, выказывая при каждомъ отблескѣ мрачное свое величіе. Въ другомъ мѣстѣ горѣло новое зданіе, потопленное въ садахъ. Деревья шипѣли и покрывались дымомъ: иногда сквозь нихъ просвѣчивалась лава огня, и гроздья грушъ, обвѣсившихъ вѣтви, принимали цвѣтъ червоннаго золота; даже видны были издали сливы, получившія фосфорическій, лилово-огненный цвѣтъ; и среди этого иногда чернѣло висѣвшее на стѣнѣ зданія тѣло бѣднаго жида или монаха, погибавшее вмѣстѣ съ строеніемъ въ огнѣ. Надъ нимъ вились вдали птицы, казавшіяся кучею темныхъ мелкихъ крапинокъ, въ видѣ едва замѣтныхъ крестиковъ на огненномъ полѣ. Среди тишины одни только спутанные кони производили шумъ, и звонкое ихъ ржаніе отдавалось съ раскатами, нѣсколько разъ повторявшимися дребезжащимъ эхомъ.

———

Мертвыя души.

Занятый размышленіями, Чичиковъ не замѣтилъ, какъ въѣхалъ въ средину обширнаго села, со множествомъ избъ и улицъ. Скоро, однакоже, далъ замѣтить ему это препорядочный толчокъ, произведенный бревенчатою мостовою, предъ которою городская каменная была ничто. Эти бревна, какъ фортепьянныя клавиши, подымались, то вверхъ, то внизъ, и необерегшійся ѣздокъ пріобрѣталъ или шишку на затылокъ, или синее пятно на лобъ, или же случалось своими собственными зубами откусить пребольно хвостикъ собственнаго же языка. Какую-то особенную ветхость замѣтилъ онъ на всѣхъ деревенскихъ строеніяхъ: бревно на избахъ было темно и старо; многія крыши сквозили, какъ рѣшето; на иныхъ оставался только конекъ вверху да жерди по сторонамъ въ видѣ реберъ. Кажется, сами хозяева снесли съ нихъ драньe и тесъ, разсуждая, и конечно справедливо, что въ дождь избы не кроютъ, а въ ведро и сама не каплетъ;

бабиться же въ ней не зачѣмъ, когда есть просторъ и въ кабакѣ, и на большой дорогѣ, словомъ — гдѣ хочешь. Окна въ избенкахъ были безъ стеколъ, иныя были заткнуты тряпкой или зипуномъ; балкончики подъ крышами съ перилами, неизвѣстно для какихъ причинъ дѣлаемые въ иныхъ русскихъ избахъ, покосились и почернѣли даже не живописно. Изъ-за избъ тянулись во многихъ мѣстахъ рядами огромныя клади хлѣба, застоявшіяся, какъ видно, долго; цвѣтомъ походили онѣ на старый, плохо выжженный кирпичъ; на верхушкѣ ихъ росла всякая дрянь, и даже прицѣпился съ боку кустарникъ.

Хлѣбъ, какъ видно, былъ господскій. Изъ-за хлѣбныхъ кладей и ветхихъ крышъ, возносились и мелькали на чистомъ воздухѣ то справа, то слѣва, по мѣрѣ того, какъ бричка дѣлала повороты, двѣ сельскія церкви, одна возлѣ другой,—опустѣвшая деревянная, и каменная, съ желтенькими стѣнками, испятнанная, истрескавшаяся. Частями сталъ показываться господскій домъ и наконецъ глянулъ весь въ томъ мѣстѣ, гдѣ цѣпь избъ прервалась, и на мѣсто ихъ остался пустыремъ огородъ, или капустникъ, обнесенный низкою, мѣстами изломанною, городьбою. Какимъ-то дряхлымъ инвалидомъ глядѣлъ сей странный замокъ, длинный, длинный непомѣрно. Мѣстами былъ онъ въ одинъ этажъ, мѣстами въ два; на темной крышѣ, не вездѣ надежно защищавшей его старость, торчали два бельведера, одинъ противъ другого, оба уже пошатнувшіеся, лишенные когда-то покрывавшей ихъ краски. Стѣны дома ощеливали мѣстами нагую штукатурную рѣшотку и, какъ видно, много потерпѣли отъ всякихъ непогодъ, дождей, вихрей и осеннихъ перемѣнъ. Изъ оконъ только два были открыты, прочія были заставлены ставнями, или даже забиты досками. Эти окна, съ своей стороны, были тоже подслѣповаты; на одномъ изъ нихъ темнѣлъ наклеенный треугольникъ изъ синей сахарной бумаги.

Старый, обширный, тянувшійся позади дома садъ, выходившій за село и потомъ пропадавшій въ полѣ, заросшій и засохлый, казалось, одинъ освѣжалъ эту обширную деревню и одинъ былъ вполнѣ живописенъ въ своемъ картинномъ опустѣніи. Зелеными облаками и неправильными, трепето-листными куполами лежали на небесномъ горизонтѣ соединенныя вершины разросшихся на свободѣ деревъ. Бѣлый колоссальный стволъ березы, лишенный верхушки, отломленной бурею, или грозою, подымался изъ этой зеленой гущи и круглился на воздухѣ, какъ правильная, мраморная, сверкающая колонна; косой, остроконечный изломъ его, которымъ онъ оканчивался къ верху вмѣсто капители, темнѣлъ на снѣжной бѣлизнѣ его, какъ шапка или черная птица. Хмѣль, глушившій внизу кусты бузины, рябины и лѣснаго орѣшника и пробѣжавшій потомъ по верхушкѣ всего частокола, взбѣгалъ наконецъ вверхъ и обвивалъ до половины сломленную березу. Достигнувъ середины ея, онъ оттуда свѣшивался внизъ и начиналъ уже цѣплять вершины другихъ деревъ, или же висѣлъ на воздухѣ, завязавши кольцами свои тонкіе, цѣпкіе крючья, легко колеблемые воздухомъ. Мѣстами расходились зеленыя чащи, озаренныя солнцемъ, и показывали неосвѣщенное между ними углубленіе, сіявшее, какъ темная пасть; оно было все окинуто тѣнью, и чуть-чуть мелькали въ черной глубинѣ его: бѣжавшая узкая дорожка, обрушенныя перилы, пошатнувшаяся бесѣдка, дуплистый дряхлый стволъ ивы, сѣдой чапыжникъ, густой щетиною вытыкавшій изъ-за ивы изсохшіе отъ страшной глушины, перепутавшіеся и скрестившіеся листья и сучья, и наконецъ, молодая вѣтвь клена, протянувшая съ боку свои зеленыя лапы—листья, подъ однимъ изъ которыхъ забравшись, Богъ вѣсть какимъ образомъ, солнце, превращало его вдругъ

въ прозрачный и огненный, чудно сіявшій въ этой густой темнотѣ. Въ сторонѣ, у самаго края сада, нѣсколько высокорослыхъ, не вровень другимъ, осинъ, подымали огромныя вороньи гнѣзда на трепетныя свои вершины. У иныхъ отдернутыя и не вполнѣ отдѣленныя вѣтви висѣли внизъ вмѣстѣ съ изсохшими листьями. Словомъ, все было хорошо, какъ не выдумать ни природѣ, ни искусству, но какъ бываетъ только тогда, когда онѣ соединяются вмѣстѣ, когда по нагроможденному, часто безъ толку, труду человѣка пройдетъ окончательнымъ рѣзцомъ своимъ природа, облегчитъ тяжелыя массы, уничтожитъ грубо-ощутительную правильность и нищенскія прорѣхи, сквозь которыя проглядываетъ нескрытый, нагой планъ, и даетъ чудную теплоту всему, что создалось въ хладѣ размѣренной чистоты и опрятности. Сдѣлавъ одинъ, или два поворота, герой нашъ очутился наконецъ передъ самымъ домомъ, который показался теперь еще печальнѣе. Зеленая плѣснь уже покрыла ветхое дерево на оградѣ и воротахъ. Толпа строеній — людскихъ, амбаровъ, погребовъ видимо ветшавшихъ, — наполняла дворъ; возлѣ нихъ направо и налѣво видны были ворота въ другіе дворы. Все говорило, что здѣсь когда-то хозяйство текло въ обширномъ размѣрѣ, и все глядѣло нынѣ пасмурно. Ничего не замѣтно было оживляющаго картину, — ни отворявшихся дверей, ни выходившихъ откуда нибудь людей, никакихъ живыхъ хлопотъ и заботъ дома. Только одни главныя ворота были растворены и то потому, что въѣхалъ мужикъ, съ нагруженною телѣгою, покрытою рогожею, показавшійся какъ-бы нарочно для оживленія сего вымершаго мѣста: въ другое время и они были бы заперты наглухо, ибо въ желѣзной петлѣ висѣлъ замокъ-исполинъ. У одного изъ строеній Чичиковъ скоро замѣтилъ какую-то фигуру, которая начала спорить съ мужикомъ, пріѣхавшимъ на телѣгѣ.

Чичиковъ принялъ эту фигуру за ключницу, которая, узнавши, что гость имѣетъ дѣло до помѣщика, предложила ему идти въ комнаты.

Онъ вступилъ въ темныя, широкія сѣни, отъ которыхъ подуло холодомъ, какъ изъ погреба. Изъ сѣней онъ вошелъ въ комнату, тоже темную, чуть-чуть озаренную свѣтомъ, выходившимъ изъ-подъ широкой щели, находившейся внизу двери. Отворивши эту дверь, онъ наконецъ очутился въ свѣту и былъ пораженъ представшимъ безпорядкомъ. Казалось, какъ будто въ домѣ происходило мытье половъ и сюда на время нагромоздили всю мебель. На одномъ столѣ стоялъ даже сломанный стулъ и, рядомъ съ нимъ, часы съ остановившимся маятникомъ, къ которому паукъ уже приладилъ паутину. Тутъ же стоялъ, прислоненный бокомъ къ стѣнѣ, шкафъ, съ стариннымъ серебромъ, графинчиками и китайскимъ фарфоромъ. На бюро, выложенномъ перламутровою мозаикой, которая мѣстами уже выпала и оставила послѣ себя одни желтенькіе желобки, наполненные клеемъ, лежало множество всякой всячины: куча исписанныхъ мелко бумажекъ, накрытыхъ мраморнымъ позеленѣвшимъ прессомъ съ яичкомъ на верху, какая-то старинная книга въ кожаномъ переплетѣ съ краснымъ обрѣзомъ, лимонъ весь изсохшій, ростомъ не болѣе лѣснаго орѣха, отломленная ручка креселъ, рюмка съ какой-то жидкостью и тремя мухами, накрытая письмомъ, кусочекъ сургучика, кусочекъ гдѣ-то поднятой тряпки, два пера, запачканныя чернилами, высохшія какъ въ чахоткѣ, зубочистка, совершенно пожелтѣвшая, которою хозяинъ, можетъ быть, ковырялъ въ зубахъ своихъ еще до нашествія на Москву французовъ. На стѣнахъ навѣшано было весьма тѣсно и безтолково нѣсколько картинъ: длинный, пожелтѣвшій гравюръ какого-то сраженія, съ огромными барабанами, кричащими солдатами въ треугольныхъ шляпахъ и тонущими конями, безъ стекла, вставленный въ

раму краснаго дерева съ тоненькими бронзовыми полосками и бронзовыми же кружками по угламъ. Въ рядъ съ ними занимала полстѣны огромная почернѣвшая картина, писанная масляными красками, изображавшая цвѣты, фрукты, разрѣзанный арбузъ, кабанью морду и висѣвшую головою внизъ утку.

Съ средины потолка висѣла люстра въ холстинномъ мѣшкѣ, отъ пыли сдѣлавшаяся похожею на шелковый коконъ, въ которомъ сидитъ червякъ. Въ углу комнаты была навалена куча того, что погрубѣе и что недостойно лежать на столахъ. Что именно находилось въ кучѣ, — рѣшить было трудно, ибо пыли на ней было въ такомъ изобиліи, что руки всякаго касавшагося становились похожими на перчатки; замѣтнѣе прочаго высовывались оттуда отломленный кусокъ деревянной лопаты и старая подошва сапога. Никакъ бы нельзя было сказать, чтобы въ комнатѣ сей обитало живое существо, еслибы не возвѣщалъ его пребываніе старый, поношенный колпакъ, лежавшій на столѣ. Пока онъ разсматривалъ все странное убранство, отворилась дверь, и вошла та же самая ключница, которую встрѣтилъ онъ на дворѣ. Но тутъ увидѣлъ онъ, что это былъ скорѣе ключникъ, чѣмъ ключница: ключница, по крайней мѣрѣ, не брѣетъ бороды, а этотъ, напротивъ того, брилъ, и, казалось, довольно рѣдко, потому что весь подбородокъ съ нижней частью щеки походилъ у него на скребницу изъ желѣзной проволоки, которою чистятъ на конюшнѣ лошадей. Чичиковъ, давши вопросительное выраженіе лицу своему, ожидалъ съ нетерпѣньемъ, что хочетъ сказать ему ключникъ. Ключникъ тоже, съ своей стороны, ожидалъ, что хочетъ сказать ему Чичиковъ. Наконецъ послѣдній, удивленный такимъ страннымъ недоумѣніемъ, рѣшился спросить:

«Что жъ баринъ? у себя, что ли?»

«Здѣсь баринъ», отвѣчалъ ключникъ.

«Гдѣ же»? повторилъ Чичиковъ.

«Что, батюшка слѣпы, что ли?» сказалъ ключникъ. «Эхва! А вить хозяинъ-то я!»

Здѣсь герой нашъ по неволѣ отступилъ назадъ и поглядѣлъ на него пристально. Ему случалось видѣть не мало всякаго рода людей, даже, такихъ какихъ намъ съ читателемъ, можетъ быть, никогда не придется увидать; но такого онъ еще не видывалъ. Лице его не представляло ничего особеннаго: оно было почти такое же, какое у многихъ худощавыхъ стариковъ; одинъ подбородокъ только выступалъ очень далеко впередъ, такъ что онъ долженъ былъ всякій разъ закрывать его платкомъ, чтобы не заплевать; маленькіе глазки его не потухли и бѣгали изъ-подъ высоко-выросшихъ бровей, какъ мыши, когда, высунувши изъ темныхъ норъ остренькія морды, насторожа уши и моргая усомъ онѣ высматриваютъ, не затаился ли гдѣ котъ, или шалунъ мальчишка, и нюхаютъ подозрительно самый воздухъ Гораздо замѣчательнѣе былъ нарядъ его. Ни какими средствами и стараніями нельзя бы докопаться, изъ чего состряпанъ былъ его халатъ: рукава и верхнія полы до того засалились и залоснились, что походили на юфть, которая идетъ на сапоги; назади, вмѣсто двухъ, болталось четыре полы, изъ которыхъ охлопьями лѣзла хлопчатая бумага. На шеѣ у него тоже было повязано что-то такое, котораго нельзя было разобрать: чулокъ ли, повязка ли, или набрюшникъ, только никакъ не галстукъ. Словомъ, если бы Чичиковъ встрѣтилъ его, такъ принаряженнаго, гдѣ-нибудь у церковныхъ дверей, то вѣроятно, далъ бы ему мѣдный грошъ, ибо къ чести героя нашего нужно сказать, что сердце у него было сострадательное и онъ не могъ никакъ удержаться, чтобы не подать бѣдному человѣку мѣднаго гроша. Но предъ нимъ стоялъ не нищій: предъ нимъ стоялъ помѣщикъ. У этого помѣщика была тысяча слишкомъ душъ, и попробовалъ бы кто найти у кого другого столько

хлѣба, зерномъ, мукою и, просто въ кладяхъ, у кого бы кладовыя, амбары и сушилы загромождены были такимъ множествомъ холстовъ, суконъ, овчинъ, выдѣланныхъ и сыромятныхъ, высушенными рыбами и всякой овощью, или губиной. Заглянулъ бы кто нибудь къ нему на рабочій дворъ, гдѣ наготовлено было на запасъ всякаго дерева и посуды, никогда неупотреблявшейся;—ему бы показалось, ужь не попалъ ли онъ какъ-нибудь въ Москву на щепной дворъ, куда ежедневно отправляются расторопныя тещи и свекрухи, съ кухарками позади, дѣлать свои хозяйственные запасы и гдѣ горами бѣлѣетъ всякое дерево, шитое, точеное, лаженое и плетеное: бочки, пересѣки, ушаты, лагуны, жбаны съ рыльцами и безъ рылецъ, побратимы, лукошки, мыкольники, куда бабы кладутъ свои мочки, и прочій дрязгъ, коробья изъ тонкой гнутой осины, бураки изъ плетеной бересты и много всего, что идетъ на потребу богатой и бѣдной Руси. На что бы, казалось, нужна была Плюшкину такая гибель издѣлій? Во всю жизнь не пришлось бы ихъ употребить даже на два такихъ имѣнія, какія были у него; но ему и этого казалось мало. Не довольствуясь симъ, онъ ходилъ еще каждый день по улицамъ своей деревни, заглядывалъ подъ перекладины, и все, что ни попадалось ему—старая подошва, бабья тряпка, желѣзный гвоздь, глиняный черепокъ,—все тащилъ къ себѣ и складывалъ въ ту кучу, которую Чичиковъ замѣтилъ въ углу комнаты, «Вонъ, уже рыболовъ пошолъ на охоту!» говорили мужики, когда видѣли его идущаго на добычу. И въ самомъ дѣлѣ, послѣ него не зачѣмъ было мести улицу: случилось проѣзжавшему офицеру потерять шпору,—шпора эта мигомъ отправилась въ извѣстную кучу; если баба, какъ-нибудь зазѣвавшись у колодца, позабывала ведро, онъ утаскивалъ и ведро. Впрочемъ, когда примѣтившій мужикъ уличалъ его тутъ же, онъ не спорилъ и отдавалъ похищенную вещь; но если только она попадала въ кучу, тогда все кончено: онъ божился, что вещь его, куплена имъ тогда-то, у того-то, или досталась отъ дѣда. Въ комнатѣ своей онъ подымалъ съ пола все, что ни видѣлъ: сургучикъ, лоскутокъ бумажки, перышко и все это клалъ на бюро, или на окошко.

А вѣдь было время, когда онъ былъ бережливымъ хозяиномъ, былъ женатъ и семьянинъ, и сосѣдъ заѣзжалъ къ нему пообѣдать, слушать и учиться у него хозяйству и мудрой скупости! Все текло живо и совершалось размѣреннымъ ходомъ: двигались мельницы, валяльни, работали суконныя фабрики, столярные станки, прядильни, вездѣ, во все входилъ зоркій взглядъ хозяина и, какъ трудолюбивый паукъ, бѣгалъ хлопотливо, но расторопно, по всѣмъ концамъ своей хозяйственной паутины. Слишкомъ сильныя чувства не отражались въ чертахъ лица его, но въ глазахъ былъ видѣнъ умъ; опытностію и познаніемъ свѣта была проникнута рѣчь его, и гостю было пріятно его слушать; привѣтливая и говорливая хозяйка славилась хлѣбосольствомъ; а на встрѣчу выходили двѣ миловидныя дочки, обѣ бѣлокурыя и свѣжія, какъ розы, выбѣгалъ сынъ, разбитной мальчишка, и цѣловался со всѣми, мало обращая вниманія на то, радъ ли, или не радъ былъ этому гость. Въ домѣ были открыты всѣ окна; антресоли были всѣ заняты квартирою учителя француза, который славно брился и былъ большой стрѣлокъ: приносилъ всегда къ обѣду тетерекъ или утокъ, а иногда и одни воробьиныя яйца, изъ которыхъ заказывалъ себѣ яичницу, потому что больше въ цѣломъ домѣ никто ея не ѣлъ. На антресоляхъ жила также его компатріотка, наставница двухъ дѣвицъ. Самъ хозяинъ являлся къ столу въ сюртукѣ, хотя нѣсколько поношенномъ, но опрятномъ; локти были въ порядкѣ; нигдѣ никакой заплаты. Но добрая хозяйка умерла, часть ключей, а съ ними мелкихъ заботъ, перешла къ нему. Плюшкинъ сталъ безпокойнѣе и, какъ всѣ вдов-

цы, подозрительнѣе и скупѣе. На старшую дочь, Александру Степановну, онъ не могъ во всемъ положиться, да и былъ правъ, потому что Александра Степановна скоро убѣжала съ штабъ-ротмистромъ Богъ вѣсть какого кавалерійскаго полка и обвѣнчалась съ нимъ гдѣ-то наскоро, въ деревенской церкви, зная, что отецъ не любитъ офицеровъ, по странному предубѣжденію, будто бы всѣ военные картежники и мотишки. Отецъ послалъ ей на дорогу проклятіе, а преслѣдовать не заботился. Въ домѣ стало еще пустѣе. Во владѣльцѣ стала замѣтнѣе обнаруживаться скупость; сверкнувшая въ жесткихъ волосахъ его сѣдина, вѣрная подруга ея, помогла ей еще болѣе развиться. Учитель французъ былъ отпущенъ, потому что сыну пришла пора на службу; мадамъ была прогнана, потому что оказалась небезгрѣшною въ похищеніи Александры Степановны; сынъ, будучи отправленъ въ губернскій городъ съ тѣмъ, чтобы узнать въ палатѣ, по мнѣнію отца, службу существенную, опредѣлился вмѣсто того въ полкъ и написалъ къ отцу, уже по своемъ опредѣленіи, прося денегъ на обмундировку. Весьма естественно, что онъ получилъ на это то, что называется въ простонародіи — шишъ. Наконецъ, послѣдняя дочь, оставшаяся съ нимъ въ домѣ, умерла, и старикъ очутился одинъ сторожемъ, хранителемъ и владѣтелемъ своихъ богатствъ. Одинокая жизнь дала сытную пищу скупости, которая, какъ извѣстно, имѣетъ волчій голодъ, и чѣмъ болѣе пожираетъ, тѣмъ становится ненасытнѣе; человѣческія чувства, которыя и безъ того не были въ немъ глубоки, мелѣли ежеминутно, и каждый день что нибудь утрачивалось въ этой изношенной развалинѣ. Случись же подъ такую минуту, какъ будто нарочно въ подтвержденіе его мнѣнія о военныхъ, что сынъ его проигрался въ карты; онъ послалъ ему отъ души свое отцовское проклятіе и никогда уже не интересовался знать, существуетъ ли онъ на свѣтѣ, или нѣтъ. Съ каждымъ годомъ притворялись окна въ его домѣ, наконецъ, остались только два, изъ которыхъ одно, какъ уже видѣлъ читатель, было заклеено бумагою; съ каждымъ годомъ уходили изъ вида болѣе и болѣе главныя части хозяйства, и мелкій взглядъ его обращался къ бумажкамъ и перышкамъ, которыя онъ собиралъ въ своей комнатѣ; неуступчивѣе становился онъ къ покупщикамъ, которые пріѣзжали забирать у него хозяйственныя произведенія; покупщики торговались, торговались и наконецъ бросили его вовсе, сказавши, что это бѣсъ, а не человѣкъ; сѣно и хлѣбъ гнили, клади и стоги обращались въ чистый навозъ, хоть разводи на нихъ капусту; мука въ подвалахъ превратилась въ камень, и нужно было ее рубить; къ сукнамъ, холстамъ и домашнимъ матеріямъ страшно было дотронуться; они обращались въ пыль. Онъ уже позабывалъ самъ, сколько у него было чего, и помнилъ только въ какомъ мѣстѣ стояли у него въ шкапу графинчикъ съ остаткомъ какой нибудь настойки, на которомъ онъ самъ сдѣлалъ мѣтку, чтобы никто воровскимъ манеромъ ея не выпилъ, да гдѣ лежало перышко, или сургучикъ. А между тѣмъ, въ хозяйствѣ доходъ собирался по прежнему: столько же оброку долженъ былъ принесть мужикъ, такимъ же приносомъ орѣховъ обложена была баба, столько же поставокъ холста должна была наткать ткачиха. Все это сваливалось въ кладовыя и все становилось гниль и прорѣха, и самъ онъ обратился наконецъ въ какую-то прорѣху па человѣчествѣ. Александра Степановна какъ-то пріѣзжала раза два съ маленькимъ сыномъ, пытаясь, нельзя ли чего-нибудь получить: видно, походная жизнь съ штабъ-ротмистромъ не была такъ привлекательна, какою казалась до свадьбы. Плюшкинъ однакоже ее простилъ и даже далъ маленькому внучку поиграть какую-то пуговицу, лежащую на столѣ, но денегъ ничего не далъ. Въ

другой разъ Александра Степановна пріѣхала съ двумя малютками и привезла ему куличъ къ чаю и новый халатъ, потому что у батюшки былъ такой халатъ, на который глядѣть не только было совѣстно, но даже стыдно. Плюшкинъ приласкалъ обоихъ внуковъ и, посадивши ихъ къ себѣ одного на правое колѣно, а другого на лѣвое, покачалъ ихъ совершенно такимъ образомъ, какъ будто они ѣхали на лошадяхъ; куличъ и халатъ взялъ, но дочери рѣшительно ничего не далъ; съ тѣмъ и уѣхала Александра Степановна.

Уже нѣсколько минутъ стоялъ Плюшкинъ, не говоря ни слова, а Чичиковъ все еще не могъ начать разговора, развлеченный какъ видомъ самого хозяина, такъ и всего того, что было въ его комнатѣ. Долго не могъ онъ придумать, въ какихъ бы словахъ изъяснить причины своего посѣщенія. Онъ уже хотѣлъ было выразиться въ такомъ духѣ, что, наслышась о добродѣтели и рѣдкихъ свойствахъ души его, почелъ долгомъ принести лично дань уваженія; но спохватился и почувствовалъ, что это слишкомъ. Искоса бросивъ еще одинъ взглядъ на все, что было въ комнатѣ, онъ почувствовалъ, что слова: добродѣтель и рѣдкія свойства души можно съ успѣхомъ замѣнить словами: экономія и порядокъ; и потому, преобразивши такимъ образомъ рѣчь, онъ сказалъ, что, наслышась объ экономіи его и рѣдкомъ управленіи имѣніями, онъ почелъ за долгъ познакомиться и принести лично свое почтеніе. Конечно, можно бы было привести иную, лучшую причину, но ничего иного не взбрело тогда на умъ. На это Плюшкинъ что-то пробормоталъ сквозь губы, ибо зубовъ не было, — что именно, неизвѣстно, но, вѣроятно, смыслъ былъ таковъ: «А побралъ бы тебя чортъ съ твоимъ почтеніемъ!» Но такъ какъ гостепріимство у насъ въ такомъ ходу, что скряга не въ силахъ преступить его законовъ, то онъ прибавилъ тутъ нѣсколько внятнѣе: «Прошу покорнѣйше садиться! Я давненько не вижу гостей», сказалъ онъ, «да признаться сказать, въ нихъ мало вижу проку. Завели прененриличный обычай ѣздить другъ къ другу, а въ хозяйствѣ-то упущенія... да и лошадей ихъ корми сѣномъ! Я давно ужъ отобѣдалъ, а кухня у меня низкая, прескверная, и труба-то совсѣмъ развалилась, — начнешь топить, еще пожару надѣлаешь.» «Вонъ оно какъ!» подумалъ про-себя Чичиковъ: «хорошо же, что я у Собакевича перехватилъ вотрушку да ломоть бараньяго бока.»

«И такой скверный анекдотъ, что сѣна хоть бы клокъ въ цѣломъ хозяйствѣ!» продолжалъ Плюшкинъ. «Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ прибережешь его? землишка маленькая, мужикъ лѣнивъ, работать не любитъ, думаетъ, какъ бы въ кабакъ... того и гляди, пойдешь на старости лѣтъ по міру!»

«Мнѣ, однакоже, сказывали», скромно замѣтилъ Чичаковъ, «что у васъ болѣе тысячи душъ».

«А кто это сказывалъ? А вы бы, батюшка, наплевали въ глаза тому, который это сказывалъ! Онъ пересмѣшникъ; видно, хотѣлъ пошутить надъ вами. Вотъ баютъ — тысяча душъ, а подитка сосчитай, а и ничего не начтешь! Послѣдніе три года проклятая горячка выморила у меня здоровенный кушъ мужиковъ.»

«Скажите! и много выморила?» воскликнулъ Чичиковъ съ участіемъ.

«Да, снесли многихъ»

«А позвольте узнать, сколько числомъ?»

«Душъ восемьдесятъ.»

«Нѣтъ?»

«Не стану лгать, батюшка.»

«Позвольте еще спросить: вѣдь эти души, я полагаю, вы считаете со дня подачи послѣдней ревизіи?»

«Это было еще слава Богу», сказалъ Плюшкинъ; «да ихъ-то, что съ того времени, до ста-двадцати наберется.»

«Вправду? цѣлыхъ сто двадцать?»

воскликнулъ Чичиковъ и даже разинулъ нѣсколько ротъ отъ изумленія.

«Старъ я, батюшка, чтобы лгать: седьмой десятокъ живу!» сказалъ Плюшкинъ. Онъ, казалось, обидѣлся такимъ, почти радостнымъ, восклицаніемъ. Чичиковъ замѣтилъ, что въ самомъ дѣлѣ неприлично подобное безучастіе къ чужому горю, и потому вздохнулъ тутъ же и сказалъ, что соболѣзнуетъ.

«Да вѣдь соболѣзнованія въ карманъ не положишь», сказалъ Плюшкинъ. «Вотъ возлѣ меня живетъ капитанъ, чортъ знаетъ его, откуда взялся! говоритъ — родственникъ. «Дядюшка, дядюшка!» и въ руку цѣлуетъ, а какъ начнетъ соболѣзновать, вой такой подыметъ, что уши береги. Съ лица весь красный: пѣннику, чай, на смерть придерживается. Вѣрно, спустилъ денежки, служа въ офицерахъ, или театральная актриса выманила, такъ вотъ онъ теперь и соболѣзнуетъ!»

Чичиковъ постарался объяснить, что его соболѣзнованіе совсѣмъ не такого рода, какъ капитанское, и что онъ не пустыми словами, а дѣломъ готовъ доказать его и, не откладывая дѣла далѣе, безъ всякихъ обиняковъ, тутъ же, изъявилъ готовность принять на себя обязанность платить подати за всѣхъ крестьянъ, умершихъ такими несчастными случаями. Предложеніе, казалось, совершенно изумило Плюшкина. Онъ, вытаращивъ глаза, долго смотрѣлъ на него и наконецъ спросилъ: «Да вы батюшка, не служили ли въ военной службѣ?»

«Нѣтъ, отвѣчалъ Чичиковъ довольно лукаво, служилъ по статской.»

«По статской?» повторилъ Плюшкинъ и сталъ жевать губами, какъ-будто что-нибудь кушалъ. «Да вѣдь какъ же? вѣдь это вамъ самимъ-то въ убытокъ?»

«Для удовольствія вашего готовъ и на убытокъ.»

«Ахъ, батюшка! ахъ, благодѣтель мой» вскрикнулъ Плюшкинъ, не замѣчая отъ радости, что у него изъ носа выглянулъ весьма некартинно табакъ, на образецъ густаго кофея, и полы халата, раскрывшись, показали платье, не весьма приличное для разсматриванія. «Вотъ утѣшили старика! Ахъ, Господи ты мой! ахъ святители вы мои!...» Далѣе Плюшкинъ и говорить не могъ. Но не прошло и минуты, какъ эта радость, такъ мгновенно показавшаяся на деревянномъ лицѣ его, такъ же мгновенно и прошла, будто ея вовсе не бывало, и лице его вновь приняло заботливое выраженіе. Онъ даже утерся платкомъ и, свернувши его въ комокъ, сталъ имъ водить себя по верхней губѣ.

«Какъ же, съ позволенія вашего, чтобы не разсердить васъ, вы за всякій годъ беретесь платить за нихъ подать? и деньги будете выдавать мнѣ, или въ казну?»

«Да мы вотъ какъ сдѣлаемъ; мы совершимъ на нихъ купчую крѣпость, какъ-бы они были живые и какъ-бы вы ихъ мнѣ продали».

«Да, купчую крѣпость....» сказалъ Плюшкинъ, задумался и сталъ опять кушать губами. «Вѣдь вотъ купчую крѣпость — все издержки. Приказные такіе безсовѣстные! Прежде бывало полтиной мѣди отдѣлаешься да мѣшкокъ муки, а теперь пошли цѣлую подводу крупъ, да и красную бумажку прибавь,—такое сребролюбіе! Я не знаю, какъ никто другой не обратитъ на это вниманіе. Ну, сказалъ бы ему какъ-нибудь душеспасительное слово! Вѣдь словомъ хоть кого проймешь. Кто что ни говори, а противъ душеспасительнаго слова не устоишь.»

«Ну, ты, я думаю, устоишь!» подумалъ про себя Чичиковъ, и произнесъ тутъ же, что изъ уваженія къ нему, онъ готовъ принять даже издержки по купчей на свой счетъ.

Услыша, что даже издержки по купчей онъ принимаетъ на себя, Плюшкинъ заключилъ, что гость долженъ быть совершенно глупъ и только прикидывается, будто служилъ по статской, а вѣрно былъ въ офицерахъ.

При всемъ томъ онъ, однакожъ не могъ скрыть своей радости и пожелалъ всякихъ утѣшеній не только ему, но даже и дѣткамъ его, не спросивъ, были ли они у него, или нѣтъ. Подошедъ къ окну, постучалъ онъ пальцами въ стекло и закричалъ: «Эй, Прошка!» Черезъ минуту было слышно, что кто-то вбѣжалъ въ-попыхахъ въ сѣни, долго возился тамъ и стучалъ сапогами, наконецъ дверь отворилась, и вошелъ Прошка, мальчикъ лѣтъ тринадцати, въ такихъ большихъ сапогахъ, что, ступая, едва не вынулъ изъ нихъ ноги. Почему у Прошки были такіе большіе сапоги, это можно узнать сейчасъ же: у Плюшкина для всей дворни, сколько ни было ея въ домѣ, были одни только сапоги, которые должны были всегда находиться въ сѣняхъ. Всякій призываемый въ барскія покои обыкновенно отплясывалъ черезъ весь дворъ босикомъ, но, входя въ сѣни, надѣвалъ сапоги и такимъ уже образомъ являлся въ комнату. Выходя изъ комнаты, онъ оставлялъ сапоги опять въ сѣняхъ и отправлялся вновь на собственной подошвѣ. Если бы кто взглянулъ изъ окошка въ осеннее время, и особенно, когда по-утрамъ начинаются маленькія изморози, то бы увидѣлъ, что вся дворня дѣлала такіе скачки, такіе врядъ ли удастся выдѣлать на театрахъ самому бойкому танцовщику.

«Вотъ посмотрите, батюшка, какая рожа!» сказалъ Плюшкинъ Чичикову, указывая пальцемъ на лице Прошки. «Глупъ вѣдь, какъ дерево, а попробуй что-нибудь положить — мигомъ украдетъ! Ну, чего ты пришелъ, дуракъ, скажи чего?» Тутъ онъ произвелъ небольшое молчаніе, на которое Прошка отвѣчалъ тоже молчаніемъ. «Поставь самоваръ, — слышишь? да вотъ возьми ключъ, да отдай Маврѣ, чтобы пошла въ кладовую: тамъ на полкѣ есть сухарь изъ кулича, который привезла Александра Степановна, — чтобы подали его къ чаю!... Постой, куда же ты? дурачина! эхва, дурачина!... Бѣсъ у тебя въ ногахъ, что ли, чешется?.... Ты выслушай прежде. Сухарь-то сверху, чай, испортился, такъ пусть сосcоблитъ его ножомъ, да крохъ не бросаетъ, а снесетъ въ курятникъ. Да смотри ты, ты не входи, братъ, въ кладовую; не то — я тебя, знаешь? березовымъ-то вѣникомъ, чтобы для вкуса-то! вотъ у тебя теперь славный аппетитъ, такъ чтобы еще былъ получше! Вотъ попробуй-ка пойти въ кладовую, а я тѣмъ временемъ изъ окна стану глядѣть. Имъ ни въ чемъ нельзя довѣрять, продолжалъ онъ, обратившись къ Чичикову послѣ того, какъ Прошка убрался вмѣстѣ съ своими сапогами. Вслѣдъ за тѣмъ онъ началъ и на Чичикова посматривать подозрительно. Черты такого необыкновеннаго великодушія стали ему казаться невѣроятными, и онъ подумалъ про себя: «Вѣдь чортъ знаетъ его, можетъ быть, онъ просто хвастунъ, какъ всѣ эти мотишки: навретъ, навретъ, чтобы поговорить да напиться чаю, а потомъ и уйдетъ!» А потому изъ предосторожности, и вмѣстѣ желая нѣсколько поиспытать его, сказалъ онъ, что не дурно бы совершить купчую поскорѣе, потому что, де, въ человѣкѣ не увѣренъ: сегодня живъ, а завтра и Богъ вѣсть.

Чичиковъ изъявилъ готовность совершить хоть сію минуту и потребовалъ только списка всѣмъ крестьянамъ.

Это успокоило Плюшкина. Замѣтно было, что онъ придумывалъ что-то сдѣлать, и точно, взявши ключи, приблизился къ шкафу и, отперши дверцу, рылся долго между стаканами и чашками и наконецъ произнесъ: «Вѣдь вотъ не сыщешь, а у меня былъ славный ликерчикъ, если только не выпили: народъ — такіе воры! А вотъ развѣ не это ли онъ?» Чичиковъ увидѣлъ въ рукахъ его графинчикъ, который былъ весь въ пыли, какъ въ фуфайкѣ. «Еще покойница дѣлала», продолжалъ Плюшкинъ; «мошенница ключница совсѣмъ было его забросила, и даже не закупо-

рила, каналья! Казявки и всякая дрянь было напичкались туда, но я весь соръ-то повынулъ и теперь вотъ чистенькая, я вамъ налью рюмочку.»

Но Чичиковъ постарался отказаться отъ такого ликерчика, сказавши, что онъ уже и пилъ, и ѣлъ. «Пили уже и ѣли!» сказалъ Плюшкинъ. «Да, конечно, хорошаго общества человѣка хоть гдѣ узнаешь? онъ не ѣстъ, а сытъ; а какъ эдакой какой нибудь воришка, да его сколько ни корми... Вѣдь вотъ капитанъ пріѣдетъ: «Дядюшка», говоритъ, «дайте чего-нибудь поѣсть!» А я ему такой же дядюшка, какъ онъ мнѣ дѣдушка. У себя дома ѣсть вѣрно нечего, такъ вотъ онъ шатается! Да, вѣдь вамъ нуженъ реестрикъ всѣхъ этихъ тунеядцевъ? Какъ-же! я, какъ зналъ, всѣхъ ихъ списалъ на особую бумажку, чтобы, при первой подачѣ ревизіи, всѣхъ ихъ вычеркнуть». Плюшкинъ надѣлъ очки и сталъ рыться въ бумагахъ. Развязывая всякія связки, онъ попотчивалъ своего гостя такою пылью, что тотъ чихнулъ. Наконецъ вытащилъ бумажку, всю исписанную кругомъ. Крестьянскія имена усыпали ее тѣсно, какъ мошки. Были тутъ всякіе: и Парамоновъ, и Пименовъ, и Пантелеймоновъ, и даже выглянулъ какой-то Григорій Доѣзжай-не-доѣдешь; всѣхъ было сто двадцать слишкомъ. Чичиковъ улыбнулся при видѣ такой многочисленности. Спрятавъ ее въ карманъ, онъ замѣтилъ Плюшкину, что ему нужно будетъ для совершенія крѣпости пріѣхать въ городъ.

«Въ городъ? Да какъ же?... а домъ-то какъ оставишь? Вѣдь у меня народъ или воръ, или мошенникъ: въ день такъ оберутъ, что и кафтана не на чемъ будетъ повѣсить».

«Такъ не имѣете ли кого-нибудь знакомаго?»

«Да кого же знакомаго? Вѣдь мои знакомые померли, или раззнакомились... «Ахъ, батюшка! какъ не имѣть? имѣю!» вскричалъ онъ. «Вѣдь знакомъ самъ предсѣдатель, ѣзжалъ даже въ старые годы ко мнѣ! Какъ не знать? однокорытниками были, вмѣстѣ по заборамъ лазили! Какъ не знакомый? ужъ такой знакомый! такъ ужъ не къ нему ли написать?

«Конечно къ нему».

«Какъ же? ужъ такой знакомый! въ школѣ были пріятели». И на этомъ деревянномъ лицѣ вдругъ скользнулъ какой-то теплый лучъ, выразилось — не чувство, а какое-то блѣдное отраженіе чувства: явленіе, подобное неожиданному появленію на поверхности водъ утопающаго, произведшему радостный крикъ въ толпѣ, обступившей берегъ. Но напрасно обрадовавшіеся братья и сестры кидаютъ съ берега веревку и ждутъ, не мелькнетъ ли вновь спина или утомленныя бореньемъ руки: появленіе было послѣднее. Глухо все, и еще страшнѣе и пустыннѣе становится послѣ того затихнувшая поверхность безотвѣтной стихіи. Такъ и лице Плюшкина, вслѣдъ за мгновенно скользнувшимъ на немъ чувствомъ, стало еще безчувственнѣе и еще пошлѣе.

«Лежала на столѣ четвертка чистой бумаги», сказалъ онъ, «да не знаю, куда запропастилась: люди у меня такіе негодные!» Тутъ сталъ онъ заглядывать и подъ столъ, и на столъ, шарилъ вездѣ и наконецъ закричалъ: «Мавра! а Мавра!» На зовъ явилась женщина съ тарелкой въ рукахъ, на которой лежалъ сухарь, уже знакомый читателю, и между ними произошелъ такой разговоръ:

«Куда ты дѣла, разбойница, бумагу?»

«Ей Богу, баринъ, не видывала, опричь небольшого лоскутка, которымъ изволили прикрыть рюмку».

«А вотъ я по глазамъ вижу, что подтибрила».

«Да на что жъ бы я подтибрила? Вѣдь мнѣ проку съ ней никакого: я грамотѣ не знаю».

«Врешь, ты снесла пономаренку: онъ марабуетъ, такъ ты ему и снесла».

«Да пономаренокъ, если захочетъ,

такъ достанетъ себѣ бумагу. Не видалъ онъ нашего лоскутка!»

«Вотъ погоди-ка: на страшномъ судѣ черти припекутъ тебя за это желѣзными рогатками! вотъ посмотришь, какъ припекутъ!»

«Да за что же припекутъ, коли я не брала и въ руки четвертки? Ужъ скорѣе другой какой бабьей слабостью, а воровствомъ меня еще никто не попрекалъ».

«А вотъ черти-то тебя и припекутъ! скажутъ: «А вотъ тебѣ мошенница, за то, что барина-то обманывала!» да горячими-то тебя и припекутъ!»

«А я скажу: «Не за что! ей Богу, не за что: не брала я....» Да вонъ она лежитъ на столѣ. Всегда напраслиной попрекаете!»

Плюшкинъ увидалъ точно четвертку и на минуту остановился, пожевалъ губами и произнесъ: «Ну, что жъ ты расходилась такъ? экая занозистая! Ей скажи только одно слово, а она ужъ въ отвѣтъ десятокъ! Поди-ка принеси огоньку запечатать письмо. Да стой! ты схватишь сальную свѣчу; сало дѣло топкое: сгоритъ да и нѣтъ, только убытокъ; а ты принеси-ка мнѣ лучинку!»

Мавра ушла, а Плюшкинъ, сѣвши въ кресла и взявши въ руку перо, долго еще ворочалъ на всѣ стороны четвертку, придумывая, нельзя ли отдѣлить отъ нея еще осьмушку, но наконецъ убѣдился, что никакъ нельзя, всунулъ перо въ чернилицу съ какою-то заплѣсневѣвшею жидкостью и множествомъ мухъ на днѣ, и сталъ писать, выставляя буквы, похожія на музыкальныя ноты, придерживая поминутно прыть руки, которая разскакивалась по всей бумагѣ, лѣпя скупо строка на строку, и не безъ сожалѣнія подумывая о томъ, что все еще останется много чистаго пробѣла.

И до такой ничтожности, мелочности, гадости могъ снизойти человѣкъ! могъ такъ измѣниться! И похоже это на правду? Все похоже на правду, все можетъ статься съ человѣкомъ. Нынѣшній же пламенный юноша отскочилъ бы съ ужасомъ, если бы показали ему его же портретъ въ старости. Забирайте же съ собою въ путь, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое, ожесточающее мужество, забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ— не подымете потомъ! Грозна, страшна грядущая впереди старость, и ничего не отдаетъ назадъ и обратно! Могила милосерднѣе ея, на могилѣ напишется: Здѣсь погребенъ человѣкъ; но ничего не прочитаешь въ хладныхъ, безчувственныхъ чертахъ безчеловѣчной старости.

«А не знаете ли вы какого-нибудь вашего пріятеля», сказалъ Плюшкинъ, складывая письмо, «которому бы понадобились бѣглыя души?»

«А у васъ есть и бѣглыя?» быстро спросилъ Чичиковъ, очнувшись.

«Въ томъ-то и дѣло, что есть. Зять дѣлалъ выправки: говоритъ будто и слѣдъ простылъ; но вѣдь онъ человѣкъ военный: мастеръ притопывать шпорой, а если бы похлопотать по судамъ...»

«А сколько ихъ будетъ числомъ?»

«Да десятковъ до семи тоже наберется.»

«Нѣтъ?»

«А ей Богу такъ! Вѣдь у меня, что годъ, то бѣгаютъ. Народъ-то больно прожорливъ, отъ праздности завелъ привычку трескать, а у меня ѣсть и самому нечего... А ужъ я бы за нихъ, что ни дай, взялъ бы. Такъ посовѣтуйте вашему пріятелю-то: отыщись вѣдь только десятокъ, такъ вотъ ужe у него славная деньга. Вѣдь ревизская душа стоитъ въ пятистахъ рубляхъ.»

«Нѣтъ, этого мы пріятелю и понюхать не дадимъ», сказалъ про себя Чичиковъ и потомъ объяснилъ, что такого пріятеля никакъ не найдется, что однѣ издержки по этому дѣлу будутъ стоить болѣе, ибо отъ судовъ нужно отрѣзать полы собственнаго кафтана да уходить

подалѣе; но что если онъ уже дѣйствительно такъ стиснутъ, то, будучи подвигнутъ участіемъ, онъ готовъ дать... но что это такая бездѣлица, о которой даже не стоитъ и говорить.

«А сколько бы вы дали?» спросилъ Плюшкинъ, и самъ ожидовѣлъ; руки его задрожали, какъ ртуть.

«Я бы далъ по двадцати пяти копѣекъ за душу».

«А какъ, вы покупаете на чистыя?»

«Да, сейчасъ деньги.»

«Только, батюшка, ради нищеты-то моей, уже дали бы по сорока копѣекъ.»

«Почтеннѣйшій!» сказалъ Чичиковъ: «не только по сорока копѣекъ, по пяти сотъ рублей заплатилъ бы! съ удовольствіемъ заплатилъ бы, потому что вижу—почтенный, добрый старикъ терпитъ по причинѣ собственнаго добродушія.»

«А ей Богу такъ! ей Богу правда!» сказалъ Плюшкинъ, свѣсивъ голову внизъ и сокрушительно покачавъ ею. «Все отъ добродушія.»

«Ну, видите ли? я вдругъ постигнулъ вашъ характеръ. Итакъ, почему жъ не дать мнѣ по пяти сотъ рублей за душу, но... состоянья нѣтъ; по пяти копѣекъ, извольте, готовъ прибавить, чтобы каждая душа обошлась такимъ образомъ въ тридцать копѣекъ.»

«Ну, батюшка, воля ваша, хоть по двѣ копѣйки пристегните.»

«По двѣ копѣйки пристегну, извольте. Сколько ихъ у васъ? Вы, кажется, говорили—семьдесятъ!»

«Нѣтъ, всего наберется семьдесятъ-восемь.»

«Семьдесятъ-восемь, семьдесятъ-восемь, по тридцати копѣекъ за душу, это будетъ...» здѣсь герой нашъ одну секунду, не болѣе, думалъ и сказалъ вдругъ: «это будетъ двадцать четыре рубля девяносто-шесть копѣекъ!» онъ былъ въ ариѳметикѣ силенъ. Тутъ же заставилъ Плюшкина написать росписку и выдалъ ему деньги, которыя тотъ принялъ въ обѣ руки и понесъ ихъ къ бюро съ такою же осторожноюстью, какъ будто-бы несъ какую-нибудь жидкость, ежеминутно боясь расплескать ее. Подошедши къ бюро, онъ переглядѣлъ ихъ еще разъ и уложилъ тоже чрезвычайно осторожно въ одинъ изъ ящиковъ, гдѣ, вѣрно, имъ суждено быть погребенными до тѣхъ поръ, покамѣсть отецъ Карпъ и отецъ Поликарпъ, два священника его деревни, не погребутъ его самого, къ неописанной радости зятя и дочери, а можетъ быть, и капитана, приписавшагося ему въ родню. Спрятавши деньги, Плюшкинъ сѣлъ въ кресла и уже, казалось, больше не могъ найти матеріи, о чемъ говорить.

«А что, вы ужъ собираетесь ѣхать?» сказалъ онъ, замѣтивъ небольшое движеніе, которое сдѣлалъ Чичиковъ для того только, чтобы достать изъ кармана платокъ.

Этотъ вопросъ напомнилъ ему, что въ самомъ дѣлѣ не зачѣмъ болѣе мѣшкать. «Да, мнѣ пора!» произнесъ онъ, взявшись за шляпу.

«А чайку?»

«Нѣтъ, ужъ чайку пусть лучше когда-нибудь въ другое время.

«Какъ-же? а я приказалъ самоваръ. Я, признаться сказать, не охотникъ до чаю: напитокъ дорогой, да и цѣна на сахаръ поднялась немилосердная. Прошка! не нужно самовара! Сухарь отнеси Маврѣ, слышишь? пусть его положитъ на тоже мѣсто; или, нѣтъ, подай его сюда, я ужо снесу его самъ. Прощайте, батюшка, да благословитъ васъ Богъ! А письмо-то предсѣдателю вы отдайте. Да, пусть прочтетъ, онъ мой старый знакомый. Какъ же! были съ нимъ однокорытниками!»

За симъ, это странное явленіе, этотъ съежившійся старичишка проводилъ его со двора, послѣ чего велѣлъ ворота тотъ-же часъ запереть; потомъ обошелъ кладовыя, съ тѣмъ, чтобы осмотрѣть, на своихъ ли мѣстахъ сторожа, которые стояли на всѣхъ углахъ, колотя деревянными лопатками въ пустой боченокъ, на мѣсто чугунной доски; послѣ

того заглянулъ въ кухню, гдѣ, подъ видомъ того, чтобы попробовать, хорошо ли ѣдятъ люди, наѣлся препорядочно щей съ кашею и, выбранивши всѣхъ до послѣдняго за воровство и дурное поведеніе, возвратился въ свою комнату. Оставшись одинъ, онъ даже подумалъ о томъ, какъ бы ему возблагодарить гостя за такое, въ самомъ дѣлѣ, безпримѣрное великодушіе. «Я ему подарю», подумалъ онъ про себя, «карманные часы: они вѣдь хорошіе, серебряные часы, а не то, чтобы какіе нибудь томпаковые, или бронзовые, немножко поиспорчены, да вѣдь онъ себѣ перенравитъ; онъ человѣкъ еще молодой, такъ ему нужны карманные часы, чтобы понравиться своей невѣстѣ. Или нѣтъ, прибавилъ онъ, послѣ нѣкотораго размышленія, лучше я оставлю ихъ ему, послѣ моей смерти, въ духовной, чтобы вспоминалъ обо мнѣ.»

Ревизоръ, Комедія (1836).

Дѣйствіе первое.

Городничій приглашаетъ къ себѣ важнѣйшихъ чиновниковъ уѣзднаго городка и извѣщаетъ ихъ что къ нимъ ѣдетъ Ревизоръ съ секретнымъ предписаніемъ обревизовать въ губерніи все, относящееся до гражданскаго управленія. По этому случаю городничій совѣтуетъ своимъ сослуживцамъ обратить вниманіе на нѣкоторые по ихъ части управленія безпорядки. Обращаясь къ Землянникѣ, попечителю Богоугодныхъ заведеній, онъ говоритъ:

Безъ сомнѣнія, проѣзжающій чиновникъ захочетъ прежде всего осмотрѣть подвѣдомственныя вамъ богоугодныя заведенія—и потому вы сдѣлайте такъ, чтобы все было прилично. Колпаки были бы чистые, и больные не походили бы на кузнецовъ, какъ обыкновенно они ходятъ по домашнему въ будни; и тамъ, какъ слѣдуетъ, надписать предъ каждою кроватью по-латынѣ, или на другомъ какомъ языкѣ.... какъ признается нужно—это ужъ по вашей части, Христіанъ Ивановичъ (*лѣкарь*)—всякую болѣзнь, когда кто заболѣлъ, котораго дня и числа, какъ найдете лучше (*Помолчавъ и покачавъ головой*). У васъ больные такой крѣпкій табакъ курятъ, что всегда расчихаешься, когда войдешь. Да и лучше, если бы ихъ было меньше, потому что сейчасъ отнесутъ или къ дурному смотрѣнію, или къ неискуству врача.

Артемій Филиповичъ (*Земляника*). На счетъ этого мы уже съ Христіаномъ Ивановичемъ распорядились, какъ нужно. Все зависитъ отъ образа леченія; я полагаю, что чѣмъ ближе къ натурѣ, тѣмъ лучше. Да и въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ убытчиться и выписывать дорогія лекарства для какого нибудь инвалида?.. Человѣкъ простой—если умретъ, то и такъ умретъ; если выздоровѣетъ, то и такъ выздоровѣетъ. При томъ и Христіану Ивановичу очень затруднительно было бъ съ ними изъясняться, потому что онъ не знаетъ по русски. Лучше же сберегу я казенный интересъ и уменьшеніемъ расходовъ увеличу сумму. Тогда и начальство, видя мое усердіе, безъ сомнѣнія, представитъ меня къ отличію въ поощреніе прочимъ (*обращаясь къ Христіану Ивановичу*), то есть я разумѣю, что при этомъ и вамъ будетъ какое нибудь благоволеніе.

Христіанъ Ивановичъ *издаетъ звукъ, отчасти похожій на букву и, и нѣсколько на е.*

Городничій. Вамъ тоже посовѣтовалъ бы, Аммосъ Ѳедоровичъ (*судья*), обратить вниманіе на присутственныя мѣста. У васъ тамъ въ передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашнихъ гусей съ маленькими гусенками, которые такъ и шныряютъ подъ ногами. Оно, конечно, домашнимъ хозяйствомъ заводиться всякому похвально, и почему жъ сторожу и не завесть его? только, знаете, въ такомъ мѣстѣ не прилично... Я и прежде хотѣлъ вамъ это замѣтить, но все какъ-то позабывалъ. Кромѣ того дурно, что у васъ

высушивается въ самомъ присутствіи всякая дрянь, и надъ самымъ шкапомъ съ бумагами охотничій арапникъ. Я знаю, вы любите охоту; но все на время лучше его припрятать, а тамъ какъ проѣдетъ Ревизоръ, вы пожалуй опять его можете повѣсить. Также засѣдатель вашъ... онъ, можетъ быть, очень хорошій человѣкъ и свѣдущій въ своемъ дѣлѣ, но отъ него, знаете, такой запахъ, какъ будто бы онъ только что вышелъ изъ винокурсннаго завода?... Это тоже не хорошо. Я хотѣлъ давно объ этомъ сказать вамъ, но былъ, не помню, чѣмъ-то развлеченъ. Есть такія средства, которыя могутъ это нѣсколько поправить, если ужь это дѣйствительно, какъ онъ говоритъ, у него природный запахъ. Можно ему посовѣтовать ѣсть лукъ или чеснокъ или что нибудь другое. Въ этомъ случаѣ можетъ помочь разными средствами или медикаментами Христіанъ Ивановичъ.

Хр. Ив. *издаетъ тотъ же звукъ.*

Амм. Ѳед. Нѣтъ, этого уже невозможно выгнать: онъ говоритъ точно, что какъ-то въ дѣтствѣ мамка его ушибла, и съ того времени отъ него отдаетъ немного водкой.

Городн. Да, я такъ только замѣтилъ вамъ. На счетъ же внутренняго распоряженія, и того, что называетъ въ письмѣ Андрей Ивановичъ грѣшками, я ничего не могу сказать. Да и странно говорить, потому что нѣтъ человѣка, который бы за собою не имѣлъ какихъ нибудь грѣховъ. Это уже такъ самимъ Богомъ устроено, и волтеріанцы напрасно противъ этого говорятъ.

Амм. Ѳед. Чтожъ вы полагаете, Антонъ Антоновичъ, грѣшками? Грѣшки грѣшкамъ рознь. У меня если есть грѣшки, то самые невинные! Вѣдь я, какъ вамъ извѣстно, беру взятки борзыми щенками.

Городн. Ну щенками или чѣмъ другимъ, все взятки.

Амм. Ѳед. Э, нѣтъ, Антонъ Антоновичъ, это совсѣмъ не то. Вотъ у васъ, шуба стоитъ пятьсотъ рублей, да...

Г. Ну а что изъ того, что вы берете взятки борзыми щенками? За то вы въ Бога не вѣруете; вы въ церковь никогда не ходите; а я, по крайней мѣрѣ, въ вѣрѣ твердъ, и каждое Воскресенье бываю въ церкви. А вы.... О, я знаю васъ: вы, если начнете говорить о сотвореніи міра, то просто, волосы дыбомъ поднимаются.

Амм. Ѳед. Да вѣдь самъ собою дошелъ, собственнымъ умомъ...

Г. Ну, въ этомъ случаѣ Богъ знаетъ: ежели слишкомъ много ума, то бываетъ иной разъ хуже, чѣмъ бы его совсѣмъ не было. Впрочемъ я такъ только упомянулъ объ уѣздномъ судѣ, а оно врядъ ли кто когда нибудь заглянетъ туда: это ужъ такое завидное мѣсто; самъ Богъ ему покровительствуетъ. А вотъ вамъ, Лука Лукичъ, такъ какъ смотрителю учебныхъ заведеній, нужно позаботиться особенно насчетъ учителей. Они люди конечно ученые и воспитывались въ разныхъ коллегіяхъ, но имѣютъ очень странные поступки, натурально неразлучные съ ученымъ званіемъ. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ вотъ этотъ, что имѣетъ толстое лицо... не вспомню его фамиліи, никакъ не можетъ обойтись, чтобы, взошедши на каѳедру, не сдѣлать гримасу—вотъ этакъ (*дѣлаетъ гримасу*). И потомъ начнетъ рукою изъ-подъ галстуха утюжить свою бороду. Конечно, если онъ ученику сдѣлаетъ такую рожу, то оно еще ничего, можетъ быть оно тамъ и нужно такъ,—объ этомъ я не могу судить; но вы посудите сами, если онъ сдѣлаетъ это посѣтителю—это можетъ быть очень худо. Г. Ревизоръ, или другой кто можетъ принять это на свой счетъ. Изъ этого чортъ знаетъ что можетъ произойти.

Лука Лукичъ. Ахъ, Боже мой! У меня совершенно изъ ума вышло.

Г. Тоже я долженъ вамъ замѣтить и объ учителѣ по исторической части... Онъ ученая голова—это видно, и свѣдѣній нахваталъ тьму, но только объясняетъ съ такимъ жаромъ, что не помнитъ себя. Я разъ слушалъ его... ну,

покамѣсть говорилъ объ Ассиріянахъ и Вавилонянахъ—еще ничего, а какъ добрался до Александра Македонскаго, то я не могу вамъ сказать, что съ нимъ сдѣлалось: Я думалъ, что пожаръ. Ей-Богу! сбѣжалъ съ каѳедры и что силы есть, хвать стуломъ объ полъ. Оно конечно, Александръ Македонскій герой, но зачѣмъ же стулья ломать? Отъ этого убытокъ казнѣ.

Л. Л. Да онъ горячъ; я ему это нѣсколько разъ уже замѣчалъ... Право я не знаю, что и дѣлать съ нимъ.

Г. Да. Таковъ уже неизъяснимый законъ судебъ: что умный человѣкъ или пьяница, или рожу такую состроитъ, что хоть святыхъ выноси.

Л. Л. Эко право хлопотливое дѣло.

Г. Это бы еще ничего—хлопоты; худо что не знаешь, съ которой стороны ожидать его, когда и въ какое время. Инкогнито проклятое—вотъ что смущаетъ! Вдругъ заглянетъ: а! вы здѣсь голубчики! А кто, скажетъ, здѣсь судья? Ляпкинъ-Тяпкинъ—А! подать сюда Ляпкина-Тяпкина! А кто попечитель богоугодныхъ заведеній?—Земляника. А подать сюда Землянику! Вотъ что худо!

Въ это время приходитъ почтмейстеръ, и городничій проситъ его распечатывать письма, чтобы узнать, нѣтъ ли откуда нибудь жалобы. Почтмейстеръ и самъ это дѣлаетъ обыкновенно изъ одного невиннаго любопытства, и потому готовъ исполнить предложеніе городничаго. Безпокойство начальника города быстро возрастаетъ; его особенно тревожитъ проклятое инкогнито. Когда онъ высказываетъ свою тревогу, вбѣгаютъ два городскіе жителя, дворяне Бобчинскій и Добчинскій и перебивая другъ друга, расказываютъ присутствующимъ, что они видѣли въ одной гостинницѣ молодаго человѣка, который по всѣмъ примѣтамъ именно и есть ожидаемый ревизоръ. Городничій, вполнѣ повѣрившій имъ, дѣлаетъ наскоро нѣкоторыя распоряженія и съ Бобчинскимъ отправляется въ гостинницу.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Происходитъ въ гостинницѣ, въ померѣ Хлестакова.

Осип. (*слуга Хл. лежитъ на барской постели*). Чортъ побери, ѣсть такъ хочется—и въ животѣ трескотня такая, какъ будто бы цѣлый полкъ затрубилъ въ трубы. Вотъ, не доѣдемъ да и только домой;—что ты прикажешь дѣлать?... Второй мѣсяцъ пошелъ, какъ уже изъ Питера! Профинтилъ дорогою денежки, голубчикъ, теперь сидитъ и хвостъ подвернулъ, и не горячится. А стало бы, и очень бы стало на прогоны; нѣтъ, вишь ты, нужно въ каждомъ городѣ показать себя. (*Дразнитъ его*)! «Эй, Осипъ, ступай, посмотри комнату лучшую, да обѣдъ спроси самый лучшій, я не могу ѣсть дурнаго обѣда: мнѣ нуженъ лучшій обѣдъ». Добро бы было въ самомъ дѣлѣ что нибудь путное, а то вѣдь елистратишка простой!... Съ проѣзжающимъ знакомится, а потомъ въ картишки,—вотъ тебѣ и доигрался!... Эхъ, надоѣла такая жизнь! Право, на деревнѣ лучше: оно хоть нѣтъ публичности, да и заботности меньше; возьмешь себѣ бабу, да и лежи весь вѣкъ на полатяхъ, да ѣшь пироги. Ну ктожъ споритъ — конечно—если пойдетъ на правду, такъ житье въ Питерѣ лучше всего. Деньги бы только были, а жизнь тонкая и политичная: кеатры, собаки тебѣ танцуютъ, и все, что хочешь. Разговариваетъ все на тонкой деликатности, что развѣ только дворянству уступитъ. Пойдешь на Щукинъ—купцы тебѣ кричатъ: почтенной; на перевозѣ въ лодкѣ съ чиновникомъ сядешь; компаніи захотѣлъ—ступай въ лавочку; тамъ тебѣ кавалеръ разскажетъ про лагери и объявитъ, что всякая звѣзда значитъ на небѣ такъ, какъ на ладони все видишь. Старуха офицерша забредетъ; горничная иной разъ заглянетъ такая.... Фу, фу, фу, (*усмѣхается и трясетъ головой*), галантерейное, чортъ возьми, обхожденіе! Невѣжливаго слова никогда не услышишь: всякій тебѣ говоритъ *вы*. Наскучило идти—берешь извощика, и сидишь себѣ какъ баринъ; а не хочешь заплатить ему,—изволь: у каждаго дома есть сквозные ворота, и ты такъ шмыгнешь, что тебя никакой дьяволъ не сыщетъ. Одно плохо: иной разъ славно наѣшься, а

въ другой чуть не лопнешь съ голоду, какъ теперь напримѣръ.... А все онъ виноватъ!... что съ нимъ сдѣлаешь? Батюшка пришлетъ денежки; чѣмъ бы ихъ попридержать—и, куды!... пошелъ кутить: ѣздитъ на извощикѣ, каждый день ты доставай въ кеатръ билетъ, а тамъ черезъ недѣлю—глядь, и посылаетъ на толкучій продавать новый фракъ. Иной разъ все до послѣдней рубашки спуститъ, такъ что на немъ всего останется сертучишка, да шинелишка.... Ей-Богу правда! И сукно такое важное, аглицкое! рублевъ полтораста ему одинъ фракъ станетъ, а на рынкѣ спуститъ рублей за двадцать, а о брюкахъ и говорить нечего—ни почемъ идутъ. А отчего? оттого, что дѣломъ не занимается: вмѣсто того, чтобы въ должность, а онъ идетъ гулять по прешпекту, въ картишки играетъ. Эхъ, еслибъ узналъ это старый баринъ! Онъ не посмотрѣлъ бы на то, что ты чиновникъ, а такихъ бы засыпалъ тебѣ, что дня бъ четыре ты почесывался. Коли служить, такъ служи!... Вотъ теперь трактирщикъ сказалъ, что не дамъ вамъ ѣсть, пока не заплатите за прежнее, а коли не заплатимъ.... (*со вздохомъ*) Ахъ, Боже ты мой, хоть бы какія нибудь щи! Кажись, такъ бы теперь весь свѣтъ съѣлъ. Стучится, вѣрно это онъ идетъ. (*Поспѣшно схватывается съ постели*).

Въ самомъ дѣлѣ является Хлестаковъ и, побранивши Осипа за то, что валяется на барской постели, посылаетъ его за обѣдомъ. Осипъ идетъ не хотя, зная, что неприказано болѣе отпускать имъ обѣда.

Хлестаковъ (*одинъ*). Ужасно какъ хочется ѣсть. Такъ немножко прошелся; думалъ, не пройдетъ ли аппетитъ,—нѣтъ, чортъ возьми, не проходитъ. Да, еслибъ въ Пензѣ я не покутилъ, стало бы денегъ доѣхать домой. Пѣхотный капитанъ больше всего меня поддѣлъ; однакожъ, что ни говори, а удивительно бестія штосы срѣзываетъ. Всего какихъ нибудь четверть часа посидѣлъ и все обобралъ. Славно играетъ! Еслибъ еще гдѣ нибудь съ нимъ встрѣтиться. Впрочемъ, какъ же встрѣтиться? на это все нужно случай. Когда бъ въ самомъ дѣлѣ уже скорѣе доѣхать домой: надоѣло въ дорогѣ. Нарочно такой мерзкой городишка: въ другихъ, по крайней мѣрѣ, что нибудь бываетъ, а здѣсь ничего совершенно нѣтъ. Въ овошенной лавкѣ балыки еще сносные, но проклятые сидѣльцы очень мало даютъ на пробу. (*Насвистываетъ сначала изъ Роберта, потомъ: «не шей ты мнѣ матушка», а наконецъ ни се, ни то*). Никто не хочетъ идти.

Уговариваетъ вошедшаго трактирнаго слугу принести обѣдъ и потомъ оставшись одинъ, говоритъ:

Это скверно, однакожъ, если онъ совсѣмъ ничего не дастъ ѣсть. Такъ хочется, какъ еще никогда не хотѣлось. Развѣ изъ платья что нибудь пустить въ оборотъ? Нѣтъ, не хочу; лучше немного поголодаю, да по крайней мѣрѣ пріѣду домой въ петербургскомъ костюмѣ. Жаль, что Іохимъ не далъ на прокатъ кареты, а хорошо бы пріѣхать домой въ каретѣ. Очень бы не дурно подкатить къ какому нибудь сосѣду помѣщику съ фонарями подъ крыльцо, а Осипа сзади одѣть въ ливрею. Какъ бы переполошились всѣ: кто такой, что такое? а лакей входитъ: «Иванъ Александровичъ Хлестаковъ, изъ Петербурга, прикажете принять?» Они, пентюхи, и не знаютъ, что такое значитъ: «прикажете принять». Къ нимъ если пріѣдетъ какой нибудь гусь помѣщикъ, то въ ту же минуту вылазитъ изъ брички и, не говоря ни слова, такъ прямо, медвѣдь, и валится въ гостиную. Къ дочечкѣ какой нибудь хорошенькой подойдешь: «сударыня, какая....» Тьфу, (*плюетъ*), даже тошнитъ, такъ ѣсть хочется.

Слуга приноситъ обѣдъ. Хлестаковъ, хотя бранитъ и щи и жаркое, но ѣстъ съ жадностью. Осипъ докладываетъ, что

Городничій пріѣхалъ, освѣдомляется и спрашиваетъ о васъ.

Х. (*испугавшись*) Вотъ тебѣ на! Я, ей Богу, никакъ не думалъ про это.... Эка бестія, трактирщикъ! Если въ самомъ дѣлѣ потащитъ въ тюрьму! Чтожъ? если благороднымъ образомъ, еще ничего, я, пожалуй, пойду.... Нѣтъ, чтожъ я говорю: пойду? Тамъ вчера смотрѣли на меня двѣ купеческія дочери, офицеры тоже безпрестанно ходятъ.... Нѣтъ, я не соглашусь. Онъ не можетъ сдѣлать этого, или ужъ онъ будетъ послѣ этого такая скотина.... Это можно какого нибудь мѣщанина, или ремесленника.... Нѣтъ, не поддаваться! (*Ободряется*). Что онъ можетъ мнѣ? Я скажу ему: какъ вы!... Я знать не хочу.... (*У дверей вертится ручка; Хлестаковъ блѣднѣетъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Хлестаковъ, Городничій и Добчинскій.

(Городничій вошедъ останавливается. Оба въ испугѣ смотрятъ нѣсколько минутъ одинъ на другаго, выпучивъ глаза).

Городничій (*немного оправившись и протянувъ руки по швамъ*). Желаю здравствовать.

Хлест. (*кланяется*). Мое почтеніе....

Г. Извините.

Х. Ничего.

Г. Обязанность моя, какъ градоначальника здѣшняго города, заботиться о томъ, чтобы проѣзжающимъ и всѣмъ благороднымъ людямъ никакихъ притѣсненій....

Х. (*сначала немного заикается, но къ концу рѣчи говоритъ громко*). Да чтожъ дѣлать?.... Я не виноватъ.... Я право заплачу.... Мнѣ пришлютъ изъ деревни (*Бобчинскій выглядываетъ изъ дверей*). Онъ больше виноватъ: говядину мнѣ подаетъ такую твердую, какъ бревно; а супъ.... Онъ чортъ знаетъ чего плеснулъ туда; я долженъ былъ выбросить его въ окно. Онъ меня голодомъ по цѣлымъ днямъ.... Чай такой странный: воняетъ рыбой, а не чаемъ. За что же я?... Вотъ новость!

Г. (*робѣя*). Извините, я, право, не виноватъ. На рынкѣ у меня говядина всегда хорошая. Привозятъ Холмогорскіе купцы, люди трезвые и поведенія хорошаго. Я ужъ не знаю, откуда онъ беретъ такую. Позвольте мнѣ предложить вамъ переѣхать со мною на другую квартиру.

Х. Нѣтъ, я не хочу; я знаю, что значитъ на другую квартиру, то есть въ тюрьму. За чѣмъ же меня?... Вы не имѣете права.... Я покажу вамъ подорожную... Я чиновникъ, ѣду въ собственную мою деревню, въ Саратовскую губернію, служу по Министерству.... Вы не смѣете.... Я буду жаловаться.

Г. (*въ сторону*). О Боже мой! Все, все узналъ.... Какой сердитый! Все разсказали проклятые купцы.

Х. (*Храбрясь*). Да какъ вы смѣете?... Меня самъ Министръ знаетъ.... Нѣтъ, не пойду, Ей Богу не пойду, вотъ хоть вы со всей своей командой.... (*Въ сторону*). Не поддаваться, право не поддаваться, и если что нибудь.... то.... (*Беретъ сзади рукою бутылку*).

Г. (*вытянувшись и дрожа всѣмъ тѣломъ*), Помилуйте, не погубите! Жена, дѣти маленькія.... не сдѣлайте несчастнымъ человѣка

Х. Нѣтъ, я не хочу. Вотъ еще! мнѣ какое дѣло? Отъ того, что у васъ жена и дѣти, я долженъ идти въ тюрьму,— вотъ прекрасно! (*Бобчинскій выглядываетъ въ дверь и въ испугѣ прячется*). Нѣтъ, благодарю покорно, не хочу.

Г. (*дрожа*). По неопытности, ей Богу, по неопытности! Недостаточность состоянія... Казеннаго жалованья не хватаетъ даже на чай и сахаръ. Если жъ и были какія взятки, то самая малость: къ столу что нибудь, да на пару платья. Что-же до унтеръ-офицерской вдовы, занимающейся купечествомъ, которую я будто бы высѣкъ, то это клевета, ей Богу, клевета! Это выдумали злодѣи мои; это такой народъ, что на жизнь мою готовы покуситься.

Х. Да... Конечно... (*Въ размышленіи*). Я не знаю однакожъ, зачѣмъ вы говорите о злодѣяхъ, или о какой-то унтеръ-офицерской вдовѣ?... Я не знакомъ съ нею. Да мнѣ и дѣла нѣтъ къ ней. Унтеръ-офицерская жена совсѣмъ другое, а меня вы не смѣете высѣчь. До этого вамъ далеко... я заплачу вамъ деньги; у меня только теперь нѣтъ. Я потому и сижу здѣсь такъ долго, что ни копѣйки нѣтъ денегъ.

Г. (*въ сторону*). О тонкая штука! Экъ куда метнулъ! Какого туману напустилъ! Разбери кто хочетъ. Не знаешь, съ которой стороны и приняться. Попробовать развѣ на авось. (*Въ слухъ*). Если вы точно имѣете нужду въ деньгахъ, или въ чемъ другомъ, то я готовъ служить сію минуту. Моя обязанность помогать проѣзжающимъ.

Х. Такъ вы даете мнѣ въ займы?... О если такъ, то я сейчасъ готовъ расплатиться: мнѣ бы двѣсти рублей раздѣлаться только съ трактирщикомъ, а тамъ я, какъ только въ деревню, сейчасъ же и возвращу вамъ... это вдругъ.

Г. Помилуйте! я готовъ ожидать сколько угодно. Какъ можно, чтобы я осмѣлился назначить срокъ. Вотъ тутъ ровно двѣсти рублей, хоть и не трудитесь считать.

Х. (*принимая деньги*). Покорнѣйше благодарю; я вамъ очень благодаренъ. Меня, признаюсь, это чрезвычайно поощрило; у меня ужъ ни копѣйки небыло. Вы, какъ я вижу теперь, очень благородный человѣкъ, а прежде я думалъ... (*Кладетъ ихъ въ карманъ*).

Г. (*въ сторону*). Ну, слава Богу! по крайней мѣрѣ деньги взялъ. Теперь дѣло можетъ быть на-ладъ пойдетъ. Я таки ему, вмѣсто двухъ сотъ, четыреста ввернулъ.

Х. Эй, Осипъ! (*Осипъ входитъ*). Позови сюда трактирнаго слугу (*Къ Городничему и Добчинскому*). А что жъ вы стоите? Сдѣлайте милость садитесь. (*Добчинскому*) Садитесь, прошу покорнѣйше.

Г. Ничего, мы и такъ постоимъ.

Х. Садитесь пожалуста, я васъ прошу! (*Добчинскому*) Садитесь. (*Городн. и Добч. садятся. Бобчинскій выглядываетъ въ дверь*).

Г. (*въ сторону*). Онъ хочетъ, чтобы считали его инкогнитомъ. Хорошо, подпустимъ и мы турусы: прикинемся, какъ будто совсѣмъ и не знаемъ, что онъ за человѣкъ. (*Вслухъ*). Мы, прохаживаясь по дѣламъ должности, вотъ съ Петромъ Ивановичемъ Добчинскимъ, здѣшнимъ помѣщикомъ, зашли нарочно въ гостинницу, чтобы освѣдомиться, хорошо ли содержатся проѣзжающіе, потому что я не такъ, какъ иной городничій, которому ни до чего дѣла нѣтъ; но я, я, кромѣ должности, еще, по христіанскому человѣколюбію, хочу, чтобы всякому смертному оказывался хорошій пріемъ, и вотъ въ награду за ревностную службу случай доставилъ мнѣ такое пріятное знакомство съ вами.

Х. Я тоже самъ очень радъ. Безъ васъ, я, признаюсь, долго бы просидѣлъ здѣсь: совсѣмъ не зналъ, чѣмъ заплатить.

Г. (*въ сторону*). Да разсказывай себѣ! (*Вслухъ*). Осмѣлюсь ли спросить, куда и въ какія мѣста ѣхать изволите?

Х. Я ѣду въ Саратовскую губернію въ собственную деревню.

Г. (*въ сторону съ лицомъ принимающимъ ироническое выраженіе*). Въ Саратовскую губернію! О, да ты штука! (*Вслухъ*).Да, пріятная прогулка для ума и сердца. Въ дорогѣ способности хорошо развиваются... и вы вѣрно такъ только по своей охотѣ ѣдете туда, для своего удовольствія.

Х. Нѣтъ, батюшка меня требуетъ; а мнѣ, признаюсь, въ Петербургѣ лучше бы...

Г. (*въ сторону*). Батюшка требуетъ... А! экія пули отливаетъ. А вѣдь какой маленькой... (*Вслухъ*) И на долгое время изволите ѣхать туда?

Х. Незнаю. Мнѣ не хотѣлось бы жить съ мужиками, помѣщики тоже не имѣютъ образованности; однакожъ отставку подалъ...

Г. (*въ сторону*). И въ отставку по-

далъ! Каково подвертывается! (*Вслухъ*). И прекрасно дѣлаете! Что служба? Однѣ хлопоты: ночь не спишь — стараешься для отечества, не жалѣешь ничего, а награда неизвѣстно еще когда будетъ (*Окидываетъ глазами комнату*). Какія большія пятна по угламъ: должно быть течь и сырость бываетъ, и стѣны тоже ужъ слишкомъ низенькія... Мнѣ кажется, эта комната для васъ не слишкомъ удобна.

Х. Скверная комната, и клопы такіе какъ я еще нигдѣ не видывалъ: такъ, какъ собаки, канальи, кусаютъ.

Г. Скажите! Такой просвѣщенный гость, и претерпѣваетъ такое неудовольствіе отъ какихъ нибудь негодныхъ клоповъ, которымъ бы и на свѣтъ не слѣдовало родиться! Мнѣ кажется, сколько на мои слабыя глаза, или это мухи обпачкали, какъ будто бы даже темно въ этой комнатѣ.

А. Да, совсѣмъ темно, и хозяинъ завелъ такое обыкновеніе: не отпускаетъ совсѣмъ свѣчей. Иногда что нибудь хочется сдѣлать—почитать, или такъ придетъ фантазія сочинить что нибудь; но не можно, потому что вовсе темно.

Г. Осмѣлюсь ли просить васъ объ одномъ наивеличайшемъ одолженіи, котораго, безъ сомнѣнія, можетъ быть я не достоинъ?

Х. А что?

Г. Я бы дерзнулъ попросить васъ переѣхать ко мнѣ на домъ: у меня есть для васъ очень удобная комната.

Х, (*въ расмышленіи*), Какъ, то есть къ вамъ?... Да у васъ какая комната?

Г. Прекрасная комната, и столъ тоже вы будете у меня имѣть —хоть не столичный, но хорошій столъ; припасы свѣжіе, не такіе, какіе отпускаютъ въ трактирѣ за деньги. Не откажите! я а ужъ такъ радъ буду гостю... У меня такой нравъ: гостепріимство съ самого дѣтства; все, что ни есть, готовъ предложить; особливо если притомъ гость такой просвѣщенный человѣкъ. Не подумайте, что бы я говорилъ это изъ лести. Нѣтъ, не имѣю этого порока: отъ полноты души выражаюсь.

Х. Покорно благодарю васъ. Мнѣ тоже вы очень понравились.

Сдѣлавши распоряженіе о принятіи у себя въ домѣ дорогаго гостя, Городничій отправляется съ нимъ осматривать богоугодныя и другія учрежденія. Потомъ, сопровождаемые чиновниками, они приходятъ въ домъ городничаго; хозяинъ рекомендуетъ гостю свою жену и дочь. Хлестаковъ разсказываетъ имъ о своихъ необыкновенныхъ успѣхахъ на литературномъ и служебномъ поприщахъ и возбуждаетъ: въ дамахъ восторгъ, въ чиновникахъ—страхъ. Завтракъ, которымъ угостили Ревизора въ больницѣ, нагналъ на него сонъ, и Хлестаковъ отправляется въ отведенную ему комнату отдохнуть.

Дѣйствіе четвертое.

Въ отсутствіе Хлестакова собираются городскіе чиновники въ мундирахъ для оффиціальнаго представленія, и когда онъ проснулся, представляются ему поодиночкѣ. Онъ проситъ у нихъ въ долгъ денегъ и тѣ даютъ ему охотно. За чиновниками являются купцы и слесарша съ жалобами и Хлестаковъ обѣщаетъ всѣмъ защиту. Послѣ нихъ случайно входитъ въ комнату дочка городничаго. Хлестаковъ останавливаетъ ее, говоритъ ей, что счастливъ, встрѣчая ее, и изъясняетъ ей свою любовь. Въ эту минуту является жена городничаго, и гость проситъ у нея руки дочери, потомъ говоритъ просьбу свою и городничему. И мужъ и жена съ радостью соглашаются. Между тѣмъ, собираясь, по совѣту Осипа, уѣзжать отсюда, Хлестаковъ объявляетъ родителямъ невѣсты о своемъ намѣреніи на одинъ день съѣздить къ дядѣ. Его отпускаютъ съ искреннимъ желаніемъ скорѣйшаго свиданія.

Дѣйствіе пятое.

Оставшись одни, Городничій и жена мечтаютъ о счастіи, которое имъ привалило.

Г. Что, Анна Андреевна? а? Думала ли ты что нибудь объ этомъ?... Экой богатый призъ, канальство! Ну, признайся откровенно—тебѣ и во снѣ не видѣлось... Просто, изъ какой нибудь Городничихи и вдругъ... Фу ты канальство!... съ какимъ дьяволомъ породнилась!

Анна Андр. Совсѣмъ нѣтъ: я давно

это знала. Это тебѣ въ диковину, потому что ты простой человѣкъ; никогда не видѣлъ порядочныхъ людей.

Г. Я самъ, матушка, порядочный человѣкъ. Какія мы съ тобой теперь птицы сдѣлались! а, Анна Андреевна? Высокаго полета, чортъ побери! Теперь же я задамъ перцу всѣмъ этимъ охотникамъ подавать просьбы и доносы. Эй, кто тамъ? (*Входитъ квартальной*). А, это ты, Иванъ Карповичъ. Призови-ка сюда, братъ, купцовъ. Вотъ я ихъ каналій! Такъ жаловаться на меня! Вишь ты, проклятый Іудейскій народъ!... Постойте жъ, голубчики! Прежде я васъ кормилъ до усовъ только, а теперь накормлю до бороды. Запиши всѣхъ, кто только ходилъ бить челомъ на меня, и вотъ этихъ больше всего—писакъ, писакъ, которые закручивали имъ просьбы. Да объяви всѣмъ, чтобъ знали: что вотъ дескать какую честь Богъ послалъ Городничему, что выдаетъ дочь свою не то, чтобы за какого нибудь простаго человѣка, а за такого чиновника, что и на свѣтѣ еще не было, что можетъ и прогнать всѣхъ въ городѣ, и въ тюрьму посадитъ, и все что хочетъ. Всѣмъ объяви, чтобы всѣ знали. Кричи во весь народъ, валяй въ колокола, чортъ возьми! Ужъ когда торжество, такъ торжество. (*Кварт. уходитъ*). Такъ вотъ какъ, Анна Адреевна, а? Какъ же мы теперь, гдѣ будемъ жить?... Здѣсь или въ Питерѣ?

Анна Андр. Натурально, въ Питерѣ; какъ можно здѣсь оставаться!

Г. Ну въ Питерѣ, такъ въ Питерѣ; а оно хорошо бы и здѣсь. Что, вѣдь я думаю, ужъ городничество тогда въ чорту—а, Анна Андреевна?

Анна Андр. Натурально, что за городничество!

Г. Вѣдь оно, какъ ты думаешь, Анна Андреевна, теперь можно большой чинъ зашибить, потому что онъ за панибрата со всѣми министрами, и во дворецъ ѣздитъ; — такъ по этому можетъ такое производство сдѣлать, что со временемъ и въ генералы влѣзешь. Какъ ты думаешь, Анна Андреевна — можно влѣзть въ генералы?

Анна Андр. Еще бы! конечно можно.

Г. А, чортъ возьми, славно быть генераломъ! Кавалерію повѣсятъ тебѣ черезъ плечо... А какую кавалерію лучше, Анна Андреевна, красную, или голубую?

Анна Андр. Ужъ конечно голубую лучше.

Г. Э! вишь чего захотѣла!... Хорошо и красную. Вѣдь почему хочется быть генераломъ? потому что случится, поѣдешь куда нибудь — фельдъегеря и адъютанты поскачутъ вездѣ впередъ: лошадей! И тамъ на станціяхъ ни кому не дадутъ, все дожидается: всѣ эти Титулярные, Капитаны, Городничіе; а ты себѣ и въ усъ не дуешь; обѣдаешь гдѣ нибудь у Губернатора, а тамъ—стой Городничій! Хе, хе, хе! (*заливается и помираетъ со смѣху*) вотъ что, канальство, заманчиво!

Анна Андр. Тебѣ всѣ такое грубое нравится. Ты долженъ помнить, что жизнь нужно совсѣмъ перемѣнить, что твои знакомые будутъ не то, что какой нибудь судья—собачникъ, съ которымъ ты ѣздишь травить зайцевъ, или Земляника; напротивъ, знакомые твои будутъ съ самымъ тонкимъ обращеніемъ: Графы и всѣ свѣтскіе... Только я, право, боюсь за тебя: ты иногда вымолвишь такое словцо, какого въ хорошемъ обществѣ никогда не услышишь.

Г. Чтожъ? вѣдь слово не вредитъ.

Анна Андр. Да, хорошо, когда ты былъ Городничимъ; а тамъ вѣдь жизнь совершенно другая.

Г. Да, тамъ, говорятъ, есть двѣ рыбицы: ряпушка и корюшка такія, что только слюнка потечетъ, какъ начнешь ѣсть.

Анна Андр. Ему все бы только рыбки! Я не иначе хочу, чтобъ нашъ домъ былъ первый въ столицѣ, и чтобъ у меня въ комнатѣ такое было амбре, чтобъ нельзя было войти, и нужно бы только этакъ зажмурить глаза (*зажмуриваетъ глаза и нюхаетъ*) Ахъ! какъ хорошо!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и купцы.

Г. А! здорово соколики!

Купцы (*кланяясь*) Здравія желаемъ, батюшка!

Г. Что, голубчики какъ поживаете? какъ товаръ идетъ вашъ? Что самоварники, аршинники проклятые, жаловаться? жаловаться, протокопаліи? жаловаться архибестіи! жаловаться, разсусленныя бороды? Что? Много взяли?.. Вотъ думаютъ, такъ въ тюрьму его и засадятъ!.. Знаете ли вы, семь чертей и одна вѣдьма вамъ въ зубы, что...

Анна Андр. Ахъ, Боже мой, какія ты, Антоша, слова отпускаешь!

Г. (*съ неудовольствіемъ*). А, не до словъ теперь!.. Знаете ли, что тотъ самый чиновникъ, которому вы жаловались, теперь женится на моей дочери?.. Что теперь скажете? Теперь я васъ всѣхъ скручу, такъ что ни одного волоска не останется въ вашихъ бородахъ... Мошенники! Вы только обманываете народъ, мошенники! Сдѣлаешь подрядъ съ казною, на сто тысячъ надуешь ее, поставивши гнилаго сукна, да потомъ пожертвуешь, каналья, двадцать аршинъ!... еслибъ знали, такъ бы тебѣ петлю навѣсили!... Брюхо суетъ впередъ, — и онъ купецъ; его не тронь. Мы, говоритъ, и дворянамъ не уступимъ. Да, дворянинъ... Ахъ, ты рожа! дворянинъ учится наукамъ: его хоть и сѣкутъ въ школѣ, да за дѣло, чтобы онъ зналъ полезное. А ты что?... Ты начинаешь плутнями, тебя хозяинъ бьетъ за то, что не умѣешь обманывать. Ты мальчишка еще, «Отче нашъ» не знаешь, а ужъ обмѣриваешь; а тамъ какъ разопретъ тебѣ брюхо, да набьешь себѣ карманъ, такъ и заважничали!... Фу ты какая!.. Отъ того, что ты шестнадцать самоваровъ выдуешь въ день, такъ отъ того и важничаешь? Да я плевать на твою голову и на твою важность!

Купцы (*кланяясь*) Виноваты, Антонъ Антоновичъ!

Г. Жаловаться?... А кто тебѣ помогъ сплутовать, когда ты строилъ мостъ и написалъ дерева на двадцать тысячъ, тогда какъ его и на сто рублей не было? Я помогъ тебѣ, козлиная борода. Ты позабылъ это?... Я, показавши это на тебя, могъ бы тебя также, каналья, спровадить въ Сибирь. Что скажешь? —а?

Одинъ изъ купцовъ. Богу виноваты, Антонъ Антоновичъ. Лукавый попуталъ. И закаемся впередъ жаловаться. Всякое удовлетвореніе, какое хошь, готовы сдѣлать, не гнѣвись только.

Г. Не гнѣвись!... Вотъ ты теперь валяешься у ногъ моихъ. Отъ чего? отъ того, что мое взяло; а будь хошь немножко на твоей сторонѣ, такъ ты бы меня, каналья, втопталъ въ самую грязь, еще бы и бревномъ сверху навалилъ.

Купцы (*кланяются въ ноги*). Не погуби, Антонъ Антоновичъ!

Г. Не погуби! теперь не погуби! А прежде что? Я бы васъ въ тюрьму (*махнувъ рукой*); ну да Богъ проститъ! Встаньте, полно! Я не памятозлобенъ; только теперь смотрите—ухо востро! Я выдаю дочку свою не за какого нибудь простаго дворянина. Смотрите, чтобъ поздравленіе было приличное, не то, чтобъ отбояриться какимъ нибудь балычкомъ, или головою сахару,—понимаешь? Ну ступай же съ Богомъ!

(*Купцы уходятъ*).

После купцовъ являются чиновники, знакомые, дамы; всѣ поздравляютъ городничаго и жену его, выслушиваютъ подробно исторію сватовства, просятъ продолжать знакомство и не оставить покровительствомъ. Между поздравленіями, выражаемыми громко, слышны и не совсѣмъ лестныя привѣтствія и желанія, но счастливцы ко всему этому глухи. Во время общей сумятицы вбѣгаетъ почтмейстеръ съ письмомъ. Оказалось, что оно написано Хлестаковымъ къ одному его пріятелю въ Петербургѣ, и содержитъ краткую характеристику чиновниковъ, съ которыми онъ только что познакомился. Изъ письма же оказалось, что Хлестаковъ вовсе не ревизоръ. Всѣ находятся въ крайнемъ изумленіи; Городничій удивляется, какъ это онъ, опытный человѣкъ, такъ жестоко обманулся. Въ эту минуту вхо-

дитъ жандармъ съ извѣстіемъ, что городничаго требуетъ къ себѣ пріѣхавшій изъ Петербурга чиновникъ. Общее изумленіе. Нѣмая сцена. Занавѣсъ опускается.

---

22. ЛЕРМОНТОВЪ.

(1815—1841).

Ангелъ. (1831).

По небу полуночи Ангелъ летѣлъ
И тихую пѣсню онъ пѣлъ;
И мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой
Внимали той пѣснѣ святой.

Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ
Подъ кущами райскихъ садовъ,
О Богѣ великомъ онъ пѣлъ, и хвала
Его непритворна была.

Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра печали и слезъ,
И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.

И долго на свѣтѣ томилась она,
Желаніемъ чуднымъ полна,
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

Вѣтка Палестины. (1836).

Скажи мнѣ, вѣтка Палестины:
Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла?
Какихъ холмовъ, какой долины
Ты украшеніемъ была?
У водъ-ли чистыхъ Іордана
Востока лучъ тебя ласкалъ,
Ночной ли вѣтръ въ горахъ Ливана
Тебя сердито колыхалъ?
Молитву-ль тихую читали,
Иль пѣли пѣсни старины,
Когда листы твои сплетали
Солима бѣдные сыны?
И пальма та жива-ль понынѣ?
Все такъ-же ль манитъ въ лѣтній зной
Она прохожаго въ пустынѣ
Широколиственной главой?
Или въ разлукѣ безотрадной,
Она увяла, какъ и ты,
И дольній прахъ ложится жадно
На пожелтѣвшіе листы?...
Повѣдай: набожной рукою
Кто въ этотъ край тебя занесъ?
Грустилъ онъ часто надъ тобою?
Хранишь ты слѣдъ горючихъ слезъ?
Иль божьей рати лучшій воинъ,
Онъ былъ, съ безоблачнымъ челомъ,
Какъ ты, всегда небесъ достоинъ
Передъ людьми и Божествомъ?..
Заботой тайною хранима,
Передъ иконой золотой
Стоишь ты, вѣтвь Ерусалима,
Святыни вѣрный часовой!
Прозрачный сумракъ, лучъ лампады,
Кивотъ и крестъ, символъ святой...
Все полно мира и отрады
Вокругъ тебя и надъ тобой.

Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодаго опричника и удалаго купца Калашникова (1837).

Грозный царь Иванъ Васильевичъ пируетъ съ боярами и опричниками. Видя, что одинъ опричникъ сидитъ въ задумчивости, царь спрашиваетъ его о причинѣ:

«Да объ чемъ тебѣ, молодцу, кручиниться?
Не истерся ли твой парчевой кафтанъ?
Не измялась ли шапка соболиная?
Не казна ли у тебя поистратилась?
Иль зазубрилась сабля закаленая?
Или конь захромалъ худо-кованный?
Или съ ногъ тебя сбилъ на кулачномъ бою,
На Москвѣ-рѣкѣ сынъ купеческій?»
Отвѣчаетъ такъ Кирибеевичъ,
Покачавъ головою кудрявою?
— Не родилась та рука заколдованная
Ни въ боярскомъ роду, ни въ купеческомъ!

Аргамакъ мой степной ходитъ весело;
Какъ стекло горитъ сабля вострая;
А на праздничный день, твоей милостью,
Мы не хуже другаго нарядимся.
— Какъ я сяду, поѣду на лихомъ конѣ
За Москву-рѣку покатитися,
Кушачкомъ подтянуся шелковымъ,
Заломлю на бочекъ шапку бархатную,
Чернымъ соболемъ отороченную,—
У воротъ стоятъ у тѣсовыихъ
Красны дѣвушки да молодушки,
И любуются, глядя, перешептываясь;
Лишь одна не глядитъ, не любуется,
Полосатой фатой закрывается....
— На святой Руси, нашей матушкѣ,
Не найти, не сыскать такой красавицы:
Ходитъ плавно—будто лебёдушка,
Смотритъ сладко—какъ голубушка,
Молвитъ слово—соловей поетъ.
Горятъ щеки ея румяныя,
Какъ заря на небѣ Божіемъ;
Косы русыя, золотистыя,
Въ ленты яркія заплетенныя,
По плечамъ бѣгутъ, извиваются,
Съ грудью бѣлою цалуются.
Во семьѣ родилась она купеческой,
Прозывается Аленой Дмитревной.
— Какъ увижу ее—и я самъ не свой:
Опускаются руки сильныя,
Помрачаются очи бойкія;
Скучно, грустно мнѣ, православный царь,
Одному по свѣту маяться.
Опостыли мнѣ кони легкіе,
Опостыли наряды парчевые,
И не надо мнѣ золотой казны;
Съ кѣмъ казною своей подѣлюсь теперь?
Передъ кѣмъ покажу удальство свое?
Передъ кѣмъ я нарядомъ похвастаюсь?...
Отпусти меня въ степи приволожскія,
На житье на вольное, на казацкое.
Ужъ сложу я тамъ буйную головушку
И сложу на копье бусурманское;
И раздѣлятъ по себѣ злы Татаровья
Коня добраго, саблю острую
И сѣдельце бранное черкасское.
Мои очи слезныя коршунъ выклюетъ,
Мои кости сирыя дождемъ вымоетъ,
И безъ похоронъ горемычный прахъ
На четыре стороны развѣется....
И сказалъ, смѣясь, Иванъ Васильевичъ:
«Ну, мой вѣрный слуга! я твоей бѣдѣ,
Твоему горю пособить постараюся.
Вотъ возьми перстенёкъ ты мой яхонтовый,
Да возьми ожерелье жемчужное.
Прежде свахѣ смышленой поклапяйся,
И пошли дары драгоцѣнные
Ты своей Аленѣ Дмитревнѣ
Какъ полюбишься—празднуй свадебку,
Не полюбишься—не прогнѣвайся».
— Охъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ!
Обманулъ тебя твой лукавый рабъ,
Не сказалъ тебѣ правды истинной,
Не повѣдалъ тебѣ, что красавица
Въ церкви Божіей перевѣнчана,
Перевѣнчана съ молодымъ купцемъ
По закону нашему, христіанскому...

Мѣсто дѣйствія переносится въ домъ купца Калашникова. Возвратившись изъ лавки, онъ ждетъ домой жену, которая ушла къ вечернѣ. Къ величайшему безпокойству купца, дѣтей его, няньки, молодая хозяйка не является. Наступаетъ ночь.

Вотъ онъ слышитъ, въ сѣняхъ дверью хлопнули,
Потомъ слышитъ шаги торопливые;
Обернулся, глядитъ—сила крестная!
Передъ нимъ стоитъ молодая жена,
Сама блѣдная, простоволосая,
Косы русыя, расплетенныя,
Снѣгомъ-инеемъ пересыпаны,
Смотрятъ очи мутныя, какъ безумныя;
Уста шепчутъ рѣчи непонятныя.
«Ужъ ты гдѣ, моя жена, шаталася?
На какомъ дворѣ, на площади,
Что растрепаны твои волосы,
Что одёжа твоя вся изорвана!
Ужъ гуляла ты, пировала ты,
Чай съ сынками все боярскими?...
Не на то предъ святыми иконами
Мы съ тобой, жена, обручалися,
Золотыми кольцами мѣнялися!...
Какъ запру я тебя за желѣзный замокъ,
За дубовую дверь окованную,
Чтобы свѣту Божьяго ты не видѣла,

Мое имя честное не порочила»...
И услышавъ то, Алена Дмитревна,
Задрожала вся, моя голубушка,
Затряслась, какъ листочекъ осиновый,
Горько-горько она восплакалась,
Въ ноги мужу повалилася;
«Государь ты мой, красно-солнышко,
Иль убей меня, или выслушай!
Твои рѣчи—будто острый ножъ,
Отъ нихъ сердце разрывается.
Не боюся смерти лютыя,
Не боюся я людской молвы,
А боюсь твоей немилости.
«Отъ вечерни я домой шла нонече
Вдоль по улицѣ одинёшенька;
И послышалось мнѣ, будто снѣгъ хруститъ;
Оглянулася—человѣкъ бѣжитъ.
Мои ноженьки подкосилися,
Шелковой фатой я закрылася.
И онъ сильно схватилъ меня за руки
И сказалъ мнѣ такъ тихо шопотомъ:
— Что пужаешься, красная красавица?
Я не воръ какой, душегубъ лѣсной,
Я слуга царя, царя грознаго,
Прозываюся Кирибѣевичемъ,
А изъ славной семьи изъ Малютиной...—
Испугалася я пуще прежняго;
Закружилась моя бѣдная головушка.
И онъ сталъ меня целовать-ласкать
И цалуя, все приговаривалъ:
— Отвѣчай мнѣ, что тебѣ надобно,
Моя милая, драгоцѣнная!
Хочешь золота, али жемчугу?
Хочешь яркихъ камней, али цвѣтной парчи?
Какъ царицу я наряжу тебя,
Станутъ всѣ тебѣ завидовать.
Лишь не дай мнѣ умереть смертью грѣшною:
Полюби меня, обними меня
Хоть единый разъ на прощаніе!
«И ласкалъ онъ меня, целовалъ онъ меня!
На щикахъ моихъ и теперь горятъ,
Живымъ пламенемъ разливаются
Поцалуи его окаянные....
А смотрѣли въ калитку сосѣдушки,
Смѣючись, на насъ пальцемъ показывали.
Какъ изъ рукъ его я рванулася
И домой стремглавъ бѣжать бросилась;
И остались въ рукахъ у разбойника
Мой узорный платокъ—твой подарочекъ,
И фата моя бухарская.
Опозорилъ онъ, осрамилъ меня,
Меня, честную, непорочную.
И что скажутъ злыя сосѣдушки?
И кому на глаза покажусь теперь?
«Ты не дай меня, свою вѣрную жену,
Злымъ охульникамъ на поруганіе!
На кого, кромѣ тебя, мнѣ надѣяться?
У кого просить стану помощи?
На бѣломъ свѣтѣ я сиротинушка:
Родной батюшка ужъ въ сырой землѣ,
Рядомъ съ нимъ лежитъ моя матушка,
А мой старшій братъ, самъ ты вѣдаешь,
На чужой сторонушкѣ пропалъ безъ вѣсти,
А меньшой мой братъ—дитя малое,
Дитя малое, неразумное....»

Мужъ намѣренъ мстить и призываетъ въ помощники двухъ меньшихъ братьевъ

Надъ Москвой великой, златоглавою;
Надъ стѣной Кремлевской бѣлокаменной,
Изъ дальнихъ лѣсовъ, изъ за синихъ горъ,
По тесовымъ кровелькамъ играючи,
Тучки сѣрыя разгоняючи,
Заря алая подымается.
Разметала кудри золотистыя,
Умывается снѣгами разсыпчатыми.
Какъ красавица, глядя въ зеркальцо.
Въ небо чистое смотритъ, улыбается.
Ужъ за чѣмъ же ты, алая заря, просыпалася?
На какой ты радости разыгралася?
Какъ сходилися, собиралися
Удалые бойцы Московскіе
На Москву-рѣку, на кулачный бой,
Разгуляться для праздника, потѣшиться.
И пріѣхалъ царь со дружиною,
Со боярами и опричниками,
И велѣлъ растянуть цѣпь серебряную,
Чистымъ золотомъ въ кольцахъ спаянную.
Оцѣпили мѣсто въ двадцать пять саженъ
Для охотницкаго бою одиночнаго.

И велѣлъ тогда царь Иванъ Васильевичъ
Кличь кликать звонкимъ голосомъ:
«Ой ужъ гдѣ вы, добры молодцы?
Вы потѣшьте царя нашего батюшку!
Выходите-ка во широкій кругъ:
Кто побьетъ кого, того царь наградитъ,
А кто будетъ побитъ, того Богъ проститъ!»
И выходитъ удалой Кирибѣевичъ,
Царю въ поясъ молча кланяется,
Скидаетъ съ могучихъ плечъ шубу бархатную,
Подпершися въ бокъ рукою правою,
Поправляетъ другой шапку алую,
Ожидаетъ онъ себѣ противника...
Ни одинъ боецъ и не тронулся,
Лишь стоятъ да другъ друга подталкиваютъ.
На просторѣ опричникъ похаживаетъ,
Надъ плохими бойцами подсмѣиваетъ;
«Присмирѣли, не бойсь, призадумались!
Такъ и быть, обѣщаюсь, для праздника,
Отпущу живаго съ покаяніемъ,
Лишь потѣшу царя нашего батюшку.»
Вдругъ толпа раздалась на обѣ стороны,
И выходитъ Степанъ Парамоновичъ,
Младой купецъ, удалой боецъ,
По прозванью Калашниковъ.
Поклонился прежде царю грозному,
Послѣ Бѣлому Кремлю да святымъ церквамъ,
А потомъ всему народу Русскому.
Горятъ очи его соколиныя
На опричника смотрятъ пристально:
Супротивъ его онъ становится,
Боевыя рукавицы натягиваетъ,
Могучія плечи распрямливаетъ,
Да кудряву голову поглаживаетъ.
И сказалъ ему Кирибѣевичъ:
«А повѣдай мнѣ, добрый молодецъ,
Ты какого рода, племени,
Какимъ именемъ прозываешься!
Чтобы знать, по комъ панихиду служить,
Чтобы было чѣмъ и похвастаться.»
Отвѣчаетъ Степанъ Парамоновичъ:
«А зовутъ меня Степаномъ Калашниковымъ,
А родился я отъ честнова отца,
И жилъ я по закону Господнему;
Не позорилъ я чужой жены!
Не разбойничалъ ночью темною,
Не таился отъ свѣта небеснаго...
И промолвилъ ты правду истинную:
По одномъ изъ насъ будутъ панихиду пѣть,
И не позже, какъ завтра въ часъ полуденный;
И одинъ изъ насъ будетъ хвастаться,
Съ удалыми друзьями пируючи....
Не шутку шутить, не людей смѣшить
Къ тебѣ вышелъ я теперь, бусурманскій сынъ,
Вышелъ я на страшный бой, на послѣдній бой.
И услышавъ то Кирибѣевичъ,
Поблѣднѣлъ въ лицѣ, какъ осенній снѣгъ.
Бойкія очи его затуманились.
Между сильныхъ плечъ пробѣжалъ морозъ.
На раскрытыхъ устахъ слово замерло....
Вотъ молча оба расходятся,
Богатырскій бой начинается.
Размахнулся тогда Кирибѣевичъ
И ударилъ въ-первой купца Калашникова,
И ударилъ его посередь груди—
Загрещала грудь молодецкая,
Пошатнулся Степанъ Парамоновичъ.
На груди его широкой висѣлъ мѣдный крестъ,
Со святыми мощами изъ Кіева,
И погнулся крестъ и вдавился въ грудь;
Какъ роса изъ-подъ него кровь закапала,
И подумалъ Степанъ Парамоновичъ:
«Чему быть суждено, то и сбудется;
Постою за правду до—послѣднева!»
Изловчился онъ, приготовился,
Собрался со всею силою
И ударилъ своего ненавистника
Прямо въ лѣвый високъ со всего плеча.
И опричникъ молодой застоналъ слегка,
Закачался, упалъ замертво;
Повалился онъ на халодный снѣгъ,
На холодный снѣгъ, будто сосенка,
Будто сосенка, во сыромъ бору
Подъ смолистый корень подрубленная.
И увидѣвъ то, царь Иванъ Васильевичъ
Прогнѣвался гнѣвомъ, топнулъ о землю.

И нахмурилъ брови черныя;
Повелѣлъ онъ схватить удалаго купца
И привесть его передъ лице свое.
Какъ возговорилъ православный царь:
«Отвѣчай мнѣ по правдѣ, по совѣсти,
Вольной волею, или нехотя,
Ты убилъ на-смерть мово вѣрнаго слугу,
Мово лучшаго бойца, Кирибѣевича?»
— Я скажу тебѣ, православной царь:
Я убилъ его вольной волею,
А за что, про что—не скажу тебѣ,
Скажу только Богу единому.
Прикажи меня казнить—и на плаху несть
Мнѣ головушку повинную;
Не оставь лишъ малыхъ дѣтушекъ,
Не оставь молодую вдову
Да двухъ братьевъ моихъ своею милостью...
«Хорошо тебѣ, дѣтинушка,
Удалой боецъ, сынъ купеческій,
Что отвѣтъ держалъ ты по совѣсти.
Молодую жену и сиротъ твоихъ
Изъ казны моей я пожалую;
Твоимъ братьямъ велю отъ сего же дня
По всему царству Русскому широкому
Торговать безданно, безпошлинно.
А ты самъ ступай, дѣтинушка,
На высокое мѣсто лобное,
Сложи свою буйную головушку.
Я топоръ велю наточить-навострить,
Палача велю-одѣть-нарядить,
Въ большой колоколъ прикажу звонить,
Чтобы знали всѣ люди московскіе,
Что и ты не оставленъ моей милостью...
Какъ на площади народъ собирается,
Заунывно гудитъ-воетъ колоколъ,
Разглашаетъ всюду вѣсть недобрую.
По высокому мѣсту лобному,
Во рубахѣ красной съ яркой запонкой,
Съ большимъ топоромъ навостреннымъ,
Руки голыя потираючи,
Палачъ весело похаживаетъ,
Удалова бойца дожидается,
А лихой боецъ, молодой купецъ,
Со родными братьями прощается.
«Ужъ вы, братцы мои, други кровные,
Поцалуемтесь, да обнимемтесь
На послѣднее разставаніе,
Поклонитесь отъ меня Аленѣ Дмитревнѣ,
Закажите ей меньше печалиться,
Про меня моимъ дѣтушкамъ не сказывать.
Поклонитеся дому родительскому,
Поклонитесь всѣмъ нашимъ товарищамъ,
Помолитесь сами въ церкви Божіей,
Вы за душу мою, душу грѣшную?»
И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною;
И головушка безталанная
Во крови на плаху покатилася.
Схоронили его за Москвой-рѣкой,
На чистомъ полѣ промежъ трехъ дорогъ:
Промежъ тульской, рязанской, владимірской,
И бугоръ земли сырой тутъ насыпали,
И кленовый крестъ тутъ поставили.
И гуляютъ, шумятъ вѣтры буйные
Надъ его безъименной могилкою.
И проходятъ мимо люди добрые:
Пройдетъ старъ человѣкъ—перекрестится.
Пройдетъ молодецъ—пріосанится,
Пройдетъ дѣвица—пригорюнится,
А пройдутъ гусляры—споютъ пѣсенку.
Гей вы, ребята удалые,
Гусляры молодые,
Голоса заливные!
Красно начинали, красно и кончайте,
Каждому правдою и честью воздайте!
Тороватому боярину слава!
И красавицѣ боярынѣ слава!
И всему народу христіанскому слава!

Когда волнуется желтѣющая нива....
(1837).

Когда волнуется желтѣющая нива,
И свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка,
И прячется въ саду малиновая слива
Подъ тѣнью сладостной зеленаго листка;
Когда росой обрызганный душистой,
Румянымъ вечеромъ, иль утра въ часъ златой,
Изъ-подъ куста мнѣ ландышъ серебристый
Привѣтливо киваетъ головой;
Когда студеный ключъ играетъ по оврагу,

И, погружая мысль въ какой-то смутный сонъ,
Лепечетъ мнѣ таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится онъ,—
Тогда смиряется души моей тревога!
Тогда расходятся морщины на челѣ,—
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога....

Бородино (1839).

«Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана?
Вѣдь были-жъ схватки боевыя?
Да, говорятъ, еще какія!
Не даромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина!»

—Да, были люди въ наше время
Не то, что нынѣшнее племя:
Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Не будь на то Господня воля,
Не отдали-бъ Москвы!

Мы долго, молча, отступали.
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
Что-жъ мы? на зимнія квартиры?
Не смѣютъ, что-ли, командиры
Чужіе изорвать мундиры
О русскіе штыки?»

И вотъ нашли большое поле:
Есть разгуляться гдѣ на волѣ!
Построили редутъ.
У нашихъ ушки на макушкѣ!
Чуть утро освѣтило пушки
И лѣса синія верхушки—
Французы тутъ какъ-тутъ.

Забилъ зарядъ я въ пушку туго,
И думалъ: угощу я друга!
Постой-ка братъ мусью!
Что тутъ хитрить, пожалуй къ бою;
Ужъ мы пойдемъ ломить стѣною,
Ужъ постоимъ мы головою
За родину свою!

Два дня мы были въ перестрѣлкѣ.
Что толку въ этакой бездѣлкѣ?
Мы ждали третій день.
Повсюду стали слышны рѣчи:
«Пора добраться до картечи!»
И вотъ на полѣ грозной сѣчи
Ночная пала тѣнь.

Прилегъ вздремнуть я у лафета,
И слышно было до разсвѣта,
Какъ ликовалъ французъ.
Но тихъ былъ нашъ бивакъ открытый:
Кто киверъ чистилъ весь избитый,
Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,
Кусая длинный усъ.

И только небо засвѣтилось—
Все шумно вдругъ зашевелилось,
Сверкнулъ за строемъ строй.
Полковникъ нашъ рожденъ былъ хватомъ:
Слуга царю, отецъ солдатамъ...
Да жаль его: сраженъ булатомъ,
Онъ спитъ въ землѣ сырой.

И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:
«Ребята! не Москва-ль за нами?
Умремте-жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!»
—И умереть мы обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Бородинскій бой.

Ну-жъ былъ денекъ! Сквозь дымъ летучій
Французы двинулись, какъ тучи,
И все на нашъ редутъ.
Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами—
Всѣ промелькнули передъ нами,
Всѣ побывали тутъ.

Вамъ не видать такихъ сраженій!...
Носились знамена, какъ тѣни,
Въ дыму огонь блестѣлъ.
Звучалъ булатъ, картечь визжала,

Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.

Извѣдалъ врагъ въ тотъ день немало,
Что значитъ русскій бой удалый,
Нашъ рукопашный бой!..
Земля тряслась—какъ наши груди:
Смѣшались въ кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудій
Слились въ протяжный вой....

Вотъ смерклось. Были всѣ готовы
Заутра бой затѣять новый
И до конца стоять...
Вотъ затрещали барабаны—
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да, были люди въ наше время,
Могучее, лихое племя,
Богатыри—не вы.
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Когда-бъ на то не Божья воля,
Не отдали-бъ Москвы!

Дума (1838).

Печально я гляжу на наше поколѣнье!
Его грядущее—иль пусто, иль темно;
Межъ тѣмъ, подъ бременемъ познанья и сомнѣнья
Въ бездѣйствіи состарится оно.
Богаты мы, едва изъ колыбели,
Ошибками отцовъ и позднимъ ихъ умомъ,
И жизнь ужъ насъ томитъ, какъ ровный путь безъ цѣли,
Какъ пиръ на праздникѣ чужомъ.
Къ добру и злу постыдно равнодушны,
Въ началѣ поприща мы вянемъ безъ борьбы;
Передъ опасностью позорно малодушны...
. . . .
Такъ тощій плодъ, до времени созрѣлый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глазъ,
Виситъ между цвѣтовъ, пришлецъ осиротѣлый,
И часъ ихъ красоты—его паденья часъ!
Мы иссушили умъ наукою безплодной,
Тая завистливо отъ ближнихъ и друзей
Надежды лучшія и голосъ благородный
Невѣріемъ осмѣянныхъ страстей.
Едва касались мы до чаши наслажденья,
Но юныхъ силъ мы тѣмъ не сберегли;
Изъ каждой радости, боясь пресыщенья,
Мы лучшій сокъ навѣки извлекли.
Мечты поэзіи, созданія искуства
Восторгомъ сладостнымъ нашъ умъ не шевелятъ;
Мы жадно бережемъ въ груди остатокъ чувства—
Зарытый скупостью и безполезный кладъ.
И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови.
И предковъ скучны намъ роскошныя забавы,
Ихъ добросовѣстный, ребяческій развратъ;
И къ гробу мы спѣшимъ безъ счастья и безъ славы,
Глядя насмѣшливо назадъ.
Толпой угрюмою и скоро позабытой,
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой,
Ни геніемъ начатаго труда.
И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ.

Три пальмы (1839).

(Восточное сказаніе.)

Въ песчаныхъ степяхъ аравійской земли
Три гордыя пальмы высоко росли.
Родникъ между ними изъ почвы безплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый, подъ сѣнью зеленыхъ листовъ,
Отъ знойныхъ лучей и летучихъ песковъ.

И многіе годы неслышно прошли;
Но странникъ усталый, изъ чуждой земли,
Пылающей грудью ко влагѣ студеной
Еще не склонялся подъ кущей зеленой,
И стали ужъ сохнуть отъ знойныхъ лучей
Роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на Бога роптать:
«На то-ль мы родились, чтобъ здѣсь увядать?
Безъ пользы въ пустынѣ росли и цвѣли мы,
Колеблемы вихремъ и зноемъ палимы,
Ни чей благосклонный не радуя взоръ?...
Не правъ твой, о небо, святой приговоръ!...»

И только замолкли—въ дали голубой
Столбомъ ужъ крутился песокъ золотой,
Звонковъ раздавались нестройные звуки,
Пестрѣли коврами покрытые вьюки,
И шелъ, колыхаясь, какъ въ морѣ челнокъ,
Верблюдъ за верблюдомъ, взрывая песокъ.

Мотаясь, висѣли межъ твердыхъ горбовъ
Узорныя полы походныхъ шатровъ;
Ихъ смуглыя ручки порой подымали,
И черныя очи оттуда сверкали...
И, станъ худощавый къ лукѣ наклоня,
Арабъ горячилъ воронаго коня.

И конь на дыбы подымался порой,
И прыгалъ, какъ барсъ пораженный стрѣлой;
И бѣлой одежды красивыя складки
По плечамъ фариса вились въ безпорядкѣ;
И, съ крикомъ и свистомъ несясь по песку,
Бросалъ и ловилъ онъ копье на скаку.

Вотъ къ пальмамъ подходитъ, шумя, караванъ;
Въ тѣни ихъ веселый раскинулся станъ.
Кувшины, звуча, налилися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Привѣтствуютъ пальмы нежданныхъ гостей,
И щедро поитъ ихъ студёный ручей.

Но только-что сумракъ на землю упалъ,
По корнямъ упругимъ топоръ застучалъ,—
И пали безъ жизни питомцы столѣтій!
Одежду ихъ сорвали малыя дѣти,
Изрублены были тѣла ихъ потомъ,
И медленно жгли ихъ до утра огнемъ.

Когда-же на западъ умчался туманъ,
Урочный свой путь совершалъ караванъ:
И слѣдомъ печальнымъ на почвѣ безплодной
Виднѣлся лишь пепелъ сѣдой и холодный.
И солнце остатки сухіе дожгло,
А вѣтромъ ихъ въ степи потомъ разнесло.

И нынѣ все дико и пусто кругомъ,
Не шепчатся листья съ гремучимъ ключомъ:
Напрасно пророка о тѣни онъ проситъ—
Его лишь песокъ раскаленный заноситъ,

Да коршунъ хохлатый, степной нелюдимъ,
Добычу терзаетъ и щиплетъ надъ нимъ.

Мцыри. (1839.)

СОДЕРЖАНІЕ.

Плѣнный мальчикъ Черкесъ воспитанъ былъ въ грузинскомъ монастырѣ и хотѣлъ уже изречь монашескій обѣтъ, какъ вдругъ однажды во время страшной бури, скрылся. Три дни пропадалъ онъ а на четвертый былъ найденъ въ степи и принесенъ снова въ обитель, слабый, больной, умирающій. Вся поэма заключается въ расказѣ о томъ, что было съ нимъ въ эти три дня. Изъ разсказа видно, что Мцыри, желая пробраться на родину, воспоминанье о которой смутно жило въ его душѣ, сбился съ пути. Блуждая въ лѣсу, гдѣ выдержалъ борьбу съ барсомъ, онъ увидѣлъ, что опять воротился къ монастырю.

РАЗСКАЗЪ МЦЫРИ.

«Ты хочешь знать, что видѣлъ я
На волѣ?—Пышныя поля,
Холмы, покрытые вѣнцомъ
Деревъ, разросшихся кругомъ,
Шумящихъ свѣжею толпой,
Какъ братья въ пляскѣ круговой.
Я видѣлъ груды темныхъ скалъ,
Когда потокъ ихъ раздѣлялъ,
И думы ихъ я угадалъ:
Мнѣ было свыше то дано!
Простерты въ воздухѣ давно
Объятья каменныя ихъ,
И жаждутъ встрѣчи каждый мигъ;
Но дни бѣгутъ, бѣгутъ года,
Имъ не сойтиться никогда!
Я видѣлъ гордые хребты,
Причудливые, какъ мечты,
Когда въ часъ утреней зари
Курилися, какъ алтари,
Ихъ выси въ небѣ голубомъ,
И облачко за облачкомъ,
Покинувъ тайный свой ночлегъ,
Къ востоку направляло бѣгъ—
Какъ-будто бѣлый караванъ
Залетныхъ птицъ изъ дальнихъ странъ!
Вдали я видѣлъ сквозь туманъ,
Въ снѣгахъ, горящихъ, какъ алмазъ,
Сѣдой, незыблемый Кавказъ:
И было сердцу моему
Легко, не знаю почему.
Мнѣ тайный голосъ говорилъ,—
Что нѣкогда и я тамъ жилъ,
И стало въ памяти моей
Прошедшее яснѣй, яснѣй...

«И вспомнилъ я отцовскій домъ,
Ущелье наше и кругомъ
Въ тѣни разсыпанный аулъ,
Мнѣ слышался вечерній гулъ;
Домой бѣгущихъ табуновъ
И дальній лай знакомыхъ псовъ.
Я помнилъ смуглыхъ стариковъ,
При свѣтѣ лунныхъ вечеровъ
Противъ отцовскаго крыльца
Сидѣвшихъ съ важностью лица,
И блескъ оправленныхъ ноженъ
Кинжаловъ длинныхъ.... и какъ сонъ
Все это смутной чередой
Вдругъ пробѣгало предо мной.
А мой отецъ? Онъ какъ живой
Въ своей одеждѣ боевой
Являлся мнѣ, и помнилъ я
Кольчуги звонъ, и блескъ ружья,
И молодыхъ моихъ сестеръ...
Лучи ихъ сладостныхъ очей
И звукъ ихъ пѣсенъ и рѣчей
Надъ колыбелію моей...
Въ ущельи тамъ бѣжалъ потокъ;
Онъ шуменъ былъ, но не глубокъ;
Къ нему, на золотой песокъ,
Играть я въ полдень уходилъ
И взоромъ ласточекъ слѣдилъ,
Когда онѣ передъ дождемъ
Волны касалися крыломъ.
И воспомнилъ я нашъ мирный домъ
И предъ вечернимъ очагомъ
Разсказы долгіе о томъ,
Какъ жили люди прежнихъ дней,
Когда былъ міръ еще пышнѣй,

«Ты хочешь знать, что дѣлалъ я
На волѣ? Жилъ—и жизнь моя
Безъ этихъ трехъ блаженныхъ дней
Была-бъ печальнѣй и мрачнѣй
Безсильной старости твоей.
Давнымъ-давно задумалъ я
Узнать, прекрасна-ли земля,—
И въ часъ ночной, ужасный часъ,
Когда гроза пугала васъ,
Когда, столпясь при алтарѣ,
Вы ницъ лежали на землѣ,
Я убѣжалъ. О! я, какъ братъ,
Обняться съ бурей былъ-бы радъ!
Глазами тучи я слѣдилъ,
Рукою молнію ловилъ...
Скажи мнѣ, что средь этихъ стѣнъ
Могли-бы дать вы мнѣ въ замѣнъ
Той дружбы краткой, но живой,
Межъ бурнымъ сердцемъ и грозой!

«Бѣжалъ я долго—гдѣ, куда,
Не знаю! Ни одна звѣзда
Не озаряла трудный путь.
Мнѣ было весело вдохнуть
Въ мою измученную грудь
Ночную свѣжесть тѣхъ лѣсовъ
И только. Много я часовъ
Бѣжалъ, и наконецъ, уставъ,
Прилегъ между высокихъ травъ;
Прислушался: погони нѣтъ.
Гроза утихла. Блѣдный свѣтъ
Тянулся длинной полосой
Межъ темнымъ небомъ и землей,
И различалъ я, какъ узоръ,
На ней зубцы далекихъ горъ;
Недвижимъ, молча я лежалъ.
Порой въ ущеліи шакалъ
Кричалъ и плакалъ, какъ дитя,
И гладкой чешуей блестя
Змѣя скользила межъ камней;
Но страхъ не сжалъ души моей:
Я самъ, какъ звѣрь, былъ чуждъ людей
И ползъ и прятался, какъ змѣй.

«Внизу глубоко подо мной
Потокъ, усиленный грозой,
Шумѣлъ, и шумъ его глухой
Сердитыхъ сотнѣ голосовъ
Подобился. Хотя безъ словъ;
Мнѣ внятенъ былъ тотъ розговоръ,
Немолчный ропотъ, вѣчный споръ,
Съ упрямой грудою камней.
То вдругъ стихалъ онъ, то сильнѣй
Онъ раздавался въ тишинѣ;
Запѣли птички, и востокъ
Озолотился; вѣтерокъ
Сырые шевельнулъ листы;
Дохнули сонные цвѣты,
И какъ они, на встрѣчу дню
Я поднялъ голову мою...
Я осмотрѣлся; не таю!
Мнѣ стало страшно; на краю
Грозящей бездны я лежалъ,
Гдѣ вылъ, крутясь, сердитый валъ:
Туда вели ступени скалъ;
Но лишь злой духъ по нимъ шагалъ,
Когда, низверженный съ небесъ,
Въ подземной пропасти исчезъ.

«Кругомъ меня цвѣлъ божій садъ;
Растеній радужный нарядъ
Хранилъ слѣды небесныхъ слезъ,
И кудри виноградныхъ лозъ
Вились, красуясь межь деревъ
Прозрачной зеленью листовъ;
И грозды полные на нихъ,
Серегъ подобье дорогихъ,
Висѣли пышно, и порой
Къ нимъ птицъ леталъ пугливый рой.
И снова я къ землѣ припалъ,
И снова вслушиваться сталъ
Къ волшебнымъ, страннымъ голосамъ;
Они шептались по кустамъ,
Какъ будто рѣчь свою вели
О тайнахъ неба и земли;
И всѣ природы голоса
Сливались тутъ; не раздался
Въ торжественный хваленья часъ
Лишь человѣка гордый гласъ.
Все, что я чувствовалъ тогда,
Тѣ думы,—имъ ужъ нѣтъ слѣда;
Но я-бъ желалъ ихъ разсказать,
Чтобъ жить, хоть мысленно, опять.
Въ то утро былъ небесный сводъ
Такъ чистъ, какъ ангела полетъ
Прилежный взоръ слѣдить-бы могъ;
Онъ такъ прозрачно былъ глубокъ,
Такъ полонъ ровной синевой!

Я въ немъ глазами и душой
Тонулъ, пока полдневный зной
Мои мечты не разогналъ,
И жаждой я томиться сталъ.

«Напрасно въ бѣшенствѣ, порой,
Я рвалъ отчаяной рукой
Терновникъ, спутанный плющемъ,
Все лѣсъ былъ, вѣчный лѣсъ кругомъ,
Страшнѣй и гуще каждый часъ;
И милліономъ черныхъ глазъ
Смотрѣла ночи темнота
Сквозь вѣтки каждаго куста....
Моя кружилась голова:
Я сталъ влѣзать на дерева;
Но даже на краю небесъ
Все тотъ-же былъ зубчатый лѣсъ.
Тогда на землю я упалъ
И въ изступленіи рыдалъ,
И грызъ сырую грудь земли,
И слезы, слезы потекли
Въ нее горячею росой...
Но, вѣрь мнѣ, помощи людской
Я не желалъ... я былъ чужой
Для нихъ на-вѣкъ, какъ звѣрь степной;
И если-бъ хоть минутный крикъ
Мнѣ измѣнилъ—клянусь старикъ,
Я-бъ вырвалъ слабый мой языкъ.

«Ты помнишь дѣтскіе года:
Слезы не зналъ я никогда:
Но тутъ я плакалъ безъ стыда.
Кто видѣть могъ? Лишь темный лѣсъ,
Да мѣсяцъ, плывшій средь небесъ!
Озарена его лучемъ,
Покрыта мохомъ и пескомъ,
Непроницаемой стѣной
Окружена, передо мной
Была поляна. Вдругъ по ней
Мелькнула тѣнь, и двухъ огней
Промчались искры... и потомъ
Какой-то звѣрь однимъ прыжкомъ
Изъ чащи выскочилъ и легъ,
Играя, навзничь на песокъ.
То былъ пустыни вѣчный гость—
Могучій барсъ. Сырую кость
Онъ грызъ и весело визжалъ;
То взоръ кровавый устремлялъ,
Мотая ласково хвостомъ
На полный мѣсяцъ,—и на немъ
Шерсть отливалась серебромъ.
Я ждалъ, схвативъ рогатый сукъ,
Минуты битвы; сердце вдругъ
Зажглося жаждою борьбы
И крови... да, рука судьбы
Меня вела инымъ путемъ...
Но нынче я увѣренъ въ томъ,
Что быть-бы могъ въ краю отцовъ
Не изъ послѣднихъ удальцовъ.

«Я ждалъ. И вотъ въ тѣни ночной
Врага почуялъ онъ, и вой
Протяжный, жалобный какъ стонъ,
Раздался вдругъ... и началъ онъ
Сердито лапой рыть песокъ,
Всталъ на дыбы, потомъ прилегъ,
И первый бѣшеный скачокъ
Мнѣ страшной смертію грозилъ...
Но я его предупредилъ.
Ударъ мой вѣренъ былъ и скоръ.
Надежный сукъ мой, какъ топоръ,
Широкій лобъ его разсѣкъ...
Онъ застоналъ, какъ человѣкъ,
И опрокинулся. Но вновь,—
Хотя лила изъ раны кровь
Густой, широкою волной,—
Бой закипѣлъ, смертельный бой!

Ко мнѣ онъ кинулся на грудь:
Но въ горло я успѣлъ воткнуть
И тамъ два раза повернуть
Мое оружье... Онъ завылъ,
Рванулся изъ послѣднихъ силъ,
И мы, сплетясь, какъ пара змѣй,
Обнявшись крѣпче двухъ друзей,
Упали разомъ, и во мглѣ
Бой продолжали на землѣ
И я былъ страшенъ въ этотъ мигъ:
Какъ барсъ пустынный, золъ и дикъ
Я пламенѣлъ, визжалъ какъ онъ;
Какъ будто самъ я былъ рожденъ
Въ семействѣ барсовъ и волковъ,
Казалось, что слова людей
Забылъ я—и въ груди моей
Родился тотъ ужасный крикъ,
Какъ будто съ дѣтства мой языкъ

Къ иному звуку не привыкъ...
Но врагъ мой сталъ изнемогать,
Метаться, медленнѣй дышать,
Сдавилъ меня въ послѣдній разъ...
Зрачки его недвижныхъ глазъ
Блеснули грозно—и потомъ
Закрылись тихо вѣчнымъ сномъ;
Но съ торжествующимъ врагомъ
Онъ встрѣтилъ смерть лицомъ къ лицу,
Какъ въ битвѣ слѣдуетъ бойцу!

Первое Января. 1840.

Какъ часто, пестрою толпою окруженъ,
Когда передо мной, какъ будто-бы сквозь сонъ,
При шумѣ музыки и пляски,
При дикомъ шопотѣ затверженныхъ рѣчей,
Мелькаютъ образы бездушные людей—
Приличьемъ стянутыя маски,
Когда касаются холодныхъ рукъ моихъ,
Съ небрежной смѣлостью, красавицъ городскихъ
Давно безтрепетныя руки,—
Наружно погружась въ ихъ блескъ и суету,
Ласкаю я въ душѣ старинную мечту,
Погибшихъ лѣтъ святые звуки.
И если какъ-нибудь на мигъ удастся мнѣ
Забыться,—памятью къ недавней старинѣ
Лечу я вольной, вольной птицей
И вижу я себя ребенкомъ; и кругомъ
Родныя все мѣста: высокій барскій домъ
И садъ съ разрушенной теплицей;
Зеленой сѣтью травъ подернутъ спящій прудъ,
А за прудомъ село дымится,—и встаютъ
Вдали туманы надъ полями.
Въ аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядитъ вечерній лучъ, и желтые листы
Шумятъ подъ робкими ногами.
И странная тоска тѣснитъ ужъ грудь мою:
Я думаю объ ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей созданье,
Съ глазами полными лазурнаго огня,
Съ улыбкой розовой, какъ молодаго дня
За рощей первое сіянье.
Тамъ царства дивнаго всесильный господинъ—
Я долгіе часы просиживалъ одинъ;
И память ихъ жива понынѣ.
Подъ бурей тягостныхъ сомнѣній и страстей,
Какъ свѣжій островокъ безвредно средь морей
Цвѣтетъ на влажной ихъ пустынѣ.
Когда-жъ, опомнившись, обманъ я узнаю,
И шумъ толпы людской спугнетъ мечту мою,
На праздникъ незванную гостью,
О какъ мнѣ хочется смутить веселость ихъ
И дерзко бросить имъ въ глаза желѣзный стихъ,
Облитый горечью и злостью!

Воздушный корабль. 1840.

(Изъ Зейдлица.)

По синимъ волнамъ океана,
Лишь звѣзды блеснутъ въ небесахъ,
Корабль одинокій несется,
Несется на всѣхъ парусахъ.

Не гнутся высокія мачты,
На нихъ флюгера не шумятъ,
И, молча, въ открытые люки
Чугунныя пушки глядятъ.

Не слышно на немъ капитана,
Не видно матросовъ на немъ;
Но скалы и тайныя мели,
И бури ему ни почемъ.

Есть островъ на томъ океанѣ—
Пустынный и мрачный гранитъ,
На островѣ томъ есть могила,
А въ ней императоръ зарытъ.

Зарытъ онъ безъ почестей бранныхъ
Врагами въ сыпучій песокъ.
Лежитъ на немъ камень тяжолый,
Чтобъ встать онъ изъ гроба не могъ.

И въ часъ его грустной кончины,
Въ полночь, какъ свершается годъ,
Къ высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаетъ.

Изъ гроба тогда императоръ,
Очнувшись, является вдругъ;
На немъ треугольная шляпа
И сѣрый походный сюртукъ.

Скрестивши могучія руки,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и къ рулю онъ садится
И быстро пускается въ путь.

Несется онъ къ Франціи милой,
Гдѣ славу оставилъ и тронъ,
Оставилъ наслѣдника-сына,
И старую гвардію онъ.

И только-что землю родную
Завидитъ во мракѣ ночномъ,
Опять его сердце трепещетъ
И очи пылаютъ огнемъ.

На берегъ большими шагами
Онъ смѣло и прямо идетъ,
Соратниковъ громко онъ кличетъ
И маршаловъ грозно зоветъ.

Но спятъ усачи-гренадеры
Въ равнинѣ, гдѣ Эльба шумитъ,
Подъ снѣгомъ холодной Россіи,
Подъ знойнымъ пескомъ пирамидъ.

И маршалы зова не слышатъ:
Иные погибли въ бою,
Другіе ему измѣнили
И продали шпагу свою.

И, топнувъ о землю ногою,
Сердито онъ взадъ и впередъ
По тихому берегу ходитъ,
И снова онъ громко зоветъ:

Зоветъ онъ любезнаго сына—
Опору въ превратной судьбѣ;
Ему обѣщаетъ полміра,
А Францію только—себѣ.

Но въ цвѣтѣ надежды и силы
Угасъ его царственный сынъ,
И долго, его поджидая,
Стоитъ императоръ одинъ,—

Стоитъ онъ и тяжко вздыхаетъ,
Пока озарится востокъ,
И капаютъ горькія слезы
Изъ глазъ на холодный песокъ.

Потомъ на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и, махнувши рукою,
Въ обратный пускается путь.

Сосна. 1840

На сѣверѣ дикомъ стоитъ одиноко
На голой вершинѣ сосна,
И дремлетъ качаясь, и снѣгомъ сыпучимъ
Одѣта, какъ ризой, она.
И снится ей все, что въ пустынѣ далекой,
Въ томъ краѣ, гдѣ солнца восходъ,
Одна и грустна на утесѣ горючемъ
Прекрасная пальма растетъ.

Тучи. 1840

Тучки небесныя, вѣчные странники!
Степью лазурною, цѣпью жемчужною
Мчитесь вы, будто какъ я-же, изгнанники
Съ милаго сѣвера въ сторону южную.

Кто-же васъ гонитъ: судьбы ли рѣшеніе?
Зависть-ли тайная? злоба-ль открытая?
Или на васъ тяготитъ преступленіе?
Или друзей клевета ядовитая?

Нѣтъ, вамъ наскучили нивы безплодныя....
Чужды вамъ страсти и чужды страданія;
Вѣчно холодныя, вѣчно свободныя,
Нѣтъ у васъ родины! нѣтъ вамъ изгнанія.

Герой нашего времени (1842).

БЭЛА.

Лермонтовъ ѣдетъ служить на Кавказъ. Во время труднаго переѣзда по горамъ онъ встрѣчается съ Максимомъ Максимычемъ, старымъ штабсъ-капитаномъ, служившимъ здѣсь уже нѣсколько лѣтъ по разнымъ крѣпостямъ. Максимъ Максимычъ разсказываетъ Лермонтову исторію Бэлы.

— Я стоялъ въ крѣпости за Терекомъ съ ротой—этому скоро пять лѣтъ. Разъ, осенью, пришелъ транспортъ съ провіантомъ; въ транспортѣ былъ офицеръ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцатипяти. Онъ явился ко мнѣ въ полной формѣ и объявилъ, что ему велѣно остаться у меня въ крѣпости. Онъ былъ такой тоненькій, бѣленькій; на немъ мундиръ былъ такой новенькій, что я тотчасъ догадался, что онъ на Кавказѣ у насъ недавно. «Вы, вѣрно», спросилъ я его, «переведены сюда изъ Россіи?» — Точно такъ, господинъ штабсъ-капитанъ, отвѣчалъ онъ. Я взялъ его за руку и сказалъ: «Очень радъ, очень радъ. Вамъ будетъ немножко скучно... ну, да мы съ вами будемъ жить по пріятельски. Да, пожалуста, зовите меня просто Максимъ Максимычъ, и пожалуста—къ чему эта полная форма? приходите ко мнѣ всегда въ фуражкѣ». Ему отвели квартиру, и онъ поселился въ крѣпости.

— А какъ его звали? спросилъ я Максима Максимыча.

— Его звали... Григорьемъ Александровичемъ *Печоринымъ*. Славный былъ малый, смѣю васъ увѣрить; только немножко страненъ. Вѣдь, напримѣръ, въ дождикъ, въ холодъ, цѣлый день на охотѣ, всѣ иззябнутъ, устанутъ,—а ему ничего. А другой разъ сидитъ у себя въ комнатѣ, вѣтеръ пахнетъ, увѣряетъ, что простудился; ставнемъ стукнетъ, онъ вздрогнетъ и поблѣднѣетъ; а при мнѣ ходилъ на кабана одинъ на одинъ; бывало, по цѣлымъ часамъ слова не добьешься, за то ужъ иногда какъ начнетъ разсказывать, такъ животики надорвешь со смѣху... Да-съ, съ большими странностями, и, должно быть, богатый человѣкъ: сколько у него было разныхъ дорогихъ вещицъ!...

— А долго онъ съ вами жилъ? спросилъ я опять.

— Да съ годъ. Ну да ужъ за то памятенъ мнѣ этотъ годъ; надѣлалъ онъ мнѣ хлопотъ, не тѣмъ будь онъ помянутъ! Вѣдь есть, право, этакіе люди, у которыхъ на роду написано, что съ ними должны случаться разныя необыкновенныя вещи!

— Необыкновенныя? воскликнулъ я съ видомъ любопытства, подливая ему чаю.

— А вотъ я вамъ разскажу. Верстъ шесть отъ крѣпости жилъ одинъ мирной князь. Сынишко его, мальчикъ лѣтъ пятнадцати, повадился къ намъ ѣздить всякій день, бывало, то за тѣмъ, то за другимъ. И ужъ точно избаловали мы его съ Григорьемъ Александровичемъ. А ужъ какой былъ головорѣзъ, проворный на что хочешь: шапку ли поднять на всемъ скаку, изъ ружья ли стрѣлять. Одно было въ немъ нехорошо: ужасно падокъ былъ на деньги. Разъ для смѣха, Григорій Александровичъ обѣщался ему дать червонецъ, коли онъ ему украдетъ лучшаго козла изъ отцовскаго стада; и что жъ вы

думаете: на другую же ночь притащилъ его за рога. А, бывало, мы вздумаемъ его дразнить, такъ глаза кровью нальются, и сейчасъ за кинжалъ. «Эй, Азаматъ, не сносить тебѣ головы», говорилъ я ему: «яманъ будетъ твоя башка!»

На сватьбѣ старшей сестры Азамата Печоринъ увидѣлъ Бэлу, младшую сестру. Онъ весь вечеръ не сводилъ съ нея глазъ.

— Только не одинъ Печоринъ любовался хорошенькой княжной: изъ угла комнаты на нее смотрѣли другіе два глаза, неподвижные, огненные. Я сталъ вглядываться, и узналъ моего стараго знакомаго Казбича. Онъ, знаете, былъ не то, чтобъ мирной, не то, чтобъ немирной. Подозрѣній на него было много, хоть онъ ни въ какой шалости не былъ замѣченъ. Бывало, онъ приводилъ къ намъ въ крѣпость барановъ и продавалъ дешево, только никогда не торговался: что запроситъ, давай, — хоть зарѣжь, не уступитъ. Говорили про него, что онъ любитъ таскаться за Кубань съ абреками, и, правду сказать, рожа у него была самая разбойничья; маленькій, сухой, широкоплечій... А ужъ ловокъ-то, ловокъ-то былъ, какъ бѣсъ! Бешметъ всегда изорванный, въ заплаткахъ, а оружіе въ серебрѣ. А лошадь его славилась въ цѣлой Кабардѣ,—и точно, лучше этой лошади ничего вздумать невозможно. Не даромъ ему завидовали всѣ наѣздники, и не разъ пытались ее украсть, только не удавалось. Какъ теперь гляжу на эту лошадь: вороная какъ смоль, ноги струнки, и глаза не хуже, чѣмъ у Бэлы; а какая сила! скачи хоть на 50 верстъ; а ужъ выѣзжена—какъ собака бѣгаетъ за хозяиномъ; голосъ его даже знала! Бывало, онъ ее никогда не привязываетъ. Ужъ такая разбойничья лошадь!

— Въ этотъ вечеръ Казбичъ былъ угрюмѣе, чѣмъ когда нибудь, и я замѣтилъ, что у него подъ бешметомъ надѣта кольчуга. «Не даромъ на немъ эта кольчуга», подумалъ я: «ужъ онъ вѣрно что-нибудь замышляетъ».

Душно стало въ саклѣ, и я вышелъ на воздухъ освѣжиться. Ночь ужъ ложилась на горы, и туманъ начиналъ бродить по ущельямъ.

Мнѣ вздумалось завернуть подъ навѣсъ, гдѣ стояли наши лошади, посмотрѣть, есть ли у нихъ кормъ, и притомъ осторожность никогда не мѣшаетъ; у меня же была лошадь славная, и ужъ не одинъ кабардинецъ на нее умильно поглядывалъ, приговаривая; *якши тхе, чекъ якши*!

Пробираюсь вдоль забора, и слышу голоса; одинъ голосъ я тотчасъ узналъ: это былъ повѣса Азаматъ, сынъ нашего хозяина; другой говорилъ рѣже и тише. «О чемъ они тутъ толкуютъ?» подумалъ я: «ужъ не о моей ли лошадкѣ?» Вотъ присѣлъ я у забора и сталъ прислушиваться, стараясь не пропустить ни одного слова. Иногда шумъ пѣсенъ и говоръ голосовъ, вылетая изъ сакли, заглушали любопытный для меня разговоръ.

— Славная у тебя лошадь! говорилъ Азаматъ: если бъ я былъ хозяинъ въ домѣ и имѣлъ табунъ въ триста кобылъ, то отдалъ бы половину за твоего скакуна, Казбичъ!»

«А! Казбичъ!» подумалъ я, и вспомнилъ кольчугу.

— «Да,» отвѣчалъ Казбичъ послѣ нѣкотораго молчанія: «въ цѣлой Кабардѣ не найдешь такой. Разъ,—это было за Терекомъ — я ѣздилъ съ абреками отбивать рускіе табуны; намъ не посчастливилось, и мы разсыпались, кто куда. За мной неслись четыре казака; ужъ я слышалъ за собою крики гяуровъ и передо мною былъ густой лѣсъ. Прилегъ я на сѣдло, поручилъ себя Аллаху, и въ первый разъ въ жизни оскорбилъ коня ударомъ плети. Какъ птица нырнулъ онъ между вѣтвями; острыя колючки рвали мою одежду, сухія сучья карагача били меня по лицу. Конь мой прыгалъ черезъ пни, разрывалъ кусты

грудью. Лучше было бы мнѣ его бросить у опушки и скрыться въ лѣсу пѣшкомъ, да жаль было съ нимъ разстаться—и пророкъ вознаградилъ меня. Нѣсколько пуль провизжало надъ моей головою; я ужъ слышалъ, какъ спѣшившіеся казаки бѣжали по слѣдамъ.... Вдругъ предо мною рытвина глубокая; скакунъ мой призадумался—и прыгнулъ. Заднія его копыта оборвались съ противнаго берега, и онъ повисъ на переднихъ ногахъ. Я бросилъ поводья и полетѣлъ въ оврагъ; это спасло моего коня: онъ выскочилъ. Казаки все это видѣли, только ни одинъ не пустился меня искать: они вѣрно думали, что я убился до смерти, и я слышалъ, какъ они бросились ловить моего коня. Сердце мое облилось кровью: поползъ я по густой травѣ вдоль по оврагу, — смотрю: лѣсъ кончился, нѣсколько казаковъ выѣзжаютъ изъ него на поляну, и вотъ выскакиваетъ къ нимъ прямо мой Карагёзъ; всѣ кинулись за нимъ съ крикомъ; долго, долго они за нимъ гонялись, особенно одинъ раза-два чуть-чуть не накинулъ аркана ему на шею; я задрожалъ, опустилъ глаза и началъ молиться. Чрезъ нѣсколько мгновеній поднимаю ихъ—и вижу: мой Карагёзъ летитъ, развивая хвостъ, вольный какъ вѣтеръ, а гяуры далеко одинъ за другимъ тянутся по степи на измученныхъ коняхъ. Валлахъ! это правда, истинная правда! До поздней ночи я сидѣлъ въ своемъ оврагѣ. Вдругъ, что жъ ты думаешь, Азаматъ? во мракѣ слышу, бѣгаетъ по берегу оврага конь, фыркаетъ, бьетъ копытами о землю и ржетъ; я узналъ голосъ моего Карагёза, это былъ онъ, мой товарищъ!... Съ тѣхъ поръ мы не разлучались.

— И слышно было, какъ онъ трепалъ рукою по гладкой шеѣ своего скакуна, давая ему разныя нѣжныя названья.

— Если бъ у меня былъ табунъ въ тысячу кобылицъ, сказалъ Азаматъ:—то отдалъ бы тебѣ его весь за твоего Карагёза.

— *Йокъ*, не хочу, отвѣчалъ равнодушно Казбичъ.

— Послушай, Казбичъ, говорилъ, ласкаясь къ нему, Азаматъ: — ты добрый человѣкъ, ты храбрый джигитъ, а мой отецъ боится русскихъ и не пускаетъ меня въ горы; отдай мнѣ свою лошадь, и я сдѣлаю все, что ты хочешь, украду для тебя у отца лучшую его винтовку, или шашку, что только пожелаешь, — а шашка его настоящая гурда: приложи лезвеемъ къ рукѣ, сама въ тѣло вопьется; а кольчуга — такая какъ твоя, ни почемъ.

Казбичъ молчалъ.

— Въ первый разъ, какъ я увидѣлъ твоего коня, продолжалъ Азаматъ: — когда онъ подъ тобой крутился и прыгалъ, раздувая ноздри, и кремни брызгами летѣли изъ-подъ копытъ его, въ моей душѣ сдѣлалось что-то непонятное, и съ тѣхъ поръ все мнѣ опостыло: на лучшихъ скакуновъ моего отца смотрѣлъ я съ презрѣніемъ, стыдно было мнѣ на нихъ показаться, и тоска овладѣла мной; и, тоскуя, просиживалъ я на утесѣ цѣлые дни, и ежеминутно мыслямъ моимъ являлся вороной скакунъ съ своей стройной поступью, съ своимъ гладкимъ, прямымъ, какъ стрѣла хребтомъ; онъ смотрѣлъ мнѣ въ глаза своими бойкими глазами, какъ будто хотѣлъ слово вымолвить. Я умру, Казбичъ, если ты мнѣ не продашь его!» сказалъ Азаматъ дрожащимъ голосомъ.

Мнѣ послышалось, что онъ заплакалъ; а надо вамъ сказать, что Азаматъ былъ преупрямый мальчикъ, и ничѣмъ, бывало, у него слезъ не выбьешь, даже когда онъ былъ и помоложе.

Въ отвѣтъ на его слезы послышалось что-то въ родѣ смѣха.

— Послушай, сказалъ твердымъ голосомъ Азаматъ: — видишь, я на все рѣшаюсь. Хочешь, я украду для тебя мою сестру? Какъ она пляшетъ! какъ поетъ! а вышиваетъ золотомъ — чудо! не бывало такой жены и у турецкаго падишаха.... Хочешь? дождись меня

завтра ночью, тамъ, въ ущельѣ, гдѣ бѣжитъ потокъ: я пойду съ нею мимо въ сосѣдній аулъ—и она твоя. Неужели не стоитъ Бэла твоего скакуна?

— Долго, долго молчалъ Казбичъ, наконецъ, вмѣсто отвѣта, затянулъ старинную пѣсню въ полголоса.

Много красавицъ въ аулахъ у насъ,
Звѣзды сіяютъ во мракѣ ихъ глазъ.
Сладко любить ухъ—завидная доля;
Но веселѣй молодецкая воля.
Золото купитъ четыре жены,
Конь же лихой не имѣетъ цѣны:
Онъ и отъ вихря въ степи не отстанетъ,
Онъ не измѣнитъ, онъ не обманетъ.

Напрасно упрашивалъ его Азаматъ согласиться и плакалъ, и льстилъ ему, и клялся; наконецъ Казбичъ нетерпѣливо прервалъ его:

— Поди прочь, безумный мальчишка! Гдѣ тебѣ ѣздить на моемъ конѣ? На первыхъ трехъ шагахъ онъ тебя сброситъ, и ты разобьешь себѣ затылокъ о камни.

— Меня! крикнулъ Азаматъ въ бѣшенствѣ, и желѣзо дѣтскаго кинжала зазвенѣло объ кольчугу. Сильная рука оттолкнула его прочь и онъ ударился о плетень такъ, что плетень зашатался. «Будетъ потѣха!» подумалъ я, кинулся въ конюшню, взнуздалъ лошадей нашихъ и вывелъ ихъ на задній дворъ. Чрезъ двѣ минуты ужъ въ саклѣ былъ ужасный гвалтъ. Вотъ что случилось: Азаматъ вбѣжалъ туда въ разорванномъ бешметѣ, говоря, что Казбичъ хотѣлъ его зарѣзать. Всѣ выскочили, схватилися за ружья—и пошла потѣха! Крикъ, шумъ, выстрѣлы, только Казбичъ былъ уже верхомъ и вертѣлся среди толпы по улицѣ, какъ бѣсъ, отмахиваясь шашкой. «Плохое дѣло—въ чужомъ пиру похмѣлье,» сказалъ я Григорью Александровичу, поймавъ его за руку: «не лучше ли намъ поскорѣй убраться?»

— Да погодите, чѣмъ кончится.

— Да ужъ, вѣрно, кончится худо; у этихъ азіатовъ все такъ: натянулись бузы—и пошла рѣзня!—Мы сѣли верхомъ и ускакали домой.

— А что Казбичъ? спросилъ я нетерпѣливо у штабсъ-капитана.

— Да что этому народу дѣлается! отвѣчалъ онъ, допивая стаканъ чаю:— вѣдь ускользнулъ!

— И не раненъ? спросилъ я.

— А Богъ его знаетъ! Живущи разбойники! Видалъ я-съ иныхъ въ дѣлѣ, напримѣръ: вѣдь весь исколотъ, какъ рѣшето, штыками, а все махаетъ шашкой.

МАКСИМЪ МАКСИМЫЧЪ.

Разставшись съ Максимомъ Максимычемъ, я живо проскакалъ терекское и дарьяльское ущелья, завтракалъ въ Казбекѣ, чай пилъ въ Ларсѣ, а къ ужину поспѣшилъ въ Владикавказъ. Избавляю васъ отъ описанія горъ, отъ возгласовъ, которые ничего не выражаютъ, отъ картинъ, которыя ничего не изображаютъ, особенно для тѣхъ, которые тамъ не были, и отъ статистическихъ замѣчаній, которыхъ рѣшительно никто читать не станетъ.

Я остановился въ гостинницѣ, гдѣ останавливаются всѣ проѣзжіе, и гдѣ, между тѣмъ, некому велѣть зажарить фазана и сварить щей, ибо три инвалида, которымъ она поручена, такъ глупы, или такъ пьяны, что отъ нихъ никакого толку нельзя добиться.

Мнѣ объявили, что я долженъ прожить тутъ еще три дня, ибо «оказія» изъ Екатеринограда еще не пришла и, слѣдовательно, отправиться обратно не можетъ. Что за оказія!... Но дурной каламбуръ не утѣшеніе для русскаго человѣка, и я, для развлеченія, вздумалъ записывать разсказъ Максима Максимыча о Бэлѣ, не воображая, что онъ будетъ первымъ звѣномъ длинной цѣпи повѣстей: видите, какъ иногда маловажный случай имѣетъ жестокія по-

слѣдствія!... А вы, можетъ быть, не знаете, что такое «оказія?» Это—прикрытіе, состоящее изъ полуроты пѣхоты и пушки, съ которымъ ходятъ обозы черезъ Кабарду изъ Владикавказа въ Екатериноградъ.

Первый день я провелъ очень скучно; на другой, рано утромъ въѣзжаетъ на дворъ повозка.... А! Максимъ Максимычъ!... Мы встрѣтились какъ старые пріятели. Я предложилъ ему свою комнату, онъ не церемонился, даже ударилъ меня по плечу и скривилъ ротъ на манеръ улыбки. Такой чудакъ!

Максимъ Максимычъ имѣлъ глубокія свѣдѣнія въ поваренномъ искусствѣ: онъ удивительно хорошо зажарилъ фазана, удачно полилъ его огуречнымъ разсоломъ, и я долженъ признаться, что безъ него пришлось бы остаться на сухоядѣніи. Бутылка кахетинскаго помогла намъ забыть о скромномъ числѣ блюдъ, которыхъ было всего одно, и, закуривъ трубки, мы усѣлись—я у окна, онъ у затопленной печи, потому что день былъ сырой и холодный. Мы молчали. О чемъ было намъ говорить?... Онъ ужъ разсказалъ мнѣ о себѣ все, что было занимательнаго, а мнѣ было нечего разсказывать. Я смотрѣлъ въ окно. Множество низенькихъ домиковъ, разбросанныхъ по берегу Терека, который разбѣгается шире и шире, мелькали изъ-за деревъ, а дальше синѣлись зубчатою стѣною горы, и изъ-за нихъ выглядывалъ Казбекъ въ своей бѣлой кардинальской шапкѣ. Я съ ними мысленно прощался: мнѣ стало ихъ жалко.

Такъ сидѣли мы долго. Солнце пряталось за холодныя вершины, и бѣловатый туманъ начиналъ расходиться въ долинахъ, когда на улицѣ разлался звонъ дорожнаго колокольчика и крикъ извощиковъ. Нѣсколько повозокъ съ грязными армянами въѣхало на дворъ гостинницы и за ними пустая дорожная коляска; ея легкій ходъ, удобное устройство, и щегольской видъ имѣли какое-то заграничный отпечатокъ. За нею шелъ человѣкъ съ большими усами, въ венгеркѣ, довольно хорошо одѣтый для лакея; въ его званіи нельзя было ошибиться, видя ухарскую замашку, съ которою онъ вытряхивалъ золу изъ трубки и покрикивалъ на ямщика. Онъ явно былъ балованный слуга лѣниваго барина, — нѣчто въ родѣ русскаго фигаро.

«Скажи, любезный, закричалъ я ему въ окно, что это—оказія пришла, что-ли?»—Онъ посмотрѣлъ довольно дерзко, поправилъ галстукъ и отвернулся; шедшій возлѣ него армянинъ, улыбаясь, отвѣчалъ за него, что точно пришла оказія и завтра утромъ отправится обратно:—«Слава Богу!» сказалъ Максимъ Максимычъ, подошедшій къ окну въ это время. «Экая чудная коляска!» прибавилъ онъ: «вѣрно какой нибудь чиновникъ ѣдетъ на слѣдствіе въ Тифлисъ. Видно, не знаетъ нашихъ горокъ! Нѣтъ, шутишь, любезный: онѣ не свой братъ, растрясутъ хоть англійскую!»

— А кто бы это такое былъ—подойдемте-ка узнать....

Мы вышли въ корридоръ. Въ концѣ корридора была отворена дверь въ комнату. Лакей съ извощикомъ перетаскивали въ нее чемоданы.

— Послушай, братецъ, спросилъ у него штабсъ-капитанъ: чья эта чудесная коляска?... а?... Прекрасная коляска!...

Лакей, не оборачиваясь, бормоталъ что то про себя, развязывая чемоданъ. Максимъ Максимычъ разсердился: онъ тронулъ неучтивца по плечу и сказалъ: я тебѣ говорю, любезный....

— Чья коляска?... моего господина...

— А кто твой господинъ?

— Печоринъ...

— Что ты? что ты? Печоринъ?.. Ахъ, Боже мой!.. да не служилъ-ли онъ на Кавказѣ?.. воскликнулъ Максимъ Максимычъ, дернувъ меня за рукавъ. У него въ глазахъ сверкала радость.

— Служилъ, кажется,—да я у нихъ недавно.

— Ну, такъ!.. такъ! Григорій Александровичъ?.. Такъ вѣдь его зовутъ?.. Мы съ твоимъ бариномъ были пріятели, прибавилъ онъ, ударивъ дружески по плечу лакея такъ, что заставилъ его пошатнуться.

— Позвольте, сударь, вы мнѣ мѣшаете, сказалъ тотъ, нахмурившись.

— Экой ты, братецъ!.. Да знаешь-ли, мы съ твоимъ бариномъ были друзья закадычные, жили вмѣстѣ?.. Да гдѣ-же онъ самъ остался?..

Слуга объявилъ, что Печоринъ остался ужинать и ночевать у полковника Н...

— Да не зайдетъ-ли онъ вечеромъ сюда? сказалъ Максимъ Максимычъ:— или ты, любезный, не пойдешь-ли къ нему за чѣмъ-нибудь?... Коли пойдешь, такъ скажи, что здѣсь Максимъ Максимычъ — такъ и скажи... ужъ онъ знаетъ... Я тебѣ дамъ восьмигривенный на водку...

Лакей сдѣлалъ презрительную мину, слыша такое скромное обѣщаніе, однако увѣрилъ Максима Максимыча, что онъ исполнитъ его порученіе.

— Вѣдь сейчасъ прибѣжитъ!.. сказалъ мнѣ Максимъ Максимычъ съ торжествующимъ видомъ: — пойду за ворота его дожидаться... Эхъ! жалко, что я незнакомъ съ Н...

Максимъ Максимычъ сѣлъ за воротами на скамейку, а я ушелъ въ свою комнату. Признаюсь, я также съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ ждалъ появленія этого Печорина; хотя, по разсказу штабсъ-капитана, я составилъ о немъ себѣ не очень выгодное понятіе, однако нѣкоторыя черты въ его характерѣ показались мнѣ замѣчательными. Черезъ часъ инвалидъ принесъ кипящій самоваръ и чайникъ. «Максимъ Максимычъ, не хотите-ли чаю?» закричалъ я ему въ окно.

— Благодарствуйте; что-то не хочется.

— Эй выпейте! Смотрите, вѣдь ужъ поздно, холодно.

— Ничего; благодарствуйте...

— Ну, какъ угодно! Я сталъ пить чай одинъ; минутъ черезъ десять входитъ мой старикъ.

— А вѣдь вы правы: все лучше выпить чайку, — да я все ждалъ. Ужъ человѣкъ его давно къ нему пошелъ, да видно, что-нибудь задержало.

Онъ на-скоро выхлебнулъ чашку, отказался отъ второй и ушелъ опять за ворота въ какомъ-то безпокойствѣ: явно было, что старика огорчало небреженіе Печорина, и тѣмъ болѣе, что онъ мнѣ недавно говорилъ о своей съ нимъ дружбѣ, и еще, часъ тому назадъ, былъ увѣренъ, что онъ прибѣжитъ, какъ только услышитъ его имя.

Ужъ было поздно и темно, когда я снова отворилъ окно и сталъ звать Максима Максимыча, говоря, что пора спать; онъ что-то пробормоталъ сквозь зубы; я повторилъ приглашеніе — онъ ничего не отвѣчалъ...

Я легъ на диванъ, завернувшись въ шинель; проспалъ-бы покойно, еслибъ, уже очень поздно, Максимъ Максимычъ, войдя въ комнату, не разбудилъ меня. Онъ бросилъ трубку на столъ, сталъ ходить по комнатѣ, швырять въ печи, наконецъ легъ, но долго кашлялъ, плевалъ, ворочался...

— Не клопы ли васъ кусаютъ? спросилъ я.

— Да, клопы... отвѣчалъ онъ, тяжело вздохнувъ.

На другой день утромъ я проснулся рано, но Максимъ Максимычъ предупредилъ меня. Я нашелъ его у воротъ, сидящаго на скамейкѣ. «Мнѣ надо сходить къ коменданту», сказалъ онъ: «такъ пожалуйста: если Печоринъ придетъ, пришлите за мной...»

Я обѣщался. Онъ побѣжалъ, какъ-будто члены его получили вновь юношескую силу и гибкость.

Утро было свѣжее и прекрасное. Золотыя облака громоздились на горахъ, какъ новый рядъ воздушныхъ горъ; передъ воротами разстилалась широкая площадь; за нею базаръ кипѣлъ наро-

домъ, потому-что было воскресенье: босые мальчики—осетины, неся за плечами котомки съ сотовымъ медомъ, вертѣлись вокругъ меня; я ихъ проклиналъ, мнѣ было не до нихъ,—я начиналъ раздѣлять безпокойство добраго штабсъ-капитана.

Не прошло десяти минутъ, какъ на концѣ площади показался тотъ, котораго мы ожидали. Онъ шелъ съ полковникомъ Н..., который, доведя его до гостинницы, простился съ нимъ и поворотилъ въ крѣпость.

Я тотчасъ-же послалъ инвалида за Максимомъ Максимовичемъ.

На встрѣчу Печорина вышелъ его лакей и доложилъ, что сейчасъ станутъ закладывать, подалъ ему ящикъ съ сигарами и, получивъ нѣсколько приказаній, отправился хлопотать. Его господинъ, закуривъ сигару, зѣвнулъ раза два и сѣлъ на скамью по другую сторону воротъ.

Теперь я долженъ нарисовать вамъ его портретъ.

Онъ былъ средняго роста; стройный, тонкій станъ его и широкія плечи доказывали крѣпкое сложеніе, способное переносить всѣ трудности кочевой жизни и перемѣны климатовъ, непобѣжденное ни развратомъ столичной жизни, ни бурями душевными; пыльный бархатный сюртучокъ его, застегнутый только на двѣ нижнія пуговицы, позволялъ разглядѣть ослѣпительно чистое бѣлье, изобличавшее привычки порядочнаго человѣка; его запачканныя перчатки казались нарочно сшитыми по его маленькой аристократической рукѣ, и когда онъ снялъ одну перчатку, то я былъ удивленъ худобой его блѣдныхъ пальцевъ. Его походка была небрежна и лѣнива, но я замѣтилъ, что онъ не размахивалъ руками—вѣрный признакъ нѣкоторой скрытности характера. Впрочемъ, это мои собственныя замѣчанія, основанныя на моихъ-же наблюденіяхъ, и я вовсе не хочу васъ заставить вѣровать въ нихъ слѣпо. Когда онъ опустился на скамью, то прямой станъ его согнулся, какъ будто у него въ спинѣ не было ни одной косточки; положеніе всего его тѣла изображало какую-то нервическую слабость; онъ сидѣлъ, какъ сидитъ Бальзакова тридцатилѣтняя кокетка на своихъ пуховыхъ креслахъ послѣ утомительнаго бала. Съ перваго взгляда на лице его, я бы не далъ ему болѣе двадцати-трехъ лѣтъ, хотя послѣ я готовъ былъ дать ему тридцать. Въ его улыбкѣ было что-то дѣтское. Его кожа имѣла какую-то женскую нѣжность; бѣлокурые волосы, вьющіеся отъ природы, такъ живописно обрисовывали его блѣдный, благородный лобъ, на которомъ, только по долгомъ наблюденіи, можно было замѣтить слѣды морщинъ, пересѣкавшихъ одна другую и, вѣроятно, обозначавшихся гораздо явственнѣе въ минуты гнѣва, или душевнаго безпокойства. Несмотря на свѣтлый цвѣтъ его волосъ, усы его и брови были черные — признакъ породы въ человѣкѣ, такъ-какъ черная грива и черный хвостъ у бѣлой лошади. Чтобы докончить портретъ, я скажу, что у него былъ немного вздернутый носъ, зубы ослѣпительной бѣлизны и каріе глаза; о глазахъ я долженъ сказать еще нѣсколько словъ.

Во первыхъ, они не смѣялись, когда онъ смѣялся!—Вамъ не случалось замѣчать такой странности у нѣкоторыхъ людей?.. Это признакъ или злаго нрава, или глубокой, постоянной грусти. Изъ-за полуопущенныхъ рѣсницъ они сіяли какимъ-то фосфорическимъ блескомъ, если можно такъ выразиться. То не было отраженіе жара душевнаго, или играющаго воображенія: то былъ блескъ, подобный блеску гладкой стали, ослѣпительный, но холодный; взглядъ его—непродолжительный, но проницательный и тяжелый, оставлялъ по себѣ непріятное впечатлѣніе нескромнаго вопроса и могъ бы казаться дерзкимъ, еслибъ не былъ столь равнодушно спокоенъ.

Всѣ эти замѣчанія пришли мнѣ на

умъ, можетъ быть, только потому, что я зналъ нѣкоторыя подробности его жизни, и, можетъ быть, на другаго видъ его произвелъ-бы совершенно различное впечатлѣніе; но такъ-какъ вы о немъ не услышите ни отъ кого, кромѣ меня, то поневолѣ должны довольствоваться этимъ изображеніемъ. Скажу въ заключеніе, что онъ былъ вообще очень не дуренъ и имѣлъ одну изъ тѣхъ оригинальныхъ физіономій, которыя особенно нравятся женщинамъ. Лошади были уже заложены; колокольчикъ по временамъ звенѣлъ надъ дугою, и лакей уже два раза подходилъ къ Печорину съ докладомъ, что все готово, а Максимъ Максимычъ еще не являлся. Къ счастію, Печоринъ былъ погруженъ въ задумчивость, глядя на синіе зубцы Кавказа, и, кажется, вовсе не торопился въ дорогу. Я подошелъ къ нему: «Если вы захотите еще немного подождать», сказалъ я, «то будете имѣть удовольствіе увидѣться со старымъ пріятелемъ...»

— Ахъ , точно ! быстро отвѣчалъ онъ:—мнѣ вчера говорили; но гдѣ же онъ?—Я обернулся къ площади и увидѣлъ Максима Максимыча, бѣгущаго что было мочи... Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ уже возлѣ насъ; онъ едва могъ дышать; потъ градомъ катился съ лица его; мокрые клочки сѣдыхъ волосъ, вырвавшись изъ-подъ шапки, приклеились ко лбу его; колѣни его дрожали... онъ хотѣлъ кинуться на шею Печорину, но тотъ довольно холодно, хотя съ привѣтливой улыбкой, протянулъ ему руку. Штабсъ-капитанъ на минуту остолбенѣлъ, но потомъ жадно схватилъ его руку обѣими руками: онъ еще не могъ говорить.

— Какъ я радъ, дорогой Максимъ Максимычъ! Ну, какъ вы поживаете? сказалъ Печоринъ.

— А... ты?... а вы?... пробормоталъ со слезами на глазахъ старикъ: сколько лѣтъ... сколько дней... да куда это?..

— Ѣду въ Персію—и дальше...

— Неужто сейчасъ?... Да подождите, дражайшій!.. Неужто сейчасъ разстанемся?.. Сколько времени не видались:

— Мнѣ, пора, Максимъ Максимычъ, былъ отвѣтъ.

— Боже мой? Боже мой! да куда это такъ спѣшите!... Мнѣ столько бы хотѣлось вамъ сказать... столько разспросить...

Ну, что? въ отставкѣ?... какъ?... что подѣлывали?...

— Скучалъ! отвѣчалъ Печоринъ, улыбаясь.

— А помните наше житье-бытье въ крѣпости?... Славная страна для охоты!... Вѣдь вы были страстный охотникъ стрѣлять... А Бэла?

Печоринъ чуть-чуть поблѣднѣлъ и отвернулся...

— Да, помню! сказалъ онъ, почти тотчасъ принужденно зѣвнувъ.

Максимъ Максимычъ сталъ его упрашивать остаться съ нимъ еще часа два.

— Мы славно пообѣдаемъ, говорилъ онъ:—у меня есть два фазана: а кахетинское здѣсь прекрасное... разумѣется не то, что въ Грузіи, однако лучшаго сорта... Мы поговоримъ. Вы мнѣ разскажете про свое житье въ Петербургѣ... А?....

— Право, мнѣ нечего разсказывать, дорогой Максимъ Максимычъ... Однако, прощайте, мнѣ пора... я спѣшу... Благодарю, что не забыли... прибавилъ онъ, взявъ его за руку.

Старикъ нахмурилъ брови... Онъ былъ печаленъ и сердитъ, хотя старался скрыть это.

— Забыть! проворчалъ онъ:—я то не забылъ ничего... Ну, да Богъ съ вами... Не такъ я думалъ съ вами встрѣтиться....»

— Ну, полно. полно! сказалъ Печоринъ, обнявъ его дружески: — неужели я не тотъ же?... Что дѣлать?... всякому своя дорога...Удастся ли еще встрѣтиться — Богъ знаетъ!... Говоря это,

онъ уже сидѣлъ въ коляскѣ и ямщикъ уже началъ подбирать возжи.

— Постой, постой! закричалъ вдругъ Максимъ Максимычъ, ухватясь за дверцы коляски:—совсѣмъ было забылъ... У меня остались ваши бумаги, Григорій Александровичъ... я ихъ таскаю съ собой... думалъ найти васъ въ Грузіи, а вотъ гдѣ Богъ далъ свидѣться. Что мнѣ съ ними дѣлать?...

— Что хотите! отвѣчалъ Печоринъ. Прощайте...

— Такъ вы въ Персію?... а когда вернетесь?... кричалъ въ слѣдъ Максимъ Максимычъ.

Коляска была уже далеко, но Печоринъ сдѣлалъ знакъ рукою, который можно было перевести слѣдующимъ образомъ: «врядъ ли! да и не зачѣмъ!...»

Давно уже неслышно было ни звона колокольчика, ни стука колесъ по кремнистой дорогѣ, а бѣдный старикъ еще стоялъ на томъ же мѣстѣ въ глубокой задумчивости.

— Да, сказалъ онъ наконецъ, стараясь принять равнодушный видъ, хотя слеза досады по временамъ сверкала на его рѣсницахъ:—конечно, мы были пріятели,—ну, да что пріятели въ нынѣшнемъ вѣкѣ!... Что ему во мнѣ? Я не богатъ, не чиновенъ, да и по лѣтамъ совсѣмъ ему не пара... Вишь какимъ онъ франтомъ сдѣлался, какъ побывалъ опять въ Петербургѣ... Что за коляска!... сколько поклажи!... и лакей такой гордый!... Эти слова были произнесены съ иронической улыбкой. — Скажите, продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ:—ну, что вы объ этомъ думаете?. . ну, какой бѣсъ несетъ его теперь въ Персію?... Смѣшно, ей Богу смѣшно!... Да я всегда зналъ, что онъ вѣтреный человѣкъ, на котораго нельзя надѣяться... А, право жаль, что онъ дурно кончитъ... да и нельзя иначе! Ужъ я всегда говорилъ, что нѣтъ проку въ томъ, кто старыхъ друзей забываетъ!... Тутъ онъ отвернулся, чтобъ скрыть свое волненіе, и пошелъ ходить по двору около своей повозки, показывая будто осматриваетъ колеса, тогда какъ глаза его поминутно наполнялись слезами.

— Максимъ Максимычъ, сказалъ я, подошедши къ нему:—а что это за бумаги вамъ оставилъ Печоринъ?

— А Богъ его знаетъ! какія-то записки...

— Что вы изъ нихъ сдѣлаете?

— Что? Я велю надѣлать патроновъ.

— Отдайте ихъ лучше мнѣ?

Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ, проворчалъ что-то сквозь зубы и началъ рыться въ чемоданѣ; вотъ онъ вынулъ одну тетрадку и бросилъ ее съ презрѣніемъ на землю; потомъ другая, третья и десятая имѣли ту же участь: въ его досадѣ было что-то дѣтское; мнѣ стало смѣшно и жалко...

— Вотъ онѣ всѣ, сказалъ онъ:—поздравляю васъ съ находкою...

— И я могу дѣлать съ ними все, что хочу?

— Хоть въ газетахъ печатайте. Какое мнѣ дѣло?... Что я развѣ другъ его какой, или родственникъ?... Правда, мы жили подъ одной кровлей... Да мало ли съ кѣмъ я не жилъ?..

Я схватилъ бумаги и поскорѣе унесъ ихъ, боясь, чтобъ штабсъ-капитанъ не раскаялся. Скоро пришли намъ объявить, что чрезъ часъ тронется оказія; я велѣлъ закладывать. Штабсъ-капитанъ вошелъ въ комнату въ то время, когда я уже надѣлъ шапку; онъ, казалось, не готовился къ отъѣзду; у него былъ какой-то принужденный, холодный видъ.

— А вы, Максимъ Максимычъ, развѣ не ѣдите?

— Нѣтъ.

— А что такъ?

— Да я еще коменданта не видалъ, и мнѣ надо сдать кой-какія казенныя вещи...

— Да, вѣдь, вы же были у него?

— Былъ, конечно, сказалъ онъ, за-

нимаясь! — да его дома не было... а я не дожидался.

Я понялъ его: бѣдный старикъ въ первый разъ отъ роду, можетъ-быть, бросилъ дѣла службы для собственной надобности, говоря языкомъ бумажнымъ, — и какъ же онъ былъ награжденъ!

— Очень жаль, сказалъ я ему: —очень жаль, Максимъ Максимычъ, что намъ до срока надо разстаться.

— Гдѣ намъ, необразованнымъ старикамъ, за вами гоняться!... Вы молодежъ свѣтская, гордая: еще покамѣсть подъ черкесскими пулями, такъ вы туда сюда... а послѣ встрѣтитесь, такъ стыдитесь и руку протянуть нашему брату.

— Я не заслужилъ этихъ упрековъ, Максимъ Максимычъ.

— Да я, знаете, такъ, къ слову говорю; а, впрочемъ, желаю вамъ всякаго счастія и веселой дороги.

Мы разстались довольно сухо. Добрый Максимъ Максимычъ сдѣлался упрямымъ, сварливымъ штабсъ-капитаномъ! И отчего? Оттого, что Печоринъ, въ разсѣянности, или отъ другой причины, протянулъ ему руку, когда тотъ хотѣлъ кинуться ему на шею! Грустно видѣть, когда юноша теряетъ лучшія свои надежды и мечты, когда предъ нимъ отдергивается розовый флеръ, сквозь который онъ смотрѣлъ на дѣла и чувства человѣческія, хотя есть надежда, что онъ замѣнитъ старыя заблужденія новыми, не менѣе проходящими, но за то не менѣе сладкими... Но чѣмъ ихъ замѣнить въ лѣта Максима Максимовича? По неволѣ сердце очерствѣетъ и душа закроется.

Я уѣхалъ одинъ.

Выхожу одинъ я на дорогу (1841).

Выхожу одинъ я на дорогу;
Сквозь туманъ кремнистый путь блеститъ;
Ночь тиха; пустыня внемлетъ Богу,
И звѣзда съ звѣздою говоритъ.
Въ небесахъ торжественно и чудно!
Спитъ земля въ сіяньѣ голубомъ....
Что же мнѣ такъ больно и такъ трудно:
Жду ль чего? жалѣю ли о чомъ?
Ужъ не жду отъ жизни ничего я,
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть,
Я ищу свободы и покоя:
Я бъ хотѣлъ забыться и заснуть....
Но не тѣмъ холоднымъ сномъ могилы
Я бъ желалъ на вѣки тамъ заснуть,—
Чтобъ въ груди дрожали жизни силы,
Чтобъ, дыша, вздымалась тихо грудь.
Чтобъ всю ночь, весь день мой слухъ лелѣя,
Про любовь мнѣ сладкій голосъ пѣлъ,
Надо мной чтобъ, вѣчно зеленѣя,
Темный дубъ склонялся и шумѣлъ.

Пророкъ (1841).

Съ тѣхъ поръ, какъ Вѣчный Судія
Мнѣ далъ всевѣдѣнье пророка,
Въ очахъ людей читаю я
Страницы злобы и порока.

Провозглашать я сталъ любви
И правды чистыя ученья;
Въ меня всѣ ближніе мои
Бросали бѣшено каменья.

Посыпалъ пепломъ я главу,
Изъ городовъ бѣжалъ я нищій,—
И вотъ, въ пустынѣ я живу,
Какъ птицы—даромъ божьей пищи.

Завѣтъ Предвѣчнаго храня,
Мнѣ тварь покорна тамъ земная,
И звѣзды слушаютъ меня,
Лучами радостно играя.

Когда-же черезъ шумный градъ
Я пробираюсь торопливо,
Тамъ старцы дѣтямъ говорятъ
Съ улыбкою самолюбивой:

«Смотрите: вотъ примѣръ для васъ!
Онъ гордъ былъ, не ужился съ нами;
Глупецъ, хотѣлъ увѣрить насъ,
Что Богъ гласитъ его устами!

Смотрите-жъ, дѣти, на него,
Какъ онъ угрюмъ, и худъ, и блѣденъ,
Смотрите, какъ онъ нагъ и бѣденъ!
Какъ презираютъ всѣ его!

Споръ (1841).

Какъ-то разъ, передъ толпою
Соплеменныхъ горъ,
У Казбека съ Шатъ-горою
Былъ великій споръ.
Берегись!« сказалъ Казбеку
Сѣдовласый Шатъ:
«Покорился человѣку
Ты не даромъ, братъ!
Онъ настроитъ дымныхъ келій
По уступамъ горъ,
Въ глубинѣ твоихъ ущелій
Загремитъ топоръ!
И желѣзная лопата
Въ каменную грудь,
Добывая медь и злато,
Врѣжетъ страшный путь.
Ужъ проходятъ караваны
Черезъ тѣ скалы,
Гдѣ носились лишь туманы,
Да цар —орлы.
Люди хитры! Хоть и труденъ
Первый былъ скачокъ —
Берегися! многолюденъ
И могучъ Востокъ!»
—Не боюся я Востока!
Отвѣчалъ Казбекъ:
Родъ людской тамъ спитъ глубоко
Ужъ девятый вѣкъ.
Посмотри: въ тѣни чинары,
Пѣну сладкихъ винъ
На узорные шальвары
Сонный льетъ грузинъ;
И, склонясь въ дыму кальяна
На цвѣтной диванъ,
У жемчужнаго фонтана
Дремлетъ Тегеранъ.
Вотъ у ногъ Ерусалима,
Богомъ сожжена,
Безглагольна, недвижима
Мертвая страна;
Дальше, вѣчно чуждый тѣни,
Моетъ желтый Нилъ
Раскаленныя ступени
Царственныхъ могилъ.
Бедуинъ забылъ наѣзды
Для цвѣтныхъ шатровъ,
И поетъ, считая звѣзды,
Про дѣла отцовъ.
Все, что здѣсь доступно оку,
Спитъ, покой цѣня.
Нѣтъ! не дряхлому Востоку
Покорить меня!—
«Не хвались еще заранѣ!»
Молвилъ старый Шатъ:
«Вотъ на сѣверѣ въ туманѣ
Что-то видно, братъ!»
Тайно былъ Казбекъ огромный
Вѣстью той смущенъ;
И, смутясь, на сѣверъ темный
Взоры кинулъ онъ;
И туда въ недоумѣньѣ
Смотритъ, полный думъ:
Видитъ странное движенье,
Слышитъ звонъ и шумъ.
Отъ Урала до Дуная,
До большой рѣки,
Колыхаясь и сверкая
Движутся полки;
Вѣютъ бѣлые султаны,
Какъ степной ковыль;
Мчатся пестрые уланы,
Подымая пыль;
Боевые батальоны
Тѣсно въ рядъ идутъ,
Впереди несутъ знамена,
Въ барабаны бьютъ:
Батареи мѣднымъ строемъ
Скачутъ и гремятъ,
И, дымясь, какъ передъ боемъ,
Фитили горятъ.
И испытанный трудами
Бури боевой,
Ихъ ведетъ, грозя очами,
Генералъ сѣдой.

Идутъ всѣ полки могучи,
Шумны, какъ потокъ,
Страшно-медленны какъ тучи,
Прямо на Востокъ.
И, томимъ зловѣщей думой,
Полный чорныхъ словъ
Сталъ считать Казбекъ угрюмый
И не счелъ враговъ
Грустнымъ взоромъ онъ окинулъ
Племя горъ своихъ,
Шапку на брови надвинулъ—
И навѣкъ затихъ.

Парусъ (1841).

Бѣлѣетъ парусъ одинокій
Въ туманѣ моря голубомъ...
Что́ ищетъ онъ въ странѣ далекой?
Что́ кинулъ онъ въ краю родномъ?

Играютъ волны; вѣтеръ свищетъ,
И мачта гнется и скрипитъ...
Увы, онъ счастія не ищетъ,
И не отъ счастія бѣжитъ?

Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури,
Надъ нимъ лучъ солнца золотой;
А онъ, мятежный, проситъ бури,
Какъ будто въ бурѣ есть покой!

Поэтъ (1841).

Отдѣлкой золотой блистаетъ мой кинжалъ,
Клинокъ надежный безъ порока,
Булатъ его хранитъ таинственный закалъ—
Наслѣдье браннаго Востока.
Наѣзднику въ горахъ служилъ онъ много лѣтъ,
Не зная платы за услугу;
Не по одной груди провелъ онъ страшный слѣдъ
И не одну прорвалъ кольчугу.
Забавы онъ дѣлилъ послушнѣе раба,
Звенѣлъ въ отвѣтъ рѣчамъ обиднымъ;
Въ тѣ дни была-бъ ему богатая рѣзьба
Нарядомъ чуждымъ и постыднымъ.
Онъ взятъ за Терекомъ отважнымъ казакомъ
На хладномъ трупѣ господина,
И долго онъ лежалъ, заброшенный потомъ,
Въ походной лавкѣ армянина.
Теперь родныхъ ноженъ, избитыхъ на войнѣ,
Лишенъ героя спутникъ бѣдный;
Игрушкой золотой онъ блещетъ на стѣнѣ—
Увы! безславный и безвредный!
Никто привычною, заботливой рукой
Его не чиститъ, не ласкаетъ,
И надписи его, молясь предъ зарей,
Никто съ усердьемъ не читаетъ...
Въ нашъ вѣкъ изнѣженный не такъ-ли ты, поэтъ,
Свое утратилъ назначенье.
На злато промѣнявъ ту власть, которой свѣтъ
Внималъ въ нѣмомъ благоговѣньи?
Бывало, мѣрный звукъ твоихъ могучихъ словъ
Воспламенялъ бойца для битвы;
Онъ нуженъ былъ толпѣ, какъ чаша для пировъ,
Какъ ѳиміамъ въ часы молитвы.
Твой стихъ, какъ божій духъ, носился надъ толпой,
И отзывъ мыслей благородныхъ
Звучалъ, какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой
Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ.
Но скученъ намъ простой и бѣдный твой языкъ,
Насъ тѣшутъ блестки и обманы;
Какъ ветхая краса, нашъ ветхій міръ привыкъ
Морщины прятать подъ румяны...
Проснешься-ль ты опять, осмѣянный пророкъ,
Иль никогда, на голосъ мщенья,
Изъ золотыхъ ноженъ не вырвешь свой клинокъ,
Покрытый ржавчиной презрѣнья?

---

*

23. КОЛЬЦОВЪ.

(1809—1842).

Ночлегъ Чумаковъ (1828).

Вблизи дороги столбовой
Ночуетъ таборъ кочевой
Сыновъ Украины привольной.
Въ степи и пасмурно и темно:
Ни звѣздъ блестящихъ, ни луны
На небѣ нѣтъ, и тишины
Ночной ничто не нарушаетъ;
Порой проѣзжій лишь играетъ,
И колокольчикъ почтовой,
Звеня надъ тройкой удалой,
На мигъ молчанье прерываетъ.
Между возовъ огонь горитъ;
На таганѣ котелъ виситъ;
Чумакъ, раздѣтый, бородатый
Поджавшись, на ногахъ сидитъ
И кашу съ саломъ кипятитъ.
За таборомъ невдалекѣ
Волы усталые пасутся:
Они никѣмъ не стерегутся.
Безпечно предъ огнемъ въ кружкѣ
Хохлы чумазые, сѣдые,
Съ усами хлопцы молодые,
Простершись на травѣ, лежатъ
И вдаль невесело глядятъ.
Чѣмъ чумаковъ прогнать дремоту?
Давно ль утратили охоту
Они пѣть пѣсни старины?
Чѣмъ нынѣ такъ развлечены?
Бывало, часто ночью темной
Я съ ними время раздѣлялъ
И, помню, пѣснямъ ихъ внималъ
Съ какой-то радостью невольной...
Но вотъ во тьмѣ игра свирѣли,
Вотъ тихо подъ свирѣль запѣли
Они про жизнь своихъ дѣдовъ,
Украйны вольныя сыновъ...
И какъ тѣ пѣсни сердцу милы,
Какъ выразительны, унылы,
Протяжны, звучны и полны
Преданьями родной страны!...

Кольцо (1830).

Я затеплю свѣчу
Воску ярова,
Распаяю кольцо
Друга милова.
Загорись, разгорись,
Роковой огонь,
Распаяй, растопи
Чисто золото.
Безъ него, для меня
Ты не надобно;
Безъ него на рукѣ —
Камень на сердцѣ...
Что взгляну, то вздохну,
Затоскуюся,
И зальются глаза
Горькимъ горемъ слезъ.
Возвратится ли онъ?
Или вѣсточкой
Оживитъ ли меня
Безутѣшную?
Нѣтъ надежды въ душѣ....
Ты разсыпься же
Золотой слезой
Память милова!
Невредимо, черно
На огнѣ кольцо,
И звенитъ по столу
Память вѣчную.

Пѣсня пахаря (1831).

Ну, тащися, сивка,
Пашней десятиной,
Выбѣлимъ желѣзо
О сырую землю.
Красавица-зорька
Въ небѣ загорѣлась,
Изъ большова лѣса
Солнышко выходитъ.
Весело на пашнѣ;
Ну! тащися, сивка.
Я самъ-другъ съ тобою,
Слуга и хозяинъ.
Весело я лажу
Борону и соху,

Телѣгу готовлю,
Зерна насыпаю.
Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вѣю....
Ну! тащися, сивка!
Пашенку мы рано
Съ сивкою распашемъ,
Зернышку сготовимъ
Колыбель святую.
Его вспоитъ, вскормитъ,
Мать земля сырая;
Выйдетъ въ полѣ травка
Ну! тащися, сивка!
Выйдетъ въ полѣ травка—
Выростетъ и колосъ,
Станетъ спѣть, рядиться
Въ золотыя ткани.
Заблеститъ нашъ серпъ здѣсь,
Зазвенятъ здѣсь косы;
Сладокъ будетъ отдыхъ
На снопахъ тяжелыхъ!
Ну! тащися, сивка!
Накормлю досыта,
Напою водою
Водой ключевою.
Съ тихою молитвой
Я вспашу, посѣю:
Уроди мнѣ, Боже,
Хлѣбъ—мое богатство!

Урожай (1835).

Краснымъ полымемъ
Заря вспыхнула;
По лицу земли
Туманъ стелется:
Разгорѣлся день
Огнемъ солнечнымъ,
Подобралъ туманъ
Выше темя горъ.
Нагустилъ его
Въ тучу черную.
Туча черная
Понахмурилась,
Понахмурилась—
Что задумалась,
Словно вспомнила
Свою родину....
Понесутъ ее
Вѣтры буйные
Во всѣ стороны
Свѣта бѣлаго,
Ополчается—
Громомъ, бурею,
Огнемъ, молніей,
Дугой, радугой;
Ополчилася—
И расширилась,
И ударила,
И пролилася
Слезой крупною—
Проливнымъ дождемъ
На земную грудь
На широкую.
И съ горы небесъ
Глядитъ солнышко;
Напилась воды
Земля досыта.
На поля, сады,
На зеленые,
Люди сельскіе
Не насмотрятся,
Люди сельскіе
Божьей милости
Ждали съ трепетомъ
И молитвою.
За-одно съ весной
Пробуждаются
Ихъ завѣтныя
Думы мирныя.
Дума первая:
Хлѣбъ изъ закрома
Насыпать въ мѣшки,
Убирать воза.
А вторая ихъ
Была думушка:
Изъ села гужомъ
Въ пору выѣхать.
Третью думушку
Какъ задумали—
Богу-Господу
Помолилися;
Чѣмъ-свѣтъ по полю
Всѣ разъѣхались,
И пошли гулять
Другъ за дружкою,
Горстью полною

Хлѣбъ раскидывать,
И давай пахать
Землю плугами,
Да кривой сохой
Перепахивать,
Бороны зубьемъ
Порасчёсывать....
Посмотрю пойду
Полюбуюся,
Что̀ послалъ Господь
За труды людямъ:
Выше пояса
Рожь зернистая
Дремитъ колосомъ
Почти до земли.
Словно Божій гость,
На всѣ стороны,
Дню веселому
Улыбается;
Вѣтерокъ по ней
Плыветъ-лоснится,
Золотой волной
Разбѣгается....
Люди се́мья́ми
Принялися жать,
Косить по̀дъ корень
Рожь высокую.
Въ копны частыя
Снопы сложены;
Отъ возовъ всю ночь
Скрыпитъ музыка.
На гумнахъ, вездѣ,
Какъ князья, скирды
Широко сидятъ,
Поднявъ головы.
Видитъ солнышко—
Жатва кончена:
Холоднѣй оно
Пошло къ осени,
Но жарка свѣча
Поселянина
Предъ иконою
Божьей матери.

———

Крестьянская пирушка (1834).

Ворота тесовы
Растворилися,
На коняхъ, на саняхъ
Гости въѣхали;
Имъ хозяинъ съ женой
Низко кланялись;
Со двора повели
Въ свѣтлу горенку:
Передъ Спасомъ Святымъ
Гости молятся;
За дубовы столы,
За набранные,
На сосновыхъ скамьяхъ
Сѣли званые.
На столахъ куръ, гусей
Много жареныхъ,
Пироговъ, ветчины
Блюда полныя.
Бахрамой, кисеёй
Принаряжена,
Молодая жена,
Чернобровая,
Обходила подругъ
Съ поцѣлуями,
Разносила гостямъ
Чашу горькаго.
Самъ хозяинъ, за ней,
Брагой хмѣльною
Изъ ковшей вырѣзныхъ
Ро̀дныхъ подчуетъ;
А хозяйская дочь
Медомъ сыченымъ
Обносила кругомъ,
Съ лаской дѣвичей.
Гости пьютъ и ѣдятъ,
Рѣчи гуторятъ:
Про хлѣба, про покосъ,
Про старинушку:
Какъ-то Богъ и Господь
Хлѣбъ-то уро̀дитъ намъ?
Какъ-то сѣно въ степи
Будетъ зелено?
Гости пьютъ и ѣдятъ,
Забавляются
Отъ вечерней зари
До полуночи.
По селу пѣтухи
Перекликнулись;
Призатихъ говоръ, шумъ
Въ темной горенкѣ;
Отъ воротъ поворотъ
Видѣнъ по снѣгу.

———

Косарь (1836).

Не возьму я въ толкъ,
Не придумаю....
Отчего же такъ
Не возьму я въ толкъ?
Охъ, въ несчастный день,
Въ безталанный часъ,
Безъ сорочки я
Родился на свѣтъ.
У меня ль плечо
Шире дѣдова;
Грудь высокая—
Моей матушки.
На лицѣ моемъ
Кровь отцовская
Въ молокѣ зажгла
Зорю красную;
Кудри чорныя
Лежатъ скобкою;
Что работаю—
Все мнѣ спорится;
Да въ несчастный день,
Въ безталанный часъ,
Безъ сорочки я
Родился на свѣтъ!
Прошлой осенью
Я за Грунюшку,
Дочку старосты,
Долго сватался;
А онъ, старый хрѣнъ,
Заупрямился!
За кого же онъ
Выдастъ Грунюшку—
Не возьму я въ толкъ,
Не придумаю...
Я ль за тѣмъ гонюсь,
Что отецъ ея
Богачомъ слыветъ?
Пускай домъ его—
Чаша полная!
Я ее хочу,
Я по пей крушусь:
Лицо бѣлое,
Заря алая—
Щеки полныя,
Глаза темные
Свели молодца
Съ ума-разума....
Ахъ, вчера по мнѣ
Ты такъ плакала!
Наотрѣзъ старикъ
Отказалъ вчера....
Охъ, не свыкнуться
Съ этой горестью!...
Я куплю себѣ
Косу новую;
Отобью ее,
Наточу ее—
И прости—прощай
Село ро́дное!
Не плачь, Грунюшка:
Косой вострою
Не подрѣжусь я....
Ты прости, село,
Прости, староста,
Въ края дальніе
Пойдетъ молодецъ.
Что внизъ по́ Дону,
По набережью,
Хороши стоятъ
Тамъ слободушки!
Степь раздольная
Далеко вокругъ,
Широко лежитъ,
Ковылемъ-травой
Разстилается!...
Ахъ ты, степь моя,
Степь привольная!
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
Къ Морю-Чорному
Понадвинулась!
Въ гости я къ тебѣ
Не одинъ пришелъ:
Я пришелъ самъ-другъ
Съ косой вострою;
Мнѣ давно гулять
По травѣ степной
Вдоль и поперекъ
Съ ней хотѣлося....
Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Ты пахни въ лицо,
Вѣтеръ съ полудня!
Освѣжи, взволнуй
Степь просторную.
Зажужжи, коса,
Засверкай кругомъ
Зашуми, трава,

Подкошонная;
Поклонись, цвѣты,
Головой землѣ!
Наряду съ травой
Вы засохнете,
Какъ по Грунѣ я
Сохну, молодецъ!
Нагребу копенъ,
Намечу стоговъ—
Дастъ казачка мнѣ
Денегъ пригоршни.
Я зашью казну,
Сберегу казну,
Ворочусь въ село—
Прямо къ старостѣ:
Не разжалобилъ
Его бѣдностью,
Такъ разжалоблю
Золотой казной.

Неразгаданная истина (1836).

Цѣлый вѣкъ я рылся
Въ таинствахъ вселенной,
До сѣдинъ учился
Мудрости священной.
Всѣ вѣка былые
Съ новыми повѣрилъ;
Чудеса земныя—
Опытомъ измѣрилъ.
Мелкія причины
Тѣшились людями;
Карлы-властелины
Двигали мірами.
Райскія долины
Кровью обливались
Карлы-властелины
Въ бездну низвергались.
Гдѣ пройдетъ коварство
Съ злобою людскою—
Такъ, въ обломкахъ, царство
Зростетъ травою...
Племена другія
На нихъ поселятся:
Города большіе
Людьми разродятся.
Стороная пуста
Снова зацарюетъ—
И жизнь молодая
Шумно запирустъ!
Подсѣку-жь я крылья
Дерзкому сомнѣнью,
Проклину усилья
Къ тайнамъ Провидѣнья!
Умъ нашъ не шагаетъ
Міра за границу;
Наобумъ мѣшаетъ
Съ былью небылицу.

Лѣсъ (1837).

(Памяти А. С. Пушкина).

Что дремучій лѣсъ
Призадумался?
Грустью темною
Затуманился?
Что Бова-силачъ
Заколдованный,
Съ непокрытою
Головой въ бою,
Ты стоишь—поникъ,
И не ратуешь
Съ мимолетною
Тучей-бурею?
Густолиственный
Твой зеленый шлемъ
Буйный вихрь сорвалъ—
И развѣялъ въ прахъ;
Плащъ упалъ къ ногамъ
И разсыпался...
Ты стоишь—поникъ,
И не ратуешь:
Гдѣ жь дѣвалася
Рѣчь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?
У тебя ль было,
Въ ночь безмолвную
Заливная пѣснь
Соловьиная...
У тебя ль, было,
Дни—роскошество,
Другъ и недругъ твой

Прохлаждаются...
У тебя ль, было,
Поздно вечеромъ
Грозно съ бурею
Разговоръ пойдетъ—
Распахнетъ она
Тучу чорную,
Обойметъ тебя
Вѣтромъ-холодомъ,
И ты молвишь ей
Шумнымъ голосомъ:
«Вороти назадъ!
Держи около!»
Закружитъ она
Разыграется—
Дрогнетъ грудь твоя,
Зашатаешься,
Встрепенувшися,
Разбушуешься:
Только свистъ кругомъ,
Голоса и гулъ...
Буря всплачется
Лѣшимъ, вѣдьмою,
И несетъ свои
Тучи за море.
Гдѣ жъ теперь твоя
Мочь зеленая?
Почернѣлъ ты весь,
Затуманился;
Одичалъ, замолкъ—
Только, въ непогодь,
Воешь жалобу
На безвременье.....
Такъ то, темный лѣсъ,
Богатырь-Бова!
Ты всю жизнь свою
Маялъ битвами.
Не осилили
Тебя сильные,
Такъ дорѣзала
Осень черная.
Знать, во время сна,
Къ безоружному
Силы вражія
Понахлынули;
Съ богатырскихъ плечъ
Сняли голову—
Не большой горой,
А соломенкой....

Горькая доля (1837).

Соловьемъ залетнымъ
Юность пролетѣла,
Волною въ непогоду
Радость прошумѣла.
Пора залотая
Была, да сокрылась;
Сила молодая
Съ тѣломъ износилась;
Отъ кручины-думы
Въ сердцѣ кровь застыла;
Что любилъ, какъ душу—
И то измѣнило.
Какъ былинку, вѣтеръ
Молодца шатаетъ;
Зима лицо знобитъ
Солнце сожигаетъ.
До поры, до время,
Всѣмъ я весь изжился,
И кафтанъ мой синій
Съ плечъ долой свалился!
Безъ любви, безъ счастья
По міру скитаюсь:
Разойдусь съ бѣдою—
Съ горемъ повстрѣчаюсь!
На крутой горѣ
Росъ зеленый дубъ:
Подъ горою теперь
Онъ лежитъ-гніетъ...

Путь (1839).

Путь широкій давно
Предо мною лежитъ,
Да нельзя мнѣ по немъ
Ни летать, нэ ходить....
Кто же держитъ меня,
И что̀ кинуть мнѣ жаль?
И зачѣмъ до-сихъ поръ
Не стремлюся я вдаль?
Или доля моя
Сиротой родилась!
Иль со счастьемъ слѣпымъ
Безъ ума разошлась!
По лѣтамъ и кудрямъ

Не старикъ еще я:
Много думъ въ головѣ,
Много въ сердцѣ огня!
Много слугъ и казны
Подъ замками лежитъ;
И лихой-вороной
Ужъ осѣдланъ стоитъ.
Да на путь—по душѣ—
Крѣпкой воли мнѣ нѣтъ,
Чтобъ въ чужой сторонѣ
На людей поглядѣть;
Чтобъ порой предъ бѣдой
За себя постоять,
Подъ грозой роковой
Назадъ шагу не дать;
И чтобъ съ горемъ въ пиру
Быть съ веселымъ лицомъ;
На погибель идти—
Пѣсни пѣть соловьемъ.

Что ты спишь, мужичокъ? (*1839*).

Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь весна на дворѣ;
Вѣдь сосѣди твои
Работáютъ давно.
Встань, проснись, подымись,
На себя погляди:
Что ты былъ? и что сталъ?
И что есть у тебя?
На гумнѣ—ни снопа,
Въ закромахъ—ни зерна,
На дворѣ по травѣ—
Хоть шаромъ покати.
Изъ клѣтей домовой
Соръ метлою посмелъ,
И лошадокъ, за долгъ,
По сосѣдямъ развелъ.
И подъ лавкой сундукъ
Опрокинутъ лежитъ;
И погнувшись изба,
Какъ старушка, стоитъ.
Вспомни время свое:
Какъ катилось оно
По полямъ и лугамъ
Золотою рѣкой,—
Со двора и гумна
По дорожкѣ большой,
По селамъ, городамъ,
По торговымъ людямъ!
И какъ двери ему
Растворяли вездѣ,
И въ почетномъ углу
Было мѣсто твое!
А теперь подъ окномъ
Ты съ нуждою сидишь,
И весь день на печи
Безъ просыпу лежишь.
А въ поляхъ, сиротой,
Хлѣбъ не скошенъ стоитъ,
Вѣтеръ точитъ зерно,
Птица клюетъ его!
Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь ужь лѣто прошло,
Вѣдь ужь осень на дворъ
Черезъ прясло глядитъ.
Вслѣдъ за нею зима
Въ теплой шубѣ идетъ,
Путь снѣжкомъ порошитъ,
Подъ санями хруститъ.
Всѣ сосѣди на нихъ
Хлѣбъ везутъ, продаютъ,
Собираютъ казну,
Бражку ковшикомъ пьютъ.

---

24. АКСАКОВЪ

(1791—1859).

Изъ записокъ ружейнаго охотника.

ЛЕБЕДЬ.

Лебедь, по своей величинѣ, силѣ, красотѣ и величавой осанкѣ, давно и справедливо названъ царемъ всей водяной, или водоплавающей птицы. Бѣлый, какъ снѣгъ, съ блестящими, прозрачными, небольшими глазами, съ чернымъ носомъ и черными лапами, съ длинною, гибкою и красивою шеей, онъ невыразимо прекрасенъ, когда спокойно плыветъ между зеленыхъ камышей, по темно-синей, гладкой поверхности воды. Но и всѣ его движенія исполнены прелести: начнетъ ли онъ пить и, за-

черпнувъ носомъ воды, поднимаетъ голову вверхъ и вытянетъ шею; начнетъ ли купаться, нырять и плескаться своими могучими крыльями, далеко разбрасывая брызги воды, скатывающейся съ его пушистаго тѣла; начнетъ ли потомъ охорашиваться, легко и свободно закинувъ дугою назадъ свою бѣлоснѣжную шею, поправляя и чистя носомъ на спинѣ, бокахъ и въ хвостѣ смятыя или замаранныя перья; распуститъ ли крыло по воздуху, какъ будто длинный косой парусъ, и начнетъ также носомъ перебирать въ немъ каждое перо, провѣтривая и суша его на солнцѣ,—все живописно и великолѣпно въ немъ.

Лебеди прилетаютъ почти всегда попарно; появляются весной довольно рано, въ началѣ апрѣля, когда, по большей части, все еще бываетъ покрыто снѣгомъ. Лебединыхъ стай я не видывалъ; въ тѣхъ мѣстахъ Оренбургской губерніи, гдѣ я постоянно охотился, лебеди бываютъ только пролетомъ, а постоянно не живутъ и дѣтей не выводятъ, и для меня появленіе ихъ не во время пролета было рѣдкостью. Развѣ иногда, нѣсколькимъ холостымъ лебедямъ, шатающимся по большимъ прудамъ и озерамъ, понравится какое нибудь привольное мѣсто у меня въ сосѣдствѣ, и они если не будутъ испуганы, прогостятъ на немъ недѣли двѣ или болѣе.

Я помню въ молодости моей странный случай, какъ на нашъ болотный, камышистый прудъ, среди уже жаркаго лѣта, повадились ежедневно прилетать семеро лебедей: прилетали обыкновенно на закатѣ солнца, ночевали и на другой день поутру, какъ только народъ просыпался, начиналъ шумѣть, ходить по плотинѣ и ѣздить по дорогѣ, лежащей вдоль пруда—лебеди улетали. Откуда прилетали и куда улетали — не знаю. Такъ продолжалось около двухъ недѣль. Наконецъ одинъ старый охотникъ, зарядивъ свое дрянное, веревочкой связанное, ружьишко, за неимѣніемъ свинцовой картечи, желѣзными жеребьями, то-есть кусочками изрубленнаго желѣзнаго прута, забрался въ камышъ прежде прилета лебедей и, стоя по поясъ въ водѣ, дождался, когда они подплыли къ нему на нѣсколько сажень, выстрѣлилъ и убилъ одного лебедя на повалъ. Разумѣется, остальные сейчасъ улетѣли, но на другой день опять прилетѣли въ урочный часъ, сѣли на середину пруда, поплавали, не приближаясь къ опасному камышу, погоготали между собой, собрались въ кучку, поднялись, улетѣли и не возвращались. Осенняго пролета лебедей я не замѣчалъ совсѣмъ. Многіе охотники сказывали мнѣ, что лебеди не только постоянно живутъ, но и выводятъ дѣтей въ разныхъ уѣздахъ Оренбургской губерніи и особенно по заливнымъ волжскимъ озерамъ, начиная отъ Царицына до Астрахани; что гнѣзда вьютъ они въ густыхъ камышахъ; что лебедь раздѣляетъ съ лебедкою всѣ попеченія о дѣтяхъ; что молодыхъ у нихъ бываетъ только по два (а другіе увѣряютъ, будто по три и по четыре), и что по волжскимъ рукавамъ, при впаденіи этой рѣки въ море, лебеди живутъ несчетными стадами. Ничего этого не утверждаю, а за что купилъ, за то и продаю. Что касается до меня, то я каждый годъ видалъ по нѣскольку разъ лебедей, по большей части въ недосягаемой вышинѣ пролетавшихъ надо мною; видалъ ихъ и плавающихъ по озерамъ, но всегда неожиданно и въ такомъ разстояніи, что не только гусиною дробью, но и картечью стрѣлять было невозможно; а иногда и стрѣлялъ, но выстрѣлъ мой скорѣе могъ назваться почетнымъ салютомъ, чѣмъ нападеніемъ врага. Впрочемъ, одинъ разъ въ моей жизни, когда я бродилъ по колѣна въ разливѣ рѣки Бугуруслана, между частыми кустами, на меня наткнулся лебедь довольно близко; я ударилъ его обыкновенною утиною дробью; лебедь покачнулся, пошелъ къ низу и улетѣлъ изъ виду. На другой день Мордвинъ сосѣд-

ней деревушки нашелъ его мертвымъ за версту отъ того мѣста, гдѣ я стрѣлялъ. Мясо его было такъ жестко, что, несмотря на предварительное двухъдневное вымачиванье, его трудно было разжевать.

Вкусъ походилъ на дикаго гуся, но гусь гораздо мягче, сочнѣе и вкуснѣе. Въ зобу его не было рыбы и почти никакой пищи. Чѣмъ питаются лебеди —ничего сказать не могу, но, вѣроятно, одинакимъ кормомъ со всею водяною птицей.

Не понимаю, отчего лебедь считался въ старину лакомымъ или почетнымъ блюдомъ у нашихъ великихъ князей и даже царей: вѣроятно, тогда знали искусство дѣлать его мясо мягкимъ, а мысль, что лебедь служилъ только украшеніемъ стола, должна быть несправедлива. Лебедь живетъ въ старинныхъ нашихъ пѣсняхъ, очевидно, сложенныхъ на югѣ Россіи, живетъ также до сихъ поръ и въ народной рѣчи, хотя тамъ, гдѣ теперь обитаетъ настоящая Русь, лебедь не могъ войти ни въ пѣсню, ни въ рѣчь,—такъ мало знаетъ и видитъ его народъ. На югѣ, въ Кіевѣ, попалъ онъ въ народныя пѣсни и на великокняжескіе столы; его рушала, то-есть разрѣзывала, сама великая княжна, слѣдовательно лебедя ѣли. Вѣроятно оттуда, по преданію и старому обычаю, перебрался онъ на столы великихъ князей и царей московскихъ и въ народную современную рѣчь, гдѣ слова: лебедка и лебедушка — остались навсегда выраженіемъ ласки и участія.

Про силу лебедя разсказываютъ чудеса: говорятъ, что онъ ударомъ крыла убиваетъ до смерти собаку, если она приблизится къ нему, легко раненому или бросится на его дѣтей. Мнѣ даже называли охотника, которому лебедь переломилъ руку такимъ-же ударомъ крыла. Судя по его величинѣ, крѣпости и силѣ мускуловъ, толщинѣ и жесткости костей и перьевъ, этимъ разсказамъ повѣрить можно. Пѣнья лебедей, разумѣется, никто не слыхалъ; но зычный крикъ ихъ и глухое гоготанье, весьма отличное отъ гусинаго, слыхали всѣ охотники, и въ томъ числѣ я самъ.

Изъ всего сказаннаго мною о силѣ лебедей можно заключить, какъ они должны быть крѣпки къ ружью. Гдѣ они постоянно водятся, тамъ бьютъ ихъ нулемъ или безымянкой и картечью, и то подкрадываясь поближе. Лебедей стрѣляютъ не для мяса, а для пуха, первокласное достоинство котораго извѣстно всѣмъ.

Лебеди легко дѣлаются ручными. Я самъ видѣлъ ихъ нѣсколько годовъ сряду, живущихъ лѣтомъ на отведенномъ имъ пруду, а зиму проводящихъ въ теплой избѣ. Не могу только хорошенько сказать: маленькими или большими были они пойманы. Я слышалъ, что ручные лебеди выводятъ дѣтей, какъ обыкновенные гуси, въ избахъ и хлѣвахъ; но что для этого нужно достать сначала свѣжихъ лебединыхъ яицъ и подложить подъ гусыню. Высиженные ею лебедята выростаютъ въ стаѣ домашнихъ гусей (первый годъ съ подрѣзанными крыльями), дѣлаются совершенно ручными и ведутся какъ дворовые гуси.

ЛѢСЪ.

Вся лѣсная дичь живетъ, болѣе или менѣе, въ лѣсу; нѣкоторыя-же породы никогда его не покидаютъ. Итакъ, я предварительно разсмотрю и опредѣлю, сколько умѣю, разность лѣсовъ и лѣсныхъ породъ.

Я сказалъ о водѣ, что она «краса природы»; почти тоже можно сказать о лѣсѣ. Полная красота всякой мѣстности состоитъ именно въ соединеніи воды съ лѣсомъ. Природа такъ и поступаетъ; рѣки, рѣчки, ручьи и озера почти всегда обростаютъ лѣсомъ и кустами. Исключенія рѣдки. Въ соединеніи лѣса съ водою заключается другая, великая цѣль природы. Лѣса — хранители водъ; деревья закрываютъ землю

отъ палящихъ лучей лѣтняго солнца, отъ изсушительныхъ вѣтровъ; прохлада и сырость живутъ въ ихъ тѣни и не даютъ изсякнуть текучей или стоячей влагѣ. Убыль рѣкъ, въ цѣлой Россіи замѣчаемая, происходитъ, по общему мнѣнію, отъ истребленія лѣсовъ. Всѣ породы деревьевъ смолистыхъ, какъ-то: сосна, ель, пихта и проч., называются краснымъ лѣсомъ или краснолѣсьемъ. Отличительное ихъ качество состоитъ въ томъ, что вмѣсто листьевъ имѣютъ иглы, которыхъ зимою не теряютъ, а перемѣняютъ ихъ исподволь, постепенно, весною и въ началѣ лѣта; осенью-же онѣ становятся полнѣе, свѣжѣе и зеленѣе, слѣдовательно, встрѣчаютъ зиму во всей красѣ и силѣ.

Лѣсъ, состоящій исключительно изъ однихъ сосенъ, называется боромъ. Всѣ остальныя породы деревьевъ, теряющія свои листья осенью и возобновляющія ихъ весною, какъ-то: дубъ, вязъ, осокорь, липа, береза, осина, ольха и другія, называются чернымъ лѣсомъ или чернолѣсьемъ. Къ нему принадлежатъ ягодныя деревья: черемуха и рябина, которыя достигаютъ иногда значительной вышины и толщины. Къ чернолѣсью-же надобно причислить всѣ породы кустовъ, которыя также теряютъ зимой свои листья: калину, орѣшникъ, жимолость, волчье лыко, шиповникъ, черноталъ, обыкновенный тальникъ и проч.

Красный лѣсъ любитъ землю глинистую, иловатую, а сосна — преимущественно песчаную; на чистомъ черноземѣ встрѣчается она въ самомъ маломъ числѣ, развѣ гдѣ-нибудь по горамъ, гдѣ обнаружился суглинокъ и каменный плитнякъ. Я не люблю краснаго лѣса, его вѣчнооднообразной и мрачной зелени, его песчаной или глинистой почвы, — можетъ быть отъ того, что я съ малыхъ лѣтъ привыкъ любоваться веселымъ, разнолистнымъ чернолѣсьемъ и тучнымъ черноземомъ. Въ тѣхъ уѣздахъ Оренбургской губерніи, гдѣ прожилъ я большую половину своего вѣка, сосна — рѣдкость. И такъ я стану говорить объ одномъ чернолѣсьѣ.

По большей части, чернолѣсье состоитъ изъ смѣшенія разныхъ древесныхъ породъ, и это смѣшеніе особенно пріятно для глазъ; но иногда попадаются мѣста отдѣльными гривами или колками, гдѣ преобладаетъ какая-нибудь одна порода: дубъ, липа, береза или осина, растущія гораздо въ большемъ числѣ, въ сравненіи съ другими древесными породами, и достигающія объема строеваго лѣса. Когда разнородныя деревья растутъ вмѣстѣ и составляютъ одну зеленую массу, то всѣ кажутся равно хороши, но въ отдѣльности одни другимъ уступаютъ. Хороша развѣсистая, бѣлоствольная, свѣтлозеленая, веселая береза, но еще лучше стройная, кудрявая, круглолистая, сладко-душистая во время цвѣта, не ярко, а мягко-зеленая липа, прикрывающая своими лубьями и обувающая своими лыками православный русскій народъ. Хорошъ и кленъ съ своими лапами — листами (какъ сказалъ Гоголь); высокъ, строенъ и красивъ бываетъ онъ, но его мало растетъ въ знакомыхъ мнѣ уѣздахъ Оренбургской губерніи, и не достигаетъ онъ тамъ своего огромнаго роста. Коренастъ, крѣпокъ, высокъ и могучъ, въ нѣсколько обхватовъ толщины у корня, бываетъ многостолѣтній дубъ, рѣдко попадающійся въ такомъ величавомъ видѣ. Мелкій же дубнякъ не имѣетъ въ себѣ ничего особенно привлекательнаго: зелень его темна или тускла, вырѣзные листья, плотные и добротные, выражаютъ только признаки будущаго могущества и долголѣтія.

Осина и по наружному виду, и по внутреннему достоинству считается послѣднимъ изъ строевыхъ деревьевъ. Незамѣчаемая никѣмъ, трепетнолистная осина бываетъ красива и замѣтна только осенью; золотомъ и багрянцемъ покрываются ея рано увядающіе листья, и, ярко-отличаясь отъ зелени другихъ

деревьевъ, придаетъ она много прелести и разнообразія лѣсу во время осенняго листопада.

«Зарость» или «пороcть», то-есть молодой лѣсъ, пріятна на взглядъ, особенно издали. Зелень его листьевъ свѣжа и весела; но въ немъ мало тѣни; онъ тонокъ и такъ бываетъ частъ, что сквозь него не пройдешь. Со временемъ большая часть деревьевъ посохнетъ отъ тѣсноты, и только сильнѣйшія овладѣютъ всею питательностью почвы и тогда начнутъ рости не только въ вышину, но и въ толщину.

Чернѣя издали, стоятъ высокіе тѣнистые, старые, темные лѣса; но подъ словомъ старый не должно разумѣть состарѣвшійся, дряхлый, лишенный листьевъ; видъ такихъ деревьевъ во множествѣ былъ бы очень печаленъ: въ природѣ все идетъ постепенно. Большой лѣсъ всегда состоитъ изъ деревьевъ разныхъ возрастовъ: отживающія свой вѣкъ и совершенно сухія, во множествѣ другихъ, зеленыхъ и цвѣтущихъ — незамѣтны. Кое-гдѣ лежатъ по лѣсу огромные стволы, сначала высохшихъ, потомъ подгнившихъ у корня и, наконецъ, сломленныхъ бурею, дубовъ, липъ, березъ и осинъ. При своемъ паденіи, они согнули и поломали молодыя, сосѣднія деревья, которыя, несмотря на свое уродство, продолжаютъ рости и зеленѣть, живописно искривясь на бокъ, протянувшись по землѣ или скорчась въ дугу. Трупы лѣсныхъ великановъ, тлѣя внутри, долго сохраняютъ наружный видъ; кора ихъ обростаетъ мохомъ и даже травою; мнѣ нерѣдко случалось второпяхъ вскочить на такой древесный трупъ и провалиться ногами до земли сквозь его внутренность; облако гнилой пыли, похожей на пыль сухаго дождевика, обхватывало меня на нѣсколько секундъ... Но это нисколько не нарушаетъ общей красоты зеленаго, могучаго лѣснаго царства, свободно растущаго въ свѣжести, сумракѣ и тишинѣ. Отраденъ видъ густаго лѣса въ знойный полдень: освѣжителенъ его чистый воздухъ, успокоительна его внутренняя тишина и пріятенъ шелестъ листьевъ, когда вѣтеръ порой пробѣгаетъ по его вершинамъ! Его мракъ имѣетъ что-то таинственное, неизвѣстное; голоса звѣря, птицы и человѣка измѣняются въ лѣсу, звучатъ другими, странными звуками. Это какой-то особый міръ, и народная фантазія населяетъ его сверхестественными существами: «лѣшими» и «лѣсными дѣвками», такъ же какъ рѣчные и озерные омута — «водяными чертовками»; но жутко въ большомъ лѣсу во время бури, хотя внизу и тихо; деревья скрипятъ и стонутъ, сучья трещатъ и ломаются. Невольный страхъ нападаетъ на душу и заставляетъ человѣка бѣжать на открытое мѣсто.

На вѣтвяхъ деревьевъ, въ чащѣ зеленыхъ листьевъ и вообще въ лѣсу, живутъ пестрыя, красивыя, разноголосыя, безконечноразнообразныя породы птицъ: токуютъ глухіе и простые тетерева, пищатъ рябчики, хрипятъ на тягахъ вальдшнепы, воркуютъ, каждая по своему, всѣ породы дикихъ голубей, взвизгиваютъ и чокаютъ дрозды, заунывно, мелодически перекликаются иволги, стонутъ рябыя кукушки, постукиваютъ, долбя деревья, разноперые дятлы, трубятъ желны, трещатъ сойки, свиристели, лѣсные жаворонки, дубоноски, и все многочисленное, крылатое, мелкое пѣвчее племя наполняетъ воздухъ разными голосами и оживляетъ тишину лѣсовъ; на сучьяхъ и въ дуплахъ деревьевъ птицы вьютъ свои гнѣзда, кладутъ яйца и выводятъ дѣтей; для той же цѣли поселяются въ дуплахъ куницы и бѣлки, враждебныя птицамъ, и шумные рои дикихъ пчелъ.

Травъ и цвѣтовъ мало въ большомъ лѣсу: густая, постоянная, тѣнь неблагопріятна растительности, которой необходимы свѣтъ и теплота солнечныхъ лучей; чаще другихъ виднѣются зубчатый папоротникъ, плотные и зеленые листья ландыша, высокіе стебли отцвѣтшаго лѣснаго левкоя, да краснѣетъ кучками зрѣлая костяника; сырой запахъ грибовъ носится въ воздухѣ, но всѣхъ

слышнѣе острый и, по-моему, очень пріятный запахъ груздей, потому что они родятся семьями, гнѣздами, и любятъ моститься (какъ говорятъ въ народѣ) въ мелкомъ папоротникѣ, подъ согнивающими прошлогодними листьями.

Въ такомъ чернолѣсьѣ живутъ, болѣе или менѣе постоянно, медвѣди, волки, зайцы, куницы и бѣлки. Между бѣлками попадаются очень бѣлесоватыя, почти бѣлыя, называемыя почему-то *горлянками*, и *бѣлки-летяги;* послѣднія имѣютъ съ обѣихъ сторонъ, между переднею и заднею лапою, кожаную тонкую перепонку, которая, растягиваясь, помогаетъ имъ прыгать съ дерева на дерево, на весьма большое разстояніе.

Во время такого прыжка, похожаго на полетъ, я убилъ однажды летягу на воздухѣ, и вышло, что я застрѣлилъ звѣря въ летъ. Хищныя птицы также въ лѣсахъ выводятъ дѣтей, устраивая гнѣзда на главныхъ сучьяхъ у самаго древеснаго ствола: большіе и малые ястреба, луни, бѣлохвостики, копчики и другія. Въ густой тѣни лѣсныхъ трущобъ таятся и плодятся совы, сычи и длинноухіе филины, плачевный, странный, дикій крикъ которыхъ, въ ночное время, испугаетъ и непугливаго человѣка, запоздавшаго въ лѣсу. Что же мудренаго, что народъ считаетъ эти крики *ауканьемъ* и *хохотомъ* лѣшаго?

Если случится ѣхать лѣсистою дорогой, черезъ зеленыя перелѣски и душистыя поляны, только что выѣдешь на нихъ, какъ является въ вышинѣ копчикъ, о которомъ я сейчасъ упомянулъ. Если онъ имѣетъ гнѣздо неподалеку, то обыкновенно сопровождаетъ всякаго проѣзжаго, даже прохожаго, плавая надъ нимъ широкими, смѣлыми кругами въ высотѣ небесной.

Онъ сторожитъ изумительно зоркими своими глазами, не вылетитъ ли какая нибудь маленькая птичка изъ подъ ногъ лошади или человѣка. Съ быстротою молніи падетъ онъ изъ поднебесья на вспорхнувшую пташку, и если она не успѣетъ упасть въ траву, спрятаться въ листьяхъ дерева или куста, то копчикъ вонзитъ въ нее острые когти и унесетъ въ гнѣздо къ своимъ дѣтямъ. Если же не удается схватить добычи, то онъ взовьется вверхъ крутой дугою, опять сдѣлаетъ ставку и опять упадетъ внизъ, если снова поднимается та же птичка, или будетъ вспугана другая. Копчикъ бьетъ сверху, черкаетъ какъ соколъ, на котораго совершенно похожъ. Иногда случается, что отъ большихъ дѣтей вылетаютъ на ловлю оба копчика, самка и чегликъ, и тогда они могутъ позабавить всякаго зрителя и не охотника. Нельзя безъ пріятнаго удивленія и невольнаго участія смотрѣть на быстроту, легкость и ловкость этой небольшой, красивой, хищной птицы.

Странно, но самому жалостливому человѣку какъ-то не жаль бѣдныхъ птичекъ, которыхъ онъ ловитъ! Такъ хорошъ, изященъ, увлекателенъ процессъ этой ловли, что непремѣнно желаешь успѣха ловцу. Если одному копчику удастся поймать птичку, то онъ сейчасъ уноситъ добычу къ дѣтямъ, а другой остается и продолжаетъ плавать надъ человѣкомъ, ожидая и себѣ поживы.

Случается и то, что оба копчика, почти въ одно время, поймаютъ по птичкѣ и улетаютъ съ ними; но черезъ минуту одинъ непремѣнно явится къ человѣку опять. Копчикъ—загадочная птица: на волѣ ловитъ чудесно, а ручной ничего не ловитъ. Я много разъ пробовалъ *вынашивать* копчиковъ (тоже что дрессировать собаку) и гнѣздарей и слетковъ; выносить ихъ весьма легко: въ три, четыре дня онъ привыкнетъ совершенно, и будетъ ходить на руку, даже безъ *вабила* (кусокъ мяса); стоитъ только свиснуть, да махнуть рукой, стоитъ копчику только завидѣть охотника или заслышать его свистъ — онъ уже на рукѣ, и если охотникъ не протянетъ руки, то копчикъ сядетъ на его плечо или голову, — живой же птички никакой не беретъ. Эта особенность его

извѣстна всѣмъ охотникамъ; но я не вѣрилъ, пока многими опытами не убѣдился, что это совершенная правда. Потерявъ всякую надежду, чтобы копчикъ сталъ ловить, я обыкновенно выпускалъ его на волю, и долго видѣли его летающаго около дома и слышали жалобный пискъ, означающій, что онъ голоденъ. Получалъ ли копчикъ прежнюю способность ловить на волѣ, или умиралъ съ голоду—не знаю.

Лѣсъ и кусты, растущіе около рѣкъ по такимъ мѣстамъ, которыя заливаются полою водою, называются *уремою.* Уремы бываютъ различны: по большимъ рѣкамъ и рѣкамъ средней величины, берега которыхъ всегда песчаны, урема состоитъ предпочтительно изъ вяза, осокоря, ракиты или ветлы и изрѣдка изъ дуба, достигающихъ огромнаго роста и объема; черемуха, рябина, орѣшникъ и крупный шиповникъ почти всегда имъ сопутствуютъ, разливая кругомъ, во время весенняго цвѣтенія, сильный ароматическій запахъ. Вязъ не такъ высокъ, но толстый, свилеватый пень его бываетъ въ окружности до трехъ саженъ; онъ живописно-раскидистъ, и прекрасна не яркая, густая зелень овальныхъ, какъ будто тисненыхъ его листьевъ. За то осокорь достигаетъ исполинской вышины; онъ величавъ, строенъ и многолиственъ; его блѣднозеленые листья похожи на листья осины и также легко колеблются на длинныхъ стебелькахъ своихъ при малѣйшемъ, незамѣтномъ движеніи воздуха. Его толстая, и въ тоже время легкая, мягкая, красная внутри кора идетъ на разныя мелочныя подѣлки, всего болѣе на наплавки къ рыболовнымъ сѣтямъ, неводамъ и удочкамъ. Такія уремы не бываютъ густы, имѣютъ много глубокихъ заливныхъ озеръ, богатыхъ всякою рыбою и водяною дичью. Вездѣ по берегамъ рѣкъ и озеръ, по песчанымъ пригоркамъ и косогорамъ, предпочтительно передъ другими лѣсными ягодами, растетъ въ изобиліи ежевика (въ нѣкоторыхъ губерніяхъ ее называютъ «*куманикой*»), цѣпляясь за все своими гибкими, ползучими, слегка колючими вѣтками; съ весны зелень ея убрана маленькими бѣлыми цвѣточками, а осенью — черноголубыми или сизыми ягодами превосходнаго вкуса, похожими наружнымъ образованьемъ и величиною на крупную малину. Хороша такая урема; огромныя деревья любятъ просторъ, растутъ не часто, подъ ними и около нихъ, по размѣру тѣни, нѣтъ молодыхъ древесныхъ побѣговъ, и потому вся на виду величавая красота ихъ.

Уремы другаго рода образуются по рѣкамъ, которыхъ нельзя причислить къ рѣкамъ средней величины, потому что онѣ гораздо меньше, но въ то же время быстры и многоводны; по рѣкамъ, протекающимъ не въ безплодныхъ, песчаныхъ, а въ зеленыхъ и цвѣтущихъ берегахъ, по черноземному грунту: тамъ рѣдко встрѣтишь вязъ, дубъ или осокорь, тамъ растетъ березникъ, осинникъ и ольха; тамъ, кромѣ черемухи и рябины, много всякихъ кустовъ калины, жимолости, боярышника, тальника, смородины и другихъ. Эти-то уремы особенно мнѣ нравятся. Многія деревья, и предпочтительно таловые кусты, пронизаны, протканы и живописно обвиты до самаго верха цѣпкими побѣгами дикаго хмѣля и обвѣшаны, сначала, его зелеными листьями, похожими на виноградные листья, а потомъ палевыми золотыми шишками, похожими на виноградныя кисти, внутри которыхъ таятся мелкія, круглыя, горькія на вкусъ, хмѣльныя сѣмена. Множество соловьевъ, варакушекъ и всякихъ пѣвчихъ птичекъ живетъ въ зеленыхъ, густорастущихъ кустахъ такой уремы. Соловьи заглушаютъ всѣхъ. День и ночь не умолкаютъ ихъ свисты и раскаты. Садится солнце, и *ночники* смѣняютъ до утра усталыхъ денныхъ соловьевъ. Только тамъ, при легкомъ шумѣ бѣгущей рѣки, посреди цвѣтущихъ и зеленѣющихъ деревьевъ и кустовъ, тепломъ и благовоніемъ дышущей ночи, имѣютъ полный смыслъ и

обаятельную силу соловьиныя пѣсни... но онѣ болѣзненно дѣйствуютъ на душу, когда слышишь ихъ на улицѣ, въ пыли и шумѣ экипажей, или въ душной комнатѣ, въ говорѣ людскихъ рѣчей.

По небольшимъ рѣкамъ и рѣчкамъ, особенно по низменной и болотистой почвѣ, уремы состоятъ изъ одной ольхи и таловыхъ кустовъ, по большей части сквозь проросшихъ мелкимъ камышемъ. Изрѣдка кое-гдѣ торчатъ кривобокія березы, которыя не боятся мокрыхъ мѣстъ, равно какъ и сухихъ. Такія уремы бываютъ особенно густы, часты и болотисты; иногда имѣютъ довольно маленькихъ озерковъ и представляютъ полное удобство къ выводу дѣтей для всей болотной и водяной дичи; всякіе звѣри и звѣрки находятъ въ нихъ также безопасное убѣжище.

И этотъ лѣсъ, такъ поверхностно, недостаточно мною описанный, эту красу земли, прохладу въ зной, жилище звѣрей и птицъ,—лѣсъ, изъ котораго мы строимъ дома и которымъ грѣемся въ долгія жестокія зимы,—не бережемъ мы въ высочайшей степени. Мы богаты лѣсами, но богатство вводитъ насъ въ мотовство, а съ нимъ не далеко до бѣдности; срубить дерево безъ всякой причины у насъ ничего не значитъ. Положимъ, что въ настоящихъ лѣсныхъ губерніяхъ, при всемъ стараніи не такъ многочисленнаго ихъ населенія, лѣсу не выведутъ; но во многихъ другихъ мѣстахъ, гдѣ нѣкогда росли лѣса, остались голыя степи, и солома замѣнила дрова. То же можетъ случиться и въ Оренбургской губерніи. Не говорю о томъ, что крестьяне вообще поступаютъ безжалостно съ лѣсомъ, что вмѣсто валежника и бурелома, безполезно тлѣющаго, за которымъ надобно похлопотать, потому что онъ толстъ и тяжелъ, — крестьяне обыкновенно рубятъ на дрова молодой лѣсъ; что у старыхъ деревьевъ обрубаютъ на топливо одни сучья и вершину, а голые стволы оставляютъ сохнуть и гнить; что косятъ траву или пасутъ стада, безъ всякой необходимости, тамъ, гдѣ пошли молодые лѣсные побѣги и даже заросли. Все это еще не въ такой степени губительно, какъ *выварка* поташа и сидѣнье или *сидка* дегтя: для поташа пережигаютъ въ золу преимущественно ильму, липу и вязъ, не щадя, впрочемъ, и другихъ древесныхъ породъ; а для дегтя снимаютъ бересту, то-есть верхнюю кожу березы. Хотя эта съемка сначала кажется не такъ губительною, потому что береза гибнетъ не вдругъ, а снятая осторожно, лѣтъ черезъ десять, наращаетъ новую кожу, которую снимаютъ вторично; но станутъ ли наемные работники осторожно *бить* бересту, то-есть снимать съ березы кожу? И при томъ ни одна, съ величайшею осторожностью снятая береза, не достигаетъ уже полнаго развитія: она хилѣетъ постепенно и умираетъ, не доживъ всего вѣка.

Изъ всего растительнаго царства, дерево болѣе другихъ представляетъ видимыхъ явленій органической жизни и болѣе возбуждаетъ участія его огромный объемъ, его медленное возрастаніе, его долголѣтіе, крѣпость и прочность древеснаго ствола, питательная сила его корней, всегда готовыхъ въ возрожденію погибающихъ сучьевъ и къ молодымъ побѣгамъ отъ погибшаго уже пня, и наконецъ, многосторонняя польза и красота его должны бы, кажется, внушать уваженіе и пощаду... Но топоръ и пила промышленника не знаютъ ихъ, а временныя выгоды увлекаютъ и самихъ владѣльцевъ. Я никогда не могъ равнодушно видѣть не только вырубленной рощи, но даже паденія одного большаго подрубленнаго дерева; въ этомъ паденіи есть что-то невыразимо грустное: сначала звонкіе удары топора производятъ только легкое сотрясеніе въ древесномъ стволѣ; оно становится сильнѣе съ каждымъ ударомъ и переходитъ въ общее содраганіе каждой вѣтки, и каждаго листа; по мѣрѣ того, какъ топоръ прохватываетъ до сердцевины, звуки становятся глубже,

больнѣе... еще ударъ, послѣдній: дерево осядетъ, надломится, затрещитъ, зашумитъ вершиною, на нѣсколько мгновеній какъ будто задумается, куда упасть, и наконецъ начнетъ склоняться на одну сторону, сначала медленно, тихо, и потомъ, съ возрастающею быстротой и шумомъ, подобнымъ шторму сильнаго вѣтра, рухнетъ на землю!... Многіе десятки лѣтъ достигало оно полной силы и красоты, и въ нѣсколько минутъ гибнетъ, нерѣдко отъ пустой прихоти человѣка.

Семейная хроника.

ДОБРЫЙ ДЕНЬ СТЕПАНА МИХАЙЛОВИЧА.

Въ исходѣ іюля стояли уже сильные жары. Послѣ душной ночи, потянулъ на разсвѣтѣ восточный, свѣжій вѣтерокъ, всегда упадающій, когда обогрѣетъ солнце. На восходѣ его проснулся дѣдушка. Жарко было ему спать въ небольшой горницѣ, хотя съ поднятымъ на всю подставку подъемомъ старинной оконной рамы съ мелкимъ переплетомъ, но за то въ пологу изъ домашней рѣдинки. Предосторожности необходимыя: безъ полога его заѣли бы злые комары и не дали уснуть. Роями носились и тыкались длинными жалами своими въ тонкую преграду крылатые музыканты и всю ночь пѣли ему докучныя серенады. Смѣшно сказать, а грѣхъ утаить, что я люблю дишкантовый пискъ и даже кусанье комаровъ: въ нихъ слышно мнѣ знойное лѣто, роскошныя безсонныя ночи, берега Бугуруслана, обросшіе зелеными кустами, изъ которыхъ со всѣхъ сторонъ неслись соловьиныя пѣсни; я помню замираніе молодаго сердца и сладкую, безотченную грусть, за которую отдалъ бы теперь весь остатокъ угасающей жизни... Проснулся дѣдушка, обтеръ жаркою рукою горячій потъ съ крутаго, высокаго лба своего, высунулъ голову изъ-подъ полога и разсмѣялся. Ванька Мазанъ и Никаноръ Танайченокъ храпѣли въ растяжку на полу въ карикатурно-живописныхъ положеніяхъ. «Экъ храпятъ собачьи дѣти!» сказалъ дѣдушка и опять улыбнулся. Степанъ Михайловичъ былъ загадочный человѣкъ: послѣ такого сильнаго словеснаго приступа, слѣдовало бы ожидать толчка калиновымъ подожкомъ (всегда у постели стоявшимъ) въ бокъ спящаго, или пинка ногой, даже привѣтствія стуломъ, но дѣдушка разсмѣялся, просыпаясь, и на весь день попалъ въ добрый стихъ, какъ говорится. Онъ всталъ безъ шума, разъ-другой перекрестился, надѣлъ порыжелыя, кожаныя туфли на босыя ноги, и въ одной рубахѣ изъ крестьянской оброчной льняной холстины (ткацкаго тонкаго полотна на рубашки бабушка ему не давала) вышелъ на крыльцо, гдѣ пріятно обхватила его утренняя, влажная свѣжесть. Я сейчасъ сказалъ, что ткацкаго холста на рубашки Арина Васильевна не давала Степану Михайловичу, и всякій читатель въ правѣ замѣтить, что это не сообразно съ характерами обоихъ супруговъ. Но какъ же быть, прошу не прогнѣваться, такъ было на дѣлѣ: женская натура торжествовала надъ мужскою, какъ и всегда! Не разъ битая за толстое бѣлье, бабушка продолжала подавать его и наконецъ пріучила къ нему старика. Дѣдушка употребилъ однажды самое дѣйствительное, послѣднее средство: онъ изрубилъ топоромъ на порогѣ своей комнаты все бѣлье, сшитое изъ оброчной льняной холстины, не смотря на вопли моей бабушки, которая умоляла, чтобъ Степанъ Михайловичъ «билъ ее, да своего добра не рубилъ»... Но и это средство не помогло: опять явилось толстое бѣлье—и старикъ покорился... Виноватъ, опровергая мнимое замѣчаніе читателя, я прервалъ разсказъ про добрый день моего дѣдушки. Никого не безпокоя, онъ самъ досталъ войлочный потникъ, лежавшій всегда въ чуланѣ, подослалъ его подъ себя, на верхней

ступени крыльца, и сѣлъ встрѣчать солнышко по всегдашнему своему обычаю.— Передъ восходомъ солнца бываетъ весело на сердцѣ у человѣка какъ-то безсознательно, а дѣдушкѣ сверхъ того весело было глядѣть на свой господскій дворъ, всѣми нужными по хозяйству строеніями тогда уже достаточно снабженный. Правда, дворъ былъ не обгороженъ, и выпущенная съ крестьянскихъ дворовъ скотина, собираясь въ общее мірское стадо, для выгона въ поле, посѣщала его мимоходомъ, какъ это было и въ настоящее утро и какъ всегда повторялось по вечерамъ. Нѣсколько запачканныхъ свиней потирались и почесывались о самое то крыльцо, на которомъ сидѣлъ дѣдушка, и хрюкая, лакомились раковыми скорлупами и всякими столовыми объѣдками, которые безъ церемоніи выкидывались у того же крыльца; заходили также и коровы и овцы; разумѣется отъ ихъ посѣщеній оставались неопрятные слѣды; но дѣдушка не находилъ ничего въ этомъ непріятнаго, а напротивъ любовался, глядя на здоровый скотъ, какъ на вѣрный признакъ довольства и благосостоянія своихъ крестьянъ. Скоро громкое хлопанье длиннаго пастушьяго кнута угнало посѣтителей. Начала просыпаться дворня. Дюжій конюхъ Спиридонъ, котораго до глубокой старости звали «Спирькой,» выводилъ одного за другимъ, двухъ рыже-пѣгихъ и третьяго бураго жеребца, привязывалъ къ столбу, чистилъ и проминалъ на длиной коновязи, при чемъ дѣдушка любовался ихъ статями, заранѣе любовался и тою породою, которую надѣялся повести отъ нихъ, въ чемъ и успѣлъ совершенно. Проснулась и старая ключница, спавшая на погребицѣ, вышла изъ погреба, сходила на Бугурусланъ умыться, повздыхала, поохала (это была ея неизмѣнная привычка), помолилась Богу, оборотясь къ солнечному восходу, и принялась мыть, полоскать, чистить горшки и посуду. Весело кружились на небѣ, щебетали и пѣли ласточки и касаточки, звонко били перепела въ поляхъ, надсѣдаясь, хрипло кричали въ поляхъ дергуны; подсвистываніе погонышей, токованье и блеянье дикаго барашка неслись съ ближняго болота, варакушки въ запуски передразнивали соловьевъ,—выкатывалось изъ-за горы яркое солнце!... Задымились крестьянскія избы, погнулись по вѣтру сизые столбы дыма, точно вереница рѣчныхъ судовъ выкинула свои флаги; потянулись мужики въ полѣ... Захотѣлось дѣдушкѣ умыться студеной водою и потомъ напиться чаю. Разбудилъ онъ безобразно спавшихъ слугъ своихъ. Повскакивали они, какъ полоумные, въ испугѣ, но веселый голосъ Степана Михайловича скоро ободрилъ ихъ: «Мазанъ, умываться! Танайченокъ, будить Аксютку и барыню,—чаю!» Не нужно было повторять приказаній: неуклюжій Мазанъ уже летѣлъ со всѣхъ ногъ съ мѣднымъ свѣтлымъ рукомойникомъ на родникъ за водою; а проворный Танайченокъ разбудилъ некрасивую Аксютку, которая, поправляя свалившійся на бокъ платокъ, уже будила старую, дородную барыню Арину Васильевну. Въ нѣсколько минутъ весь домъ былъ на ногахъ, и всѣ уже знали, что старый баринъ проснулся веселъ. Черезъ четверть часа, стоялъ у крыльца столъ, накрытый бѣлою браною скатерткой домашняго издѣлья, кипѣлъ самоваръ въ видѣ огромнаго мѣднаго чайника, суетилась около него Аксютка, и здоровалась старая барыня, Арина Васильевна, съ Степаномъ Михайловичемъ, не охая и не стоная, что было нужно въ иное утро, а весело и громко спрашивала его о здоровьѣ: «какъ почивалъ, и что во снѣ видѣлъ?» Ласково поздоровался дѣдушка съ своей супругой и назвалъ ее Аришей; онъ никогда не целовалъ ея руки, а свою давалъ целовать въ знакъ милости. Арина Васильевна разцвѣла и помолодѣла, куда дѣвалась ея тучность и неуклюжесть! Сейчасъ принесла скамеечку и усѣлась возлѣ дѣдушки на крыльцѣ, чего никогда не смѣла дѣлать, если онъ неласково встрѣчалъ ее.

— «Напьемся-ка вмѣстѣ чайку, Ариша!» заговорилъ Степанъ Михайловичъ:—«покуда не жарко. Хотя спать было душно, а спалъ я крѣпко, такъ что и сны всѣ заспалъ. Ну, а ты?» Такой вопросъ былъ необыкновенная ласка, и бабушка поспѣшно отвѣчала, что, которую ночь Степанъ Михайловичъ хорошо почиваетъ, ту и она хорошо спитъ; но что Танюша всю ночь металась. Танюша была меньшая дочь, и старикъ любилъ ее больше другихъ дочерей, какъ это часто случается; онъ обезпокоился такими словами и не приказалъ будить Танюшу до тѣхъ поръ, покуда сама не проснется. Татьяну Степановну разбудили вмѣстѣ съ Елизаветой и Александрой Степановнами, и она уже одѣлась; но объ этомъ сказать не осмѣлились. Танюша проворно раздѣлась, легла въ постель, велѣла затворить ставни въ своей горницѣ и хотя заснуть не могла, но пролежала въ потемкахъ часа два: дѣдушка остался доволенъ, что Танюша хорошо выспалась. Единственнаго сынка, которому было девять лѣтъ, никогда не будили рано. Старшія дочери явились немедленно; Степанъ Михайловичъ ласково далъ имъ поцаловать руку и назвалъ одну Лизынькой, а другую—Лексаней. Обѣ были очень не глупы; Александра же соединяла съ хитрымъ умомъ отцовскую живость и вспыльчивость; но добрыхъ свойствъ его не имѣла. Бабушка была женщина простая и находилась въ полномъ распоряженіи у своихъ дочерей; если иногда осмѣливалась хитрить съ Степаномъ Михайловичемъ, то единственно по ихъ наущенію, что, по неумѣнью, рѣдко проходило ей даромъ, и что старикъ зналъ наизустъ; онъ зналъ и то, что дочери готовы его обмануть при всякомъ удобномъ случаѣ, и только отъ скуки, или для сохраненія собственнаго покоя, разумѣется, будучи въ хорошемъ расположеніи духа, позволялъ имъ думать, что онѣ надуваютъ его; при первой же вспышкѣ все это высказывалъ имъ безъ пощады въ самыхъ нецеремонныхъ выраженіяхъ, а иногда и бивалъ; но дочери, какъ настоящія Еввины внучки, не унывали; проходилъ часъ гнѣва, прояснялось лицо отца, и онѣ сейчасъ принимались за свои хитрые планы, и нерѣдко успѣвали.

Накушавшись чаю и поговоря о всякой всячинѣ съ своей семьей, дѣдушка собрался въ поле. Онъ уже давно сказалъ Мазану: «Лошадь!» и старый бурый меренъ, запряженный въ длинныя крестьянскія дроги или роспуски, чрезвычайно покойныя, переплетенныя частью веревочной рѣшеткой, съ длиннымъ лубкомъ по серединѣ, покрытымъ войлокомъ—уже стоялъ у крыльца. Конюхъ Спиридонъ сидѣлъ кучеромъ въ незатѣйливомъ костюмѣ, то есть, просто въ одной рубахѣ, босикомъ, подпоясанный шерстянымъ, тесемочнымъ краснымъ поясомъ, на которомъ висѣлъ ключъ и мѣдный гребень. Въ предъидущій разъ Спиридонъ ѣздилъ въ такую же экспедицію даже безъ шляпы; но дѣдушка побранилъ его за то, и на этотъ разъ онъ приготовилъ себѣ что-то въ родѣ шапки, сплетенной изъ широкихъ лыкъ; дѣдушка посмѣялся надъ его *шлычкой*, и надѣвъ *полевой* кафтанъ изъ небѣленаго домашняго холста, да картузъ и подославъ подъ себя про запасъ отъ дождя армякъ, сѣлъ на дроги. Спиридонъ также подложилъ подъ себя сложенный въ-трое свой обыкновенный зипунъ изъ крестьянскаго бѣлаго сукна, но окрашенный въ ярко-красный цвѣтъ марены, которой много родилось въ поляхъ. Этотъ красный цвѣтъ былъ въ такомъ употребленіи у стариковъ, что багровскихъ дворовыхъ сосѣди звали «маренниками»; я самъ слыхалъ это прозвище, лѣтъ пятнадцать послѣ смерти дѣдушки. Въ полѣ Степанъ Михайловичъ былъ всѣмъ доволенъ. Онъ смотрѣлъ отцвѣтавшую рожь, которая, въ человѣка вышиною, стояла какъ стѣна; дулъ легкій вѣтерокъ, и синія волны

ходили по ней, то свѣтлѣе, то темнѣе отражаясь на солнцѣ. Любо было глядѣть хозяину на такое поле! Дѣдушка объѣхалъ молодые овсы, полбы и всѣ яровые хлѣба, потомъ отправился въ паровое поле и приказалъ возить себя взадъ и впередъ по воспареннымъ десятинамъ. Это былъ его обыкновенный способъ узнавать доброту пашни: всякая цѣлизна, всякое нетронутое сухое мѣстечко сейчасъ встряхивало качкія дроги, и если дѣдушка бывалъ не въ духѣ, то на такомъ мѣстѣ втыкалъ палочку или прутикъ, посылалъ за старостой, если его не было съ нимъ, и расправа производилась немедленно. Въ этотъ разъ все шло благополучно; можетъ быть и попадались цѣлизны, только Степанъ Михайловичъ ихъ не замѣчалъ или не хотѣлъ замѣтить. Онъ заглянулъ также на мѣста степныхъ сѣнокосовъ и полюбовался густой высокой травой, которую чрезъ нѣсколько дней надо было косить. Онъ побывалъ и на крестьянскихъ поляхъ, чтобы знать самому, у кого уродился хлѣбъ хорошо и у кого плохо, даже паръ крестьянскій объѣхалъ и попробовалъ, все замѣтилъ и ничего не забылъ. Проѣзжая чрезъ залежи и увидѣвъ поспѣвавшую клубнику, дѣдушка остановился и, съ помощію Мазана, набралъ большую кисть крупныхъ, чудныхъ ягодъ и повезъ домой своей Аришѣ. Не смотря на жаръ, онъ проѣздилъ почти до полденъ. Только завидѣли спускающіяся дѣдушкины дроги—кушанье уже стояло на столѣ, и вся семья ожидала хозяина на крыльцѣ. «Ну, Ариша,» весело сказалъ дѣдушка:—«какіе хлѣба даетъ намъ Богъ! Велика милость Господня! А вотъ тебѣ и клубничка.» Бабушка растаяла отъ радости. «На половину поспѣла,» продолжалъ онъ:—«съ завтрашняго дня посылать по ягоды.» Говоря эти слова, онъ входилъ въ переднюю; запахъ горячихъ щей несся ему навстрѣчу изъ залы: «А, готово! еще веселѣе сказалъ Степанъ Михайловичъ:—спасибо;» и не заходя въ свою комнату, прямо прошелъ въ залу и сѣлъ за столъ. Надобно сказать, что у дѣдушки былъ обычай: когда онъ возвращался съ поля, рано или поздно,—чтобъ кушанье стояло на столѣ; и Боже сохрани, если прозѣваютъ его возвращеніе и не успѣютъ подать обѣда. Бывали примѣры, что отъ этого происходили печальныя послѣдствія. Но въ этотъ блаженный день все шло, какъ по маслу, все удавалось. Здоровенный дворовый парень, Николка Рузанъ, сталъ за дѣдушкой съ цѣлымъ сучкомъ березы, чтобы обмахивать его отъ мухъ. Горячія щи, отъ которыхъ Русскій человѣкъ не откажется въ самые палящіе жары, дѣдушка хлебалъ деревянной ложкой, потому что серебрянная обжигала ему губы; за ними слѣдовала ботвинья со льдомъ, съ прозрачнымъ балыкомъ, желтымъ какъ воскъ, соленой осетриной и съ чищенными раками, и тому подобныя легкія блюда. Все это запивалось домашней брагой и квасомъ, также со льдомъ. Обѣдъ былъ превеселый. Всѣ говорили громко, шутили, смѣялись; но бывали обѣды, которые проходили въ страшной тишинѣ и безмолвномъ ожиданіи какой-нибудь вспышки. Всѣ дворовые мальчишки и дѣвчонки знали, что старый баринъ весело кушаетъ, и всѣ набились въ залу за подачками; дѣдушка щедро одѣлялъ всѣхъ, потому что кушанья готовилось въ пятеро болѣе, чѣмъ было нужно. Послѣ обѣда, онъ сейчасъ легъ спать. Вымахали мухъ изъ полога, опустили его надъ дѣдушкой, подтыкали кругомъ края подъ перину; скоро сильный храпъ возвѣстилъ, что хозяинъ спитъ богатырскимъ сномъ. Всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ также отдыхать. Мазанъ и Танайченокъ, предварительно пообѣдавъ и наглотавшись остатковъ отъ барскаго стола, также растянулись на полу въ передней у самой двери въ дѣдушкину горницу. Они спали и до обѣда, но и теперь не замедлили заснуть; только духота и упека отъ солнца, ярко свѣтившаго въ окна, скоро

ихъ разбудила. Отъ сна и отъ жара пересохло у нихъ въ горлѣ, захотѣлось имъ прохладить горячія гортани господской бражкой съ ледкомъ, и вотъ на какую штуку пустились дерзкіе лежебоки: въ непритворенную дверь достали они дѣдушкинъ халатъ и колпакъ, лежавшіе на стулѣ у самой двери. Танайченокъ надѣлъ на себя барское платье и сѣлъ на крыльцо; а Мазанъ побѣжалъ съ жбаномъ на погребъ, разбудилъ, ключницу, которая, какъ и всѣ въ домѣ, спала мертвымъ сномъ, требовалъ поскорѣе проснувшемуся барину студеной браги, и когда ключница изъявила сомнѣніе, проснулся ли баринъ,—Мазанъ указалъ ей на фигуру Танайченка, сидящаго на крыльцѣ въ халатѣ и колпакѣ; нацѣдили браги; положили льду, проворно побѣжалъ Мазанъ съ добычей. Жбанъ выпили по-братски, положили халатъ и колпакъ на старое мѣсто и цѣлый часъ еще дожидались, пока проснется дѣдушка. Еще веселѣе утрошняго проснулся баринъ и первое слово его было: «студеной бражки!» Перепугались лакеи: Танайченокъ побѣжалъ къ ключницѣ, которая сейчасъ догадалась, что первый жбанъ выпили они сами; она отпустила пойла, но вслѣдъ за посланнымъ сама подошла къ крыльцу, на которомъ сидѣлъ уже настоящій баринъ. Съ первыхъ словъ обманъ открылся, и дрожащіе отъ страха Мазанъ и Танайченокъ повалились барину въ ноги, и чтожъ, вы думаете, сказалъ дѣдушка?.. Расхохотался и послалъ за Аришей и за дочерьми, и громко смѣясь, разсказалъ имъ всю продѣлку своихъ слугъ. Отдохнули бѣдняги отъ страха, и даже одинъ изъ нихъ улыбнулся: Степанъ Михайловичъ замѣтилъ и чуть-чуть не разсердился; брови его уже начали было морщиться, но въ его душѣ такъ много было тихаго спокойствія отъ цѣлаго веселаго дня, что лобъ его разгладился и, грозно взглянувъ, онъ сказалъ: «ну Богъ проститъ на этотъ разъ, но если въ другой...» договаривать было не нужно.

Нельзя не подивиться, что у такого до безумія горячаго и въ горячности жестокаго господина, люди могли рѣшиться на такую наглую шалость. Но много разъ я замѣчалъ въ продолженіи моей жизни, что у самыхъ строгихъ господъ прислуга пускалась на отчаянныя проказы. Съ дѣдушкой же моимъ это былъ не единственный случай. Тотъ же самый Ванька Мазанъ, подметая однажды горницу Степана Михайловича и собираясь перестлать постель, соблазнился мягкой пуховой периной и такими же подушками, вздумалъ понѣжиться, полежать на барской кровати, легъ да и заснулъ. Дѣдушка самъ нашелъ его, крѣпко спящаго въ этомъ положеніи, и —только разсмѣялся. Правда, онъ отвѣсилъ ему добрый разъ своимъ калиновымъ подожкомъ; но это такъ, ради смѣха, чтобы позабавиться сюрпризомъ Мазана. Впрочемъ съ Степаномъ Михайловичемъ и не то случилось: во время его отсутствія, выдали замужъ четырнадцати-лѣтнюю дѣвочку, двоюродную его сестру П. И. Багрову, круглую, но очень богатую, сироту, жившую у него въ домѣ и горячо имъ любимую — за такого развратнаго и страшнаго человѣка, котораго онъ терпѣть не могъ. Конечно, это дѣло устроили близкіе родные его сестры съ материнской стороны, но съ согласія Арины Васильевны и при содѣйствіи ея дочерей. Объ этомъ я разскажу послѣ, теперь же возвратимся къ доброму дню моего дѣдушки.

Онъ проснулся часу въ пятомъ по полудни; и, послѣ студеной бражки, не смотря на палящій зной, скоро захотѣлъ накушаться чаю, вѣруя, что горячее питье уменьшаетъ тягость жара. Онъ сходилъ только искупаться въ прохладномъ Бугурусланѣ, протекавшемъ подъ окнами дома, и воротясь, нашелъ всю свою семью, ожидавшую его у того же чайнаго стола, поставленнаго въ тѣни, съ тѣмъ же кипящимъ чайникомъ-самоваромъ, и съ тою же Аксюткою. Накушавшись до сыта любимаго потогоннаго напитка съ густыми сливками и толстыми подру-

мянившимися пѣнками, дѣдушка предложилъ всѣмъ ѣхать для прогулки на мельницу. Разумѣется всѣ съ радостію согласились и двѣ тетки мои, Александра и Татьяна Степановны, взяли съ собой удочки, потому что были охотницы до рыбной ловли. Въ одну минуту запрягли двое длинныхъ дрогъ: на однихъ сѣлъ дѣдушка съ бабушкой, посадивъ промежъ единственнаго своего наслѣдника, драгоцѣнную отрасль древняго своего дворянскаго рода; на другихъ дрогахъ помѣстились три тетки и парень, Николашка Рузанъ, взятый для того, чтобы нарыть въ плотинѣ червяковъ и насаживать ими удочки у барышень. На мельницѣ бабушкѣ принесли скамейку, и она усѣлась въ тѣни мельничнаго амбара, неподалеку отъ кауза, около котораго удили ея меньшія дочери, а старшая, Елизавета Степановна, сколько изъ угожденія къ отцу, столько и по собственному расположенію къ хозяйству, пошла съ Степаномъ Михайловичемъ осматривать мельницу и толчею. Малолѣтный сынокъ то смотрѣлъ, какъ удятъ рыбу сестры (самому ему удить на глубокихъ мѣстахъ еще не позволяли), то игралъ около матери, которая не спускала съ него глазъ, боясь, чтобъ ребенокъ не свалился какъ нибудь въ воду. Оба камня мололи: однимъ обдирали пшеницу для господскаго стола, а на другомъ мололи завозную рожь; толчея толкла просо. Дѣдушка былъ знатокъ всякаго хозяйственнаго дѣла; онъ хорошо разумѣлъ мельничный уставъ и толковалъ своей умной и понятливой дочери всѣ тонкости этого дѣла. Онъ мигомъ увидѣлъ всѣ недостатки въ снастяхъ или ошибки въ уставѣ жернововъ: одинъ изъ нихъ приказалъ опустить на ползарубки,—и мука пошла мельче, чѣмъ помолецъ былъ очень доволенъ; на другомъ поставѣ по слуху угадалъ, что одна цѣвка въ шестернѣ начала подтираться; онъ приказалъ запереть воду; мельникъ Болтуненокъ соскочилъ внизъ, осмотрѣлъ и ощупалъ шестерню и сказалъ: «Правда твоя, батюшка Степанъ Михайловичъ! одна цѣвка маленько пообтерлась.» — «То-то маленько,» безъ всякаго неудовольствія возразилъ дѣдушка: «какъ бы я не пришелъ, такъ шестерня-то бы ночью сломалась,» — «Виноватъ, Степанъ Михайловичъ, не доглядѣлъ.» «Ну, Богъ проститъ, давай новую шестерню, а у старой подтертую цѣвку перемѣнить, да чтобы новая была не толще не тоньше другихъ — въ этомъ вся штука». Сейчасъ принесли новую шестерню, заранѣе прилаженную и пробованную, вставили на мѣсто прежней, смазали, гдѣ надобно, дегтемъ, пустили воду не вдругъ, а по немногу (тоже по приказанію дѣдушки),—и запѣлъ, замололъ жерновъ безъ стука, а плавно и ровно. Потомъ пошелъ дѣдушка съ своей дочерью на толчею, захватилъ изъ ступы горсть толченаго проса, обдулъ его на ладони и сказалъ помольцу, знакомому Мордвину: «чего смотришь, сосѣдъ Васюха? Видишь, ни одного неотолченаго зернышка нѣтъ; вѣдь перепустишь, такъ пшена-то будетъ меньше.» Васюха самъ попробовалъ и самъ увидѣлъ, что дѣдушка говоритъ правду, сказалъ спасибо, поклонился, то-есть, кивнулъ головой, и побѣжалъ запереть воду. Оттуда прошелъ дѣдушка съ своей ученицей на птичій дворъ; тамъ все нашелъ въ отличномъ порядкѣ: гусей, утокъ, индѣекъ и куръ было великое множество, и за всѣмъ смотрѣла одна пожилая баба съ внучкой. Въ знакъ особенной милости дѣдушка далъ обѣимъ поцѣловать ручку, и приказалъ, сверхъ мѣсячины, выдавать птичницѣ ежемѣсячно по полу-пуду пшеничной муки на пироги. Весело воротился Степанъ Михайловичъ къ Аринѣ Васильевнѣ, всѣмъ былъ онъ доволенъ: и дочь понятна, и мельница хорошо мелетъ, и птичница Татьяна Горожана (*) хорошо смотритъ за птицею.

(*) Прозванье Горожаны она имѣла потому, что нѣсколько времени съ молоду жила въ какомъ-то городѣ.

Жаръ давно свалилъ, прохлада отъ воды умножала прохладу отъ наступающаго вечера, длинная туча пыли шла по дорогѣ и приближалась къ деревнѣ, слышалось въ ней блеянье и мычанье стада, опускалось за крутую гору потухающее солнце. Стоя на плотинѣ, любовался Степанъ Михайловичъ на широкій прудъ, какъ зеркало неподвижно лежавшій въ отлогихъ берегахъ своихъ; рыба играла и плескалась безпрестанно; но дѣдушка не былъ рыбакомъ.—«Пора, Ариша, домой, староста, чай, ждетъ меня,» сказалъ онъ. Меньшія дочери, видя его въ веселомъ расположеніи, стали просить позволенія остаться поудить, говоря, что на солнечномъ закатѣ рыба клюетъ лучше, и что чрезъ полчаса они придутъ пѣшкомъ. Дѣдушка согласился и уѣхалъ съ бабушкой домой, на своихъ дрогахъ, а Елизавета Степановна съ маленькимъ братомъ сѣла на другія дроги. Степанъ Михайловичъ не ошибся: у крыльца ожидалъ его староста, да и не одинъ, а съ нѣсколькими мужиками и бабами. Староста уже видѣлъ барина, зналъ, что онъ въ веселомъ духѣ, и разсказалъ о томъ кое-кому изъ крестьянъ; нѣкоторые, имѣвшіе до дѣдушки надобности или просьбы, выходящія изъ числа обыкновенныхъ, воспользовались благопріятнымъ случаемъ, и всѣ были удовлетворены: дѣдушка далъ хлѣба крестьянину, который не заплатилъ еще стараго долга, хотя и могъ это сдѣлать; другому позволилъ женить сына, не дожидаясь зимняго времени, и не на той дѣвкѣ, которую назначилъ самъ; позволилъ виноватой солдаткѣ, которую приказалъ было выгнать изъ деревни, жить по прежнему у отца, и проч. Этого мало: всѣмъ было поднесено по серебряной чаркѣ, вмѣщавшей въ себѣ болѣе кваснаго стакана, домашняго крѣпкаго вина. Коротко и ясно отдалъ дѣдушка хозяйственныя приказанія старостѣ и поспѣшилъ за ужинъ, нѣсколько времени его уже ожидавшій. Вечерній столъ мало отличался отъ обѣденнаго, и вѣроятно, кушали за нимъ даже плотнѣе, потому что было не такъ жарко. Послѣ ужина Степанъ Михайловичъ имѣлъ обыкновеніе еще съ полчаса посидѣть въ одной рубахѣ и прохладиться на крыльцѣ, отпустя семью свою на покой. Въ этотъ разъ нѣсколько долѣе обыкновеннаго онъ шутилъ и смѣялся съ своей прислугой; заставилъ Мазана и Танайченка бороться и драться на кулачки, и такъ ихъ поддразнивалъ, что они, не шутя, колотили другъ друга и вцѣпились даже въ волосы; но дѣдушка, до сыта насмѣявшись, повелительнымъ словомъ и голосомъ заставилъ ихъ опомниться и разойтись.

Лѣтняя короткая чудная ночь обнимала всю природу. Еще не угасъ свѣтъ вечерней зари и не угаснетъ до начала сосѣдней утренней зари! Часъ отъ часу темнѣла глубь небеснаго свода, часъ отъ часу ярче сверкали звѣзды, громче раздавались голоса и крики ночныхъ птицъ, какъ будто они приближались къ человѣку! Ближе шумѣла мельница и толкла толчея въ ночномъ сыромъ туманѣ... Всталъ мой дѣдушка съ своего крылечка, перекрестился разъ-другой на звѣздное небо и легъ почивать, не смотря на духоту въ комнатѣ, на жаркій пуховикъ, и приказалъ опустить на себя пологъ.

LIBRARY OF CONGRESS
00025200196